MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

Tyragetia

Arheologie
Istorie Antică

SERIE NOUĂ

Vol. XVIII [XXXIII], nr. 1

Chișinău
2024

ISSN 1857-0240 Categoria B

MUZEUL NAȚIONAL DE ISTORIE A MOLDOVEI

TYRAGETIA

Colegiul de redacție

Redactor responsabil: dr. hab. Eugen Sava
Secretar de redacție: dr. Aurel Zanoci
Redactori: dr. Claudia Cemârtan, Mariana Balan

Membri: dr. Marius Alexianu (Iaşi); dr. Ana Boldureanu (Chişinău); dr. hab. Nikolaus Boroffka (Berlin); dr. hab. Ion Eremia (Chişinău); dr. hab. Alexander Falileyev (Aberystwyth University Ceredigion); dr. Elena Izbitser (New York); dr. hab. Elke Kaiser (Berlin); dr. Igor Manzura (Chişinău); dr. Eugen Nicolae (Bucureşti); dr. Virgil Nițulescu (Bucureşti); dr. hab. Elena Ploşniță (Chişinău); dr. Elena Postică (Chişinău); dr. hab. Gheorghe Postică (Chişinău); dr. hab. Igor Sapozhnikov (Kiev); dr. Ion Tentiuc (Chişinău); dr. hab. Valentin Tomuleț (Chişinău); dr. hab. Lilia Zabolotnaia (Chişinău).

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialişti în domeniu.
All the papers to be published are reviewed by experts.

Revista „Tyragetia” apare de două ori pe an.
Journal „Tyragetia” appears twice a year.

Manuscrisele, cărțile şi revistele pentru schimb, precum şi orice corespondență se vor trimite pe adresa Colegiului de redacție al „Tyragetiei”: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Manuscripts, books and journals for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorial board of the „Tyragetia”: *Muzeul Național de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989 nr. 121 ”A”, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova*. Tel. (0373+22) 238279, e-mail: tyragetia@starnet.md

Design: Ivan Litsuk, Mihai Sava

Revistă apărută în cadrul subprogramului: „Patrimoniul istorico-arheologic muzeal: sistematizare şi valorificare ştiințifico-culturală” (cifrul: 180101), realizat de Muzeul Național de Istorie a Moldovei.

© Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei

Verum ab Histro oppida Cremniscoe, Aepolium, montes Macrocremni, clarus amnis Tyra, oppido nomen imponens ubi antea Ophiusa dicebatur. In eodem insulam spatiosam incolunt **Tyragetae**; abest a Pseudostomo Histri ostio CXXX.

Plinii Secundi, *Naturalis Historia*, IV, 12 (26), 82

Iar de la Istru înainte se află oraşele Cremniscoe, Aepolium, munţii Macrocremni, vestitul fluviu Tyras, care dă numele şi oraşului, numit odinioară Ophiusa. Tot acolo este o insulă întinsă, locuită de **tirageţi**, la o depărtare de o sută treizeci de mii de paşi de braţul Pseudostomon al Istrului.

Pliniu cel Bătrân, *Istoria naturală*, IV, 12 (26), 82

CUPRINS
(Contents)

I. Studii (Researches)

Mykhailo Videiko
C14 dates and absolute chronology of Cucuteni-Trypillia: what and how do we actually date? (Datele C14 şi cronologia absolută a culturii Cucuteni-Trypillia: ce şi cum datăm de fapt?) 9

Igor Manzura
Rare finds of the paleometal age from the Dniester-Prut interfluve (Descoperiri rare din epoca paleometalică în interfluviul Nistru-Prut) 19

Gheorghe Postică, Ion Tentiuc
Economia banilor cântăriţi în spaţiul carpato-nistrean în secolele IX-XI (contribuţii arheologice) The metal-weight economy in the Carpathian-Dniester area in the 9th-11th centuries (archaeological contributions) 33

II. Materiale şi cercetări (Papers and surveys)

Сергей Коваленко
О граветтоидном облике кремневого инвентаря с многослойной стоянки верхнего палеолита Косэуць (On the Gravettian aspect of flint tools from the Cosăuţi multi-layered Upper Paleolithic site) 61

Елена Избицер
Еще раз об изображениях на сосуде из Броночице (Once again on the images on the vessel from Bronocice) 75

Igor V. Bruyako
Arrowheads from Kartal excavations (Vârfuri de săgeată din săpăturile de la Kartal) 83

Сергей Д. Лысенко, Сергей Н. Разумов, Виталий С. Синика
Погребения позднего бронзового века из кургана 5 группы «Север» у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра (Late Bronze Age graves from barrow 5 of the "Sever" group near Glinoe village on the left bank of the Lower Dniester) 93

Mariana Sîrbu
Un depozit de bronzuri descoperit în apropierea satului Marinici (raionul Nisporeni, Republica Moldova) (A hoard of bronze objects found near the village of Marinici (Nisporeni District, Republic of Moldova) 123

Sergiu Serbinov, Victor Dulgher, Vladimir Chitic, Dumitru Condrea, Aurel Zanoci
Cercetări arheologice de salvare în situl Horodişte „La Cot", raionul Rezina (Rescue archaeological research in the site of Horodişte "La Cot", Rezina district) 133

Denis Topal, Vlad Vornic
Pre-Scythian horse harness from Moldova: new find from Socola (Piese de harnaşament prescitice din Moldova: o descoperire nouă de la Socola) 163

Сергей Скорый
Новая находка бронзового литого шлема эпохи скифской архаики на Кубани (The new find of a bronze cast helmet of the Scythian Archaic period in Kuban) 173

Irina Rusu, Sorin Ignătescu
Noi date despre cetatea din epoca fierului de la Lipnic „La Şanţuri" (New data on the Iron Age fortified settlement of Lipnic "La Şanţuri") 185

Natalia Mateevici, Nicolaie Alexandru, Mihai Ionescu
Un nou lot de ştampile amforice descoperite la Mangalia (Stadionul municipal) (A new lot of amphora stamps discovered in Mangalia (in the area of the Municipal Stadium)..... 197

Kateryna Savelieva
Female terracotta figurines from the Yalta sanctuary of late Roman times (excavations by A.L. Berthier-Delagarde in 1905) (Statuetele de teracotă feminine din sanctuarul de la Yalta din perioada romană târzie (săpături realizate de A.L. Berthier-Delagarde în 1905)..... 211

Николай П. Тельнов, Сергей Н. Разумов, Елена Ф. Тащи, Сергей Д. Лысенко, Татьяна Д. Урсу, Виталий С. Синика
Три венгерских погребения с боевыми ножами в Среднем Поднестровье (Three Hungarian graves with battle knives in the Middle Dniester Region)..... 219

Mariia Videiko
Remains of the pottery kiln from the city of Trepol (Vestigii ale unui cuptor de olar din oraşul Trepol) 241

Ana Boldureanu, Vitalie Burlacu
Cronica descoperirilor monetare (XV). Noi descoperiri monetare de la Orheiul Vechi (I) (Chronicle of coin finds (XV). New coin finds in Old Orhei (I) 249

Alexander Kuzmishchev, Igor Sapozhnikov
Research of Olbia and its surroundings by count Alexey Sergeyevich Uvarov (Cercetarea Olbiei şi a împrejurimilor ei de către contele Alexey Sergeyevich Uvarov) 259

Игорь Сапожников
Древний Днестро-Быкский оборонительный вал: история изучения и картография (Ancient Dniester-Bîc defensive rampart: history of study and cartography)..... 277

Игорь Сапожников
Петроаский клад, Валашское княжество и Одесское общество истории и древностей в 1840-х гг. (Petroasa hoard, Principality of Wallachia and Odessa Society of History and Antiquities in 1840s) 291

Marian Cosac
Department of State Security/Securitatea and archaeological research in Romanian history museums in the '80s of the last century (Departamentul Securităţii Statului/Securitatea şi cercetarea arheologică din muzeele de istorie din România anilor '80 ai secolului trecut)..... 303

III. Discuţii (Discussions)

Vasile Iarmulschi
„Geţi", „daci", „bastarni" şi „scordisci": câteva observaţii cu privire la orizontul de epocă preromană recentă a fierului de la Roşiori-Dulceşti („Geten", „Daker", „Bastarnen" und „Skordisken": einige Bemerkungen zur Siedlung der jüngeren vorrömischen Eisenzeit von Roşiori-Dulceşti) 311

IV. Recenzii și prezentări de carte (Paper and book review)

Gilles Touchais, Sylvian Fachard (dir.), Argos. Les fouilles de l'Aspis. I. Les occupations d'époque historique (VIIIe – IIe siècles av. J.-C.). Études Péloponnésiennes XV. Athènes: École Française d'Athènes, 2022, 919 p. ISBN 978-2-86958-589-8 *(Dumitru Condrea)*..... 319

Andrea Popa, Managementul integrat al patrimoniului mondial în România. Studiu de caz: Frontiera romană în Dacia. Siturile de epocă romană de la Breţcu, Comolău și Boroșneu Mare. Sibiu: Astra Museum, 2023, 279 p. ISBN 978-606-733-361-9 *(Sergiu Matveev)*..... 327

Lista abrevierilor (List of abbreviation)..... 330

Condițiile de publicare în revista „Tyragetia" 332

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal..... 333

Условия для публикации в журнале «Tyragetia» 334

C14 DATES AND ABSOLUTE CHRONOLOGY OF CUCUTENI-TRYPILLIA: WHAT AND HOW DO WE ACTUALLY DATE?

Mykhailo Videiko

Keywords: Cucuteni-Trypillia, absolute chronology, C14, Kyiv laboratory, abnormal dates, pottery, periodization.

What happened?

For a long time, the Cucuteni-Trypillia cultural complex was dated using traditional methods. About 60 years ago, the era of isotopic dating began. Today, the number of dates from the sites of this cultural complex is measured in the hundreds. It seemed that this quantity must inevitably turn into quality. The possibilities of dating and their availability were to open a new era in the work with the archaeological sites of Cucuteni-Trypillia.

Instead, archaeologists got a real headache. Variability of dates within a single settlement or even a single object can now shake faith in stratigraphy and typology. And these are precisely the methods on which the relative chronology of a complex cultural complex was built for more than a hundred years. It has more than 70 local options, types. The relationship between them was carefully built precisely on the archaeological material.

In the last decademore dates have been made for Cucuteni-Trypillia than in the previous 50 years. However, the picture obtained using the latest AMS dates is markedly different from created before. As a result, talks about the "crisis of traditional periodization" of Cucuteni-Trypillia started (Harper et al. 2023).

But in reality, everything is not as hopeless as it seems at first wiev. To understand the current state of affairs, it is worth recalling the history of the introduction of C14 chronology for Cucuteni-Trypillia. And then take a closer look at exactly what and how to date with this method. To understand what is happening in what we can call "the Game of Dates" it may be useful to turn to history. In the history of C14 dating of Cucuteni-Trypillia, it is now possible to distinguish at least three stages.

Stage one: the Beginning

The first stage took place approximately between 1964-1989. It was the time of obtaining the first dates (Passek 1964). The number of dates increased slowly. Confidence intervals of 70-100 years now look just terrible. The dates were not calibrated (Телегін 1985). But at the same time, each new date was rigorously tested by archaeologists. They paid attention to the context of the find, the accompanying material. At the same time, they had considerable experience working with ceramics.

This experience has been measured by decades of working with huge collections. And it was at this time that they improved the existing periodization of Trypillia using traditional methods (Виноградова 1983; Дергачев 1980; Збенович 1980; Мовша 1985; Шмаглій 2001; Круц, Рижов 1985; Рижов 1993; Цвек 1985). The development of this period took into account the achievements of previous studies, as well as the absolute dates of C14 (Videiko 1999). This is how the periodization appeared, the crisis of which will be talked about forty years later. We will remind that the basis for these conversations were AMS dates without thorough consideration of the archaeological context.

The second stage and the sad fate of the Kyiv laboratory

The second stage began in the early 90s. It is related to the activities of the Kyiv laboratory and the financing of dating in international projects. Then, for the first time, bones began to be used en masse as samples for dating of sites (Kovalyukh, Videiko, Skripkin 1995). A method of using pottery sherds as samples was also developed (Ковалюх, Скрипкін, Відейко 2007). All this helped to increase the number of available samples. Large series of dates have been made for Tryplia culture sites of differnt periods (Szmyt 1999; Szmyt, Cherniakov 2000; Videiko 2003; Videiko, Petrenko 2003; Відейко, 2005). When working with dates, mathematical methods were used (Kadrow 1995).

At this time, there was a transition from conventional to calibrated dates (Відейко 1989). This changed the absolute chronology of Cucuteni-Trypillia. The then established limits of approximately 5000-3000 BC still remain unchanged. The absolute chronology was generally agreed with the archaeological periodization (Бурдо, Відейко 1998; Відейко 2003; Відейко 2004; Kotova, Videiko 2004). Dating was not so massive when compared to the last decade. However, even then there were more cases when C14 dates did not correspond to archaeological realities.

Some dating anomalies discovered at that time were quite "global" and did not concern only Cucuteni-Trypillia. Let's remember at least the reservoir effect. But this problem was solved then. Other anomalies in the dates never found a scientific explanation at the time. Even then it became clear that certain standards are needed in the selection of samples, both in terms of quality and quantity. It was clearly visible how the dates made using charcoal and bone differ. The difference in the dating of samples from different parts of the skeleton could be no less. Variations in the dates obtained from different species of animals were noticeable.

But then, instead of putting order in the selection of samples and looking for a scientific explanation for the anomalies, the Kyiv laboratory was blamed for these anomalies. In the archaeological literature, "Kyiv dates" have become almost synonymous with low quality. At the same time, they were contrasted with the dates of other European laboratories (Гаскевич, 2014).

The problem of "Kyiv dates" disappeared due to the cessation of dating of Cucuteni-Trypillia samples in this laboratory around 2010. Note that then dating stopped simply due to lack of funding.

"The Great Game of Dates": causes and consequences

The third stage in the C14 dating of Cucuteni-Trypillia started after 2010. Then a number of large-scale international research projects began on the territory of Romania, Moldova and Ukraine. They involved archaeologists from Great Britain, Germany, Poland, Romania, Moldova and Ukraine (Gaydarska 2020; Muller, Videiko 2016; Rybicka et al. 2020; Shatilo 2021). Each project provided for large-scale C14 dating. Along with the new projects, many new researchers came to the archeology of Sucuteni-Trypillia. They had to get acquainted with the periodization of Cucuteni-Trypillia and massive finds of ceramics already in the process of research. Such a combination of opportunities and experience could not fail to have certain consequences.

The scale of the planned C14 dating was different. In the case of the Nebelivka and Mayanetske mega-sites, there were dozens of datings (in the future, more than a hundred) (Millard 2020; Muller et al. 2016). For some other projects, the number of dates for individual sites was within a dozen (Rybicka et al. 2020; Krol, Rybicka 2022; Shatilo 2021). All dates were ordered from European laboratories. Among the main performers, as can be seen from the publication of dates, were laboratories in Oxford, Poznań and Gliwice.

Animal bones were mainly used as samples during this period. In some cases, grain, coal, pottery and burnt plaster of buildings were dated. Already at this stage, archaeologists became dependent on the quality of the samples. This happened due to the decision to reconstruct the internal chronology of mega-settlements.

To implement this decision, it was necessary to take samples from dozens of structures located in different parts of huge settlements (Nebelivka — 238 ha, Maidanetske — about 200 ha). It was physically impossible to excavate many dozens of houses or pits in several field seasons. And then it was decided to take samples using test trenches with sizes from 1.0×1.0 to 1.0×6.0 m (Gaydarska, Nebbia, Chapman 2020). The number of bones from such trenches was minimal. Therefore, it was necessary to date what was found.

The task was accomplished and archaeologists managed to obtain a significant number of dates. And here it suddenly turned out that dates from one settlement span from 200-400 to 600 or more years. Even the application of mathematical methods for processing definitions did not make it possible to narrow this range (Millard 2020; Muller et al. 2022).

It turned out to be difficult to compare the obtained results with archaeological realities (fig. 1). Firstly, the number of finds of pottery from small test-trenches was insignificant. In the same way, the number of dishware forms discovered at the same time, which could be identified, turned out to be small (fig. 1/C, D). The difference between the number of finds in shafts, pits and among the remains

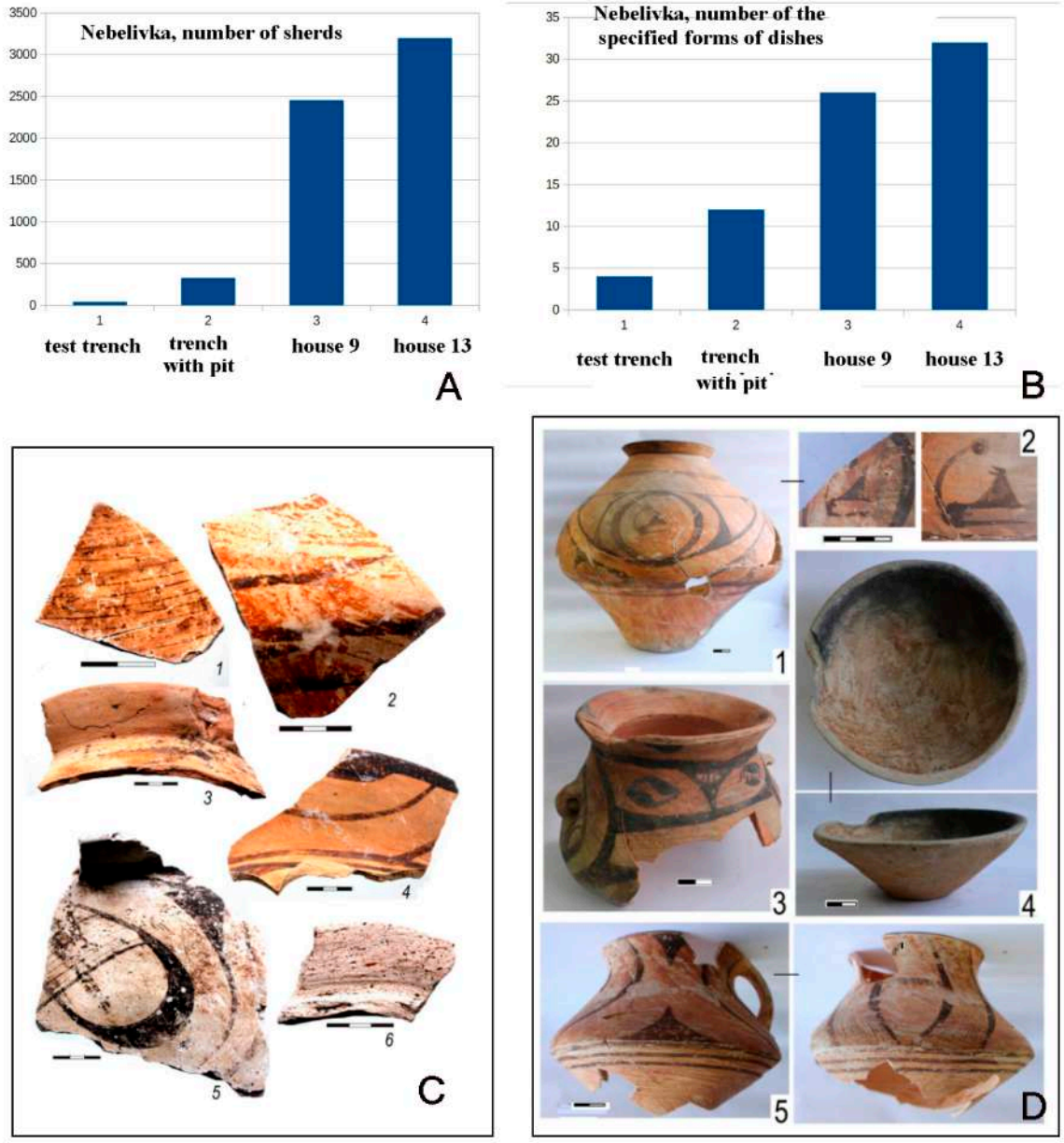


Fig. 1. Nebelivka, stage B2 of Trypillia (4050-3950 BC): statistics on excavated objects and samples of pottery finds: A - statistics by fragments; B - statistics by identified forms of dishes; C - finds from the test trench; D - finds from house N-17.

of houses looks impressive on the example of excavations in Nebelivka (fig. 1/A, B). Such a difference excludes not only reliable statistical calculations. It excludes a normal comparison of ceramics as a whole. The probability of finding exactly those that would confirm another anomalous date among a dozen ceramic fragments is also insignificant. Here are the problems that arose with the overly "long chronology" of the megasite, which is based on C14 dates on the example of Nebelivka. Yes, a version was recently proposed according to which this settlement existed between 4040-3500 BC. It is based on the mathematical processing of about a hundred already published dates (Muller et al. 2022). This means that the history of this settlement is 540 years old.

Fig. 2. Maidanetske, Trypillia C1 stage (3800-3630): samples of pottery.

From the point of view of archaeological periodization of Trypillia Culture, this covers stages B2, C1 and the beginning of C2. At first wiev, there is nothing impossible in this. But this statement must be supported by archaeological evidence. This means that archeologists should have found certain pottery samples in sites dated to the appropriate time. There are no problems with stage B2. Without exception, all finds of ceramic dishes published so far are attributed to this period (fig. 1). However, the ceramics of the C1 and early C2 stages are not represented at all in the objects from which the samples were taken.

For phase C1, large collections of ceramics were obtained from this region. About 40 objects have been fully investigated in Maidanetske, more than 60 in Talianky. These two sites are located up to 30 km from Nebelivka. In the case of their coexistence (which is precisely what the 540-year-old history based on C14 dates suggests), there should have been an exchange of pottery samples. The difference between these products is clearly visible (fig. 2). Even more noticeable is the difference between Nebelivka pottery and Kosenivka-type sites, which present the beginning of the C2 stage in the region (fig. 3).

This situation can be explained by the lack of contacts between neighbors due to constant enmity. But this argument does not seem satisfactory. Quite a lot of ceramic products identified as "imports" were found in Maidanetske. They come from several local groups of the Trypillia culture: Chechelnyk, Petreni, Brînzeni (Шмаглий, Видейко, 2001-2002, рис. 41-44). They are all located much further from Majdanetskyi than Nebelivka.

This is important because in the completely excavated objects in Nebelivka there are no finds of this kind at all. The fact that researchers, publishing exotic versions of the "long history" of the mega-site, did not look for explanations in archeology. This is the presence of experience in working with local ceramic materials. The same applies to topics about the relationship in time of different local groups of Tripillia Culture (Harper et al. 2023, fig. 4).

Previously, similar anomalies in C14 were explained by unreliable "Kyiv dates". And the Kyiv laboratory worked with samples from the same settlements as the others. If so, then it's time to start talking about anomalous dates for Cucuteni-Trypillia from 2012-2019 done at

Fig. 3. Kosenivka local group, beginning of Trypillia stage C2 (3630-3500 BC), samples of pottery.

Oxford, Poznań, Berlin, Gliwice. If we add anomalies in the dating of human bones, which are made when studying DNA (Сохацький та ін. 2007, etc.), then this list of "bad laboratories" will have to be extended to the American continent.

But are these labs to blame? They are forced to work with the samples they received from archaeologists. The real reason may lie in the selection of materials for dating. The published dates for Nebelivka contain sufficiently complete information about the samples used. Animal bones, coal (including charred plant grains), ceramics were used (Millard 2020). In addition to several unidentified species, about 16 types of bones from different parts of the skeleton of domestic and wild animals got to the laboratories. The charred remains are represented by three different types of plants.

If you look at this picture, the question arises, what exactly was investigated in this case. This list of specimens would decorate a special study about the life of animals and plants about six thousand years ago. Special research in this direction has already given very interesting results regarding the diet of domestic animals (Makarewicz et al. 2022), or the use of organic fertilizers in the cultivation of cereals (Schlütz et al. 2023). But no, we are still talking about studying the chronology of an ancient site. Then the question arises: what was actually studied in the laboratories? The distribution of samples between different laboratories and its possible consequences also need a separate study.

What we can do about it

Perhaps the above in relation to the selection of samples is the first explanation for the anomalous dates. Such a situation can hardly be considered normal. Is it possible to do something about it? The answer is: probably, yes, maybe.

First of all, both the procedure for selecting samples for dating and the work with the archaeological context should be improved. I don't mean the depth at which the sample was found, there is no problem with that. Information about the sample must include information about the accompanying material. And this material should be enough for comparison. It follows from the above that the practice of extracting samples from small test trenches should be stopped. It is worth setting standards for the type of sam-

ples. These must be bones of a certain species of animal. And these bones must belong to a certain part of the skeleton. This will make it possible to investigate and compensate for deviations, as is done with the reservoir effect. The same is true of human bones.

Geological features of the territory also are important. The Cuciteni-Trypilla settlements are located in different geological conditions. In the territory of their distribution there are sedimentary and volcanic rocks. Related anomalies should also be investigated by specialists. Solving problematic issues with samples requires joint research by archaeologists and laboratory specialists. It is worth abandoning the practice of using dates based on samples from small trenches. First, it is difficult to standardize these samples by species of animals, parts of the skeleton. Secondly, the test trenches do not provide enough pottery finds to verify the C14 dating results.

In order to investigate the real situation, it is necessary to start dating only fully investigated objects. It can be the remains of buildings, pits. It is from here that it is possible to obtain both a standard set of samples and large series of findings for comparison. For each object, it is possible to carry out a series of dates on all possible types of samples. Comparing the results can bring researchers closer to understanding the phenomenon of anomalous dates. Only after such research will it make sense to order tens or hundreds of dates. At the same time, the risks of false conclusions regarding the absolute chronology of Cucuteni-Trypillia and archaeological periodization will be minimized.

It would be true if the standards of sample selection were established by the joint efforts of archaeologists and representatives of laboratories. What will be the interest of the laboratories, the question arises. The interest is simple: whoever finds a conscious explanation for anomalies and explains what to do with them, will have a chance to get many customers and their money in addition to scientific laurels.

Archaeologists who are currently investigating the chronology of Cucuteni-Trypillia and dealing with anomalous dates are faced with a choice. They can blame the laboratory for all problems. They can continue to create exotic variants of chronology (Nebbia et al. 2018) and talk about the “crisis of traditional periodization” of Cucuteni-Trypillia (Harper et al. 2023) or to do both this things. But a real study of the problem for all participanted in this process may look more interesting and promising.

Bibliography

Harper et al. 2023: T.K. Harper, A. Diachenko, S.N. Ryzhov, Y. Rassamakin, L.R. Eccles, D.J. Kennett, E.V. Tsvek, Assessing the Spread of Eneolithic Agricultural Communities in the Forest-Steppe of Ukraine using Ams Radiocarbon Dating. Radiocarbon 65, 2023, 643-663.

Gaydarska 2020: B. Gaydarska (ed.), Early Urbanism in Europe: The Trypillia Megasites of the Ukrainian Forest-Steppe (De Gruyter Open Poland 2020).

Gaydarska, Nebbia, Chapman 2020: B. Gaydarska, M. Nebbia, J. Chapman, The Test Pits. In: B. Gaydarska (ed.), Early Urbanism in Europe: The Trypillia Megasites of the Ukrainian Forest-Steppe (De Gruyter Open Poland 2020), 214-227.

Kadrow 1995: S. Kadrow, The absolute chronology of the Sofievka type in the light of “Wiggle matching” analysis. Baltic-Pontic Studies 3, 1995, 141-147.

Kovalyukh, Videiko, Skripkin 1995: N.N. Kovalyukh, M.Yu. Videiko, V. Skripkin, The absolute chronology of the Sofievka – type cemeteries. Baltic-Pontic Studies 3, 1995, 140-146.

Kotova, Videiko 2004: N.S. Kotova, M.Yu. Videiko, The absolute chronology of Ukraine in Eneolithic. In: (Eds. B. Hänsel, E. Studenikova) Zwischen Karpaten und Aegaeis. Neolithikum und ältere Bronzezeit. Gedenkschrift für Viera Nemejcova-Pavukova. Internationale Archaeologie. Studia honoria 21 (Rahden/Westfalen 2004), 121-134.

Krol, Rybicka 2022: D. Król, M. Rybicka, Chronologia radiowęglowa stanowisk grupy Gordineşti kultury Trypolskiej z północnej Mołdawii I Zachodniej Ukrainy. Archeologia Polski 68, 2022, 9-30.

Makarewicz et al. 2022: C.A. Makarewicz, R. Hofmann, M.Y. Videiko, J. Müller, Community negotiation and pasture partitioning at the Trypillia settlement of Maidanetske. Antiquity 96, 2022, 831-847.

Muller, Videiko 2016: J. Müller, M. Videiko, Maidanetske: New Facts of a Mega-Site. In: (Eds. J. Müller, K. Rassmann, M. Videiko) Trypillia Mega-sites and European Prehistory: 4100-3400 BCE (London 2016), 71-94.

Millard 2020: A. Millard, 'The AMS Dates. In: B. Gaydarska (ed.), Early Urbanism in Europe: The Trypillia Megasites of the Ukrainian Forest-Steppe (De Gruyter Open Poland 2020), 246-256.

Müller et al. 2016: J. Müller, R. Hofmann, L. Brandstätter, R. Ohlrau, M. Videiko, Chronology and Demography: How Many People Lived in a Mega-site? In: (Eds. J. Müller, K. Rassmann, M. Videiko) Trypillia Mega-sites and European Prehistory: 4100-3400 BCE (London 2016), 133-170.

Müller et al. 2022: J. Müller, R. Hofmann, M. Videiko, N. Burdo, Nebelivka – rediscovered: A Lost City. In: (Eds. M. Dębiec, J. Gorski, J. Müller, T. Saile, P. Wlodarcak), From Farmers to Heroes? Archaeological Studies in Honor of Sławomir Kadrow (Bonn: Habelt 2022), 213-222.

Nebbia et al. 2018: M. Nebbia, B. Gaydarska, A. Millard, J. Chapman, The making of chalcolithic assembly places: Trypillia megasites asmaterialized consensus among equal strangers? World Archaeology 50(1), 2018, 41-61.

Passek 1964: T. Passek, Relations entre l'Europe occidentale et l'Europe orientale à l'époque néolithique. In: VI Congrès International des sciences préhistoriques et protohistoriques (Moscow 1964), 3-20.

Rybicka et al. 2020: M. Rybicka, G. Sîrbu, D. Król, V. Bicbaev, New radiocarbon dates for stage CII Tripolye Culture, Northern Moldova. Baltic Pontic Studies 24, 2020, 87-103.

Shatilo 2021: L. Shatilo, Tripolye Typo-chronology: Mega and Smaller Sites in the Sinyukha River Basin (Leiden 2021).

Schlütz et al. 2023: F. Schlütz, R. Hofmann, M. dal Corsoa, G. Pashkevych, S. Dreibrod, M. Shatilo, A. Terna, K. Fuchs, M.Yu. Videiko, V. Rud, J. Müller, W. Kirleis, Isotopes prove advanced, integral crop production, and stockbreeding strategies nourished Trypillia mega-populations. PNAS 120 (52), 2023, 1-10.

Szmyt 1999: M. Szmyt, Tripolye traits in the materials of Central (Polish) group of the globular Amphora culture – a radiocarbon perspective. Baltic-Pontic Studies 3, 1999, 211-220.

Szmyt, Cherniakov 2000: M. Szmyt, I.T. Chernyakov, Radiocarbon chronology of the "Akkembetskiy kurgan". A preliminary report. Baltic-Pontic Studies 9, 2000, 196-203.

Videiko 1999: M.Yu. Videiko, Radiocarbon dating chronology of the Late Tripolye culture. Baltic-Pontic Studies 7, 1999, 34-71.

Videiko 2003: M.Yu. Videiko, Radiocarbon chronology of settlements of BII and CI stages of the Trypillya Culture at the Middle Dnieper. Baltic-Pontic Studies 12, 2003, 7-21.

Videiko, Petrenko 2003: M.Yu. Videiko, V.G. Petrenko, Radiocarbon chronology of the complexes of the Eneolithic-Early Bronze Age in the Northern Pontic Region, a preliminary report. Baltic-Pontic Studies 12, 2003, 113-120.

Бурдо, Відейко 1998: Н.Б. Бурдо, М.Ю. Відейко, Основи хронології Трипілля-Кукутені. Археологія 2, 1998, 3-14.

Відейко 1989: М.Ю. Відейко, Про абсолютне датування трипільської культури. В кн.: Проблеми історії та археології давнього населения Української РСР (Київ 1989), 40-41.

Виноградова, 1983: Н.М. Виноградова, Племена Днестровско-Прутского междуречья в период расцвета трипольской культуры (Кишинев 1983).

Відейко 2003: М.Ю. Відейко, Нова хронологія Кукутені-Трипілля. В кн.: І.Т. Черняков (ред.), Трипільська цивілізація у спадщині України (Київ 2003), 106-118.

Відейко 2004: М.Ю. Відейко, Абсолютне датування трипільської культури. В кн.: М.Ю. Відейко, Н.Б. Бурдо, С.Н. Ляшко (ред.), Енциклопедія трипільської цивілізації, 1(1) (Київ 2004), 87-97.

Відейко 2005: М.Ю. Відейко, Абсолютна хронологія поселень трипільської культури етапів В II та С I на Середньому Дніпрі. В кн.: В.В. Отрощенко (ред.), На пошану Софії Станіславівни Березанської: Збірка наукових праць (Київ 2005), 52-65.

Гаскевич 2014: Д.Л. Гаскевич, Проблеми радіовуглецевого датування буго-дністровської неолітичної культури. Археологія 4, 2014, 3-17.

Дергачев 1980: В.А. Дергачев, Позднее Триполье (Кишинев 1980).

Збенович 1980: В.Г. Збенович, Періодизація і хронологія раннього Трипілля. Археологія 35, 1980, 3-25.

Ковалюх, Скрипкін, Відейко 2007: М.М. Ковалюх, В.В. Скрипкін, М.Ю. Відейко, Особливості радіовуглецевого датування давньої археологічної кераміки. В кн.: М. Відейко, С. Кот (ред.), Трипільська культура. Пошуки, відкриття, світовий контекст. До 100-річчя із дня народження О. Ольжича (Київ 2007), 71-78.

Круц 1977: В.А. Круц, Позднетрипольские племена Среднего Поднепровья (Киев 1977).

Мовша 1985: Т.Г. Мовша, Поздний этап трипольской культуры. В кн.: Археология Украинской ССР, 1 (Киев 1985), 223-255.

Круц, Рижов 1985: В.О. Круц, С.М. Рижов, Фази розвитку пам'яток томашівсько-сушківської групп. Археологія 51, 1985, 45-56.

Рижов 1993: С.М. Рижов, Небілівська група пам'яток трипільської культури. Археологія 3, 1993, 101-114.

Сохацький та ін. 2007: М. Сохацький, О. Нікітін, М. Ковалюх, М. Відейко, Перші дослідження ДНК за антропологічними матеріалами трипільської культури із печери Вертеба. В кн.: М. Відейко, С. Кот (ред.), Трипільська культура. Пошуки, відкриття, світовий контекст. До 100-річчя із дня народження О. Ольжича (Київ 2007), 141-146.

Телегін 1985: Д.Я. Телегін, Радіокарбонне і археомагнітне датування трипільської культури. Археологія 52, 1985, 10-22.

Цвек 1999: О.В. Цвек, Особливості формування східного регіону трипільсько-кукутенської спільності. Археологія 51, 1981, 31-45.

Шмаглій 2001: М.М. Шмаглій, Великі трипільські поселення і проблема ранніх форм урбанізації (Київ 2001).

Шмаглий, Видейко 2001-2002: Н.М. Шмаглий, М.Ю. Видейко, Майданецкое – трипольский протогород. Stratum plus 2, 2001-2002, 44-140.

Datele C14 şi cronologia absolută a culturii Cucuteni-Trypillia: ce şi cum datăm de fapt?

Cuvinte-cheie: Cucuteni-Trypillia, cronologie absolută, C14, laboratorul din Kiev, date anormale, ceramică, periodizare.

Rezumat: În ultimul deceniu, pentru cultura Cucuteni-Trypillia au fost obţinute date C14, care depăşesc de câteva ori numărul total, căpătat în ultimii 50 de ani. Cu toate acestea, tabloul obţinut în urma folosirii ultimelor date AMS diferă semnificativ de periodizarea elaborată pe baza materialelor arheologice. Ca urmare, a început discuţia despre o „criză a periodizării tradiţionale" a culturii Cucuteni-Trypillia. Unul dintre motivele anomaliilor poate fi selectarea materialelor pentru datare. De exemplu, pentru datele de la Nebelivka au fost folosite oase de animale, cărbune (inclusiv boabe de plante carbonizate) şi ceramică. Pe lângă mai multe specii neidentificate, laboratorul a primit aproximativ 12 soiuri de oase din diferite părţi ale scheletului animalelor domestice şi sălbatice. Rămăşiţele carbonizate constau din trei specii diferite de plante. Această listă de exemplare ar îmbogăţi un studiu special al vieţii animalelor şi plantelor existente în urmă cu aproximativ şase mii de ani. Studiile speciale în această direcţie au dat deja rezultate foarte interesante în ceea ce priveşte alimentaţia animalelor domestice (Makarewicz et al. 2022) sau utilizarea îngrăşămintelor organice la cultivarea cerealelor (Schlütz et al. 2023). Totuşi, tipul de probe trebuie să fie standardizat în aşa fel, ca oasele să fie de la un anumit tip de animal. De asemenea, ele trebuie să aparţină unei anumite părţi a scheletului. Acest lucru va face posibilă studierea şi compensarea abaterilor, aşa cum se face cu efectul de rezervor. Acelaşi lucru este valabil şi pentru oasele umane. Valorile se bazează pe caracteristicile geologice ale teritoriului. Pentru a investiga situaţia reală, este necesar să înceapă datarea doar a siturilor investigate complet, dar nu a celor cercetate prin sondaje. Astfel, vor fi minimizate riscurile unor concluzii eronate privind cronologia absolută a culturii Cucuteni-Trypillia şi a periodizării ei arheologice.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Nebelivka, Trypillia B2 (4950-3950 a. Chr.). Statistici ale obiectelor excavate şi mostre de descoperiri ceramice: A - statistica fragmentelor; B - statistica formelor vaselor identificate; C - descoperiri dintr-un şanţ de probă; D - descoperiri din locuinţa N-17.

Fig. 2. Maidanetske, Trypillia C1 (3800-3630 a. Chr.). Mostre de ceramică.

Fig. 3. Grupul local Kosenivka, începutul Trypillia C2 (3630-3500 a. Chr.). Mostre de ceramică.

С14 даты и абсолютная хронология Кукутень-Триполья: что и как на самом деле датируем?

Ключевые слова: Кукутень-Триполье, абсолютная хронология, С14, Киевская лаборатория, аномальные даты, керамика, периодизация.

Резюме: В последнее десятилетие дат для Кукутень-Триполья получено на порядок больше, чем за предыдущие 50 лет. Однако картина, полученная с использованием новейших AMS дат, заметно отличается от периодизации, созданной на основе археологических материалов. Как следствие, начались разговоры о «кризисе традиционной периодизации» Кукутень-Триполья. Одна из причин аномалий может быть в селекции материалов для датировки. Например для дат по Небелевке были использованы кости животных, уголь (в том числе обугленные зерна растений), керамика. Кроме нескольких неопределенных видов

в лаборатории попали около 12 разновидностей костей из разных частей скелета домашних и диких животных. Обугленные остатки представлены тремя разными видами растений. Этот список образцов украсил бы специальное исследование о жизни животных и растений около шести тысяч лет назад. Специальные исследования в этом направлении уже дали очень интересные результаты относительно диеты домашних животных (Makarewicz et al. 2022) или использования органических удобрений при культивировании злаков (Schlütz et al. 2023). Следует стандартизировать тип образцов. Это должны быть кости определенного вида животных. Эти кости должны принадлежать к определенной части скелета. Это позволит исследовать и компенсировать отклонения, как это сделано с резервуарным эффектом. То же касается человеческих костей. Значения имеют геологические особенности территории. Чтобы исследовать реальную ситуацию, необходимо начинать датировать только полностью исследованные объекты и отказаться от образцов из шурфов. При этом будут минимализированы риски ошибочных выводов относительно абсолютной хронологии Кукутень-Триполья и археологической периодизации.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Небелевка, Триполье B2 (4050-3950 гг. до н.э.): статистика по раскопанным объектам и образцам керамических находок: A - статистика по фрагментам; B - статистика по выявленным формам блюд; C - находки из пробной траншеи; D - находки из дома N-17.

Рис. 2. Майданецкое, Триполье C1 (3800-3630 гг. до н.э.): образцы керамики.

Рис. 3. Косеновская локальная группа, начало Триполья C2 (3630-3500 до н.э.), образцы керамики.

01.03.2024

Dr. hab. Mykhailo Videiko, Kyiv Metropolitan Borys Grinchenko University, Levka Lukianenka 13b str, Kyiv, Ukraine, https://orcid.org/0000-0003-4873-5092; e-mail: my.videiko@kubg.edu.ua

RARE FINDS OF THE PALEOMETAL AGE FROM THE DNIESTER-PRUT INTERFLUVE[1]

Igor Manzura

Keywords: Eastern Europe, steppe zone, Early Eneolithic, Early Bronze Age, hoards, burial rite, Skelya culture, Maykop culture, Yamnaya culture, Catacomb culture, jadeite axes, flint axes, bronze single-edged knives, bronze razors.

One of the patriarchs of Moldavian archaeology, Gheorghe Cebotarenco, having learned about another interesting find in the Dniester-Prut interfluve, used to repeat: "My dear, Moldova is full of unexpected discoveries". However, the patriarch was only partially right. One of the amazing properties of this space, this "land at the crossroads of all misfortunes", is that any unexpected discovery is quite expected. In this region located since ancient times at the junction of different cultural worlds, crossed by numerous migrations and trade routes, a variety of artifacts brought from near or distant territories or imitating other cultural patterns could be deposited. A clear illustration of this statement is several objects discovered in the current century on the territory of the Republic of Moldova.

Flint axes with an arched butt

The first axe was accidentally found in the town of Vadul lui Vodă in the mid-2000s (fig. 1)[2]. The exact location and conditions are not known. The axe was made of gray, possibly bedded flint (fig. 2; 3). The product has the shape of a high isosceles triangle with a curved butt, and in the cross-section and longitudinal section it has a lenticular shape. Both surfaces of the axe were beaten down and then carefully polished although they retained traces of the original processing. The working edge is sharpened, but one corner and the middle are slightly damaged. The butt is neatly rounded and thinned. Axe dimensions: length – 10.4 cm, maximum width – 6.9 cm, thickness – 1.4 cm.

The second axe was found on the territory of the Republic of Moldova but the exact place and time of the find have not been established. Currently, the find is stored in the funds of the National Museum of History of Moldova. The axe is made of dark-brown high-quality, possibly imported flint (fig. 4). Both surfaces of the tool were beaten down and carefully polished. They still have traces of removal and grooves from polishing. The axe is rather trapezoidal in plan with a rounded butt and working edge. It is lenticular in longitudinal and cross-section. The edge, symmetrical in longitudinal section, is quite badly damaged. Axe dimensions: length – 11.9 cm, maximum width – 6.7 cm, maximum thickness – 1.3 cm.

The third axe, also from the territory of the Republic of Moldova, is kept in a private collection. The conditions and place of discovery have not been established. The axe is made of gray flint (fig. 5)[3]. The surface of the product is carefully polished. In plan, the axe has the shape of an elongated isosceles triangle with a rounded working edge and a butt. Approximate dimensions of the axe: length – 9.0 cm, maximum width – 4.65 cm.

Despite some differences in their shapes and sizes all three objects can be attributed to a specific type of flint axes with a rounded and pointed butt. This type of axes appeared in the steppe zone of Eastern Europe approximately in the middle of the 5th millennium BC and circulated mainly in the ritual sphere as one of the items of burial inventory or as part of hoards. At the same time, until that moment axes, both flint and stone, in general were almost not used in the ritual practice of the steppe Neolithic cultures with the exception of isolated finds at the cemeteries of the Mariupol cultural area in the Northern Black Sea region. A rare exception is the Samara culture in the Volga region, in the burials of which large chopping

[1] The article was elaborated within the research subprogram 18.01.01 "Museum historical-archaeological heritage: systematization and scientific-cultural valorization" at the National Museum of History of Moldova.

[2] I express my sincere gratitude to Alexandr Burian for submitting the find for publication.

[3] I express my sincere gratitude to Valeriu Bubulici for the information about this find. Unfortunately, there is only a photo of the axe.

Fig. 1. Location of the finds on the territory of the Dniester-Prut interfluve.

tools made of stone were contained in significant quantities, especially at the Yekaterinovsky Nos flat cemetery (Королев, Кочкина, Сташенков 2023). The situation in the steppe zone changed dramatically during the early Eneolithic period in the second half of the 5th millennium BC, when the Khvalynsk-Sredny Stog historic-cultural community was formed stretching from the Volga basin to the Lower Danube. Changes in this period affected almost all domains: material culture, economy, technology, social relations, burial rites, including the nature of graves themselves, as well as qualitative and quantitative traits of inventory. It was in the burials of the Eneolithic steppe in the Northern Black Sea region that stone and flint axes and adzes first appeared in fairly large quantities, and hoards consisting of these tools began to be deposited. In this context, axes with an arched butt seem to have had a special meaning acting as an important symbol of social prestige.

All axes in the plan as a rule are distinguished by subtriangular or regular triangular outlines. In longitudinal section, tools of this type have a wedge-shaped or asymmetrical shape which is apparently due to their functional purpose. They are made in the technique of double-sided beating down followed by polishing. Usually, only part close to the edge was polished although specimens with a continuous surface treatment are known. The maximum length of tools does not exceed 14-15 cm, and the thickness is usually 1.0-1.5 cm.

Dmitry Telegin noted that flint axes with an arched butt are correlated with the Eneolithic Sredny Stog culture and do not find direct analogies in the materials of synchronous cultures of Eastern Europe. According to the researcher their appearance is historically related to the traditions of local flint processing of the Neolithic period (Телегін 1973, 62). Subsequently, D. Telegin attributed such axes to the Novodanilovka culture, and placed the center of their origin in the Seversky Donets basin and in the Dnieper region. Here, as the researcher believed, during the early

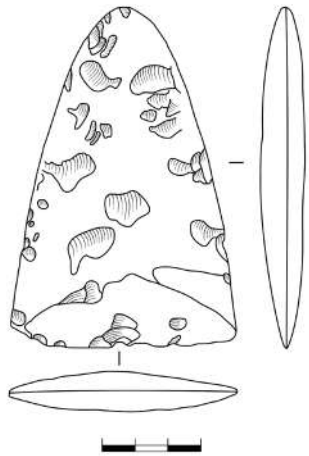


Fig. 2. Flint axe from Vadul lui Vodă. Stray find (drawing).

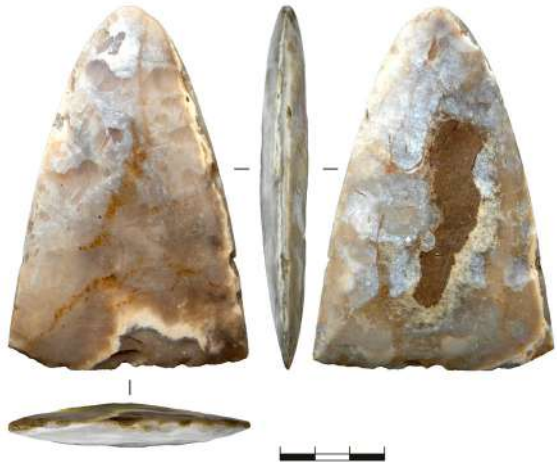


Fig. 3. Flint axe from Vadul lui Vodă. Stray find (photo).

Fig. 4. Flint axe from the territory of the Republic of Moldova. Stray find.

Fig. 5. Flint axe from the territory of the Republic of Moldova. Stray find.

Eneolithic period there was a mobile group of skilled craftsmen working with flint who spread their products over vast territories, right up to the Balkans and the Carpathian Basin (Телегин 1985, 318-319). Indeed, the Seversky Donets basin could be one of the main production centers judging by the concentration of hoards and burials with axes in this region as well as the presence of high-quality flint raw materials (Колесник 2018).

In all likelihood, D. Telegin was partly right in believing that these tools do not show clear parallels in the flint implements of the synchronous cultures of Eastern Europe. It is also difficult to detect any similar forms of flint products among the tools of the Neolithic and Chalcolithic cultures of South-Eastern, Central and Western Europe. At the same time, in terms of its morphological characteristics and careful manufacturing, this type of tool actually looks like a somewhat alien phenomenon in the area of steppe groups, which makes it possible to look for its origins in a different cultural milieu.

In this regard, a series of flat axes and adzes made of jadeite and similar volcanic rocks (eclog-

ite, omphacite, serpentine) distributed over vast European territories during the developed Balkan Chalcolithic period (second half of the 5th millennium BC) attracts attention (Pétrequin et al. 2017a, fig. 1). The centers for the production of jadeite axes are located in Piemont (Southwestern Alps), in the Monte Viso mountain range and, to a lesser extent, in Monte Beigua located at an altitude of 1700-2400 m above sea level. From here, finished tools or semi-finished products were transported over vast distances, up to 1,700 km ending up in various cultural environments, where they could be transformed into typologically different samples, for example, into large "Carnac style" axes in Brittany.

Jadeite axes are distinguished by significant typological diversity and sizes, from miniature specimens used for various household needs to almost half-meter items that did not have any utilitarian functions and were circulated exclusively in the sphere of prestige and gift relations including for ritual purposes (Pétrequin et al. 2012a, 594-598, fig. 20). The value of such axes appears to have been enormous, given the rarity, even exoticism, of the material, the aesthetic qualities and the very high added value when taking into account the significant logistical costs and incredible labor costs. Suffice it to say that the manufacture of one large axe from such a hard rock as jadeite with careful grinding and polishing could take according to experimental data up to 1000 hours (Pétrequin et al. 2013, 71).

In the first half of the 5th millennium BC jadeite axes appear in the Eastern Balkans where they are deposited in a variety of contexts: settlements, burials and hoards. This period corresponds to the late Neolithic or early Chalcolithic, depending on the periodization scheme adopted in a particular region. At the archaeological sites of this time, various types of tools were discovered which differ markedly in dimensional characteristics but relatively small axes of the Varna type are of particular interest (Pétrequin et al. 2012b, fig. 26). They are distinguished by their subtriangular shape, wedge-shaped or asymmetrical longitudinal section. Such axes in particular were discovered in the burials of the Hamandgia culture at the Varna II and Durankulak cemeteries (Pétrequin et al. 2012b, 1240-1245, fig. 8; 9; 12). Similar items have also been identified in some other cultural areas of South-Eastern Europe, for example in the burials of the Lengyel culture (Biró et al. 2017, 456-459, fig. 19-23) and even in Anatolia (Sørensen et al. 2017, fig. 3; 4).

The use of jadeite axes of the Varna type in the ritual sphere continued in the second half of the 5th millennium BC. Thus, two such axes (one with a broken butt) were found in one of the richest burials 43 of the Varna culture at the Varna I cemetery (Pétrequin et al. 2012b, 1243-1245, fig. 10; 11). One triangular axe comes from burial 1 of the Suvorovo group at the Fălciu cemetery (Pétrequin et al. 2017b, 480, fig. 14/1). Similar tools are also found in settlement contexts of the Gumelniţa A2 culture although some of them were most likely made from other types of stone, in general, quantitatively inferior to other morphological types (Klimscha 2016, Taf. 44/278; 63/258; 78/278; 80/210, etc.). At this time, jadeite axes, including the Varna type, began to spread in the northeast direction where they were found at the settlements of the Precucuteni III-Trypillya A2 and Cucuteni A-Trypillya BI cultures (Pétrequin et al. 2017b, 478-480). Their appearance in this cultural area apparently indicates the significant influence of the Eneolithic cultures of the Balkan circle on neighboring eastern communities. Such influence could be expressed in various forms.

One can notice the obvious similarity between Varna-type jadeite axes and flint axes from steppe burials and early Eneolithic hoards. This similarity is manifested in morphological characteristics, size, and careful manufacturing. In fact, we can talk about one morphological type embodied in different materials and geographically delimited due to the peculiarity of the raw materials. In this regard, apparently it can be assumed that European jadeite axes could serve as a kind of prototype for steppe specimens as objects of a special prestigious character. In both cases, these items were circulated primarily in the ritual sphere, acting, along with other prestigious items, as symbols of high social status. The use of these valuable items primarily in the funeral rites of the steppe cultures of the Northern Black Sea region apparently may indicate the perception by the local population of some ideas about the symbolism of social prestige practiced among early farming cultures. A good illustration of this can be seen in a pair of axes of the same type, made of flint and jadeite, discovered in burial 1 at the Fălchiu cemetery on the right bank of the Lower

Prut River (Pétrequin et al. 2017b, fig. 14/1, 3). Noteworthy is the very high level of processing of the flint axe with a completely polished surface. Such efforts clearly indicate that the tool was most likely intended for ceremonial rather than utilitarian purposes.

At the same time, a partly similar and quite impressive series of stone triangular axes was identified in the North Caucasus, in the settlements of the Darkveti-Meshoko culture (according to V. Trifonov) or the culture with pricked pearl pottery (according to S. Korenevsky), the emergence of which dates back to middle of the 5th millennium BC (Формозов 1965, 108-110, рис. 53). Unlike axes of the Varna type, these tools as a rule are distinguished by more elongated proportions and greater thickness (Столяр 2009a, 18, рис. 21-23; Столяр 2009b, 108, рис. 24/9, 10). Some axes of this type could also be found in early Eneolithic burials in the steppe Ciscaucasia (Nagler 1996, 18, Taf. 107/1).

However, in terms of their characteristics flint axes with a rounded butt from the Northern Black Sea region are more consistent with the Balkan jadeite axes of the Varna type. This similarity allows us to assume that their appearance in the Eneolithic cultures in the south of Eastern Europe in all likelihood was one of the obvious manifestations of the significant influence of the early farming cultures of the Carpathian-Balkan region. However, this influence in the early Eneolithic is believed to have been expressed in many other forms (Kotova 2016). In particular, the impact on the steppe cultural milieu could be carried out through direct imports in the form of clay vessels, ornaments from exotic Mediterranean shells, copper objects and raw materials which could reach the most remote regions, extending all the way to the Lower Volga region and the North Caucasus.

Established direct or indirect contacts between the inhabitants of the steppe territories and the farming communities of South-Eastern Europe led to the transfer of advanced technologies for that time to the east, focused primarily on prestigious consumption. Such innovations in particular manifested themselves in the domain of flint processing, when the technique of splitting raw materials began to focus on obtaining wide blades more than 12 cm long, from which a wide range of different tools of new shapes were produced (Бритюк 2006, 16-17). In line with these technological innovations, one should consider the appearance of a fairly standardized series of triangular flint axes, which could well imitate Balkan samples made of jadeite and other types of stone. Like the super-blades, these items were primarily circulated in the ritual sphere.

Another example of the influence of farming cultures in the domain of technology of course can be considered metalworking production, which arose in the steppe zone in the middle of the 5th millennium BC. On the territory of the Northern Black Sea region and the Lower Volga region, two relatively independent centers of copper processing were formed, the functioning of which was based on imported Balkan raw materials. Here, they developed their own technological methods, which were clearly inferior to advanced Balkan standards, but apparently were fully consistent with local needs (Рындина 1998, 168-170).

Behind the material embodiment of the influence of early farming cultures on the cultural groups of the steppe zone, a rather strong influence in the field of ideology could also be hidden, primarily in terms of the symbolic expression of ideas about social prestige and the principles of social differentiation. In other words, attributes of social status began to take root in the steppe environment, which were accepted in the symbolic repertoire of the early farming cultures of the Carpathian-Balkan region and the Cucuteni-Trypillia area. Moreover, it is significant that we are talking not only about individual types of objects that copy the corresponding Balkan or Trypillia samples, but also about certain combinations of grave goods from the steppe burials, which repeat the composition of funeral sets and hoards in the farming cultures of South-Eastern Europe (Manzura 2005, 320).

The close relationship between the Carpathian-Balkan and steppe regions can be evidenced by the events of the subsequent period, when the sudden collapse of highly developed agricultural communities in the Eastern Balkans immediately affected the vast steppe territories, where the practice of rich burials also suddenly ceased and the trajectory of cultural development changed quite sharply. Along with these changes, axes with an arched butt as a symbol of certain cultural unity in the early Eneolithic also disappear from use.

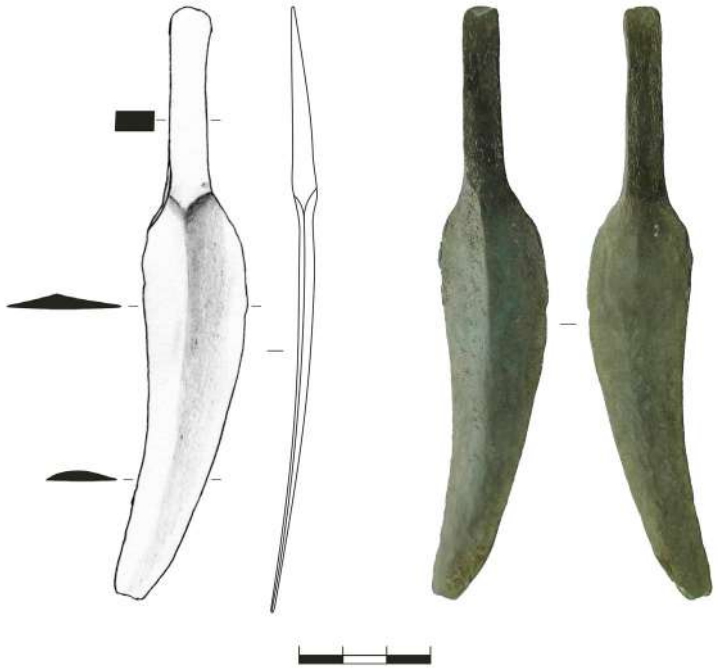


Fig. 6. Metal razor-knife with a curved point from Cigîrleni. Stray find.

Metal knife with a curved point

One of the rare finds, of course, is a metal knife accidentally discovered in 2005 near the village of Cigîrleni, Ialoveni district, Republic of Moldova (46°46'07.40" N, 28°47'56.15" E) (fig. 1). The exact conditions of the find are unknown. The knife is most likely made of bronze (fig. 6). The item appears to have been cast in a single-sided mold and then forged. The blade has an elongated leaf-shaped shape with sloping, slightly asymmetrical shoulders and an arched tip, triangular in cross-section. Both edges are sharpened. The tang is narrow, rectangular in cross-section, with a forged end. Knife dimensions: length – 13.6 cm, maximum blade width – 2.5 cm, maximum blade thickness – 0.37 cm, tang width – 0.9 cm, tang thickness at the base – 0.5 cm.

Knives of this type are known in relatively small numbers. At present, more than 30 items from the late Eneolithic and Early Bronze Age have been discovered in Eastern, South-Eastern and in part of Central Europe. In addition, a whole series of curved knives were uncovered in the Aegean. In the east, such knives are mainly concentrated in the steppes of the Ciscaucasia, in the basin of the Lower Don and the Seversky Donets Rivers, where they are found mainly in the burials of the Yamnaya, Novotitorovskaya and Catacomb cultures of the Early Bronze Age. At the same time, the earliest finds of knives with a curved point are associated in this region with the burials of the Maykop culture. They come from graves near the villages of Makhoshevskaya and Novolabinskaya (Мунчаев 1975, 253, рис. 50/14; Трифонов 1991, 107, рис. 6/15) (fig. 7/4, 15). In other areas of Eastern Europe, only isolated finds are evidenced.

In the west, probably the earliest finds come from layers of the Gumelniţa B_1 culture at Căscioarele and Cucuteni B culture at settlements in Cucuteni and Ghelăieşti-Nedeia (Mareş 2002, 203, 223, 238, pl. 53/1, 2, 9) (fig. 7/1, 10, 24). Knives from the settlements of the Mondsee culture north of the Alps date back to about the same time (Willvonseder 1968, 215, 339, Taf. 21/3; 23/8-10; Ottaway 1982, 45, fig. 10/m). Similar bronze tools from the settlements of the Proto-Boleráz and Boleráz cultures in Hungary are possibly dated from a slightly later period (Virág 1999, fig. 2/1a-1b; Horváth 2002, 18, Abb. 1) (fig. 7/25, 26). A somewhat similar curved knife was found in burial 7 at the cemetery of the Boleráz culture in Balatonlelle-Felső Gamász, but it has a triangular (?) tang with rivet holes (Nagy 2010, 439, Abb. 11/8)

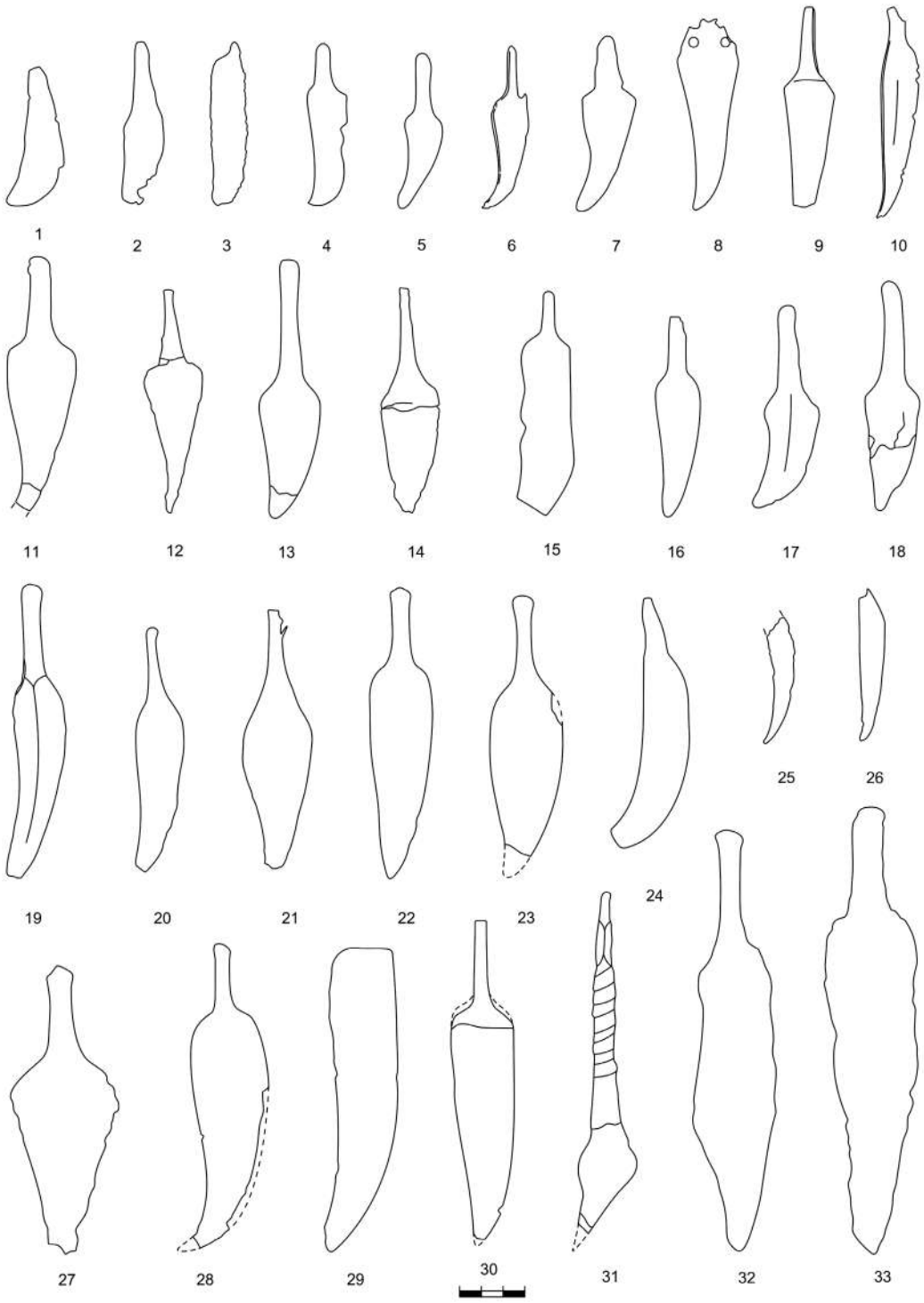


Fig. 7. Bronze knives-razors with a curved point of the late Eneolithic and Early Bronze Age:
1 - Cucuteni; 2 - Zimogore 1/14; 3 - Ampoița; 4 - Makhoshevskaya, grave 6; 5 - Vodyano-Lorino 1/12; 6 - Morkůvki, grave 1; 7 - Ilinsky-1 6/9; 8 - Balatonlelle-Felső Gamász; 9 - Pervomaysky 2/2; 10 - Ghelăiești-Nedeia; 11 - Orlovsky I 1/4; 12 - Skvortsovka 5/4; 13 - Kalinovka 1/15; 14 - Krivaya Luka 1/14; 15 - Novolabinskaya 3/1; 16 - Chogray VIII 12/3; 17 - Ergeni 2/1; 18 - lake Staroe 14/22; 19 - Cigîrleni, stray find; 20 - Timashovsk 1/30; 21 - Bryukhovetskaya 5/9; 22 - Zhelobok 3/9; 23 - Zimogore 2/9; 24 - Căscioarele; 25 - Sármellék-Égenföld; 26 - Csongrád-Bokros; 27 - Vostochny Manych-Levy Bereg III (1966) 16/5; 28 - Svatovo 12/1; 29 - Căzănești; 30 - Malaya Kamenka VI 13/1; 31 - Tsagan Usn VIII 1/3; 32 - Kastyrsky V 5/5; 33 - Yasyrev I 9/39 (1, 3, 10, 24, 29 - after Mareș 2002; 2 - after Черных 2004; 4 - after Мунчаев 1975; 5, 13, 18 - after Пустовалов 2015; 6 - after Šebela 1999; 7 - after Гак, Калмыков 2013; 8 - after Nagy 2010; 9 - after Рысин 2007; 11 - after Файферт 2014; 12 - after Моргунова и др. 2010; 14 - after Шишлина 2007; 15 - after Трифонов 1991; 16 - after Андреева 1989; 17, 27 - after Гак, Калмыков 2009; 19 - author's drawing; 20 - after Каминский 1993; 21 - after Бочкарев и др. 1991; 22, 23 - after Смирнов 1996; 25, 26 - after Horvath 2002; 28 - after Братченко 2004; 30 - after Щипанова и др. 2024; 31 -after Андреева 2014; 32, 33 - after Кияшко 2002).

(fig. 7/8). These finds of the late Eneolithic may be synchronous with the knives from the burials of the Maykop culture or even be earlier.

Several knives with a curved point in the South-Eastern Europe have been uncovered in later cultural contexts. One knife comes from a burial at Morkůvki in Slovakia related to the Corded Ware culture (Šebela 1999, 105-106, pl. 60/2) (fig. 7/6). Additionally, partially similar knives have been found at the sites of Coţofeni or Glina III cultures (Mareş 2002, 180, 208-209, pl. 53/3, 7). Considering the similarity with eastern samples, the knife from Slovakia along with some other finds in the Carpathian basin is considered as evidence of contacts between the local population and bearers of Yamnaya cultural traditions (Włodarczak 2010, 311; Иванова 2014, 17). At the same time, tools of this type appeared in South-Eastern and Central Europe long before the emergence of the Corded Ware culture, so the knife from Morkůvki may reflect the existence of some earlier metalworking traditions in this region. In addition, some specialists provide more distant parallels for finds from the Carpathian basin, for example from the territory of Syria (Bátora 2006, 20) or the Aegean, especially from Troy I and II (Horváth 2002, 21-24, figs. 2 and 3). Some examples from this region indeed resemble curved knives from South-Eastern, Central and Eastern Europe, but most of them differ in the shape of the tang and the presence of rivet holes.

All bronze tools of this group are united by such traits as a more or less curved point of the blade and a narrow tang although rare specimens with a different shape of a tang are also evidenced (fig. 7/8, 29). At the same time, the shape of the blade in plan has a different configuration: narrow or wide leaf-shaped, triangular or with almost parallel sides, with angular high or rounded and sloping shoulders. The length of the tang in relation to the blade is also different. In most specimens it is about one third of the length of the blade. There are knives where the length ratio is one to two. A unique find can be considered a knife from the burial of the Catacomb culture 1/3 in Tsagan Usn VIII cemetery, in which the length of the tang significantly exceeds the size of the blade (fig. 7/31). Based on the totality of attributes, the knife from Cigîrleni most closely matches the smaller knife from burial 1/30 of the Novotitorovskaya culture near the city of Timashevsk (Каминский 1993, 18, 2/5) (fig. 7/20). The differences lie in the cross-section of the blade, which in the Cigîrleni knife is not flattened-lenticular but triangular in shape (fig. 6).

Taking into account the individuality of knives with a curved blade, it is proposed to distinguish them into a special type of tools with a single-edged blade (Смирнов 1996, 17; Гей 2000, 153; Гак, Калмыков 2009, 109, рис. 1/50-57; Пустовалов 2015, 78, рис. 2/1-5). As a rule both sides of the blade are sharpened although sometimes one edge of the knife can be dull (Файферт 2014, 459, рис. 340) or have a T-shaped profile in section (Mareş 2002, pl. 53/9). Judging by the curved asymmetrical shape, from a utilitarian point of view, in all likelihood, it was more rational to use only one edge. Knives of this type are interpreted as sacrificial (Разумов 2005, 105) or ritual tools that were used to cut plants to prepare a sacred drink (Пустовалов 2015, 78). Some researchers prefer to identify such knives as tanged razors or razor-knives (Мунчаев 1975, 253; Bátora 2006, 20; Рындина, Дегтярева 2018, 324). A single-edged knife from a burial of the early Catacomb culture at the Kastyrsky V kurgan cemetery especially corresponds to this definition and resembles later razors from the Bronze and Early Iron Ages (Кияшко 2002, табл. XXII/12) (fig. 7/32). Narrow single-edged knives with a slightly curved blade, which S. Pustovalov defines as a separate type, are characterized by a somewhat similar shape (Пустовалов 2015, 77-78, рис. 2/15-25). The researcher classifies them as possible surgical instruments. It is possible that these tools form a common functional category with knives with a curved point of the blade and could be used as a razor. At the same time, some of them, for example a knife with a long tongue from Tsagan Usn VIII 1/3 (fig. 7/31), could be really used to perform some surgical operations.

The similarity of the curved knives of the Early Bronze Age of Eastern Europe with some razor-knives of the European Bronze Age, indeed, sometimes looks quite noticeable (Jockenhövel 1980, Taf. 33/627, 628; Gedl 1981, Taf. 16/230; Weber 1996, Taf. 52/574, 575). In the Bronze Age of Central and Western Europe, razors and razor-knives were considered not only as a toilet element of the male subculture, but also as an attribute of a warrior correlating with weapons in burials

(Harding 2008, 192-193). In some cases, razors could be included in cosmetic kits, consisting of tweezers, a spatula for applying makeup, and a point that could be used for tattooing. Razor-knives of a similar shape were later used in the medieval period and were found even in the Dniester-Prut interfluve (Mizgan 2002; Postică, Hîncu 2023, 55/8; 184/2; 191/7 etc.)[4].

In the steppe zone of Eastern Europe, knives with curved blades are sometimes part of fairly rich sets of grave goods. First of all, this applies to the Maykop, Yamnaya and Novotitorovskaya cultures. In burial 6 of the Maykop culture from the barrow near the village of Makhoshevskaya, a razor-knife (fig. 7/5) was discovered along with two daggers, a single-edged axe, two adzes, a chisel, a hook and two awls (Мунчаев 1975, 253). Similar sets, albeit with some variations, were contained in the burials of the Yamnaya and Novotitorovskaya cultures from Svatovo (Братченко 2004, 115-116, рис. 41), Malaya Kamenka VI (Щипанова и др. 2024, рис. 1), Pervomaysky (Рысин 2007, рис. 3), Timashevsk (Каминский 1993, 18, рис. 2). On the other hand, in the burials of the Catacomb and Poltavka cultures, curved knives are found in burials that do not differ in the variety of grave goods. As a rule, they do not have a second knife. A rare exception is the burial 2/9 of the early Catacomb culture from Zimogore, where two narrow-tanged knives were discovered, one with a symmetrical blade and the other with a curved blade (Смирнов 1996, рис. 6/2, 3). Thus, there is a certain difference in the use of knives with a curved point in the burial rites of the Maykop, Yamnaya and Novotitorovskaya cultures, on the one hand, and the Catacomb and Poltavka cultures, on the other. If in the first case they usually form a pair of knives with a symmetrical blade, then in the second case they are found alone.

Taking into account the context of the finds, it is currently difficult to find reliable evidence that single-edged knives were used for sacrificial rituals or medicinal purposes. This is especially noticeable when compared with other types of bladed tools, which could indeed be associated with certain ritual activities. Thus, in the Maykop culture, quite a lot of burials contain two knives which are always of different sizes. At the same time, it cannot be said that the burials were over-equipped with various categories of the same type of grave goods, although such burial complexes are also found and belong to the category of princely or elite complexes, for example, the burial of the Maykop barrow (Piotrovskiĭ 2021) or burial 5/31 near the village of Novosvobodnaya (Rezepkin 2000, 63-67, Taf. 53-59).

In many other burials of this culture, funeral gifts were also very diverse, but the number of objects in each category was calculated in single, in rare cases, two copies. At the same time, the composition of the inventory was relatively clearly structured. Its core consisted of a certain set of bronze tools: one or two knives, a single-edged axe, an adze, a chisel and one or two awls. These sets were often supplemented with other things: pottery, flint and stone tools, various decorations, but the basic composition of the items was maintained especially strictly.

In some burials, knives were associated with the remains of sacrificial animals. Thus, in burial 30/1 in Novosvobodnaya, a wooden dish was discovered on which lay the bones of a ram and a bronze knife (Rezepkin 2000, 60). The same combination of a knife with animal bones is evidenced in some other complexes of the Maykop culture, for example, in burial 1/3 from Kostromskaya-Pogulyaevo (Днепровский, Кореневский, Эрлих 1995, 123-124) and burial 1/25 of the Marinskaya-5 cemetery (Канторович, Маслов, Петренко 2013, 92). Apparently, in this context, some bronze knives can be considered as ritual tools to slaughter a sacrificial animal or distribute its meat for a feast ceremony. Interestingly, some burials with two knives in the Maykop culture also contained bronze hooks and cauldrons, also associated with ritual feasts. In this case, the buried person could act as a sacrificer and distributor of sacrificial food that should correspond to the position of the sacred leader.

It should be noted that in the burials of the Usatovo culture, synchronous with the Maykop culture, paired knives are also found, including in association with sacrificial animals (Manzura 2022, 127). Such burials, elite in nature, contain a wide variety of items made from valuable and exotic materials, the combination of which in structural terms is quite consistent with the burial sets of the most significant burials of the Maykop and Yamnaya cultures and apparently

[4] I express my sincere gratitude to Gheorghe Postică who drew my attention to these analogies.

conveys some ideas of social prestige through similar symbolic means.

In the burials of the Yamnaya and Novotitorovskaya cultures, double-edged knives with a symmetrical blade are usually found in single copies. Only a few graves of the Yamnaya culture with two knives constitute rare exception perhaps (Гак, Калмыков 2013, рис. 5/1, 2; Файферт 2014, 224, 281-282, 335, рис. 163; 208; 245). However, some of these knives have a straight or wide rounded blade tip and are functionally defined as razors (Файферт 2014, 282, 335 рис. 208; 245). In this case, such a pair may correspond to a combination of knives with a curved point of the blade (razor-knife) and knives with a symmetrical blade, which are found in other burials of the Yamnaya culture.

At the same time, a similar custom in the steppe zone begins to be practiced again during the period of the early Catacomb culture. Moreover, in some cases, as in the burials of the Maykop culture, one of the knives is still placed next to the remains of sacrificial animals, usually small cattle or wooden dishes for sacrificial meal. Such a combination was for example uncovered in burial 32 of the Big Ipatovsky Kurgan in the Stavropole region (Кореневский, Белинский, Калмыков 2007, 39), in burials Tsagan Usn IV 1/5 and Ergeni 10/4 in Kalmykia (Андреева, Арапов 2014, 119; Андреева 2014, 52), in Novoselovka 1/9 in the basin of Seversky Donets (Братченко 2001, 9, рис. 23/1). M. Andreeva quite reasonably notes that the position of the knife on a wooden tray, near the bones of small cattle, next to or under a vessel indicates the connection of the tool with a ritual meal. In this case, the attitude of the buried individual to the ceremony of sacrifice is emphasized, and the knife itself acquires the status of a ritual instrument (Андреева 2014, 103).

The noted relationship between a double-edged knife and the idea of sacrifice, in general, can hardly be extended to single-edged knives with a curved blade. In the burials of the Maykop, Yamnaya and Novotitorovskaya cultures, they are often part of fairly rich burial sets, apparently demonstrating the high social status of the buried person. In the absence of anthropological definitions, the nature of the grave offerings seems to clearly indicate the male gender of the deceased. In this case, knives with a curved blade could well be used as a razor, which could be regarded as one of the significant symbols of social prestige.

The finds discussed in the article belong to the category of relatively rare Eneolithic and Bronze Age artifacts of the steppe zone of Eastern Europe. Until recently, they were unknown on the territory of the Dniester-Prut interfluve. Their discovery once again confirms that the prehistoric cultural groups of this region maintained extensive connections with neighboring and more distant territories and were actively involved in the historic-cultural processes of this period.

Bibliography

Bátora 2006: J. Bátora, Štúdii ku komunikácii medzi strednou a výhodnou Európou v dobe bronzovej (Bratislava 2006).

Biró et al. 2017: K. Biró, P. Pétrequin, M. Errera, A. Přichystal, G. Trnka, I. Zalai-Gaál, A. Osztás Des Alpes à l'Europe centrale (Autriche, République tchèque, Slovaquie et Hongrie). In: (Dir. P. Pétrequin, E. Gauthier, A.-M. Pétrequin) Jade: Objets-signes et interprétation sociales des jades alpins dans l'Europe néolithique. Tome 3. Cahiers de la MSHE Ledoux 27, Série Dynamiques territoriales 10 (Besançon 2017), 431-465.

Gedl 1981: M. Gedl, Die Rasiermesser in Polen. Prähistorische Bronzefunde VIII (4) (München 1981).

Harding 2008: A. Harding, Razors and Male Identity in the Bronze Age. In: (Hrsg. F. Verse, B. Knoche) Durch die Zeiten. Festschrift für Albrecht Jockenhövel zum 65. Geburtstag (Rahden/Westf. 2008), 191-195.

Horváth 2002: L.A. Horváth, Ein mittelkupferzeitliches Kupfermesser mit gekrummtem Ende von Csongrád-Bokros. Ősrégészeti Levelek 4, 2002, 18-28.

Jockenhövel 1980: A. Jockenhövel, Die Rasiermesser in Westeuropa. Prähistorische Bronzefunde VIII (3) (München 1980).

Klimscha 2016: F. Klimscha, Pietrele 1: Beile und Äxte aus Stein. Distinktion und Kommunikation während der Kupferzeit im östlichen Balkangebiet. Archäologie in Eurasien 34 (Bonn 2016).

Manzura 2005: I. Manzura, Steps to the Steppe: Or, How the North Pontic Region Was Colonized. Oxford Journal of Archaeology 24 (4), 2005, 313-338.

Manzura 2022: I. Manzura, Rings of Power or in Search of Early Elites. Archaeologia Lituana 23, 2022, 120-134.

Mareş 2002: I. Mareş, Metalurgia aramei în neo-eneoliticul României (Suceava 2002).

Mizgan 2002: V. Mizgan, Brice medievale descoperite în România. Arheologia Medievală IV, 2002, 181-187.

Nagler 1996: A. Nagler, Kurgane der Mozdok-Steppe in Nordkaukasien. Archäologie in Eurasien 3 (Espelkamp 1996).

Nagy 2010: B. Nagy, Gräberfeld der Badener Kultur in Balatonlelle-Felső Gamász. Antaeus 31-32, 2010, 375-498.

Ottaway 1982: B.S. Ottaway, Earliest Copper Artifacts of the Northalpine Region: their Analysis and Evaluation. Schriften des Seminars für Urgeschichte der Universität Bern 7 (Bern 1982).

Pétrequin et al. 2012a: P. Pétrequin, S. Cassen, E. Gauthier, L. Klassen, Y. Pailler, A. Sheridan Typologie, chronologie et répartition des grandes haches alpines en Europe occidentale. In: (Dir. P. Pétrequin, S. Cassen, M. Errera, L. Klassen, A. Sheridan, A-M. Pétrequin) Jade. Grandes haches alpines du Néolithique européen V^{e} et IVe millénaires av. J.-C**.** Tome 1 (Besançon 2012), 574-727.

Pétrequin et al. 2012b: P. Pétrequin, S. Cassen, M. Errera, Ts. Tsonev, K. Dimitrov, L. Klassen, R. Mitkova, Les haches en «jades alpins» en Bulgarie. In: (Dir. P. Pétrequin, S. Cassen, M. Errera, L. Klassen, A. Sheridan, A-M. Pétrequin) Jade. Grandes haches alpines du Néolithique européen V^{e} et IVe millénaires av. J.-C. Tome 2 (Besançon 2012), 1231-1279.

Pétrequin et al. 2013: P. Pétrequin, S. Cassen, M. Errera, L. Klassen, A.-M. Pétrequin, A. Sheridan, The value of things: the production and circulation of Alpine jade axes during the 5th – 4th millennia in a European perspective. In: (Eds. T. Kerig, A. Zimmermann) Economic archaeology: from structure to performance in European archaeology (Bonn 2013), 65-82.

Pétrequin et al. 2017a: P. Pétrequin, S. Cassen, M. Errera, A. Sheridan, Ts. Tsonev, S. Ţurcanu, V. Voinea, The Europe of jade: From the Alps to the Black Sea. In: (Eds. L. Manolakakis, N. Schlanger, A. Coudart) European Archaeology - Identities & Migrations. Hommages à Jean-Paul Demoule (Leiden 2017), 285-298.

Pétrequin et al. 2017b: P. Pétrequin, M. Errera, V. Voinea, Ts. Tsonev, S. Ţurcanu, D. Şerbănescu, D. Kiosak, O. Peresunchak, L. Polischuk, D. Chernakov. Des Alpes à la mer Noire (Bulgarie, Roumanie et Ukraine). In: (dir. P. Pétrequin, E. Gauthier, A.-M. Pétrequin) Jade: Objets-signes et interprétation sociales des jades alpins dans l'Europe néolithique. Tome 3. Cahiers de la MSHE Ledoux 27, Série Dynamiques territoriales 10 (Besançon 2017), 467-989.

Piotrovskiĭ 2021: Yu.Yu. Piotrovskiĭ, The Maikop Kurgan: A Modern View. In: (Eds. L. Giemsch, S. Hansen) The Caucasus. Bridge between urban centres in Mesopotamia and the Pontic steppes in the 4th and 3rd millennium BC. The Transfer of knowledge and technologies between East and West in the Bronze Age. Proceedings of the Caucasus conference, Frankfurt am Main, November 28 - December 1, 2018. Schriften des Archäologischen Museums Frankfurt 34 (Frankfurt am Main 2021), 159-169.

Postică, Hîncu 2023: Gh. Postică, I. Hîncu, Hansca. Aşezarea medievală timpurie din Codrii Lăpuşnei (Chişinău 2023).

Rezepkin 2000: A.D. Rezepkin, Das frühbronzezeitliche Gräberfeld von Klady und die Majkop-Kultur im Nordwestkaukasien. Archäologie in Eurasien 10 (Rahden/Westf. 2000).

Šebela 1999: L. Šebela, The Corded Ware culture in Moravia and in the adjacent part of Silesia (catalogue). Fontes Archaeologiae Moravicae 23 (Brno 1999).

Sørensen et al. 2017: L. Sørensen, P. Pétrequin, A.-M. Pétrequin, M. Errera, B. Horejs, F. Herbaut, Les limites sud-orientales des jades alpins (Grèce et Turquie). In: (Dir. P. Pétrequi, E. Gauthier, A.-M. Pétrequin) Jade: Objets-signes et interprétation sociales des jades alpins dans l'Europe néolithique. Tome 3. Cahiers de la MSHE Ledoux 27, Série Dynamiques territoriales 10 (Besançon 2017), 491-520.

Virág 1999: Zs.M. Virág, A badeni kultúra rézleletei Sármellék-Égenföldről. Zalai Múzeum 9, 1999, 33-54.

Weber 1996: C. Weber, Die Rasiermesser in Südosteuropa. Prähistorische Bronzefunde VIII (5) (Stuttgart 1996).

Willvonseder 1968: R. Willvonseder, Die jungsteinzeitlichen und bronzezeitlichen Pfalbauten des Attersees in Oberösterreich. Mitteilungen der Prähistorischen Kommission der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, Bd. XI und XII (1963-1968) (Wien 1968).

Włodarczak 2010: P. Włodarczak, Dunajski szlak kultury grobów jamowych problem genezy kultury ceramiki sznurowej. In: (Eed. S. Czopek, S. Kadrow) Mente et rutro. Studia archeologica Johanni Machnik viro doctissimo octogesimo vitae anno ab amicis, collegis et discipulis oblata (Rzeszów 2010), 299-325.

Андреева 1989: М.В. Андреева, Курганы у Чографского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.). В сб: (Отв. ред. Р.Ф. Мунчаев) Древности Ставрополья (Москва 1989), 24-124.

Андреева 2014: М.В. Андреева, Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников (Москва 2014).

Андреева, Арапов 2014: М.В. Андреева, С.В. Арапов, Об одном необычном памятнике восточноманычской катакомбной культуры. В: М.В. Андреева, Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников (Москва 2014), 116-125.

Бочкарев и др. 1991: В.С. Бочкарев, Г.Н. Бестужев Г.Н., А.М. Бианки А.М., В.А. Трифонов, Раскопки курганов у станицы Брюховецкой Краснодарского края в 1978 г. В сб.: (Отв. ред. В.М. Массон) Древние культуры Прикубанья (по материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края) (Ленинград 1991), 3-69.

Братченко 2001: С.Н. Братченко, Донецька катакомбна культура раннього етапу**.** Свод археологічних джерел. Доба бронзи. Випуск 1 (Луганськ 2001).

Братченко 2004: С.Н. Братченко, Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили — кургани III тис. до н.е. та майдани. Матеріали та дослідження з археологи Східної України 2, 2004, 65-143.

Бритюк 2006: А.А. Бритюк, Ранний энеолит украинской степи: проблема соотношения местного и пришлого компонентов. В сб.: (Отв. ред. Н.Л. Моргунова) Проблемы изучения ямной культурно-исторической области (Оренбург 2006), 15-17.

Гак, Калмыков 2009: Е.И. Гак, А.А. Калмыков, Ямно-новотиторовское наследие в металлопроизводстве катакомбных культур центральной и восточной части степного Предкаказья. В сб.: (Отв. ред. Н.Л. Моргунова) Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы (Оренбург 2009), 104-119.

Гак, Калмыков 2013: Е.И. Гак, А.А. Калмыков, Металлический инвентарь курганных погребений позднеямного-раннекатакомбного времени Егорлык-Калаусского междуречья. В сб.: (Отв. ред. А.А. Калмыков) Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа (Москва 2013), 117-158.

Гей 2000: А.Н. Гей, Новотиторовская культура (Москва 2000).

Днепровский, Кореневский, Эрлих 1995: К.А. Днепровский, С.Н. Кореневский, В.Р. Эрлих, Новые погребения «новосвободненской группы» у станицы Костромской в Закубанье. РА 3, 1995, 119-130.

Иванова 2014: С.В. Иванова, Балкано-карпатский вариант ямной культурно-исторической области. РА 2, 2014, 5-20.

Каминский 1993: В.Н. Каминский, Майкопские погребения из Тимашовского кургана в степном Прикубанье. Древности Кубани и Черноморья. Понтийско-кавказские исследования I, 1993, 6-21.

Канторович, Маслов, Петренко 2013: А.Р. Канторович, В.Е. Маслов, Р.Г. Петренко, Погребения майкопской культуры кургана №1 могильника Марьинская-5. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа 11, 2013, 71-108

Кияшко 2002: А.В. Кияшко, Культурогенез на востоке катакомбного мира (Волгоград 2002).

Колесник 2018: А.В. Колесник, Эволюция взглядов на клады кремневой продукции юга Днепро-Донского междуречья: от сокровищ к культовым объектам. Stratum plus 2, 2018, 259-271.

Кореневский, Белинский, Калмыков 2007: С.Н. Кореневский, А.Б. Белинский, А.А. Калмыков, Большой Ипатовский курган на Ставрополье как археологический источник по эпохе бронзового века на степной границе Восточной Европы и Кавказа (Москва 2007).

Королев, Кочкина, Сташенков 2023: А.И. Королев, А.Ф. Кочкина, Д.А. Сташенков, Каменный инвентарь погребений могильника Екатериновский мыс. Археология Евразийских степей 1, 2023, 288-300.

Моргунова и др. 2010: Н.Л. Моргунова, А.А. Гольева, А.Д. Дегтярева, А.А. Евгеньев, Л.В. Купцова, Н.П. Салугина, О.С. Хохлова, А.А. Хохлов, Скворцовский курганный могильник (Оренбург 2010).

Мунчаев 1975: Р.М. Мунчаев, Кавказ на заре бронзового века (Москва 1975).

Пустовалов 2015: С.Ж. Пустовалов, Классификация бронзовых ножей эпохи ранней бронзы степной Украины. Музейний вісник 15, 2015, 73-84.

Разумов 2005: С.Н. Разумов, Ритуальні ножі доби бронзи (за матеріалами Надчорномор'я). Археологія 2, 2005, 105-110.

Рындина 1998: Н.В. Рындина, Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы (Москва 1998).

Рындина, Дегтярева 2018: Н.В. Рындина, А.Д. Дегтярева, Цветной металл ямной культурно-исторической области из памятников Украины: морфология и технология изготовления, Stratum plus 2, 2018, 317-346.

Рысин 2007: М.Б. Рысин, Связи Кавказа с Волго-Уральским регионом в эпоху бронзы (проблемы хронологии и периодизации). Археологические вести 14, 2007, 184-220.

Смирнов 1996: А.М. Смирнов, Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце (Москва 1996).

Столяр 2009а: А.Д. Столяр, Отчет о работах Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1958-1959 гг. В сб.: (Ред. А.Д. Столяр, С.М. Осташинский) Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа 1958-1965 гг. (Санкт-Петербург 2009), 12-39.

Столяр 2009b: А.Д. Столяр, Отчет о работах Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1963 г. В сб.: (Ред. А.Д. Столяр, С.М. Осташинский) Мешоко – древнейшая крепость Предкавказья. Отчеты Северокавказской экспедиции Государственного Эрмитажа 1958-1965 гг. (Санкт-Петербург 2009), 99-39.

Телегін 1973: Д.Я. Телегін, Середньо-стогівська культура эпохі міді (Київ 1973).

Телегин 1985: Д.Я. Телегин, Среднестоговская культура и памятники новоданиловского типа в Поднепровье и степном Левобережье Украины. В сб.: (Отв. ред. Д.Я. Телегин) Археология Украинской ССР. Том 1. Первобытная археология (Киев 1985), 305-320.

Трифонов 1991: В.А. Трифонов, Степное Прикубанье в эпоху энеолита-бронзы (периодизация). В сб.: (Отв. ред. В.М. Массон) Древние культуры Прикубанья (Ленинград 1991), 92-166.

Файферт 2014: А.В. Файферт, Курганные погребения раннего бронзового века Нижнего Подонья (свод археологических источников) (Ростов-на-Дону 2014).

Формозов 1965: А.А. Формозов, Каменный век и энеолит Прикубанья (Москва 1965).

Черных 2004: Е.А. Черных, Позднеямные погребения стратифицированного кургана у г. Зимогорье на р. Лугани. Матеріали та дослідження з археології Східної України 2, 2004, 222-235.

Шишлина 2007: Н.И. Шишлина, Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V-III тысячелетия до н.э.). Труды ГИМ 165 (Москва 2007).

Щипанова и др. 2024: А.Г. Щипанова, А.И. Климушина, И.Ж. Тутаева, А.Ю. Данильченко, Погребение эпохи ранней бронзы с богатым набором металлического инвентаря в низовьях Северского Донца. В сб.: (Отв. ред. Д.С. Коробов) Достижения и перспективы изучения археологии Северного Кавказа в XX - первой четверти XXI века. Материалы Международной научной конференции по археологии Северного Кавказа «XXXIII Крупновские чтения», посвященной 120-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова (Москва 2024), 130-133.

Descoperiri rare din epoca paleometalică în interfluviul Nistru-Prut

Cuvinte-cheie: Europa de Est, zona de stepă, eneolitic timpuriu, epoca bronzului timpuriu, comori, rituri funerare, cultura Skeleanska, cultura Maikop, cultura Jamnaja, cultura Catacombelor, topoare de jadeit, topoare de silex, cuțite de bronz cu un singur tăiș, brici de bronz.

Rezumat: Articolul examinează câteva descoperiri rare de pe teritoriul Republicii Moldova, care datează din eneoliticul timpuriu și epoca timpurie a bronzului. Descoperirile din eneoliticul timpuriu sunt reprezentate de trei topoare plate de silex cu mâner arcuit și subțire. Topoarele de acest tip erau comune în zona de stepă în a doua jumătate a mileniului al V-lea a. Chr., din Caucazul de Nord până la Dunărea de Jos. Ele se găsesc adesea în sfera rituală – sub formă de comori și ofrande funerare. În ceea ce privește caracteristicile morfologice, dimensiunile și fabricarea atentă, aceste produse corespund topoarelor din jadeit de tip Varna, care au fost larg răspândite în Europa de Sud-Est în epoca eneoliticului și făceau parte din cele mai prestigioase articole de echipament funerar. Topoarele de jadeit de acest tip ar putea servi ca prototip pentru topoarele originale de silex ale eneoliticului de stepă.

Descoperirea din epoca timpurie a bronzului (prima jumătate a mileniului III a. Chr.) este reprezentată de un cuțit de bronz cu lama curbată. Cuțitele de acest tip sunt distribuite, în principal, în stepa Ciscaucasia și în bazinele Donului Inferior și Seversky Doneț. Se găsesc, mai ales, în înmormântările culturilor Maikop, Jamnaja, Novotitorovskaia și Catacombelor. Este prima descoperire de acest fel în partea de vest a zonei de stepă. Unii cercetători consideră aceste produse drept cuțite rituale. Totuși, pare de preferat să se clasifice aceste instrumente ca aparate de ras sau cuțite de ras. Acest tip de accesorii de toaletă era bine cunoscut în Europa în epoca bronzului și epoca timpurie a fierului și a fost găsit până în evul mediu târziu.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Amplasarea descoperirilor pe teritoriul interfluviului Nistru-Prut.

Fig. 2. Topor de silex de la Vadul lui Vodă. Descoperire fortuită (imagine)

Fig. 3. Topor de silex de la Vadul lui Vodă. Descoperire fortuită (fotografie).

Fig. 4. Topor de silex de pe teritoriul Republicii Moldova. Descoperire fortuită.

Fig. 5. Topor de silex de pe teritoriul Republicii Moldova. Descoperire fortuită.

Fig. 6. Cuțit de ras din metal cu vârful arcuit de la Cigîrleni. Descoperire fortuită.

Fig. 7. Cuțite de ras din cupru și bronz cu vârful arcuit din eneoliticul târziu și epoca bronzului timpuriu: 1 - Cucuteni; 2 - Zimogorie 1/14; 3 - Ampoița; 4 - Mahoșevskaia, mormântul 6; 5 - Vodiano-Lorino 1/12; 6 - Morkůvki, mormântul 1; 7 - Ilinskii-1 6/9; 8 - Balatonlelle-Felső Gamász; 9 - Pervomaiskii 2/2; 10 - Ghelăiești-Nedeia; 11 - Orlovskii I 1/4; 12 - Skvorțovka 5/4; 13 - Kalinovka 1/15; 14 - Krivaia Luka 1/14; 15 - Novolabinskaia 3/1; 16 - Ciograi VIII 12/3; 17 - Ergheni 2/1; 18 - lacul Staroe 14/22; 19 - Cigîrleni, descoperire fortuită; 20 - Timașovsk

1/30; 21 - Brjuhoveţkaia 5/9; 22 - Jelobok 3/9; 23 - Zimogorie 2/9; 24 - Căscioarele; 25 - Sármellék-Égenföld; 26 - Csongrád-Bokros; 27 - Vostocinîi Manyci-Levîi Bereg III (1966) 16/5; 28 - Svatovo 12/1; 29 - Căzăneşti; 30 - Malaia Kamenka VI 13/1; 31 - Ţagan Usn VIII 1/3; 32 - Kastîrskii V 5/5; 33 - Iasîrev I 9/39 (1, 3, 10, 24, 29 - după Mareş 2002; 2 - după Черных 2004; 4 - după Мунчаев 1975; 5, 13, 18 - după Пустовалов 2015; 6 - după Šebela 1999; 7 - după Гак, Калмыков 2013; 8 - după Nagy 2010; 9 - după Рысин 2007; 11 - după Файферт 2014; 12 - după Моргунова и др. 2010; 14 - după Шишлина 2007; 15 - după Трифонов 1991; 16 - după Андреева 1989; 17, 27 - după Гак, Калмыков 2009; 19 - desen al autorului; 20 - după Каминский 1993; 21 - după Бочкарев и др. 1991; 22, 23 - după Смирнов 1996; 25, 26 - după Horvath 2002; 28 - după Братченко 2004; 30 - după Щипанова и др. 2024; 31 - după Андреева 2014; 32, 33 - după Кияшко 2002).

Редкие находки эпохи палеометалла из Днестровско-Прутского междуречья

Ключевые слова: Восточная Европа, степная зона, ранний энеолит, ранний бронзовый век, клады, погребальный обряд, скелянская культура, майкопская культура, ямная культура, катакомбная культура, жадеитовые топоры, кремневые топоры, бронзовые однолезвийные ножи, бронзовые бритвы.

Резюме: В статье рассматривается несколько редких находок с территории Республики Молдова, которые относятся к раннему энеолиту и раннему бронзовому веку. Находки раннего энеолита представлены тремя плоскими кремневыми топорами с арковидным и утонченным обушком. Топоры этого типа были распространены в степной зоне во второй половине V тыс. до н.э. от Северного Кавказа до Нижнего Дуная. Они часто обнаруживаются в ритуальной сфере – в виде кладов и погребальных приношений. По своим морфологическим признакам, размерам и тщательности изготовления данные изделия соответствуют топорам из жадеита типа Варны, которые были широко распространены на территории Юго-Восточной Европы в эпоху энеолита и входили в состав наиболее престижных вещей погребального инвентаря. Жадеитовые топоры данного типа могли послужить прототипом для оригинальных кремневых топоров степного энеолита.

Находка раннего бронзового века (первая половина III тыс. до н.э.) представлена, по-видимому, бронзовым ножом с изогнутым клинком. Ножи этого типа распространены, главным образом, в степном Предкавказье и в бассейне Нижнего Дона и Северского Донца. Они в основном обнаруживаются в погребениях майкопской, ямной, новотиторовской и катакомбной культур. В западной части степной зоны это первая находка такого рода. Некоторые исследователи рассматривают эти изделия как ритуальные ножи. Однако кажется более предпочтительным классифицировать эти орудия как бритвы или ножи-бритвы. Такой тип туалетных аксессуаров был хорошо известен в Европе в бронзовом и раннем железном веке и встречался вплоть до позднего средневековья.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Местонахождение находок на территории Днестровско-Прутского междуречья.

Рис. 2. Кремневый топор из Вадул луй Водэ. Случайная находка (рисунок).

Рис. 3. Кремневый топор из Вадул луй Водэ. Случайная находка (фото).

Рис. 4. Кремневый топор с территории Республики Молдова. Случайная находка.

Рис. 5. Кремневый топор с территории Республики Молдова. Случайная находка.

Рис. 6. Металлический нож с загнутым острием из Чигырлень. Случайная находка.

Рис. 7. Бронзовые ножи-бритвы с загнутым острием позднего энеолита и раннего бронзового века: 1 - Кукутень; 2 - Зимогорье 1/14; 3 - Ампоица; 4 - ст. Махошевская, погр. 6; 5 - Водяно-Лорино 1/12; 6 - Моркувки; 7 - Ильинский-1 6/9; 8 - Балатонлелле-Фелшо Гамас; 9 - Первомайский 2/2; 10 - Гелэешть-Недея; 11 - Орловский I 1/4; 12 - Скворцовка 5/4; 13 - Калиновка 1/15; 14 - Кривая Лука 1/14; 15 - Новолабинская 3/1; 16 - Чоград VIII 12/3; 17 - Ергени 2/1; 18 - оз. Старое 14/22; 19 - Чигырлень, сл. нах.; 20 - Тимашовск 1/30; 21 - Брюховецкая 5/9; 22 - Желобок 3/9; 23 - Зимогорье 2/9; 24 - Кэсчиоареле; 25 - Шармеллек-Эгенфельд; 26 - Чонград-Бокрош; 27 - Восточный Маныч-Левый Берег III (1966) 16/5; 28 - Сватово 12/1; 29 - Кэзэнешть; 30 - Малая Каменка VI 13/1; 31 - Цаган Усн VIII 1/3; 32 - Кастырский V 5/5; 33 - Ясырев I 9/39 (1, 3, 10, 24, 29 - по Mareş 2002; 2 - по Черных 2004; 4 - по Мунчаев 1975; 5, 13, 18 - по Пустовалов 2015; 6 - по Šebela 1999; 7 - по Гак, Калмыков 2013; 8 - по Nagy 2010; 9 - по Рысин 2007; 11 - по Файферт 2014; 12 - по Моргунова и др. 2010; 14 - по Шишлина 2007; 15 - по Трифонов 1991; 16 - по Андреева 1989; 17, 27 - по Гак, Калмыков 2009; 19 - рисунок автора; 20 - по Каминский 1993; 21 - по Бочкарев и др. 1991; 22, 23 - по Смирнов 1996; 25, 26 - по Horvath 2002; 28 - по Братченко 2004; 30 - по Щипанова и др. 2024; 31 - по Андреева 2014; 32, 33 - по Кияшко 2002).

20.06.2024

Dr. Igor Manzura, National Museum of History of Moldova, 31 August 1989 St., 121A, Chişinău, Republic of Moldova, https://orcid.org/0009-0004-2848-4307, e-mail: ingvarmnsr6@gmail.com

ECONOMIA BANILOR CÂNTĂRIȚI ÎN SPAȚIUL CARPATO-NISTREAN ÎN SECOLELE IX-XI (CONTRIBUȚII ARHEOLOGICE)[1]

Gheorghe Postică, Ion Tentiuc

Cuvinte-cheie: Evul mediu timpuriu, spaţiul carpato-nistrean, economia banilor cântăriţi, tezaure, colane, monede arabe, argint tăiat, ponduri.

Introducere

Referitor la viaţa economică şi socială a comunităţilor româneşti din spaţiul carpato-nistrean din perioada de la sfârşitul mileniului I - începutul mileniului al II-lea informaţii scrise nu s-au păstrat. În lipsa acestora, cele mai concludente pentru reconstituirea vieţii cotidiene şi a relaţiilor social-economice din secolele VIII-XI sunt sursele arheologice. Prospectările arheologice din ultimele decenii au pus la dispoziţia cercetătorilor importante materiale care permit, în anumite limite, să apreciem nivelul de dezvoltare a comunităţilor medievale româneşti de la est de Carpaţi, practicile agro-pastorale, meşteşugăreşti şi comerciale. Pe de altă parte, datele arheologice ilustrează că, la cumpăna celor două milenii, procesele social-economice, politice şi culturale în care erau antrenate comunităţile locale din regiune se aflau în deplină concordanţă cu cele similare din Europa Centrală, de Nord şi de Vest. Era perioada când economia autarhică, bazată pe schimbul natural, începea să fie atrasă în relaţii de tip nou, cu utilizarea banilor. Or, schimbul natural de tip *marfă – marfă,* treptat, ceda locul relaţiilor de tip *marfă – bani*.

Cercetările istorice de specialitate demonstrează că relaţiile de schimb în Europa Occidentală, în ultimul sfert al mileniului I, erau bazate pe *economia monetară*, apreciată drept „*Munzgeldwirtschaft*" sau „*Silver economy*" (Schneeweiss 2013, 237). În acelaşi timp, fenomenul similar din Europa Centrală este nominalizat drept *economie a banilor cântăriţi* „*Gewichtgeldwirtschaft*". Conform unor estimări, hotarul dintre cele două economii era demarcat de bazinul râului Elba, în partea de vest funcţionând *economia monetară*, iar la est de această linie, valoarea intrinsecă a banilor din argint utilizaţi în schimbul comercial era verificată cu ajutorul balanţei cu două talere din bronz pentru cântare mici (Schneeweiss 2013, 237-238). În această regiune, dar şi în Europa de Nord, banii utilizaţi în schimbul comercial erau reprezentaţi de monede, lingouri, bare din argint, unele fragmentate prin tăiere intenţionată etc.

Istoriografia românească a consacrat pagini consistente aspectelor privind dezvoltarea social-economică şi politică a comunităţilor medievale timpurii de la nordul Dunării de Jos. Au fost enunţate aprecieri importante despre relaţiile de producţie şi procesele care au condus la accelerarea diferenţierii sociale şi de avere, ale aspectelor ce au grăbit apariţia germenilor relaţiilor feudale în interiorul obştilor săteşti. Caracterul economiei comunităţilor româneşti din această perioadă a fost definit de cercetători prin sintagma „*economia de transformare*" (Pascu et al. 2010, 194-225). S-a constatat că intensificarea defrişărilor şi desţelenirilor succesive, în condiţiile „*micului optimum climatic*", au impulsionat dezvoltarea agriculturii şi a meşteşugurilor. Cererea de unelte agricole din fier a stimulat dezvoltarea metalurgiei fierului, care, la rândul ei, a impulsionat schimbul economic local şi regional.

În perioada medievală timpurie, principalele direcţii ale schimbului comercial al românilor de la est de Carpaţi erau orientate spre Imperiul Bizantin (Preda 1975, 229-233; Teodor 1981, 59-73; Spinei 1994, 122; Vîlcu, Isvoranu 2015, 97-107). Or, cercetările arheologice confirmă existenţa unui schimb comercial constant, reprezentat de diverse importuri bizantine. Cu toate acestea, problemele de natură politico-militară, economică şi religioasă, cu care se confrunta Constantinopolul în ultimul sfert al mileniului I, au făcut ca prezenţa

[1] Articolul a fost elaborat în cadrul subprogramului de cercetare 18.01.01 „Patrimoniul istorico-arheologic muzeal: sistematizare şi valorificare ştiinţifico-culturală", la Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei.

mărfurilor şi a monedei bizantine la est de Carpaţi să fie mult diminuate, comparativ cu perioada anterioară (Teodor 1981; Musteaţă 2014).

Economia Imperiului bizantin la sfârşitul secolului al VIII-lea şi începutul secolului al IX-lea, după perioada de criză social-economică, cunoştea un trend ascendent, determinat de relansarea circuitului monetar, de puternica monetizare a economiei şi creşterea volumului de monedă pe piaţă (Custurea 2000, 112). Fiscalitatea excesivă şi rigiditatea organizării comerţului intern şi extern al imperiului a trezit revolte interne şi nemulţumiri ale negustorilor străini interesaţi în comerţul cu Constantinopolul. Aceasta explică, în opinia noastră, atacurile succesive ale scandinavilor şi ale ruşilor kieveni asupra imperiului din anii 860, 911, 940 şi 1043. Finalizate cu încheierea unor tratate între părţi, acestea demonstrează caracterul economic[2] al revendicărilor (Brătianu 1940, 32), şi nu cuceririle teritoriale, cum au încercat să susţină unii cercetători (Азбелев 1958, 166-170). Pentru înţelegerea nivelului de dezvoltare a economiei Bizanţului din această perioadă, importante sunt codul de legi *Bazilicalele* şi edictul imperial *Cartea Eparhului*. Redresarea economiei, legată de creşterea producţiei meşteşugăreşti şi de dinamizarea comerţului internaţional, a necesitat reactualizarea dreptului iustinian (*Corpus Iuris Civilis*). Cvasifuncţional în perioada de criză, codul de legi iustinian a fost revizuit în perioada domniei împăratului Vasile I Macedoneanul (867-886), procesul fiind finalizat de Leon VI Filozoful (886-912), pentru a corespunde realităţilor de la sfârşitul secolului al IX-lea - începutul secolului al X-lea. Edictul imperial *Cartea Eparhului,* pentru prima dată, stabileşte reglementări statutare rigide ale activităţii breslelor meşteşugăreşti şi a ghildelor negustoreşti. Enumerarea acestora de către legiuitor permite a înţelege amploarea activităţilor comercial-meşteşugăreşti şi rolul statului în reglementarea preţurilor, importului şi exportului de mărfuri ale imperiului (Сюзюмов 1951, 11-41; Сюзюмов 1958, 67-75). Aceste fenomene social-economice reflectă tendinţele generale ale economiei europene din această perioadă.

Cercetările arheologice înregistrează, la sfârşitul mileniului I şi începutul mileniului al II-lea, în regiunile de la est de Carpaţi o creştere social-economică şi demografică importantă. Este perioada când în partea centrală şi de nord a spaţiului carpato-nistrean sporeşte foarte mult numărul de aşezări, în special al aşezărilor de dimensiuni „*mari şi foarte mari*" (Хынку 1972, 169; Hîncu 1997; Teodor 1978, 102-107; Postică 2007, 100-103). Unele dintre acestea sunt consolidate cu sisteme fortificate cu şanţuri de apărare şi palisade amplasate pe valuri de pământ. În incinta şi în extravilanul fortificaţiilor, la periferia aşezărilor deschise, au fost investigate complexe meşteşugăreşti reprezentând ateliere cu cuptoare pentru îmbogăţit minereul de fier şi furnale pentru reducerea minereurilor feruginoase, transformate în adevărate *suburbii* cu cartier distinct meşteşugăresc. Creşte numărul atelierelor pentru făurirea uneltelor, armelor şi armamentului din fier, a ustensilelor din bronz, piatră sau os, precum şi a pieselor de podoabă din metale colorate. Meşteşugarii asigurau populaţia locală cu unelte agricole, ustensile de uz comun sau personal. Surplusul de produse era oferit pentru schimb pe piaţa locală sau regională. Alte bunuri necesare erau achiziţionate la târgurile periodice sau permanente, pe locul escalelor sau al punctelor de schimb, organizate în apropierea drumurilor comerciale de tranzit, terestre sau fluviale.

Prospectările arheologice demonstrează că preocupările de bază ale comunităţilor medievale româneşti extracarpatice erau legate de prelucrarea pământului şi creşterea animalelor. Numărul mare de unelte agricole descoperite, diversitatea acestora confirmă viaţa sedentară a comunităţilor locale, desfăşurată pe vetrele vechilor moşii ale obştilor săteşti. Practicarea meşteşugurilor este demonstrată de numărul apreciabil de ateliere meşteşugăreşti. Dintre acestea se evidenţiază complexele legate de îmbogăţirea şi reducerea minereului de fier, făurirea uneltelor şi a ustensilelor. Metalurgia fierului în secolele IX-XI a avut un rol aparte în dezvoltarea economiei regiunii, determinând progresul producţiei şi evoluţia schimbului comercial. Cercetările au scos la iveală în regiunile extracarpatice zeci de furnale pentru redus minereul de fier, ateliere de făurărie şi centre meşteşugăreşti, depozite de unelte şi arme, tezaure monetare asociate cu piese de podoabă sau vestimentare din argint, alte complexe cu vestigii de producţie locală sau de import. În domeniul schimbului de mărfuri, descoperirea în lun-

[2] În calitate de exemplu este şi războiul declarat de ţarul Simeon al Bulgariei (893-927), care, în anul 894, fiind nemulţumit de faptul că piaţa bulgarilor cu bizantinii a fost transferată de la Constantinopol la Salonic, începe un război cu Imperiul (Brătianu 1940, 32). Dintre cauzele „războiului comercial" (894-896) se mai menţionează impunerea la plata de impozite comerciale foarte mari (Наследова 1956, 61-84).

gul unor cursuri mari de apă de la est de Carpați a unor piese de sorginte bizantină, scandinavă sau orientală, atribuite secolelor VIII-XI, permite nu doar reconstituirea nivelului de dezvoltare a economiei comunităţilor locale, dar şi formele pe care le avea schimbul economic pe direcţiile căilor comerciale din această perioadă.

Cercetătorii au constatat că schimbul comercial reprezentat în Europa Central-Nordică şi de Est de sute de tezaure, cu zeci de mii de monede de argint, în special cu dirhemi cufici, a înregistrat în secolele al IX-lea şi al X-lea proporţii deosebite. Fenomenele care se produceau în spaţiul eurasiatic au grăbit procesele social-economice şi demografice, politico-militare şi politogenetice europene, antrenând în aceste activităţi şi comunităţile româneşti extracarpatice. Izvoarele scrise şi arheologice de la sfârşitul mileniului I - începutul mileniului al II-lea evidenţiază clar dinamica relaţiilor economice regionale şi transcontinentale.

Sursele occidentale, bizantine, arabo-persane, scandinave şi vechi ruseşti reflectă complexitatea relaţiilor comerciale, direcţia fluxurilor şi varietatea mărfurilor, formele şi particularităţile contactelor dintre diferite regiuni ale Eurasiei, căile de comunicare, traseele acvatice şi terestre care legau Europa Central-Nordică de regiunile Orientului arab, pe care circulau oameni şi mărfuri, idei şi inovaţii tehnologice. Un rol important în comerţul la mare distanţă l-au jucat negustorii arabi şi scandinavi, ultimii cunoscuţi în izvoarele scrise din secolele IX şi X drept populaţia „*Rhos*" (Annales Bertiniani), „Pῶς", „*Rüs*" (Khurradadhbih) sau „*Rusios*" (Liutprand). Liutprand de Cremona precizează că aceştia sunt „*Rusios, quod alio nos nomine Normanos appellamus*" („Ruşi, pe care îi numim normanzi cu alt nume").

Împăratul cărturar bizantin Constantin VII Porphirogenetul, în lucrarea *De administrando imperio,* scrisă la mijlocul secolului al X-lea, menţionează particularităţile relaţiilor de schimb pe traseele comerciale tranzitate de scandinavi prin spaţiul slav, în lungul Niprului. Potrivit împăratului bizantin, slavii confecţionau iarna bărci/monoxile pentru nordici, pentru a le vinde vara scandinavilor/negustorilor care pornesc cu caravanele pe Nipru spre Constantinopol (Constantinus Porphirogenetus 1967, 8, 5-22, 9, 78-101). Liutprand de Cremona, diplomat, istoric longobard şi episcop de Cremona, în calitate de cancelar al regelui Italiei Berengar al II-lea, în anul 949 vizitează curtea împăratului Constantin al VII-lea Porphirogenetul, iar în anul 968 – pe cea a împăratului Nichifor al II-lea Focas, la Constantinopol. În lucrarea *Antapodosis* face cea mai plastică descriere a capitalei imperiului Bizantin. Între altele, atrage atenţia asupra unei populaţii întâlnite aici, pe care bizantinii o numesc „*Rüs*" (=*Pῶusios*), iar în vest apare cu numele de „normanzi", sau „oamenii nordului" (Liutprand of Cremona 1996, 131).

Dintre izvoarele scrise privind schimbul comercial interregional şi transcontinental în secolul al IX-lea, cele mai elocvente sunt informaţiile cărturarului arab Ibn Khurradadhbih (cca 820-912) din *Cartea drumurilor şi a ţărilor*. În calitate de înalt funcţionar al statului, responsabil de activitatea poştelor şi de serviciul de inteligenţă al califatului, acesta descrie cu multă cunoştinţă de cauză traseele comerciale care, în a doua jumătate a secolului al IX-lea, străbăteau Orientul Mijlociu. Autorul este unul din primii care îi menţionează pe negustorii numiţi *Rüs* (=scandinavi), veniţi dinspre nordul continentului. Pentru a ajunge la Bagdad, nordicii îi utilizau în calitate de traducători pe slavii ţinuţi în robie. Geograful persan Ibn Al-Fakih, la sfârşitul secolului al IX-lea - începutul secolului al X-lea, în lucrarea *Cartea ţărilor* (=*Mukhtasar Kitab al-Buldan*), precizează că populaţia *Rüs* vine dinspre nordul slav, de unde duc pentru vânzare blănuri de hermină, vulpe şi castor. Alt autor, Ibn Rusteh, în tratatul de geografie *Al-A'lac an-nafisa*, scris pe la începutul secolului al X-lea, menţionează că poporul *Rüs* nu are terenuri arabile şi se hrăneşte cu ce aduce din pământurile slavilor (Новосельцев 2000, 400-404). Această informaţie apare şi în sursa anonimă a unui autor persan *Hudud Al-Alam* din anii '80 ai secolului al X-lea (Ducene 2018, 133). Importante sunt informaţiile furnizate de Ibn Fadlan care, în fruntea unei solii a califului abbsid Al Muktadir (anii 895-932) din anul 922, face o călătorie la bulgarii de pe Volga. Aici, pe Volga, îi întâlneşte pe negustorii scandinavi, unde asistă la înmormântarea unei căpetenii nordice, procesiunea fiind descrisă cu multă inspiraţie. Autorul descrie cazul când unul dintre scandinavi se roagă să întâlnească un cumpărător bogat, pentru a-şi vinde bine marfa. Un alt autor, Gardizi, pe lângă informaţiile preluate din surse mai vechi din secolele IX şi X, inclusiv din *Cartea drumurilor şi a ţărilor* a lui *Ibn Khurradadhbih,* pe care le redă în opera *Zayn Al-Akhbar* („Frumuseţea cro-

nicilor"), scrisă în anii 1049-1053, precizează că ruşii (=scandinavii) nu-şi vând mărfurile decât pe dirhemi, de aceea bulgarii (de pe Volga) folosesc/bat monede pentru a face comerţ cu ei[3]. Cronica veche rusească (ПВЛ 1997) descrie „*drumul de la varegi la greci şi de la greci la varegi*", care urma din Marea Neagră în lungul Niprului spre Marea Varegilor (=Baltică), în ambele direcţii.

Un drum comercial vechi a funcţionat, de asemenea, şi în lungul Nistrului. Vestigiile de tradiţie scandinavă din perioada vikingă, descoperite la est de Carpaţi, dar şi menţiunea vlahilor pe piatra comemorativă de la Sjonhem, de la mijlocul secolului al XI-lea, confirmă utilizarea traseului est-carpatic şi în secolele IX-XI. Cercetătorii occidentali şi români i-au identificat pe vlahii de pe piatra comemorativă cu populaţia românească din spaţiul carpato-nistrean (Metzenthin 1941, 12-13; Jonsson, Wessen 1962, 262-268; Spinei 1973, 61; Мельникова 2002, 298).

1. Dezvoltarea agriculturii în condiţiile schimbărilor climatice

Schimbările care s-au produs pe continental euroasiatic în perioada secolelor IX-XI au influenţat paradigma evoluţiei comunităţilor umane din spaţiul european. Dintre cauzele care au contribuit în mod esenţial la dezvoltarea social-economică ascendentă şi la importantele modificări demografice şi politice ale Europei, inclusiv ale celei central-nordice şi de est, dar şi ale românilor din spaţiul de la sud şi est de Carpaţi de la sfârşitul mileniului I - începutul mileniului II, cercetătorii evidenţiază schimbările climaterice. Încălzirea accentuată a vremii, legată de „*micul optimum climatic*" din anii 800-1300 (Diaz et al. 2011; Trouet et al. 2009; Goosse et al. 2006; Fairbridge 2005), a stimulat mult dezvoltarea agriculturii şi a meşteşugurilor (Beeson, De Jong, Troesken 2001; Bosker, Buringh, Liuten van Zanden 2013; Шевеленко 1992, 34-62). Europa occidentală a intrat într-o fază de progrese social-economice, demografice şi politogenetice, care au generat civilizaţia actuală. Avântul agriculturii a îmbunătăţit calitatea alimentaţiei. În consecinţă, Europa de Vest şi Central-Nordică a înregistrat un spor demografic surprinzător (Wallerstein 1992, 40-41). Creşterea agriculturii, a meşteşugurilor şi comerţului, pătrunderea unor inovaţii tehnologice dinspre Orient, trendul ascendent în viaţa economică au condus la o „veritabilă înflorire" sau, după unii cercetători, la o adevărată „revoluţie urbană" europeană în secolele IX-XI (Braudel 1989, 109-112; Musset 1992, 85-88; Glaeser 2014; Gollin, Jedwab, Vollrath 2016; Andersen, Sandholt, Volmar-Skovsgaard 2016; Топоров 1980, 3-57). Aceasta este perioada de geneză a majorităţii statelor moderne din Europa de Vest şi Centrală. În spaţiul circumcarpatic, în acest interval de timp apar primele menţiuni despre români şi despre formaţiunile politice de nivel regional ale acestora (Spinei 1997, 3-17).

Metamorfozele climatice de la sfârşitul mileniului I şi începutul mileniului al II-lea au generat pe continental european, dar şi în întreg spaţiul eurasiatic, ample mişcări de populaţii şi impresionante energii sociale. În regiunile de nord şi de est ale Eurasiei, acestea s-au manifestat prin importante deplasări ale păstorilor nomazi, dar şi prin migraţia unor agricultori sedentari. Astfel, dinspre răsărit, pe vechiul traseu al întinselor stepe eurasiatice, în spaţiul nord-vest pontic pătrund ultimele valuri ale nomazilor turanici (Spinei 1985; Spinei 2009). În nordul continentului european, scandinavii, navigatori încercaţi şi negustori iscusiţi, meşteri pricepuţi şi oşteni neînfricaţi, prospectează regiunile din vestul şi sudul continentului (Хейвуд 2019) în căutarea bogatelor tărâmuri despre care circulau numeroase legende în mitologia germanică (Шаров 1997, 95-106; Lecoutex 2010, 15-17). Procesele social-economice, politice şi demografice, care se produceau în vestul şi centrul continentului, au fost resimţite în spaţiul carpato-nistrean (Teodor 2003, 491-494). În regiunile de la est de Carpaţi este documentată o creştere semnificativă a numărului de situri arheologice specifice pentru secolele IX-XI. Dimensiunile aşezărilor sunt neobişnuit de mari faţă de cele din perioada anterioară şi ulterioară (Teodor 1978; Spinei 1994; Postică 2007, 22-26, 61-65; Tentiuc 2017, 39-43; Musteaţă 2018). Revigorarea social-economică şi demografică din Europa de sud-est, inclusiv în regiunile de la est de Carpaţi, este pusă în legătură cu stabilitatea politică generală din secolele VIII şi IX, când în stepele ponto-caspice apăruse şi se consolidase Kaganatul Hazar, instituind aşa-numita *pax hazarica*. Statul hazar a temporizat pentru circa două sute de ani pătrunderea spre vest a nomazilor, asigurând liniştea în regiune (Spinei 1985, 45-47). Încălzirea vremii din acest interval de timp a creat condiţii propice dezvoltării economiei şi creşterii demografice.

[3] Vezi: Бартольд 1898, ч. 1 şi Бартольд 1897. Vezi şi: Kitab 1892, vol. 7, 145; Ducene 2018, 132-133.

Cercetările arheologice întreprinse în ultimele decenii în regiunile carpato-nistrene au scos la lumină un număr important de vestigii care facilitează reconstituirea aspectelor social-economice, politico-militare, demografice și culturale ale românilor din secolele IX-XI. Aceste descoperiri au făcut cunoscute mult mai bine formele de viață, ocupațiile de bază, nivelul social-economic de dezvoltare, relațiile comunităților locale romanice și românești cu populațiile nomade sau migratoare pătrunse în regiune. Investigațiile au permis să se înțeleagă că la cumpăna mileniilor I și II, în secolele IX-XI, în lungul marilor fluvii (Nistru, Prut, Siret etc.) și al afluenților acestora, pe podișuri dominante sau în ravenele dispuse perpendicular cursului apelor, au apărut așezări puternic fortificate cu șanțuri, valuri de pământ și palisade din lemn. În jurul așezărilor se concentrează numeroase centre meșteșugărești pentru prelucrarea metalelor și făurirea uneltelor și armelor, transformate treptat în adevărate proto-orașe, centre economice, politico-administrative și spirituale.

De rând cu augmentarea numărului și a dimensiunilor așezărilor, este documentată o creștere semnificativă a calității vieții. Fenomenul este reflectat atât de nivelul culturii materiale, cât și de cantitatea mare, calitatea înaltă și diversitatea categoriilor de unelte și accesorii, inclusiv ale celor din metal. Sporește mult numărul și categoriile de unelte, arme și echipament militar, confecționate din fier de calitate înaltă, dar și al articolelor din metale nobile sau colorate – aur, argint sau bronz, reprezentate de ustensile, piese de vestimentație și de cult, obiecte de podoabă, care cunosc o răspândire fără precedent în regiune.

2. Metalurgia fierului și atelierele de făurărie-orfevrărie

În regiunile de la est de Carpații Orientali lipsesc zăcămintele de fier. Cu toate acestea, prospectările arheologice au scos la lumină zeci de situri medievale timpurii unde s-a practicat intens metalurgia fierului. Aici au fost cercetate numeroase furnale pentru reducerea minereului de fier și cuptoare pentru îmbogățit minereul, asociate unor ateliere de făurărie. Astfel, în spațiul est-carpatic sunt cunoscute mai mult de 90 de furnale de redus minereul de fier, zeci de *„gropi de lup”,* cuptoare pentru îmbogățit minereul. Ateliere meșteșugărești și furnale pentru reducerea minereului de fier au fost cercetate la Alcedar (r-nul Șoldănești) și Echimăuți (r-nul Rezina), Rudi-*Farfuria Turcească,* Rudi-*Roșcana* și Tătărăuca Nouă-*Valea lui Ghermănoi* (r-nul Soroca), Păhărniceni-*Petruca*, Lucașeuca-*Cornul Blăjiei,* Trebujeni-*Scoc* și Ivancea-*sub Pădure* (r-nul Orhei), Hansca (r-nul Ialoveni), Calfa (r-nul Anenii Noi), Bogatoe (reg. Odesa), Lozna-*Străteni* (jud. Botoșani), Borniș (jud. Neamț), Epureni și Dodești (jud. Vaslui) etc. În preajma acestor construcții au fost identificate zeci și sute de kilograme de minereu și zgură de fier, lupe din fier, sufleuri pentru foalele de fierar, unelte de făurărie, piese finite sau în curs de prelucrare, pietre de tocilă etc.

Furnalele asociate atelierelor meșteșugărești aparțin tipului de instalații tronconice, amenajate în sol steril prin săpare verticală, cu o groapă de acces în partea din față. Aceste cuptoare aparțin tipului *celto-germanic,* sau *Slaný* (Pleiner 1965, 24-25), în partea superioară fiind prevăzute cu gură pentru încărcare cu combustibil și minereu, prin care, ulterior, era evacuat fumul, iar la nivelul vetrei era amenajată o gură laterală, în care erau introduse tuburi de lut ars pentru alimentarea cu oxigen a procesului arderii și evacuarea, la final, a lupei de fier, rezultată din procesul reducerii minereului. Astfel, construcțiile nominalizate se deosebesc principial de furnalele de tipul *Lodenicé* cu vatra construită la suprafața solului, cunoscute în alte zone ale Europei (Pleiner 1965, 24-25).

În interiorul atelierelor meșteșugărești au fost descoperite diverse categorii de unelte, dar și seturi de unelte pentru prelucrarea metalelor comune, colorate sau nobile. Unelte din dotarea făurarului au fost identificate și în cadrul unor depozite de unelte și arme sau fortuit. Acestea sunt reprezentate de ciocane și nicovale, dălți și dăltițe, clești de făurărie și giuvaiergerie, filiere pentru produs sârma, creuzete, forme de turnat, ghemotoace sau bucăți de sârmă din bronz sau argint etc. O parte din articole erau destinate uzului intern, altele erau lucrate pentru schimbul regional sau extern.

Lipsa în spațiul de la est de Carpați a unor zăcăminte bogate în minereuri de fier a ridicat problema originii minereurilor feruginoase utilizate de făurarii din regiune. Cercetările mineralogice au demonstrat natura sedimentar-aluvională a acestora (Tripșa et al. 1981, 175-178). Prezența minereurilor de fier în malurile Nistrului a fost descrisă de principele Dimitrie Cantemir, care menționează depunerile de minereu lângă cetatea de la Hotin (Cantemir 1975, 52-53). Cele mai însemnate depuneri feruginoase de piroxen-magnetit-cuarțit sunt documentate în preajma satului Vărăncău de pe Nistru (Focșa, Roșca 2018, 73-86).

Vestigiile scoase la lumină în siturile din secolele IX-XI, ansamblul de unelte meşteşugăreşti de fierărie-bijuterie reflectă clar procesele de diviziune socială a muncii. Este intervalul de timp când se observă o distincţie netă între activităţile meşterului făurar (care era, în acelaşi timp, şi armurier, şi bijutier) şi meşteşugurile specializate în modelarea vaselor la roata olarului, prelucrarea pietrei şi a lemnului, a osului şi pieilor, a fibrelor şi ţesăturilor etc. Gh. B. Fedorov menţiona, pentru spaţiul carpato-nistrean din această perioadă, existenţa a cel puţin zece meşteşuguri distincte (Федоров 1973, 46). Drept exemplu sunt atelierele şi centrele pentru producerea ceramicii de la Hansca, Moleşti, Durleşti-*Valea Babei*, Durleşti-*La Vie* (r-nul Ialoveni) sau cele specializate în reducerea fierului şi făurirea uneltelor şi accesoriilor din metal (fier, aramă, argint şi aur), cercetate la Hansca, Păhărniceni-*Petruca*, Ivancea-*sub Pădure*, Echimăuţi, Alcedar, Rudi-*Farfuria Turcească*, Rudi-*Roşcana*, Lozna (jud. Botoşani), Epureni (jud. Vaslui), Borniş (jud. Neamţ) etc. S-a constatat că în complexele meşteşugăreşti de la Echimăuţi şi Alcedar se produceau unelte agricole din fier (brăzdare, cuţite de plug, topoare, seceri şi coase), arme şi armurărie, ustensile gospodăreşti şi de uz personal.

Unele ateliere erau specializate în producerea pieselor de podoabă din metale colorate. S-a constatat că atelierele de giuvaiergerie şi de armurărie de la Echimăuţi erau amplasate în interiorul aşezărilor fortificate, pe când furnalele, complexele metalurgice şi atelierele de făurărie erau situate în afara acestor locaţii, în „*suburbium*" (Федоров 1953, 118; Федоров 1964, 91; Рябцева, Тельнов 2010, 293).

În legătură cu activitatea atelierelor meşteşugăreşti de făurărie-orfevrărie din spaţiul carpato-nistrean sunt şi *pietrele de tocilă,* descoperite la Echimăuţi, Alcedar, Trebujeni-*Scoc*, Ivancea-*sub Pădure*, Hansca (3 exemplare), Moleşti etc. Activitatea meşterilor făurari şi bijutieri (argintari sau aurari) în regiune este confirmată de prezenţa în complexe a creuzetelor, a formelor de turnat pandantive sau bijuterii, a formei de turnat lingouri şi a lingourilor propriu-zise, a filierei şi a firelor sau ghemotoacelor de sârmă din argint sau bronz, dar şi a pondurilor şi balanţelor cu două talere din bronz. Acestor categorii de vestigii li se alătură *pietrele pentru probat metale preţioase*[4] şi *vasele sferoconice*, articole indispensabile activităţii meşterilor bijutieri şi a negustorilor. Pietre pentru probat metalele preţioase (*Probierstein*) din perioada medievală timpurie au fost descoperite, în principal, în siturile amplasate la intersecţia unor importante trasee comerciale, în complexele meşteşugăreşti de la Echimăuţi, Păhărniceni-*Petruca*, Hansca etc., unde se făureau piese de podoabă din argint. Utilizarea acestora are o veche tradiţie în regiune. Cele mai timpurii vestigii de acest fel au fost scoase la iveală în complexe din prima epocă a fierului la Glingeni şi Saharna (Гольцева, Кашуба 1995, 27, таб. L/2, 3; Кашуба 2000, 321, рис. X/37, 38; рис. XXVIII/3, 5), Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 64/6-10), dar şi în situri din primele secole ale erei noi, la Olăneşti şi Mereni (Яровой 1990, 197, рис. 89/6; Postică, Sava 2023, 93, fig. 48/3, foto 18/9), etc.

Între vestigiile arheologice legate direct de activitatea meşteşugărească de făurire a pieselor de podoabă şi de aurire a lor prin amalgamare se evidenţiază vasul sferoconic de la Echimăuţi (Федоров 1953, 114, рис. 47/1; Fedorov 1959, рис. 19/3). Descoperit într-o groapă menajeră din secolul al X-lea, recipientul are înălţimea de 22,0 cm, diametrul fundului de 4,0 cm, diametrul corpului de 17 cm şi diametrul gurii de 7 cm. Din punct de vedere morfologic, acesta se deosebeşte de alte categorii de vase prin formă, pastă şi grosimea pereţilor. Vasul este de formă sferoconică, are gâtul îngust şi diametrul la buză foarte mic. La fel ca şi absoluta majoritate a vaselor de acest fel, are fundul de formă conică, având o uşoară aplatizare[5]. Majoritatea cercetătorilor consideră că aceste vase de formă specifică erau destinate păstrării, transportării şi comercializării mercurului utilizat în atelierele bijutierilor pentru aurirea prin amalgamare a pieselor de podoabă din argint sau bronz (Barnea 1967, 80; Spinei 1970, 253-265). Autorul cercetărilor de la Echimăuţi, Gh. B. Fedorov, a atribuit recipientul categoriei de vase de factură nomadă[6].

[4] A se vedea concluziile la care ajung cercetătorii în urma analizelor asupra acestor vestigii (Ježek, Zavřel 2011, 125-160).

[5] A se vedea, de exemplu, vasul sferoconic cu fundul aplatizat de la Nufăru (Mănucu-Adameşteanu 1984, pl. VIII/1).

[6] S-a propus o altă interpretare pentru recipientul sferoconic de la Echimăuţi. Cercetătorii R. Rabinovici şi S. Reabţeva consideră că vasul este de origine vest-slavă. În opinia autorilor, recipientul ar fi ajuns în regiune prin intermediul unui grup de migratori din Cehia şi din Bazinul carpatic (Рабинович, Рябцева 2016, 332). Această ipoteză este în legătură cu viziunea privind originea etnică a tiverţilor din spaţiul carpato-nistrean, consideraţi a fi rezultatul unor grupuri migratoare din zona central- şi vest-slavă a Europei. Autorii găsesc analogii pentru el în colecţia de vase, sistematizată de cercetătorul ceh Zdeněk Váňa (Váňa 1956, 105-147). Menţionăm că vasul sferoconic în discuţie nu găseşte analogii în formele ceramice din Europa Centrală.

Dintre cele mai timpurii vase sferoconice din spațiul carpato-nistrean se evidențiază cel de la Năneşti (jud. Vrancea) (Spinei 1970, 253-264). Câteva vase identice au fost descoperite la Dinogetia, Păcuiul lui Soare, Nufăru, Isaccea, Greci, Babadag etc. (Mănucu-Adameşteanu 1984, 363-374). În Bulgaria, recipiente sferoconice au fost identificate la Silistra, Sofia şi Plisca (Станчев 1955, 203; Станчева 1961, 26; Михайлова 1987, 15-23). Vestigiile de la Silistra au fost atribuite secolelor IX-XI (Станчева 1961, 22-27). Vasele de la Plisca, Nufăru, Dinogetia şi Păcuiul lui Soare au fost datate în secolele XI-XII (Mănucu-Adameşteanu 1984, 365). Recipientul de la Năneşti, cu analogii în nordul Caucazului, a fost ancorat cronologic în secolele XI-XIII (Spinei 1970, 253-264; Spinei 1994, 128).

În Orientul Apropiat, cele mai timpurii recipiente sferoconice sunt atribuite secolului al IX-lea (Минкевич-Мустафьева 1959, 174-185). Se consideră că din această regiune vasele sferoconice, în cursul secolului al X-lea, au fost răspândite spre Constantinopol[7] şi spre Asia Centrală[8]. Vasele sferoconice din perioada premongolă de la Dunărea de Jos şi de la răsărit de Carpaţii Orientali găsesc analogii în complexele meşteşugăreşti din oraşele Bolgar şi Biliar de pe Volga, dar şi în cele din Orientul Mijlociu şi din Caucaz (Нуретдинова 2011, 51-62).

Scoaterea la lumină a unor vestigii realizate din argint sau bronz aurit, nefinisate sau în curs de finisare, ca şi cele reparate din siturile de la Echimăuţi, Alcedar, Păhărniceni-*Petruca*, Hansca etc. probează faptul că meşterii-orfevrieri din spaţiul carpato-nistrean cunoşteau procedeele de utilizare a mercurului pentru aurirea prin amalgamare a pieselor de podoabă.

Dezvoltarea meşteşugurilor a stimulat schimbul economic şi comercial care, la rândul său, a contribuit la creşterea producţiei meşteşugăreşti, care devine dependentă de cererea pieţei. În faza iniţială, meşteşugarii erau vânzătorii propriei producţii. De rând cu produsele muncii agro-pastorale tradiţionale – ceara, mierea, piele, sarea etc. –, în calitate de obiect al schimbului sunt utilizate tot mai frecvent produsele activităţii meşteşugăreşti – lupele, barele din fier, uneltele, armele şi echipamentul militar sau ecvestru. Creşterea meşteşugurilor face ca, în relaţiile de schimb, în calitate de etalon şi măsură a valorii să fie utilizaţi *banii*. Este perioada când în tranzacţiile comerciale banii încep să aibă un rost tot mai important în viaţa economică a comunităţilor umane. Unii cercetători compară banii cu „sângele care irigă sistemul economic" (Samuelson 1953, 88). În acest caz, căile comerciale reprezintă arterele (comerciale) pe care circulă banii în formele în care le imprimă piaţa. Dezvoltarea agriculturii în condiţiile schimbărilor climatice favorabile a condus la creşterea, în primul rând, a meşteşugurilor legate de prelucrarea minereurilor şi a metalelor pentru făurirea uneltelor şi a armelor, a orfevrăriei creatoare de piese de podoabă şi ustensile. S-a accelerat schimbul economic, impulsionând tranzacţiile comerciale interne, regionale, inclusiv cele transeuropene la mare distanţă, acestea de la urmă aducând profiturile cele mai mari.

Caracterul şi disponibilităţile economice ale comunităţilor româneşti medievale timpurii sunt reflectate de numărul şi structura *depozitelor* de unelte şi arme şi a *tezaurelor* monetare sau mixte. Componenţa lor reflectă obiectiv realităţile social-economice, politice şi culturale ale perioadei când au fost tăinuite. În spaţiul carpato-nistrean şi în zona de curbură a Carpaţilor au fost documentate nu mai puţin de 15 depozite de unelte şi arme şi 17 tezaure monetare sau mixte, aparţinând secolelor IX-XI. În absoluta majoritate, monedele sunt reprezentate de piese de argint, miliarisii bizantini şi dirhemi arabi.

3. Depozitele de unelte şi arme

Acumularea şi ascunderea depozitelor şi a tezaurelor este în legătură directă cu procesele social-economice şi militaro-politice în care erau cuprinse comunităţile locale româneşti – creşterea economică, schimbul de mărfuri, circulaţia monetară, inclusiv reluarea circulaţiei pe vechiul traseu din perioada romană, de-a lungul Nistrului şi a Vistulei, care lega sudul de nordul continentului şi pe care se perindau oameni şi mărfuri, idei şi inovaţii tehnice.

Depozitele descoperite la est de Carpaţi şi în zona de curbură a Carpaţilor, la Bârlogu (Argeş), Curcani (Călăraşi), Budeşti, Dragosloveni, Gârbovăţ,

[7] La Constantinopol, conform edictului imperial *Cartea Eparhului* din secolul al X-lea, breasla bijutierilor interesaţi de utilizarea mercurului în activitatea curentă era a doua ca importanţă în lista ghildelor, după cea a notarilor (Vasiliev 2010, 346-347).

[8] Nu ne este încă foarte clar dacă aceste recipiente au ajuns la Dunărea de Jos şi la nordul Gurilor Dunării dinspre Bizanţ odată cu revenirea imperiului în hotarele sale sau pe Marea Neagră în cadrul schimbului comercial din această perioadă.

Radovanu, Răstoaca, Obrejița (Canache, Curta 1993, 174-221; Teodor 2004, 395-406) etc., dar și pe cele de la Coșna (jud. Suceava), Revna (reg. Cernăuți), Cărbuna (Ialoveni), Sadova (Călărași) și Voloave (Soroca) (Tentiuc, Bubulici 2020, 255-280) fac parte dintr-un areal mai mare de depozite identificate în Europa Central-Nordică și de Sud-Est (Curta 2011, 251-276). Apariția depozitelor de unelte și arme a fost pusă de cercetători în legătură cu realitățile social-economice și politice din această perioadă (Tentiuc 2019, 259-283).

Pentru înțelegerea realităților social-economice din perioada investigată poate fi adus drept exemplu depozitul de la Voloave (Soroca). Descoperit în anul 2018, acesta este reprezentat de unelte meșteșugărești de făurărie-giuvaergerie – ciocane, nicovale și clești de dimensiuni mici, pile oțelite, dornuri, poansoane, formă de turnat lingouri, cântar de tip balanță cu două talere din bronz etc. (Tentiuc, Bubulici 2020, 253-280).

Analogii pentru acestea se găsesc în siturile medievale timpurii extracarpatice, în atelierele de făurărie, armurărie și orfevrărie, cercetate la Echimăuți și Alcedar, Hansca și Păhărniceni-*Petruca*, Bucov-*Tioca* și Bucov-*Rotari* etc. Ansamblul de unelte care alcătuiesc depozitul de la Voloave nu se deosebește de cele descoperite în centrele comercial-meșteșugărești (*emporii* medievale timpurii) din Europa de Nord – de la Birka, Haithabu/Hedeby, Skåne, Kaupang, Upparka, Ianov Pomorsky-*Truso* etc. Acestea erau antrenate în comerțul la mare distanță cu Califatul Arab și Imperiul Bizantin, dar și cu conexiunile Marelui Drum al Mătăsii.

4. Formele și caracterul schimbului comercial

În toate timpurile îndestularea necesităților umane s-a făcut prin realizarea și consumul producției proprii sau prin schimb, apelând la produsul altcuiva. În acest sens, schimbul presupune înstrăinarea rezultatelor propriei producții (pastorale, agricole sau meșteșugărești), primind în loc bunurile necesare, între care poate fi și moneda. Utilizarea producției proprii, autoconsumul, la fel ca și satisfacerea necesităților de consum prin intermediul schimbului sunt practici de vechime preistorică, ce au coexistat și se mai utilizează curent. Aceste forme de satisfacere a necesităților umane reflectă realitățile economice ale vremii, așa cum sunt surprinse de cercetarea arheologică, dar și modalități diferite de organizare și desfășurare a activităților economice. Prima dintre acestea, autoconsumul, reflectă *economia naturală*, iar cea de-a doua reprezintă *economia de schimb*. În cadrul economiei de schimb, produsele sunt transformate în marfă, iar calitatea de marfă o au, inclusiv, banii. Schimbul realizat prin intermediul banilor a condus la monetizarea relațiilor economice. Așa cum *banii,* alături de *acumularea de capital* și de *specializare,* reprezintă unul din cei trei piloni de bază ai economiei, aceștia au influențat ansamblul tranzacțiilor comerciale și modul de funcționare a economiei în diferite perioade istorice. Una din principalele funcții ale banilor constă în calitatea lor de mijlocitor al schimbului. Tranziția de la economia naturală la economia de schimb prin mijlocirea monedei s-a efectuat prin utilizarea în calitate de mijloc de schimb a unor bunuri de valoare acceptate mutual (Angelescu et al. 2003, 31-37).

Condițiile social-economice, politice și climaterice de la sfârșitul mileniului I - începutul mileniului al II-lea au contribuit la revigorarea și creșterea economiei comunităților extracarpatice. Lucrul pământului și creșterea animalelor au rămas la est de Carpați îndeletniciri de bază până în perioada premodernă, pământul fiind izvor de subzistență, dar și subiect al raporturilor sociale dintre oameni. Încălzirea accentuată a vremii cu ploi calde și frecvente din perioada „*micului optimum climatic medieval*" (anii 750/800-1250/1300) a dinamizat dezvoltarea agriculturii prin desțeleniri și defrișări succesive (Neamțu 1975, 136; Spinei 1994, 116-117). Necesitatea crescută de unelte agricole din fier de randament înalt – topoare cu lama lată, brăzdare și cuțite de plug, seceri și coase etc. – , în condițiile embargoului impus de Imperiul Bizantin asupra exportului de unelte și arme din fier către barbari (*Corpus Iuris Civilis*, IV, 42, 1-1), au stimulat dezvoltarea locală a metalurgiei fierului. În spațiul carpato-nistrean au fost puse bazele producției meșteșugărești, bazate pe propriile zăcăminte de minereuri feruginoase de origine sedimentar-aluvionară[9] (Postică 2007, 155-162). Avântul agriculturii și separarea meșteșugarilor de preocupările agricole au condus la apariția, la sfârșitul secolului al IX-lea - începutul secolului al X-lea, a meșteșugurilor specializate, impulsionând schimbul economic.

[9] Descoperirea unor bucăți de minereu de fier, diferit de cel al minereului de baltă, de origine sedimentar-aluvionară, face să presupunem, așa cum s-a mai acreditat, că o parte din minereu putea fi importat din bogatele regiuni metalifere din Europa Centrală sau de Nord.

În calitate de obiect al schimbului (intern şi regional) erau produsele muncii agricole, pastorale, casnice sau meşteşugăreşti. De rând cu produsele locale tradiţionale – ceara, mierea, sarea, pieile de animale domestice sau sălbatice –, într-o fază timpurie a schimbului comercial (sfârşitul secolului VII - mijlocul secolului VIII), meşterii detaşaţi de activităţile agricole utilizau în calitate de mijloc de schimb produsele realizate în atelierele de făurărie – lupele sau barele din cupru sau din fier, uneltele, armele şi piesele de podoabă. Creşterea economică şi dinamizarea schimbului comercial, pătrunderea în regiune a monedei arabe de argint au făcut ca *argintul monetar,* sub diferitele lui forme, să devină principalul mijloc de schimb în tranzacţiile economice.

Cercetările arheologice surprind, pentru secolele IX-X, trecerea comunităţilor medievale româneşti de la *economia naturală* a gospodăriei autarhice, reprezentată de relaţiile *marfă – marfă*, la *economia monetară* a relaţiilor *marfă – bani*. Era perioada când schimbul de produse se efectua tot mai mult prin intermediul banilor, iar calitatea de mijloc de schimb era asigurată de argintul monetar cântărit. În aşa fel, sistemul economic, în care banii, reprezentaţi prin bare sau lupe din metal, piese de podoabă sau monede, lingouri sau colane/*torquesuri*[10] din argint, utilizate în calitate de echivalent în tranzacţiile comerciale, erau cântăriţi în procesul de schimb, este definit de cercetători drept *„economia banilor cântăriţi" (=„Gewichtsgeldwirtschaft")* (Steuer 1987, 407-527; Hårdt 1996, 13-383; Brather 1999, 179-197). Aceste forme ale schimbului se manifestau pe spaţii largi din Europa Central-Nordică şi de Est, dar şi din Orientul Mijlociu[11].

5. Apariţia primelor monede arabe în spaţiul carpato-nistrean

Pentru reconstituirea legăturilor economice şi aprecierea rolului monedei în schimbul comercial, cele mai importante sunt vestigiile numismatice, reprezentate de tezaurele monetare. Analiza acestora permite a înţelege trăsăturile specifice ale relaţiilor economice în anumite perioade de timp, mecanismele şi procesele care au contribuit la accentuarea discrepanţelor sociale şi de avere, inclusiv apariţia elementelor de factură feudală în spaţiul carpato-nistrean.

Cercetările demonstrează că, în ultima pătrime a mileniului I şi la începutul mileniului al II-lea, cele mai dinamice structuri social-politice, implicate în schimbul economic pe vechile trasee euroasiatice, erau arabii şi scandinavii. În acest context, comunităţile româneşti de la sud şi est de Carpaţi, aflate între cele două lumi, inevitabil, aveau să fie antrenate în procesele de schimb desfăşurate de scandinavi. Cu această ocazie, în secolele IX-X, în spaţiul carpato-nistrean pătrund categorii de vestigii anterior necunoscute – monede cufice din argint şi argint monetar în formă de lingouri, colane/torques-uri, ustensile, piese de podoabă din argint sau din argint aurit etc. Aceste piese, în opinia specialiştilor, erau utilizate în calitate de monedă de schimb în tranzacţiile comerciale, fenomenul fiind caracteristic pentru spaţii mult mai largi din Europa Centrală-Estică şi de Nord.

În spaţiul carpato-nistrean sunt cunoscute nu mai puţin de 552 de monede arabe, reprezentate de 548 de piese din argint (*dirhemi*), sau 99,27%, şi de 4 piese din cupru (*fels*), sau 0,72% (Figura 1). Din numărul total de monede arabe descoperite, 517 piese, sau 93,32%, au fost identificate în componenţa a şapte *tezaure monetare sau mixte,* alte 37 de monede, sau 6,67%, reprezintă *descoperiri izolate* (inclusiv monede din cupru). Tezaurele descoperite cuprind, alături de monede, diverse piese de podoabă, accesorii vestimentare şi pandantive. În unele cazuri, acestora le sunt asociate lingouri şi colane/*torques*-uri de argint, ponduri sau balanţe pentru cântare mici cu două talere din bronz. Cercetătorii au evidenţiat câteva etape cronologice sau *valuri* de pătrundere a dirhemilor arabi în Europa de Est şi de Nord[12] (Фасмер 1933, 473-484; Янина 1956, 180-207). În cadrul acestor etape se înscrie şi procesul pătrunderii monedei arabe în spaţiul carpato-nistrean (Boldureanu, Nicolae 2015, 113-116).

[10] A se vedea: Хвощинская 2018, 182-189.

[11] Pentru Europa de Vest, trecerea, către secolul al VIII-lea, de la sistemul monetar bimetalist (emiterea de monede de aur şi de monede de argint) la sistemul monetar monometalist („*silver economy*" = emisiuni de monede din argint) este calificată drept un regres al economiei, ce corespunde economiei precumpănitor naturale, şi al valorilor reduse ale schimbului de mărfuri (Manolescu 1974, 31). Acest sistem monetar monometalist reflectă caracterul economiei şi nivelul de dezvoltare al comunităţilor din Europa de Est şi de Nord la sfârşitul mileniului I - începutul mileniului al II-lea.

[12] Conform sistematizării propuse de Richard Vasmer, circulaţia monedelor cufice în Europa poate fi structurată în patru perioade cronologice: 1. anii 800-825 p. Chr – domină moneda abbasidă din monetăriile preponderent nord-arficane ale califatului; 2. anii 825-905 – predomină moneda abbasidă din monetăriile din Asia; 3. anii 905-960 – circulă moneda samanidă; 4. anii 960-1014 – de rând cu moneda samanidă, circulă şi dirhemii buizilor. Această periodizare este valabilă până în prezent (vezi: Янина 1956, 180-207; Нунан 2004, 255-308; Кулешов 2015, 73-76).

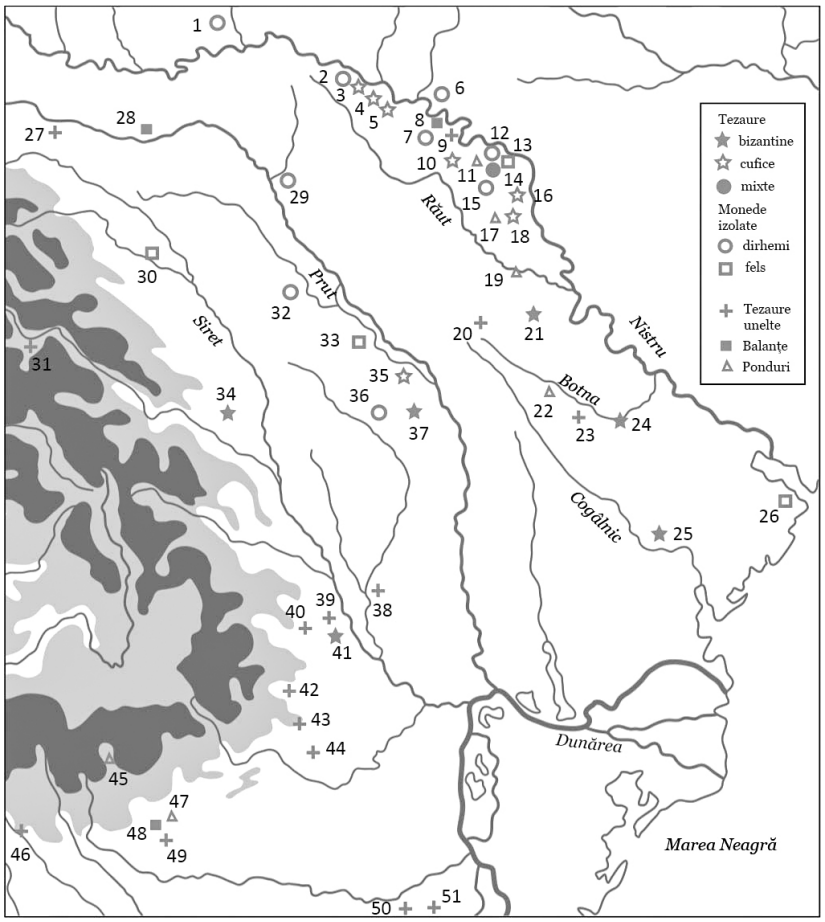


Fig. 1. Harta descoperirilor de monede, bijuterii și accesorii de negoț din secolele IX-XI în spațiul carpato-nistrean (tezaure monede: bizantine, cufice, mixte; monede izolate: dirhemi, fels; depozite de unelte; balanțe; ponduri): 1 - Hlibovka; 2-4 - Rudi; 5 - Holoșnița; 6 - Țekinivka; 7 - Temeleuți; 8, 9 - Voloave; 10 - Cunicea; 11-14 - Alcedar; 15 - Șoldănești; 16 - Rezina; 17, 18 - Echimăuți; 19 - Păhărniceni; 20 - Sadova, 21 - Făurești; 22 - Hansca; 23 - Cărbuna; 24 - Căușeni; 25 - Arciz; 26 - Cetatea Albă; 27 - Revna; 28 - Lencăuți; 29 - Șeptebani; 30 - Suceava; 31 - Coșna; 32 - Iacobeni; 33 - Bosia; 34 - Pașcani; 35 - Răducăneni; 36 - Șcheia; 37 - Dolhești; 38 - Gârboveț; 39 - Câmpeneanca; 40 - Budești; 41 - Cleja; 42 - Răstoaca; 43 - Dragosloveni; 44 - Obrejița; 45 - Slon; 46 - Bârlogu; 47, 48 - Bucov; 49 - Plopu; 50 - Radovanu; 51 - Curcani.

Cele mai timpurii monede arabe descoperite în spațiul est-carpatic sunt piese din cupru, emisiuni din perioada dinastiei *omayyade* (anii 661-750). Două monede, descoperite izolat la Bosia (jud. Iași), au fost bătute în anul 750, pe timpul califului Marwan II (744-750) (Iliescu 1957, 462-463). O altă piesă, descoperită la Suceava, reprezintă un fels anonim, din perioada anilor 661-750 (Dejan 2015, 203-204, fig. 13). O piesă samanidă din aramă, emisă de Nasr ibn Ahmad (914-943), a fost descoperită în timpul săpăturilor arheologice din anul 1962 în așezarea fortificată de la Alcedar (Федоров 1964, 81; Кропоткин 1971, 91). Pe de altă parte, un lot de monede arabe din cupru, rămase neidentificate, a fost găsit la Cetatea Albă (Клейман 1984, 66-74; Нудельман 1985, 84; Янов 2016, 91).

Dirhemii din argint, descoperiți izolat, provin din situri de pe Nistru – de la Hlibovka (r-nul Ușița Nouă, reg. Hmelnițk, Ucraina), Rudi-*Farfuria Turcească* (r-nul Soroca), Temeleuți (r-nul Florești), Țekinovka (r-nul Iampol, reg. Vinița, Ucraina), Alcedar și Șoldănești (r-nul Șoldănești) și de la Cetatea Albă (Belgorod-Dnestrovskij, reg. Odesa, Ucraina) – sau din bazinul Prutului – de la Șaptebani (r-nul Râșcani), Iacobeni și Șcheia (jud. Iași).

Având în vedere descoperirile numismatice menționate, se poate admite pătrunderea primelor monede arabe la est de Carpați în perioada cuprinsă în ultimul sfert al secolului al VIII-lea - începutul secolului al IX-lea. Luând în considerare rolul special al normanzilor în vehicularea

largă a argintului monetar arab, se poate susține, cu o mare certitudine, că pătrunderea monedei arabe în spațiul est-carpatic se afla în legătură cu circulația negustorilor scandinavi dinspre Marea Baltică spre Marea Neagră, Bizanț și Constantinopol. Totodată, nu este exclusă nici posibilitatea, așa cum s-a opinat în literatură, ca, cel puțin, o parte din monedele arabe[13] să fi ajuns în spațiul carpato-nistrean și dinspre Marea Neagră, prin artera Nistrului (Teodor 2003, 479).

6. Tezaurele monetare cu dirhemi cufici, mixte și cu argint tăiat

După cum s-a remarcat mai sus, în spațiul carpato-nistrean sunt cunoscute 17 tezaure monetare sau mixte cu argint tăiat, aparținând secolelor IX-XI. Acestea sunt reprezentate de monede bizantine, dirhemi arabi și piese de podoabă din argint.

Zece complexe, sau 58,82%, din totalul de 17 tezaure cunoscute cuprind piese din argint și monede *bizantine*. Dintre tezaurele bizantine, șapte (sau 70%) aparțin categoriei *tezaurelor monetare*. Acestea au fost descoperite la Arciz (reg. Odesa), Cleja (jud. Bacău), Ismail (reg. Odesa), Panciu (jud. Vrancea), Pașcani (jud. Iași), Reni (reg. Odesa) și Suvorov (r-nul Ismail, reg. Odesa). Alte trei tezaure (sau 30%), care aparțin categoriei *tezaurelor mixte,* provin de la Dolhești (jud. Iași), Făurești (mun. Chișinău) (Spinei 1982, 98) și Alcedar (2008) (r-nul Șoldănești). Circulația monedei bizantine în regiunile de la est de Carpați a fost temeinic analizată de cercetători (Iliescu 1957, 461-466; Spinei 1970, 227-242; Musteață 2007, 165-182; Vîlcu, Isvoranu 2015). Numărul de monede bizantine descoperite în spațiul carpato-nistrean, în prezent, este de 582 piese (Musteață 2014, 10-12), dintre care 325 de piese provin din structura tezaurelor.

Șapte tezaure descoperite la est de Carpați (41,17%) conțin *monede arabe* timpurii din argint (dirhemi cufici). Dintre acestea, două reprezintă *tezaure monetare* (28,57%), alcătuite în exclusivitate din monede arabe de argint – dirhemi cufici: tezaurul de la Holoșnița (r-nul Soroca), descoperit în anul 2022, conținea circa 150 de monede, și tezaurul de la Rudi-*La Șanțuri* (r-nul Soroca), aflat în anul 2021, cuprindea circa 300 de monede cufice[14].

Cinci tezaure cu monede islamice aparțin categoriei *tezaurelor mixte,* în care, alături de monede, au fost descoperite piese de podoabă sau lingouri din argint. Din acest grup fac parte tezaurele de la Echimăuți (1951) – trei monede, Răducăneni (1969) – șapte monede, Rezina (2023) – 45 de monede și tezaurul de la Rudi-*La Trei Cruci* (2007) – 10 monede. Tezaurul mixt de la Alcedar (2008) conținea atât monede arabe (2 dirhemi), cât și monede bizantine (3 miliarisii). Un singur tezaur, descoperit în anul 2007 la Cunicea (r-nul Florești), conținea în exclusivitate piese de podoabă din argint (lingouri, torques-uri, lunule, verigi de tâmplă cu pandantiv de tip ciorchine etc.). Faptul că unele tezaure cuprind în structura lor, alături de monede, și piese de podoabă, accesorii vestimentare din argint, ponduri/greutăți pentru balanțe și/sau lingouri, confirmă caracterul comercial-economic al acestora. În cadrul unor tezaure erau prezente pandantive cu decor animalier de tradiție scandinavă, realizați în stilurile *Borre* sau *Elling* (Рябцева, Тельнов 2010, 285-300; Бондарь 2021, 190-208).

7. Pondurile și balanțele pentru banii cântăriți

Despre natura schimbului economic și formele care îl avea comerțul intern, interregional și extern în perioada medievală timpurie, inclusiv despre capacitatea românilor[15] de conectare la schimbul comercial, mărturisesc *pondurile*. În regiunea pruto-nistreană au fost identificate patru forme de ponduri medievale timpurii. I. Sferice turtite (butoiaș) (*Kugelzonengewichte*), II. Cubooctoedrice (*Kubooktaedergewichte*), III. Cilindrice și IV. Elipsoidale.

Ponduri aparținând secolelor IX-XI au fost scoase la lumină la Echimăuți, Alcedar, Păhărniceni-*Petruca* și Hansca (Postică 2021, 139, fig. 49/3; Postică, Hîncu 2023, 792, pl. 187/7-11). Pondurile utilizate la balanțele pentru cântare mici erau

[13] Unii cercetători presupun că monedele de cupru (bizantine sau arabe) în perioada timpurie a legăturilor comerciale ar fi fost utilizate în calitate de greutate/*pondus* pentru balanțele cu două talere din bronz (Жуковский 2018, 101).

[14] Materiale inedite. Informația despre tezaurele de argintărie descoperite pe valea Nistrului Mijlociu în ultimii ani a fost colectată în timpul cercetărilor arheologice de la Soroca din anii 2021 și 2023. Mulțumim și pe această cale voluntarului dlui Grigore Păun pentru informație.

[15] Probabil, în legătură cu aceste procese social-economice și politico-militare, este menționat numele românilor pe stela de la Sijohem, Gotland (Spinei 1973, 57-81, 259-282), unde aceștia sunt învinuiți de prezumtivă trădare a vikingilor (Мельникова 2001, 297-399).

realizate din bronz, fier (şi cupru) şi din plumb (*Bleigewichte*).

Un pond de formă sferică, din fier învelit în folie de cupru, a fost identificat în cadrul tezaurului de la Alcedar, descoperit în anul 2008. Două suprafeţe ale acestuia sunt plane. Piesa este acoperită cu foiţă de cupru, are înălţimea de 16,9 mm şi diametrul de 20,8 mm. Greutatea pondului este de 31,2 g. Pe una din cele două suprafeţe plane pondul are incizate patru cerculeţe unite cu două linii dispuse în formă de cruce de tip *gammata* (Boldureanu 2010, 301-306). Piesa aparţine *tipului B1 timpuriu* după clasificarea propusă de Heiko Steuer (Steuer 1997) sau *tipului A* după Ola Kyhlberg (Kyhlberg 1986, 152). Pondurile de acest fel sunt atribuite perioadei cuprinse între sfârşitul secolului al IX-lea - începutul secolului al XI-lea (Жуковский 2018, 91). Complexul de artefacte din tezaurul de la Alcedar, în cadrul căruia a fost descoperită greutatea, inclusiv monedele de argint, au permis datarea lui la sfârşitul secolului al X-lea.

Un alt pond, probabil, de tip cubooctoedric din bronz, pentru operaţiuni comerciale mărunte, a fost scos la lumină în urma investigaţiilor arheologice de la Echimăuţi, în anul 1951. Aici a fost descoperită o greutate pentru cântare mici. Cercetătorul Gh. Fedorov a numit piesa „*pond de tip obişnuit*" (*весовая гирька обычного типа*), fără alte precizări, menţionând că greutatea piesei era de 5,77 g (Федоров 1953, 124). Probabil, este vorba de un pond din aliaj pe bază de cupru, de tip *cubooctoedric* (Hårdt 1976; Steuer 1987; Жуковский 2017, 177).

Piese din inventarul negustorului sau al meşterului orfevrier şi făurar sunt frecvent descoperite în siturile medievale timpurii din Europa Central-Nordică şi de Est. Heiko Steuer a atribuit pondurile de tip cubooctoedric de la Janov-Pomorski-*Truso* (Polonia) tipului A, iar cele de formă sferică – tipului B (Steuer 2012, 185-290). În tipologia sa, Ola Kyhlberg încadrează pondurile de model cubooctoedric de la Kaupang, în tipul B (Kyhlberg 1986, 152), iar pe cele de formă sferică – în tipul A. Cercetătorii menţionează că cele mai timpurii ponduri cubooctoedrice sunt identificate în complexele de la sfârşitul secolului al IX-lea (Steuer 1987; Steuer 1997). Acestea reprezintă fracţii ale *lirei de Irak*, cu greutatea de 409,5129 g, sau subdiviziuni ale „*unciei*" de Bagrad sau de Irak, a cărei greutate în secolele IX-X varia între 33,5578 g, 33,4729 g şi 33,1050 g (Lewicki 1972, 1-18).

O categorie aparte de greutăţi pentru cântare mici din această perioadă sunt *pondurile din plumb*. Greutăţi din plumb au fost descoperite la Hansca şi Păhărniceni-*Petruca* (Postică 2021, 37, fig. 49/3). Două greutăţi au fost găsite la Hansca în urma săpăturilor din anii 1971 şi 1977. Una din piese este de formă cilindrică[16], având partea superioară rotunjită (Postică, Hîncu 2023, 792, pl. 187/7-9). Înălţimea pondului este de 1,5 cm, diametrul – de 1,6 cm, greutatea piesei este de 45,36 g. Este prevăzut cu orificiu longitudinal de prindere. Cel de-al doilea pond are formă elipsoidală[17], cu marginile rotunjite (Postică, Hîncu 2023, 792, pl. 187/10-11). Este prevăzut cu orificiu de prindere. Diametrul piesei este de 2,5 cm, înălţimea este de 0,6 cm. Greutatea pondului este de 19,69 g. Pe suprafaţă are incizate semne alfabetiforme ilizibile.

Un alt pond din plumb, de formă elipsoidală, a fost descoperit în anul 1988 în aşezarea de la Păhărniceni-*Petruca*[18]. Este prevăzut cu orificiu pentru prindere. Piesa are diametrul de 1,8 cm, înălţimea de 1,0 cm şi greutatea de 15,91 g. Pe una din suprafeţe are semne incizate, realizate după turnare (Postică 2021, fig. 49/3). Ponduri similare din plumb, însă nu identice, au fost descoperite în aşezările de la Bucov-*Ţioca* şi Slon (jud. Prahova). Piesa de la Bucov–*Ţioca* în formă de sferă din plumb, are două suprafeţe aplatizate (Comşa 1978, 119, fig. 94/4). Pe una din suprafeţe pondul avea incizat un semn alfabetiform, iar pe alta – trei linii verticale. În opinia Mariei Comşa, piesa a servit drept greutate pentru cântărirea unor lucruri mici şi preţioase[19], fiind atribuit secolului al X-lea. Un pond similar a fost descoperit în clădirea cnezială nr. 1 din aşezarea fortificată de la Slon-Prahova (Comşa 1978, 119). Analogii pentru pondurile din plumb, cupru sau fier găsim la Tamatarha/Tmutarakan hazară, la *Ţarino gorodiščе*-Majaki (reg. Donеţk) (Комар 2010-2011, 136), atribuită alanilor, dar şi în siturile de la Semenova şi Izmer, aparţinând bulgarilor de pe Volga (Комар 2010-2011, 137; Curta 2013, 305-330), la fel ca şi în situri din nordul Europei (Gustin 2004, 89-96; Brather 2007, 451-471). Semne alfabetiforme care imită ligatura sau semnele arabe au fost identificate pe suprafaţa unor ponduri de la Supruty şi Šestoviţy în Europa de Est (Комар 2010-2011, 139-140).

[16] Se păstrează în fondurile MNIM, nr. inv. FB-29040-8.
[17] Se păstrează în fondurile MNIM, nr. inv. FB-28808-41.
[18] Fondurile MNIM, nr. inv. FB-19512-49.
[19] Autoarea nu indică greutatea pondurilor descoperite la Bucov-*Ţioca* şi Slon.

Pondurile, la fel ca și cântarele de tip balanță cu două talere din bronz, fac parte din inventarul negustorului și/sau al meșterului orfevrier. Pondurile bimetalice de formă sferică, învelite în foiță de cupru, și cele cubooctoedrice sunt considerate a fi greutăți „*oficiale*", sau standard, fiind produse și protejate de autoritățile politice din califatele arabe, iar mai târziu – și de cele din Scandinavia. Pondurile din plumb sunt calificate drept greutăți „*neoficiale*", sau tradiționale. În majoritatea cazurilor, ele reprezintă producția locală[20]. Cele mai sigure în tranzacțiile comerciale cu utilizarea argintului monetar, reprezentat de lingouri sau dirhemi cufici segmentați prin tăiere intenționată, în calitate de mijloc de schimb erau pondurile „*standardizate*" de producție orientală sau nord-europeană (Жуковский 2017, 65-101).

În perioada secolelor IX-XI, în Europa Central-Nordică și de Est au fost utilizate două categorii de balanțe pentru cântare mici: I. Cântare cu brațele inegale (de tip roman) (*Schnellwaage)* și II. Cântare cu brațele egale, cu două talere din bronz – *Feinwaage*. Originea romană și romano-bizantină a acestor cântare nu este pusă la îndoială. Balanțele pentru cântare mici cu brațele egale, înzestrate cu două talere din bronz, sunt reprezentate în regiunile de la est de Carpați de două tipuri de accesorii: 1. Balanța cu brațele realizate dintr-o singură tijă din bronz, nepliabilă, cu două talere din același metal (*Gleicharmige bronzene Waage*), și 2. Balanța cu brațele pliante, cu două talere din bronz (*Klappwaage*).

Un cântar de model balanță aparținând tipului I (*Gleicharmige bronzene Waage*) a fost identificat în depozitul de unelte de făurărie-giuvaergerie de la Voloave (r-nul Soroca) în anul 2018 (Tentiuc, Bubulici 2022, 279-311). Altă balanță, cu brațele pliabile (*Klappwaage*)[21], a fost descoperită în cadrul săpăturilor arheologice de la Lencăuți-Cernăuți (Тимощук 1959, 256, рис. 3/1). Aparține tipului de balanță pentru cântare mici, apărut în Europa la sfârșitul secolului IX - începutul secolului al X-lea. Unii cercetători consideră că tipul de cântare cu brațele pliabile este opera meșterilor arabi[22]. Autorul descoperirii, B. Timosciuk, a atribuit piesa de la Lencăuți-Cernăuți secolelor XII-XIII. Prezența în acest sit a unor vestigii din secolele X-XI, printre care un topor viking, scos la lumină la Lencăuți, aparținând secolelor X-XI) (Тимощук 1959, 250-257; Spinei 1994, fig. 7/8), monedele cufice descoperite în apropiere, la Hliboka, (r-nul Ușița Nouă, reg. Hmelniţk) (Маярчак 2006, 35-36), fac să presupunem existența la Lencăuți-Cernăuți a unor straturi de cultură din secolele X-XI.

O balanță cu bara din fier, fragmentară, a fost descoperită în așezarea de la Bucov-*Rotari* (jud. Prahova). Artefactul aparține categoriei de cântare cu brațele inegale, de tip roman, sau *Schnellwaage*. Piesa a fost scoasă la lumină într-un complex atribuit secolului al X-lea (Comșa 1978, 119, fig. 94).

8. Căile fluviale și terestre de pătrundere a dirhemilor cufici în spațiul carpato-nistrean

Persistența unor aspecte mai puțin lămurite privind căile de pătrundere a monedelor arabe în regiunile carpato-nistrene, fenomenul circulației, mecanismul acumulării (capitalizării), cauzele ascunderii (tezaurizării) monedelor și a podoabelor din argint au făcut ca prezența dirhemilor arabi în circulația monetară din regiune să fie interpretate diferit de către cercetători. În acest context, au fost enunțate mai multe ipoteze privind direcțiile și căile de pătrundere a dirhemilor arabi în acest ținut: deplasarea spre vest a purtătorilor culturii Saltovo-Majaţk (a alanilor și hazarilor) (Кропоткин 1972, 197); expediții de jaf ale localnicilor (Nicolae 2001, 95-102; Boldureanu, Nicolae 2015, 113-116); importul monedei în calitate de materie primă pentru făurirea bijuteriilor (Рабинович 1999, 263-275) sau preponderent pentru aceasta (Болдуряну, Рябцева 2015, 26-33) etc. Opinia lui Gh. Fedorov, potrivit căreia pătrunderea dirhemilor în regiune se afla în legătură cu „influența puternică a statu-

[20] Lipsa de precizie a cântarelor de tip balanță și neîncrederea în pondurile de plumb aparținând producției locale, probabilele erori în tranzacțiile comerciale au făcut ca, odată cu apariția structurilor politico-administrative de nivel regional, în statele medievale românești să fie instituită funcția de „*cantaragiu*". Cantarajiul era persoana responsabilă pentru cântărirea mărfurilor la punctele vamale sau în târgurile/pieţele urbane pentru determinarea măsurii lor exacte. Această funcție a existat în Țările române până în perioada premodernă.

[21] O piesă identică a fost descoperită în situl de la Baia, prima capitală a statului medieval de la est de Carpați. A fost descoperită într-un complex din secolul al XV-lea (Neamțu, Neamțu, Cheptea 1980, 78-79, fig. 44/1-2).

[22] Despre cântarele de tip balanță în Orientul arab s-a păstrat un tractat special aparținând lui Abdurahman al-Hazin, scris în 1121-1122 și numit *Kitab mizan al-hikma* („Marea carte a balanțelor") (Жуковский 218, I, 68). O altă carte despre balanțe, a lui Sabit ibn Kurra (826-901), a fost tradusă în limba latină în secolul al XII-lea (Abbtouy 2006, 6-7).

lui vechi rus”[23], care încă la începutul secolului al X-lea ar fi inclus teritoriile din silvostepa Moldovei în hotarele sale (Федоров 1973, 49; Федоров, Чеботаренко 1974, 8), nu a întrunit adeziunea cercetătorilor. Pe de altă parte, Gh. Fedorov considera că monedele cufice puteau fi rezultatul contactelor comerciale directe ale localnicilor dintre Nistru şi Prut cu bulgarii de pe Volga (Федоров 1974, 124). Această ipoteză a fost îmbrăţişată de numismaţii V.V. Kropotkin şi A.A. Nudelman, care specificau însă că locuitorii din aşezările fortificate de pe Nistru întreţineau legături economice cu Caganatul hazar şi cu Bulgaria de pe Volga începând cu sfârşitul secolului al IX-lea sau începutul secolului al X-lea (Кропоткин 1971, 88-92; Кропоткин 1972, 197-198; Нудельман 1976, 17-18). În acelaşi context, V.L. Janin considera că, după mijlocul secolului al X-lea, în Europa de Est şi de Vest, la sud de linia Movilăului, monedele cufice erau lipsă (Янин 1956, 132). Această opinie a fost invalidată de descoperirile ulterioare ale monedelor cufice în regiune (Teodor 1985, 263-268).

Cartarea tezaurelor şi a descoperirilor izolate de monede cufice demonstrează că acestea gravitează în lungul unor cursuri mari de apă – Nistru, Prut, Siret şi Răut. Răspândirea lor poate fi urmărită până la izvoarele Nistrului şi ale Vistulei Superioare şi ale afluenţilor acestora de la cumpăna celor două sisteme acvatice – pontică şi baltică. Zona corespunde geografic cu Volynia şi Ruthenia, cu regiunile Poloniei Mici şi a Rusiei Roşii (Galiţia orientală), din regiunea vechiului Halici. Aici au fost descoperite tezaure cu monede cufice la Krylos (r-nul Halič), Graboveč (r-nul Bogorodicean), Nižniev (r-nul Tlumaci) (toate în reg. Ivano-Frankovsk, Ucraina), Przemysl, pe râul San, afluent de dreapta al Vistulei (Polonia Mică) etc. (Кропоткин 1971, 88-89, 91-92; Кропоткин 1972, 199-200), la Drohicin, pe Bugul de Vest (Czapkiewicz, Kmietowicz 1960, 145-146) etc. Din regiunea vechiului Halici provin mai multe monede cufice descoperite izolat (Кропоткин 1972, 197-202). În nordul Maramureşului istoric se evidenţiază tezaurul de la Hust, din valea Tisei Superioare, cu peste 400 de monede cufice, descoperit la sfârşitul secolului al XIX-lea (Popa 1970, 44-45), cu cea mai recentă monedă din anul 291 a.h. (903/4 p. Chr.). Aşadar, descoperirea – pe Nistrul Superior şi pe Vistula Superioară, la Nižnev (*tpq*[24] anul 907/908), Graboveč (*tpq* anii 920) şi Krylos (*tpq* anul 935/936), la Hust, pe Tisa Superioară, – a unor tezaure cu monede cufice din secolul al X-lea, reprezentate de nominal abbasid, samanid şi imitaţii ale acestora (Котляр 1971, 25), demonstrează calitatea de placă turnantă a acestui spaţiu pentru legătura dintre zona Scandinaviei şi a Mării Baltice şi regiunile de la Marea Neagră, Balcani şi Bizanţ. Aceste descoperiri au făcut ca A.A. Nudelman să pună la îndoială ipoteza lui Gh. Fedorov privind pătrunderea dirhemilor cufici şi să aprecieze că dirhemii arabi au pătruns în regiunile de la est de Carpaţi dinspre nord, din direcţia Podoliei (Нудельман 1985, 84-89). Cât priveşte utilizarea funcţională a dirhemilor cufici, unii cercetători consideră că monedele arabe erau importate în regiunile de la est de Carpaţi dinspre Polonia sau Germania de Nord, doar pentru a fi utilizate în calitate de materie primă la făurirea pieselor de podoabă (Рябцева, Рабинович 2007, 225). În calitate de exemplu, autorii evidenţiază verigile de tâmplă din argint, cu pandantiv în formă de ciorchine[25], supranumite *de tip Echimăuţi*. Acestea se întâlnesc în număr semnificativ în aşezările deschise şi fortificate, în necropole şi tezaure din spaţiul carpato-nistrean. Conform cercetătorilor, verigile de tâmplă din argint erau făurite în atelierele din aşezările fortificate de plan circular de la Echimăuţi (Федоров 1953, 122; Федоров 1974, 118-119; Дзис-Райко 1959, 83) şi Alcedar, din argint monetar arab (Рабинович 1999, 263-275; Рябцева, Тельнов 2010, 285-300)[26]. Autorii au sesizat legătura

[23] Conform concepţiei geopolitice sovietice, în perioada medievală timpurie, spaţiul de la est de Carpaţi şi de la nordul Gurilor Dunării ar fi fost colonizat şi locuit în exclusivitate de triburile slavilor (vezi analiza concepţiilor: Tentiuc 2019, 337-370).

[24] *Tpq = Terminus post quem.*

[25] G. Fedorov presupunea că argintul şi cuprul, în calitate de materie primă pentru podoabele care se confecţionau la Echimăuţi şi Alcedar, era importat din Transilvania (Федоров 1974, 119). Analizele chimice au permis cercetătorilor să constate că verigile de tâmplă cu pandantiv în formă de ciorchine, dar şi alte bijuterii realizate în tehnica filigranului şi a granulaţiei, erau făurite din argintul monedelor cufice (vezi: Ениосова, Митоян, Сарачева 2004, 26-34), inclusiv cele de la Echimăuţi (Болдуряну, Рябцева 2015, 32). Printre acestea se numără şi pandantivele de formă umboidală, lunulele şi inelele cu titlul argintului 960‰ (Tentiuc, Bubulici 2021, 141-153). Conform ultimelor investigaţii, titlul argintului monetar arab scade către sfârşitul secolului al X-lea până la 760% (Kovalev 2002, 133-184).

[26] În aşezarea fortificată de plan circular de la Echimăuţi, pe Nistru, a fost identificată cea mai mare colecţie de verigi de tâmplă cu pandantiv în formă de ciorchine din Europa de Est – circa 32 de exemplare. Tot aici au fost descoperite ate-

dintre tezaurele de argintărie, scoase la lumină în hinterlandul Vistula, Bugul de Vest și Pripeat', și cele descoperirite la Răducăneni, Echimăuți și Alcedar, inclusiv cu funcționarea drumului comercial care lega Marea Neagră, Nistrul și Bugul de Vest de Vistula și Marea Baltică[27] (Рабинович 1999, 273). Fenomenul a fost semnalat de cercetătoarele Anuța Boldureanu și Svetlana Reabțeva în articolul despre tezaurele mixte și monedele izolate din secolele IX-XI din spațiul carpato-nistrean (Болдуряну, Рябцева 2015, 26-33). Răspândirea tezaurelor de argintărie cu dirhemi cufici și a descoperirilor izolate în lungul unor cursuri mari de apă reprezentând căile comerciale fluviale sau terestre face evidentă pătrunderea acestora în regiunile carpato-nistrene pe vechiul drum transcontinental din perioada romană, de-a lungul Vistulei și al Nistrului (Tentiuc 2017, 125), și utilizarea acestora în schimbul comercial. În perioada medievală timpurie, acest traseu făcea legătură între regiunile din Scandinavia și Marea Baltică cu cele de la Marea Neagră, Bizanț și Constantinopol. Încă în anii '50 ai secolului XX, această cale comercială a fost supranumită „*cel de-al doilea drum de la varegi la greci*" (Пашуто 1950, 166-167). Faptul că în secolele IX-XI cele mai sigure și rapide rămâneau a fi drumurile acvatice[28] (fluviale și maritime costaliere) este confirmat de sursele documentare scrise din epocă (Constantin Porphirogenetul, PVL).

Săpăturile arheologice sistematice și descoperirile fortuite, includerea în circuitul științific a noi vestigii au îmbogățit substanțial cunoștințele asupra fenomenelor social-economice, politice și demografice din Eurasia din această perioadă, inclusiv a fluxului de monede arabe de argint din secolele IX-XI la est de Carpați. Publicarea tezaurelor cu monede arabe și cu „*argint tăiat*" (*Hacksilver*), descoperite în Europa Central-Estică și de Nord, dar și în bazinul Vistulei, Bugului de Vest și Pripeatului (Прохненко 2011, 291-299), a contribuit la înțelegerea mult mai exactă a fenomenului circulației dirhemilor în această parte a Europei. Au fost identificate căile de pătrundere a argintului monetar în diferite regiuni din Europa de Nord și de Est și procesele care le însoțeau. Analiza circulației monetare, a acumulării monedei de argint și a tezaurizării, încadrarea acestor fenomene în procesele social-economice, politice, demografice și politogenetice generale din Eurasia din această perioadă a permis reconstituirea unor aspecte anterior necunoscute din istoria politică și economică a Europei Centrale și de Nord, dar și ale românilor din regiunile de la est de Carpații Orientali.

Cartarea descoperirilor monetare medievale timpurii din spațiul est-carpatic conturează zonele de răspândire a vestigiilor, inclusiv arealul de predominare a nominalului monetar bizantin și a dirhemilor cufici. D. Gh. Teodor consideră că în secolele IX-XI regiunile de la nord-est de Carpații Orientali au devenit spațiu de convergență a comerțului arab și a celui bizantin (Teodor 1985, 263-268). Ipoteza este susținută de descoperirea în regiune a unor vestigii de origine orientală. Elocvente sunt artefactele din mormântul de inhumație aparținând unui copil de 7-8 ani, descoperit la Giurgiulești în anul 1997. Aici, alături de piesele de podoabă din argint reprezentate de nasturi globulari, realizați în tehnica granulației de tradiție bizantină, au fost identificate scoici Caury (*Cypraea moneta),* caracteristice pentru Golful Piersic și Oceanul Indian (Levițki, Haheu, Reabțeva 2001, 309-319). Geografia tezaurelor demonstrează că în zona de sud și de centru a spațiului carpato-nistrean au circulat preponderent monedele bizantine, iar în regiunile de centru-nord și nord-est au predominat monedele islamice timpurii. Pe de altă parte, unii cercetători consideră că dirhemii arabi și tezaurele descoperite în bazinul Nistrului Mijlociu și Superior ar fi în legătură cu pătrunderea în regiune a triburilor pecenegilor, care ar fi distrus așezările fortificate de pe Nistru (Прохненко 2011, 291-299).

Urmând sistematizarea propusă de Richrd Vasmer, cercetătorii au structurat fluxul de monede

liere și unelte de orfevrier – dăltițe, filieră, sârmă de argint și cupru, semifabricate (Федоров 1953, 123, 125).

[27] Autorii au sesizat legătura dintre tezaurele de argintărie din Europa Centrală și cele descoperite în sud-estul Europei, la Răducăneni, Echimăuți și Alcedar, inclusiv cu funcționarea drumului comercial care lega Marea Neagră, Nistrul și Bugul de Vest de Vistula și Marea Baltică (Рабинович 1999, 273), însă nu evidențiază existența unui traseu pe care circulau spre sud nordicii sau contribuția vikingilor la procesele social-economice, politice și demografice din Europa de Est, atribuind totalitatea vestigiilor triburilor slavilor. Verigile de tâmplă cu pandantiv în formă de ciucure sunt apreciate drept *„contribuție a slavilor la cultura scandinavă"* (Рабинович, Рябцева 1997, 240), subliniindu-se că „pe teritoriul Moldovei componenta scandinavă lipsește cu desăvârșire" (Рабинович, Рябцева 2007, 225).

[28] Chiar și bulgarii dunăreni, situați la distanțe incomensurabil mai mici în comparație cu negustorii de la Kiev sau de cei scandinavi, în comerțul cu bizantinii preferau să utilizeze traseele comerciale fluviale (*Ioanes Cameniatta,* p. 496, 11-20, apud Наследова 1956, 72-74).

islamice timpurii pătrunse în Europa în patru intervale cronologice de timp[29]. Primele două perioade (I, II) sunt reprezentate de monedele *abbaside* din anii 750-833 şi 834-905, iar celelalte două (III, IV) reflectă circulaţia monedelor *samanide* şi *buide* (anii 905-938 şi 938-sfârşitul secolului X). V.V. Kropotkin şi A. Nudelman considerau că moneda cufică a pătruns în regiunile de la est de Carpaţi destul de târziu, în perioada a treia a circulaţiei dirhemilor, şi că acestea au fost importate de la bulgarii de pe Volga prin mijlocirea Kievului. Această ipoteză demult depăşită de noile descoperiri, mai este susţinută de către unii cercetători (Валеев, Зеленеев 2021, 142).

Prospectările din spaţiul carpato-nistrean din ultimele decenii invalidează această opinie, extinzând cadrul cronologic de pătrundere a monedei cifice la est de Carpaţi, pentru toată perioada de circulaţie a monedei arabe timpurii în Europa (Boldureanu, Nicolae 2015, 113-116). Astfel, pentru prima etapă (anii 750-905), divizată în două perioade: I. anii 750/800-825 şi II. anii 825-905, corespund *dirhemii abbasizi* din tezaurul mixt de la Răducăneni[30] (jud. Iaşi) (Teodor 1980, 403-423). Recuperat parţial, acesta este alcătuit din 59 de piese de podoabă şi accesorii vestimentare (inele, brăţări, cercei, mărgele), în marea lor majoritate din argint. Între piesele de la Răducăneni se evidenţiază patru lingouri, un frumos colan/torques din argint şi şapte dirhemi cufici. Dirhemii au fost bătuţi între anii 757-806 la Madinat as-Salam (Bagdad), Kufa (prima capitală a califatului), Zarandj din nord-estul Iranului şi la aş-Şaş (Taşkent) (Nicolae 2001, 99-101).

Pornind de la cea mai tânără monedă (tpq a. 806), numismaţii consideră că tezaurul de la Răducăneni poate fi încadrat în cel de-al doilea val de pătrundere a monedelor abbaside în Europa, din anii 825-905 (Boldureanu, Nicolae 2015, 115). În acelaşi timp, cercetătorul Eugen Nicolae optează pentru datarea cea mai timpurie posibilă a tezaurului de la Răducăneni, pentru că în Europa dirhemii erau repede transformaţi în piese de podoabă sau alte obiecte (Nicolae 2001, 96). Pornind de la această premisă, se poate susţine că tezaurul de la Răducăneni a putut fi tăinuit în primul sfert al secolului al IX-lea[31], respectiv, la sfârşitul primului val de pătrundere a monedei cufice în Europa.

Pentru cea de-a doua etapă, în spaţiul carpato-nistrean cele mai numeroase sunt monedele samanide (anii 905-938) şi buide (939-1014). Astfel, două tezaure – de la Echimăuţi (1951) şi de la Alcedar (2008) – reprezintă monede *samanide* şi *buide,* atribuite cronologic perioadei anilor 905-960. Tezaurul de la Echimăuţi[32], desco-

[29] Richard Vasmer a evidenţiat patru perioade de pătrundere a dirhemilor cufici în Europa: I. anii 800-825 (predomină moneda abbasidă, în special din monetăriile africane); II. anii 825-905 (circulă moneda abbasidă bătută în monetării din Orientul Apropiat); III. anii 905-960 (predomină moneda samanidă); IV. anii 960-1014 (de rând cu moneda samanidă, circulă emisiunile buide) (Фасмер 1933, 473-484). V. Janin a nuanţat această sistematizare, evidenţiind următoarele perioade: I. anii 800-833; II. anii 833-900; III. anii 900-938 şi IV. anii 938 - sfârşitul secolului X (Янин 1956, 59). A se mai vedea precizările propuse de Roman Kovalev (Kovalev 2000, 25-64) şi detalierile lui Veaceslav Kuleşov (Кулешов 2015, 73-76).

[30] În structura tezaurului se mai evidenţiază 17 verigi de tâmplă din argint cu pandantiv în formă de ciorchine, realizate în tehnica filigranului şi a granulaţiei, de tradiţie romano-bizantină, dar şi imitaţii ale acestora făcute în bronz. Podoabe identice sunt cunoscute, după cum am menţionat, în siturile fortificate de la Alcedar şi Echimăuţi, în necropolele de la Brăneşti şi Arsura, în tezaurul de la Cunicea (r-nul Floreşti) (8 exemplare) şi altele. Wl. Duczko consideră ca verigile de tâmplă de tip Echimăuţi/Volynian ar fi opera unui orfevrier gotlandez, care le-ar fi produs la Gnezdovo (Duczko 2004, 179-188). Totuşi, identificarea unui număr limitat de astfel de piese de podoabă la Gnezdovo a făcut ca cercetătorii să le considere piese de import. Totodată, s-a opinat că acestea erau produse în situl de la Echimăuţi (Новикова 1990, 107-114; Рябцева 2006, 147-152; Ениосова 1998). În atelierele de orfevrărie de la Echimăuţi şi Alcedar au fost scoase la lumină unelte miniaturale pentru confecţionarea acestui tip de podoabe: ciocănaşe, dăltiţe, nicovale mici, filieră, sârmă din argint şi din bronz (Федоров 1953, 123). Structura tezaurului de la Răducăneni cuprinde întreaga gamă de piese de podoabă cunoscute în spaţiul carpato-nistrean: lunule, mărgele din argint, brăţări şi inele, colan, bare/lingouri din argint, verigi de tâmplă cu pandantiv de tip ciorchine etc., fapt ce confirmă supoziţiile cercetătorilor despre antrenarea/participarea românilor din spaţiul carpato-nistrean la comerţul la mare distanţă, care se desfăşura pe circuitul economic al traseelor comerciale transcontinentale ce legau nordul continentului şi Marea Baltică de regiunile de la Marea Neagră, Bizanţ şi Constantinopol, începând cu a doua jumătate a secolului al VIII-lea şi începutul secolului al IX-lea.

[31] Astfel, spre exemplu, pornind de la cea mai recentă monedă, din anul 893 p. Chr., V.V. Kropotkin atribuie tezaurul cu monede cufice, descoperit în anul 1902 lângă localitatea Novaja Lazarevka (reg. Nikolaev), în bazinul r. Ingul, la sfârşitul secolului al IX-lea (Кропоткин 1972, 197).

[32] Tezaurul de la Echimăuţi a fost scos la lumină în anul 1951, în caroul 15Г din Secţiunea VII, la adâncimea de 20 cm. Conform Raportului de săpătură, acesta cuprindea: 1) trei dirhemi cufici, bătuţi la Samarcand în prima jumătate a secolului al X-lea (unul dintre ei era învelit într-o stofă de in); 2) două verigi de tâmplă din argint, cu pandantiv în formă de ciorchine, cu ornament filigranat şi granulat; 3) două fragmente de la verigi de acelaşi tip; 4) două verigi turnate din bronz întregi şi una fragmentară, care le imită pe cele făurite din argint; 5) trei inele din bronz; 6) două verigi de tâmplă din argint cu suprafaţa netedă; 7) două brăţări din bronz cu capetele apropiate; 8) un lingou de argint cu lungimea de 3,5 cm şi greutatea de 9,27 g (greutatea reală este de 9,35 g) (Boldureanu, Nicolae 2015, 113-115, fig. XXX/8); 9)

perit în anul 1951, cuprindea trei dirhemi samanizi, bătuți între anii 903 și 943 la Samarkand (Кропоткин 1971, 91), dar și piese de podoabă din argint sau bronz, mărgele, un lingou din argint etc. De la Echimăuți mai provin alți 16 dirhemi cufici, bătuți între anii 903 și 943 la Samarkand și Balh. Aceștia au fost descoperiți în diferite locuri din așezarea fortificată de pe Nistru (Нудельман 1985, 86). Dirhemii au fost bătuți în numele emirilor: Ismail ibn Ahmad, în anul hegirei 291 (903-904 p. Chr.) și 293 (905-906 p. Chr.); Ahmad ibn Ismail, din anul hegirei 296 (908-909 p. Chr.), Nasr (II) ibn Ahmad, în anul hegirei 314 (926-927 p. Chr.) și 322 (933-934 p. Chr) (Нудельман 1976, 89-90; Нудельман 1985, 84-89). De la un dirhem segmentat prin tăiere, de la emirul Nasr (II) ibn Ahmad, s-a păstrat doar a patra parte din piesă (Кропоткин 1972, 201; Boldureanu, Nicolae 2015, 115, pl. XXX/7). Săpăturile arheologice de la Alcedar din anii 1962 și 1963 au scos la lumină, de rând cu moneda de cupru samanidă, dublu perforată[33], emisă de Nasr ibn Ahmad (914-943), și o imitație[34] după un dirhem samanid, bătut de bulgarii de pe Volga, purtând numele lui Abdallah ibn Mikhail (anul hegirei 366, sau anul 947/948 după Chr.). Tot de la Alcedar provine un frumos colan/torques din bară masivă, cu decor filigranat, cu titlul argintului de 750‰ (Fedorov 1959, 400, fig. 17/1; 1960, 30-40; Niculiță 2018, 228, nr. 171), considerat de Gh. Fedorov drept însemn simbolic al puterii (Федоров 1973, 45). Piesa este identică colanului descoperit la Răducăneni.

Monede cufice au pătruns în spațiul carpato-nistrean și după mijlocul secolului al X-lea. Acestea sunt reprezentate de piesele din tezaurul de la Alcedar din anul 2008 (Рябцева, Тельнов 2010, 285-300; Болдуряну 2010, 301-306) și de dirhemul buid, bătut pentru emirul Adud ad-Daula (949-983) la Arradjan între anii 949/950 și 973/974, pe timpul califului al-Muti (946-974), descoperit izolat la Iacobeni (jud. Iași) (Nicolae 2001, 95). Tezaurul de la Alcedar are o importanță aparte pentru înțelegerea proceselor social-economice, dar și a rolului schimbului comercial în viața comunităților locale românești de la sfârșitul mileniului I – începutul mileniului al II-lea din spațiul carpato-nistrean. De rând cu piesele de podoabă, din structura tezaurului făceau parte trei monede bizantine și două monede arabe din argint. Monedele bizantine de argint sunt emisiuni din perioada lui Ioan Tzimiskes (969-976). Dirhemul buid din tezaur a fost bătut în anul hegirei 349 (= 960-961 p. Chr.), iar cea de-a doua monedă arabă reprezintă o imitație după un dirhem tăiat intenționat (Boldureanu 2010, 301-306, fig.1; Boldureanu, Nicolae 2015, 115-116, pl. XXXI; Рябцева, Тельнов 2010, 285-300). Structura tezaurului[35] de la Alcedar reflectă realitățile social-economice din ultimele decenii ale secolului al X-lea și începutul secolului al XI-lea. Acestei perioade îi aparține și cea mai târzie descoperire de acest fel, moneda cufică de la Iacobeni (jud. Iași). Piesa reprezintă un dirhem buid bătut în anul 363 al hegirei (anul 973-974 p. Chr.) de către emirul Daud ad-Dauda, stăpânitor al provinciei Fars, cu reședința la Șiraz, pe timpul califului al-Muti. Moneda este tăiată special (Nicolae 2001, 95-96)[36].

Tezaurele cu monede arabe medievale timpurii, descoperite în spațiul carpato-nistrean, fac parte dintr-un număr mai mare de vestigii, analizate și incluse în circuitul științific de numismații Thomas S. Noonan (Нунан 2004, 255-311) și Roman K. Kovalev (2002, 197-216). Catalogul elaborat recent de Roman K. Kovalev și Alexis C. Kaelin cuprinde date despre 1656 de tezaure cu dirhemi

sârmă din bronz; 10) cinci mărgelele din cornalină; 11) trei mărgele din pastă sticloasă; 12) cinci mărgele în formă de lămâie; 13) o placă ornamentală din os (vezi: Федоров 1952, 11). Documentarea deficitară de teren din această perioadă nu permite de a reconstitui contextul descoperirii celorlalte 16 monede cufice, scoase la lumina la Echimăuți.

[33] Ipoteza că toate monedele perforate cu unul, două sau mai multe orificii ar fi fost utilizate în exclusivitate în calitate de pandantivi a fost pusă la îndoială de cercetători. D. Gh. Teodor menționează că numărul mare de monede impunea ca deținătorul, până la eventuala topire și făurire a unui colan/torques, să le poarte legate în „fâșicuri" pentru o mai facilă mânuire și transportare (Teodor 2003, 477). Este posibil ca în calitate de model să fi servit monedele chinezești, prevăzute cu orificiu special pentru a fi legate și purtate în acest fel (Romgard 2016, 229-242).

[34] Conform cercetătoarei S. Janina, piesa purta inscripția circulară: „Această monedă a fost bătută la Aș-Șaș. Moneda a fost bătută de Abdalah ibn Michail" (Федоров 1968, 86).

[35] Tezaurul de la Alcedar mai cuprindea nouă cercei de tâmplă din argint în formă de ciorchine, realizați în tehnica filigranului și a granulației, o lunulă din aur, mărgele de argint, un pandantiv din argint aurit cu decor animalier de tip scandinav, realizat în stilul *Borre,* cu elemente ale stilului *Ellinge* și un mic lingou din argint segmentat prin tăiere, un pond din fier de formă sferică, amintind un butoiaș acoperit în folie de cupru (Boldureanu, Nicolae 2015), cu greutatea de 31,2 g. Câteva tezaure de argintărie, inedite, cu monede cufice nedeterminate, au descoperite în bazinul Nistrului Mijlociu în ultimul deceniu. Unele monede erau tăiate intenționat. Menționăm tezaurele de la Cunicea, Holoșnița, Rudi-*La Șanțuri,* Rudi-*La Trei Cruci* etc.

[36] Alte câteva tezaure monetare cu dirhemi cufici, descoperite recent pe Nistrul Mijlociu, conțin aceleași categorii de piese.

de pe întinsele spaţii afro-eurasiatice. Acestea însumează aproape jumătate de milion de piese arabe din argint (486956 exemplare). În Europa, conform autorului, au fost identificate 1348 de tezaure cu 395371 dirhemi, sau peste 81% din totalul monedelor cufice cunoscute. Europa Centrală şi de Sud-Est, în care, convenţional, au fost incluse România, Ungaria şi republicile Cehia şi Slovacia, sunt reprezentate doar de nouă tezaure cu 824 piese, sau 0,17% din totalul monedelor cunoscute (Kovalev, Kaelin 2007, 560-580).

Numărul mare de tezaure cu dirhemi cufici şi argint tăiat, descoperite în Scandinavia, în special pe insula Gotland din Marea Baltică, a permis reconstituirea traseului parcurs de moneda arabă şi căile de pătrundere a argintului oriental. Conform cercetătorilor, către ultimul sfert al secolului al VIII-lea vikingii, sau Rus, din nordul continentului au stabilit relaţii comerciale cu lumea arabă prin intermediul Caganatului hazar. Deja către anii 770-780, monedele cufice pătrund în nordul continentului european (Нунан 2004, 257; Duczko 2004, 62). Totodată, vestigiile scandinave descoperite în spaţiul carpato-nistrean, regiune de tranzit pentru negustorii şi războinicii scandinavi în drumul lor spre Bizanţ şi Constantinopol, contextualizează traseul de pătrundere a dirhemilor cufici în regiune: Marea Baltică – Vistula – Nistru – Marea Neagră. Chiar dacă nu era cea mai scurtă, această cale nu era nici cea mai sigură, din cauza luptelor dintre diferite formaţiuni politice ale slavilor de vest şi ale celor de est pentru controlul segmentului de drum situat la cumpăna celor două sisteme acvatice – pontic şi baltic – din regiunea vechilului Halici.

Tezaurele cu monede cufice şi piese de podoabă din argint, descoperite în spaţiul carpato-nistrean, fac parte dintr-un număr mai mare de tezaure de argintărie, de peste 2000, cunoscute în Europa Central-Nordică şi de Est. Acestea cuprind zeci de mii de monede orientale (Hårdt 1976; Hårdt 1996; Steuer 1987; Steuer 1997; Losinski 1988; Brather 1999; Brather 2007, 451-471; Metcalf 1972; Pedersen 2008, 119-195 etc.), fiind expresia unui fenomen economic de amploare unică în Europa – importul unor cantităţi impresionante de argint monetar din Califatele arabe în secolele IX-X. Numismatul american Thomas Noonan a calculat că, în secolul al X-lea, în Europa de Nord şi de Est au fost importate din Califatele arabe monede de argint cu greutatea totală de peste 370 de tone, sau circa 3,7 tone anual. Zeci de mii de dirhemi au fost descoperiţi în tezaure în nordul Rusiei şi în ţările scandinave (Нунан 2004, 255-308).

Tezaurele cuprind, alături de monede, piese de podoabă, accesorii vestimentare, pandantive, lingouri, colane de argint etc. În unele cazuri, acestora le sunt asociate ponduri sau balanţe pentru cântare mici cu două talere de bronz. Au fost evidenţiate câteva etape, sau valuri, de pătrundere a dirhemilor islamici în spaţiul carpato-nistrean (Boldureanu, Nicolae 2015, 113-116). Aceste etape corespund dinamicii circulaţiei monedei cufice în Europa de Est şi Nordică. Fiecare dintre aceste etape reflectă particularităţi ale circulaţiei monetare, fapt ce a permis lui Richard Vasmer să evidenţieze direcţiile de pătrundere şi legăturile cu fenomenele social-economice concrete (Фасмер 1933, 473-474; Янина 1956, 180-197; Нунан 2004, 255; Кулешов 2015, 73-76).

Difuziunea monedei arabe de argint prin marele comerţ nu poate fi pusă la îndoială. S-a observat că premisele comerţului la mare distanţă are rădăcini în epoca preislamică (Nicolae 2001, 98; Казанский 2010, 17-127). Acest comerţ se afla în legătură cu fenomenul natural numit „*minimum climatic medieval*" din secolele V-VII (cca 450-650) şi tendinţele de răcire generală a climei în Eurasia. Răcirea climei a făcut să crească cererea de blănuri. Blănurile de animale ca zebelina, hermina, nevăstuica, veveriţa gri, vulpea, jderul, castorul, în calitate de marfă, erau la mare căutate la curtea din Constantinopol şi la cea sasanidă din Iran etc., fiind amintite cu diferite ocazii de autorii arabi (al Gayhani, Ibn Fadlan) (Zimonyi 2014, 38). Prin aceasta se explică prezenţa semnificativă a monedei bizantine şi a obiectelor de argint sasanide în nordul stepelor Rusiei meridionale (Даркевич 1976, 153; Казанский 2010, 95-102; Nicolae 2001, 112-113).

Drumurile comerciale eurasiatice de la sfârşitul mileniului I şi începutul mileniului al II-lea sunt descrise de călătorii şi negustorii arabi, dar şi de autorii bizantini. Legăturile comerciale între regiunile de la Marea Baltică şi Marea Caspică, ce urmau pe Volga, sunt descrise de călătorul arab Ibn Fadlan. În fruntea unei ambasade a califului de Bagdad, acesta a vizitat bulgarii de pe Volga în anul 922. Lasă o descriere veridică şi obiectivă a realităţilor din regiune, inclusiv a negustorilor nordici. Autorul rămâne impresionat de fizicul populaţiei *Rūs* (=scandinav). Aceştia au părul blond, iar din punct de vedere fizic, „nu există

oameni mai perfecți" (Ибн Фадлан 1939, 78). O altă rută comercială care lega nordul de sudul continentului era cea din lungul Niprului. Drumul cu pragurile memorabile parcurs de scandinavi este descris de împăratul bizantin Constantin Porphyrogenetul. În același context, în dependență de stabilitatea politică din regiunile de la nordul Mării Negre și al Mării Caspice, era utilizat și vechiul traseu – exploatat pe larg în perioada romană – de-a lungul Nistrului și al Vistulei, pentru a ajunge în nordul Europei.

În ultimii ani, cercetătorii încearcă să facă distincție între categoriile de importuri pătrunse în spațiul carpato-nistrean în cadrul schimbului comercial cu Imperiul bizantin (*importuri bizantine*), evidențiind pe cele din nordul Europei (*vestigii scandinave*) și pe cele din Orientul arab (*artefacte orientale*). Prospectările arheologice sistematice și descoperirile fortuite au adus la lumina zilei în ultimii ani, în regiunile de la nordul Dunării de jos și la est de Carpații Orientali, mai multe vestigii de evidentă factură scandinavă. Aparținând secolelor IX-XI, acestea fac parte din categoria uneltelor, armelor și armamentului, a podoabelor și amuletelor. Printre ele se evidențiază pandantivele cu ornament tipic scandinav (Tentiuc, Bubulici 2021, 141-153) și amulete cu *decor animalier de evidentă provenientă nordică* (Рябцева, Тельнов 2010, 291-291, рис. 1/13; Tentiuc, Bubulici 2021, 141-153; Бондарь 2021, 190-208; Бондарь 2022, 150-160).

În cadrul tezaurelor și descoperirilor izolate, o categorie aparte de vestigii reprezintă piesele de podoabă și monedele segmentate prin tăiere intenționată. În literatura de specialitate, aceste complexe au fost numite *Argint tăiat,* sau *Hacksilver* (germ.) (Steuer 1987, 405-527; Нунан 2004, 255-309). Cel mai elocvent, în acest sens, este tezaurul de la Alcedar, descoperit în anul 2008. În componența tezaurului, au fost identificate 21 de piese de podoabă, inclusiv un mic lingou din argint, segmentat prin tăiere intenționată, dar și un pond din fier de formă sferică[37], amintind un butoiaș acoperit cu foiță de cupru, cu greutatea de 31,2 g. Alături de acestea, tezaurul mai cuprindea trei monede bizantine de argint de la Ioan Tzimiskes (969-976 p. Chr.) și doi dirhemi cufici, unul reprezentând o imitație fantezistă după un dirhem (tăiat special), cel de-al doilea fiind un dirhem bătut în orașul Ram-Hurmuz în anul hegirei 349 (960-961 p. Chr.), în numele emirilor Muizz ad-Daula și Rukn ad-Daula, stăpânitorii provinciilor Khuzistan și Kirman, și al califului al-Muti (Boldureanu, Nicolae 2015, 115-116). În componența tezaurului a fost descoperită o piesă de cult, din argint aurit cu ornament animalier scandinav, asociat cu benzi și vrejuri împletite, din perioada vikingă, tipică pentru tradițiile nordice. Alte monede, lingouri și colane de argint, segmentate prin tăiere intenționată, au mai fost descoperite în tezaurele de la Alcedar, Cunicea, Echimăuți, Răducăneni și Rezina (2022), dar și izolat, la Iacobeni (jud. Iași). Dintre importurile ce presupun, fără tăgadă, origini orientale amintim scoicile *Cauri,* scoase la lumină din mormântul unei copile de la Giurgiulești (Levițki, Haheu, Reabțeva 2001, 309-319), ce provin din Golful Persic și Oceanul Indian. Unii cercetători consideră că pondurile din fier în formă de butoiaș învelit în folie de bronz și balanțele cu brațele pliabile ar fi opera unor meșteri din Orientul arab (Abattouy 2006, 1-25).

Segmentarea prin tăiere intenționată a monedelor de argint, un fenomen caracteristic pentru secolul al X-lea, este pus în legătură directă cu tranzacțiile comerciale mărunte (Boldureanu, Nicolae 2015, 113-116). Unii cercetători consideră că procesul segmentării prin tăiere intenționată a monedelor nu era străin nici Orientului islamic unde, în tezaure, sunt prezente monede tăiate special sau perforate (Lowick 1975, 118-119; Nicolae 2001, 96, 97). Același lucru se referă și la lingouri (Răducăneni, Echimăuți) și colane (Cunicea, Răducăneni).

Dintre categoriile de vestigii arheologice ce facilitează reconstituirea formelor pe care le avea schimbul comercial în Europa Central-Nordică și de Est, dar și în regiunile extracarpatice, de importanță incontestabilă sunt instrumentele din inventarul negustorului sau/și al meșterului făurar și bijutier (Tentiuc 2022, 111-112). Acestea sunt reprezentate de ponduri/greutăți și de balanțe pentru cântare mici cu două talere din bronz.

Concluzii

Reluarea circulației pe vechile trasee transcontinentale, trendul ascendent al meșteșugurilor și comerțului în viața economică au condus la apariția în lungul drumurilor comerciale a unor hanuri sau tabere militare temporare care, treptat, au fost transformate, cu ajutorul populației

[37] Prezența pieselor din inventarul negustorului în structura unor tezaure (Echimăuți, Răducăneni, Alcedar etc.) demonstrează caracterul economic-negustoresc al acestora.

locale româneşti, în puternice aşezări, fortificate cu şanţuri, valuri de pământ şi palisade. Acestea se transformă, cu timpul, în adevărate nuclee preurbane sau înconjurate de *suburbium* şi *cartiere meşteşugăreşti*.

Sursele arheologice surprind trecerea comunităţilor medievale româneşti de la *economia naturală* a gospodăriei autarhice, bazate pe relaţiile *marfă - marfă*, la *economia monetară,* bazată pe relaţiile *marfă - bani*. În noua conjunctură, schimbul de produse se efectua prin intermediul banilor, calitatea de mijloc de schimb având-o argintul monetar cântărit.

Astfel, sistemul economic în care banii, reprezentaţi prin piese sau fragmente de piese din argint (*torques*-uri, obiecte de podoabă, monede, lingouri etc.), utilizate în calitate de echivalent în tranzacţiile comerciale, erau cântăriţi în procesul de schimb, este definit drept *„economia banilor cântăriţi" (=„Gewichtsgeldwirtschaft")* (Steuer 1987, 407-527). Aceste procese economice au condus la dinamizarea stratificării economice şi sociale în interiorul obştilor săteşti, la apariţia unor nuclee preurbane şi a unor structuri politico-administrative de nivel regional.

Monedele, lingourile, colanele/*torques*-urile din argint, întregi sau segmentate prin tăiere intenţionată, descoperite izolat sau în tezaure la Echimăuţi, Alcedar, Cunicea, Răducăneni, Holoşniţa, Iacobeni (jud. Iaşi), Rudi-*La Şanţuri* etc., confirmă că procesele ce însoţeau schimbul economic de tip *marfă – bani*, inclusiv fenomenul banilor/argintului tăiat *(Hacksilver)*, răspândit pe larg în Europa Centrală şi de Nord, a cuprins şi comunităţile româneşti din spaţiul carpato-nistrean. Aici, calitatea de mijloc de schimb în tranzacţii era asigurată de moneda arabă de argint şi de argintul monetar (lingouri, colane/torques[38], piese de podoabă etc.), folosite pe larg în tranzacţiile comerciale locale, interregionale sau transcontinentale.

În opinia noastră, în secolele IX-X/XI, **traseul transcontinental** de-a lungul Nistrului era controlat de negustorii şi războinicii nordici. Pentru comerţul cu Constantinopolul aceştia utilizau monedele cufice de argint. O parte din monede erau utilizate pentru schimbul comercial cu populaţia romanică de pe Nistru şi Prut. Unele categorii de podoabe din argint puteau fi transportate spre nord. Există temeiuri de a presupune şi implicarea voinicilor din cetele româneşti[39] în procesele militaro-politice şi economice din regiune (Tentiuc 2017, 125-130; Tentiuc 2019, 116-119). Participarea românilor la lupta de la Alta din anul 1019, în coaliţie cu alte neamuri, pentru tronul de la Kiev de după moartea lui Vladimir cel Mare (a. 1015), este documentată de izvoarele scrise ale vremii (Spinei 1973, 65-66; Spinei 1994, 97-98). Unii cercetători sunt de părere că, la un moment dat, în regiune au pătruns şi negustorii arabi[40], interesele acestora intersectându-se cu cele ale vikingilor sedentarizaţi, asimilaţi sau în curs de asimilare, şi ale romanicilor localnici (Teodor 1985, 263-268; Teodor 2003, 478; Teodor 2008, 171-172).

[38] S-a atras atenţia în mai multe rânduri asupra dirhemilor cufici perforaţi care, transformaţi în piese de podoabă, puteau lejer să fie repuşi în circuitul economic în calitate de monetă de schimb cu valoare intrinsecă. În acest sens, este importantă menţiunea călătorului arab *Ibn Fadlan* despre femeile scandinave/vikinge văzute de el în timpul călătoriei la bulgarii de pe Volga din anul 922 p. Chr. Frumos îmbrăcate, acestea purtau la gât, în dependenţă de statutul social şi bunăstarea soţului, în semn de prestigiu al acestuia, unul, două sau mai multe *tauk*-uri (Кулешов 2018, 42-49), realizate prin topirea a 10 mii de dirhemi. Cuvântul arab *tauk* a fost interpretat de unii traducători drept *monisto* (vezi: Ибн Фадлан 1939, 78-79; Ковалевский 1956, 141-142), cu sensul de *şirag de monede*. Traducerile în engleză ale pasajului au folosit pentru cuvântul *tauk* sensul de *neck-ring* (inel de gât) sau *torques* (*colan*) (Lunde, Stone 2012, 46). Asupra inexactităţii traducerii acestui cuvânt de către A.P. Kovalevskij a atras atenţia A.L. Mongait (Монгайт 1961, 111-112). Analiza făcută recent de cercetătorul V.S. Kuleşov (Кулешов 2018, 43-44 şi nota 2) demonstrează că artefacte din bare masive de argint au fost descoperite la Alcedar (vezi fondurile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei din Chişinău, nr. inv. 7261), Răducăneni (se păstrează in fondurile Muzeului de Istorie a Moldovei din Iaşi, nr. inv. 9846), Rudi-*La Trei Cruci* (r-nul Soroca), dar şi patru *torques*-uri din tezaurul de la Cunicea (r-nul Floreşti) (inedite). Colanele de la Alcedar şi de la Răducăneni au aceeaşi formă, acelaşi sistem de prindere, diametru (câte 190 mm) şi greutate (454 g). Greutatea uşor diferită a colanului de la Răducăneni (385 g) poate fi explicată prin pierderea/ruperea unui mic fragment din el (vezi: Teodor 1980, 413). Cercetătorii Roman Kovalev şi Alexis Kaelin (2007, 560-580) menţionează că din cei circa 125 mln de dirhemi cufici, exportaţi în Europa Central-Nordică şi de Est în secolul al X-lea, au fost identificaţi mai puţin de jumătate de million (mai exact 486.956 monede). Ceilalţi, probabil, au fost topiţi şi transformaţi în piese de podoabă şi colane, fenomen despre care menţionează în notiţele sale Ibn Fadlan.

[39] Cetele înarmate ale voinicilor vlahi de la est de Carpaţi au participat, la începutul secolului al XI, după moartea lui Vladimir de Kiev în anul 1015, la luptele pentru putere ale cnezilor kieveni Iaroslav şi Sviatopolk (lupta de la Alta, de lângă Kiev, din anul 1019). Vlahii din această perioadă sunt menţionaţi în sursele scandinave, cum ar fi *Saga lui Eymund* şi în cronicile vechi ruseşti (Spinei 1994, 97-99).

[40] În acest sens, au fost enunţate diferite păreri despre etimologia toponimului *Alcedar,* numele celei mai importante aşezări fortificate de plan circular de pe Nistru, în care s-a recunoscut consonanţă arabă.

După căderea dinastiei ommaiade, Califatul abbasid (750-1055/1258) și-a concentrat eforturile spre reorganizarea structurilor politico-administrative și economice ale statului. În acest sens, un aspect important l-a constituit susținerea comerțului la mare distanță și controlul multiplelor ramificații din extremitatea de vest a Marelui drum al mătăsii. Acestea au fost preluate după lupta de la Talas (anul 751), când au fost învinse armatele Imperiului Tang (Большаков 1980, 132-135) și s-a pus capăt procesului de sinizare a regiunii. Lupta pentru controlul debușeelor din lungul drumurilor de caravane s-a dus între Tahirizi (820-872) și Saffarizi (867-903), pe de o parte, dar și Samanizi (819-999) și Buizi (945-1012), pe de altă parte. Statul samanid, suzeran Califatului Abbasid, cu capitala la Bukhara, a fost fondat de patru frați în secolul al VIII-lea, în calitate de guvernatori ai unor regiuni disparate, a fost unificat în anul 892 de către emirul Ismail Samani, cu pretinse origini persane, presasanide. Pe de altă parte, criza argintului în imperiul carolingian, identificarea unor căi alternative spre Marele drum al mătăsii, interesul deosebit al vikingilor pentru metalul alb au facilitat conectarea nordicilor la marile trasee transcontinentale, unde rolul de placă turnantă aparținea Caganatului Hazar și Caganatului Bulgariei de pe Volga (Curta 2013, 303-330).

Bibliografie

Abattouy 2006: M. Abattttouy, The Arabic Tradition of Mechanics. The Birth of the Science of Weights. Foundation of a Science, Technology and Civilization 615, 2006, 1-25.

Angelescu et al. 2003: C. Angelescu et al., Economia, ediția a șasea (București 2003).

Andersen, Sandholt, Volmar-Skovsgaard 2016: P. Andersen, J. Sandholt, C. Volmar-Skovsgaard, The heavy plow and the agricultural revolution in Medieval Europe. Joural of Development Economics, 118 (C), 133-149.

Barnea 1967: I. Barnea, Meșteșugurile locuitorilor din așezarea feudală. In: Gh. Ștefan et al., Dinogetia. Așezarea feudală timpurie de la Bisericuța-Garvăn (București 1967).

Beeson, De Jong, Troesken 2001: P.E. Beeson, D.N. De Jong, W. Troesken, Population growth in U.S. Couties, 1840-1990. Regional Science and Economies, 31 (6), 669-699.

Boldureanu 2010: A. Boldureanu, Византийские и исламские монеты из Алчедарского клада. Stratum plus 5, 2010, 301-306.

Boldureanu, Nicolae 2015: A. Boldureanu, E. Nicolae, Moneda din Moldova (Chisinau 2015).

Bosker, Buringh, Liuten van Zanden 2013: M. Bosker, E. Buringh, J. Liuten van Zanden, From Baghdad to London: unraveling urban development in Europe, the MiddleEast, and North Africa, 800-1800. The Review of Economics and Stattistics 95, 4 (Octomber 2013), 1418-1437.

Brather 1999: S. Brarher, Frühmittelalterliche Dirham-Schatz- und -Einzelfunde im südlichen Ostseeraum: Die Anfänge der Gewichtsgeldwirtschaft bei den Westslawen. In: (Hrsg. S. Brather, Ch. Bücker, M. Hoeper) Archäologie als Sozialgeschichte. Studien zu Siedlung, Wirtschaft und Gesellschaft im frühgeschichtlichen Mitteleuropa. Festschrift für Heiko Steuer zum 60. Geburtstag (Ragden West 1999), 179-197.

Brather 2007: S. Brather, Counted and weighed silver: the fragmentation of coins in early medieval East Central Europe. In: (Eds. I. Henning, W. Iohann) Post-Roman Towns. Trade and settlement in Europe and Byzantium, Vol. I: The Heirs of the Roman West (Berlin, New York: De Gruyter 2007), 451-471.

Braudel 1989: F. Baudel, Timpul lumii. Traducere și prefața de A. Riza (București 1989).

Brătianu 1940: Gh. I. Brătianu, Le commerce bulgare dans l'empire byzantine et le monopole de l'empereur Leon VI a Thessalonique. In: Известие на Българского историческо дружество, XVI-XVIII. Сборникъ в памятъ на проф. Петъръ Никовъ (София 1940), 30-36.

Canache, Curta 1994: A. Canache, Fl. Curta, Depozite de unelte și arme medievale timpurii de pe teritoriul României. Musaios IV/I, 1994, 174-221.

Cantemir 1975: Dimitrie Cantemir, Descrierea Moldovei. Traducere de N. Costenco (Chișinău 1975).

Comșa 1978: M. Comșa, Cultura materială veche românească. Așezările din secolele VIII-X de la Bucov-Ploiești (București 1978).

Constantinus Porphirogenetus 1967: Constantinus Porphirogetus, De administrando imperio. Ed. Gy. Moravcsik, R.J.H. Jenkins (Washington 1967).

Curta 2011: F. Curta, Neu Remarks on Early Medieval Hoards of Iron Implrment and Weapons. In: (Ed. J. Machcek, S. Ungermann) Frühgeschichtliche Zentralorte in Mitteleuropa. Internationale Konferenz und Kolleg der Alexander von Humboldtstiftung zum 50. Jahrestag des Beginns archäologischer Ausgabungen in Pohansko bei Breslau, 5-9.10.2009, Breslau, Tschechische Republik (Bonn 2011), 251-276.

Curta 2013: F. Curta, Markets in Tenth-Century al-Andalus and Volga Bulgaria: Contrasting Views of Trade in Musluim Europe. In: Society for the Medieval Medikterraean, vol. 25/3, 2013, 305-330.

Custurea 2000: G. Custurea, Circulaţia monedei bizantine în Dobrogea (sec. IX-XI) (Constanţa 2000).

Custurea 2002: G. Custurea, Ponduri antice şi medievale descoperite în Dobrogea. Pontica 35, 2002, 439-443.

Czapkiewicz, Kmietowicz 1960: M. Czapkiewicz, M. Kmietowicz, Skarb monet arabskich z okolic Drohiczyna nad Bugiem (Poznan 1960).

Dejan 2015: M. Dejan, Elemente răsăritene în ţinuturile extracarpatice (secolele VI-X) (Suceava: Ed. Karl A. Romstorfer 2015).

Diaz et al. 2011: H.F. Diaz, R. Trigo, V.K. Hughes, M.E. Mann, E. Xoplaki, D. Darriopedro, Spatila and temporal chacteristics of climate in medieval times revisited. Buletin of the American Meteorological Society 92/11, 2011, 1487-1500.

Ducene 2018: J.-C. Ducene, L'Europe et les geographes arabes du Moyene Age (Paris 2018).

Duczko 2004: Wl. Duczko, Viking Rus. Studies on the Presence of Scandinavians in Eastern Europe. Series The Northern World, vol. 12 (Leiden, Boston: Brill 2004).

Fairbridge 2005: R.W. Fairbridge, Medieval Warm Period or „little Climatic Optimum". In: (Ed. J.E. Oliver) Encilopedia of World Climatology. Encilopedia of Earth Sciences Series (Dardrecht 2005), 482-484.

Fedorov 1959: G.B. Fedorov, Rezultatele şi problemele principale ale cercetărilor arheologice din sud-vestul U.R.S.S. referitoare la primul mileniu al e.n. SCIV X/ 2, 1959, 371-408.

Focşa, Roşca 2018: V. Focşa, G. Roşca, Protecţia resurselor minerale. In: Anuarul IES 2017, Protecţia mediului în Republica Moldova (Chişinău 2018), 73-86.

Glaeser 2014: E.L. Glaeser, A World of cities: the causesand consequences of urbanisation in poorer countries. Journal of the European Economic Association 12 (5), 2014, 1154-1199.

Goosse et al. 2006: H. Goosse, O. Arzel, J. Luterbscher, M.E. Mann, H. Renssen, N. Riedwyl, A. Timmermman, E. Xoplaki, H. Wanner, The origin of the European „Medieval Warm Period". Climate of the Past 2, 2006, 99-113.

Gollin, Jedwab, Vollrath 2016: D. Gollin, R. Jedwab, D. Vollrath, Urbanization with and without industrialization. Journal of Economic Growth 21 (1), 2016, 35-70.

Gustin 2015: In. Gustin, Trade and Trust in the Baltic sea area during the Viking Age. In: Maritime Societies of the Viking and Medieval World (London and New York 2015), 25-40.

Hårdt 1976: B. Hårdt, Wikingerzeitliche Depotfunde aus Sudschweden: Probleme und Analysen (Lund: Liber-Laromedel/Gleerup 1976).

Hårdt 1996: B. Hårdt, Silver in the Viking Age: a Regional-Economic Study (Stockholm: Alquist & Wiksell International 1996).

Hårdt 2008: B. Hårdt, Hacksilver and Ingots. Means of Exchange. Kaupan Excavation Project. Publication Serie, 1 (Aarhus University Press 2008), 95-115.

Hîncu 1997: I. Hîncu, Triburile tiverţilor şi ulicilor în spaţiul carpato-nistrean. In: Spaţiul Nord-Est-Carpatic în mileniul întunecat (Iaşi 1997), 125-132.

Iliescu 1957: O. Iliescu, Însemnări privitoare la descoperiri monetare. Studii şi Cercetări de Numismatică I, 1957, 462-463.

Ježek, Zavřel 2011: M. Ježek, J. Zavřel, Probierensteine als Prüfstein der Archäologie Nachweis und Kontexte eins Hilfsmittels im Mittelalter. Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters 39, 2011, 125-160.

Jonsson, Wessen 1962: B.F. Jonsson, E. Wessen, Gotlands runinskrifter (Stockholm 1962).

Kyhlberg 1986: O. Kyhlberg, Late Roman and Byzantine Solidi. An archaeological analysis of coins and hoards. Ercavations at Helgö X, 1986, 13-126.

Kitab 1892: Kitab al-A'lak an-Nafisa auctore Ahmed Ibn Abi-Jakub ibn-Wadhih al-Katib al-Jakubi. Bibliotheca Geographorum Arabikorum (Lugdu ni Batavorum 1892).

Kovalev 2000: R.K. Kovalev, The Infrastructure of the Northern Part of the 'Fur Road' Between the Middle Volga and the East During the Middle Ages. Archivum Eurasiae Medii Aevi 11, 2000-2001, 25-64.

Kovalev 2002: R.K. Kovalev, Dirham Mint Output of Samanid Samarq and its Connection to the Beginnings of Trade with Northern Europe (10th century). Histoir et Mesure 17/3-4 (Monnaie et espace), 2002, 197-216.

Kovalev, Kaelin 2007: R.K. Kovalev, A.C. Kaelin, Circulation of Arab Silver in Medieval Afro-Eurasia. Preliminary Observations. History Compas 5/2, 2007, 560-580.

Lecoutex 2010: C. Lecoutex, Dicţionar de mitologie germanică (Bucureşti 2010).

Leviţki, Haheu, Reabţeva 2001: O. Levitki, V. Haheu, S. Reabţeva, Bijuterii din secolele X-XI de la Giurgiulesti, jud. Cahul. Memoria Antiqitatis XXII, 2001, 309-319.

Lewicki 1972: T. Lewicki, Handel Samanidów ze wschodnią i środkową Europą. Slavia Antiqua 19, 1972, 1-18.

Liutprand of Cremona 1996: The Complete Works of Liudprand of Cremona (Paris 1996).

Losinski 1988: W. Losinski, Chronologia naplywu najstarszej monety arabskiej na terytorium Europy. Slavia Antiqua XXXI, 1988, 93-181.

Lowick 1975: N.M. Lowick, An Early Tenth Centiry Hoard from Isfahan. The Numismatic Chronicle 15, 1975, 110-154.

Lozovan 1963: E. Lozovan, Vikings et Valaqurs au Moyen Age. Revue internationale d'ononastique 15/2, 1963, 107-126.

Lunde, Stone 2012: P. Lunde, C. Stone, Ibn Fadlān and the Land of Darkness. Arab Travellers in the Far North (Londres: Penguin Classics 2012).

Manolescu 1974: R. Manolescu, Societatea feudală în Europa apuseană (București 1974).

Mănucu-Adamesteanu 1984: Gh. Manucu-Adamesteanu, Elemente de cultura bizantină la Gurile Dunării. Peuce 9, 1984, 375-388, 725-732.

Metcalf 1972: D.M. Metcalf, Metal contents of medieval coins. In: Methods of chemical and metallurgical investigation of ancient coinage (London 1972).

Metzenthin 1941: E.M. Metzenthin, Die Länder- und Völkemamen im altisländischen Schrifttum (Bryn Mawr 1941).

Musset 1992: L. Musset, Invaziile. Al doilea asalt asupra Europei creștine (secolele VII-XI), vol. II, trad. de O. Cristea (București 2020).

Musteață 2007: S. Musteață, Răspândirea monedei islamice timpurii la nordul Dunării de Jos în sec. VIII-X. In: Monedă și comerț în sud-estul Europei, I. Bibliotheca Bruckenthal IX (Sibiu 2007), 165-182.

Musteață 2014: S. Musteață, Moneda bizantină în regiunile carpato-nistrene în secolele VI-X (Chișinău 2014).

Musteață 2018: S. Musteață, Nomads and Natives beyond the Danube and the Black Sea, 700-900 CE (Leeds: Amsterdam University Press, ARC Humanities Press 2018).

Neamțu, Neamțu, Cheptea 1980: E. Neamțu, V. Neamțu, S. Cheptea, Orașul medieval Baia în secolele XIV-XXII (Iași 1980).

Neamțu 1975: V. Neamțu, La technique de la production céréaliere en Valachie et en Moldavie jusqu'au XVIII siècle (București 1975).

Nicolae 2001: E. Nicolae, Un dirhem din secolul al X-lea descoperit la Iacobeni, com. Vladeni, jud. Iasi. In: Simpozion de numismatică dedicat împlinirii a patru secole de la prima unire a românilor sub Mihai Viteazul, Chisinau, 28-30 mai 2000 (București 2001), 95-102.

Niculiță 2018: A. Niculiță, Piese de giuvaiergerie antică din colecțiile Muzeului Național de Istorie a Moldovei. Catalog (Chișinău 2018).

Niculiță, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiță, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică (București 2002).

Panaitescu 1994: P.P. Panaitescu, Drumul comercial al Poloniei la Marea Neagră în Evul Mediu. In: P.P. Panaitescu, Interpretări românești (București 1994), 83-98.

Papacostea 2000: Ș. Papacostea, Drumurile comerciale internaționale și geneza statelor românești în viziunea lui Nicolae Iorga și în istoriografia zilelor noastre. Studii și materiale de istorie medie XVIII, 2000, 45-56.

Paraschiv-Talmațchi, Talmațchi 2013: C. Paraschiv-Talmațchi, G. Talmațchi, Comerțul la Gurile Dunarii în secolele IX-XII. Un stadiu al cercetărilor. Pontica XLVI, 2013, 263-291.

Pascu et al. 2010: St. Pascu, St. Olteanu, D. Gh. Teodor, O. Iliescu, Dinamica structurilor demo-economice (rețeaua demografică, structurile teritoriale, îndeletnicirile agrare, creșterea animalelor, exploatarea bogățiilor miniere, „economia de transformare", circulația mărfurilor și a banilor). Istoria românilor, III (București 2010), 157-225.

Pedersen 2008: U. Pedersen,Weights and balances. Means of Exchange. Kaupang Excavation Project Publication Series, vol. 2 (Aarhus University Press 2008).

Pleiner 1965: R. Pleiner, Die Eisenverhüttung in der Germania Magna zur römischen Kaiserzeit (Berlin 1965).

Popa 1970: R. Popa, Țara Maramureșului în veacul al XIV-lea (București 1970).

Postică 2007: Gh. Postică, Civilizatia medievală timpurie din spațiul pruto-nistrean (secolele V-XIII) (București 2007).

Postică 2021: Gh. Postică, Așezarea medievală timpurie de la Păhărniceni-„Petruca" din codrii Orheiului (Chișinău 2021).

Postică, Hîncu 2023: Gh. Postică, I. Hîncu, Hansca. Așezarea medievală timpurie din codrii Lăpușnei (Chișinău 2023).

Postică, Sava 2023: Gh. Postică, E. Sava, Așezările preistorice și antice târzii de la Mereni (Chișinău 2023).

Preda 1975: C. Preda, The Byzantin coins – an expresion of the relations between the Empire and populations north of the Danube in the 6th - 13th centuries. In: Relations between the autochthonous population and migratory populations on the territory of Romania (București 1975), 229-233.

Romgard 2016: J. Romgard, Did the Viking trade with China? On a controversal passage in Ibn Khordahbeh's Boor of Itineraries and Kingdoms. Fornvannen. Joural of Swedish antiquarian research 111, 2016, 229-242.

Samuelson 1953: P.A. Samuelson, L'Economie, tom I (Paris 1953).

Schneeweiss 2013: J. Schneeweiss, Munz- und Gewichtsgeldwirtschaft an der westlichen Peripherie der slawischen Welt. In: Economies, Monetisation and Society in the West Slavic Lands. 800-1200 AD. Ed by M. Bogucki and M.Rebkowski (Szezecin 2013). 237-266.

Spinei 1970: V. Spinei, Unele consideraţii cu privire la descoperirile arheologice din Moldova din secolul al XII-lea până în prima jumătate a secolului al XIV-lea. Studii şi cercetări de istorie veche 21/1, 1970, 253-265.

Spinei 1973: V. Spinei, Informaţii despre vlahi în izvoarele medievale nordice. Studii şi cercetări de istorie veche, I, 24/1, 1973, 57-81; II, 24/2, 1973, 259-282.

Spinei 1982: V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (București 1982).

Spinei 1985: V. Spinei, Realităţi etnice şi politice în Moldova meridională în secolele X-XIII. Români şi turanici (Iaşi 1985).

Spinei 1994: V. Spinei, Moldova în secolele XI-XIV (Chişinău 1994).

Spinei 1997: V. Spinei, Coordonate ale problemei formării poporului român. Destin românesc IV/15, 1997, 3-20.

Steuer 1987: H. Steuer, Gewichtsgeldwirtschaften im frühgeschichtlichen Europe. Feinwagen und Gewichte als Quälern zur Wahrungsgeschichte. In: (Ed. K. Duwel, H. Jahnkun, H. Siems, D. Timple) Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Teil IV: Der Hendel der Karolingers und Wikingerzeit (Göttingen 1987), 495-527.

Steuer 1997: H. Steuer, Waagen und Gewichte aus dem mittelalterlichen Schleswig. Funde des 11. bis 13. Jahrhunderts aus Europa als Quellen zur Handels- und Wahrungsgeschichte. Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters 10 (Köln 1997).

Steuer 2012: H. Steuer, Waagen und Gewichte in Janow. In: (Ed. S. Brather, M.F Jagodzinski) Der wikingerzeitliche Seehandelsplatz von Janow (Truso). Geophysikalische, Archäopedologische und archäologische Untersuchungen. 2004-2008 (Bonn 2012), 185-280.

Tentiuc 2017: I. Tentiuc, Populaţia din Moldova Centrală în secolele X-XIII (Chişinău 2017).

Tentiuc 2019: I. Tentiuc, Cu privire la pătrunderea, staţionarea şi raporturile enclavelor vikinge cu populaţia românească din spaţiul carpato-nistrean în secolele IX-XI. In: Miscellanea Historica et Archeologica in honorem Profesoris Ionel Cândea septuagenarii (București-Brăila 2019), 89-121.

Tentiuc 2022: I. Tentiuc, Piese din inventarul negustorului din secolele IX-XI descoperite la Est de Carpaţi. In: Arheologie interdisciplinară: metode, studii, rezultate (Chişinău 2022), 111-112.

Tentiuc, Bubulici 2020: I. Tentiuc, V. Bubulici, Early Medieval Hoard of foring and Jevelry tools found at Voloave Soroca district. Tyragetia s.n. XIV/1, 2020, 255-280.

Tentiuc, Bubulici 2021: I. Tentiuc, V. Bubulici, Consideraţii privind pandantivele scandinave cu decor animalier sau în formă de scut semisferic din secolele X-XI, descoperite pe Nistrul Mijlociu. Acta Musei Tutovensi. Istorie veche şi arheologie XVII, 2021, 141-153.

Tentiuc, Bubulici 2022: I. Tentiuc, V. Bubulici, Un depozit cu unelte de făurărie-juvaiergerie din perioada medievală timpurie, descoperit la Voloave-Soroca. In: Medias Res Antiquorum Miscellanea in honorem annos LXV peragentis Professoris Costel Chiriac oblata (Cluj-Napoca 2022), 279-312.

Tentiuc, Munteanu 2022: I. Tentiuc, V. Munteanu, The connections of Eastern Carpatian space with the Vikig World: a neu sword scabbard chape from the Early Medieval ages descovered in Moldova. In: Est Modus in rebus. Essays Presented to Professor Mihai Barbulescu (Cluj-Napoca 2022), 427-455.

Teodor 1978: D. Gh. Teodor, Teritoriul est-carpatic în veacurile V-XI e.n. Contribuţii arheologice şi istorice la problema formării poporului român (Iaşi 1978).

Teodor 1981: D. Gh. Teodor, Romanitatea carpato-dunăreană şi Bizanţul în veacurile V-XI e.n. (Iaşi 1981).

Teodor 1984: D. Gh. Teodor, Continuitatea populaţiei autohtone la est de Carpaţi. Aşezările din secolele VI-XI e.n. de la Dodeşti-Vaslui (Iaşi 1984).

Teodor 1985: D. Gh. Teodor Legăturile economice între regiunile de la răsărit de Carpaţi si Orientul arab în secolele IX-X e. n. Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol" XXII/1, 1985, 263-268.

Teodor 1996: D. Gh. Teodor, Meşteşugurile la nordul Dunării de Jos în secolele IV-XI d. Ch. (Iaşi 1996).

Teodor 2003: D. Gh. Teodor, Spaţiul carpato-dunăreano-pontic în Mileniul Marilor Migraţii (Buzău 2004).

Teodor 2004: D. Gh. Teodor, Depozitul de unelte şi arme medievale timpurii de la Gârbovăţ, jud. Galaţi. Memoria Antiquitatis XXIV, 2004, 395-406.

Tripșa et al. 1981: I. Tripșa, A. Alexandrescu, I. Barbu, O. Hatarascu, St. Olteanu, Din istoria metalurgiei românești (București 1981).

Trouet et al. 2009: V. Trouet, J. Esper, N. E. Graham, A. Baker, J. D. Scouurse, D. C. Frank, Persistent pozitive Nlrth Atlantic Oscilation mode dominated the medieval climate anomaly. Science 324, 2009, 78-80.

Váňa 1956: Z. Váňa, Lahvovité tvary v západoslovanské keramice. Památky archeologické 47/1, 1956, 105-147.

Vasiliev 2010: A.A. Vasiliev, Istoria Imperiului bizantin, trad. și note I.-A. Tudosie, V.-A. Caraba, S.-L. Nazaru (București 2010).

Vîlcu, Isvoranu 2015: A. Vîlcu, Th. Isvoranu, Monedele bizantine. In: A. Boldureanu, E. Nicolae (eds.), Moneda din Republica Moldova (Chișinău 2015), 97-107.

Wallerstein 1992: I. Wallerstein, Sistemul mondial modern, vol. I-II, trad. D. Abraham, I. Bădescu, M. Ghibernea (București 1992).

Zimonyi 2014: I. Zimoni, Medieval Nomads in Eastern Europe. Collected Studies (Bucureşti 2014).

Азбелев 1958: С.Н. Азбелев, Совершались ли сухопутные походы на Константинополь. Вестник Ленинградского университета. Серия истории, языка и литературы 8/2, 1958, 166-170.

Бартольд 1897: В.В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию в 1893-1894 гг. (Санкт-Петербург 1897).

Бартольд 1898: В.В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, I (Санкт-Петербург 1898).

Бауер 2014: Н.П. Бауер, История древнерусских денежных систем (IX в. - 1535 г.) (Москва 2014).

Болдуряну 2010: А. Болдуряну, Византийские и исламские монеты из Алчедарского клада. Stratum plus 5, 2010, 301-306.

Болдуряну, Рябцева 2015: А. Болдуряну, С. Рябцева, Денежно-вещевые клады и отдельные находки монет в памятниках Карпато-Днестровского региона IX - начала XI вв. В сб.: Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII-XI вв. II Международная нумизматическая конференция. Материалы докладов и сообщений (Санкт-Петербург 2015), 108-115.

Большаков 1980: О.Г. Большаков, К истории Таласской битвы (751 г.). В сб.: А. Ольдероге, Страны и народы Востока, XXII (Москва 1980), 132-135.

Бондарь 2021: И. Бондарь, Интерпретация сакральных символов и сюжетов на раннесредневековом поклонном камне близ села Рудь. Tyragetia s.n. XV/1, 2021, 361-385.

Бондарь 2022: И. Бондарь, Руническая надпись нового скандинавского зооморфного амулета раннесредневекового времени, обнаруженного на Среднем Днестре в Молдавии. Скандинавская филология 20/1, 2022, 150-165.

Валеев, Зеленеев 2021: Р.М. Валеев, Ю.А. Зеленеев, Мусульманские монеты как товар и средство платежа Волго-Уралья в VIII-нач. XI вв. Поволжсая Археология 4 (38), 2021, 137-151.

Гольцева, Кашуба 1995: Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (Тирасполь 1995).

Даркевич 1976: В.П. Даркевич, Светское искусство Византии. Произведения византийского художественного ремесла в Восточной Европе X-XII века (Москва 1976).

Дзис-Райко 1959: Г.О. Дзис-Райко, Ювелірні вироби слов'ян Подністров'я [За материалами Одеського археологічного музею]. У зб.: Праці Одеського ун-ту, т. 149 (Сер. іст. наук), вип. 7 (Археологічний збірник), ч. I, 1959, 81-87.

Ениосова 1998: Н.В. Ениосова, Литейные формы Гнездова. В сб.: Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Даниила Антоновича Авдусина (Москва 1998), 67-81.

Ениосова, Митоян, Сарачева 2004: Н.В. Ениосова, Р.А. Митоян, Т.Г. Сараяева, Серебро в металообработке Южной Руси в IX-XI вв. У зб.: Стародавний Іскоростень і слов'янскі гради VIII-X ст. (Київ 2004), 26-34.

Жуковский 2017: М.О. Жуковский, Раннесредневековые наборы весовых гирек Восточной Европы. В сб.: Древнейшие государства Восточной Европы. Экономические системы Евразии в ранее средневековье (Москва 2017).

Жуковский 2018: М.О. Жуковский, Инструменты для взвешивания в контексте погребального инвентаря курганов Гнездова: некоторые аспекты интерпретации. Известия Смоленского Государственного университета 3, 2018, 310-321.

Ибн Фадлан 1939: Ахмед Ибн Фадлан, Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Перевод и комментарий А.П. Ковалевского. Под ред. И.Ю. Крачковского (Москва-Ленинград 1939).

Казанский 2010: М.М. Казанский, Скандинавская меховая торговля и Восточный мир в эпоху переселения народов. Stratum plus 4, 2010, 17-127.

Кашуба 2000: М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.

Клейман 1984: И.Б. Клейман, О раскопках Тиры в 1940 г. В сб.: Новые археологические исследования на Одесчине (Киев 1984), 66-74.

Ковалевский 1956: А.П. Ковалевский, Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. (Харьков 1956).

Комар 2010-2011: А.В. Комар, Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик. В сб.: Хазарский Альманах, 9 (Харьков 2010-2011), 131-184.

Котляр 1971: Н.Ф. Котляр, Денежное обращение на территории Украины эпохи феодализма (Киев 1971).

Кропоткин 1971: В.В. Кропоткин, Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе. Нумизматика и сфрагистика IX, 1971, 76-97.

Кропоткин 1972: В.В. Кропоткин, Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье. В сб.: Проблемы археологии и древней истории угров (Москва 1972), 197-202.

Кулешов 2015: В.С. Кулешов, Хронология обращения исламских монет в Восточной Европе (конец IX - XI в.). В сб.: Нумизматические чтения государственного Исторического музея 2015 года (Москва 2015), 73-76.

Кулешов 2018: В.С. Кулешов, Закавказье, Византия и Англия встречаются в Кореле: о монетах из ожерелья с мыса Ристиниеми в Хийтола. В сб.: Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2018 года (Москва 2018), 42-46.

Маярчак 2006: С. Маярчак, Археологічні пам'ятки IX-XIII ст. Лівобережжя Середнього Подністров'я (Кам'янець-Пдільський 2006).

Мельникова 2001: Е.А. Мельникова, Скандинавские рунические надписи. Новые находки и интерпретации (Москва 2001).

Мельникова 2002: Е.А. Мельникова, Поход Ингвара в шведских рунических надписях. Приложение: Шведские рунические памятники в честь участников похода Ингвара. В кн.: Г.В. Глазырина, Сага об Ингваре Путешественнике. Текст, перевод, комментарий (Москва 2002), 169-190, 382-421.

Минкевич-Мустафьева 1959: Н.В. Минкевич-Мустафаева, Раскопки на городской стене Оренкала в 1953-1954 гг. МИА 67, 1959, 174-185.

Михайлова 1987: Т. Михайлова, Сфероконуси от Плиска. Археология 1, 1987, 15-23.

Монгайт 1961: А.Л. Монгайт, Рязанская земля (Москва 1961).

Наследова 1956: Р.А. Наследова, Ремесло и торговля Фессалоники конца IX - начала X в. по данным Иоанна Камениаты. Византийский временник VIII, 1956, 61-84.

Новикова 1990: Е.Ю. Новикова, О серьгах „екимауцкого типа". В сб.: Проблемы археологии Евразии (по материалам ГИМ). Труды ГИМ, 74 (Москва 1990), 107-114.

Новосельцев 2000: А.П. Новосельцев, Арабские источники об общественном строе восточных славян IX - первой половины X в. (полюдье). В сб.: Древнейшие государства Восточной Европы, 1998 (Москва 2000), 400-404.

Нудельман 1976: А.А. Нудельман, Топография кладов и находок единичных монет (Кишинев 1976).

Нудельман 1985: А.А. Нудельман, Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времен до образования феодального Молдавского государства) (Кишинев 1985).

Нунан 2004: Т.С. Нунан, Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией. В сб.: Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сборник статей памяти проф. И.В. Дубова (Санкт-Петербург 2004), 255-311.

Нуретдинова 2011: А.Р. Нуретдинова, Сфероконические сосуды: проблема атрибуции. В сб.: Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки (Казань 2011), 51-62.

Пашуто 1950: В.Е. Пашуто, Очерки по истории Галицко-Волынской Руси (Москва 1950).

ПВЛ 1997: Повесть временных лет (Подготовка текста, перевод и комментарии О.В. Творогова), I (Санкт-Петербург 1997).

Прохненко 2011: И. Прохненко, К вопросу о гибели Екимэуцкого городища. Tyragetia s.n. V/1, 2011, 291-299.

Рабинович 1999: Р.А. Рабинович, Дирхемы на территории Молдовы: культурно-исторический контекст. Stratum plus 6, 1999, 263-275.

Рабинович, Рябцева 1997: Р. Рабинович, С. Рябцева, Ювелирные украшения с зернью из Карпато-Поднестровья в контексте культурно-исторических процессов X-XI вв. В сб.: Stratum+Петербургский археологический вестник (Sankt-Petersburg-Chişinău 1997), 236-245.

Рабинович, Рябцева 2016: Р. Рабинович, С. Рябцева, О соотношении древностей Лука-Райковецкой культуры и памятников типа Екимауцы-Алчедар в Пруто-Днестровском регионе. In: Od Bachórza do Światowida ze Zbrucza. Tworzenie się słowiańskiej Europy w ujęciu źródłoznawczym. Księga jubileuszowa Profesora Michała Parczewskiego (Kraków/Rzeszów 2016), 323-341.

Рябцева 2006: С.С. Рябцева, Ювелирные украшения Пруто-Днестровского междуречья в контексте этнокультурных связей региона в X-XI вв. Revista Arheologică s.n. II/1, 2006, 143-168.

Рябцева, Рабинович 2007: С.С. Рябцева, Р.А. Рабинович, К вопросу о роли венгерского фактора в Карпато-Днестровских землях в IX-X вв. Revista Arheologică s.n. III/1-2, 2007, 195-230.

Рябцева, Тельнов 2010: С.С. Рябцева, Н.П. Тельнов, Алчедарский клад и центры ювелирного производства Восточной Европы конца IX - начала XI вв. Stratum plus 5, 2010, 285-300.

Станчев 1955: С. Станчев, Разкопки и новооткрити материали в Плиска през 1948 г. Известия на археологическия институт XX, 1955, 202-203.

Станчева 1961: М. Станчева, Каменни калъпи за сфероконуси от София. Археология 1, 1961, 22-27.

Сюзюмов 1951: М.Я. Сюзюмов, Ремесло и торговля в Константинополе в начале X века. Византийский временик IV, 1951, 11-41.

Сюзюмов 1958: М.Я. Сюзюмов, Василики как источник для внутренней истории Византии. Византийский временник 14, 1958, 67-75.

Тимощук 1959: Б.А. Тимощук, Ленковецкое древнерусское городище. СА 4, 1959, 250-257.

Топоров 1980: В.Н. Топоров, Vilnius, Wilno, Vil"njus: Город и миф. В сб.: Балто-славянские этноязыковые контакты (Москва 1980), 3-71.

Фасмер 1933: Р.Р. Фасмер, Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. В сб.: Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук, 6-7 (Ленинград 1933), 473-474.

Федоров 1952: Г.Б. Федоров, Отчет о работе славяно-днестровской экспедиции Института Материальной Культуры АН СССР и Молдавского филиала АН СССР за 1951 г. (Москва 1952). Arhiva MNIM, nr. inv. 495.

Федоров 1953: Г.Б. Федоров, Городище Екимауцы (Работы Славяно-Днестровской экспедиции в 1951 г.). КСИИМК 50, 1953, 104-126.

Федоров 1964: Г.Б. Федоров, Работы Прутско-Днестровской экспедиции в 1960-1961 гг. КСИА 99, 1964, 77-88.

Федоров 1968: Г. Б. Федоров, Работы Пруто-Днестровской экспедиции в 1963 г. КСИА 113, 1968, 85-93.

Федоров 1973: Г.Б. Федоров, Генезис и развитие феодализма у древнерусского населения Днестровско-Прутского междуречья в IX-XII вв. (по археологическим данным). В сб.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма (Кишинев 1973), 40-52.

Федоров 1974: Г.Б. Федоров, Древнерусская культура Поднестровья (X - XII вв.). В сб.: Древняя культура Молдавии (Кишинев 1974), 109-126.

Федоров, Чеботаренко 1974: Г.Б. Федоров, Г.Ф. Чеботаренко, Памятники древних славян (VI-XIII вв.). Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 6 (Кишинев 1974).

Хвощинская 2018: Н.В. Хвощинская, К интерпретации кладов серебряных гривен в Восточной Европе. Археологические вести 24, 2018, 182-189.

Хейвуд 2019: Д. Хейвуд, Люди Севера. История викинков (Москва 2019), 793-1241.

Хынку 1972: И.Г. Хынку, Археологические исследования на поселении Лимбарь-Кэпрэрия X-XIV вв. в 1968-1969 гг. В сб.: Археологические исследования в Молдавии в 1968-1968 гг. (Кишинев 1972), 159-183.

Шаров 1997: О.В. Шаров, Гибель Эрманариха: история и эпос. В сб.: М.Е. Ткачук, И.В. Манзура, Stratum: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории (Санкт-Петербург 1997), 95-106.

Шевеленко 1992: А.Я. Шевеленко, Природные условия, этнодемографические процессы, развитие производительных сил. В: Е.В. Гутнова, З.В. Удальцова (отв. ред.), История Европы, II, Средневековая Европа (Москва 1992), 34-62.

Янин 1956: В.Л. Янин, Денежно-весовые системы домонгольской Руси (Москва 1956).

Янина 1956: С.А. Янина, Неревский клад куфических монет X века. МИА 55, 1956, 180-207.

Янов 2016: Д.М. Янов, Срібні та золоті ісламські монети в колекціі Білгород-Дністровського краезнавчого музею. Археологія 1, 2016, 89-92.

Яровой 1990: Е.В. Яровой, Курганы энеолита-эпохи бронзы Нижнего Поднестровья (Кишинев 1990).

The metal-weight economy in the Carpathian-Dniester area in the 9th-11th centuries (archaeological contributions)

Keywords: early Middle Ages, Carpathian-Dniester area, metal-weight economy, hoards, grivna, Arab coins, cut silver items, weights.

Abstract: The archaeological and numismatic finds highlight to a considerable extent the level of development of the Romanian medieval communities of the end of the 1st millennium - the beginning of the 2nd millennium. Of special importance for assessing the economic condition of the region are hoards of tools and weapons, as well

as monetary or mixed hoards. Their composition offers special possibilities for the reconstruction of the socio-economic, political and cultural realities of the period when they were hidden.

One of the features of the European economy of the 9th-11th centuries was the use of money made from precious metals as a means of exchange. Coins, ingots, grivnas or silver jewelry served as money. The main factor was the weight of the objects, which was tested on small scales. This is confirmed by the discovery of segmented artifacts in the so-called *cut silver hoards* (silver objects divided into pieces of a certain weight) (*Hacksilver*). An economic system in which the function of money as an equivalent in trade transactions was performed by coins, ingots, grivnas, and jewelry made of precious metals, which were weighed during the exchange process, researchers call a *metal-weight economy* (*Gewichtsgeldwirtschaft*).

Archaeological sources allow us to trace the transition of Romanian communities from a *natural economy* of the autarkic household to the *monetary economy* of commodity-money relations, when silver acted as a medium of exchange. To the south and east of the Carpathians, artifacts related to commodity-money exchange (Islamic and/or Byzantine coins, ingots, silver grivnas, some of which were cut into pieces, weights and scales) were discovered in settlements, in hoards or as isolated finds at the sites of Bucov, Slon, Alcedar, Cunicea, Cureşniţa, Echimăuţi.

Illustration

1. Map of finds of coins, jewelry and trade accessories of the 9th-11th centuries in the Carpathian-Dniester area (coin hoards: Byzantine, Kufic, mixed; individual coin finds: dirhams, fels; hoards of tools; scales; weights).

Денежно-весовая система Карпато-Днестровского региона IX-XI веков (по материалам археологии)

Ключевые слова: раннее средневековье, Карпато-Днестровское пространство, денежно-весовая система, клады, гривны, арабские монеты, рубленое серебро, весовые гири.

Резюме: Уровень развития румынских средневековых общин конца I - начала II тысячелетия в значительной степени отражают археологические и нумизматические находки. Особое значение для оценки экономического состояния региона имеют клады орудий труда и оружия, а также денежные или смешанные клады. Их состав позволяет реконструировать социально-экономические, политические и культурные реалии времени, когда они были зарыты.

Одной из особенностей европейской экономики IX-XI веков было использование в качестве средств обмена денег из драгоценных металлов. Деньгами служили монеты, слитки, гривны или серебряные украшения. Главным фактором был вес предметов, который проверялся на малых весах. Это подтверждается обнаружением сегментированных артефактов в составе так называемых *кладов рубленого серебра* (серебряных предметов, разделенных на кусочки определенного веса) (нем. *Hacksilver*). Экономическую систему, при которой функцию денег как эквивалента в торговых сделках выполняли монеты, слитки, гривны, ювелирные изделия из благородных металлов, которые взвешивались в процессе обмена, исследователи называют *денежно-весовой* (нем. *Gewichtsgeldwirtschaft*).

Археологические источники позволяют проследить переход румынских общин от *натурального автаркического хозяйства* к *экономике товарно-денежных отношений*, когда в качестве средства обмена выступало серебро. К югу и востоку от Карпат связанные с товарно-денежным обменом артефакты (исламские и/или византийские монеты, слитки, серебряные гривны, некоторые из которых разрублены на куски, весовые гири и весы) были обнаружены на поселениях, в кладах или в качестве отдельных находок на памятниках Буков, Слон, Алчедар, Кунича, Курешница и Екимауцы.

Иллюстрация

1. Карта находок монет, украшений и торговых принадлежностей IX-XI веков на Карпато-Днестровском пространстве (монетные клады: византийские, куфические, смешанные; отдельные монетные находки: дирхемы, фельи; клады орудий труда; весы; весовые гири).

30.05.2024

Dr. hab. Gheorghe Postică, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989, nr. 121A, MD-2012, Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-2609-1575, e-mail: gpostica@gmail.com

Dr. Ion Tentiuc, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989, nr. 121A, MD-2012, Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-3126-6499, e-mail: tentiucion2016@gmail.com

О ГРАВЕТТОИДНОМ ОБЛИКЕ КРЕМНЕВОГО ИНВЕНТАРЯ С МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА КОСЭУЦЬ[1]

Сергей Коваленко

Ключевые слова: стоянка Косэуць, Молдова, эпиграветт, поздний палеолит, техника резцового скола, вкладыши.

В 1978 г. при прокладке магистрального водопровода и разработке прилегающего к нему песчаного карьера была вскрыта верхняя часть покровных отложений тылового участка косэуцкой террасы, примыкающей к крутому склону днестровской долины. В стенках карьера И.А. Борзияком и М.В. Аниковичем были прослежены остатки пяти культурных слоев (Борзияк 1985), что положило начало исследованиям одного из опорных многослойных памятников верхнего палеолита Среднего Приднестровья[2]. Среди первых собранных на поверхности карьера кремневых артефактов выделялось несколько пластинок с притупленным краем, вторичная обработка которых не оставляла сомнений в принадлежности обнаруженного памятника к граветтоидному технокомплексу. Это было подтверждено в дальнейшем при анализе хранящегося в фондах Национального музея истории Молдовы кремневого материала, собранного в ходе раскопок 21 культурного слоя.

Граветтоидный технокомплекс или граветтоидный путь развития в рамках верхнего палеолита достаточно хорошо представлен в Карпато-Днестровском регионе. Учитывая датировку нижних культурных слоев стоянки Косэуць, не превышающую 20 тысяч лет от наших дней, для обозначения данного комплекса вполне приемлемо использование термина эпиграветт.

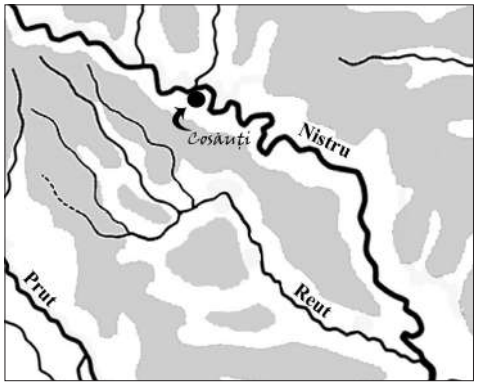


Рис. 1. Местоположение стоянки Косэуць.

В отличие от известных в нашем регионе памятников селетоидного и ориньякоидного технокомплексов, наш эпиграветт достаточно четко отделен от инородных индустрий, посредством применения, по крайней мере, трех технологических инноваций. Во-первых, по распространению пластинчатой техники скалывания, ориентированной на получение мелких тонких пластин с параллельной огранкой спинки и узких «изящных» микропластинок. Во-вторых, по развитой технике резцового скола, обеспечивающего производство наиболее эффективных инструментов для обработки кости, рога и бивня, что позволяло наладить серийное изготовление колющего и метательного вооружения, рукояток для орудий, существенно повышающих производительность труда. В-третьих, по внедрению вкладышевой техники, основанной на использовании крутой и вертикальной усекающей ретуши, срезающей заготовку на всю или большую часть её толщины. Последнее допускало массовое изготовление «стандартных» пластинок-вставок и вкладышей для составных видов орудий (с пазами), а также игловидных проколок и микросверл для проделывания отверстий в иглах с ушками, наконечников для

[1] Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской подпрограммы 18.01.01 «Музейное историко-археологическое наследие: систематизация и научно-культурное освоение», Национальный музей истории Молдовы.

[2] Многослойная стоянка верхнего палеолита Косэуць находится в 200 м к западу от одноименного села Сорокского района Республики Молдова (рис. 1), на первой надпойменной террасе по правому склону долины р. Днестр.

Таблица 1

№ культурного слоя стоянки Косэуць	Общее число находок из кремня	Количество находок из других пород камня	Предполагаемое число орудий и предметов неутилитарного назначения для фондирования
1А	4	-	1
1Б	42	-	1
1П	321	26	75
1	20 491	136	221
2А	598	9	20
2Б	13 015	54	299
2В	844	1	36
3Б	11 549	41	186
3	39 788	59	536
3А	11 652	25	116
4	7 033	33	168
5	6 537	49	227
5А	163	4	9
6	1 803	5	23
6А	828	1	24
6Б	532	3	21
6В	978	1	27
6В(н)	430	6	20
7	78	4	5
8	24	-	1
9	254	1	1
10	478	-	-
Итого:	**116 736**	**458**	**2024**

стрел и дротиков, иногда оснащенных боковыми вставками, значительно усиливающих поражающую способность оружия.

Благодаря этим технологическим инновациям кардинально поменялся набор кремневого инвентаря, существенно изменилась структура коллекций артефактов, собираемых в процессе раскопок. На эпиграветтских памятниках в составе коллекций стали доминировать резцы и микролиты – пластинки и микроострия с притупленным краем. На третьем месте по числу находок обычно фиксируются скребки, в крайне редких случаях – острия-проколки. Скребел, остроконечников, бифасов нет, или они представлены единичными экземплярами, не образуя серий.

Среди так называемых «руководящих ископаемых», играющих роль идентификаторов граветтодного технокомплекса, представлены такие типы изделий, как «удлиненные прямоугольники» на пластинках с круто усеченным продольным краем и с одним/двумя поперечно ретушированными концами. Также к их числу можно отнести «граветтские стрелки» – мелкие острия на пластинках с таким же круто ретушированным краем и часто с подработанным плоской ретушью основанием.

В составе инвентаря среди скребков ведущие позиции стали занимать простые концевые экземпляры на пластинах и плоских отщепах, крайне редко – с регулярной краевой ретушью. Почти всегда присутствует серия укороченных скребков и скребков с, возможно, преднамеренно обломанным основанием. Двойных скребков крайне мало. В виде исключения встречаются скребки высокой формы и нуклевидные типа *Rabot*. Боковые и подокруглые скребки появляются на эпиграветтских памятниках к концу верхнего палеолита. В группе резцов преобладают боковые ретушные формы. Несколько меньше двугранных и угловых их разновидностей, а также двойных. В отдельных случаях наблюдается увеличение числа острий и проколок, иногда пластин с усеченным ретушью концом, еще реже – *pieces esquillées*.

Всем этим проявлениям соответствуют наборы изделий с вторичной обработкой, полученных при раскопках стоянки Косэуць,

хотя коллекции отдельных слоев преподнесли сюрпризы и продемонстрировали ощутимую вариабельность.

В течение последних пяти лет мы имели возможность заново проработать коллекции кремневых находок из всех культурных слоев стоянки Косэуць, подготовить статистику, описание и рисунки находок. Так, в таблице 1 сведены данные по количеству кремневого материала из каждого слоя отдельно[3].

В следующей таблице приводятся количественные данные по числу технологически выразительных нуклеусов, отражающих особенности процесса раскалывания кремня (табл. 2). Наше внимание, прежде всего, ориентировано на коллекции тех культурных слоев, где нуклеусы представлены во всем их многообразии, где их назначение раскрывается наиболее рельефно. Ведь если отнестись к этой категории находок предвзято, то можно утвердиться во мнении, что первичное расщепление в Косэуцах выражено весьма непрезентабельно, нивелировано переизбытком сырья, не всегда качественного. Крайне негативное впечатление создает доминирование грубой призматической техники скалывания, необходимость чрезвычайно больших трудозатрат на очистку желвачного сырья от корки, усечение тех частей, которые поражены кавернами. И это при том, что индустрия по раскалыванию кремня местного происхождения в полной мере обеспечивала все потребности в разнообразных заготовках, необходимых для изготовления широкого спектра инструментов, и даже, вероятно, допускала возможность экспорта какой-то части получаемых пластинчатых сколов.

Любопытно, что при всем обилии подпризматических нуклеусов, а значит, грубо ограненных, то есть расколотых не рукой мастера, встречаются ядрища с негативами сколов, свидетельствующих о тщательной продуманности действий по их утилизации, направленной на снятие наибольшего числа пластинчатых заготовок, и что немаловажно, именно пластинок и микропластинок. Надо при этом помнить, что выбрасывались и, соответственно, до нас дошли, прежде всего, бракованные нуклеусы, а успешно раскалываемые раскалывались древними мастерами и дальше. Естественно, последние в нашу статистику не попали, но даже при таком раскладе есть достаточное количество перспективных нуклевидных форм, обеспечивающих возможность восстановления процесса расщепления. При суммировании наиболее востребованных форм нуклеусов получается, что для снятия пластинчатых сколов был привлечен 591 нуклеус, а для скалывания отщепов – 483. Это наглядно свидетельствует о приоритете в скалывании пластин, пластинок и микропластин. При этом отметим, что если с призматических и торцовых нуклеусов в ударной технике снимались пластины и пластинки, то целенаправленное снятие микропластинок, предположительно, производилось либо при помощи посредника, либо посредством отжима с вторичных, чаще всего желвачных нуклеусов, и со специально отобранных коротких одноплощадочных односторонних нуклеусов из галечного кремня высокого качества. Именно из мелких галек округлой/эллипсовидной формы, однородного коричневатого цвета на изломе, подготавливалась особая группа миниатюрных ядрищ, которые присутствуют почти в каждом слое Косэуць и контрастируют с более крупными призматическими и торцовыми нуклеусами, в чей состав они тем не менее входят, исходя из своих технико-типологических критериев. Показательна высота таких нуклеусов – 2,5-4,0 см. Надо признать, что есть миниатюрные нуклеусы и на желвачной основе, высотой до 4,5 см, с относительно правильной огранкой рабочего фронта, свидетельствующей о снятии удлиненных чешуек, но их мало. Наибольшее число таких мининуклеусов наблюдается в коллекции культурного слоя 3Б. В подготавливаемой монографии по материалам стоянки Косэуць, в разделе, посвященном технике первичного расщепления из культурного слоя 3Б, указано: «При раздельном рассмотрении нуклеусов и продуктов расщепления из галек и желваков создается впечатление, что перед нами разные индустрии, настолько очевидно отличие в степени утилизации нуклеусов и качестве полученных заготовок-полуфабрикатов», и еще: «Нуклеусы из желвачного сырья менее сработаны, они более крупные по размерам и в их составе много двуплощадочных». Тем не менее, рассматривать нуклеусы из галек и желваков по-отдельности мы посчитали преждевременным.

[3] К сожалению, И.А. Борзияк не вел подсчетов общего числа артефактов из каждого конкретного слоя, полученных в разные года полевых исследований.

Таблица 2

Разновидности нуклеусов	Культурные слои																		Всего	%
	1П	1	2А	2Б	2В	3Б	3	3А	4	5	6	6А	6Б	6В	6Вн	7	8	10		
подпризматические одноплощадочные для отщепов со скалыванием на узком участке	3	124	7	37	3	23	75	29	15	20	3	8	2	-	-	-	-	-	**349**	27
призматические одноплощадочные для пластин, пластинок и микропластинок	5	21		9	2	56	80	11	17	31	2	-	-	2	-	1	-	-	**237**	18
одноплощадочные с зауженным нижним концом и со скалыванием пластин по большой части периметра	-	-	-	-	-	1	-	-	-	5	1	4	-	-	1	-	-	-	**12**	1
конусовидные со скалыванием пластин по большей части периметра	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	**2**	-
призматические одноплощадочные типа «rabot» для микропластинок	-	-	-	-	-	-	4	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	**4**	-
подпризматические двуплощадочные со скалыванием в разных плоскостях для отщепов	3	15		11		15	13		4		1		1	1		1			**65**	5
призматические двуплощадочные со встречным скалыванием для пластин	3	20	1	4	1	12	25	16	23	39	7			1	1				**153**	12
подпризматические трехплощадочные объемные для пластин, реже отщепов		1		6									1			1			**9**	1
дисковидные с радиальным скалыванием		1					4		1		1								**7**	1
уплощенный леваллуазский											1								**1**	
торцовые для пластинок	4	12	1	12	2		73	10		9				3	3	2	1	2	**134**	10
вторичные для микропластинок, реже мелких отщепов	2	32	2	27	2	14	103	4	11	11	3	6	3	2	2				**222**	17
аморфные, иногда кубовидные, для скалывания единичных отщепов в разных плоскостях		17			1	36		15	21	3		2		1			1		**97**	6

Помимо данных о распространении на многослойной стоянке Косэуць пластинчатой техники скалывания, подтверждающей её эпиграветтский характер, желательно было бы рассмотреть расклад кремневого инвентаря по каждому слою этой стоянки, демонстрирующей развитую технику резцового скола и внедрение вкладышевой техники, приведшей к кардинальному изменению набора орудий (табл. 3) и существенному изменению структуры коллекции артефактов в целом. Немаловажен и факт, что в нашем распоряжении есть данные, позволяющие рассмотреть граветтоидную индустрию на протяжении как минимум нескольких тысяч лет, охватывающих почти полностью наиболее холодную фазу последнего оледенения и последовавшего за ней интерстадиала Ляско, когда развитие сообщества охотников на северного оленя достигло своего апогея.

Таблица 3

Разновидности орудий	**Культурные слои**																				**Всего**
	1А	**1Б**	**1П**	**1**	**2А**	**2Б**	**2В**	**3Б**	**3**	**3А**	**4**	**5**	**5А**	**6**	**6А**	**6Б**	**6В**	**6Вн**	**7**	**8**	
Скребки	-	-	18	22	1	20	2	51	43	20	15	53		1	6	1	2	-	-	-	**255**
Резцы	-	-	31	43	4	90	2	44	165	20	47	53	1	5	7	2	10	-	-	-	**524**
Скребки-резцы	-	-	-	2	-	4	-	-	5	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	**12**
Другие комбинированные орудия	-	-	1	-	-	-	-	-	1	-	1	2	-	-	-	-	-	-	-	-	**5**
Острия, проколки	1	-	1	10	-	2	-	4	15	5	2	6	1	1	-	1	1	3	-	-	**53**
Микроострия	-	-	3	27	-	30	3	8	34	12	21	20	1	2	1	1	1	-	-	-	**164**
Пластинки и микропластинки с притупленным краем	-	-	9	64	1	96	22	26	113	8	33	59	-	7	6	9	3	2	-	-	**458**
Изделия с усеченным концом	-	-	-	9	-	6	-	6	22	2	3	3	1	2	1	2	1	3	-	-	**61**
Скребла	-	-	1	5	-	2	-	1	3	-	4	2	-	-	-	-	-	-	-	-	**18**
Выемчатые орудия	-	-	1	8	-	7	-	1	9	-	-	3	-	3	-	1	-	-	-	-	**33**
Зубчато-выемчатые изделия	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	-	**2**
Изделия с краевой ретушью	-	1	-	8	4	5	5	2	53	12	10	8	-	-	3	1	3	-	1	2	**118**
Ножи с обушком	-	-	-	-	-	3	-	-	2	3	-	1	-	1	-	2	-	-	-	-	**12**
Ретущеры-отжимники	-	-	-	2	-	-	-	2	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	**6**
Долотовидные орудия	-	-	3	-	-	-	-	-	2	-	1	1	-	-	-	-	1	-	-	-	**8**
Рубящие орудия	-	-	-	-	-	-		-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	**2**
Итого	**1**	**1**	**68**	**200**	**10**	**265**	**34**	**145**	**469**	**84**	**138**	**211**	**4**	**22**	**24**	**20**	**22**	**10**	**1**	**2**	**1731**

Из опыта работы со статистическим материалом нам известно, что допустимая погрешность в расчетах считается приемлемой, если коллекции сравниваемых объектов, комплексов или памятников содержат выборку из не менее чем 120 артефактов. Это означает, что уровень достоверности на основе полученных данных при принятии каких-либо решений является допустимым, а выводы могут рассматриваться как более корректные. В нашем случае для полноценного сравнения пригодны коллекции кремневых и обсидиановых находок из культурных слоев 1, 2Б, 3Б, 3, 4, 5. Чтобы повысить уровень информативности и расширить временной интервал сравниваемых объектов, мы решили объединить в единый комплекс

Таблица 4

Культурные слои	Разновидности орудий															
	Скребки	Резцы	Скребки-резцы	Комбинированные орудия	стрия, проколки	Микроострия	Пластинки и микропластинки с притупленным краем (вкладыши)	Изделия с усеченным концом	Скребла	Выемчатые орудия	Зубчатые орудия	Изделия с краевой ретушью	Ножи с обушком	Ретушеры - отжимники	Долотовидные орудия	Рубящие орудия
1	11	21,5	1	-	5	13,5	32	4,5	2,5	4	-	4	-	1	-	-
2Б	7,5	34	1,5	-	1	11,5	36	2	1	2,5	-	2	1	-	-	-
3Б	35	30,5	-	-	3	5,5	18	4	0,5	0,5	-	1	-	-	-	-
3	9	35	-	-	3	7	24	4,5	0,5	2	-	11,5	0,5	-	0,5	-
4	11	34	-	0,5	1,5	15	24	2	3	-	-	7	-	-	0,5	0,5
5	25	25	-	1	3	9,5	28	1,5	1	1,5	-	4	0,5	-	0,5	-
6	10	24,5	-	-	6	5	27,5	9	-	4	2	7	3	-	1	-
Усредненный показатель	15,5	29	0,5	-	3	9,5	27	4	1	2	0,5	5	1	-	0,5	-

небольшие коллекции артефактов из нижних слоев 6, 6А, 6Б, 6В и 6Вн, которые когда-то, еще в начале исследований, воспринимались как отдельные горизонты одного культурного слоя. Что касается оставшихся слоев – 1п, 2А, 2В, 3А, – коллекции которых могут дополнить наше представление о динамике изменений в каменной индустрии стоянки Косэуць, то их данные могут привлекаться спорадически. Чтобы сделать сравнение коллекций более адекватным, составим новую таблицу с учетом процентного содержания каждой категории или разновидности артефактов в составе инвентаря послойно (табл. 4).

Учитывая ограниченный объем нашей работы, мы решили отказаться от наиболее полной версии, связанной с характеристикой материалов из шести слоев и одной совокупности, что увеличило бы объем статьи более чем на один авторский лист. Тем не менее мы решили акцентировать наше внимание на наиболее характерных технико-типологических особенностях каждого слоя в отдельности, наиболее доминантных чертах, определяющих индивидуальный облик каждой из рассматриваемых коллекций.

Шестой культурный слой достаточно индифферентный. По структуре коллекции соответствует общепринятым нормативам. Тем не менее, наблюдается несколько пониженное число скребков и существенно малое количество микроострий, почти в два раза от нормы (5 от 9,5%). За счет снижения доли микроострий поднялся процент острий и проколок, зубчато-выемчатых орудий. Среди скребков наиболее выразительны экземпляры на укороченных пластинах и с обломанным основанием. Резцы выполнены на более крупных, чем обычно, заготовках с преобладанием косо- и пряморетушных. В группе микролитов распространены граветтоидные образцы с прямым и слабовогнутым притупленным краем, их преднамеренная фрагментация не подтверждается. Показательны целый экземпляр и фрагмент граветтского острия (стрелки), отмечены два игловидных микроострия и микропроколка, у которой помимо ровного и прямого ретушированного края имеется приострение второго края у острия. Присутствие в инвентарном наборе «прямоугольника» остается под вопросом, хотя в слое обнаружена одна микропластина с поперечно усеченным концом.

В **пятом** культурном слое наблюдается характерная для эпиграветта молдавского Приднестровья ориентация на скалывание микропластинок и пластинок, часть из которых снималась, как предполагается, посредством отжима с миниатюрных галечных ядрищ. В

структуре коллекции наблюдается привычное доминирование микролитов с притупленным краем (35%) и весьма редкий паритет между скребками и резцами (по 25%). Среди скребков относительно много экземпляров, выполненных на пластинах крупных и средних размеров, есть скребок длиной 10 см. Необычно появление трех двойных скребков, один из которых обработан по двум краям интенсивной ретушью, а также по два скребка высокой формы и типа *рабо***.** Среди резцов много косоретушных на массивных пластинах с усекающей ретушью. Симптоматичными являются нуклевидные резцы со слабовогнутым ретушированным концом, иногда подправленным с двух сторон плоскими резцовыми сколами. Микролиты-вкладыши разделяются на две большие группы: короткие миниатюрные сечения и проксимальные концы микропластинок длиной 1,0-1,5 см и вытянутые более массивные длиной 2,0-2,5 см с ровным ретушным срезом на всю толщину заготовки. Типично граветтскими являются три целых «прямоугольника» изящных вытянутых пропорций со слабовогнутым притупленным краем и двумя поперечно ретушированными краями, длиной 2,5-3 см. Из импортного камня – карпатского обсидиана – в пятом слое найдены шесть целых «прямоугольников», у которых концы усекались не крутой, а вертикальной ретушью. Для микроострий характерны игловидные орудия, в том числе два двойных, шириной менее 0,4 см, а длиной 2-3 см, у которых ретушированный край – слабовогнутый, а второй ретушировал только у острия. Граветтские стрелки – неотъемлемый компонент этой коллекции, имеют длину 4,5-7,8 см. Повторимся, они симметричные по форме, сбалансированные по весу, изготовлены из массивных пластин, обработанных по одному краю крупной отвесной ретушью, иногда встречной, со специфической мелкозубчатостью и слабо выраженной выпуклостью края.

В **четвертом** культурном слое в первичном раскалывании проявляется та же тенденция, связанная с необходимостью производства пластинок и микропластинок, прежде всего, посредством расщепления мелких галечных нуклеусов и вторичных ядрищ. В структуре коллекции отмечена классическая последовательность в распределении основных категорий инвентаря, преобладают микролиты с притупленным краем, несколько меньше резцов, ниже среднего показателя процент скребков. Скребки по своему типологическому облику во многом сходны со скребками предыдущего слоя. К концевым скребкам средних размеров без краевой ретуши, нередко с обломанным основанием, примыкает скребок длиной более 10 см, а также единственный экземпляр скребка высокой формы и два двойных, один из которых проработан по двум краям интенсивной ретушью, еще у двух такой же ретушью обработан один или два расходящихся к лезвию ретушированных края. Сходный типологический облик имеют и резцы, среди которых серией представлены косоретушные на массивных пластинах с усекающей ретушью. Они хорошо коррелируются с двойными косоретушными резцами.

У микролитов отмечено единообразие, основанное на сохранившихся целиком предметах или фрагментах с удаленным верхним хрупким концом. Для них характерен прямо усеченный край и длина в пределах 2,0-2,5 см. Для более миниатюрных вкладышей средняя длина не превышает 1,5 см. «Вытянутые прямоугольники» на микропластинах представлены тремя целыми экземплярами и двумя фрагментами. Присутствуют и пластинки со срезанным регулярной вертикальной ретушью краем и одним поперечно ретушированным (или с мелкой выемкой) концом. Микроострия включают две серии: 1) одноконечные на узких микропластинках с прямым ретушированным краем и аналогичные им, но со скошенностью рабочего конца с противоположной стороны; 2) двухконечные на микропластинках длиной 1,5-4,0 см с ретушированным краем от слабовогнутого до выступающего, при сходной манере заострения концов. Есть в коллекции четвертого слоя и уникальное игловидное (по типу чутулештского) микроострие на достаточно массивной и в то же самое время узкой заготовке, сильно изогнутой в профиле, срезанной по одному из краев крутой ретушью, но не во всю толщину микропластины.

В **третьем** культурном слое самую верхнюю строчку рейтинга занимают резцы, и это при том, что значительная часть ранее выделяемых нуклевидных резцов при новых критериях оценки была отнесена к вторич-

ным нуклеусам. Вторую позицию в структуре коллекции занимают микролиты, третью – скребки. В составе резцов преобладают косоретушные, четвертая часть которых – двойные, в том числе серия двойных на массивных отщепах со слабо профилированной выемкой на конце, подправленной с двух сторон резцовыми сколами. Среди скребков на фоне простых концевых без краевой ретуши встречаются образцы с регулярной ретушью по одному или двум краям (всего 5), что создает эффект заостренного основания. Явно не граветтоидный характер имеют два двойных боковых скребка с мелкозубчатыми лезвиями, подокруглый экземпляр на отщепе, два скребка высокого профиля на мелких нуклевидных обломках, один типа «*à museau*». ¾ микролитов подготовлены на микропластинках, имеют высокую степень фрагментации и относительно прямой притупленный край, реже слабовогнутый или мелкозубчатый. В отличие от других слоев микропластины с заостренными концами здесь встречаются реже. Обнаружены два «вытянутых прямоугольника» с зауженными концами, обработка которых заметна лишь при внимательном рассмотрении. Из микроострий отметим скошенные, половина которых на микропластинках. Серией представлены игловидные (17 экз.) и двойные (8), часто со слегка вогнутым ретушированным краем и дугообразным противоположным, придающим этой разновидности микролитов сегментовидные очертания. Встречаются также ланцетовидные микроострия (2) с ретушью по двум краям. Несколько большим, чем обычно, числом представлены в коллекции проколки, выполненные стандартно на небольших пластинах, а также косые острия на реберчатых сколах. Выделяемый И.А. Борзияком остроконечник выполнен в рамках техники верхнего палеолита. Нельзя не упомянуть присутствие в коллекции третьего слоя ножей с обушком, скребел, ретушера, ножа костенковского типа и серии скребков-резцов.

Резко отличен по структуре коллекции **культурный слой 3Б**. Ведущие позиции в орудийном наборе занимают скребки (35%), несколько меньше резцов (30,5%), но наиболее ощутимо снижение доли микролитов (особенно это заметно по микроостриям, их почти в два раза меньше обычного). Несколько обедненным выглядит типологический набор скребков и резцов. В основном это простые концевые экземпляры на пластинах и отщепах средних размеров без краевой ретуши, а среди резцов – многочисленные косоретушные, реже нуклевидные двойные и комбинированные. Заметно своеобразие микролитов, которое проявилось в меньшей степени их фрагментации, прежде всего пластинок, в значительно меньшем присутствии микропластинок, для которых использовалась преимущественно не вертикальная усекающая ретушь, а мелкая крутая регулярная, обычно притупляющая лишь самый край заготовки. Вместе с тем присутствует достаточно выразительная группа как микроострий, так и обычных пластинок и микропластинок с притупленным краем, сегментовидных очертаний, часто с небольшой вогнутостью ретушированного края, иногда со скошенными мельчайшей ретушью концами. Серией представлены пластины с усеченным или тронкированным концом. Отметим и присутствие двух ретушеров.

В **культурном слое 2Б** можно наблюдать возвращение к традиционной структуре инвентарного набора в следующей последовательности: микролиты (47,5%) – резцы (34%) – скребки (7,5%). Скребки выполнены на более крупных заготовках – пластинах шириной не менее 2 см, укороченных пластинах и широких отщепах. Вместе с простыми концевыми скребками в коллекции распространены обычные косоретушные формы резцов, а также двойные угловые, двугранные симметричные многофасеточные, серия резцов с поперечно-выемчатым концом, подправленным с двух сторон широкими резцовыми сколами. Среди обычных для днестровского эпиграветта микроострий с одним прямо ретушированным краем, иногда со слабой вогнутостью или скошенным острием, распространены характерные для отдельных слоев косэуцкой стоянки двухконечные образцы. Такие микроострия, дугообразный неретушированный край которых придает этому изделию в целом сегментовидные очертания, можно рассматривать в качестве определенного рода стандарта. Что касается микролитичных вкладышей-вставок, то они имеют узкие пропорции, правильную огранку спинки, прямой профиль, в основном встре-

чаются во фрагментах. Целые образцы таких вкладышей могут иметь небольшую вогнутость ретушированного края. Аналогичные вкладыши-вставки, но с мелкой краевой ретушью, напоминающие удлиненные чешуйки, изогнутые в профиле, отличаются от пластинок типа Дюфур использованием мельчайшей дорсальной ретуши. В группе комбинированных орудий, помимо скребков-резцов на пластинах, есть еще два орудия на массивных отщепах со скребковым лезвием высокой формы и частично ретушированными краями. В коллекции также присутствуют пластины с одним или двумя притупленными краями, острия, скребла, ножи с обушком и пластины с усеченным ретушью концом, а по мнению И.А. Борзияка, пластинки с выемкой на скошенном ретушью крае типа Ргани.

Структура коллекции **первого** культурного слоя демонстрирует последовательность от самой распространенной категории орудий – микролитов (45,5%) – к резцам (21,5%), и далее к скребкам (11%). Характер и состав скребков, резцов и комбинированных орудий во многом совпадает с состоянием этих категорий инвентаря в культурном слое 2Б. В коллекции слоя 1 лишь несколько больше скребков на пластинчатых отщепах с крупной полукрутой ретушью по одному или двум краям, имеется один скребок *каренэ* и один невыразительный боковой. Рассмотрение достаточно обильной группы микролитических вкладышей-вставок подразумевает выделение серии мелких фрагментов вкладышей на предельно тонких микропластинках, у которых обломан один из концов. Их размеры – 0,9×0,4×0,2 см. Вторая серия вкладышей связана с более удлиненными образцами вставок, иногда склеенных из двух частей, длиной до 2,5 см при стандартной ширине 0,4-0,5 см. Фрагменты микропластинок и пластинок с прямым ретушированным краем иногда дополняются поперечным, относительно ровным или скошенным ретушью концом. «Прямоугольники» отсутствуют. Микроострия, подготовленные на микропластинках длиной около 2,5 см с прямым, реже мелкозубчатым притупленным краем дополняются игловидными микроостриями с ретушью по двум краям, шириной не более 0,2 см, а также микропластинками с прямым ретушированным краем, напоминающими сегменты, из которых одна двойная. Есть проколки-сверла со скошенным лезвием и граветтская стрелка, частично обработанная по двум краям крутой ретушью, со сбитым основанием, подправленным подтёской. В коллекции также идентифицированы пластина с двумя круто ретушированными краями и обломанным дистальным концом, проколки с короткими жальцами, пластины с усеченным ретушью концом, пять скребел и два ретушера-отжимника.

Таблица 5

Граветтоидные черты	**Культурные слои**						
	6	**5**	**4**	**3**	**3Б**	**2Б**	**1**
Структура коллекции: микролиты – резцы – скребки (последовательность по числу находок)	1	-	1	-	-	1	1
«Граветтские острия» (стрелки)	1	1	-	-	-	-	1
«Вытянутые прямоугольники» (вкладыши)	1	3	3	2	-	-	-
Игловидные острия с двумя притупленными краями (одноконечные, с прямым профилем)	-	2	-	1	-	-	1
Двухконечное игловидное острие, изогнутое в профиле	-	-	1	-	-	-	-
Микроострия сегментовидных очертаний (со слабо вогнутым ретушированным краем и дугообразным противоположным без ретуши)	-	-	-	3	-	2	1
Миниатюрные вкладыши с преднамеренным изломом одного или обоих концов	-	1	-	-	1		3
Доминирование ретушных резцов (среди резцов)	1	1	1	1	1	1	-
Двойные скребки с краевой ретушью	-	1	3	3	-	-	-
Двойные выемчато-ретушные резцы	-	1	-	1	-	1	-
Присутствие мелких галечных нуклеусов для пластинок	-	1	1	1	-	-	-

Проанализировав всю совокупность рассмотренных данных, мы решили представить более контрастно граветтоидные черты по каждой из семи косэуцких коллекций, что нашло отражение в таблице 5. Нетрудно заметить, что привлеченные для характеристики граветтоидного комплекса 11 разноплановых атрибутов достаточно информативны и в то же время несут в себе большую долю субъективного восприятия.

Рассмотрение первого из атрибутов (структуры коллекций) показывает, что заданная последовательность по числу находок (микролиты-резцы-скребки) не является общепринятой нормой. Так, в пятом слое отмечено равное число резцов и скребков, в третьем слое наблюдается большее число резцов по отношению к микролитам, а в слое 3Б, как это ни покажется странным, доминируют скребки, резцы находятся на второй позиции, и лишь потом следуют микролиты. Еще большее своеобразие по заданным параметрам можно проследить при сравнении Косэуц с коллекциями эталонных памятников эпиграветта Среднего Днестра (слои 6-1 Молодова V, слои 2-1 Молодова I и слои 5-1 Кормани IV). Структура коллекций этих памятников (Черныш 1977, 30-61; Черныш 1982, 72-83; Черныш 1987, 48-81), за редким исключением, определяется доминированием резцов, после которых идут скребки или ножевидные пластины, и лишь последующую позицию занимают микролиты с притупленным краем. Существенное различие в структуре сравниваемых коллекций вовсе не означает снижения уровня граветтоидности в косэуцкой или молодовской совокупности памятников. Оно лишь подчеркивает ориентацию этих сообществ на массовое производство костяных/роговых изделий, с одной стороны, и особое внимание к улучшению функциональных характеристик хозяйственного и охотничьего инвентаря, с другой. В первом случае это обеспечивалось использованием техники резцового скола, во втором – возможностями вкладышевой техники.

В косэуцких наборах кремневых орудий среди резцов преобладают боковые, как правило, косоретушные формы, на молодовских памятниках, по А.П. Чернышу, больше всего представлено угловых разновидностей резцов; по Д.Ю. Нужному (Нужний 2003, 31, 35), приоритет в составе по крайней мере верхних слоев стоянки Молодова V имеют все-таки ретушные резцы, среди которых много косоретушных, пряморетушных, встречаются двойные выемчато-ретушные (билатеральные)[4]. По Н.П. Оленковскому (2008, 40), для половины памятников ранней эпиграветтской позднемолодовской культуры отмечено преобладание двугранных резцов, а для второй половины – угловых. По его же подсчетам, на памятниках более поздней эпиграветтской днестровской культуры численное превосходство имеют попеременно то угловые, то ретушные резцы, а двугранных сравнительно мало (Оленковский 2008, 63). Однозначно, как и в Косэуцах, на упомянутых украинских памятниках присутствуют двойные резцы различных модификаций, для подготовки которых использована крупная усекающая ретушь. Это уже отмеченные (билатеральные) резцы, один из выемчато-ретушных концов которых подправлен с двух сторон резцовыми сколами, иногда уплощенными, часто предельно широкими. Нередко им сопутствуют двойные косоретушные резцы, оба конца которых симметрично скошены притупляющей ретушью, создавая очертания трапециевидного изделия, которым зачастую сопутствуют экземпляры с такой же ретушью и местом ее расположения, но без резцовых сколов (так называемые «видовженные трапеции»). Почти всегда присутствуют одинарные поперечно-ретушные экземпляры разных пропорций.

К типично граветтским находкам мы, безусловно, относим граветтские острия (стрелки) и «вытянутые прямоугольники» (вкладыши-вставки). В таблице 5 мы отметили присутствие граветтских стрелок лишь в наиболее ранних и наиболее поздних слоях (рис. 2/1-4), хотя граветтские острия и их фрагменты представлены в Косэуць намного шире. Прежде всего, это относится к остриям с усекающей ретушью, подготовленным на микропластинках, некоторые из которых имеют прямой ретушированный край. Если рассматривать граветтские стрелки более крупного размера на пластинках, то они однозначно выступают в качестве маркера, наглядно демонстрирующего широкое распространение граветтоид-

[4] По мнению Д.Ю. Нужного, в публикациях А.П. Черныша указано завышенное число угловых резцов, кроме того, часть боковых (ретушных) резцов распределена по завуалированным группам двойных, тройных и билатеральных резцов.

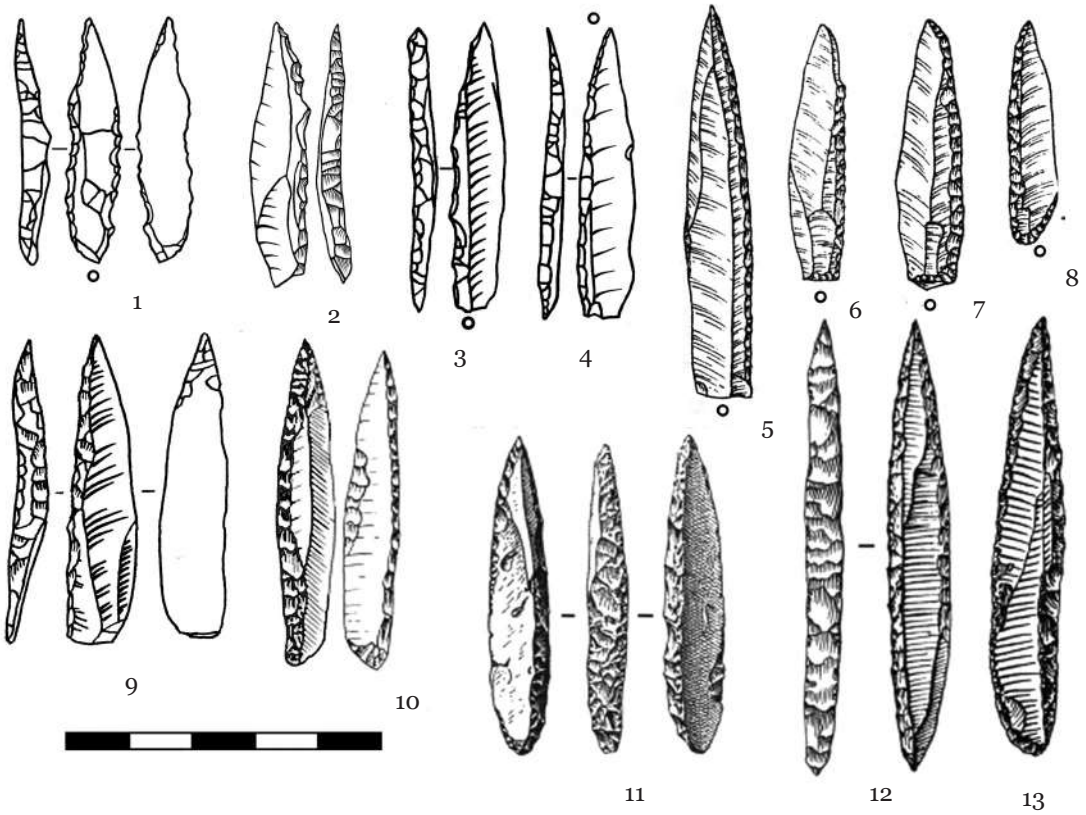


Рис. 2. Граветтские острия с памятников Среднего Приднестровья (1 - Косэуць, слой 1; 2 - Косэуць, слой 6А; 3, 4 - Косэуць, слой 5; 5 - Молодова 5, слой 3; 6-8 - Молодова 5, слой 1а; 9 - Рашков 8, слой 2) и острия типа *Vachons* со стоянок юго-западной части Франции (10 - *Les Roque Saint-Christophe*, слой А в Дордони; 11 - *Brassempouy Grotte du Pape* в Аквитании; 12, 13 - грот *Isturitz*, слой 4 и навес *Lespaux*, слой 3 в Пиренеях) (5-8 - рисунки Д.Ю. Нужного).

ных технологий. Технико-морфологическое сходство между такого рода специфическими артефактами иногда удивляет. Так, стрелки из второго эпиграветтского слоя стоянки Рашкова 8 (рис. 2/9) сопоставимы как со стрелками из Косэуць, так и с граветтскими образцами с молодовских стоянок (рис. 2/5-8), а также с синхронных памятников с правобережья Прута и восточного Прикарпатья. Сейчас уже не подлежит сомнению пан-европейский статус этой категории находок, распространившихся от Пиренеев до Урала. Для демонстрации этого явления могут быть задействованы материалы с ряда верхнепалеолитических памятников юго-запада Франции, в частности гротов Истуритз и Брассемпуи, а также навесов Сант-Кристофэ и Леспюг, среди артефактов которых выделяются серии острий типа *Vachons* (Simonet 2009) (рис. 2/10-13), аналогов наших граветтских острий на пластинках.

Следующая группа граветтоидных находок распространена еще шире, а диапазон их технико-морфологических показателей удивляет. Это «вытянутые прямоугольники», ранее неоднократно описанные, выполненные как на пластинках, так и на микропластинках. Для них характерна не только вертикальная усекающая ретушь, но и крутая, не столь «агрессивная» обработка, формирующая относительно прямой край. Способы подработки и форма обоих концов отличается разнообразием. Преимущественно применяется мелкая притупляющая ретушь (Косэуць; рис. 3/1-9) или более крупная усекающая (молодовские памятники; рис. 3/10-15). Как правило, концы обрабатывались перпендикулярно длинной оси заготовки, но встречаются также скошенные, реже закругленные или с выемкой. В Косэуцах наблюдается аномалия такого рода предметов в виде предварительно

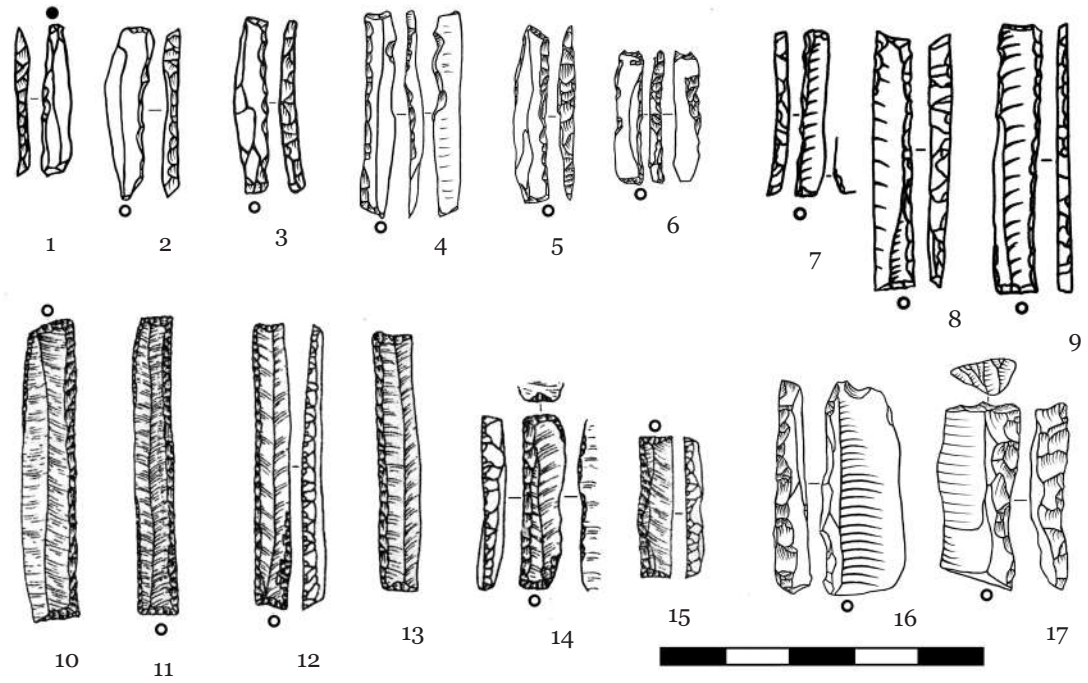


Рис. 3. Граветтские «вытянутые прямоугольники»: 1, 2 - Косэуць, слой 3; 3 - Косэуць, слой 3А; 4-6 - Косэуць, слой 4; 7-9 - Косэуць, слой 5; 10, 11, 13, 15 - Молодова 5; 12, 14 - Молодова 5, слой 4; 16, 17 - Косэуць, слой 4 (1-15 - рисунки Д.Ю. Нужного).

зауженных концов, иногда даже без какой-либо обработки ретушью (рис. 3/1, 2). Вероятно, такое оформление одного или обоих концов, будущих вкладышей-вставок, не мешало главному предназначению этих микролитов. Мы склонны также выделять атипичные «прямоугольники», у которых обязательная продольная обработка одного края дополнялась поперечно ретушированным концом, при том, что противоположный конец преднамеренно обламывался (рис. 3/16, 17).

Типично граветтоидными типами орудий в составе инвентаря мы также считаем одноконечные игловидные микроострия с двумя притупленными краями и прямым профилем, которые обычно можно обнаружить лишь в обломках. Двухконечное игловидное острие, искривленное в профиле, найдено лишь в четвертом слое. Оно во многом сходно с таким же микроострием из коллекции находок со стоянки-мастерской Чутулешты 1 на Реуте, которую большинство исследователей палеолита оценивают как граветтскую, связанную с молодовским верхним палеолитом. Микроострия сегментовидных очертаний, часто со слабовогнутым ретушированным краем и дугообразным противоположным, в большей степени распространены в коллекциях верхних слоев стоянки Косэуць. Двойные скребки с интенсивной краевой ретушью по одному или обоим краям, прежде всего, встречаются в пачке средних культурных слоев. Рассмотрение граветтоидных атрибутов, как и соответствующих им типов изделий, можно было бы продолжить. Однако уже названных данных мы считаем вполне достаточно для рассмотрения как индустрии, так и инвентарного набора многослойной стоянки Косэуць в рамках граветтоидного «пути развития». Что же касается вопроса о культурной принадлежности косэуцкого комплекса, то он требует несколько иного подхода. На современном этапе изучения этого памятника мы можем лишь присоединиться к одной из последних версий, высказанных первооткрывателем этой стоянки (Borziac, Chirica 2008, 28-29), о её принадлежности к мега-культуре охотников на северного оленя, охватывающей большую часть пространства среднего течения рек Днестр, Прут, Сирет и Бистрица.

Библиография

Борзияк 1985: И.А. Борзияк, Открытие новой многослойной палеолитической стоянки Косоуцы на Среднем Днестре. В сб.: (Отв. ред. Н.А. Кетрару) Археологические исследования в Молдавии в 1981 г. (Кишинев 1985), 3-14.

Нужний 2003: Д.Ю. Нужний, Верхні шари палеолітичної стоянки Молодове 5 та деякі проблеми їх культурно-хронологічної інтерпретації. Vita Antiqua 5-6, 2003, 20-39.

Оленковский 2008: Н.П. Оленковский, Эпиграветт Восточной Европы. Культурно-исторический аспект (Херсон 2008).

Черныш 1977: А.П. Черныш, Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV и её место в палеолите. В сб.: (Отв. ред. Г.И. Горецкий, С.М. Цейтлин) Многослойная палеолитическая стоянка Кормань IV на Среднем Днестре (Москва 1977), 7-77.

Черныш 1982: А.П. Черныш, Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I. В сб.: (Отв. ред. Г.И. Горецкий, И.К. Иванова) Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре (Москва 1982), 6-102.

Черныш 1987: А.П. Черныш, Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Археология. В: И.К. Иванова, С.М. Цейтлин, Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда (Москва 1987), 7-93.

Borziac, Chirica 2008: I. Borziac, V. Chirica, Paleoliticul superior din spaţiul Carpato-Nistrean: aspecte culturogenetice şi cronostratigrafice. Tyragetia s.n. II/1, 2008, 9-36.

Simonet 2009: A. Simonet, Les gravettiens des Pyrénées. Des armes aux sociétiés. Thèse de Doctorat en Anthropologie sociale et historique (Université de Toulouse 2009).

Despre caracterul gravetoidal al uneltelor de silex din situl multistratificat din paleoliticul superior Cosăuţi

Cuvinte-cheie: staţiunea Cosăuţi, Moldova, Epigravetien, Paleoliticul târziu, aşchiere burinantă, piese componentă.

Rezumat: Articolul prezintă datele de analiză tipologică şi parametrii tehnologici care confirmă orientarea gravetoidală în dezvoltarea industriei pietrei şi ansamblul de inventar al sitului multistratificat din Paleoliticul superior Cosăuţi. Atenţia principală este acordată caracteristicilor tehnicii de cioplire primară care vizează obţinerea lamelelor şi microlamelelor, tehnicii de aşchiere burinantă şi unei tehnici de compozite destul de avansate. După cum era de aşteptat, acest lucru s-a reflectat în apariţia unor astfel de tipuri principale de unelte de silex, cum ar fi: vârfuri gravettiene (săgeţi), «dreptunghiuri alungite» (piese componente), piese cu un singur vârf în formă de ac, cu două margini contondente şi un profil drept, inserţii lamelare miniaturale cu ruptură deliberată la unul sau două capete. Există şi trăsături originale care ne permit să considerăm complexul Cosăuţi drept una dintre variantele culturii epigravettiene, care s-a răspândit în sud-vestul Câmpiei Ruse acum 20 de mii de ani.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Localizarea sitului paleolitic Cosăuţi.

Fig. 2. Vârfuri gravettiene din siturile paleolitice de pe Nistrul Mijlociu (1 - Cosăuţi, nivelul 1; 2 - Cosăuţi, stratul 6A; 3, 4 - Cosăuţi, stratul 5; 5 - Moldova 5, stratul 3; 6-8 - Molodova 5, stratul 1a; 9 - Raşcov 8, stratul 2) şi puncte de tip Vachons din situri din partea de sud-vest a Franţei (10 - Les Roque Saint-Christophe, stratul A în Dordogne; 11 - Brassempouy Grotte du Pape în Aquitania; 12, 13 - Grota Isturitz, stratul 4 şi baldachinul Lespaux, stratul 3 în Pirinei) (5-8 - desene de D.Yu. Nazhny).

Fig. 3. „Dreptunghiuri alungite" gravettiene: 1, 2 - Cosăuţi, stratul 3; 3 - Cosăuţi, stratul 3A; 4-6 - Cosăuţi, stratul 4; 7-9, 16, 17 - Cosăuţi, stratul 5; 10, 11, 13, 15 - Molodova 5, stratul 1a; 12, 14 - Molodova 5, stratul 4 (10-15 - desene de D.Yu. Nuzhny).

On the Gravettian aspect of flint tools from the Cosăuţi multi-layered Upper Paleolithic site

Keywords: Cosăuţi site, Moldova, Epigravettian, Late Paleolithic, technique of burin chipping, inserts.

Abstract: The article presents typological analysis data and technological parameters confirming the Gravettian orientation in the development of the stone industry and the assemblage of the Upper Paleolithic multi-layered site of Cosăuţi. The main attention is paid to the features of the primary knapping technique aimed at obtaining bladelets and microbladelets, the technique of burin chipping and a fairly advanced insertion technique. As expected, this was reflected in the appearance of such leading types of flint tools as Gravettian points (arrowheads),

“elongated rectangles” (insertions), needle-shaped single points with two blunt edges and a straight profile, miniature lamellar inserts with intentional breakage of one or both ends. There are also original features that allow us to consider the Cosăuți complex as one of the variants of the Epigravettian culture, which spread to the southwest of the Russian Plain 20 thousand years ago.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the Paleolithic site of Cosăuţi.

Fig. 2. Gravettian points from the sites of the Middle Dniester region (1 - Cosăuți, layer 1; 2 - Cosăuți, layer 6A; 3, 4 - Cosăuți, layer 5; 5 - Molodova 5, layer 3; 6-8 - Molodova 5, layer 1a; 9 - Rașcov, 8, layer 2) and points of the Vachons type from sites in the southwestern part of France (10 - Les Roque Saint-Christophe, layer A in the Dordogne; 11 - Brassempouy Grotte du Pape in Aquitaine; 12, 13 - Isturitz grotto, layer 4 and Lespaux canopy, layer 3 in the Pyrenees) (5-8 - drawings by D.Yu. Nazhny).

Fig. 3. Gravettian “elongated rectangles”: 1, 2 - Cosăuți, layer 3; 3 - Cosăuţi, layer 3A; 4-6 - Cosăuți, layer 4; 7-9, 16, 17 - Cosăuți, layer 5; 10, 11, 13, 15 - Molodova 5, layers 1a; 12, 14 - Molodova 5, layer 4 (10-15 - drawings by D.Yu. Nuzhny).

10.05.2024

Др. Сергей Коваленко, Национальный музей истории Молдовы, ул. 31 августа, 121-А, MD-2012 Кишинэу, Республика Молдова, https://orcid.org/0000-0003-2321-1313, e-mail: covalenco@bk.ru

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИЗОБРАЖЕНИЯХ НА СОСУДЕ ИЗ БРОНОЧИЦЕ

Елена Избицер

Ключевые слова: Броночице, интерпретация, орнамент, повозки, сцены танца.

Сосуд культуры воронковидных кубков, происходящий с поселения Броночице (Польша), хорошо известен, в первую очередь, благодаря прочерченному орнаменту, один из элементов которого интерпретируется как пиктограмма, изображающая четырехколесную повозку (рис. 1). Сосуд датируется серединой IV тыс. до н.э., что позволяет рассматривать изображение на сосуде как самое раннее свидетельство существования колесного транспорта в Западной Европе (Milisauskas, Kruk, Hudson 2019, 233).

Пиктограмма показывает повозку в плане – подпрямоугольный кузов, по углам которого кружками обозначены, также в плане, колеса; еще один аналогичный кружок размещен в центре повозки, а у одной из коротких сторон повозки изображено дышло. В целом, трактовка пиктограммы как повозки является общепринятой. Однако существует и иное ее прочтение. Так, П.М. Кожин считал, что повозкой пытаются представить «изображение, напоминающее домик с метелкой на крыше из-за сопровождающих его оттисков кружков с точкой внутри» (Кожин 2015, 8). Подобного мнения придерживается и И.В. Палагута. Приводимые им аналогии с рисунками построек ставят, по его мнению, под сомнение использование пиктограмм на сосуде из Броночице «в качестве аргумента при датировке первого появления колесного транспорта в Европе» (Палагута 2022, 382-383). В отказе видеть в рисунке изображение повозки явно довлеет вопрос хронологического приоритета той или иной находки на определенной территории. Однако в данном случае, вне зависимости от дискуссии о времени появления колесного транспорта в Европе, более интересным вопросом является, повозки или другие объекты изображены на рассматриваемом сосуде и их связь с другими элементами декора.

Отвергая интерпретацию рисунков как изображений повозок, И.В. Палагута приводит ряд доводов. Во-первых, это отсутствие в композиции изображений тягловых животных; при этом указывается на обязательное присутствие тягловых животных на большинстве петроглифов с транспортными средствами. Во-вторых, отмечается статичность элементов композиции: «Вертикальная ориентация элементов в горизонтальной зоне делает композицию и изображения статичными. Автор композиции почему-то располагает «повозки» не параллельно линиям зигзага («воды») и заштрихованных квадратов («поля» и «дороги»), а поперек их, соответственно «деревьям», выполняющим функции вертикальных разделителей секций композиции. Поэтому возникает ощущение неподвижного «пейзажа», который можно рассматривать, поворачивая сосуд. Все элементы композиции при этом одинаково статичны, в том числе и «повозки». Это отличает «повозки» из Броночице от изображений повозок и колесниц, где авторы, наоборот, подчеркивают динамику движения за счет горизонтального расположения изображения или плана с разверткой сверху» (Палагута 2022, 382). В-третьих, отвергается интерпретация предмета, обозначенного в центре повозок, как ритуального и под сомнение ставится конструкция дышла; относительно реконструкции упряжи, сделанной на основе изображений на сосуде, указывается, что в эпоху неолита существовали уже более сложные конструкции, чем постромки, начерченные на рисунке реконструкции (Палагута 2022, 382, рис. 1/3). В результате делается вывод об изображении на сосуде не повозок, а построек, где путем совмещения фронтальной и верхней проекций показана двускатная или четырехскатная крыша (Палагута 2022, 382, рис. 1/3).

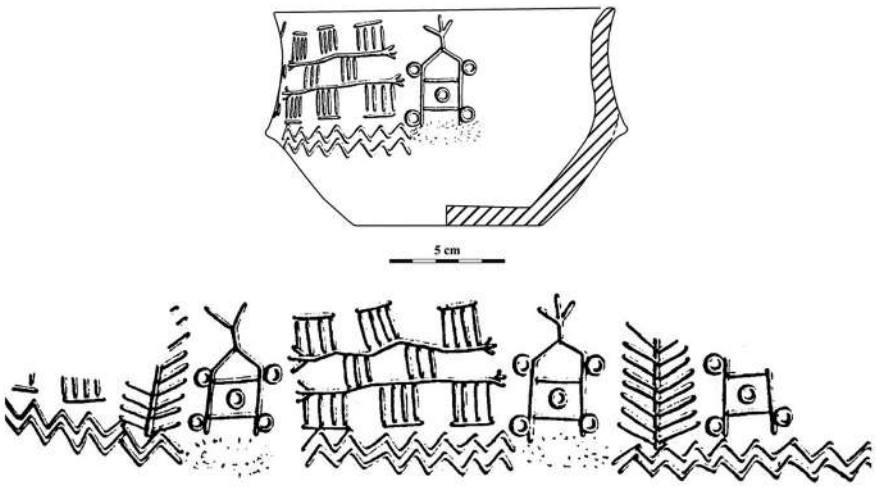
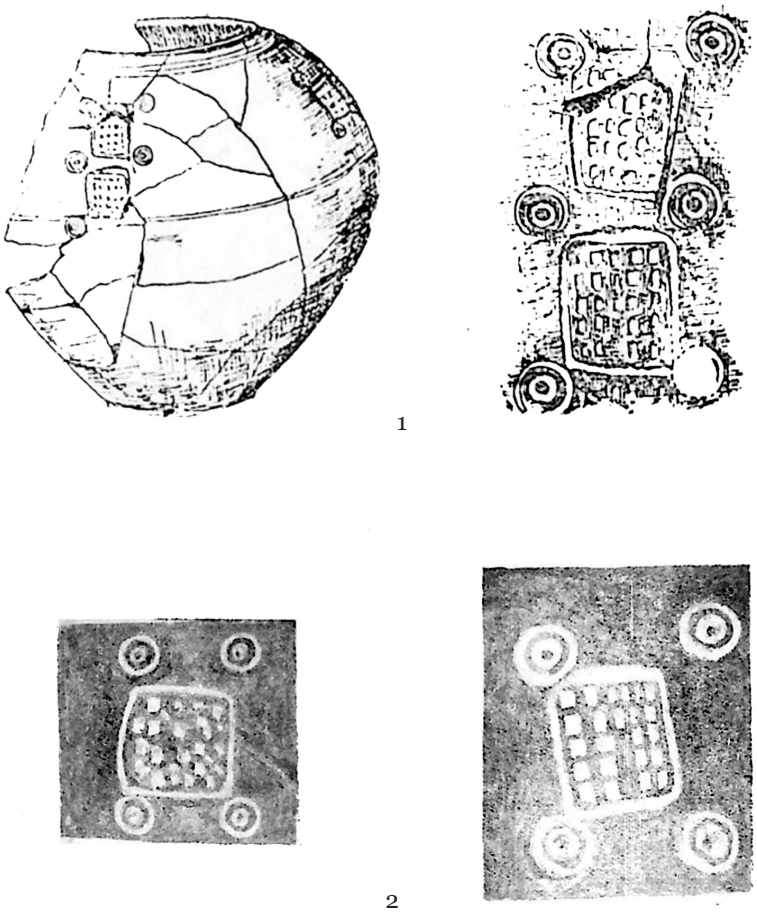


Рис. 1. Сосуд из Броночице (по Milisauskas, Kruk, Hudson 2019, fig. 1).



1

2

Рис. 2. Изображения четрехколесных повозок на сосудах из Тбилиси (1) и Самтавро (2), 2-1 тыс. до н.э. (по Гегешидзе 1956, таб. IV/1, 2).

Данные положения трудно принять по ряду причин. Широкое обращение к петроглифам в данном случае неправомерно; оно может быть исключительно вторичным, но не основным, поскольку каждая группа источников имеет свою специфику. Примером такого некорректного сравнения служит замечание о том, что повозки на петроглифах показаны, как правило, вместе с тягловыми животными, изображения которых отсутствуют на сосуде из Броночице. На нескольких сосудах II-I тыс. до н.э. из Тбилиси и Самтавро имеются изображения повозок без тягловых животных, и при этом они расположены так же, как и на сосуде из Броночице, в плане и «вертикально» (рис. 2/1-2) (Гегешидзе 1956, 159, таб. IV/1-2). Статичность изображений, на которую, как на отличие, указывает И.В. Палагута, в целом характерна для зонально орнаментированных сосудов. Объяснение же кружков, вынесенных за пределы рисунка повозки, путем совмещения проекций представляется весьма искусственным и не объясняет наличие на рисунке четырех кружков. Относительно же пассажа о постромках можно указать на хорошо известное изображение повозки на сосуде срубной культуры из Поволжья, где показана конструкция, сходная с той, что представлена на рассматриваемом сосуде (рис. 3). Поэтому утверждение И.В. Палагуты о том, что интерпретация пиктограмм на сосуде из Броночице, определяемых как повозки, может быть легко оспорена (Палагута 2022, 383), пока имеет мало оснований.

Сосуд из Броночице, помимо изображений повозок, интересен и тем, что на нем представлен сюжетный рисунок. Несмотря на то, что сосуд поврежден, по сохранившимся фрагментам видно, что вся композиция состояла из повторяющихся, расположенных вертикально и горизонтально геометрических элементов. Они представлены деревьями, двойными линиями зигзагов (определяемых как вода/река) и единственным полностью сохранившимся рисунком, доминирующим в композиции. Он образован тремя рядами вертикально заштрихованных квадратов и двумя соединяющими их продольными горизонтальными, слегка изогнутыми, линиями, оканчивающимися тройными отростками на концах. Именно трактовка этого рисунка

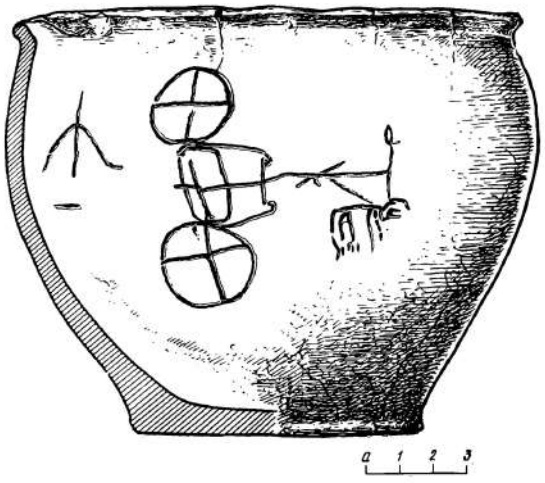


Рис. 3. Сухая Саратовка, первая половина 2 тыс. до н.э. (по Галкин 1977, вклейка к стр. 189).

вызвала наибольшую дискуссию исследователей. При всем разнообразии, в основе большинства интерпретаций предполагается отражение в рисунке мотивов, имевших важное значение для земледельческого населения, каким являлись носители культуры воронковидных кубков. Краткий обзор части предложенных версий, которые включают и религиозные, и космологические объяснения, изложен в статье авторов находки; сами же они склоняются к мнению, что на рисунке отражено возделанное поле (Milisauskas, Kruk, Hudson 2019, 234).

Ранее мною уже было высказано иное предположение: на рисунке изображены люди, и показаны они в танце (Избицер 2006); с небольшими уточнениями, этой же версии я придерживаюсь и сейчас. Несмотря на то, что полной аналогии рисунку нет, такой вывод позволяет сделать анализ составляющих его элементов, иконография антропоморфных фигур и их композиционное построение на сосудах. Орнамент сосуда из Броночице сюжетный, одним из мотивов которого является ритуальный танец.

Согласно многочисленным исследованиям, обобщенным в работе Й. Гарфинкеля, мотив ритуального танца – древнейший и наиболее частый из отраженных на керамике древних обществ (Garfinkel 2003). Наиболее обшир-

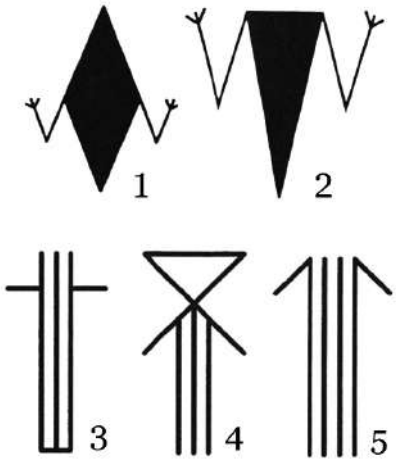


Рис. 4. Стилизованные изображения антропоморфных фигур в геометрическом (1, 2) и линейном (3-5) стилях: 1, 2 - по Garfinkel 2003, fig. 8.9/12, 9; 3-5 - по Garfinkel 2003, fig. 8.6/11, 6, 9.

ный материал для сравнения с изображениями на сосуде из Броночице предоставляет неолитическая и энеолитическая керамика культур Ближнего Востока, но изобразительные и композиционные аналогии встречаются и на керамике других культур, включая Кукутень-Триполье.

Стилизованные изображения антропоморфных фигур в сценах ритуального танца известны на ближневосточной керамике и в геометрическом стиле (рис. 4/1, 2), и в линейном, причем в последнем они показаны несколькими параллельными вертикальными линиями, как на сосуде из Броночице (рис. 4/3-5). Руки, как и положено по рисунку танца, свободны только у крайних фигур, организованных в цепочки (рис. 5/1-5), при этом они часто трехпалые (рис. 5/2-5). Если фигуры скомпонованы в несколько рядов, то головы, изображенные вертикальными линиями, отмечены над верхними фигурами (рис. 5/2, 3, 5).

Антропоморфные изображения с трехпалой кистью известны в различных культурах и регионах. В хорошо читаемых антропоморфных рисунках Кукутень-Триполья также встречаются трехпалые фигуры (рис. 6/1, 2), и эта трехпалость была выделена как одна из характеристик при анализе типов изображений на трипольской посуде (Мовша 1991, 37); известны и многорядные фигуры, где голова показана только у верхнего изображения (рис. 6/3).

Нужно отметить, что при иконографическом сходстве в передаче антропоморфных изображений в мотиве танца, на сосуде из Броночице представлена несколько иная схема расположения танцующих: из трех рядов рисунка два крайних ряда – это цепочки стилизованных антропоморфных фигур, расположенных параллельно, один напротив другого. Их тела переданы подквадратными блоками, заштрихованными четырьмя линиями и объединенными горизонтальными линиями рук, оканчивающихся тремя пальцами; головы, показанные двумя группами по три вертикальных линии, расположены, соответственно, в среднем ряду (рис. 1).

Для сцен, включающих мотив ритуального танца, типичными атрибутами являются деревья и символ божества, в присутствии которого совершается действие (Garfinkel 2003, 56). Оба элемента присутствуют на сосуде из Броночице. В качестве символа божества выступает изображение в виде колеса на повозке. Исследователи отмечали, что оно сопоставимо с солнечным диском на модели из Трундхольма (М.-А. Литтауэр, устное сообщение, 1995 г.) и со статуями идолов, установленных на моделях повозок эпохи бронзы и раннего железа (Bakker 2004, 288).

Таким образом, орнамент на сосуде IV тыс. из Броночице можно интерпретировать как сюжетную сцену, отображающую фрагмент обрядового праздника, участниками которого являются танцующие люди и божество на повозке, на фоне деревьев (леса) и воды. Подобные сюжеты, с мотивом танца и божеством на повозке, а также другими атрибутами, сопровождавшими сцены обрядовых праздников или мифов (лес, животные), известны на нескольких сосудах более позднего времени из Грабово (рис. 7), Оденбурга (рис. 8) и, возможно, Вельке Рашковце (рис. 9).

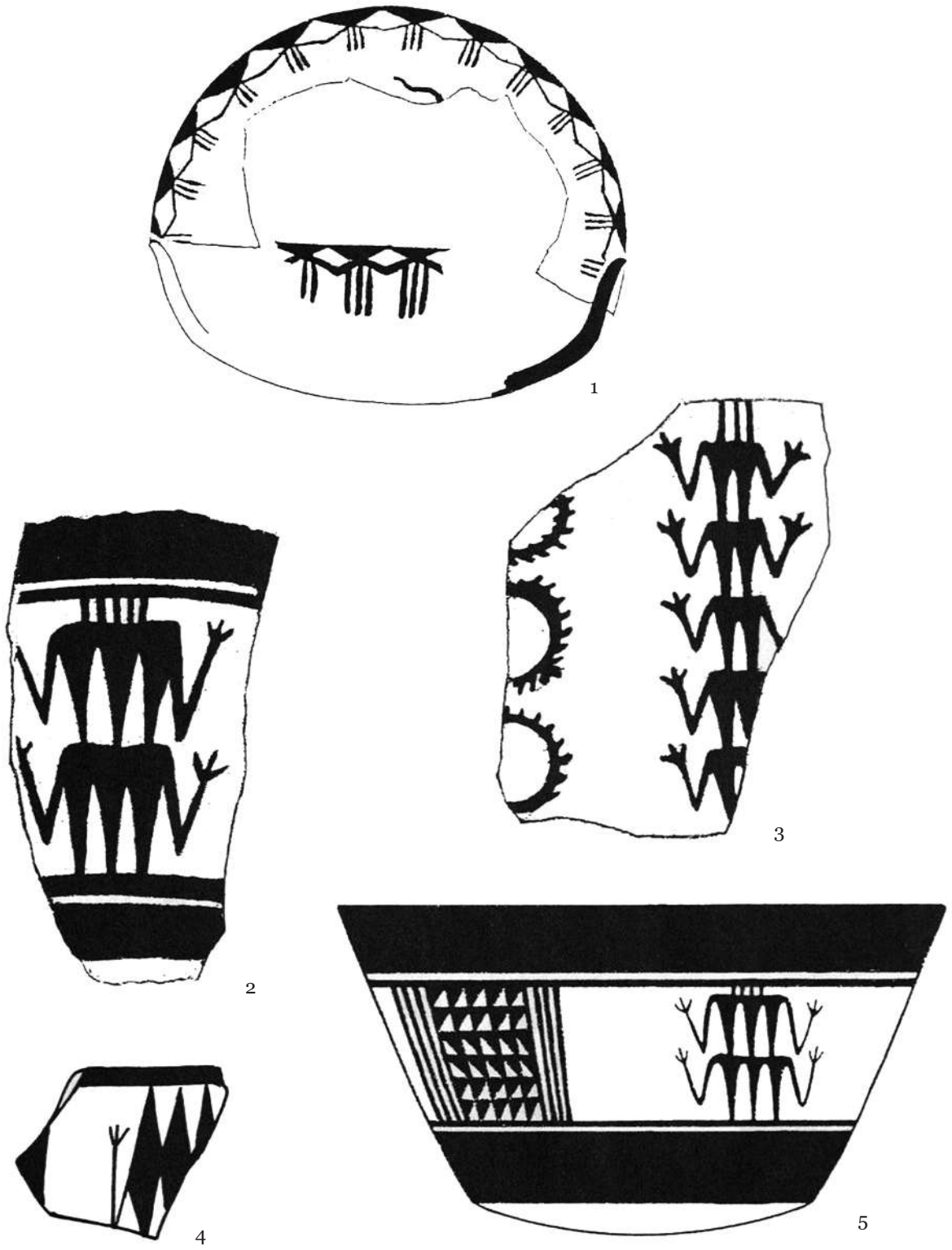


Рис. 5. Цепочки трехпалых антропоморфных изображений в один, два и более рядов:
1 - расписной сосуд, Месопотамия (Garfinkel 2003, fig. 8.22/a); 2-5 - расписные сосуды, Иран (по Garfinkel 2003, fig. 9.5/b, c, e, f).

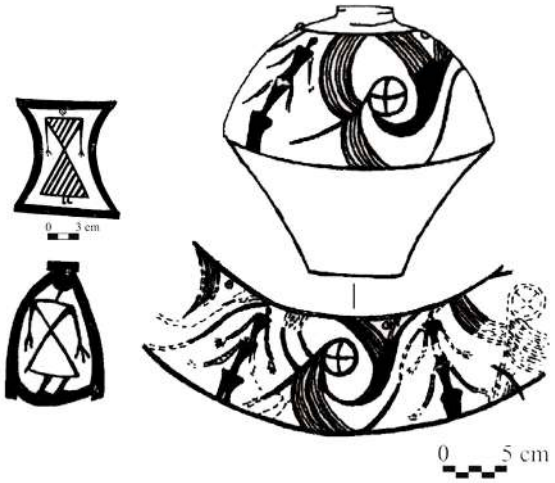


Рис. 6. Антропоморфные изображения на посуде кукутень-трипольской культуры: 1, 2 - Траян (по Monah 2012, fig. 236/6; 244/11); 3 - Петрень (по Monah 2012, fig. 244/5).

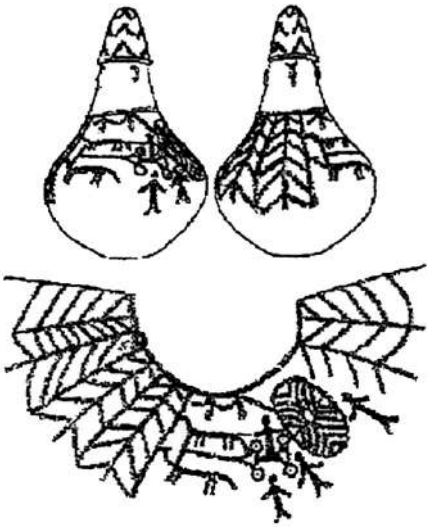


Рис. 7. Изображение обрядовой сцены на сосуде из Грабово, 8-6 вв. до н.э. (по La Baume 1963, Taf. 7.265).

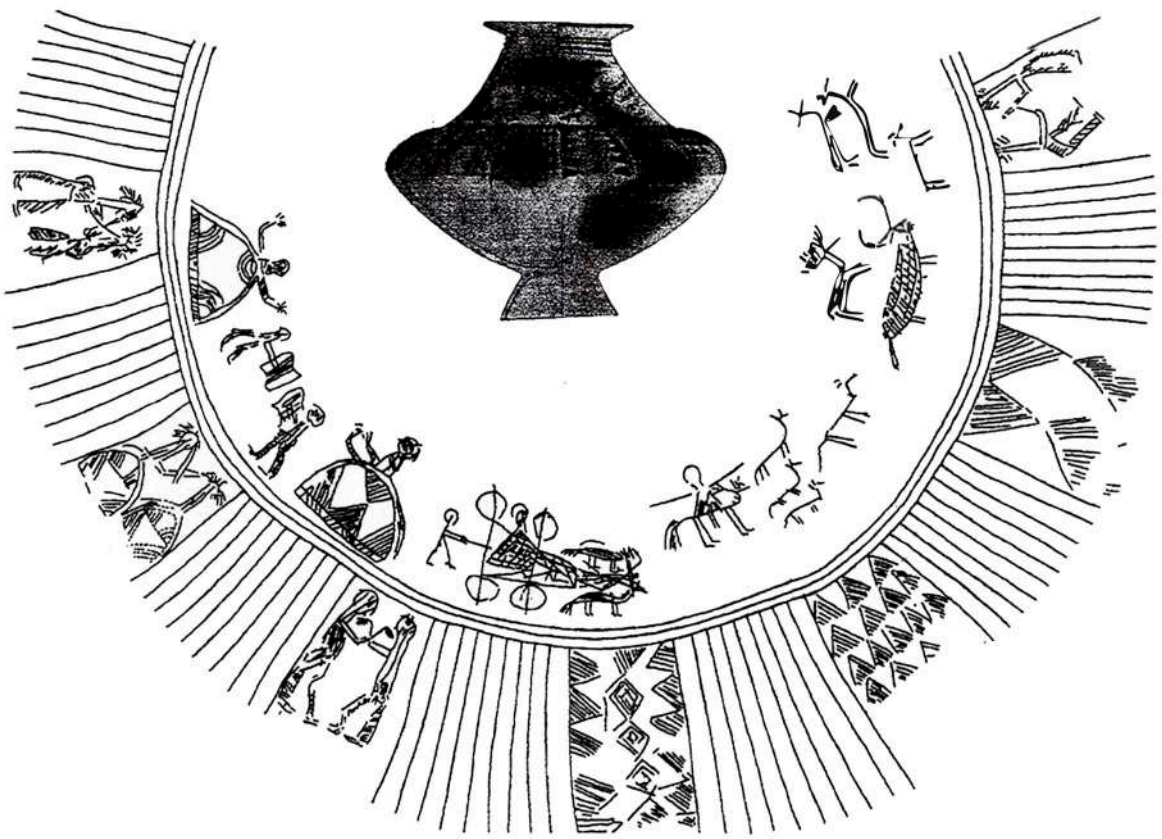


Рис. 8. Изображение обрядовой сцены на сосуде из Оденбурга, 8-6 вв. до н.э. (по Eibner-Persy 1980, Taf. 28-29).

Рис. 9. Изображение обрядовой сцены на сосуде из Вельке Рашковце, 13-12 вв. до н.э. (по Boroffka 2004, Abb. 12).

Библиография

Галкин 1977: Л.Л. Галкин, Сосуд срубной культуры с сюжетным рисунком из Саратовского Заволжья. СА 3, 1977, 189-193, вклейка.

Гегешидзе 1956: М.К. Гегешидзе, Грузинский народный транспорт. I. Сухопутные средства перевозки (Тбилиси 1956), на грузинском языке.

Избицер 2006: Е.В. Избицер. К интерпретации изображений на сосуде из Броночице. В сб.: (Отв. ред. А.В. Симоненко) Liber archaeologicae. Сборник статей, посвященных 60-летию Бориса Ароновича Раева (Краснодар – Ростов-на-Дону 2006), 40-50.

Кожин 2015: П.М. Кожин, Древний колесный транспорт: состояние проблем и рабочие гипотезы. Научное обозрение Саяно-Алтая 1(9), 2015, 2-18.

Мовша 1991: Т.Г. Мовша. Антропоморфные сюжеты на керамике культур трипольско-кукутенской общности. В сб.: (Ред. В.Ф. Генинг) Духовная культура древних обществ на территории Украины (Киев 1991), 34-47.

Палагута 2022: И.В. Первое изображение повозки или пейзаж? К вопросу об интерпретации рисунка на сосуде из Броночице. В сб.: Евразия в энеолите – раннем средневековье (инновации, контакты, трансляции идей и технологий). Материалы международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902-1984) (Санкт-Петербург 2022), 380-383.

Bakker 2004: J.A. Bakker. Die Neolithischen Wagon in nördlichen Mitteleuropa. In: (Hrsg. M. Fansa, S. Burmeister) Rad und Wagen. Der Ursprung einer Innovation, Wagen im Vorderen Orient und Europa (Mainz 2004), 283-294.

Eibner-Persy 1980: A. Eibner-Persy. Hallstattzeitliche Grabhügel von Sopron (Ödenburg). Die Funde der Grabungen 1890 - 92 in der Prähistorischen Abteilung des Naturhistorischen Museums in Wien und im Burgenländischen Landesmuseum in Eisenstadt. Wissenschaftliche Arbeiten aus dem Burgenland, Heft 62 (Eisenstadt 1980).

Garfinkel 2003: Y. Garfinkel, Dancing at the Dawn of Agriculture (Austin 2003).

La Baume 1963: W. La Baume, Die pomerellischen Gesichtsurnen. Römisch- Germanisches Zentralmuseum, Kataloge vor-und frühgeschichtlicher Altertümer 17 (Mainz 1963).

Milisauskas, Kruk, Hudson 2019: S. Milisauskas, J. Kruk, K. Hudson, Bronocice Funnel Beaker vessel with wagon motif: different narratives. Archaeologia Polona 57, 2019, 233-240.

Monah 2012: D. Monah, Plastica antropomorfă a culturii Cucuteni-Tripolie. Bibliotheca Memoriae Antiquitatis XXVII (Piatra Neamţ 2012).

Încă o dată despre imaginile de pe vasul de la Bronocice

Cuvinte-cheie: Bronocice, interpretare, decor, care, scene de dans.

Rezumat: Vasul culturii cupelor în formă de pâlnie din aşezarea Bronocice (Polonia) este renumit datorită decorului său incizat, care reprezintă imagini de care cu patru roţi. Aceste imagini au fost acceptate pe scară largă ca fiind cele mai vechi dovezi vizuale ale carelor. Totodată, unii savanţi nu sunt de acord cu o asemenea interpretare, identificând imaginile drept case şi punând, astfel, la îndoială prioritatea lor cronologică în înfăţişarea vehiculelor preistorice cu roţi. Însă argumentele pentru o asemenea interpretare a imaginilor sunt neconvingătoare şi insuficiente din punct de vedere metodologic. Motivele carelor de pe vas se potrivesc bine cu alte elemente de decor, care includ şiruri duble de zig-zag şi o figură mare, compusă din pătrate pe trei nivele, umplute cu linii verticale separate de liniile orizontale uşor curbate, împărţite în trei la capete. Această combinaţie este, de obicei, văzută ca un domeniu care reflectă activităţile agricole ale populaţiei locale. În opinia autorului, imaginea prezintă figuri umane stilizate, probabil, într-o scenă de dans. Ele, adesea, sunt însoţite de copaci, iar în unele cazuri, din diferite perioade cronologice, acestea conţin şi care.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Vasul de la Bronocice (după Milisauskas, Kruk, Hudson 2019, fig. 1).

Fig. 2. Imagini ale carelor cu patru roţi pe vasele din Tbilisi (1) şi Samtavro (2), mil. II-I a. Chr. (după Гегешидзе 1956, таб. IV/1, 2).

Fig. 3. Sukhaya Saratovka, prima jumătate a mil. II a. Chr. (după Галкин 1977, ilustraţie pe p. 189).

Fig. 4. Imagini stilizate ale figurilor antropomorfe realizate în stil geometric (1, 2) şi liniar (3-5): 1, 2 - după Garfinkel 2003, fig. 8.9/12, 9; 3-5 - după Garfinkel 2003, fig. 8.6/11, 6, 9.

Fig. 5. Lanţuri de imagini antropomorfe cu trei degete, în unul, două sau mai multe rânduri: 1 - vas pictat, Mesopotamia (după Garfinkel 2003, fig. 8.22/a); 2-5 - vase pictate, Iran (după Garfinkel 2003, fig. 9.5/b, c, e, f).

Fig. 6. Imagini antropomorfe pe vase ale culturii Cucuteni-Trypillia: 1, 2 - Traian (după Monah 2012, fig. 236/6; 244/11); 3 - Petreni (după Monah 2012, fig. 244/5).

Fig. 7. Imaginea unei scene rituale pe vasul din Grabovo, sec. VIII-VI a. Chr. (după La Baume 1963, Taf. 7.265).

Fig. 8. Imaginea unei scene rituale pe vasul din Ödenburg, sec. VIII-VI a. Chr. (după Eibner-Persy 1980, Taf. 28-29).

Fig. 9. Imaginea unei scene rituale pe vasul din Veľké Raškovce, sec. XIII-XII a. Chr. (după Boroffka 2004, Abb. 12).

Once again on the images on the vessel from Bronocice

Keywords: Bronocice, interpretation, décor, wagons, dancing scenes.

Abstract: The vessel of the Funnel Beaker culture from the settlement of Bronocice (Poland) is famous due to its incised décor that bears the images of four-wheeled wagons. These images have been widely accepted as the earliest visual evidence of wagons. Still, some scholars question this interpretation identifying the images as houses, thereby putting in doubt their chronological priority in depicting the prehistoric wheeled vehicles. However, the arguments for the other reading of the images are unconvincing and methodologically weak. The wagon motifs on the vessel fit well with other elements of décor that include double rows of zigzags and a large figure composed of three-level squares filled with vertical lines separated by the slightly curved horizontal lines split in three at their ends. This figure is usually seen as a field that reflects the agricultural activities of the local population. Meanwhile, in the author's opinion, this checker-board-like figure shows the stylized human figures, and possibly, in a dancing scene; often, they are accompanied by trees and some examples from different chronological periods include wagons.

List of illustration:

Fig. 1. Bronocice vessel (after Milisauskas, Kruk, Hudson 2019, fig. 1).

Fig. 2. Images of wagons on vessels from Tbilisi (1) and Samtavro (2), 2-1 mil. BC (after Гегешидзе 1956, таб. IV/1, 2).

Fig. 3. Sukhaya Saratovka, first half of the 2nd mil. BC (after Галкин 1977, insert, illustration to page 189).

Fig. 4. Depiction of human figures in the geometric (1, 2) and the linear (3-5) styles: 1, 2 - after Garfinkel 2003, fig. 8.9/12, 9; 3-5 - after Garfinkel 2003, fig. 8.6/11, 6, 9.

Fig. 5. Rows of three-fingered anthropomorphic images in one, two or more levels: 1- painted pottery from Mesopotamia (after Garfinkel 2003, fig. 8.22/a); 2-5 - painted pottery from Iran (after Garfinkel 2003, fig. 9.5/b, c, e, f).

Aig. 6. Anthropomorphic images on Cucuteni-Tripolie vessels: 1, 2 - Traian (after Monah 2012, 244/11; fig. 236/6); 3 - Petreni (after Monah 2012, fig. 244/5).

Fig. 7. Depiction of a ceremonial scene on a clay vessel from Grabowo, 8-6 BC (after La Baume 1963, Taf. 7.265).

Fig. 8. Depiction of a ceremonial scene on a clay vessel from Ödenburg, 8-6 BC (after Eibner-Persy 1980, Taf. 28-29).

Fig. 9. Depiction of a ceremonial scene on a clay vessel from Veľké Raškovce, 13-12 BC (after Boroffka 2004, Abb. 12).

30.08.2024

Др. Елена Избицер, New York, USA, https://orcid.org/0000-0002-5173-2178, e-mail: eizbitser@gmail.com

ARROWHEADS FROM KARTAL EXCAVATIONS

Igor V. Bruyako

Keywords: arrowheads, bilobate, trilobiate, Scythians, pre-Scythians period, Middle Ages.

A collection of arrowheads made of flint, bone, bronze and iron has been collected during the excavations of the Kartal hillfort on the Lower Danube (fig. 1). The collection includes specimens that date from the Bronze Age to the Middle Ages. Most of the tips are found in the cultural layer, or on the surface as lifting material. Some specimens come from the respective closed complexes. The publication of the materials is organised chronologically. The numbering of the arrowheads in the figures is continuous. The number in the list corresponds to the number in the figure.

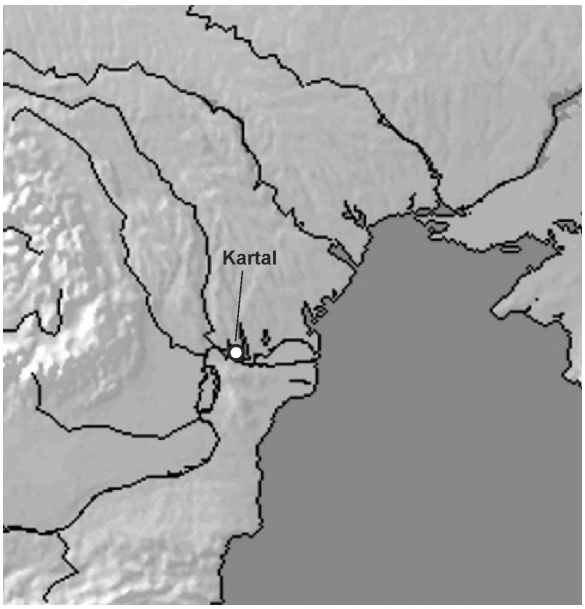


Fig. 1. Location of the Kartal hillfort.

Early Bronze Age

1. The earliest specimen in the whole collection, made of light grey flint, was found in the Central section of the settlement site in 2009 as lifting material (fig. 2/1). Taking into account the presence of Late Pit culture burials at the settlement (Бруяко, Агульников 2017), this arrowhead may belong to the same group of monuments. Similar ones are known in burials of the Yamnaya (Budzhak) culture of the North-Western Black Sea region (Субботин 2003, 52 и сл., табл. 8/2, 4).

Late Bronze Age (Early Hallstatt period)

Two bone arrowheads belong to this chronological group. Both are found in closed complexes (pits).

2. One specimen is of type of arrowheads with petiole (fig. 2/2). It is tetrahedral, and there are triangular notches on its edges. It was found in pit no. 46 ("North-Eastern" excavation area, I/2005) at the very bottom accompanied by a very bright ceramic complex, characterising the horizon of the Tămăoani – Hansca type so called incised Hallstatt cultures. For the Late Bronze Age, bone arrowheads with petioles are common (Никулицэ, Арнэут 2004). However, in any case, I am not aware of any tetrahedral specimens. Perhaps, only in 1 case we see something similar – the settlement of Magala (Крушельницька 2006, рис. 49/1).

3. A flat, two-bladed specimen with a notch in the base (fig. 2/3) was found in dwelling 1 at the "Central" area, excavation IV/2007. Unlike the previous one, this type is well known. Territorially and chronologically, the closest analogues come from the settlement of *Gîrbovaţ* of the Noua culture (phase I). The site is located in the northern part of Galaţi County, in the basin of the Byrlad River (Florescu 1991, fig. 143 - A/3, 6, 7, 8). A series of similar arrowheads was found in the Middle Dnieper region at the Subotovo hillfort of the 11/10th-9th centuries BC (Гершкович 2016, 128, 183, 354, рис. С21/4-10).

Early Iron Age (pre-Scythian period)

Three arrowheads made of bronze belong to this group. All of them are bilobate socketed typ.

4. The Novocherkassk type of the arrowhead was found in excavation area VI/2019 ("Central" part). The socket is long, the nib is rhombic. Between them is a transverse rib. The edges of the feather are flattened (forged). The peculiarity of the Kar-

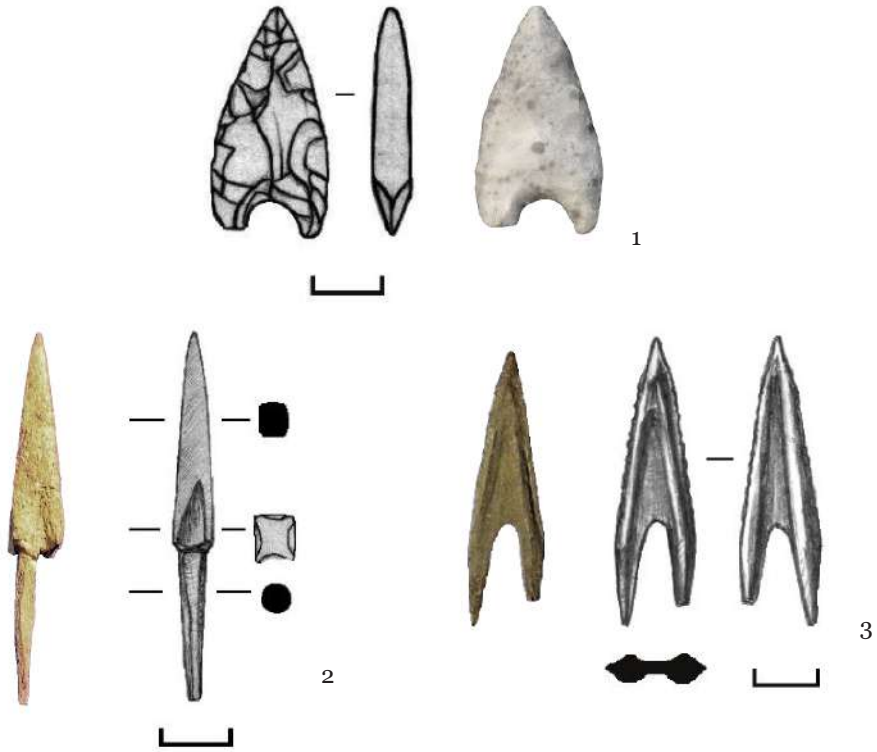


Fig. 2. Arrowheads of Early Bronze Age (1) and Late Bronze Age (2, 3).

tal specimen is a very long socket combined with a small feather (fig. 3/1). The closest analogies are found in the settlement Mikhailovka of the Zhabotin time, located not far from the eponymous monument – the settlement of Zhabotin (Дараган 2015, 131-132, рис. 2/1). I know another tip of Novocherkassk type from Kartal, which was found in the 90s among the scree of the citadel on "Kamennaya Gora" ("Stone Hill")[1].

5. An arrowhead of the asymmetric-rhombic type with a very short socket (fig. 6) was found in pit no.165 of the Getaean time ("North-Eastern" of excavation area, I/2009). This complex of the 4th century BC had signs of not at all a domestic object. The pit contained a whole human skull and a fish dish of light-coloured clay with a red coating of antique type. This arrowhead could have entered the complex either accidentally or deliberately. It belongs to the Endzha type, which T.V. Ryabkova suggests to distinguish in the previously unified Endzha – Zhabotin group (Рябкова 2012). Similar specimens are known among the materials from Rudkovetskoye hillfort (Вінокур 1985, 46, рис. 10/15; Могилов 2020, 144, рис. 6/1-8) at the settlement of Zhabotin (Дараган 2011, табл. 115/11, рис. V/34, 1). A series of similar arrowheads with a short and barely protruding socket comes from the Gumarovo barrow (Исмагилов 1988, рис. 5/11).

It seems that the evolution of the socket can be an indicator of the relative chronology of the whole set of Endzha-Zhabotin. At the beginning of the row are the tips with a completely hidden socket. This is clearly an Asian in origin form (Рябкова 2012, 349). Then, gradually, a very short (Kartal, Rudkovets settlement) and then a long (Zhabotin 524) socket gradually emerges from the nib. That is, the specimen from Kartal, together with the series from Rudkovetskoye hillfort, are a kind of intermediate form between the Endzha type, with a completely hidden socket, and the Zhabotin 524 type with a long socket, which makes up from a quarter to a third of the total length of the tip. There are no arrowheads with a completely hidden socket in Gumarovo. Thus, the Gumarovo,

[1] I've seen this advice personally. It was not included in the museum collection. His further fate is unknown.

Rudkovets series and Kartal form approximately one chronological horizon – late 8th - early 7th centuries BC.

6. Another bronze arrowhead of the same group as the previous one was discovered during excavations on the acropolis of Kartal in 2011. It differs from no. 5 by its shorter length and due to this more pronounced rhombic silhouette (fig. 3/3). One of the edges is rounded. Analogies are known again, in Gumarovo (Исмагилов 1988, 35, рис. 5/26, 29; Дараган 2015 139, рис. 7/25), near Alekseevsky village (Тереножкин 1976, 127, рис. 77/1), in Arzhan (Грязнов 1980, рис. 11/8), in an unnamed settlement in Sokirnoye village near Zhabotin together with the corresponding Zhabotin ceramics (Ляшко 2018, рис. 4/8).

Since there are no materials for most of the 7th century BC in Kartal, the upper date of the tips of this type (no. 5 and no. 6) can be limited to the beginning of this century.

In addition to Kartal, in the same area, in the vicinity of Izmail, between the villages of Broska and Matroska[2], one more tip of Novocherkassk type was found (fig. 4/15). As can be seen, it belongs to another variant – with a wide and long nib and a relatively short (shorter than the nib) socket. Wide edges with additional forging, thin rib along the feather hub and across the hub on the border with the feather. Judging by the available data, the type of arrowhead from under Izmail is rare. I know one similar specimen, which comes from random finds in south-western Alföld – *Kiskunhalas* (Kemenczei 2009, 124, 250, Taf. 28/3).

Early Scythian culture

Several arrowheads can be attributed to the earliest (Kelermess) stage of the Scythian culture, although they were in use for quite a long time, especially in isolated form as part of generally later quiver sets.

7. Bilobate bronze leaf-shape arrowhead was found in excavation area IV/2001 ("Central part"). The tip is broken off. The socket is rather short (fig. 3/4). Presumably, it is connected with the Early Iron Age complex ("dwelling 2"). Analogies are quite numerous (Daragan, Didenko 2021, fig. 2).

[2] East of the road between the villages in the second field.

8. Fragment of the lower part of a bronze bilobate arrowhead, apparently similar to the previous one (fig. 3/4). Stray find from the territory of the settlement.

9-10. Two spearheads belong to the group of trilobate socketed arrowheads with triangular heads (fig. 3/6, 7). They are known already in Gumarovo (Исмагилов 1988, 39, рис. 7/ 85-88), and are widely spread since the Kelermess stage (Галанина 1997, 106, 109, рис. 27/37-40). A serie of such arrowheads comes from the Lukashevka barrow (Daragan, Didenko 2021, fig. 16/43-48). Although it is unknown how this mound dates.

Middle Scythian culture

11. A trilobate arrowhead with a rhombic nib and a slightly protruding socket belongs to a variety quite rare for the Northern Black Sea region (fig. 3/8). Such arrowheads were widespread in the Achaemenid quiver sets since the 6th century BC. A great number of such arrowheads were found during the excavations of Persepolis, Pasargadae (Stronach 1978, 218, fig. 94). A large collection has also been gathered at the site of the camp of the Persian army besieging Alt-Paphos in Cyprus in 498/7 BC, at the site of the battle of Thermopylae, and in other areas of the Aegean basin, Asia Minor, the Middle East, and Egypt (Erdmann 1977, 9-15, Taf. I; Yalçıklı 2006, 228, 277, Taf. 7).

Not so long ago, A. Hellmuth Kramberger published an article where she examines arrowheads of the "Persian" type found in the Carpathian Basin. Among them, there are several rhombic ones with a hidden socket, similar to our no. 11. The author explains the appearance of these arrowheads by the formation of the Persian satrapy in the Balkans as a result of the campaign of Darius I and their subsequent spread up the Danube (Hellmuth Kramberger 2015, 172, 175). At the same time, according to the map of finds (Hellmuth Kramberger 2015, Abb. 9), there are no such arrowheads in Thrace itself.

Apart from the campaign of Darius, these items could have appeared from the opposite, eastern direction. Firstly, together with the Transcaucasian population, the bearers of clay pintaderae, who advanced westwards as far as the Carpathian basin in the 7th-6th centuries BC (Бруяко 2014, 46). And, secondly, with the new population from the Asian region that formed the Middle Scythian culture (MSC).

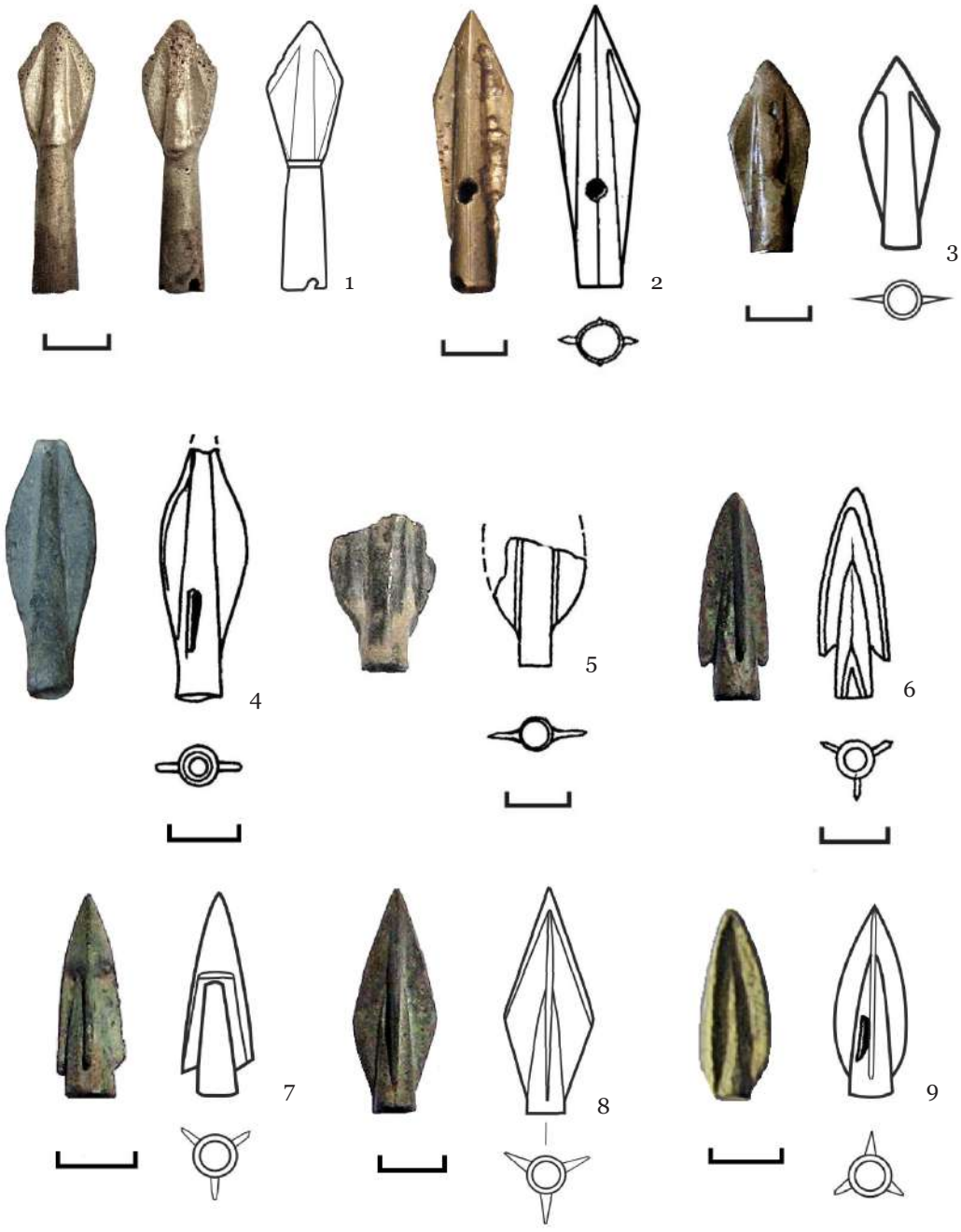


Fig. 3. Bronze arrowheads of Pre-Scythian time (1-3), Early Scythian (4-7) and Middle Scythian cultures (8, 9).

The only question that remains unresolved is why, when such spearheads spread from east to west, they are absent in the North Black Sea region. And, then, as S.V. Polin suggested, such spearheads can really be considered as archaeological evidence of the Scythian campaign of Darius I (Полін 1987, 29).

12. Trilobate arrowhead with an oval nib and a slightly protruding socket. Stray find on the territory of suburb (fig. 3/9).

13-15. The three specimens (fig. 4/1-3) belong to the large family of trilobate arrowheads with hidden socket (so-called base arrowheads), which is a distinctive hallmark of the Middle Scythian culture. Arrowhead no. 15 was found in burial site 514, stuck in the first rib and probably caused the death of the buried man.

16. Another basic arrowhead with a notch in the base (fig. 4/4). Analogies are quite numerous: Opishlyanka (Дараган 2017, рис. 21/8,

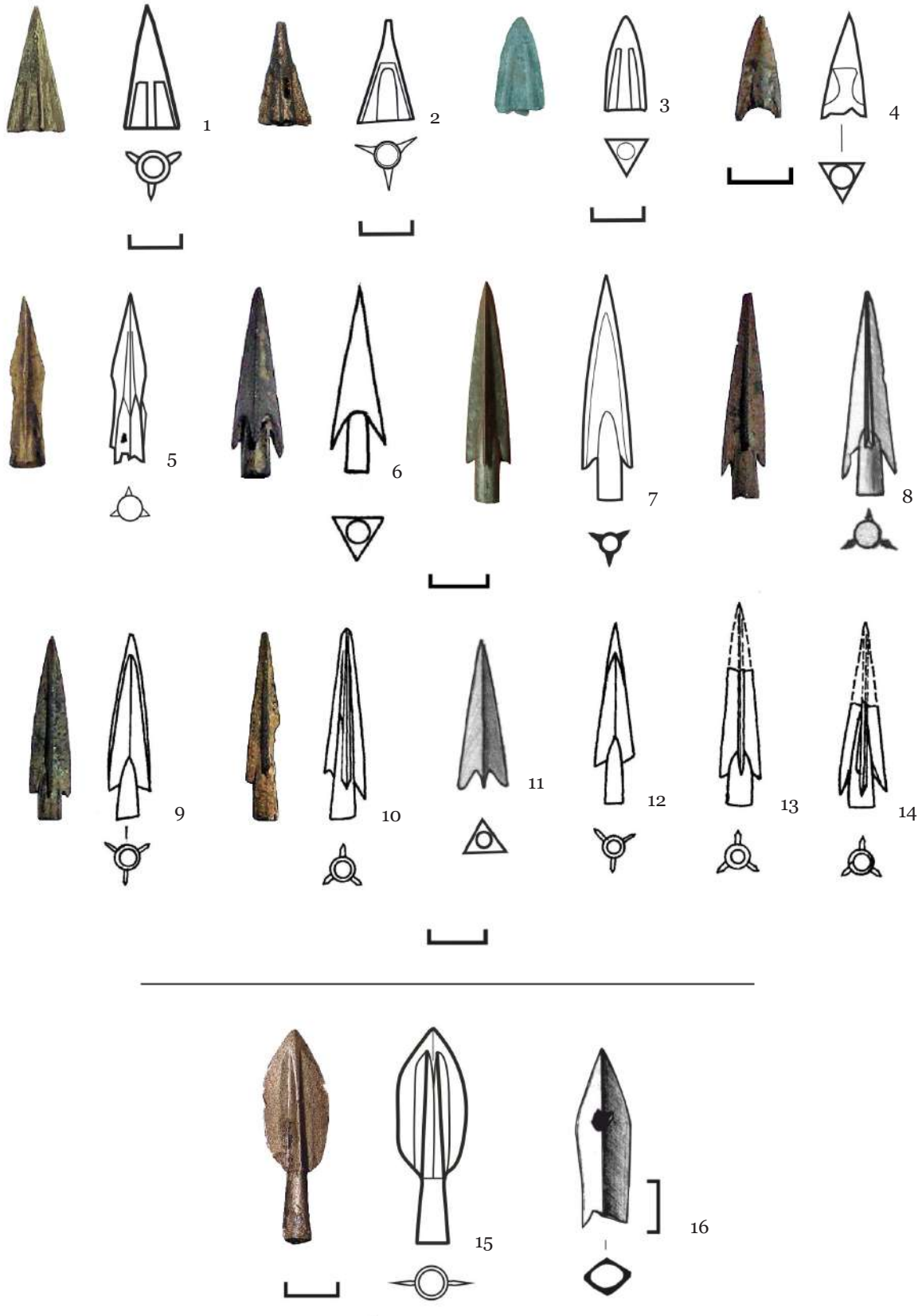


Fig. 4. Bronze arrowheads of Middle Scythian (1-5) and Classic Scythian cultures (6-14); bronze arrowheads from under Izmail (15) and Belousovka (16).

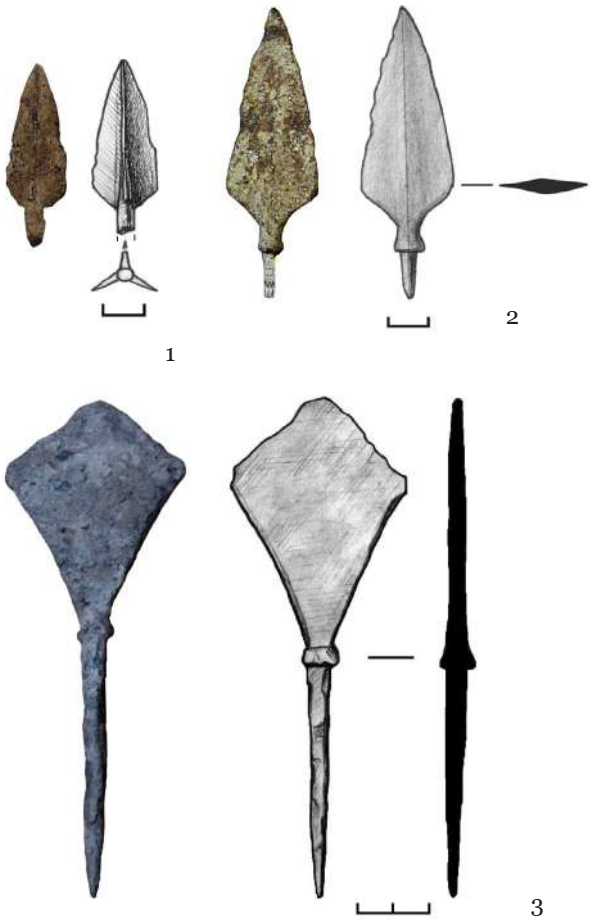


Fig. 5. Iron arrowheads from Kartal of the Middle Age period.

9)[3], Kryachkovka, Steblev k. 12 and other sets of arrowheads, which, according to M.N. Daragan, are dated as early as the first half 5th century BC (Дараган 2019, рис. 41; 61).

17. The elongated tip with concave edges, like the previous one (fig. 4/5), belongs to the same chronological group (Дараган 2019, 239, табл. I, типы 4/2, 5; 5/1).

Classical Scythian culture

18-26. The most numerous group is quite expectedly formed by finds of Classic Scythian culture arrowheads, mostly of the 4th century BC (fig. 4/6-14). Some of them (nos. 22, 26) were found in complexes with Getae pottery. The rest were found in the settlement layer.

18, 23. Two ones belong to the group of trihedral arrowheads. One with a protruding socket (fig. 4/6). The second one is without a socket (fig. 4/11).

***

For a long time, about 15 years, the author has kept a drawing of a bronze arrowhead, made from the original, *found quite far from Kartal*. The place of its discovery is Belousovka village, Voznesensky district, Nikolaev region (fig. 4/16).

Practically all over the territory of Eurasia from the Late Bronze Age onwards, similar bone arrowheads are well known (Итина, Яблонский 1997, 51). There are them in the North-Western Black Sea coast (Серова, Яровой 1987, 34, рис.14/4) and even in the Kartal area, at the settlement Novoselskoye II (Бруяко 2005, 33, рис. 4/4, 5). At the same time, the bronze replica for the Northern Black Sea region seems to be, if not unique, at least very rare. But, for the Early Saka monuments of the Aral Sea region, bronze rhombic in cross-section, without a socket, with sharpened edges at the bottom, is one of the most characteristic types of arrowheads. Here they are known both on settlements (Вайнберг 1979, табл. XII/18, 19) and on burials: Sakar-Chaga 6 (Иванчик 2001, 175, рис. 83/26), Southern Tagisken (Итина, Яблонский 1997, рис. 14/1-4; 57/3- 7; рис. 70а), Uigarak (Вишневская 1973, табл. XXV/23)[4]. The origin of bronze arrowheads of this type was and, it seems, is still associated with Central Asia, specifically, with the Kazakh-Aral sea part of it (Итина, Яблонский 1997, 51). Although, precisely, both of these authors expressed a cautious doubt about it. They drew attention to the fact that bone prototypes are known mainly in the western area of the Eurasian belt and in the materials of Arzhan (Итина, Яблонский 1997, 51).

Middle Age epoch

The last chronological group consists of three petiole arrowheads made of iron and dating from the Middle Ages.

[3] From the text of the article (Дараган 2017) it remains unclear where these arrowheads come from, either from Opishlyanka (as follows from the caption under fig. 21), or from Vitova Mogila (as follows from the text itself; Дараган 2017, 86-88)

[4] They are also known in Gumarovo. However, here both tips have a slight difference – an absolutely flat base (Исмагилов 1988, рис. 6/34, 35).

29. A trilobate specimen with, close to Medvedev's type 13 arrowheads (Медведев 1966, 59, рис. 30/13), which were widespread in Eastern Europe practically throughout the 1st mill. AD (fig. 5/1).

30. Rhomboidal flat tip with a stop and extension in the lower third of the quill (fig. 5/2). Type 40-41 according to Medvedev. Dating – 9(10)th - 11(14)th centuries AD (Медведев 1966, 64-65, табл. 15/31, 33).

31. Large flat lozenge-shaped tip with a broad point and a ring-shaped stop (fig. 5/3). Type 53 according to Medvedev. The main period of occurrence – 9th-11th centuries AD (Медведев 1966, 70, табл. 14/26; 16/14).

Judging by the dating, all three arrowheads may well correspond to the Kartal VI horizon, which indicates the presence in Kartal of a settlement of the Balkan-Danubian culture (or Culture of First Bulgarian Kingdom) of the 9th-11th centuries AD. Although, trilobate specimen (no.30) can be dated earlier – 6th-8th centuries (Крым 2003, табл. 86/10). In addition to ceramics, the Kartal VI horizon includes a number of small bronze plastics, as well as finds of Byzantine coins[5].

As we can see, the collection of arrowheads from Kartal is generally small, but culturally and chronologically quite representative, characterising almost the entire spectrum of ethno-cultural diversity characteristic of the settlement's history over several millennia. It should be especially noted that this story reflected the rather thorough participation in it of the nomadic population of the Eurasian steppes of the Early Iron Age.

Bibliography

Daragan, Didenko 2021: M. Daragan, S. Didenko, Scythian quiver sets of the archaic period: state of the art and archaeological considerations. Tyragetia s.n. XV/1, 2021, 155-188.

Erdmann 1977: E. Erdmann, Nordosttor und persische Belagerungsrampe in Alt-Paphos. Waffen und Kleinfunde. Ausgrabungen in Alt-Paphos auf Cypern 1 (Universitätsverlag Konstanz GmbH 1977).

Hellmuth Kramberger 2015: A. Hellmuth Kramberger, Persische Pfeilspitzen im Karpatenbecken? Bemerkungen zu einer Variante der dreiflügeligen bronzenen Pfeilspitzen zwischen Persepolis und Kleinen Karpaten. In: (Ed. Martin Trefný) The Early Iron Age in Central Europe. Proceedings of the conference held on the 2nd - 4th of July 2015 in Hradec Králové, Czech Republic (University of Hradec Králové 2015), 158-181.

Florescu 1991: A.C. Florescu, Repertoriul culturii Noua - Coslogeni din România. Aşezări şi necropole. In: Cultură şi civilizaţie la Dunărea de Jos, vol. IX (Călăraşi 1991).

Kemenczei 2009: T. Kemenczei, Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe (Budapest 2009).

Stronach 1978: D. Stronach, Pasargadae. A report on the excavations conducted by the British Institute of Persian studies from 1961 to 1963 (Oxford 1978).

Yalçıklı 2006: D. Yalçıklı, Eisenzeitliche Pfeilspitzen aus Anatolien. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 128, 2006, 209-283.

Бруяко 2005: И.В. Бруяко, Ранние кочевники в Европе. X - V вв. до Р.Х. (Кишинев 2005).

Бруяко 2014: И.В. Бруяко, Пинтадеры раннего железного века между Карпатами и Понтом. Stratum plus 3, 2014, 39-49.

Бруяко, Агульников 2017: И.В. Бруяко, С.М. Агульников, Погребения эпохи раннего - среднего бронзового века на территории предместья городища Картал. Revista Arheologică s.n. XIII/1-2, 2017, 86-103.

Вайнберг 1979: Б.И. Вайнберг, Памятники куюсайской культуры. Кочевники на границах Хорезма. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции XI, 1979, 7-78.

Вінокур 1985: І.С. Вінокур, Історія лісостепового Подністров'я та Південного Побужжя (Київ-Одеса 1985).

Вишневская 1973: О.А. Вишневская, Культура сакских племён низовьев Сыр-Дарьи. Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции VIII, 1973.

Галанина 1997: Л.К. Галанина, Келермесские курганы. Степные народы Евразии I (Москва 1997)

Дараган 2011: М.Н. Дараган, Начало раннего железного века в Днепровской правобережной лесостепи (Киев 2011).

Дараган 2015: М.Н. Дараган, Наконечники стрел предскифского и раннескифского времени: технология изготовления, метрология и маркировка. В: (Ред. Е.Ф. Королькова) Археология без границ. Коллек-

[5] Material from this cultural-chronological horizon is being prepared for publication.

ции, проблемы, исследования, гипотезы. Труды Государственного Эрмитажа LXXVII (Санкт-Петербург 2015), 127-170.

Дараган 2017: М.Н. Дараган, О формировании скифских колчанных наборов второй половины VI в. до н.э. Stratum plus 3, 2017, 51-111.

Дараган 2019: М.Н. Дараган, О колчанных наборах скифов первой половины - середины V в. до н.э. (башневидный горизонт). Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья 11, 2019, 146-244.

Иванчик 2001: А.И. Иванчик, Киммерийцы и скифы. Степные народы Евразии II (Москва 2001).

Исмагилов 1988: Р.Б. Исмагилов, Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры. Археологический сборник Государственного Эрмитажа 29, 1988, 29-47.

Итина, Яблонский 1997: М.А. Итина, Л.Т. Яблонский, Саки Нижней Сыр-Дарьи (по материалам могильника Южный Тагискен) (Москва 1997).

Крушельницька 2006: Л.І. Крушельницька, Культура Ноа на землях України (Львів 2006).

Крым 2003: Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья (IV-XIII века) (Москва 2003).

Ляшко 2018: Ю.Ю. Ляшко, Пам'ятки раннього залізного віку в околицях Мотронинського городища. Археологія і давня історія України 2 (27), 2018, 236-244.

Медведев 1966: А.Ф. Медведев, Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII-XIV вв. САИ Е1 - 36 (Москва 1966).

Могилов 2020: А.Д. Могилов, О формировании раннескифской культуры на Среднем Днестре. Stratum plus 3, 2020, 129-170.

Никулицэ, Арнэут 2004: И.Т. Никулицэ, Т. Арнэут, Вопросы происхождения и эволюции наконечников стрел Балкано-Карпато-Понтийского региона. Давня історія Карпато-Дунайського ареалу та суміжних регіонів. Carpatica-Карпатика, 31 (Ужгород 2004), 78-86.

Полін 1987: С.В. Полін, Хронологія ранньоскіфських пам'яток. Археологія 59, 1987, 17-36.

Рябкова 2012: Т.В. Рябкова, Колчанный набор из кургана 524 у сел. Жаботин. В: (Ред. В.А. Алёкшин и др.) Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Материалы международной конференции, посвящённой 110-летию М.П. Грязнова, кн. 2 (Санкт-Петербург 2012), 345-350.

Серова, Яровой 1987: Н.Л. Серова, Е.В. Яровой, Григориопольские курганы (Кишинев 1987).

Субботин 2003: Л.В. Субботин, Орудия труда, оружие и украшения ямной культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2003).

Тереножкин 1976: А.И. Тереножкин, Киммерийцы (Киев 1976).

Vârfuri de săgeată din săpăturile de la Kartal

Cuvinte-cheie: vârfuri de săgeţi, bilobat, trilobat, sciţi, perioada pre-scitică, evul mediu.

Rezumat: Articolul publică o colecţie de vârfuri de săgeţi obţinute în mulţi ani de săpături la situl Kartal de pe Dunărea de Jos din Ucraina. Vârfurile de săgeţi aparţin unor perioade cronologice diferite ale existenţei acestui sit arheologic – de la începutul epocii fierului până în Evul Mediu. Cele mai timpurii exemplare datează din epoca bronzului (epoca bronzului timpuriu şi târziu; fig. 2/1-3). Majoritatea colecţiei constă din vârfuri de săgeţi de stil scitic şi prescitic, inclusiv tipurile Novocherkassk şi Zhabotin (fig. 3/1-3). Dintre exemplarele corespunzătoare perioadei culturii scitice medii, merită atenţie descoperirea unui vârf de săgeată de tip persan (fig. 3/8). În fine, ultimul grup, conform cronologiei, este format din trei vârfuri de săgeţi de fier din evul mediu timpuriu (fig. 5/1) şi dezvoltat (fig. 5/2, 3).

Pe lângă descoperirile de la Kartal, articolul include şi două piese de tip prescitic de formă destul de rară, găsite în vecinătatea Izmailului (fig. 4/15) şi în cursul inferior al Bugului de Sud (fig. 4/16).

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Amplasarea sitului Kartal.

Fig. 2. Vârfuri de săgeată din epoca bronzului timpuriu (1) şi din epoca bronzului târziu (2, 3).

Fig. 3. Vârfuri de săgeţi din bronz din perioada prescitică (1-3), scitică timpurie (4-7) şi scitică mijlocie (8, 9).

Fig. 4. Vârfuri de săgeţi din bronz din perioada scitică mijlocie (1-5) şi ale culturii scitice clasice (6-14); vârfuri de săgeţi din bronz de lângă Izmail (15) şi Belousovka (16).

Fig. 5. Vârfuri de săgeţi de fier din evul mediu de la Kartal.

Наконечники стрел из раскопок Картала

Ключевые слова: наконечники стрел, двулопастные, трехлопастные, скифы, предскифский период, средневековье.

Резюме: В статье публикуется коллекция наконечников стрел, полученная в ходе многолетних раскопок городища Картал на Нижнем Дунае на территории Украины. Наконечники стрел относятся к разным хронологическим периодам существования этого археологического памятника – от раннего железного века до средневековья. Наиболее ранние экземпляры относятся к бронзовому веку (ранняя и поздняя бронза; рис. 2/1-3). Самую большую часть коллекции составляют наконечники скифского и предскифского облика в т.ч. новочеркасского и жаботинского типов (рис. 3/1-3). Среди экземпляров соответствующих периоду среднескифской культуры заслуживает внимания находка наконечника стрелы персидского типа (рис. 3/8). Наконец, последнюю по хронологии группу образуют три железных наконечника стрел раннего (рис. 5/1) и развитого средневековья (рис. 5/2, 3).

Помимо находок из Картала в статью включены также два наконечника предскифского типа довольно редкой формы, найденные в окрестностях Измаила (рис. 4/15) и в нижнем течении Южного Буга (рис. 4/16).

Список иллюстраций:

Рис. 1. Место расположения городища Картал.

Рис. 2. Наконечники стрел раннего бронзового (1) и позднего бронзового века (2, 3).

Рис. 3. Бронзовые наконечники стрел предскифского (1-3), раннескифского (4-7) и среднескифского времени (8, 9).

Рис. 4. Бронзовые наконечники стрел среднескифской (1-5) и классической скифской культуры (6-14); бронзовые наконечники стрел из-под Измаила (15) и Белоусовки (16).

Рис. 5. Железные наконечники стрел из Картала эпохи средневековья.

20.03.2024

Dr. hab. Igor Bruyako, K.D. Ushinsky South Ukrainian National Pedagogical University, Staroportofrankivs'ka str., 26, Odesa, Ukraine, https://orcid.org / 0000-0001-6359-2806, e-mail: igorbruyako@gmail.com

ПОГРЕБЕНИЯ ПОЗДНЕГО БРОНЗОВОГО ВЕКА ИЗ КУРГАНА 5 ГРУППЫ «СЕВЕР» У С. ГЛИНОЕ НА ЛЕВОБЕРЕЖЬЕ НИЖНЕГО ДНЕСТРА

Сергей Д. Лысенко, Сергей Н. Разумов, Виталий С. Синика

Ключевые слова: Северо-Западное Причерноморье, Поднестровье, эпоха поздней бронзы, курганы, погребения, керамика, кубковидные сосуды.

Введение

Бассейн Днестра представляет собой территорию, на которой издревле пересекались культурные традиции Карпато-Дунайского региона, Великой степи и лесной/лесостепной зоны Восточной Европы. Наряду с этим, в регионе в различные периоды проявляются признаки консервации определённых культурных традиций предшествующих эпох, тесно переплетающихся с разновекторными инновациями. Для выявления механизмов таких разнокультурных взаимодействий важное значение имеет систематическое изучение конкретных микрорегионов. Одним из таких микрорегионов являются окрестности с. Глиное, расположенного на левом берегу Нижнего Днестра, в южной части Слободзейского района.

Начало раскопкам курганных памятников у с. Глиное было положено в конце XIX - начале XX века И.Я. и Л.С. Стемпковскими (Гошкевич 1903, 118-129; Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 7). В 1982 г. исследования курганов у названного населённого пункта были возобновлены Слободзейской новостроечной археологической экспедицией АН МССР (Яровой 1984; Савва 1992, 180; Яровий, Агульніков 1995). В 1995-2023 гг. Днестровской археологической экспедицией Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (ДАЭ) у с. Глиное Слободзейского района, в бассейнах *р. Красная* (левый приток р. Турунчук – рукав р. Днестр) и ручья *Кременная Балка* (правый приток р. Кучурган – левый приток р. Турунчук), в десяти курганных группах (Глиное, «Водовод», «Дот», «Клин», «Кременная Балка», «Плавни»,

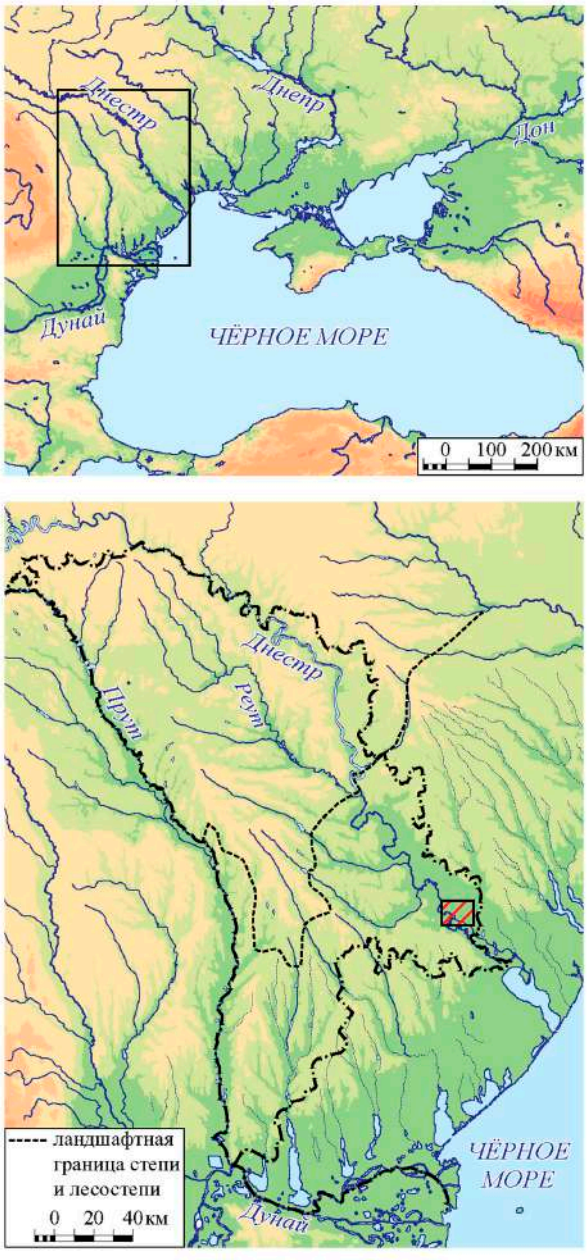


Рис. 1. Локализация комплекса археологических памятников у с. Глиное.

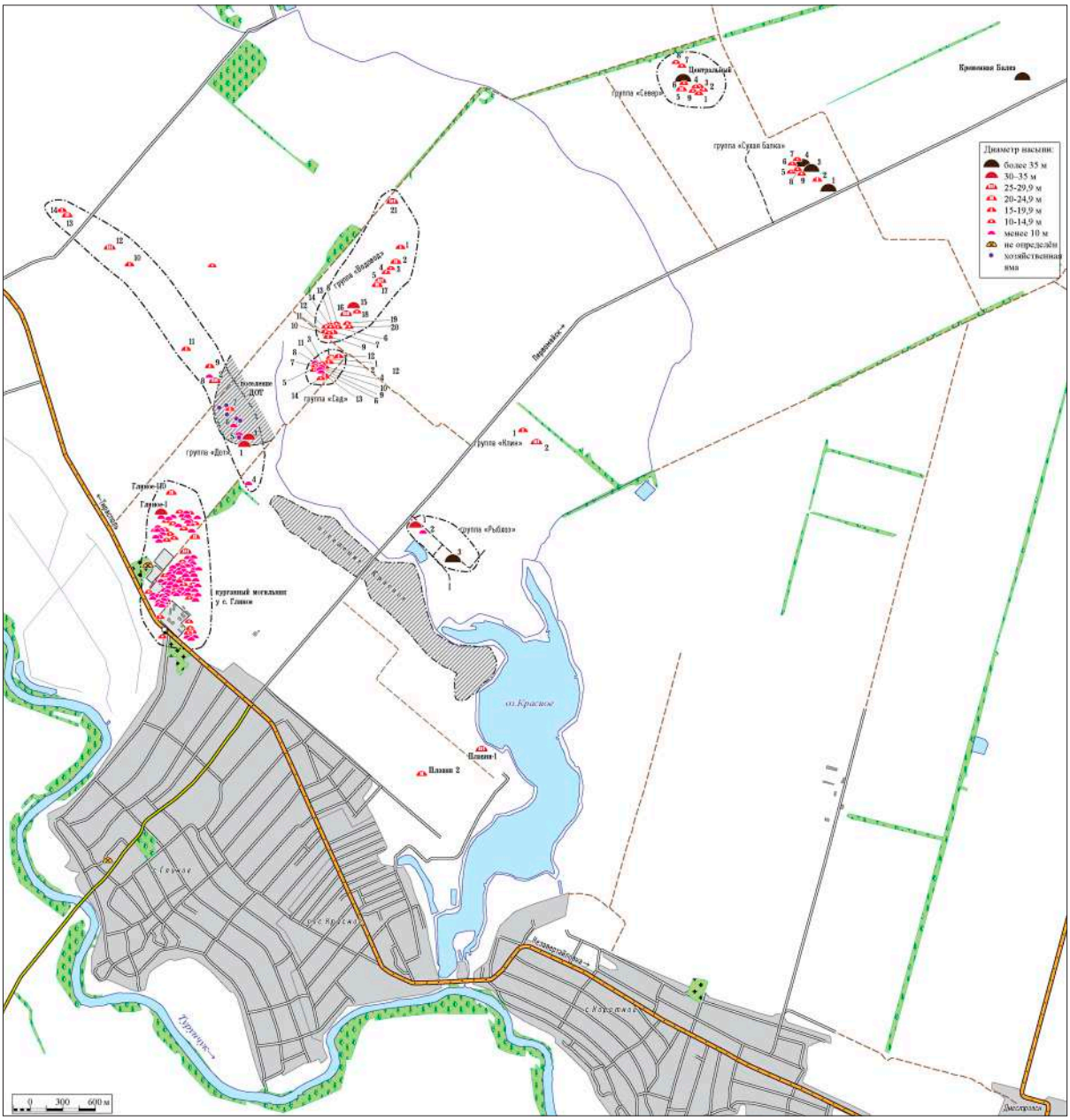


Рис. 2. Ситуационный план размещения археологических памятников у с. Глиное.

«Рыбхоз», «Сад», «Север», «Сухая Балка») было раскопано 186 курганов. Среди них 31 был возведён в позднем энеолите и бронзовом веке (преимущественно – в раннем); 26 курганов содержали погребения различных горизонтов эпохи поздней бронзы (Разумов и др. 2013; Разумов и др. 2019; 2022; Лысенко, Разумов 2014; Лысенко, Разумов 2016; Тельнов и др. 2014; Тєльнов та ін. 2015; Матвиишина и др. 2016; Разумов 2017; Разумов, Лысенко 2020а; 2020б; Лысенко и др. 2020; Лысенко и др. 2021; Лысенко и др. 2023а; Лысенко и др. 2023б; Лысенко и др. 2023в; Лысенко и др. 2024; Синика и др. 2021) (рис. 1; 2).

Настоящая публикация посвящена введению в научный оборот погребений позднего бронзового века из кургана Глиное/Север 5, относящихся к бабинскому и сабатиновскому времени (рис. 3-6). Для погребений получены три радиоуглеродные даты (рис. 7)[1]. Все материалы публикуются впервые.

[1] Даты калиброваны в программе OxCal v4.4.4 Bronk Ramsey (2021); r:5; Atmospheric data from Reimer et al. (2020).

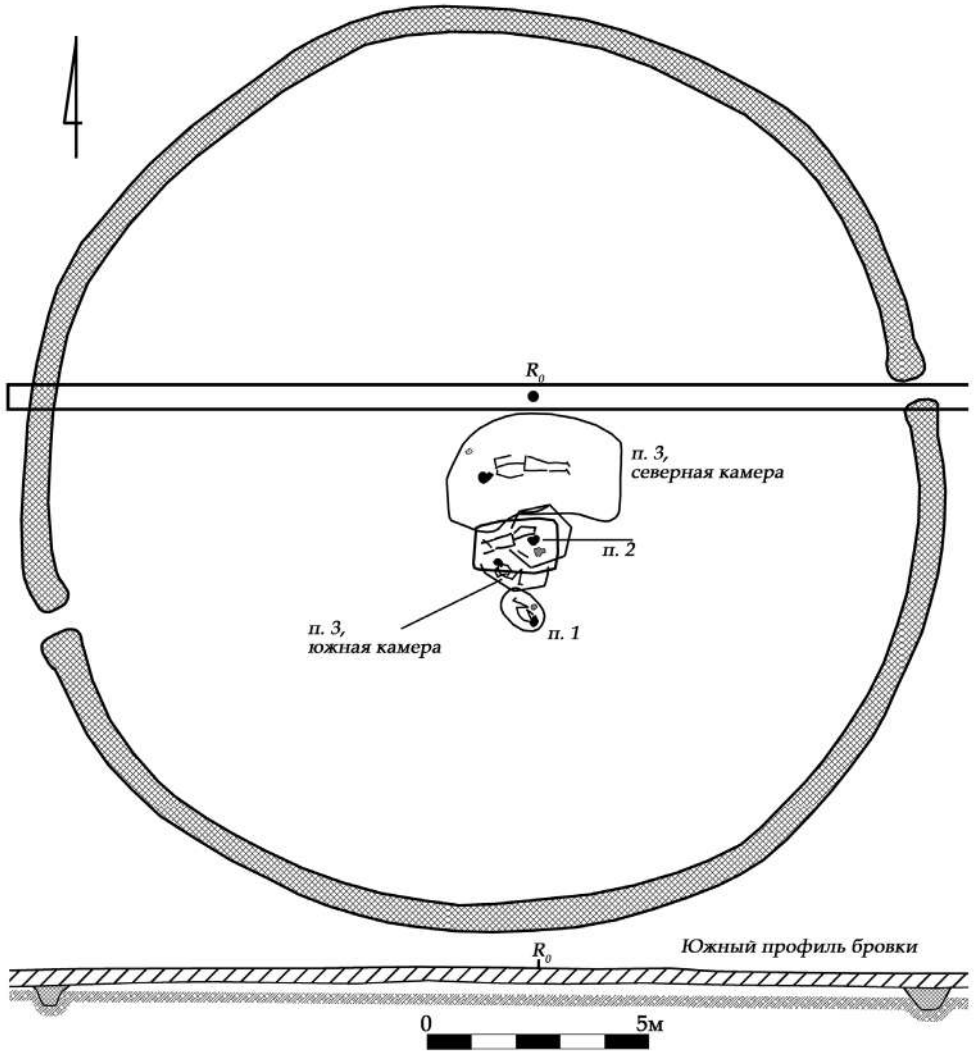


Рис. 3. Курган 5 группы «Север» у с. Глиное.

Описание памятника

Курганная группа «Север» расположена на землях с. Глиное Слободзейского района, в 6,802 км к северо-востоку (35°) от пересечения шоссе Тирасполь - Днестровск с ул. Ленина с. Глиное, на западном склоне невысокого плато, к западу от обводнённой ранее *Кременной Балки* (правый приток р. Кучурган – левый приток Днестра). Группа насчитывает не менее десяти насыпей, сконцентрированных вокруг большого центрального кургана, оставшегося неисследованным. В 2022 г. было раскопано 9 курганов (№№ 1-9); ещё 4-5 невыразительных пятен нуждаются в проверке (рис. 2).

Курган 5 (2022 г.) (рис. 3). Для проведения исследований была разбита одна бровка по линии запад–восток, шириной 0,6 м, длиной 24 м. Курган копался параллельными траншеями с использованием техники.

Курган был возведён в один приём в эпоху средней бронзы над основным катакомбным захоронением (№ 3). Позднее южнее центра кургана было впущено погребение № 1 днепро-прутской бабинской культуры. Последним в центр насыпи, перерезав входную яму основного захоронения, было впущено погребение № 2, относящееся к сабатиновскому времени. В скифское время (вторая половина IV в. до н.э.) насыпь была окружена рвом.

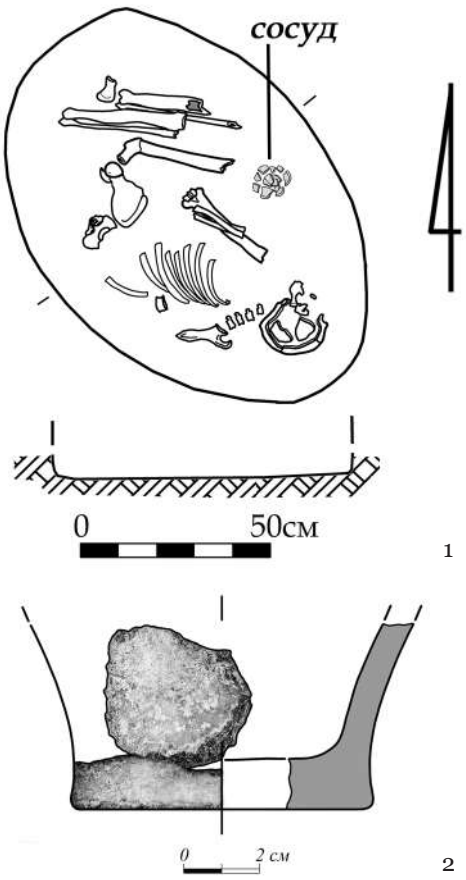


Рис. 4. Погребение 1, курган 5 группы «Север» у с. Глиное.

В настоящей публикации рассматриваются только погребения позднего бронзового века.

Погребение 1 (впускное, культурный круг Бабино) (рис. 4/1). Обнаружено в 5 м к югу от R_0 на уровне -0,79 м от R_0. Погребальное сооружение, вероятно, представляло собой подбой. Входная яма не прослежена. Погребальная камера подовальной формы, размерами 1,15×0,8 м, глубиной 0,86 м от R_0. Она была ориентирована длинной осью по линии северо-запад–юго-восток. Скелет взрослого человека лежал сильно скорченно (степень скорченности I: углы между корпусом и бёдрами, бёдрами и голенями < 90°), на правом боку с разворотом на грудь, головой на юго-восток. Руки были уложены кистями перед лицом, ноги согнуты в тазобедренных суставах и коленях под острым углом, пятки у таза. У коленей находился развал *лепного сосуда* (1).

1. *Сосуд лепной высоких пропорций* (горшок или банка); сохранились фрагменты нижней части. Днище плоское, со слабо выраженной закраиной с закруглённым краем. Тесто с примесью мелкого шамота, включениями мелкого песка. Цвет чёрный, серый, бурый; в изломе – чёрный. Поверхности шероховато-заглаженные, бугристые. Диаметр днища – около 80 мм. Высота сохранившейся части сосуда – около 50 мм. Толщина стенок – 8 мм, толщина днища – 14 мм (рис. 4/2).

Радиоуглеродная дата: Ki-20653 (кость человека), 3560 ± 40 BP, 1σ 1960-1877, 1842-1823, 1794-1780 cal. BC, 2σ 2026-1991, 1986-1866, 1852-1769 cal. BC (рис. 7/1).

Погребение 2 (впускное, сабатиновский горизонт) (рис. 5/1). Обнаружено в 4 м к югу от R_0 на уровне -0,86 м от R_0. Совершено в яме подтрапециевидной формы размерами 2,00×1,15-0,90 м, глубиной 1,7 м от R_0, ориентированной длинной осью по линии запад–восток. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на восток-северо-восток. Правая рука была вытянута вдоль тела. Часть костей смещена норой. У левого плеча на боку лежал *лепной кубок* (1). На правом крыле таза и у левого плеча найдены фрагменты *трубчатых костей мелкого животного* (2).

1. *Чаша/кубок на ножке-поддоне*, лепная, маёвского/фёдоровского типа. Венчик короткий, отогнут наружу; край закруглён, слегка уплощён. Корпус асимметрично-биконический, с максимальным расширением в верхней трети. Ножка невысокая, полая, усечённо-конической формы; основание поддона плоское, с закруглённым внешним краем. Центральная часть днища сосуда оформлена в виде выпуклого конуса; изнутри днище плоское. Тесто с примесью шамота, включениями мелкого песка. Цвет бурый, серый, оранжевый, жёлтый; в изломе – чёрный. Поверхности заглаженные. Диаметр венчика – 163 мм; диаметр шейки – 155 мм; диаметр корпуса – 190 мм; диаметр верхней части поддона – 70 мм, основания поддона – 93 мм. Высота сосуда – 182 мм; высота венчика – 9 мм; высота верхней части сосуда – 50-52 мм; высота ножки – 18 мм. Толщина венчика – 8 мм, стенок – 8 мм. Толщина днища в центре – 19,5 мм, у кольцевого поддона – 16 мм. Тол-

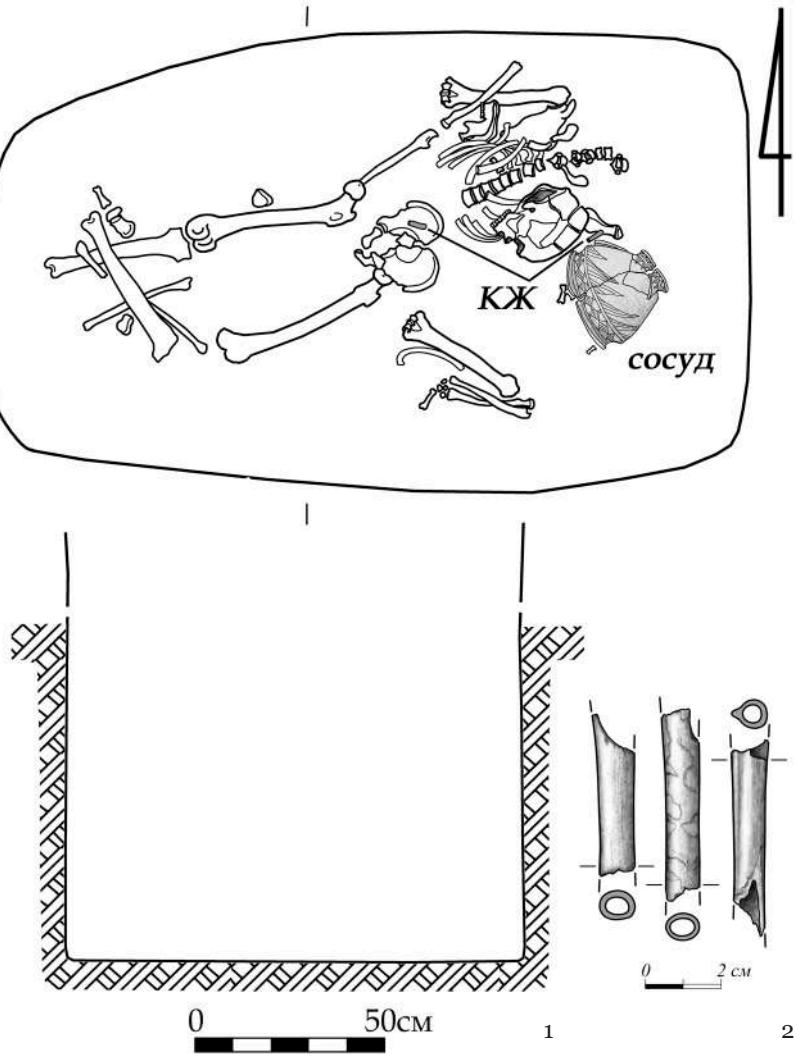


Рис. 5. Погребение 2, курган 5 группы «Север» у с. Глиное.

щина стенки поддона – 12 мм; ширина кольца основания – до 16 мм (рис. 6/1; 9/1)[2].

Сосуд украшен неглубокими горизонтальными бороздками, ямками и геометрическим орнаментом, нанесённым мелкозубчатым штампом (колёсиком?). На шейке сосуда и от максимального расширения корпуса вверх расположены две группы по две широкие неглубокие горизонтальные бороздки. На верхние две бороздки накладываются две горизонтальные линии, нанесённые зубчатым штампом. Плечико сосуда между бороздками украшено поясом заштрихованных ромбов с выступающими вверх и вниз окончаниями сторон. Немного выше ребра, в незаполненном пространстве между бороздками, в ряд расположены три неглубокие круглые ямки – две рядом, а одна, правая, – с небольшим отступом. Слева от ямок, под соседним ромбом, между бороздками зубчатым штампом нанесён знак в виде наклонённой вправо буквы «*N*». Нижняя часть сосуда украшена только мелкозубчатым штампом. Ниже ребра под бороздками, в верхней половине нижней части сосуда, находится пояс перевёрнутых косых заштрихованных треугольников, наклонённых вершинами влево. Шейка ножки украшена двумя горизонтальными линиями. Выше их, вокруг придонной части сосуда рас-

[2] Предварительные прорисовки вещей из погребения и развёртки орнамента сосуда выполнены ст. лаборантом НИЛ «Археология» ПГУ К.А. Фроловой.

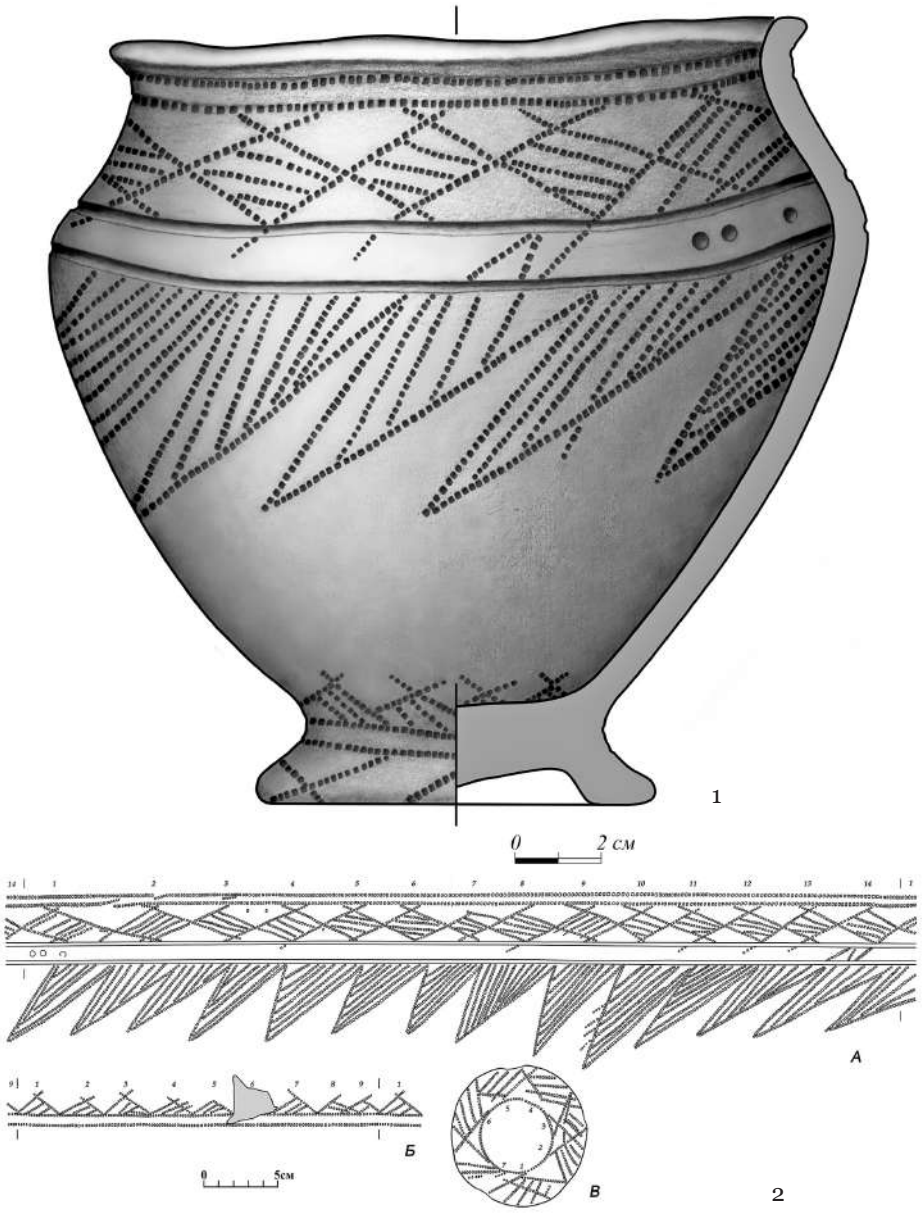


Рис. 6. Чаша/кубок на ножке из погребения 2, курган 5 группы «Север» у с. Глиное.

положен пояс заштрихованных треугольников с выступающими выше вершин окончаниями сторон. Поверхность ножки украшена неаккуратно нанесёнными, наползающими друг на друга, заштрихованными треугольниками (рис. 6/2).

2. *Фрагменты диафизов трубчатых костей мелкого животного* (3 экз.) – заготовки изделий (?). Длина – 43 мм, 51 мм и 52 мм; диаметры – 9,3×8,0 мм, 9,5×7,6 мм, 9,0×7,5 мм соответственно (рис. 5/2).

Для погребения получены две *радиоуглеродные даты*: 1) Ki-20655 (кость человека), 3130 ± 50 BP, 1σ 1492-1482, 1451-1379, 1346-1305 cal. BC, 2σ 1501-1273 cal. BC (рис. 7/2).

2) Ki-20657 (кость человека), 3180 ± 50 BP, 1σ 1502-1417 cal. BC, 2σ 1540-1374, 1352-1301 cal. BC (рис. 7/3).

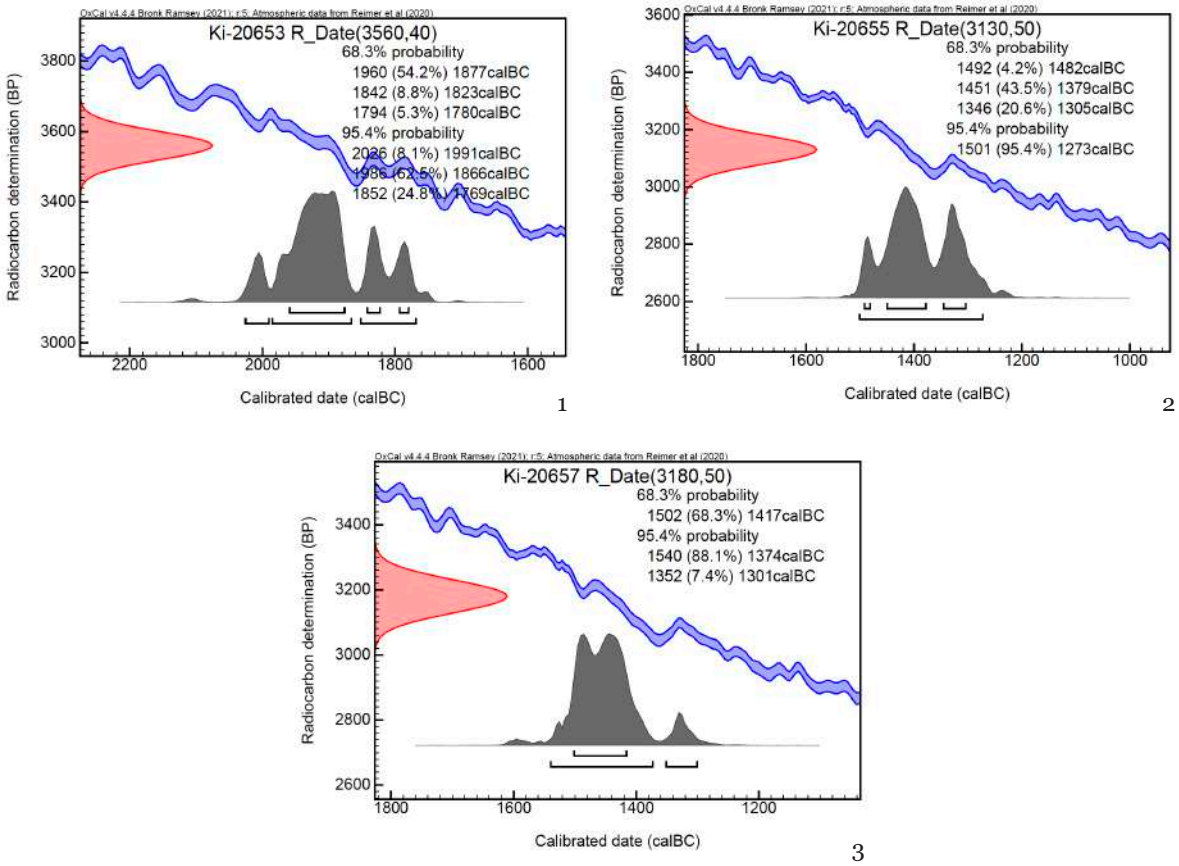


Рис. 7. Калиброванные радиоуглеродные даты погребений позднего бронзового века из кургана 5 группы «Север»: 1 - Глиное/Север 5/1 (Ki-20653); 2 - Глиное/Север 5/2 (Ki-20655); 3 - Глиное/Север 5/2 (Ki-20657).

Анализ погребального обряда

Погребение Глиное/Север 5/1[3] является типичным для днепро-прутской бабинской культуры микрорегиона (Разумов и др. 2013; Лысенко и др. 2021; Лысенко и др. 2023б; Лысенко и др. 2023в; Лысенко и др. 2024). Фактически его можно рассматривать как эталонное для обрядовой группы сильно скорченных погребений, ориентированных головой на восток, с позицией кистей рук в районе головы/лица и размещением сосуда перед верхней частью корпуса. Однако сам сосуд сильно фрагментирован и невыразителен, а предполагаемая входная яма прослежена не была. Поэтому окончательную точку в культурно-хронологическом определении данного погребения ставит радиоуглеродная дата, полностью вписывающаяся в основной интервал существования *днепро-прутской бабинской культуры* – XX-XVIII вв. до н.э. Без этой даты, при условии отсутствия чётких хроноиндикаторов, погребение было бы мало отличимо от основного массива погребений сабатиновского горизонта, как бассейна р. Красная (Лысенко и др. 2023а; Лысенко и др. 2023б; Лысенко и др. 2023в; Лысенко и др. 2024), так и всего Северного и Северо-Западного Причерноморья (Шарафутдинова 1968, 21-22; Шарафутдинова 1982, 65-74; Шарафутдинова 1986, 93; Березанская, Шарафутдинова 1985, 494; Черняков 1985, 135; Дергачёв 1986, 180; Яровой 1990, 223-224; Литвиненко 1991; Савва 1992, 48-53; Sava, Agulnikov 2003; Ванчугов 2000; 2013, 300-306; Черниенко 2014, 73-78, рис. 2; Ciobanu, Agulnicov 2016).

[3] Здесь и далее по тексту числитель обозначает номер кургана, знаменатель – номер погребения; через дефис указан номер скелета в коллективном захоронении; римская цифра обозначает номер курганной группы.

Поэтому данную обрядовую группу культурного круга Бабино в Северо-Западном Причерноморье смело можно рассматривать как *протосабатиновскую*, чётко фиксирующую преемственность этой погребальной традиции в регионе.

Гораздо более редкой для погребальных традиций позднего бронзового века Северного Причерноморья является обрядовая группа вытянутых на спине погребений. Не углубляясь в нео-энеолитические истоки такого расположения тела в могиле, отметим, что наиболее широкое распространение в эпоху бронзы вытянутые на спине погребения получают в Северном Причерноморье в среднем бронзовом веке, в *ингульской культуре катакомбной культурно-исторической общности* (Братченко, Шапошникова 1985, 416; Пустовалов 2005, 35; Отрощенко 2005, 163; Иванова 2013, 263). Возможно, пережитком этой ингульской погребальной традиции является *евпаторийская группа погребений культурного круга Бабино*, распространённая в Крыму и Нижнем Поднепровье (Литвиненко 2011, 28-40) и зафиксированная также в Нижнем Подунавье – в Буджаке (Фокеев и др. 1995; Фокеев и др. 1996, 2-3, рис. 31; 33/2; 36; 38/9), на юго-востоке Румынской Молдовы и северо-востоке Валахии (Burtănescu 2002, 157-163; Vernescu 2013, pl. 14; 16). Кроме того, в курганных группах у с. Глиное на сегодняшний день обнаружено уже три подобных захоронения, которые могут быть отнесены к посткатакомбному времени (Глиное/Сад 1/14, 1/27-3; Глиное/Клин 1/2). Их можно трактовать в качестве связующего звена между рассматриваемой погребальной традицией Нижнего Поднепровья и Нижнего Подунавья (Лысенко и др. 2023б; 2024).

Вытянутые на спине погребения известны и севернее, в ареале лесостепных групп культурного круга Бабино и прилегающих к ним эпишнуровых культур (в частности, стжижовской): *Кулешовка, курган 425* (Черниговская область, Варвинский район) (Отрощенко 2001, 103-104, мал. 19/4); *Бабина Гора, погребение 1* (Черкасская область, Каневский район) (Лысенко 2003, 60-65, рис. 3); *Торчин* (Волынская область, Луцкий район) (Свєшніков 1974, рис. 44/2, 4); *Городок Надбужний / Gródek Nadbużny* (Люблинское воеводство, Хрубешувский повет) в юго-восточной Польше (Machnik 1978, табл. XXIV/6). Широкое распространение данный погребальный обряд получил на позднешнуровых могильниках Восточной Прибалтики (Денисова и др. 1985); известен он в унетицкой культуре Центральной Европы (Монгайт 1974, рис. на с. 55).

На развитом этапе позднего бронзового века в Северном Причерноморье положение скелетов вытянуто на спине становится скорее исключением. Однако данная традиция размещения тела умершего на тафологической стадии некрологического цикла (Смирнов 1997, 203) не исчезает полностью и разрозненно фиксируется в различных археологических культурах Черноморско-Балтийского региона второй четверти – второй половины II тыс. до н.э.

Серия вытянутых на спине погребений известна в лесостепной части Северного Причерноморья, на памятниках галицкой, киево-черкасской, подольской групп комаровской культуры тшинецкого культурного круга (ТКК): *Бар, курган 1 (1882 г.)* (Винницкая область, Барский район) (Sulimirski 1968, 171); *Буковна I, курган 3, объект 3* (Ивано-Франковская область, Тлумачский район) (Лысенко и др. 2015, 15-16, рис. 12/1); *Буковна I, курган 6, «домик мёртвых»* (Makarowicz 2019, 743-744, rys. 5-8); *Гордеевка, курган 34* (Винницкая область, Тростянецкий район) (Березанська, Клочко 2011, 32-33, рис. 64-67); *Комаров, курган 11* (Ивано-Франковская область, Галичский район) (Swiesznikow 1967, 50, rys. 2/I; Березанская 1982, рис. 12/2-7); *Малополовецкое-3, погребение 3* (Киевская область, Фастовский район) (Лысенко 1998, рис. 4/1; Kovalyukh et al. 1998, 130-140, fig. 4/33); *Чеботарка* (Винницкая область, Крыжопольский район, совр. с. Заболотное) (Козловська 1930, 31-34). Зафиксирована восточная и западная ориентация головы погребённых.

В степной зоне Северного Причерноморья количество трупоположений на спине (в том числе и с подогнутыми ногами), относящихся к позднему бронзовому веку, также невелико. В сводке В.В. Цимиданова по памятникам срубной культуры Северного Причерноморья учтено всего 6 погребений, исследованных в западной части рассматриваемой им территории, в которых было обнаружено положение

погребённого на спине. Во всех шести случаях ноги погребённого были согнуты в коленях (Цимиданов 2004, 62, рис. 46/3-5; 48). В.В. Цимиданов отмечает: «Существует гипотеза, что в положении на спине погребали служителей культа, но в её пользу почти нет аргументов. В одном погребении, не вошедшем в нашу сводку, был сосуд с «письменами» (Отрощенко, Формозов 1988, 167), но проблемы остальных погребений это не решает. Ясно лишь то, что данная поза – социально значимое отклонение, но непонятно, статусный это знак или ранговый» (Цимиданов 2004, 62)[4].

На памятниках сабатиновской и белозёрской культур к западу от Днепра вытянутые на спине погребения нам не известны. Три вытянутых на спине погребения белозёрского времени зафиксированы в долине Днепра и к востоку от реки, в ареале выделенной В.А. Ромашко богуславско-белозёрской культуры: *Лукъяновка* (Херсонская область, Каховский район) (Фабріциус 1927, 8-9; Шарафутдинова 1982, 74; Ромашко 2013, 158); *Кичкас, Днепрострой (участок А)* (Запорожская область, г. Запорожье, Ленинский район) (Ромашко 2013, 162); *Осиповка, погребение 51* (Днепропетровская область, Магдалиновский район) (Бєляєв 1981, 68-70; Ромашко 2013, 162). Связаны ли эти погребения с угасающей в позднем бронзовом веке ингульско-евпаторийской погребальной традицией, или отражают какие-то внешние влияния завершающего этапа позднего бронзового века, например, отрадненской группы Нижнего Подонья, однозначно сказать сложно. В.В. Отрощенко отмечает: «Учитывая смену в Среднем Поволжье и Приуралье скорченного ритуала погребений на вытянутый в эпоху финальной бронзы, можно предположить, что некоторое распространение вытянутых на спине погребений на могильниках белозёрской и кобяковской культур связано именно с влияниями лесных и лесостепных племён Волго-Уралья» (Отрощенко 2001, 189).

[4] Под «*статусом*» В.В. Цимиданов понимает «социальную роль – отношение человека к отправлению определённой функции. Важнейшие функции три: военная, жреческая, производственная». «*Ранг* – это положение индивида или группы в социальной иерархии и общественном мнении. Обычно ранг выражается также в неравном с индивидами или группами другого ранга доступе к тем или иным ценностям» (Цимиданов 2004, 37).

В.В. Цимиданов рассматривает необычную для определённой археологической культуры позу погребённого в качестве отклонения от модели рядового погребения (Цимиданов 2004, 35). У срубных погребений Северного Причерноморья к модели рядового погребения, среди прочих признаков, относится положение скорченно на боку (Цимиданов 2004, 34). Сильно/средне скорченное положение костяков является доминирующим и для основной массы погребений сабатиновской культуры Северо-Западного Причерноморья (Шарафутдинова 1968, 21-22; Шарафутдинова 1986, 93; Черняков 1985, 135; Дергачёв 1986, 180; Савва 1992, 48-53; Ванчугов 2013, 300-306; Лысенко и др. 2003а).

Таким образом, редкость вытянутых на спине погребений для памятников позднего бронзового века, как степной, так и лесостепной зоны Северного Причерноморья, позволяет предполагать и особое отношение современников к самим этим погребённым, возможно, имевшим некий особый социальный статус. О последнем свидетельствует также находка в погребении Глиное/Север 5/2 нехарактерного для Северо-Западного Причерноморья кубковидного сосуда на ножке с восточными (андроноидными) чертами.

Сосуд из погребения 2 в контексте евразийских древностей

Кубковидные сосуды на ножке-поддоне в зоне Великой степи и прилегающих к ней регионах являются чрезвычайно редким типом керамики (Волкобой 1980, 70; Колев 2000, 245). Согласно подсчётам Ю.И. Колева, проведённым на рубеже второго и третьего тысячелетий, «в настоящее время на огромной территории евразийской степи и лесостепи их насчитывается не более шести-семи десятков» (Колев 2000, 245) (рис. 8). За прошедшие два десятилетия ситуация не сильно изменилась в количественном плане, однако западная граница распространения подобных сосудов была несколько смещена к западу – сначала до Среднего Поросья (Малополовецкое-3) (рис. 8/1), а теперь и до Нижнего Поднестровья (Глиное/Север 5/2).

Первым из исследователей Северного Причерноморья, обратившим внимание на «*сосуды рюмочной формы*» / «*горшки рюмочной формы*», был В.А. Городцов, обнаруживший

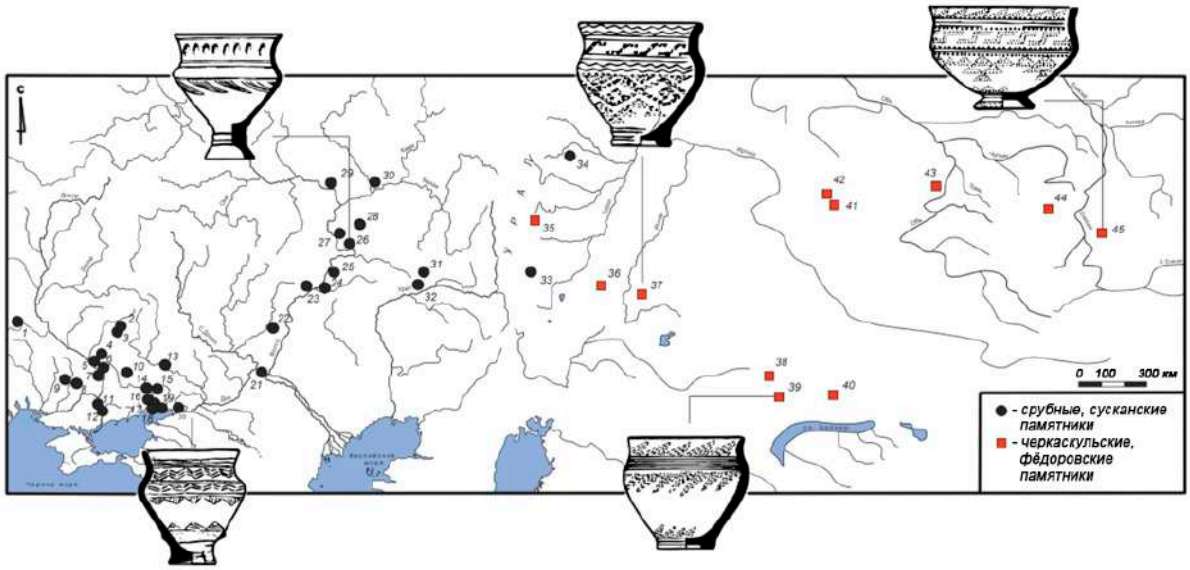


Рис. 8. Карта распространения чаш/кубков на ножке позднего бронзового века между бассейнами Днепра и Енисея (по Шибанова 2023б, рис. 52).

серию таких сосудов в погребениях позднего бронзового века бассейна Северского Донца (Каменка 8/1; ст. Рудничная 33/1; Старобешево; Щегловка 25/1) (Городцов 1907а, 239, 244-245; Городцов 1907б, 293, 351; Волкобой 1980, 70). В.А Городцов предполагал, что, «очевидно, эта форма, *в конце периода существования погребений со скорченными костяками*, имела значительное распространение» (Городцов 1907а, 245), считая, что «форма этих довольно изящных сосудов, несомненно, имитирует металлическим, типа так называемых скифских котлов, и поэтому не может быть очень древнею» (Городцов 1907а, 239). Однако поздняя датировка В.А. Городцовым подобной керамики впоследствии оказалась ошибочной (Волкобой 1980, 70).

В 1974-1979 гг. «*кубковидные сосуды*» были выявлены археологической экспедицией Днепропетровского государственного университета в семи раннесрубных погребениях Орельско-Самарского междуречья (Волкобой 1980, 69-70). И.Ф. Ковалёва и С.С. Волкобой датировали маёвский локальный вариант срубной культуры, сложившийся в юго-восточных регионах Днепровского Левобережья, серединой II тыс. до н.э. (Ковальова, Волкобой 1976, 19), отнеся его формирование к рубежу XVI-XV вв. до н.э. (Ковалёва, Волкобой 1976, 62). Чаши/кубки на поддоне были выделены в тип VI («*ситуловидные сосуды*») столовой керамики маёвского локального варианта (Ковальова, Волкобой 1976, 18, рис. 11/10).

Анализируя находки кубковидных сосудов на поддоне, С.С. Волкобой приводит широкие параллели такой керамике из комплексов позднего бронзового века Южного Приуралья, Западной Сибири и Центрального Казахстана (Волкобой 1980, 70-71). Исследователь приходит к выводу, что кубковидные сосуды представляют собой «специфическую форму, общую для абашевских, раннесрубных и андроновских памятников. <…> Присутствие в одних комплексах с кубковидными сосудами перстней с концами, оформленными в спирали, и металлических накладок от деревянных чаш, равно как данные курганной стратиграфии, позволяют датировать погребения с кубками XV-XIV вв. до н.э.» (Волкобой 1980, 71).

Е.Е. Кузьмина, рассматривая западные связи андроновских племён, констатирует, что «наиболее яркие следы фёдоровского воздействия на Украине выявлены в междуречье Самары и Орели на памятниках выделенного И.Ф. Ковалёвой маёвского типа. <…> Маёвские памятники отражают период формирования срубной общности в результате консолидации местной КМК и андроновско-срубного

инфильтрата и относятся к XV-XIV вв. до н.э. К числу фёдоровских элементов в них принадлежат <…>, в том числе кубковидные сосуды, сформированные с соблюдением фёдоровской традиции с дополнительной подлепкой дна» (Кузьмина 1987, 63, рис. 6).

В качестве андроновских элементов в срубной культуре рассматривали чаши/кубки на поддоне также С.С. Березанская и Я.П. Гершкович (Березанская, Гершкович 1983, 103, рис. 3/1-9). Исследователи отмечали, что «на основании стратиграфии и типологии памятники срубной культуры Украины, содержащие андроновские черты, надёжно датируются XV-XIII вв. до н.э. <…> Создаётся впечатление, что на раннем этапе андроновские проявления в срубной культуре наиболее многочисленны и ярки, а к XIII в. до н.э. становятся более расплывчатыми и малочисленными» (Березанская, Гершкович 1983, 108-109). Позднее Я.П. Гершкович, в связи с изменением представлений о хронологической последовательности фёдоровских и алакульских памятников андроновской общности, высказал мнение, что приведённый выше вывод (о датировке керамики на территории Украины, которая имеет фёдоровско-черкаскульские черты, раннесрубным временем) должен быть пересмотрен (Гершкович 1998, 72, рис. 5). Одним из аргументов для такого пересмотра в сторону омоложения, стало присутствие в IV горизонте поселения Безыменное II в Северо-Восточном Приазовье, наряду со срубной и сабатиновской керамикой, и посуды с признаками фёдоровской и саргаринско-алексеевской культур. Последние представлены и на сабатиновских поселениях вплоть до Поингулья (Степовое), которые Я.П. Гершкович относит к позднесабатиновскому времени, соотнося с третьим периодом срубно-сабатиновских контактов в Приазовье (Гершкович 1998, 72). Второй и третий период контактов срубной и сабатиновской культур Я.П. Гершкович помещает в хронологический диапазон с XIV в. до н.э. и не позднее конца XIII в. до н.э. (Гершкович 1998, 84), соответственно, сужая время бытования кубковидных сосудов с фёдоровскими чертами на Украине до XIII в. до н.э.

Как отмечает Я.П. Гершкович, в основу датировки керамики с андроновскими (фёдоровскими) чертами на территории Северного Причерноморья изначально им, совместно с С.С. Березанской, была положена схема К.В. Сальникова, «которой мы вынуждены были придерживаться»[5] (Гершкович 1998, 72). Для понимания трудностей, возникающих при абсолютной датировке комплексов Северного Причерноморья с кубковидными сосудами на основании лишь их восточных аналогий, приведём ниже некоторые основные вехи в изменениях взглядов на периодизацию и хронологию культур андроновской общности, а также некоторых родственных и сопредельных ей культур, в ареалах которых обнаружены чаши/кубки на ножке-поддоне.

Андроновская культура была выделена в 1927 г. С.А. Теплоуховым и названа по могильнику, расположенному у с. Андроново в Минусинской котловине (Хакасия) (Теплоухов 1929, 42-43; Косарев 2005). Время формирования андроновской культуры в степных районах Западной Сибири и Казахстана С.А. Теплоухов отнёс к первой половине II тысячелетия до н. э. (Теплоухов 1929, 42). Андроновская культура была синхронизирована С.А. Теплоуховым с хвалынской и срубной культурами европейской части СССР. Верхняя граница её определялась временем сложения карасукской культуры в начале I тыс. до н.э. (Теплоухов 1929, 42-43).

Разработанная в 1948 г. К.В. Сальниковым периодизация западной части территории андроновской культуры (включая южное Зауралье) состояла из трёх сменяющих друг друга этапов: фёдоровского, алакульского и замара-

[5] В этом утверждении несколько смущает слово «вынуждены» (кем вынуждены? почему вынуждены?). Ведь начиная с середины 1960-х гг. уже существовали и другие схемы, вокруг которых в литературе развивалась оживлённая дискуссия (Фёдорова-Давыдова 1964; Косарев 1965; Косарев 1981; Стоколос 1972; Потёмкина 1983; Потёмкина 1985; Кузьмина 1986; Кузьмина 2008; Зданович 1988 и др.). Кроме того, в приведённой выше цитате С.С. Березанская и Я.П. Гершкович чётко констатируют, что «памятники срубной культуры Украины, содержащие андроновские черты, надёжно датируются XV-XIII вв. до н.э.» не только на основании внешних параллелей, но и «на основании стратиграфии и типологии» (Березанская, Гершкович 1983, 108). И с последним утверждением трудно не согласиться. Стратиграфические и типологические наблюдения также были положены в основу достаточно ранних датировок ряда комплексов с кубковидными сосудами на ножке, предложенных А.И. Тереножкиным, И.Ф. Ковалёвой, С.С. Волкобоем, В.В. Отрощенко (Тереножкін 1960, 14; Ковалёва, Волкобой 1975, 62; Ковальова, Волкобой 1976, 19; Отрощенко 1977, 14; Волкобой 1980, 69-70; Ковалёва 1981, рис. 1).

евского (Сальников 1948; Сальников 1951, 109; Сальников 1967, 284-309). Первоначально была предложена следующая датировка этапов андроновской культуры по памятникам Зауралья: фёдоровского – XV-XII вв. до н.э. (середина - первая половина II тыс. до н.э.), алакульского – XI-IX вв. до н.э., замараевского – VIII-VII вв. до н.э. (Сальников 1951, 119-120; Сальников 1967, 309). Позднее датировка алакульского этапа была пересмотрена и отнесена К.В. Сальниковым к XIV-XI вв. до н.э., а Э.Ф. Фёдоровой-Давыдовой – к XV-XIII вв. до н.э. Соответственно, отодвигалось вглубь и время бытования памятников фёдоровского типа, а сложение андроновской культуры было отнесено к XVIII-XVII вв. до н.э. (Фёдорова-Давыдова 1964, 90-92; Киселёв 1962, 7; Сальников 1967, 311). В итоге схема развития андроновской культуры Южного Урала была представлена К.В. Сальниковым в следующем виде: фёдоровский этап – XVIII-XVI вв. до н.э., алакульский этап – XV-XII вв. до н.э., замараевский этап – XII - начало VIII вв. до н.э. (Сальников 1967, 325).

Во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. схема К.В. Сальникова была распространена на Северный, Западный и Восточный Казахстан, Верхнее Приобье, Минусинскую котловину (Косарев 1965, 242-243). При этом рядом исследователей делался акцент на локальном своеобразии памятников, что привело к появлению серии региональных периодизаций андроновской культуры. Однако предложенная региональная терминология, не меняющая сути описываемых явлений, вызвала и до сих пор вызывает возражения других исследователей (Максименков 1978, 90; Дмитриев 2018, 104). С.С. Черников все материалы из Восточного Казахстана, отнесённые им к андроновской культуре, разделил на четыре этапа: усть-буконский (XVIII-XVI вв. до н.э.), канайский (XVI-XIV вв. до н.э.), мало-красноярский (XIV-IX вв. до н.э.) и трушниковский (IX-VIII вв. до н.э.) (Черников 1960, 94-103; Маргулан и др. 1966, 60). Группой казахских археологов во главе с А.Х. Маргуланом для памятников андроновской общности Центрального и Восточного Казахстана были введены дублирующие названия – нуринский этап вместо фёдоровского и атасуский этап вместо алакульского (Маргулан и др. 1966, 61). Андроновскую культуру в Центральном Казахстане, по схеме А.Х. Маргулана, сменила бегазы-дандыбаевская культура, имеющая черты преемственности с андроновской, но и обладающая рядом существенных отличий (Маргулан и др. 1966, 61, 160-196; Маргулан и др. 1979). В целом же схема датировки памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана, предложенная А.Х. Маргуланом и его коллегами, выглядит следующим образом: 1) энеолит (XVIII-XVII вв. до н.э.); ранний андрон – нуринский этап (XVI-XV вв. до н.э.); поздний андрон – атасуский этап (XIV-XIII вв. до н.э.); 4) переходный этап от андрона к поздней бронзе (XII-XI вв. до н.э.); 5) бегазы-дандыбаевский этап (X-VIII вв. до н.э.) (Маргулан и др. 1966, 163).

Начиная с середины 1960-х гг. рядом исследователей (Э.А. Фёдорова-Давыдова, В.С. Стоколос, М.Ф. Косарев, К.Ф. Смирнов, В.Н. Чернецов, Е.Е. Кузьмина, Т.М. Потёмкина и др.) было высказано мнение, что выявленные К.В. Сальниковым этапы андроновской культуры не являются этапами, а представляют собой самостоятельные культуры, развивающиеся параллельно – фёдоровскую и алакульскую. При всех отличиях выдвигаемых концепций, в целом местом формирования и обитания алакульской культуры определялись степи Южного Приуралья и Южного Зауралья, Западного и Северного Казахстана, а фёдоровской – лесостепное Зауралье и Западная Сибирь (до Енисея) (Фёдорова-Давыдова 1964, 90-92; Косарев 1965, 243-244; Косарев 1981, 112-132; Стоколос 1972, 7-24, 144-146; Максименков 1978, 75, 87-109; Потёмкина 1983, 13-14; Потёмкина 1985, 7-19; Кузьмина 1986, 100-108; Кузьмина 1987, 48-52; Кузьмина 2008, 63-85; Зданович 1988, 15-17; Матвеев 1998, 5-30).

Обосновывая необходимость выделения нескольких самостоятельных культур в рамках андроновской общности, М.Ф. Косарева кроме прочего отмечает, что «основное внимание при определении «андроновской» принадлежности керамики обращалось на отдельные элементы сходства определяемого сосуда с классическими андроновскими (фёдоровскими) образцами, при этом часто не учитывалось, насколько поверхностно сходство и насколько глубоки различия, забывалось, что не все аналогии свидетельствуют о единокуль-

турности и одновременности – одни сходные признаки могут быть результатом исторических связей, другие возникают конвергентно, третьи свидетельствуют о едином древнем субстрате и т.д.» (Косарев 1965, 246). Согласно позднейшим взглядам М.Ф. Косарева, андроновскую общность составляли три культуры: петровская (Южный Урал, юг Западной Сибири, Казахстан), алакульская (от Урала до Иртыша и до южного Казахстана) и фёдоровская (на Урале, Оби, Енисее, в Прииртышье и Казахстане). Андроновскую культурно-историческую общность в целом исследователь датировал XVI-XII вв. до н.э. (Косарев 2005).

Г.А. Максименков, напротив, считал, что «приводимые исследователями отличия фёдоровских и алакульских памятников неубедительны и могут в равной степени свидетельствовать о различиях между этапами, а не культурами» (Максименков 1978, 91, 94). При этом Г.А. Максименков подтверждает мнение других исследователей, что на восточной окраине андроновская общность представлена только фёдоровскими памятниками (Максименков 1978, 87), верхнюю границу бытования которых на Енисее он определял примерно XIV в. до н.э., «временем появления сложившихся карасукских форм бронзовых изделий в наиболее восточных памятниках» (Максименков 1978, 107). Придерживаясь при подготовке монографии схемы периодизации и датировки андроновской культуры К.В. Сальникова, в примечаниях Г.А. Максименков отмечал, что «со времени написания работы и до её выхода прошло более восьми лет. За это время появились новые материалы. Однако окончательного решения основных вопросов андроновской культуры всё ещё нет. В результате работы Г.Б. Здановича в Северном Казахстане появилось значительно более обоснованное представление о последовательности этапов. Если даже схема К.В. Сальникова будет окончательно отвергнута, а последовательность фёдоровского этапа за алакульским всеми признана, то всё равно андроновские памятники Енисея будут занимать промежуточное положение. Следовательно, нужно будет говорить, что андроновская культура пришла на Енисей не в конце фёдоровского или начале алакульского этапа, а в конце алакульского или начале фёдоровского. И те черты, которые в этой работе отмечаются как ранние, окажутся поздними, то есть схема будет перевёрнута на 180°, но принципиальный её смысл останется неизменным» (Максименков 1978, 109).

Г.Б. Зданович разделил андроновскую культурно-историческую общность на четыре последовательных археологических культуры: петровскую культуру (XVII-XV вв. до н.э.), алакульскую культуру (XV-XIV вв. до н.э.), фёдоровскую культуру (XIV-XII вв. до н.э.), культуры валиковой керамики (XII-IX вв. до н.э.), выделяя между ними ряд промежуточных этапов – кулевчинский (XV в. до н.э.) и кожумбердынский (XIV в. до н.э.) (Зданович 1988, 132-148, табл. 9; 10/А, Б, В, Г). К первой половине XII в. до н.э. он относит перерастание фёдоровских комплексов и ряда соседних андроноидных культур в культуры валиковой керамики. Согласно Г.Б. Здановичу, «межовскую, саргаринско-алексеевскую, амирабатскую, ирменскую и бегазы-дандыбаевскую культуры целесообразно объединить в рамках заключительного этапа андроновской культурно-исторической общности, поскольку основу их сложения и развития в целом, несмотря на различные инокультурные влияния и включения, определял андроновский культурный компонент» (Зданович 1988, 148, табл. 9).

Близкую схему датировки андроновской общности предложила Н.А. Аванесова: 1) предалакульский этап – XVII-XVI вв. до н.э.; 2) андроновская культура – XV-XII вв. до н.э., разделяющаяся на три этапа: алакульский – XV-XIV вв. до н.э.; кожумбердынский – XIV в. до н.э.; фёдоровский – конец XIV-XIII вв. до н.э.; 3) замараевско-бегазинская культура – XII-IX вв. до н.э. Исследовательница отрицает тезис о сосуществовании фёдоровских и алакульских комплексов как двух самостоятельных культур. Однако Т.М. Потёмкина считает положения Н.А. Аванесовой далеко не бесспорными (Потёмкина 1985, 14-15). Алакульскую культуру исследовательница относит к XVII-XIII вв. до н.э. (Потёмкина 1985, 80, 341). Сравнивая материалы Притоболья с материалами Приишимья и Южного Приуралья, Т.М. Потёмкина приходит к выводу, что, «по-видимому, на всём протяжении раннеалакульского этапа не прекращались восходящие ещё к эпохе энеолита связи носителей алакульских и фёдоровских культурных традиций» (Потёмкина 1985, 83-84).

Е.Е. Кузьмина также не соглашается со схемами, предложенными Г.Б. Здановичем и Н.А. Аванесовой. Среди фёдоровских комплексов она выделяет две разновременные группы: раннюю (XV-XIV вв. до н.э.) и позднюю (XIII-XII вв. до н.э.); ранняя представлена прежде всего в Центральном Казахстане и на Урале. Как ранний этап алакульской линии развития Е.Е. Кузьмина рассматривает памятники петровского типа (XVII-XVI вв. до н.э.). Собственно алакульские памятники она датирует XV-XIV вв. до н.э., а позднеалакульские – XIII в. до н.э. Из приводимого ею археологического материала исследовательница делает три основных вывода: 1) памятники фёдоровского и алакульского типов синхронны друг другу; 2) «выявленные между алакульскими и фёдоровскими памятниками различия в традициях гончарства и погребального обряда в свете данных этнографии не позволяют рассматривать их как два последовательных этапа единой андроновской археологической культуры, а подтверждают правомерность выделения их как двух самостоятельных культур, близкородственных, но все же различных этнических групп единой этно-культурной общности»; 3) «картина взаимодействия федоровского и алакульского населения дает основание предполагать, что первоначальной территорией формирования фёдоровской культуры была область Центрального Казахстана, алакульской – западные районы андроновского ареала по соседству с племенами срубной культуры, по ряду черт погребального обряда близкой к алакульской» (Кузьмина 1986, 101-105, рис. 28-29). Приведённую схему исследовательница развивает и в более поздних работах (Кузьмина 1987; Кузьмина 2008, 86-307). Схемы датировки андроновских памятников, предложенной Е.Е. Кузьминой, равно, как и мнения, что фёдоровские памятники существовали синхронно с алакульскими, придерживается и А.Д. Дегтярёва (Рындина, Дегтярёва 2002, 183-192).

В 1980-е гг. методы традиционного датирования культур андроновской общности были в значительной мере дополнены данными радиоуглеродного датирования. Н.А. Аванесова приводит 52 радиокарбонные даты, частично совпавшие, частично нет с распространившимися на тот момент археологическими датировками по схеме Г.Б. Здановича (Аванесова 1991, 91-95, рис. XVI-XVII). Для памятников фёдоровской культуры, за исключением семи анализов, выполненных лабораторией ЛОИА АН СССР в самом начале её деятельности и давших разброс от XXI до IV вв. до н.э., остальные 11 дат в основном приходятся на три столетия – XIII-XI вв. до н.э. (Аванесова 1991, 94). Стоит при этом отметить, что Н.А. Аванесова использовала явно некалиброванные даты. Если же их откалибровать, то весь интервал фёдоровских памятников сдвинется на три–четыре столетия вниз, в целом совпадая с новыми датировками памятников с андроновскими (фёдоровскими) чертами как на востоке (Минусинская котловина), так и на западе (Северное Причерноморье).

В 1990-е годы появились работы, в которых предпринимаются попытки удревнения алакульских памятников на основании серии радиоуглеродных дат западносибирских могильников до XX-XVIII вв. до н.э. (Матвеев 1998, 362-373; Рындина, Дегтярёва 2002, 190).

За последнее время было проведено большое количество новых радиоуглеродных измерений, значительно увеличившее банк радиоуглеродных дат памятников эпохи бронзы Минусинской котловины. «Новая серия радиоуглеродных дат, выполненная с применением ускорительной масс-спектрометрии, полностью подтвердила весьма узкие хронологические рамки андроновской (фёдоровской) культуры на Среднем Енисее, которые уверенно укладываются в период XVII-XV вв. до н.э.» (Поляков, Святко 2019, 19, рис. 1).

К северу от основного ареала андроновской общности, в лесной и северной части лесостепной зоны Зауралья, а также в северной и центральной Башкирии К.В. Сальников выделил *черкаскульскую культуру*, родственную андроновской, разделив её на три хронологических этапа: черкаскульский, межовский и берёзовский (Сальников 1967, 354, рис. 56). В конце 1980-х гг. М.Ф. Косарев пришёл к выводу, что предложенная К.В. Сальниковым «дата черкаскульского «этапа» (XVIII-XVI вв. до н.э.), сейчас, в свете новых данных, не может быть принята. Наиболее вероятным временем существования черкаскульской культуры, учитывая её одновременность андроновской (фёдоровской) культуре, являются XIV-XI вв. до н.э.» (Косарев 1987,

283). Позднее М.Ф. Обыденнов и А.Ф. Шорин посчитали возможным датировать процесс формирования черкаскульской культуры уже XV в. до н.э., приближаясь к первоначальной датировке её зарождения К.В. Сальниковым – серединой II тыс. до н.э. (Обыденнов, Шорин 1995, 45). В настоящее время С.В. Кузьминых датирует черкаскульскую культуру второй–третьей четвертью II тыс. до н.э. (Кузьминых 2017).

В конце 1980-х гг. в лесостепном Волго-Камье и западном Приуралье Ю.И. Колев выделил андроноидную *сусканскую культуру* (Колев 1991; Колев 2000, 244), сменившую в Волго-Уральской лесостепи покровско-мосоловскую срубную культуру (Отрощенко, Шарафутдінова 2018, 56). По мнению Ю.И. Колева, кроме ряда других признаков, «на тесные связи сусканской культуры с андроновским культурным миром указывают и так называемые сосуды-кубки на высоких ножках-поддонах» (Колев 2000, 245, рис. 11/1-12). Согласно Ю.И. Колеву, «можно предполагать формирование сусканской культурной традиции уже в конце срубной эпохи, то есть в середине II тыс. до н.э., ориентировочно в XV в. до н.э.». Верхний хронологический рубеж сусканских древностей исследователь относит к XIII-XII вв. до н.э., ко времени появления в Приуралье атабаевской и межовской культур (Колев 2000, 250-251). С.В. Кузьминых также датирует сусканскую культуру XV/XIV-XIII/XII вв. до н.э. (Кузьминых 2016).

В степных районах Поволжья, Подонье и Левобережном Поднепровье Ю.И. Колев размещает *ивановскую культуру*, относимую им к выделенной Е.Н. Черных общности культур валиковой керамики (ОКВК)[6] (Колев 2000, 251-256; Колев 2008). Исследователь отмечает, что «в керамических коллекциях ивановских поселений встречается и совершенно нетипичная для степных культур категория сосудов – кубки на поддоне. Своеобразна не только форма кубковидных сосудов, но и их орнаментация, в которой ведущими мотивами являются заштрихованные треугольники, как правило, косоугольные, каннелюры, зигзаги» (Колев 2008, 214, табл. 2/15, 18; 4/1-4). По мнению Ю.И. Колева, «на культурные истоки кубковидных сосудов указывает распространение их преимущественно в восточной зоне Евразии, а также значительное число кубков в памятниках андроновского круга – черноозёрско-томских (могильник Еловка II), фёдоровско-алакульских (могильник Тау-Тары), алексеевско-саргаринских (поселение Алексеевка), фёдоровско-черкаскульских (поселение Родниковое). <…> Андроновское происхождение кубков подтверждается и исследованиями в Поволжье, где к настоящему времени выявлено не менее семи памятников, содержащих керамику подобного типа» (Колев 2000, 246, рис. 11). Формирование ивановской культуры Ю.И. Колев датирует рубежом XV-XIV вв., основное же время её существования относит к XIII-XII вв. до н.э. (Колев 2000, 256; Колев 2008, 225). К ивановской культуре Ю.И. Колев отнёс и памятники с кубками бережновско-маёвской срубной культуры Днепровского Левобережья, отрицая их срубную принадлежность. По мнению исследователя, «представляется вероятным предположение, что погребения с кубками, если и не являются еще собственно ивановскими, то демонстрируют процесс становления ивановской обрядности и участие андроновских традиций в формировании ивановской культуры» (Колев 2008, 213, табл. 2/15, 18).

Подводя итог краткому экскурсу в проблемы периодизации и хронологии культур андроновской общности и контактирующих с ними культур лесной, лесостепной и степной зоны Евразии, считаем необходимым остановиться на некоторых недавних выводах специалистов, относящихся к разным поколениям «андроноведения». Е.Е. Кузьмина констатировала, что «несмотря на обилие материала и усилия многих специалистов, периодизация андроновской культуры в настоящее время окончательно не установлена, это заставляет отказаться при характеристике андроновских памятников от термина этап и описывать типы памятников, приводя лишь бесспорные данные об их относительной и абсолютной хронологии» (Кузьмина 2008, 84-85). С этими положениями целиком перекликается и мнение Е.А. Дмитриева в отношении фёдоровской культуры: «Совершенно неясен вопрос с генезисом (выдвигаемые гипотезы довольно

[6] К контактной зоне ОКВК, расположенной между Днестром и Северским Донцом (а частично и к западной – «фракийской»), относится и сабатиновская культура Северо-Западного Причерноморья (Черных 1983, 82, рис. 1).

натянуты), отсутствует чёткая внутренняя периодизация, да и в целом хронология фёдоровской культуры и её место среди древностей бронзового века дискуссионно» (Дмитриев 2018, 105). А.В. Епимахов отмечает: «Фёдоровская культура, выделенная более шестидесяти лет назад в качестве этапа андроновской, продолжает оставаться предметом жарких дискуссий едва ли не по всем основным вопросам интерпретации» (Епимахов и др. 2019, 133).

Поэтому в основание датировки кубковидных сосудов на ножке-поддоне в западной части ареала их распространения, за пределами андроновского культурного круга, должны быть положены не только восточные, фёдоровско-черкаскульские, аналогии, но и возможности внутренней, региональной датировки, основанной на стратиграфии, анализе сопутствующих артефактов и результатах радиоуглеродного датирования.

Р.А. Литвиненко отнёс погребения срубной культуры с кубками бассейна Северского Донца ко второму (развитому) и третьему (позднему) горизонтам (Литвиненко 1994, 13-21, рис. 1). Позднее погребения с кубковидными сосудами из Северо-Восточного Приазовья были преимущественно отнесены Р.А. Литвиненко ко второму горизонту существования срубной культуры (Литвиненко 1999, рис. 13). В.В. Отрощенко, интерпретируя схему Р.А. Литвиненко 1994 г. для срубных памятников Северского Донца, синхронизирует ранний горизонт покровско-мосоловской срубной культуры (ПМСК-I) с поздними памятниками культурного круга Бабино («КМК-II») и датирует этот период концом XVII-XVI вв. до н.э. Ко второму, развитому горизонту срубной культуры В.В. Отрощенко относит сосуществование ПМСК-II и первого периода бережновско-маёвской срубной культуры (БМСК-I), датируя его XV-XIV вв. до н.э.; к этому горизонту относятся памятники, «которые раньше традиционно относили к ранней срубной культуре». Третий, поздний горизонт соответствует БМСК-II, датируется XIV-XIII вв. до н.э. и «представлен выразительнее всего погребениями в каменных ящиках с элементами фёдоровско-черкаскульских влияний» (Отрощенко, 2001, 155-156, мал. 31).

В.В. Отрощенко в серии публикаций обращает внимание на совпадение ареалов и времени производства керамических кубков на поддоне и клёпаных котлов на коническом поддоне и их взаимозаменяемость в погребальном ритуале XV/XIV-XIII вв. до н. э. (Отрощенко 2001, 161-162, мал. 32-33; Отрощенко, Шарафутдінова 2018, 56; Гошко, Агапов, Отрощенко 2018, 59-60). Согласно мнению В.С. Бочкарёва, «клёпаные котлы появились на территории Восточной Европы в III периоде эпохи поздней бронзы. Это было время смены культур в Волго-Уральском регионе, формирования нового блока культур и лобойковско-дербеденовской зоны металлопроизводства. <…> Их происхождение трудно связать с какой-то одной конкретной культурой. Они были порождены той разнородной и очень насыщенной культурной средой, которая сложилась в XV-XIV вв. до н. э. <…> В IV периоде культурная ситуация вновь изменилась. Производство котлов в основном сосредоточилось на территории Северного Причерноморья, занятого сабатиновской культурой. Здесь же их продолжали изготовлять и позднее, во времена белозерской культуры. История клёпаных котлов, видимо, окончательно завершилась с приходом скифов» (Бочкарёв 2010, 208). В отличие от В.С. Бочкрёва, В.В. Отрощенко последовательно отстаивает мнение, что «изготовление кубковидных сосудов на поддоне и клёпаных котлов на коническом поддоне происходило параллельно в течение второго периода бережновско-маёвской срубной культуры и может быть синхронизировано с соответствующими периодами сабатиновской, тшинецкой и сусканской культур. С прекращением изготовления кубковидных сосудов завершается и производство клёпаных котлов указанного типа на рубеже XIII-XII вв. до н. э. Тогда же прекращается и добыча медной руды в системе Донецкого горно-металлургического центра» (Отрощенко, Шарафутдінова 2018, 50). Стоит также отметить, что бронзовые котлы на коническом поддоне в андроновской общности известны и в более ранний период, в раннеалакульской (петровской) культуре (Дегтярёва и др. 2020, 103-104, рис. 4).

Чаши/кубки на ножке/поддоне с территории Северного Причерноморья могут быть разделены по характеру ножки на несколько типов (с дополнительным делением на варианты и подварианты): 1) с псевдоножкой (зауженная

придонная часть корпуса, зачастую – орнаментированная), 2) с невысоким кольцевым поддоном, 3) с полой конической или цилиндрической ножкой-поддоном, 4) с цельной конической ножкой-поддоном.

На территории Северного Причерноморья находки кубков на ножке/поддоне сконцентрированы в Нижнем Поднепровье и Степном Приазовье (рис. 8-10): *Аккермень I 9/2* (Запорожская область, Мелитопольский район, с. Новопилиповка, совхоз «Аккермень») (Вязьмітіна та ін. 1960, 54, рис. 38; Волкобой 1980, 70) (рис. 9/3); *Александровка/Учхоз I 7/1* (Днепропетровская область, Новомосковский район) (Ковалёва и др. 1978, табл. 10/2; Волкобой 1980, рис. 1/13; Березанская, Гершкович 1983, рис. 3/8) (рис. 9/4)[7]; *Балки/Рясные Могилы 7/2* (Запорожская область, Васильевский район) (Отрощенко, Савовский, Томашевский 1977, 60, рис. 26/3; Волкобой 1980, 70) (рис. 9/9); *Верхняя Маёвка II 3/1* (Днепропетровская область, Днепропетровский район) (Ковальова, Волкобой 1976, 6, рис. 3/3; 11/10; Волкобой 1980, рис. 1/4) (рис. 9/6); *Высокое 6/1* (Запорожская область, Михайловский район) (Отрощенко, Рассамакін 1997; Отрощенко 2001, мал. 32/4; 2005, рис. 27/2) (рис. 9/7); *Дмухайловка X 1/2* (Днепропетровская область, Магдалиновский район) (Ковалёва и др. 1981, табл. 6/16; Волкобой 1980, 69, рис. 2/5) (рис. 9/5); *Каменка 8/1* (Донецкая область, Енакиевский горсовет; бывш. Екатеринославская губерния, Бахмутский уезд) (Городцов 1907а, 239, 245; 1907б, 293); *Капитаново* (Луганская область, Новоайдарский район; бывш. Харьковская губерния, Старобельский уезд, Ново-Айдарская волость) (Рудинський 1928, 15, табл. III/17 - «*v. Capitonova*»; Волкобой 1980, 70 - «*Полтавская область*»; Шибанова 2023а, рис. 1/13) (рис. 10/4); *Мариупольский (Ждановский) музей* (Донецкая область) (Кривцова-Гракова 1955, рис. 10/10; Колев 2008, табл. 4/4; Ильюков 2013, рис. 1/2) (рис. 10/6); *Мухин II 8/13* (Ростовская область, Аксайский район, г. Аксай, ур. Мухина балка) (Беспалый 1997; Беспалый, Беспалый 2002, 60, рис. 49/4; Гершкович 1998, рис. 5/1) (рис. 10/2); *Новочеркасский (Донской) музей* (Ростовская область) (Колев 2008, табл. 4/3; Ильюков 2013, рис. 1/1) (рис. 10/8); *Прядовка VII 2/1* (Днепропетровская область, Царичанский район, колхоз им. Калинина) (Волкобой 1980, 69, рис. 1/15; Ковалёва и др. 1981, табл. 2/6) (рис. 9/10); *Прядовка VII 3/4* (Днепропетровская область, Царичанский район) (Волкобой 1980, 69, рис. 2/2; Ковалёва и др. 1981, табл. 3/7; Колев 2008, табл. 2/15) (рис. 9/11); *Рудничная/Близнята 33/1* (Донецкая область, г. Донецк, Кировский район, станция Рутченково; бывш. Екатеринославская губерния, Бахмутский уезд, станция Рудничная) (Городцов 1907а, 239, 245, рис. 57; Городцов 1907б, 351; Волкобой 1980, 70; Кузьмина 1987, рис. 6/11 - «*1 Донецкий*») (рис. 10/7); *Спасское XIV 4/2* (Днепропетровская область, Днепропетровский район) (Волкобой 1980, рис. 1/8 - «*Верхняя Маёвка*») (рис. 9/8); *Спасское XIV 8/1* (Днепропетровская область, Новомосковский район) (Ковалёва, Волкобой 1976, 57-58, рис. 2/4; Ковалёва и др. 1977, табл. 11/8; Волкобой 1980, рис. 1/10 - «*Верхняя Маёвка*») (рис. 9/12); *Старобешево* (Донецкая область, Старобешевский район) (Донецкий краеведческий музей; Волкобой 1980, 70); *Степовое 3/1* (Николаевская область, Николаевский район) (Отрощенко 2001, 174; Отрощенко, Шарафутдінова 2018, 52, рис. 5/3) (рис. 9/2); *Терновое 1/1* (Донецкая область, Шахтёрский район) (Косіков, Кравець 1993, 77, рис. 30/1) (рис. 10/15); *Чкалово 1/1* (Запорожская область, Приазовский район) (Березанская, Гершкович 1983, рис. 2/9; Кузьмина 1987, рис. 6/8 - «*Орджоникидзе*»; Гершкович 1998, рис. 5/3) (рис. 10/12); *Щегловка 25/1* (Донецкая область, г. Донецк, Киевский район; бывш. Екатеринославская губерния, Бахмутский уезд) (Городцов 1907а, 245)[8].

Серия кубков на конической полой ножке обнаружена и в Среднем Поднепровье – в вос-

[7] Изображения многих сосудов, представленных на рис. 9-10, в разных источниках несколько разнятся. Для иллюстраций сосудов из Днепропетровской области за основу взяты прорисовки из статьи С.С. Волкобоя 1980 г., дополненные рядом деталей из публикаций И.Ф. Ковалёвой.

[8] Кроме упомянутых комплексов, в серии публикаций приведён ещё ряд изображений кубковидных сосудов на поддоне из Северного Причерноморья, но без уточнения их локализации и масштаба (Волкобой 1980, рис. 3; Березанская, Гершкович 1983, рис. 3; Кузьмина 1987, рис. 6; Литвиненко 1999, рис. 13 и др.). Два сосуда, отнесённые Р.А. Литвиненко ко II стратиграфическому горизонту погребений срубной культуры «Восточного Надазовья» (Северо-Восточного Приазовья) (Литвиненко 1999, рис. 13), у С.С. Волкобоя опубликованы без локализации, но с указанием масштаба (Волкобой 1980, рис. 3) (рис. 10/1, 3).

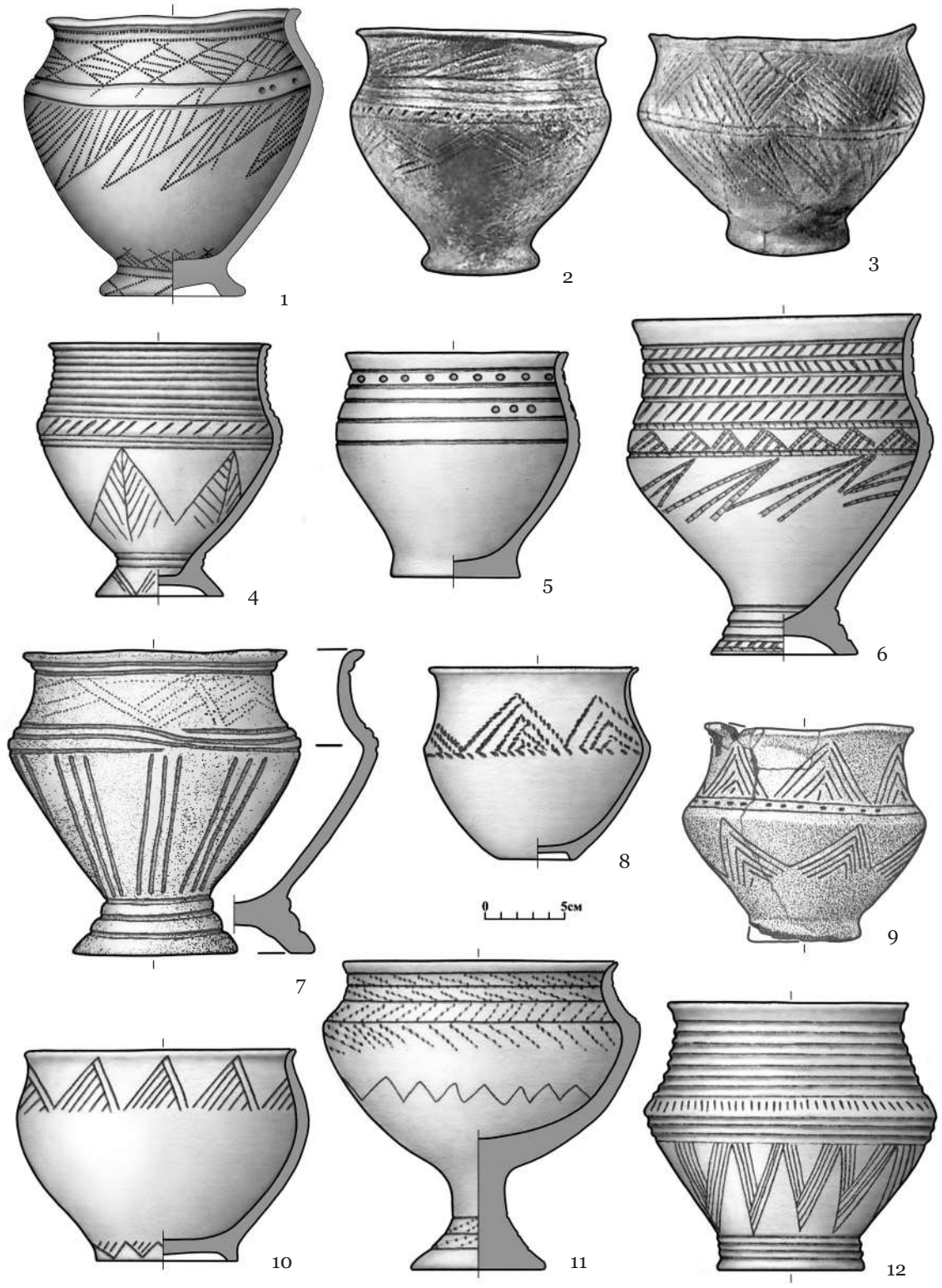


Рис. 9. Чаши/кубки на ножке из Северного Причерноморья: 1 - Глиное/Север 5/2; 2 - Степовое 3/1; 3 - Аккермень I 9/2; 4 - Александровка I 7/1; 5 - Дмухайловка X 1/2; 6 - Верхняя Маёвка II 3/1; 7 - Высокое 6/1; 8 - Спасское XIV 4/2; 9 - Балки/Рясные Могилы 7/2; 10 - Прядовка VII 2/1; 11 - Прядовка VII 3/4; 12 - Спасское XIV 8/1.

Рис. 10. Чаши/кубки на ножке из Северного Причерноморья: 1, 3 - Северо-Восточное Приазовье; 2 - Мухин II 8/13; 4 - Капитаново; 5 - Буковна I, курган 3 (2012); 6 - Мариупольский музей; 7 - Рудничная/Близнята 33/1; 8 - Новочеркасский музей; 9 - Малая Бугаёвка-3; 10, 13 - Малополовецкое-3, комплекс 2; 11 - Абакумы-1; 12 - Чкалово 1/1; 14 - Малополовецкое-3, комплекс 17; 15 - Терновое 1/1.

точной части ареала комаровской культуры ТКК, в киево-черкасской группе комаровской культуры. Три таких сосуда происходят из костищ смешанных комаровско-срубных комплексов 2 и 17 могильника *Малоположецкое-3* (Киевская область, Фастовский район) (Лысенко 1998, рис. 8/5; 17/3; Лысенко 2006; Лысенко, Лысенко 2019, 118, рис. 6/3) (рис. 10/10, 13, 14). Фрагмент еще одного кубка найден на поселении *Малая Бугаёвка-3* (Киевская область, Васильковский район); сосуд орнаментирован «колючей проволокой» – орнаментом, характерным для ранней сосницкой культуры ТКК (вторая четверть II тыс. до н.э.) (Лысенко 2006; Лысенко 2013, 405, рис. 238/4) (рис. 10/9).

Ритуальные костища Малоположецкого могильника, кроме упомянутых кубков, содержали также сосуды тшинецко-комаровского и малоположецкого типов, покровско-мосоловской и бережновско-маёвской срубной культур (среди последних на памятнике встречаются также сосуды с элементами формы и орнаментации алакульской и фёдоровской культур). Радиоуглеродные даты позволяют относить эти комплексы к XVI в. до н.э. (Лысенко 1998; Kovalyukh et al. 1998; Górski, Lysenko, Makarowicz 2003). В.В. Отрощенко датирует памятники малоположецкого типа XVI-XV вв. до н.э. (Отрощенко 2005, 189)[9]. Кроме кубков, андроноидные черты в комплексах Малоположецкого могильника представлены и элементами орнаментации на некоторых сосудах. Среди последних – чаша из комплекса 5, украшенная косыми заштрихованными треугольниками, аналогичными треугольникам на кубковидном сосуде из погребения Глиное/Север 5/2 (Лысенко 1998, рис. 15/1; Лысенко и др. 2023а, рис. 10/8).

Фрагменты кубковидных сосудов зафиксированы и в южном Полесье, в южной части ареала *сосницкой культуры ТКК*. На поселении *Абакумы* (Гомельская область, Лоевский район) найдена полая коническая ножка (Крывальцэвіч 2006, мал. 3/7; Górski, Lysenko, Makarowicz 2003, fig. 18/7) (рис. 10/11). По мнению В.В. Отрощенко, кубку принадлежал фрагмент венчика, орнаментированного фёдоровскими «уточками»[10], происходящий с поселения *Мезин, ур. Воробьёв Остров* (Черниговская область, Новгород-Северский район) (Куриленко, Отрощенко 1998, 51, рис. 5/13; Отрощенко 2001, 174).

В Прикарпатье приземистая чаша на низком кольцевидном поддоне происходит из насыпи кургана 3 курганной группы 1 *Буковнянского могильника*, относящегося к раннему этапу галицкой группы *комаровской культуры ТКК* (вторая четверть II тыс. до н.э.) (Лысенко и др. 2015, рис. 18/1) (рис. 10/5). Показательно, что сосуд украшен по корпусу наклонными, треугольными в сечении, налепными валиками. Аналогичный орнамент был зафиксирован и на чаше из упомянутого выше вытянутого на спине погребения в кургане 11 Комаровского могильника (Swiesznikow 1967, tabl. 2/11).

В *тшинецкой культуре ТКК* чаши/кубки на ножке также немногочисленны. Распространены они преимущественно в юго-восточной Польше, в опатовской (малопольской) группе, но известны и в других группах (лубенской, подляшско-мазовецкой)[11]: *Dacharzów 1/2* (Свентокшиское воеводство, Сандомирский повет; пол.) (Florek, Taras 2003, rys. 10/a); *Gabułtów 1/5* (Свентокшиское воеводство, Казимежский повет) (Górski, Makarowicz 2012, rys. 2/a, b, d, e, g); *Hrubieszów-Podgórze, stan. 5, ob. 63* (Люблинское воеводство, Хрубешувский повет) (Taras 1998, rys. 7/4); *Samborzec*

[9] На наш взгляд, на основании совместного нахождения керамики малоположецкого, покровско-мосоловского и бережновско-маёвского типов в комплексах Малоположецкого могильника до XVI в. до н.э. следует удревнить и начало формирование БМСК (Лысенко, Лысенко 2018, 125). Возможность удревнения начала БМСК-I как минимум до XVI в. до н.э. дают также результаты радиоуглеродного датирования комплексов Степановского поселения на Донецком кряже (Луганская область, Перевальский район) (Бровендер 2012, 205). Кроме того, такое удревнение (на фоне «срубно-андроновской» составляющей керамического комплекса Малоположецкого могильника) вполне согласуется с серией новых радиоуглеродных дат, полученных для фёдоровских комплексов Минусинской котловины (Поляков, Святко 2019, 19).

[10] Отнесение исследователями венчика сосуда с фёдоровским орнаментом из Мезина, равно как и упомянутого ниже венчика сосуда из культурного слоя поселения сабатиновской культуры Степовое, именно к кубкам можно допускать лишь условно, с определённой долей вероятности. Так как наличие характерного орнамента венчика ещё не гарантирует обязательного наличия ножки/поддона. Это могли быть просто глубокие чаши, орнаментированные в «восточном», фёдоровско-черкаскульском стиле.

[11] В выборку не попали достаточно многочисленные сосуды с зауженным (толстым плоским или вогнутым с внешней стороны) днищем, визуально напоминающим широкую невысокую «ножку».

(Свентокшиское воеводство, Сандомирский повет) (Gardawski 1959, 38, tabl. XXXV/1); *Sierpów, stan. 1* (Лодзинское воеводство, Ленчицкий повет) (Gardawski 1959, 38, tabl. XII/7); *Szczekarków* (Люблинское воеводство, Любартовский повет) (Taras 1998, ryc. 6/6); *Trzciniec, stan. 1* (Люблинское воеводство, Пулавский повет) (Gardawski 1959, tabl. LXXIII; Taras 1998, ryc. 6/9, 11); *Tyszowce, stan. 25B, ob. 16* (Люблинское воеводство, Томашувский повет) (Taras 1998, ryc. 2/8); *Zakrzew, stan. 1* (Мазовецкое воеводство, Сохачевский повет) (Gardawski 1959, tabl. LVI/18); *Złota, погребение 41* (Свентокшиское воеводство, Сандомирский повет) (Gardawski 1959, tabl. XXXVI/3); *Złota, яма 174/XXVIII* (Gardawski 1959, tabl. XXXVI/8). Однако в тшинецкой культуре Польши чаши/кубки на ножке имеют несколько иную морфологию корпуса и систему орнаментации, тяготеющие к культурам Карпато-Дунайского бассейна (Монгайт 1974, рис. на с. 60/9; Müller-Karpe 1980, Taf. 293/G/7,10,11; 327/A/6, D/10; Балагури 2001, рис. 77/8). Кроме того, часть кубковидных сосудов Карпато-Дунайского и Балтийского регионов имеет ручку, приближаясь по форме к кувшинам.

На *Гордеевском могильнике* в Подолии миниатюрные кубки/рюмки на конической полой или цельной ножке обнаружены в курганах 7, 8, 16, 21 (Березанская 1999, рис. 10/5-6; Березанська, Клочко 2011, рис. 13/2; 15/3; 25/1; 37/1; Лысенко 2015, рис. 6/10-13). Все эти курганы относятся к раннему, добелогрудовскому, горизонту могильника (Горд. I и Горд. II по В.И. Клочко) и датируются XIV-XIII вв. до н.э. (Березанська, Клочко 2011, 66, 74). Гордеевские рюмковидные сосуды находят аналогии на памятниках белозёрской культуры Северо-Западного Причерноморья (Будуржель 22/10; поселения Калфа, Приозёрное I), в культуре полей погребальных урн в Венгрии (Шагхедь) (Ванчугов 1990, 71, 132-134, рис. 18/14; 24/8; 31/13; 41/6-8, 17-18), в культуре Гава (Балагури 2001, 307, рис. 97/12). Их можно рассматривать как своего рода подражание большим чашам/кубкам на поддоне. Однако по своей форме и по отсутствию орнаментации кубочки Гордеевского могильника также тяготеют скорее к западным, карпато-дунайским параллелям, чем к восточным, срубно-андроновским.

Территориально наиболее близким к группе «Север» погребальным комплексом с кубком маёвского/фёдоровского типа является погребение, исследованное в 1981 г. И.Н. Шарафутдиновой в кургане 3 у с. Степовое на Южном Буге, неподалёку от сабатиновского поселения Степовое (Отрощенко, Шарафутдінова 2018) (рис. 9/2). Из культурного слоя последнего также происходит фрагмент верхней части кубка (?), орнаментированного в восточном («фёдоровском») стиле (Гершкович 1998, рис. 5/2; Отрощенко, Шарафутдінова 2018, 52, рис. 6/1). В.В. Отрощенко рассматривает погребения в курганах у с. Степовое, совершённые по обряду БМСК, в качестве яркого примера гармоничной адаптации «срубников» в сабатиновской среде. «Не возникает больших сомнений в том, что упомянутые погребения должны были принадлежать обитателям Степового» (Отрощенко 2001, 174, 176).

Отдельный интерес представляют также система орнаментации и техника нанесения орнамента на сосуде из Глиное/Север 5/2. Орнамент нанесён аккуратным мелкозубчатым штампом, характерным для керамики фёдоровского типа. В качестве фёдоровского элемента можно рассматривать и заштрихованные косые треугольники. А вот заштрихованные ромбы и заштрихованные равнобедренные треугольники с выступающими за вершину линиями сторон – элементы, характерные скорее для Алакуля. Как «алакульский» элемент можно рассматривать и незаполненную полосу («просвет») между двумя бороздками, расположенную в основании шейки (Сальников 1967, 284-285, рис. 43-45; Косарев 1965, 245; Потёмкина 1985, рис. 79; 91; 104; 107; Кузьмина 1986, рис. 13; Кузьмина 1987, 49, 51-52, рис. 1). Поэтому даже на основании только системы орнаментации кубка маёвского («фёдоровского») типа из Глиное/Север 5/2 можно сделать вывод, что андроноидные элементы в западную часть Великой Степи проникают уже в смешанном виде, как фёдоровско-алакульские.

Стоит обратить внимание, что элемент орнамента в виде равнобедренных треугольников с выступающими за вершину линиями сторон (выполненный в резной, «алакульской» технике) был зафиксирован неподалёку от группы «Север» – в сабатиновском погребении Глиное/Рыбхоз 3/96, датирован-

ном XVI в. до н.э. Этот элемент орнамента в Северном Причерноморье эпизодически встречается также на керамике бережновско-маёвской срубной культуры и комаровской культуры ТКК (Лысенко и др. 2023а, 377-380, рис. 4).

Культурно-исторические процессы позднего бронзового века невозможно понять, рассматривая их узкорегионально, даже в пределах такого сравнительно большого региона, как Северное Причерноморье. Масштабы этих процессов в какой-то мере позволяет охватить сопоставление ареала распространения андроновских и андроноидных культур и их элементов (Кузьмина 1986, рис. 1; Шибанова 2023а, рис. 1/1) с ареалом Евразийской металлургической провинции позднего бронзового века (по Е.Н. Черных) (Рындина, Дегтярёва 2002, рис. 69), охватывающих пространства от Карпат на западе и до Енисея на востоке, от южного Полесья и южнотаёжной зоны Западной Сибири на севере до полупустынь и пустынь Казахстана и Средней Азии и предгорий Тянь-Шаня на юге. С этими ареалами в значительной мере совпадает и территория распространения кубковидных сосудов на ножке-поддоне (Шибанова 2023б, рис. 52) (рис. 8). При этом именно Северное Причерноморье является тем контактным регионом, где происходило наложение Евразийской и Европейской металлургических провинций (Рындина, Дегтярёва 2002, рис. 69), соединяя Великую Евразийскую Степь с Карпато-Подунавьем и Центральной Европой. Однако только скрупулёзные микрорегиональные исследования позволяют наполнить эти общеконтинентальные процессы реальным содержанием.

Выводы

Исследованные в кургане 5 группы «Север» у с. Глиное погребальные комплексы позднего бронзового века убедительно иллюстрируют две основные тенденции в развитии микрорегиона в предсабатиновское и сабатиновское время, соотношение культурных традиций и инноваций.

Погребение Глиное/Север 5/1 является типичным для днепро-прутской бабинской культуры Северо-Западного Причерноморья. Фактически его можно рассматривать как одно из эталонных для обрядовой группы сильно скорченных погребений, ориентированных головой на восток, с позицией кистей рук в районе головы/лица и размещением сосуда перед верхней частью корпуса. По результатам радиоуглеродного датирования погребение полностью вписывается в основной интервал существования днепро-прутской бабинской культуры – XX-XVIII вв. до н.э. В сабатиновской культуре развитого периода позднего бронзового века такое соотношение позы и ориентации погребённого становится доминирующим. Поэтому данную обрядовую группу культурного круга Бабино в Северо-Западном Причерноморье можно рассматривать, как протосабатиновскую, чётко фиксирующую преемственность этой погребальной традиции в регионе.

Погребение Глиное/Север 5/2, наоборот, является достаточно неординарным для позднего бронзового века Северо-Западного Причерноморья. Погребённый лежал вытянуто на спине, головой на восток, и сопровождался чашей/кубком на полой конической ножке. Орнаментация кубка имеет ярко выраженные восточные (андроноидные, фёдоровско-черкаскульские) черты. Для погребения получены две радиоуглеродные даты, позволяющие датировать его в пределах XV-XIV вв. до н.э. и отнести ко времени развитой сабатиновской культуры. В настоящий момент Глиное/Север 5/2 является самым западным пунктом распространения кубковидных сосудов на ножке с восточными (андроноидными) чертами на территории Великой степи и прилегающих к ней регионов на пространстве между Днестром и Енисеем. Результаты радиоуглеродного датирования не противоречат датировке имеющихся аналогий подобной керамики, позволяя при этом говорить о достаточно раннем проникновении её далеко на запад.

Находка кубковидного сосуда на полом коническом поддоне, украшенного характерным андроноидным орнаментом, в кургане 5 группы «Север» у с. Глиное отодвигает границу распространения подобной керамики далеко на запад от Днепра, непосредственно до левого берега р. Днестр, и может быть связана с инфильтрацией в регион носителей бережновско-маёвской срубной культуры. Последние были своего рода «передаточным

звеном» культурных компонентов между культурами развитого этапа позднего бронзового века Волго-Уральского и Карпато-Дунайского регионов. Проникновение «срубников» далеко на запад не было ни эпизодическим, ни кратковременным явлением. Упомянутая выше чаша из Глиное/Рыбхоз 3/96 (XVI в. до н.э.) отражает ранний период этих контактов. Кубок на ножке из Глиное/Север 5/2 относится к развитому периоду сабатиновской культуры (XV-XIV вв. до н.э.). Фоном же для подобных погребений с инородной керамикой являлось местное сабатиновское население, невыразительные погребения которого широко представлены в различных курганных группах на левобережье Нижнего Днестра.

Библиография

Аванесова 1991: Н.А. Аванесова, Культура пастушеских племён эпохи бронзы азиатской части СССР (по металлическим изделиям) (Ташкент 1991).

Балагури 2001: Э.А. Балагури, Население Верхнего Потисья в эпоху поздней бронзы (Ужгород 2001).

Бєляєв 1981: О.С. Бєляєв, Поховання зрубної культури і ранього залізного віку Йосипівського могильника. Археологія 36, 1981, 67-70.

Березанская 1982: С.С. Березанская, Северная Украина в эпоху бронзы (Киев 1982).

Березанская 1999: С.С. Березанская, Могильник эпохи бронзы Гордеевка на Южном Буге. Советская археология 4, 1999, 131-148.

Березанская, Гершкович 1983: С.С. Березанская, Я.П. Гершкович, Андроновские элементы в срубной культуре на Украине. В сб.: (Отв. ред. Г. Б. Зданович) Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья (Челябинск 1983), 100-110.

Березанська, Клочко 2011: С.С. Березанська, В.І. Клочко, Гордіївський могильник. В сб.: (Ред. В.І. Клочко) Гордіївський могильник (Вінниця 2011), 7-113.

Березанская, Шарафутдинова 1985: С.С. Березанская, И.Н. Шарафутдинова, Сабатиновская культура. В: (Отв. ред. Д.Я. Телегин) Археология Украинской ССР. Том 1 (Киев 1985), 489-499.

Беспалый 1997: Г.Е. Беспалый, Андроновское погребение на Нижнем Дону. В сб.: (Отв. ред. В.Я. Кияшко) Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14 (Азов 1997), 99-101.

Беспалый, Беспалый 2002: Е.Н. Беспалый, Г.Е. Беспалый, Курганный могильник Мухин. В сб.: (Отв. ред. Л.С. Ильюков) Аксайские древности (Ростов-на-Дону 2002), 19-110.

Бочкарёв 2010: В.С. Бочкарёв, Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы (Санкт-Петербург 2010).

Братченко, Шапошникова 1985: С.Н. Братченко, О.Г. Шапошникова, Катакомбная культурно-историческая общность. В: (Отв. ред. Д.Я. Телегин) Археология Украинской ССР, том 1 (Киев 1985), 403-420.

Бровендер 2012: Ю.М. Бровендер, Степановское поселение срубной общности на Донецком кряже (Алчевск 2012).

Ванчугов 1990: В.П. Ванчугов, Белозёрские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблемы формирования белозёрской культуры (Киев 1990).

Ванчугов 2000: В.П. Ванчугов, Проблема погребального обряда сабатиновской культуры в Северо-Западном Причерноморье. В сб.: (Відп. ред. О.В. Сминтина) Археологія та етнологія Східної Європи: матеріали і дослідження. Збірка наукових робіт, присвячена 135-річчю Одеського державного університету ім І.І. Мечнікова (Одеса 2000), 39-56.

Ванчугов 2013: В.П. Ванчугов, Сабатиновская культура. В: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова), Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 293-315.

Волкобой 1980: С.С. Волкобой, Срубные погребения с кубками в Днепровском левобережье. В сб.: (Отв. ред. И.Ф. Ковалёва) Курганы степного Поднепровья (Днепропетровск 1980), 69-75.

Вязьмітіна та ін. 1960: М.І. Вязьмітіна, В.А. Іллінська, С.В. Покровська, О.І. Тереножкін, Г.Т. Ковпаненко, Кургани біля с.Ново-Пилипівка і радгоспу «Аккермень». АП УРСР VIII, 1960, 32-33.

Гершкович 1998: Я.П. Гершкович, Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-Восточное Приазовье – Подонцовье). Археологический альманах 7, 1998, 61-92.

Городцов 1907а: В.А. Городцов, Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года. В сб.: (Ред. П.С. Уварова) Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе, том 1 (Москва 1907), 211-285.

Городцов 1907б: В.А. Городцов, Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губ., 1903 года. В сб.: (Ред. П.С. Уварова) Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе, том 1 (Москва 1907), 286-365.

Гошкевич 1903: В.И. Гошкевич, Клады и древности Херсонской губернии. Книга 1 (Херсон 1903).

Гошко, Агапов, Отрощенко 2018: Т.Ю. Гошко, С.А. Агапов, В.В. Отрощенко, Металеві клепані казани з Великого Степу за доби пізньої бронзи (Київ 2018).

Дегтярёва и др. 2020: А.Д. Дегтярёва, С.В. Кузьминых, В.Г. Ломан, И.А. Кукушкин, А.И. Кукушкин, Е.А. Дмитриев, Цветной металл раннеалакульской (петровской) культуры эпохи бронзы Центрального Казахстана. Поволжская археология 1 (31), 2020, 98-116.

Денисова и др. 1985: Р.Я. Денисова, Я.Я. Граудонис, Р.У. Гравере, Кивуткалнский могильник эпохи бронзы (Рига 1995).

Дергачёв 1986: В.А. Дергачёв, Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (Анализ и характеристика культурных групп) (Кишинев 1986).

Дмитриев 2018: Е.А. Дмитриев, Фёдоровская культура эпохи бронзы (проблема терминологии). В сб.: (Пред. редкол. А.А. Выборнов) XXI Уральское археологическое совещание, посвящённое 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, 8-11 октября 2018 г. (Самара 2018), 104-106.

Епимахов и др. 2019: А.В. Епимахов, М.Н. Анкушев, Н.А. Берсенева, А.А. Воронков, В.В. Зайков, Е.В. Куприянова, А.И. Нечвалода, И.А. Семьян, И.В. Чечушков, А.М. Юминов, Южный Урал в начале эпохи металлов. Бронзовый век. История Южного Урала: в 8 т. Том 2 (Челябинск 2019).

Зданович 1988: Г.Б. Зданович, Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (Свердловск 1988).

Иванова 2013: С.В. Иванова, Катакомбные культуры. В: (Отв. ред. И.В. Бруяко, Т.Л. Самойлова) Древние культуры Северо-Западного Причерноморья (Одесса 2013), 255-275.

Ильюков 2013: Л.С. Ильюков, Кубок на поддоне бронзового века из Нижнего Подонья. В сб.: (Отв. ред. И.И. Марченко) Шестая Международная Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции (Краснодар 2013), 156-159.

Киселёв 1962: С.В. Киселёв, Некоторые вопросы истории первобытного общества. КСИА 88, 1962, 3-9.

Козловська 1930: В. Козловська, Бронзові прикраси з давнього поховання на терені заповідника ім. акад. Заболотного (с. Чоботарка, Тульчинської окр.). Хроніка археології та мистецтва 2, 1930, 31-34.

Ковалёва 1981: И.Ф. Ковалёва, Стратифицированные срубные курганы Приорелья. В сб.: (Отв. ред. И.Ф. Ковалёва) Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках (Днепропетровск 1981), 77-84.

Ковалёва, Волкобой 1976: И.Ф. Ковалёва, С.С. Волкобой, Новые памятники маевского типа срубной культуры. В сб.: (Ред. Н.С. Одноroженко, Н.В. Туренко) Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения (Днепропетровск 1976), 52-62.

Ковальова, Волкобой 1976: І.Ф. Ковальова, С.С. Волкобой, Маївський локальний варіант зрубної культури. Археологія 20, 1976, 3-22.

Ковалёва и др. 1977: И.Ф. Ковалёва, С.С. Волкобой, З.П. Марина, В.А. Лихачев, В.А. Попцов, Исследование курганных могильников у с. Верхняя Маевка в степном междуречье Орели и Самары. В сб.: (Отв. ред. И.Ф. Ковалёва) Курганные древности Степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. (Днепропетровск 1977), 8-114.

Ковалёва и др. 1978: И.Ф. Ковалёва, С.С. Волкобой, В.И. Костенко, В.Н. Шалобудов, Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза „Самарский" (Днепропетровского сельскохозяйственного института). В сб.: (Отв. ред. И.Ф. Ковалёва) Курганные древности степного Поднепровья III-I тыс. до н.э. Вып. 2 (Днепропетровск 1978), 4-31.

Ковалёва и др. 1981: И.Ф. Ковалёва, В.А. Ромашко, И.В. Чернявская, А.М. Христан, Раскопки курганных могильников бронзового века степного Приорелья. В сб.: (Отв. ред. И.Ф. Ковалёва) Степное Поднепровье в бронзовом и раннем железном веках (Днепропетровск 1981), 19-44.

Колев 1991: Ю.И. Колев, Новый тип памятников конца эпохи бронзы в Лесостепном Поволжье. В сб.: (Отв. ред. Н.Я. Мерперт) Древности восточно-европейской лесостепи (Самара 1991), 162-206.

Колев 2000: Ю.И. Колев, Заключительный этап эпохи бронзы в Поволжье. В сб.: (Глав. ред. П.С. Кабытов) История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век (Самара 2000), 242-301.

Колев 2008: Ю.И. Колев, Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования. В сб.: (Отв. ред. Д.А. Сташенков). Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья (Самара 2008), 208-240.

Косарев 1965: М.Ф. Косарев, О культурах андроновского времени в Западной Сибири. Советская археология 2, 1965, 242-246.

Косарев 1981: М.Ф. Косарев, Бронзовый век Западной Сибири (Москва 1981).

Косарев 1987: М.Ф. Косарев, Второй период развития бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха). В: (Ред. О.Н. Бадер, Д.А. Крайнов, М.Ф. Косарев) Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР (Москва 1987), 276-304.

Косарев 2005: М.Ф. Косарев, Андроновская культура. В: (Глав. ред. Ю.С. Осипов) Большая российская энциклопедия, том 1 (Москва 2005), 741. Электронная версия (2016); URL: https://old.bigenc.ru/archeology/text/1823285 Дата обращения: 13.02.2024.

Косіков, Кравець 1993: В.А. Косіков, Д.П. Кравець, Розкопки курганів на терені Донеччини. В: (Ред. Д.Н. Козак та ін.) Археологічні дослідження на Україні 1992 року (Київ 1993), 76-77.

Кривцова-Гракова 1955: О.А. Кривцова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА 46 (Москва 1955).

Крывальцэвіч 2006: М.М. Крывальцэвіч, Праблемы перыядызацыі і храналогіі эпохі бронзы на тэрыторыі Паўднёвай Беларусі. Гістарычна-археалагічны зборнік 22, 2006, 39-52.

Кузьмина 1986: Е.Е. Кузьмина, Древнейшие скотоводы от Урала до Тянь-Шаня (Фрунзе 1986).

Кузьмина 1987: Е.Е. Кузьмина, О западных связях андроновских племен. В сб.: (Отв. ред. И.И. Артеменко) Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1987), 48-69.

Кузьмина 2008: Е.Е. Кузьмина, Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности (Актобе 2008).

Кузьминых 2016: С.В. Кузьминых, Сусканская культура. В: (Глав. ред. Ю.С. Осипов) Большая российская энциклопедия. Том 31 (Москва 2016), 457. Электронная версия (2017); URL: https://old.bigenc.ru/archeology/text/4174768 Дата обращения: 11.02.2024.

Кузьминых 2017: С.В. Кузьминых, Черкаскульская культура. В: (Глав. ред. Ю.С. Осипов) Большая российская энциклопедия. Том 34 (Москва 2017), 456. Электронная версия (2019); URL: https://old.bigenc.ru/archeology/text/4682281 Дата обращения: 08.02.2024.

Куриленко, Отрощенко 1998: В.Є. Куриленко, В.В. Отрощенко, Динаміка культурних змін за доби бронзи у Мезинському мікрорайоні на Десні. Археологія 1, 1998, 46-56.

Литвиненко 1991: Р.А. Литвиненко, К вопросу о погребальном обряде сабатиновской культуры. В сб.: (Отв. ред. Е.В. Яровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. - V в. н.э.). Материалы международ. конф., Кишинёв 10-14 декабря 1990 г. (Киев 1991), 131-133.

Литвиненко 1994: Р.А. Литвиненко, Срубная культура бассейна Северского Донца (по материалам погребальных памятников): Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.04 (Киев 1994). Научный архив ИА НАНУ, фонд 12, № 750.

Литвиненко 1999: Р.А. Литвиненко, Периодизация срубных могильников северо-восточного Приазовья. В сб.: (Науч. ред. А.Д. Пряхин) Древности Северо-Восточного Приазовья (Донецк 1999), 4-23.

Литвиненко 2011: Р.О. Литвиненко, Інгульська посткатакомбна спадщина Криму і Нижньої Наддніпрянщини. Археологический альманах 25, 2011, 28-45.

Лысенко 1998: С.Д. Лысенко, Результаты исследования могильника Малополовецкое-3 на Киевщине в 1993-1997 годах. В сб.: (Red. A. Kośko, J. Czebreszuk) „Trzciniec" – system kulturowy czy interkulturowy proces (Poznań 1998), 95-117.

Лысенко 2003: С.Д. Лысенко, Могильник эпохи бронзы в урочищах Бабина Гора – Дедов Шпиль у с. Бучак под Каневом. Vita Antiqua 5-6, 2003, 60-71.

Лысенко 2006: С.Д. Лысенко, Кубки маёвского типа из Среднего Поднепровья. В сб.: (Отв. ред. А.Н. Бессуднов) Археологическое изучение Центральной России. Тезисы международ. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения В.П. Левенка (Липецк, 13-16 ноября 2006 г.) (Липецк 2006), 181-183.

Лысенко 2013: С.Д. Лысенко, Великобугаёвский могильник и памятники эпохи бронзы - раннего железного века у с. Великая Бугаёвка. В: (О.В. Петраускас, Р.Г. Шишкин) Могильник и поселение черняховской культуры у с. Великая Бугаёвка (археологический источник). OIUM 2 (Киев 2013), 389-405.

Лысенко 2015: С.Д. Лысенко, К вопросу о культурной принадлежности Гордеевского могильника. Stratum plus 2, 2015, 207-230.

Лысенко, Лысенко 2019: С.Д. Лысенко, С.С. Лысенко, Ритуально-погребальный комплекс №17 Малополовецкого могильника эпохи поздней бронзы. Археологическое наследие 2, 2019, 114-141.

Лысенко, Разумов 2014: С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, К вопросу о контактах населения Нижнего и Среднего Поднестровья в первой половине 2 тыс. до н.э. Русин 2 (36), 2014, 8-28.

Лысенко и др. 2015: С.Д. Лысенко, Е.И. Шкляревский, С.Н. Разумов, С.С. Лысенко, Курганный могильник комаровской культуры у с. Буковна (результаты исследований 2010-2013 гг.). Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма 7, 2015, 11-49.

Лысенко и др. 2020: С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Погребение тщинецкого культурного круга с сосудом малополовецкого типа на левобережье Нижнего Днестра. Stratum plus 2, 2020, 155-174.

Лысенко и др. 2021: С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, С.С. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Погребения эпохи поздней бронзы из курганов групп „ДОТ", „Сад", „Водовод" у с. Глиное на левом берегу Нижнего Днестра. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья 13, 2021, 164-201.

Лысенко и др. 2023а: С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, С.С. Лысенко, Н.П. Тельнов, Могильник сабатиновской культуры в кургане 3 группы „Рыбхоз" у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. Stratum plus 2, 2023, 361-386.

Лысенко и др. 2023б: С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, С.С. Лысенко, Н.П. Тельнов, Погребения позднего бронзового века из курганов в верхнем течении р. Красная на Нижнем Днестре (по результатам исследований 2013-2022 гг.). Tyragetia s.n. XVII/1, 2023, 161-193.

Лысенко и др. 2023в: С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Погребения эпохи поздней бронзы из курганов группы «Плавни» у с. Глиное на левом берегу Нижнего Днестра. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья 15, 2023, 13-41.

Лысенко и др. 2024: С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Погребения эпохи поздней бронзы из курганов группы «Клин» у с. Глиное на левом берегу Нижнего Днестра. Stratum plus 2, 2024, в печати.

Максименков 1978: Г.А. Максименков, Андроновская культура на Енисее (Ленинград 1978).

Матвеев 1998: А.В. Матвеев, Первые андроновцы в лесах Зауралья (Новосибирск 1998).

Матвиишина и др. 2016: Ж.Н. Матвиишина, А.Г. Пархоменко, С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Палеопедологические исследования курганов у с. Глиное. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма 8, 2016, 11-45.

Маргулан и др. 1966: А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев, Древняя культура Центрального Казахстана (Алма-Ата 1966).

Маргулан 1979: А.Х. Маргулан, Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана (Алма-Ата 1979).

Монгайт 1974: А.Л. Монгайт, Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века (Москва 1974).

Обыденнов, Шорин 1995: М.Ф. Обыденнов, А.Ф. Шорин, Археологические культуры позднего бронзового века древних уральцев (Екатеринбург 1995).

Отрощенко 1977: В.В. Отрощенко, Катакомбные и срубные курганы в окрестностях с. Балки. В сб.: (Ред. В.И. Бидзиля) Курганные могильники Рясные могилы и Носаки (Киев 1977), 5-15.

Отрощенко 2001: В.В. Отрощенко, Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення) (Київ 2001).

Отрощенко 2005: В.В. Отрощенко, Епоха енеоліту-бронзи. В: (Ред. Л.Л. Залізняк). Археологія України: Курс лекцій: Навч. посібник (Київ 2005), 106-202.

Отрощенко, Рассамакін 1997: В.В. Отрощенко, Ю.Я. Рассамакін, З приводу культурної належності комплексів лобойківсько-дербеденівської зони металообробки. В сб.: Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязи Востока и Запада в эпоху поздней бронзя. Тезисы докладов (Киев, Николаев, Южноукраинск 1997), 23-25.

Отрощенко, Савовский, Томашевский 1977: В.В. Отрощенко, И.П. Савовский, В.А. Томашевский, Курганная группа «Рясные могилы» у с. Балки. В сб.: (Ред. В.И. Бидзиля) Курганные могильники Рясные могилы и Носаки (Киев 1977), 16-60.

Отрощенко, Формозов 1988: В.В. Отрощенко, А.А. Формозов, К проблеме письменности у племен Северного Причерноморья в эпоху раннего металла. Studia Praehistorica 9, 1988, 147-178.

Отрощенко, Шарафутдінова 2018: В.В. Отрощенко, І.М. Шарафутдінова, Курган № 3 біля с. Степове – еталонний комплекс заключної фази доби пізньої бронзи. Магістеріум. Археологічні студії 70, 2018, 50-58.

Поляков, Святко 2019: А.В. Поляков, С.В. Святко, Новые данные по радиоуглеродной хронологии эпохи бронзы Минусинской котловины. В сб.: (Отв. ред. А.В. Поляков, Е.С. Ткач) Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Международной конференции (18-22 ноября 2019, Санкт-Петербург). Том. II: Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла (IV-I тыс. до н.э.). К 80-летию со дня рождения выдающегося археолога В.С. Бочкарёва (Санкт-Петербург 2019), 18-20.

Потёмкина 1983: Т.М. Потёмкина, Алакульская культура. Советская археология 2, 1983, 13-33.

Потёмкина 1985: Т.М. Потёмкина, Бронзовый век лесостепного Притоболья (Москва 1985).

Пустовалов 2005: С.Ж. Пустовалов, Соціальний лад катакомбного суспільства Північного Причорномор'я (Київ 2005).

Разумов 2017: С.Н. Разумов, Памятники катакомбных культур на реке Красная (левобережье Нижнего Днестра). В сб.: (Отв. ред. А.А. Пригарин) Человек в истории и культуре: мемориальный сб. науч. работ в память лауреата Гос. премии Украины, акад. РАЕН, проф., д-ра ист. наук, Владимира Никифоровича Станко. Выпуск 3 (Одесса 2017), 257-265.

Разумов, Лысенко 2020а: С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Древнейшее курганное золото Нижнего Поднестровья как индикатор межкультурных связей. Русин 59, 2020, 21-35.

Разумов, Лысенко 2020б: С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Уникальный колчанный набор раннего бронзового века из Северо-Западного Причерноморья. В сб.: (Ред. С.В. Д'ячков) Проблеми історії та археології України: Тези доповідей XII Міжнародної наукової конференції, присвяченої 125-річчю Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (Харків, листопад 2020) (Харків 2020), 15-16.

Разумов и др. 2013: С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, Курганы эпохи бронзы могильника у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. Stratum plus 2, 2013, 297-340.

Разумов и др. 2019: С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Курган бронзового века №2 группы «ДОТ» у с. Глиное на левобереье Нижнего Днестра. Journal of Archaeology, Anthropology and Interdisciplinary Studies. Revista de arheologie, antropologie si studii iterdisciplinare 1, 2019, 123-148.

Разумов и др. 2022: С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, В.С. Синика, Сосуд с пиктограммами начала позднего бронзового века из Северо-Западного Причерноморья. В сб.: (Глав. ред. А. Онгар) Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда. Материалы V Международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11 - 14 октября 2022 г.), в 5-ти т., том 1 (Алматы, Туркестан 2022), 237-245.

Ромашко 2013: В.А. Ромашко, Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозёрской культуры) (Киев 2013).

Рындина, Дегтярёва 2002: Н.В. Рындина, А.Д. Дегтярёва, Энеолит и бронзовый век (Учебное пособие по курсу „Основы археологии") (Москва 2022).

Савва 1992: Е.Н. Савва, Культура многоваликовой керамики Пруто-Днестровского междуречья (Кишинев 1992).

Сальников 1948: К.В. Сальников, К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. В сб.: (Отв. ред. Р.В. Мерцлин) Первое Уральское археологическое совещание при Молотовском университете, 20-25 апр. 1947 г. (Молотов 1948), 21-26.

Сальников 1951: К.В. Сальников, Бронзовый век Южного Зауралья. МИА 21, 1951, 94-151.

Сальников 1967: К.В. Сальников, Очерки древней истории Южного Урала (Москва 1967).

Стоколос 1972: В.С. Стоколос, Культура населения бронзового века Южного Зауралья. (Москва 1972).

Синика и др. 2021: В.С. Синика, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, Курган 16 группы «Водовод» в Нижнем Поднестровье. Tyragetia s.n. XV/1, 2021, 239-296.

Смирнов 1997: Ю.А. Смирнов, Морфология преднамеренного погребения (Москва 1997).

Тельнов, Четвериков, Синика 2016: Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное (Тирасполь 2016).

Тельнов и др. 2014: Н.П. Тельнов, С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Работы совместной приднестровско-украинской экспедиции. В сб.: (Гол. ред. Д.Н. Козак) Археологічні дослідження в Україні 2013 (Київ 2014), 329-330.

Тєльнов та ін. 2015: М.П. Тєльнов, С.М. Разумов, С.Д. Лисенко, В.С. Сініка, Роботи придністровсько-української археологічної експедиції (попередні результати досліджень 2012-2013 рр.). В сб.: (Гол. ред. Ю.В. Болтрик) Археологічні дослідження в Україні 2014 (Київ 2015), 307-311.

Теплоухов 1929: С.А. Теплоухов, Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края (в кратком изложении). Материалы по этнографии IV, вып. 2, 1929, 41-62. URL: https://studfile.net/preview/16721049/ Дата обращения: 13.02.2024.

Тереножкін 1960: О.І. Тереножкін, Кургани в долині р. Молочної. Археологічні пам'ятки УРСР VIII, 1960, 3-16.

Фабріциус 1927: І.В. Фабріциус, Червоні роки 1917-1927. Літопис музею 8 (Херсон 1927).

Фёдорова-Давыдова 1964: Э.А. Фёдорова-Давыдова, К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье. Археология и этнография Башкирии 2, 1964, 84-92.

Фокеев и др. 1995: М.М. Фокеев, М.Б. Щукин, Н.Д. Руссев, Отчет о раскопках в Измаильском районе Одесской области (поселение Суворово IX; Троянов Вал; курган в ур. Кале) (Киев 1995). Научный архив ИА НАНУ. № 1995/56.

Фокеев и др. 1996: М.М. Фокеев, Н.Д. Руссев, К. Рандсборг, М.Б. Щукин, Отчёт о раскопках Славяно-сарматской экспедиции в окрестностях с. Суворово в 1995 г. (Одесса 1996). Архив Одесского археологического музея.

Цимиданов 2004: В.В. Цимиданов, Социальная структура срубного общества (Донецк 2004).

Черниенко 2014: Ю.А. Черниенко, Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы. Stratum plus 2, 2014, 15-112.

Черников 1960: С.С. Черников, Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА 88 (Москва, Ленинград 1960).

Черных 1983: Е.Н. Черных, Проблема общности культур валиковой керамики. В сб.: (Отв. ред. Г.Б. Зданович). Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья (Челябинск 1983), 81-99.

Черняков 1985: И.Т. Черняков, Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э. (Киев 1995).

Шарафутдинова 1968: И.Н. Шарафутдинова, К вопросу о сабатиновской культуре. Советская археология 3, 1968, 19-34.

Шарафутдинова 1982: И.Н. Шарафутдинова, Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы (Киев 1982).

Шарафутдинова 1986: И.Н. Шарафутдинова, Сабатиновская культура. В: С.С. Березанская, В.В. Отрощенко, Н.Н. Чередниченко, И.Н. Шарафутдинова, Культуры эпохи бронзы на территории Украины (Киев 1986), 83-116.

Шибанова 2023а: Д.А. Шибанова, Восточные (андроноидные) элементы в позднесрубной керамике Нижнего Подонья, Левобережной Украины и Поднепровья. В: (Отв. ред. В.Е. Родинкова). Новые материалы и методы археологического исследования: история VS источниковедение. Материалы VII Конференции молодых учёных (Москва 2023), 62-66.

Шибанова 2023б: Д.А. Шибанова, Срубная культура эпохи бронзы Нижнего Подонья (проблемы хронологии и происхождения). Выпускная квалификационная работа. Направление: 46.00.00 «История» (Санкт-Петербург 2023) URL: https://dspace.spbu.ru/handle/11701/42199. Дата обращения 07.02.2024.

Яровой 1984: Е.В. Яровой, Работы Слободзейской экспедиции. В сб.: (Отв. ред. Б.А. Рыбаков) Археологические открытия 1982 года (Москва 1984), 417-418.

Яровой 1990: Е.Н. Яровой, Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья (Кишинёв 1990).

Яровий, Агульніков 1995: Є.В. Яровий, С.М. Агульніков, Курган білозерського часу біля с. Глинне в Нижньому Подністров'ї. Древности Северного Причерноморья и Крыма V, 1995, 181-184.

Burtănescu 2002: F. Burtănescu, About a group of "outstretched" burials with Middle Bronze Age grave goods in south-eastern Romania. В сб.: (Отв. ред Е.В. Яровой) Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. - V в. н.э.: матер. Междунар. археол. конф. (Тирасполь 2002), 157-163.

Ciobanu, Agulnicov 2016: I. Ciobanu, S. Agulnicov, Complexele funerare atibuite culturii Sabatinovka din Tumulul 9 de la Crihana Veche. Revista Arheologică s.n. XII/1-2, 2016, 227-236.

Florek, Taras 2003: M. Florek, H. Taras, Dacharzów. Cmentarzysko kultury trzcinieckiej (Lublin 2003).

Gardawski 1959: A. Gardawski, Plemiona kulturi trzcinieckiej w Polsce. Materialy Starozytne V, 1959, 7-189.

Górski, Lysenko, Makarowicz 2003: J. Górski, S. Lysenko, P. Makarowicz, Radiocarbon chronology of the Trzciniec Cultural Circle between the Vistula and Dnieper basins. Baltic-Pontik Studis 12, 2003, 253-306.

Górski, Makarowicz 2012: J. Górski, P. Makarowicz, Nowe datowania radiowęglowe kurhanow i grobow beznasypowych trzcinieckiego kręgu kulturowego z Małopolski i Wielkopolski (New radiocarbon datings of the barrows and lat burials of the Trzciniec cultural circle rom Małopolska and Wielkopolska). В сб.: (Red. W. Blajer) Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae (Kraków 2012), 331-340.

Kovalyukh et al. 1998: N. Kovalyukh, V. Skripkin, V. Klochko, S. Lysenko, Absolute (radiocarbon) chronology of the eastern trzciniec culture in the Dnieper bazin (the Malopolovetske burial site). Baltic-Pontic studies 6, 1998, 130-140.

Machnik 1978: J. Machnik, Wczesny okres epoki brązu. In: Hensel W. (red.). Prahistoria Ziem Polskich. Tom III (Wroclaw, Warczawa, Kraków, Gdansk 1978), 9-136.

Makarowicz 2019: P. Makarowicz, Dom zmarlych z kurhanu 6 w Bukivnej. Z badań nad architekturą podkurhanową w gornodniestrzańskiej enklawie kultury komarowskiej. В сб.: (Red. M. Szmyt i in.). Vir Bimaris. Od kujawskiego matecznika do stepów nadczarnomorskich. Studia z dziejów międzymorza bałtycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Kośko (Poznań 2019), 737-753.

Müller-Karpe 1980: H. Müller-Karpe, Bronzezeit (Dritter teilband, tafeln). Handbuch der vorgeschichte IV (München 1980).

Sava, Agulnikov 2003: E. Sava, S. Agulnikov, Contribuţii noi la definirea ritului funerar de tip Sabatinovka. В сб.: (Red. E. Sava) Interferenţe cultural-cronologice in spaţiul Nord-Pontic (Chişinău 2003), 113-138.

Sulimirski 1968: T. Sulimirski, Corded ware and globular amphorae North-East of the Carpathians (London 1968).

Swiesznikow 1967: I.K. Swiesznikow, Kultura komarowska. Archeologia Polski XII/1, 39-107.

Taras 1998: H. Taras, Podstawy tacsonomii kultury trzcinieckiej w srodkowowschodniej Polsce. В сб.: (Red. A. Kośko, J. Czebreszuk) "Trzciniec" – system kulturowy czy interkulturowy proces (Poznań 1998), 75-86.

Vernescu 2013: M. Vernescu, Bărăganul în preistorie (circa 3500-1200 a. Chr.). Perioada de tranziţie de la Eneolitic la Epoca Bronzului şi Epoca Bronzului (Brăila 2013).

Morminte din epoca bronzului târziu din tumulul 5 al grupului „Sever" de lângă satul Glinoe, de pe malul stâng al Nistrului Inferior

Cuvinte-cheie: nord-vestul Mării Negre, regiunea Nistrului, epoca bronzului târziu, tumuli, morminte, vase în formă de cupă.

Rezumat: Publicaţia este dedicată materialelor provenite din înmormântările din epoca bronzului târziu, descoperite în tumulul 5 al grupului „Sever" din apropierea satului Glinoe, raionul Slobozia. Situl este situat pe malul stâng al Nistrului de Jos, la vest de Kremennaia Balka. Movila a fost ridicată într-o singură etapă, în epoca mijlocie a bronzului, peste înmormântarea principală (nr. 3), atribuită culturii înmormântărilor în catacombe, varianta Ingul. Ulterior, la sud de centrul movilei, a fost efectuată înmormântarea nr. 1, atribuită culturii Babino, varianta Nipru-Prut. Urmează înmormântarea 2, datată în perioada culturii Sabatinovka, care a întretăiat groapa mormântului principal. Iar în perioada scitică, mantaua tumulului a fost înconjurată cu un şanţ.

Mormântul 1 este tipic pentru cultura Babino, varianta Nipru-Prut. Acesta poate fi considerat drept referinţă pentru grupul dat, defunctul fiind depus puternic ghemuit, orientat cu capul în sectorul estic, cu mâinile plasate în zona capului/feţei şi având vasul în partea superioară a corpului. Conform rezultatelor datării cu radiocarbon, înmormântarea se încadrează complet în intervalul existenţei culturii Babino, varianta Nipru-Prut – secolele XX-XVIII a. Chr.

Mormântul 2 este mai puţin obişnuit pentru epoca târzie a bronzului din regiunea de nord-vest a Mării Negre. Persoana înmormântată zăcea întinsă pe spate, cu capul spre est, fiind însoţită de un vas/cupă pe un picior conic gol şi de fragmente de oase tubulare ale unui animal mic. Decorul cupei are caracteristici orientale pronunţate (Andronoid, Fedorov-Cherkaskul). Pentru înmormântare au fost obţinute două date radiocarbon, permiţând datarea acesteia în secolele XV-XIV a. Chr. şi atribuită perioadei culturii Sabatinovka dezvoltate. În momentul de faţă, mormântul 2 (Glinoe/Sever 5/2) este cel mai vestic punct de distribuţie al vaselor în formă de cupă cu picior cu trăsături estice (androide) pe teritoriul *Marii Stepe* şi în regiunile adiacente din spaţiul dintre Nistru şi Enisei. Rezultatele datării cu radiocarbon nu contrazic datarea analogiilor existente ale ceramicii similare, permiţându-ne, în acelaşi timp, să vorbim despre pătrunderea ei destul de timpurie departe spre vest.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Localizarea siturilor arheologice din preajma localităţii Glinoe.

Fig. 2. Planul amplasării siturilor arheologice din preajma localităţii Glinoe.

Fig. 3. Tumulul 5 al grupului „Sever" de lângă satul Glinoe.

Fig. 4. Mormântul 1, tumulul 5 al grupului „Sever".

Fig. 5. Mormântul 2, tumulul 5 al grupului „Sever".

Fig. 6. Vase din mormântul 2, tumulul 5 al grupului „Sever".

Fig. 7. Date radiocarbon calibrate din mormintele epocii bronzului târziu din tumulul 5 al grupului „Sever": 1 - Glinoe/Sever 5/1 (Ki-20653); 2 - Glinoe/Sever 5/2 (Ki-20655); 3 - Glinoe/Sever 5/2 (Ki-20657).

Fig. 8. Harta distribuirii ceştilor/cupelor cu picior în spaţiul dintre Nipru şi Enisei (după Шибанова 2023б, рис. 52).

Fig. 9. Ceşti/cupe cu picior din nordul Mării Negre: 1 - Glinoe/Sever 5/2; 2 - Stepovoe 3/1; 3 - Akkermen I 9/2; 4 - Aleksandrovka I 7/1; 5 - Dmukhailovka X 1/2; 6 - Verkhnyaya Mayovka II 3/1; 7 - Visokoe 6/1; 8 - Spasskoe XIV 4/2; 9 - Balki/Ryasnie Mogili 7/2; 10 - Pryadovka VII 2/1; 11 - Pryadovka VII 3/4; 12 - Spasskoe XIV 8/1.

Fig. 10. Ceşti/cupe cu picior din nordul Mării Negre: 1, 3 - nord-estul Mării Azov; 2 - Mukhin II 8/13; 4 - Kapitanovo; 5 - Bukovna I, tumulul 3 (2012); 6 - Muzeul Mariupol; 7 - Rudnichnaya/Bliznyata 33/1; 8 - Muzeul Novocherkassk; 9 - Malaya Bugayovka-3; 10, 13 - Malopolovetskoe-3, complexul 2; 11 - Abakumy-1; 12 - Chkalovo 1/1; 14 - Malopolovetskoe-3, complexul 17; 15 - Ternovoe 1/1.

Late Bronze Age graves from barrow 5 of the "Sever" group near Glinoe village on the left bank of the Lower Dniester

Keywords: North-West Black Sea region, Dniester Region, Late Bronze Age, barrows, graves, pottery, goblet-shaped vessels.

Abstract: The paper deals with materials from Late Bronze Age graves discovered in barrow 5 of the "Sever" group near Glinoe village, Slobodzeya district. The site is located on the left bank of the Lower Dniester, west of the watered Kremennaya Balka. The barrow was erected in one step in the Middle Bronze Age over the main burial (No. 3) of the Ingul Catacomb culture. Grave No. 1 of the Dnieper-Prut Babino culture was made later to the south of the center of the mound. Burial No. 2, dating back to the Sabatinovka time was the latest grave. It was made at the center of the mound, covering the entrance well of the main grave. The mound was surrounded by a ditch in Scythian times.

Grave Glinoe/Sever 5/1 is typical of the Dnieper-Prut Babino culture of the microregion. In fact, it can be considered as a reference for a ritual group of strongly crouched burials, with the head resting to the east, with the position of the hands in the head/face area and with the placement of the vessel in front of the upper part of the body. The grave completely fits into the main interval of the existence of the Dnieper-Prut Babino culture – the 20th - 18th centuries BC according to the results of radiocarbon dating.

Burial Glinoe/Sever 5/2 is quite unusual for the Late Bronze Age of the North-West Black Sea region. The buried person lies stretched out on his back, with his head to the east. The burial was accompanied by a bowl/goblet on a hollow conical foot and fragments of tubular bones of a small animal. The ornamentation of the cup has pronounced oriental (Andronoid, Fedorov-Cherkaskul) features. Two radiocarbon dates were obtained for the grave allowing it to be dated within the 15th - 14th centuries BC and attributed to the time of the developed Sabatinovka culture. Now, Glinoe/Sever 5/2 is the westernmost point of distribution of goblet-shaped vessels on a foot with eastern (Andronoid) features on the territory of the Great Steppe and adjacent regions in the space between the Dniester and Yenisei. The results of radiocarbon dating do not contradict the dating of existing analogues of similar ceramics, while allowing us to speak about its fairly early penetration far to the west.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the archaeological sites near Glinoe village.

Fig. 2. Plan of the archaeological sites near Glinoe village.

Fig. 3. Barrow 5 of the "Sever" group near Glinoe village.

Fig. 4. Grave 1 of barrow 5 of the "Sever" group.

Fig. 5. Grave 2 of barrow 5 of the "Sever" group.

Fig. 6. Vessel from the grave 2 of barrow 5 of the "Sever" group.

Fig. 7. Calibrated radiocarbon dates of Late Bronze Age graves from barrow 5 of the "Sever" group: 1 - Glinoe/Sever 5/1 (Ki-20653); 2 - Glinoe/Sever 5/2 (Ki-20655); 3 - Glinoe/Sever 5/2 (Ki-20657).

Fig. 8. Distribution map of the Late Bronze Age bowls/goblets on foot between Dnieper and Yenisei (after Шибанова 2023б, рис. 52).

Fig. 9. Bowls/goblets on foot from the North Black Sea region: 1 - Glinoe/Sever 5/2; 2 - Stepovoe 3/1; 3 - Akkermen I 9/2; 4 - Aleksandrovka I 7/1; 5 - Dmukhailovka X 1/2; 6 - Verkhnyaya Mayovka II 3/1; 7 - Visokoe 6/1; 8 - Spasskoe XIV 4/2; 9 - Balki/Ryasnie Mogili 7/2; 10 - Pryadovka VII 2/1; 11 - Pryadovka VII 3/4; 12 - Spasskoe XIV 8/1.

Fig. 10. Bowls/goblets on foot from the North Black Sea region: 1, 3 - North-Eastern Azov region; 2 - Mukhin II 8/13; 4 - Kapitanovo; 5 - Bukovna I, barrow 3 (2012); 6 - Mariupol Museum; 7 - Rudnichnaya/Bliznyata 33/1; 8 - Novocherkassk Museum; 9 - Malaya Bugayovka-3; 10, 13 - Malopolovetskoe-3, complex 2; 11 - Abakumy-1; 12 - Chkalovo 1/1; 14 - Malopolovetskoe-3, complex 17; 15 - Ternovoe 1/1.

18.03.2024

Др. Сергей Д. Лысенко, Институт археологии Национальной Академии наук Украины, пр. Володимира Ивасюка 12, 04210, Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0001-9624-0364, e-mail: suraganga1@gmail.com

Др. Сергей Н. Разумов, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября, 128, 3300 Тирасполь, https://orcid.org/0000-0001-6030-9390, e-mail: razum_22@mail.ru

Др. хаб. Виталий С. Синика, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. 25 Октября, 128, 3300 Тирасполь, https://orcid.org/0000-0002-1621-9205, e-mail: sinica80@mail.ru

UN DEPOZIT DE BRONZURI DESCOPERIT ÎN APROPIEREA SATULUI MARINICI (RAIONUL NISPORENI, REPUBLICA MOLDOVA)[1]

Mariana Sîrbu

Cuvinte-cheie: depozit, bronz, perioada târzie a epocii bronzului, unelte, arme, fragmentare intenţionată.

În primăvara anului 2022, colecţiile Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei au fost completate cu un nou depozit de bronzuri, descoperit pe teritoriul satului Marinici, raionul Nisporeni, Republica Moldova (fig. 1). La fel ca şi alte complexe de acest fel, identificate în ultima perioadă, acesta provine dintr-o săpătură clandestină. Depozitul a fost achiziţionat de colecţionarul de antichităţi V. Parnov, care, la rândul său, l-a donat Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei. Din datele cunoscute, reiese că respectivul complex a fost găsit la cca 2,4 km spre nord de extremitatea nord-estică a satului Marinici (fig. 1).

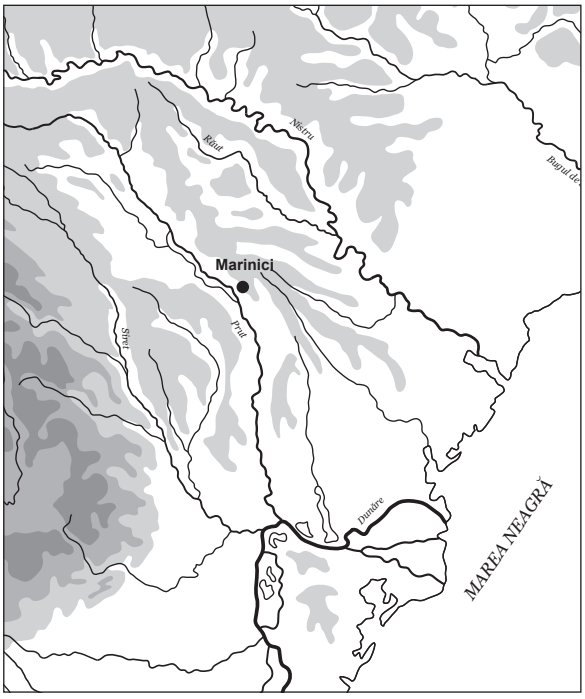


Fig. 1. Localizarea geografică a localităţii Marinici, raionul Nisporeni.

Depozitul descoperit la Marinici (fig. 2) conţine, în total, 19 unităţi, dintre care două păstrate întregi, iar celelalte – fragmentare, cu urme de îndoire şi rupere intenţionată. Mai exact: topoare-celt (două întregi, unul rupt în două bucăţi şi altul păstrat fragmentar), seceri (şapte fragmente de la patru exemplare şi patru seceri cu defecte de turnare), un fragment de vârf de lance, un fragment de pumnal şi un rebut de turnare. Dacă luăm în calcul numărul obiectelor componente, reiese că depozitul conţine 16 obiecte (două întregi, 13 fragmentare) şi un rebut de tunare. Greutatea totală a depozitului constituie cca 1,9 kg.

Catalogul bronzurilor din depozitul de la Marinici:

1. Topor-celt de tip Râşeşti (fig. 3/7). Are corpul masiv şi drept, hexagonal în secţiune, faţetele arcuite şi este prevăzut cu tortiţă laterală. Pe ambele faţete, sub arcade, obiectul este prevăzut cu un orificiu oval alungit, cu dimensiunea de 0,8×1,7 cm. Gura de înmănuşare are formă ovală în plan (2,6×3,3 cm în interior, 4,3×5,4 cm în exterior) şi marginea evidenţiată printr-un brâu reliefat. Lateral, în partea opusă urechiuşei, brâul păstrează ciotul neînlăturat de la turnare. Urechiuşa este trasă lateral din marginea gurii de înmănuşare, bara acesteia are formă romboidală în secţiune şi formează un orificiu oval cu dimensiunea de 0,4×1,2 cm. Lama piesei se îngustează progresiv spre tăişul uşor curbat. Atât faţetele, cât şi marginea tubului de înmănuşare păstrează urme de lovituri efectuate cu ajutorul unui obiect ascuţit. Turnarea s-a făcut în tipar bivalv. Suprafaţa piesei este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Dimensiuni: înălţimea – 11,4 cm; lăţimea – 4,2-4,6 cm; grosimea – 0,5-2,9 cm. Greutatea – 459 g.

[1] Articolul a fost realizat în cadrul subprogramului 180101 „*Patrimoniul istorico-arheologic muzeal: sistematizare şi valorificare ştiinţifico-culturală*”.

Fig. 2. Depozitul de bronzuri descoperit pe teritoriul localităţii Marinici, raionul Nisporeni (foto).

2. Topor-celt de tip transilvănean (fig. 3/4). Acesta are corp masiv, cu faţetele trapezoidale care coboară de sub marginea reliefată a tubului de înmănuşare până pe marginile tăişului drept. Lateral, păstrează urmele unei tortiţe rupte în vechime. Gura de înmănuşare are formă ovală (cu diametrul de 3,3 cm în interior şi 4,3×4,7 cm în exterior), prevăzută pe margine cu un brâu reliefat. Piesa este ruptă în două fragmente, linia rupturii fiind la 5,5 cm mai sus de tăiş. Turnarea s-a făcut în tipar bivalv. Suprafaţa piesei este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Dimensiuni: înălţimea – 12,5 cm; lăţimea – 4,1-4,9 cm; grosimea – 0,4-3,6 cm. Greutatea – 440 g (pe fragmente aparte – 222 g şi 218 g).

3. Topor-celt de tip Casimcea (fig. 3/3). Acesta are corp hexagonal în secţiune, cu faţetele trapezoidale, care coboară de sub marginea reliefată a gurii de înmănuşare până pe marginile lamei. Gura de înmănuşare are formă circulară în plan în partea superioară şi ovală – în cea inferioară (cu diametrul 2,2 cm în interior şi 2,9 cm în exterior) şi are marginea evidenţiată printr-un brâu reliefat. Turnarea s-a făcut în tipar bivalv. Suprafaţa obiectului este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Dimensiuni: înălţimea – 10,5 cm; lăţimea – 2,9-3,8 cm; grosimea – 0,4-2,0 cm. Greutatea – 200 g.

4. Fragment de seceră (fig. 4/3). Reprezintă o lamă ruptă în două bucăţi. Ruperea s-a făcut intenţionat, prin îndoire, ca urmare, suprafaţa piesei căpătând un aspect văluros. Muchia piesei este reliefată şi vârful rotunjit, iar tăişul prezintă urme de utilizare. Turnarea s-a făcut în tipar monovalv. Suprafaţa piesei este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Din cauza fragmentării puternice, piesa nu poate fi atribuită tipologic. Dimensiuni: lungimea – 12,7 cm; lăţimea – 3,4 cm; grosimea – 0,3-0,5 cm. Greutatea – 72 g (pe fragmente aparte – 36 g şi 36 g).

5. Fragment de seceră (fig. 4/4). Reprezintă o lamă ruptă în două bucăţi. Ruperea s-a făcut intenţionat, prin îndoire, ca urmare, suprafaţa piesei căpătând un aspect văluros. Muchia piesei este reliefată, vârful ascuţit, iar tăişul prezintă urme de utilizare. Turnarea s-a făcut în tipar

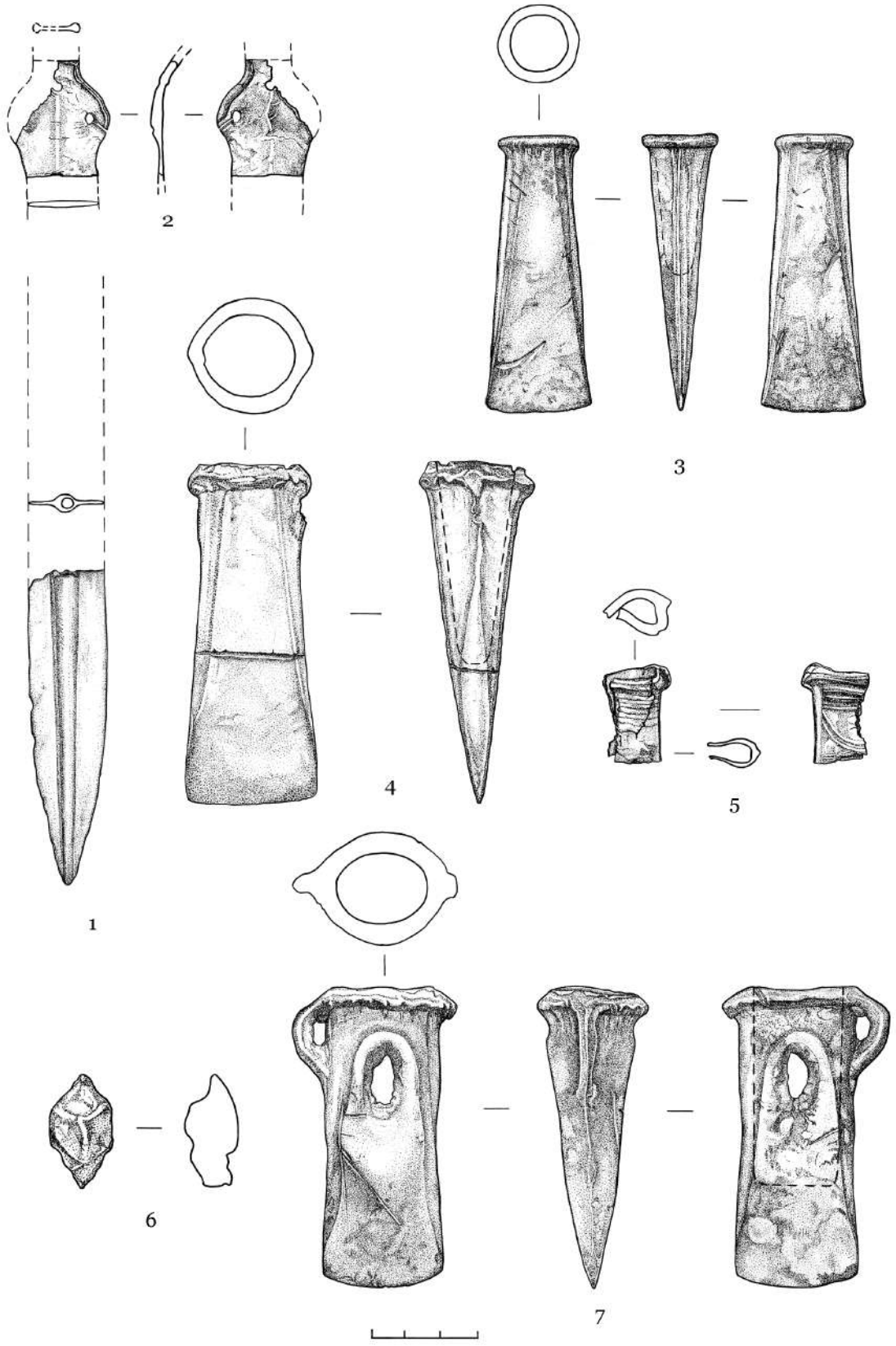


Fig. 3. Depozitul de bronzuri descoperit pe teritoriul localităţii Marinici:
1 - fragment de sabie; 2 - fragment de pumnal; 3-5, 7 - topoare-celt; 6 - rebut.

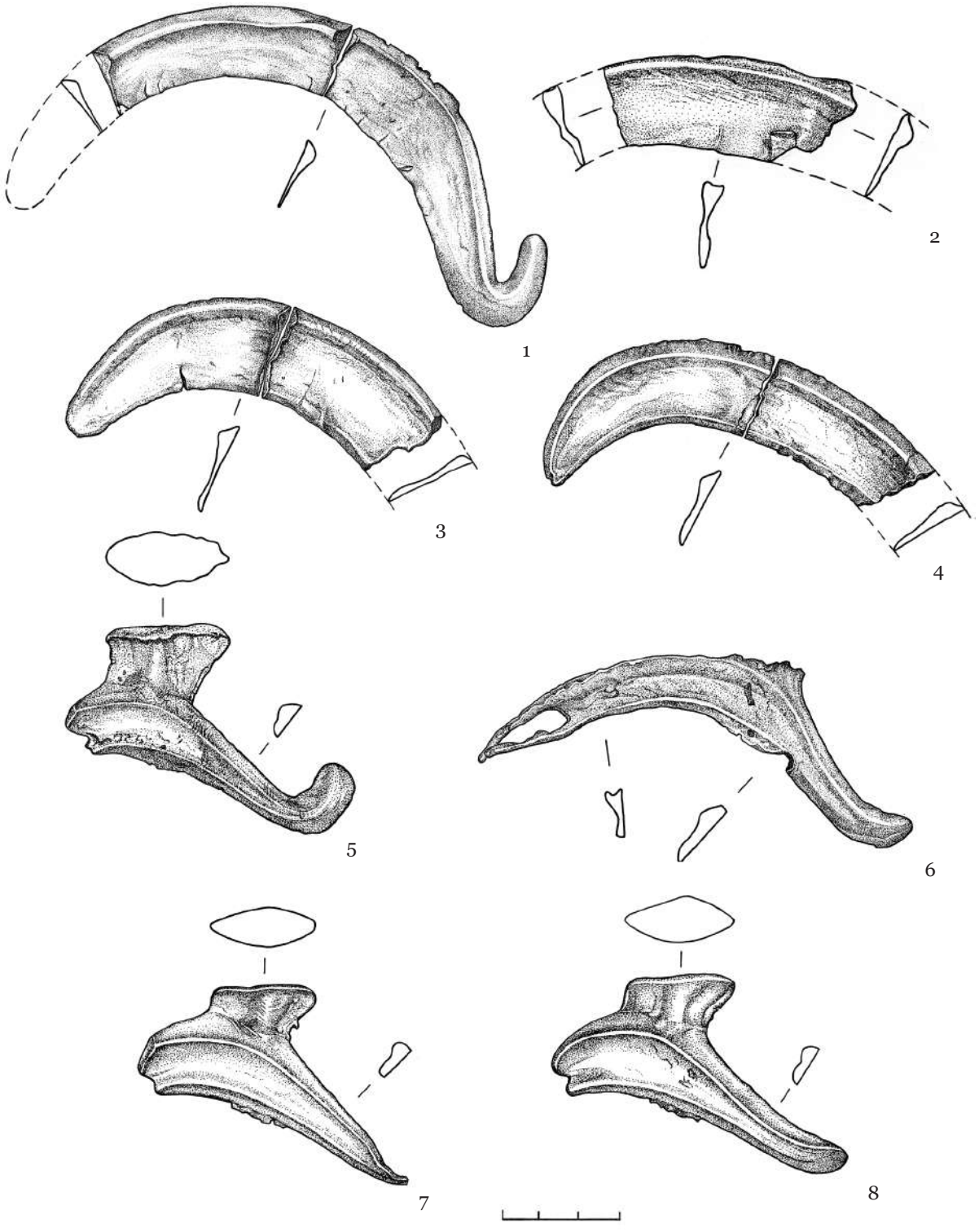


Fig. 4. Depozitul de bronzuri descoperit pe teritoriul localităţii Marinici:
1-4 - fragmente de seceri; 5-8 - seceri rezultate în urma turnării defectuoase.

monovalv. Suprafaţa piesei este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Din cauza fragmentării puternice, piesa nu poate fi atribuită tipologic. Dimensiuni: lungimea – 13,3 cm; lăţimea – 3,0 cm; grosimea – 0,3-0,5 cm. Greutatea – 71 g (pe fragmente aparte – 33 g şi 38 g).

6. Fragment de seceră cu cârlig la mâner (fig. 4/1). Aceasta are vârful lipsă, iar suprafaţa păstrată este ruptă, la rândul ei, în două bucăţi, linia rupturii fiind pe mijlocul lamei. Ruperea s-a făcut intenţionat, prin îndoire, ca urmare, suprafaţa piesei căpătând un aspect văluros. Muchia piesei este reliefată şi păstrează în zona curburii maxime urme de la gura de turnare (2,0 cm). Tăişul prezintă urme de utilizare. Mânerul se termină printr-un cârlig îndoit vertical sub unghi de 45^0. Turnarea s-a făcut în tipar monovalv. Suprafaţa piesei este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Caracteristicile metrice atribuie exemplarul dat tipului Ilişeni. Dimensiuni: lungimea – 19,0 cm; lăţimea – 2,8-3,2 cm; grosimea – 0,2-0,6 cm. Greutatea – 138 g (pe fragmente aparte – 84 g şi 54 g).

7. Fragment de seceră (fig. 4/2). Reprezintă o parte din lamă cu ambele capete rupte. Unul din capete prezintă urme de îndoire intenţionată. Muchia lamei este reliefată şi tăişul ascuţit, cu urme de utilizare, la unul din capete fiind îndoit şi suprapus pe lamă. Turnarea s-a făcut în tipar monovalv. Suprafaţa piesei este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Dimensiuni: lungimea – 7,0 cm; lăţimea – 2,7 cm; grosimea – 0,2-0,5 cm. Greutatea – 31 g.

8. Rebut de seceră (fig. 4/7), rezultat în urma unei turnări defectuoase. Acesta reprezintă partea din zona curburii maxime a lamei şi mânerul care se termină brusc şi subţiat. Gura de turnare păstrează un ciot masiv romboidal, alungit în plan (înălţimea – 1,0-1,8 cm; lungimea – 3,5 cm; lăţimea – 1,5 cm). Capătul din faţă se sfârşeşte cu un profil în formă de zig-zag. Muchia şi tăişul sunt îngroşate. Piesă nu prezintă urme de utilizare. Turnarea s-a făcut în tipar monovalv. Suprafaţa piesei este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Dimensiuni: lungimea – 10,5 cm; lăţimea – 1,0-2,7 cm; grosimea – 0,4-1,0 cm. Greutatea – 111 g.

9. Rebut de seceră (fig. 4/8), rezultat în urma unei turnări defectuoase. Acesta reprezintă partea din zona curburii maxime a lamei şi mânerul care se termină rotunjit, uşor curbat. Gura de turnare păstrează un ciot masiv romboidal alungit în plan (înălţimea – 0,8-2,0 cm; lungimea – 3,8 cm; lăţimea – 1,6 cm). Capătul din faţă se finalizează cu un profil în formă de zig-zag. Muchia şi tăişul sunt îngroşate. Piesă nu prezintă urme de utilizare. Turnarea s-a făcut în tipar monovalv. Suprafaţa piesei este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Dimensiuni: lungimea – 10,7 cm; lăţimea –1,4-2,8 cm; grosimea – 0,7-0,9 cm. Greutatea – 124 g.

10. Rebut de seceră (fig. 4/5), rezultat în urma unei turnări defectuoase. Acesta reprezintă partea din zona curburii maxime a lamei şi mânerul care se termină rotunjit, în formă de cârlig. Gura de turnare păstrează un ciot masiv romboidal, alungit în plan (înălţimea – 2,0-2,7 cm; lungimea – 4,2 cm; lăţimea – 1,7 cm). Capătul din faţă se sfârşeşte cu un profil în formă de zig-zag. Muchia şi tăişul sunt îngroşate. Piesa nu prezintă urme de utilizare. Turnarea s-a făcut în tipar monovalv. Suprafaţa piesei este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Dimensiuni: lungimea – 10,0 cm; lăţimea – 1,4-2,3 cm; grosimea – 0,4-0,8 cm. Greutatea – 133 g.

11. Rebut de seceră (fig. 4/6), rezultat în urma unei turnări defectuoase. Acesta reprezintă o porţiune din lamă şi mânerul care se termină rotunjit, uşor curbat. Ciotul de turnare a fost înlăturat defectuos împreună cu muchia lamei. Capătul din faţă are marginile extinse, subţiri, suprapuse. De la gura de turnare spre mâner, tăişul şi muchia sunt îngroşate. Piesa nu prezintă urme de utilizare. Turnarea s-a făcut în tipar monovalv. Suprafaţa piesei este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Dimensiuni: lungimea – 15,0 cm; lăţimea – 1,7-3,3 cm; grosimea – 0,3-1,0 cm. Greutatea – 87 g.

12. Fragment de vârf de sabie ? (fig. 3/1). Reprezintă jumătatea superioară a unei pene foliforme alungite. Are vârful ascuţit şi este prevăzută cu tub circular de înmănuşare de forma unei nervuri mediane, care continuă până în vârful piesei. Diametrul interior al tubului de înmănuşare este de 0,3 cm, iar cel exterior – de 0,8 cm. Capătul rupt are o margine uşor îndoită. Marginile laterale sunt aşchiate şi prezintă urme de utilizare. Turnarea s-a făcut în tipar bivalv. Suprafaţa piesei este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Dimensiuni: lungimea – 12,0 cm; lăţimea –0,5-3,0 cm; grosimea – 0,1-0,8 cm. Greutatea – 41 g.

13. Fragment de topor celt miniatural (fig. 3/5). Reprezintă manşonul rupt în jumătate pe vertical şi capetele îndoite spre interior. Marginea tubului de înmănuşare este reliefată printr-un brâu cu nervură mediană, iar pe una din laturi păstrează o parte din ornament, compus din nervuri canelate, dintre care trei – orizontale, sub brâu, de la care sub formă de ghirlandă coboară alte două nervuri. Latura opusă conţine o fisură oblică rezultată în urma îndoirii obiectului. Turnarea s-a făcut în tipar bivalv închis. Suprafaţa piesei este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Dimensiuni: înălţimea – 3,7 cm; lăţimea – 1,8-2,5 cm; grosimea – 1,3 cm. Greutatea – 26 g.

14. Fragment de pumnal cu limbă la mâner (fig. 3/2). Reprezintă zona de trecere de la lamă spre mâner. Fragmentul are formă neregulată în plan, păstrând o margine reliefată, pe linia diametrului maxim al căreia s-a păstrat un orificiu cu diametrul de 0,3 cm. Cel mai probabil, un al doilea orificiu era poziţionat paralel, pe marginea opusă, care nu s-a păstrat. La distanţă de 1,3 cm, în zona de trecere spre limba mânerului, marginea ruptă păstrează parţial un al treilea orificiu, cu diametrul de 0,3 cm. În secţiune, fragmentul are formă romboidală alungită şi este prevăzut cu o nervură mediană slab evidenţiată. Turnarea s-a făcut în tipar monovalv. Suprafaţa piesei este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Dimensiuni: lungimea – 4,4 cm; lăţimea – 3,6 cm; grosimea – 0,1-0,3 cm. Greutatea – 14 g.

15. Rebut de turnare (fig. 3/6). Are formă ovală neregulată pe una din laturi. Suprafaţa este acoperită cu un strat de patină de culoare verde-închis. Dimensiuni: lungimea – 3,5 cm; lăţimea – 1,9 cm; grosimea – 1,6 cm. Greutatea – 29 g.

Discuţii

Depozitul descoperit în apropierea satului Marinici se atribuie tipologic depozitelor de bronzuri cu asocieri complexe, întrucât conţine trei categorii funcţionale – unelte, arme şi rebuturi. Acesta se încadrează perfect şi în categoria depozitelor formate din obiecte prioritar fragmentare, rupte intenţionat. O dovadă a fragmentării premeditate o reprezintă ruperea obiectelor într-un anumit număr de bucăţi – de cele mai dese ori, în două sau trei. Concedentă sau nu, în cazul unei lame de seceră rupte în două (fig. 4/3), fiecare bucată cântăreşte 36 g, iar în alt caz (fig. 4/5) – 33 şi 38 g. Această situaţie ar putea presupune utilizarea lor ca unităţi de măsură.

Uneltele sunt reprezentate de topoare-celt şi seceri. Topoarele-celt sunt patru la număr şi aparţin tipurilor Transilvănean, Râşeşti şi Casimcea, al patrulea exemplar nefiind posibil de determinat tipologic, din cauza fragmentării puternice.

Topoarele-celt de tip transilvănean se caracterizează prin corp masiv, cu bordura găurii de înmănuşare ovală în secţiune şi cu marginea îngroşată. Datorită laturilor lungi care coboară până spre tăiş, corpului acestora i se redă, aparent, o formă suplă. Sunt prevăzute cu o urechiuşă laterală, care porneşte de sub bordura tubului de înmănuşare. Tăişul este drept şi bont. Prima tipologie pentru „topoarele-celt de tip transilvănean" a fost elaborată de M. Rusu, în care acesta diferenţiază trei tipuri principale A-C, forma dată fiind regăsită în tipul B (Rusu 1966, 25-26, fig. 2). În tipologia elaborată de V. Dergacev, acest tip de topor-celt figurează sub denumirea „de tip Ruginoasa" (Dergačev 2002, 143-144). Cea mai recentă tipologie este cea semnată de O. Dietrich, în care această formă de topor-celt este atribuită tipului B1, varianta l (Dietrich 2021a, 311-317; Dietrich 2021b, Taf. 159-163, Karte 36). Analogii aproape exacte găsim la unul din topoarele-celt descoperite în depozitul de la Aiud (Dietrich 2021b, 338, Taf. 159/689) şi un alt exemplar descoperit la Bozeş (Popa, Râza 2009, 35-41, fig. 1a, 1b). Toporul-celt de „tip transilvănean" a apărut la mijlocul perioadei târzii a epocii bronzului, însă cele mai multe descoperiri de acest fel provin din depozite datate cu perioada timpurie a epocii fierului (Rusu 1966, 28; Andriţoiu 1992, 77; Andriţoiu 1993, 95; Dergačev 2002, 146). La momentul de faţă, sunt cunoscute în jur de 69 de astfel de topoare-celt (Dietrich 2021a, 349, Karte 36).

Topoarele-celt de tip Râşeşti au corp masiv, prevăzut cu tortiţă laterală şi faţete arcuite, având orificii ovale sau imitaţii ale acestora sub arcade. M. P. Dâmboviţa a denumit această formă „varianta răsăriteană a celtului de tip transilvănean" (Dâmboviţa 1953, 465). În tipologia sa, M. Rusu încadrează acest topor-celt în tipul principal C (Rusus 1966, 10-11, fig. 3), iar în cea mai recentă tipologie elaborată pentru topoarele-celt le găsim atribuite tipului C1 (Dietrich 2021a, 458-464; Dietrich 2021b, Taf. 323-328, Karte 51). V. Dergacev le identifică sub denumirea de „topoare-celt de tip Râşeşti" după cele mai reprezentative exemplare de acest fel, descoperite în depozitul de la Râşeşti (Дергачев 2010, 18-19, рис. 19). Acest tip de topor-celt reprezintă una din cele mai numeroase

grupe şi, asemenea altor tipuri de topoare-celt, sunt descoperite, de cele mai dese ori, în depozite de bronzuri, şi mai rar – în aşezări. Cultural, sunt atribuite comunităţilor Noua şi sunt concentrate teritorial în zona centrală a Moldovei din dreapta Prutului, de unde s-au răspândit spre est, iar în Hallstatt arealul lor lărgindu-se spre vest, până pe teritoriul Transilvaniei (Dergačev 1997, 144; Дергачев 2010, 36-37, рис. 19). La momentul de faţă, sunt cunoscute în jur de 104 astfel de topoare-celt, dintre care patru – pe negative de forme de turnare (Дергачев 2010, 35, рис. 19).

Topoarele-celt de tip Casimcea. Acestea au corpul simplu, dreptunghiular în plan, uşor lărgit în partea inferioară şi secţiunea hexagonală. Are faţetele plate şi înalte, care coboară de sub marginea îngroşată a gurii de înmănuşare până pe marginile tăişului. Acest tip de celt a fost descoperit în mai multe depozite datate sigur cu perioada târzie a epocii bronzului, dar şi în câteva complexe similare, atribuite cronologic perioadei tardive a epocii bronzului – perioadei timpurii a epocii fierului. Astfel, acest tip de topor-celt poate fi datat în perioadele cronologice menţionate mai sus (Дергачев 2011, 122). Formele de turnare cu negativul acestui tip de topor-celt au fost descoperite în aşezarea culturii Tei la Cernica, în aşezarea culturii Noua la Ostrivec şi în aşezarea culturii Belozerka de la Liubimovka (Дергачев 2011, 119, рис. 19/4, 13). La momentul de faţă, sunt cunoscute în jur de 25 de astfel de topoare-celt, dintre care trei – pe negative de forme de turnare (Дергачев 2011, 117).

Depozitul de la Marinici este deosebit prin prezenţa a patru seceri cu defecte grave de turnare, care presupune originea lor comună din acelaşi atelier şi, cel mai probabil, turnate de acelaşi meşter. Posibil, au fost turnate în negative de seceri cu cârlig la mâner, dat fiind faptul că pe unul din exemplare se conturează capătul în formă de cârlig. Celelalte şapte fragmente de seceri provin de la patru exemplare, doar în unul din cazuri păstrându-se mânerul în formă de cârlig. Secerile cu cârlig la mâner au lama lată, arcuită, cu muchia îngroşată, vârful lat şi bont sau ascuţit. Mânerul este lung, subţiat şi arcuit semicircular sau în unghi. Erau turnate în tipare monovalve. În literatura de specialitate găsim mai mute tipologii elaborate pentru acest tip de unealtă. M. Petrescu-Dâmboviţa împarte secerile cu cârlig în 10 tipuri (Petrescu-Dîmboviţa 1978, 57 şi urm.), iar E. Černych diferenţiază secerile cu cârlig cunoscute în spaţiul nord pontic după tipurile 24 şi 25 şi tipul 10 pentru teritoriul Bulgariei (Черных 1978, 215). V. Dergacev, analizând secerile cu cârlig cunoscute în spaţiul cuprins între râul Nistru şi Transilvania, distinge trei tipuri: Ghermăneşti, Ruginoasa şi Ilişeni (Дергачев, Бочкарев 2002, 188-209). Ca şi în cazul altor categorii de bronzuri, secerile sunt descoperite, de cele mai multe ori, ca inventar în depozite de bronzuri (Petrescu-Dîmboviţa 1978; Dergacev 1991; Дергачев, Бочкарев 2002), doar în rare cazuri acestea fiind găsite în incinta aşezărilor (Смирнова 1969, 15, рис. 7/I 28; Florescu, Florescu 1990, fig. 16/4, 5) sau întâmplător (Дергачев 1982, рис. 2/8, 11). Acest tip de seceră îşi găseşte analogii şi în cadrul culturii Srubnaja (Кривцова-Гракова 1955, рис. 14/10-12; 32/18). Teritorial, secerile cu cârlig la mâner s-au răspândit, spre est, până în regiunile din stânga Niprului, iar spre sud – până pe malul drept al Dunării (Dergačev, Bočkarev 2006, 278). Acestea sunt caracteristice perioadei tardive a epocii bronzului, însă continuă să fie prezente în depozitele de bronzuri din perioada Ha A-Ha B (Dergačev 1997, 147; Petrescu-Dîmboviţa 1978, 61-64; Niculică 2015, pl. XCV/6-11; XCVI1/5; XCVI2/2-4).

Categoria armelor este reprezentată de un fragment de pumnal şi un vârf de sabie? păstrat, la fel, în stare fragmentară.

În pofida faptului că porţiunea de pumnal este puternic fragmentată, a fost posibilă determinarea originii şi atribuirea tipologică a acestuia. Fragmentul reprezintă capătul superior al lamei unui pumnal de origine central-europeană. Analogie fragmentului de pumnal descoperit la Marinici găsim pe teritoriul Ungariei, în depozitul Peterd, pe care A. Mozolics îl atribuie variantei ungare a grupei D (după Peroni 1956), cu trei orificii pentru nituri, şi pe care îl datează în orizontul Kurd, B Vb (Mozolics 1985, 175, 171-175, Taf. 61/6). Un alt exemplar asemănător, descoperit pe teritoriul Ungariei, provine de la Dunaújváros (Mozolics 1967, Taf. 50/4). Un pumnal apropiat ca formă găsim şi pe teritoriul României, în Transilvania, descoperit la Solnoc-Dobîca, pe care T. Bader îl atribuie fazei Uriu/Ópályi/Rigsee (BrD, sec. XIII a. Chr.), tipului Sprockhoff IB (Bader 1991, 71-86, Taf. 16/145, harta 65/B). T. Bader susţine că exemplarul de la Solnoc-Dobîca este apropiat săbiilor clasice cu limbă la mâner IB din nordul şi sudul Germaniei, descoperite, de regulă, în morminte. Acesta consideră că exemplarul găsit în Transilvania reprezintă o formă târzie (locală, estică) a săbiilor de tip IB la marginea ariei lor de răspândire (Bader 1991, 85).

Al doilea fragment de armă, conţinut în depozitul de la Marinici, deşi, la o primă vedere, pare să reprezinte un vârf de lance, analiza mai detaliată nu exclude apartenenţa acestuia unui fragment de sabie. Nervura mediană interpretată iniţial ca tub de înmănuşare poate fi – cu aceeaşi probabilitate – doar o nervură proeminentă. Săbii cu astfel de nervuri proeminente circulare în secţiune sunt cunoscute pe teritoriul Transilvaniei şi sunt atribuite de către T. Bader tipului AI al săbiilor miceniene (Schwerter mit halbrunder Mittelrippe) (Bader 1991, 18-19, Taf. 2). Astfel de săbii se întâlnesc şi pe teritoriul Bulgariei, în sudul Iugoslaviei şi Albaniei de astăzi (Bader 1991, 27). K. Horedt considera acest tip de sabie ca fiind import micenian, din sud, şi l-a datat cu sec. XVI-XIII a. Chr.) (Horedt 1961, 15). La rândul său, A. Mozsolics afirmă că cultura micenianǎ nu a influenţat în niciun fel regiunea mediteraneeană înainte de sec. XV a. Chr., iar obiectele cu ornamente miceniene, descoperite în Europa Centrală, nu pot fi datate în sec. XVI a. Chr. Aceasta a ajuns la concluzia că nu există dovezi ale unui contact direct între Grecia şi zonele mai nordice şi că nu existau importuri autentice miceniene aici (Mozsolics 1967, 121-122).

Integritatea sau fragmentarea bronzurilor într-un depozit pot oferi date importante privind caracterul depunerii. Pentru perioada BrD, depozitele cu piese întregi sau majoritar întregi constituie 80% din complexele de acest fel, numărul lor micşorându-se în Ha A la 53%, când este practicată, preponderent, depunerea fragmentară, cu ascensiune în HaB1-2 (70%) şi HaB3-C (84%).

În baza analizei inventarului metalic, depozitul descoperit la Marinici poate fi datat în perioada tardivă a epocii bronzului. Pe lângă obiecte specifice perioadei tardive din spaţiul carpato-nistrean (topoarele-celt şi seceri cu cârlig la mâner), depozitul conţine şi piese de import (fragmentul de pumnal şi un posibil fragment de sabie). Astfel, tipologic, depozitul de la Marinici ar putea fi încadrat şi în lista complexelor de acest fel care conţin piese de import.

Bibliografie

Andriţoiu 1992: I. Andriţoiu, Civilizaţia tracilor din sud-estul Transilvaniei în epoca bronzului. BTHR II (Bucureşti 1992).

Andriţoiu 1993: I. Andriţoiu, Metalurgia bronzului în sud-vestul Transilvaniei. Epoca Bronzului (I). Analele banatului 2, 1993, 85-117.

Bader 1991: T. Bader, Die Schwerter in Rumänien. PBF IV/8 (Stuttgart 1991).

Dergacev 1991: V. Dergacev, Depozitul de bronzuri din satul Dancu, raionul Hânceşti (R. Moldova). Thraco-Dacica XII/1-2, 1991, 39-55.

Dergacev 1997: V. Dergacev, Piesele de metal – referinţe la problema genezei culturilor Hallstattului timpuriu din regiunea carpato-danubiano-nord-pontică. Thraco-Dacica XVIII/1-2, 1997, 135-205.

Dergačev 2002: V. Dergačev, Die äneolithischen und bronzezeitlichen. Metallfunde aus Moldavien. PBF, XX/9 (Stuttgart: Franz Steiner Verlag 2002).

Dergačev, Bočkarev 2006: V. Dergačev, V. Bočkarev, Secerile de metal din epoca bronzului târziu din Europa de est (Iaşi 2006).

Dietrich 2021a: O. Dietrich, Bronzezeitliche Tüllenbeile aus Romänien. Studien zu Chronologie, Chorologie und Hortung, Teil 1, Text (Berlin 2021).

Dietrich 2021b: O. Dietrich, Bronzezeitliche Tüllenbeile aus Romänien. Studien zu Chronologie, Chorologie und Hortung, Teil 2, Kartenschlüssel, Tafeln, Karten, Beilage (Berlin 2021).

Florescu, Florescu 1990: M. Florescu, A. Florescu, Unele observaţii cu privire la geneza culturii Noua în zonele de curbură ale Carpaţilor Răsăriteni. ArhMold XIII, 1990, 49-102.

Horedt 1961: K. Horedt, Săbiile de tip „micenian" din Transilvania. Apulum IV, 1961, 9-18.

Mozsolics 1967: A. Mozsolics, Bronzefunde des Karpatenbeckens (Busapest 1967).

Mozsolics 1985: A. Mozsolics, Depotfundhorizonte von Aranyos, Kurd und Gyermely. In: Bronzefunde aus Ungarn (Budapest 1985).

Niculică 2015: B.P. Niculică, Epoca bronzului în Podişul Sucevei (Suceava 2015).

Peroni 1956: R. Peroni, Zur Gruppierung mitteleuropäscher Griffzungendolche der späten Bronzezeit. Badische Fundberichte 20, 1956, 69-92.

Petrescu-Dîmboviţa 1953: M. Petrescu-Dîmboviţa, Contribuţii la problema sfârşitului epocii bronzului şi începutului epocii fierului în Moldova. SCIV 4/3-4, 1953, 443-480.

Petrescu-Dîmboviţa 1978: M. Petrescu-Dîmboviţa, Die Sicheln in Rumänien. PBF, XVIII/1 (München 1978).

Popa, Râza 2009: C.I. Popa, M. Râza, Un celt de tip transilvănean descoperit la Bozeş (jud. Hunedoara). Terra Sebus 1, 2009, 35-41.

Rusu 1966: M. Rusu, Depozitul de bronzuri de la Balşa. Sargetia 4, 1966, 17-40.

Дергачев 1982: В.А. Дергачев, Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.) (Кишинев 1982).

Дергачев 2010: В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья, вып. 1 (Кишинэу 2010).

Дергачев 2011: В.А. Дергачев, Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья, вып. 2 (Кишинэу 2011).

Дергачев, Бочкарев 2002: В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы (Кишинев 2002).

Крицкова-Гракова 1955: О.А. Крицкова-Гракова, Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. В: МИА, вып. 46 (Москва 1955), 5-164.

Смирнова 1969: Г.И. Смирнова, Поселение Магала – памятник древнефракийской культуры в Прикрапатье (вторая половина XIII – середина VII вв. до н.э.). В сб.: (Отв. ред. Т.Д. Златковская, А.И. Мелюкова) Древние фракийцы в Северном Причерноморье (Москва 1969), 7-34.

Черных 1978: Е.Н. Черных, Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии (София 1978).

A hoard of bronze objects found near the village of Marinici (Nisporeni District, Republic of Moldova)

Keywords: hoard, bronze, Late Bronze Age, tools, weapons, intentional fragmentation.

Abstract: The hoard of bronze artifacts was found approximately 2.4 km north of the northeastern outskirts of the village of Marinici in the Nisporeni District. It consists of 19 items, two of which are intact and the rest are fragmented and show signs of intentional bending and breaking.

In particular, the hoard contains: celts (two whole, one broken in two and one fragmented), sickles (seven fragments from four specimens), four defective sickles, one fragment of a spearhead, an unidentified fragment and casting scrap.

Typologically, it belongs to complex hoards, as it contains three functional categories: tools, weapons and scrap. The hoard also fits perfectly into the category of assemblages of this kind, which include mainly fragmented artifacts, broken intentionally.

The integrity or fragmentariness of bronze objects in a hoard may provide clues to its nature, as well as the practice of hoarding of this type. In the BrD period, hoards with whole or mostly whole objects constitute 80% of this type of assemblages, their number decreases to 53% in the HaA phase, when hiding of fragmented objects was predominantly practiced, and increases in the HaB1-2 (70%) and HaB3-C (84%) phases. Hoards containing exclusively fragmented objects are sporadic finds and most likely indicate changes in the hoarding custom. Based on the analysis of the metal finds, the hoard uncovered at Marinici can be attributed to the Late Bronze Age.

List of illustrations:

Fig. 1. Geographical location of the village of Marinici, Nisporeni District.

Fig. 2. A hoard of bronze objects uncovered in the village of Marinici, Nisporeni District (photo).

Fig. 3. A hoard of bronze objects uncovered in the village of Marinici, Nisporeni District: 1 - fragment of a sword; 2 - fragment of a dagger; 3-5, 7 - celts; 6 - casting scrap.

Fig. 4. A hoard of bronze objects uncovered in the village of Marinici, Nisporeni District: 1-4 - fragments of sickles; 5-8 - sickles with defects due to faulty casting.

Клад бронзовых изделий, обнаруженный у села Маринич (Ниспоренский район, Республика Молдова)

Ключевые слова: клад, бронза, поздний бронзовый век, орудия труда, оружие, преднамеренная фрагментация.

Резюме: Клад бронзовых изделий был обнаружен примерно в 2,4 км к северу от северо-восточной окраины села Маринич Ниспоренского района. Всего он состоит из 19 предметов, из которых два сохранились в целости, а остальные фрагментированы и носят следы намеренного сгибания и разламывания.

В частности, клад содержит: топоры-кельты (два целых, один разломанный надвое и один фрагментарный), серпы (семь фрагментов от четырех экземпляров), четыре бракованных серпа, один фрагмент наконечника копья, неидентифицированный фрагмент и литейный брак.

Типологически его относят к сложным кладам, так как он содержит три функциональные категории – инструменты, оружие и лом. Клад также прекрасно вписывается в категорию комплексов подобного типа, содержащих преимущественно фрагментарные предметы, разрушенные преднамеренно.

Целостность или фрагментарность бронзовых изделий в кладе может дать ключ к разгадке его характера, а также самой практики сокрытия этого типа кладов. В период BrD клады с целыми или по большей части целыми предметами составляют 80% комплексов такого типа, их количество снижается до 53% в период HaA, когда практиковалось преимущественно погребение фрагментарных изделий, и повышается в периоды HaB1-2 (70 %) и HaB3-C (84%). Клады, содержащие исключительно фрагментарные изделия, являются спорадическими находками и, скорее всего, свидетельствуют об изменениях в обычае сокрытия. На основании анализа металлического инвентаря клад, обнаруженный в Мариниче, можно отнести к позднему бронзовому веку.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Географическое положение села Маринич Ниспоренского района.

Рис. 2. Клад бронзовых изделий, обнаруженный на территории села Маринич Ниспоренского района (фотография).

Рис. 3. Клад бронзовых изделий, обнаруженный на территории села Маринич: 1 - фрагмент меча; 2 - фрагмент кинжала; 3-5, 7 - топоры-кельты; 6 - литейный брак.

Рис. 4. Клад бронзовых изделий, обнаруженный на территории села Маринич: 1-4 - фрагменты серпов; 5-8 - серпы с дефектами из-за неправильной отливки.

30.04.2024

Dr. Mariana Sîrbu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-1537-7375, e-mail: sirbumary24@yahoo.com

CERCETĂRI ARHEOLOGICE DE SALVARE ÎN SITUL HORODIŞTE „LA COT”, RAIONUL REZINA[1]

Sergiu Serbinov, Victor Dulgher, Vladimir Chitic, Dumitru Condrea, Aurel Zanoci

Cuvinte-cheie: regiunea Nistrului Mijlociu, săpături de salvare, epoca fierului, cultura Saharna, cultura getică, ceramică.

Istoricul cercetării

Patrimoniul arheologic din împrejurimile satului Horodişte (fig. 1), raionul Rezina, a ajuns în atenţia savanţilor încă din sec. XIX. Astfel, o primă scoatere în evidenţă a antichităţilor din acest spaţiu îi aparţine lui Constantin Stamati, expusă în renumitul său articol dedicat cetăţilor vechi ale Basarabiei (Стамати 1850, 807). La sfârşitul sec. XIX, Pavel Batiuşkov a relatat despre legenda unei cetăţi ruinate, care ar fi dat numele schitului Horodişte (în prezent, Mănăstirea Ţipova) (Батюшков 1892, 65-66), informaţie preluată ulterior de alte surse (Кодрянъ 1901, 19; Потоцкій 1902, 210; Puiu 1919, 54; cf. Condrea 2023, 34-35; cf. Zanoci, Băţ 2023, 242, nota 175). Date mai precise au survenit în perioada postbelică, imediat după încheierea războiului, în 1946, când arheologul G. Smirnov a investigat o fortificaţie la capătul nord-estic al platoului, de la răsărit de localitatea Horodişte. În pofida unor erori strecurate atunci la descrierea acestui sit fortificat, cum ar fi estimarea greşită a suprafeţei incintei, acesta a intrat definitiv în literatura ştiinţifică drept un sit din epoca fierului, datorită fragmentelor de ceramică de factură locală, descoperite pe suprafaţa lui şi atribuite atunci culturii scitice, precum şi a celor greceşti de import (Смирнов 1949, 196). Ulterior, cercetări de suprafaţă la Horodişte au mai fost realizate de R. Rozenfeldt, în 1947, I. Hîncu, în 1980, S. Matveev şi C. Cirimpei, în 1995, ultimii atestând structuri defensive nesemnalate anterior (Arnăut 2003, 225-226; Zanoci, Băţ 2023, 91, 242; Zanoci, Scherf, Băţ 2023, 195-196).

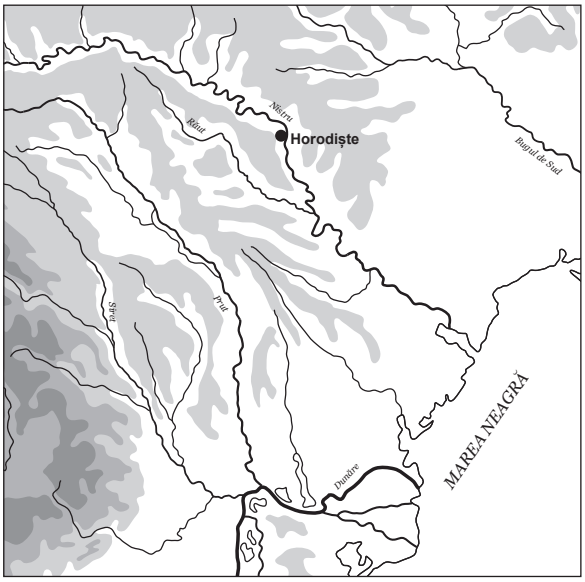


Fig. 1. Localizarea sitului Horodişte în spaţiul est-carpatic.

Vestigiile din punctul „La Şanţ” au fost introduse constant, de-a lungul timpului, în repertoriile fortificaţiilor epocii fierului (Златковская, Полевой 1969, 47; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 45; Hîncu 1993, 96-97; Zanoci 1998, 136; Haheu 2008, 72 ş.a.). Iar cele de pe promontoriul adiacent, denumit de localnici „La Cot”[2], au intrat în circuitul ştiinţific, ca sit arheologic, abia în perioada postsovietică.

[1] Cercetare realizată prin subprogramul 01.15.01 „Patrimoniul arheologic preistoric şi antic din regiunea de silvostepă a Republicii Moldova: cercetare interdisciplinară şi valorificare ştiinţifică” în cadrul Centrului de Arheologie „Ion Niculiţă”, Universitatea de Stat din Moldova.

[2] Situl Horodişte II „La Cot” (coordonatele sitului: 47°36’50” N, 28°57’32” E) este amplasat pe un promontoriu care se întinde la est de localitate şi face parte din microzona natural-culturală Horodişte-Ţipova (fig. 2; 3). Conform Registrului Arheologic Naţional, situl este înregistrat sub nr. 6721.2 Cod RAN (https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=143919&lang=ro, (Anexa) (accesat 19.08.2024). Din punct de vedere cadastral, acesta se află pe moşia comunei Horodişte din raionul Rezina, în extravilan, la est de sat, pe terenul cu cod cadastral: 67211070515, pe lotul cu cod parcelă: 0515, terenul fiind cu destinaţie agricolă şi în posesie privată. https://moldovamap.md/#/viewer/openlayers/77 (accesat 05.10.2024).

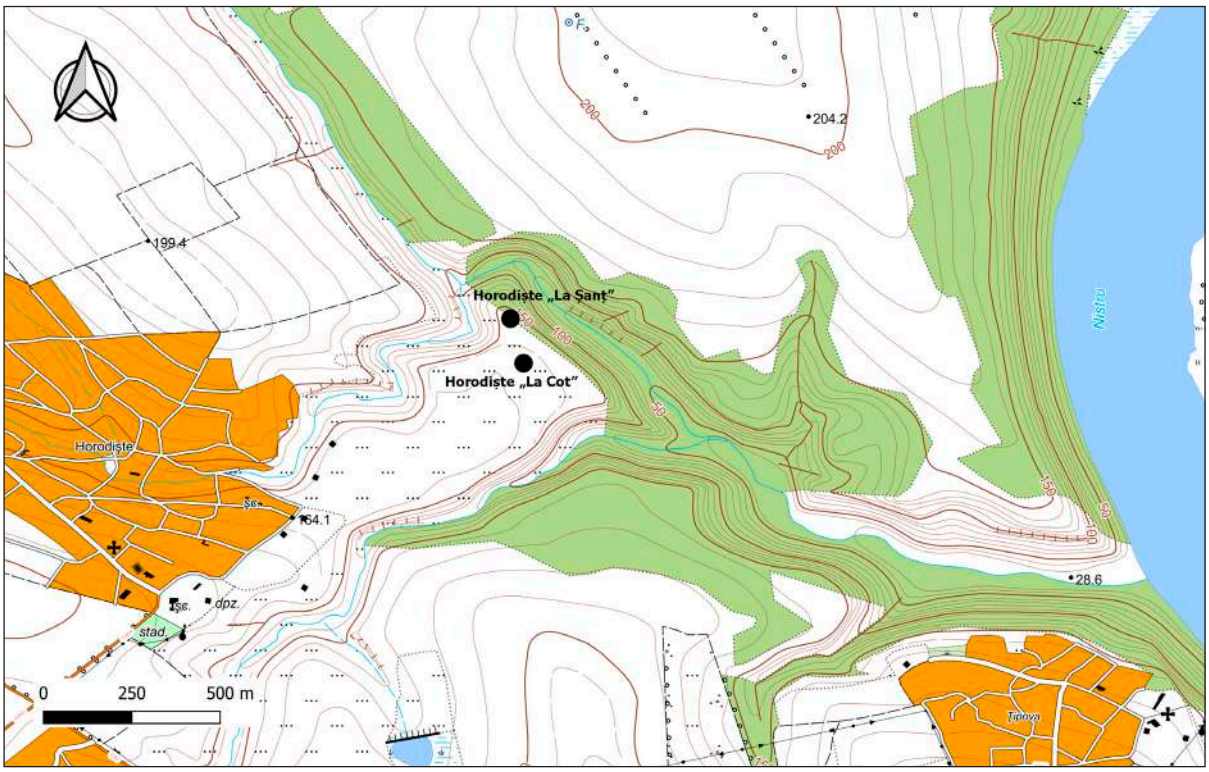


Fig. 2. Harta topografică a microzonei Horodişte-Ţipova, cu localizarea sitului Horodişte, punctele „La Şanţ” şi „La Cot” (după Zanoci, Scherf, Băţ 2023, fig. 2).

Fig. 3. Vedere aeriană dinspre sud-est asupra sitului Horodişte „La Cot” (foto de M. Băţ).

Fig. 4. Horodişte „La Şanţ” şi „La Cot”. Rezultatele cercetărilor magnetometrice din anul 2019 (după Zanoci et al. 2020, fig. 1).

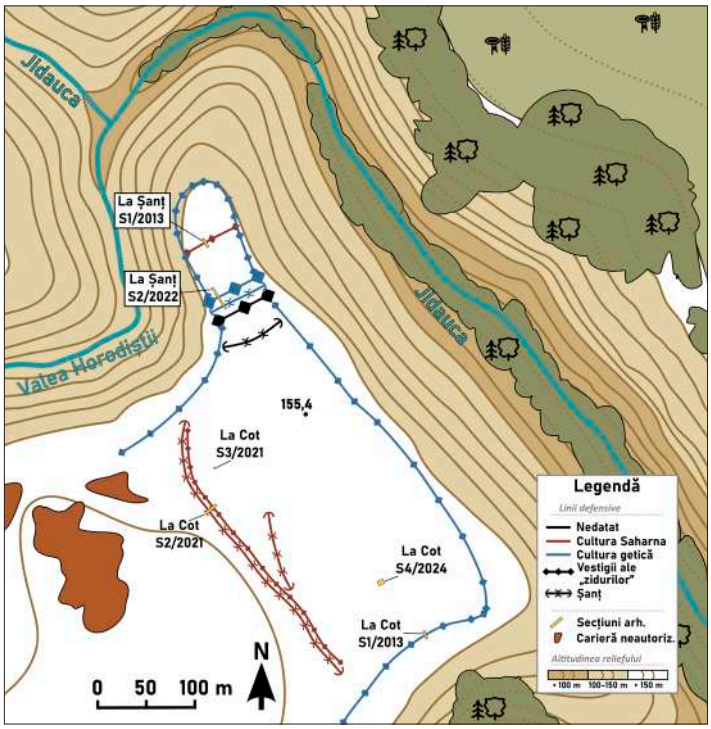


Fig. 5. Linii defensive şi localizarea secţiunilor arheologice pe promontoriile „La Şanţ” şi „La Cot” (liniile defensive marcate după Scherf et al. 2023 şi Zanoci, Scherf, Băţ 2023).

Din 2013, situl de la Horodişte s-a aflat în atenţia arheologilor Laboratorului de Cercetări Ştiinţifice „Tracologie”[3] al Universităţii de Stat din Moldova, aceştia efectuând, până în 2024, două campanii de săpături arheologice în punctul „La Şanţ” (S1/2013 – 20 m²; S2/2022 – 40 m²) şi trei – în punctul „La Cot” (S1/2013 – 12 m²; S2/2021 – 28 m²; S3/2021 – 4 m²) (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2014, 235-246; Zanoci, Scherf, Băţ 2023, 200-221). Iar în 2019, în colaborare cu Universitatea Friedrich Schiller, Jena, şi Römisch-Germanische Kommission (Germania), au fost prospectate magnetometric 15,6 ha din sit (fig. 4) (Scherf et al. 2023, 16-24), ceea ce constituie peste jumătate din suprafaţa totală a platoului amplasat la est de vatra satului Horodişte. În urma cercetărilor de suprafaţă şi a prospecţiunilor geofizice, au fost scoase în evidenţă vestigiile mai multor linii defensive, ridicate în perioade diferite ale epocii fierului (fig. 5). Una dintre acestea taie perpendicular promontoriul dinspre nord-vest spre sud-est, delimitând o incintă cu o suprafaţă de aproximativ 6 ha, care se întinde până la defileul pârâului Jidauca. Săpăturile arheologice din 2021

Fig. 6. Horodişte „La Cot”. Suprafaţa afectată de construcţii şi excavări neautorizate.

au permis conturarea concluziei că această linie de apărare a fost construită de comunităţile culturii Saharna (sec. X-IX a. Chr.) (Zanoci, Scherf, Băţ 2023, 221).

La începutul anului 2024, o serie de construcţii neautorizate au afectat o porţiune considerabilă din situl Horodişte „La Cot” (fig. 6), deranjând stratul cultural din interiorul incintei sus-menţionate, lucru evident şi după recuperarea, la faţa locului, a unei mari cantităţi de fragmente ceramice din

[3] Din anul 2022, Centrul de Arheologie „Ion Niculiţă”.

Fig. 7. Horodişte „La Cot”. Starea iniţială a locului prevăzut pentru secţiunea arheologică.

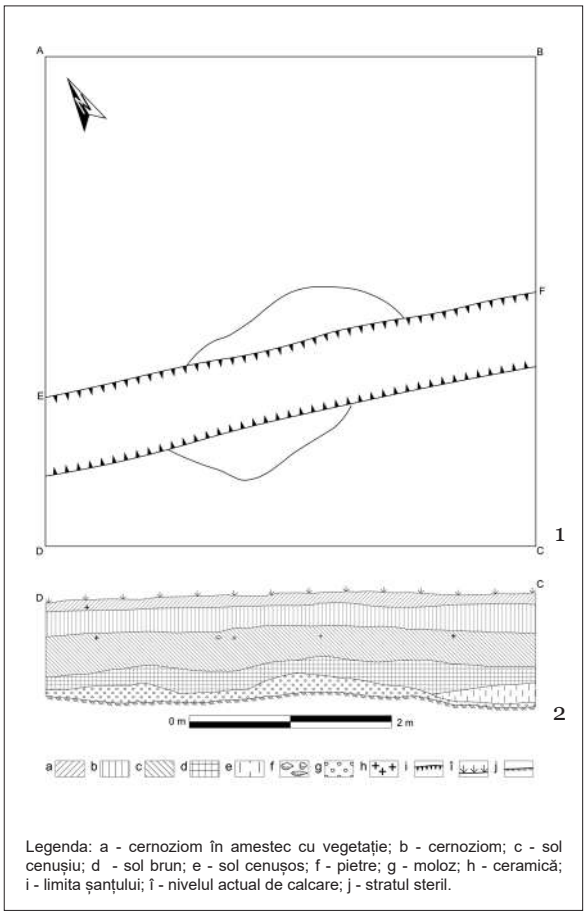
pământul răvăşit de aceste intervenţii. În situaţia creată, o echipă, formată din specialişti ai Centrului de Arheologie „Ion Niculiţă” (USM) şi ai Agenţiei Naţionale Arheologice, a demarat, în aprilie 2024, săpături arheologice de salvare în zona afectată.

Descrierea săpăturii. Stratigrafia

Cercetările au avut drept scop salvarea informaţiei arheologice, afectate de construcţia neautorizată a unor căsuţe de camping şi a reţelei de comunicaţii care urma să le deservească, în special sistemul de apeducte şi canalizare (fig. 7). Astfel, în perimetrul uneia dintre căsuţe, unde s-a constatat deranjarea stratului cultural şi a unor potenţiale complexe arheologice, a fost trasată o secţiune (nr. 4[4]) cu dimensiunile de 4,80×4,80 m (fig. 8), în partea de mijloc fiind lăsat un martor pentru urmărirea mai exactă a situaţiei stratigrafice. Solul a fost săpat metodic pe straturi a câte 0,2 m fiecare, în total fiind excavate cinci straturi, dintre care patru conţineau vestigii arheologice, iar ultimul, de 0,10-0,15 m, nu conţinea material arheologic.

Stratul 1 reprezenta un amestec de cernoziom şi vegetaţie, cu prezenţa în el a materialului ceramic bulversat în urma construcţiilor. *Stratul 2* avea o compoziţie mai uniformă, fiind compus din sol de culoare cenuşie-închisă, de aici fiind recuperată o cantitate mare de ceramică de diverse forme şi decor, piese de inventar etc. *Stratul 3* reprezenta un sol de culoare brun-închisă, cu incluziuni de rădăcini vegetale, care conţinea câteva piese de inventar şi un număr redus de fragmente ceramice. *Stratul 4* era compus dintr-un sol brun lutos, partea inferioară fiind amestecată cu moloz.

[4] Numerotarea este continuă, urmând secţiunile din anii 2013 (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2014, 236, fig. 3) şi 2021 (Zanoci, Scherf, Băţ 2023, 200-211, fig. 10, 17).



Legenda: a - cernoziom în amestec cu vegetaţie; b - cernoziom; c - sol cenuşiu; d - sol brun; e - sol cenuşos; f - pietre; g - moloz; h - ceramică; i - limita şanţului; î - nivelul actual de calcare; j - stratul steril.

3

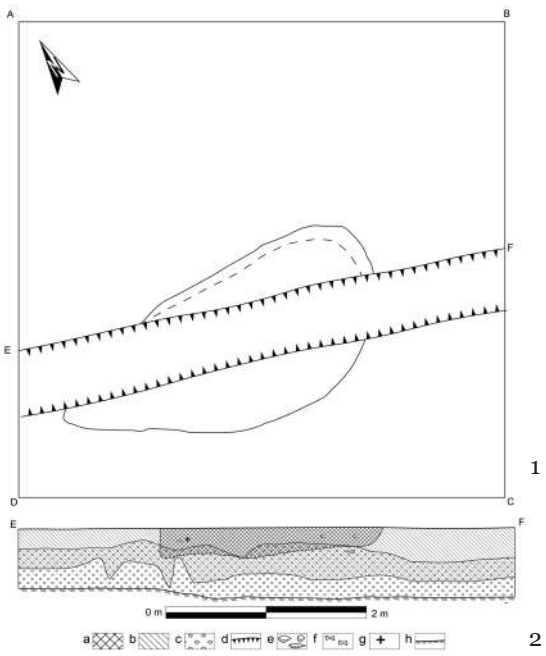
Fig. 8. Horodişte „La Cot”. Secţiunea nr. 4: 1 - planul secţiunii; 2 - profilul peretelui de sud; 3 - vedere de ansamblu (ad. 0,9 m).

Din acest strat au fost recuperate doar câteva cioburi ceramice. *Stratul 5*, cu diferite grosimi, compus din moloz, reprezenta o trecere spre stratul steril – roca de piatră.

În urma cercetărilor, au fost scoase în evidenţă: o structură arheologică, piese de inventar, confecţionate din diferite materii prime, vase întregi sau întregibile, precum şi numeroase fragmente de ceramică.

Complexe arheologice

Structura arheologică a fost atestată în partea centrală a secţiunii, la adâncimea de 0,6 m de la nivelul actual de călcare şi se prezenta sub forma unei pete de culoare cenuşie. Ea a fost afectată de şanţul pentru reţeaua de canalizare, care a întretăiat-o pe întreaga lungime de la est spre vest. În urma cercetărilor, s-a conturat un complex de formă patrulateră, cu colţurile rotunjite, cu dimensiunile aproximative (din cauza distrugerii) de 2,5×1,3 m (fig. 9), cu adâncimea de 0,20-0,30 m.



Legenda: a - sol castaniu; b - sol brun; c - moloz; d - limita şanţului; e - pietre; f - oase; g - ceramică; h - stratul steril.

3

Fig. 9. Horodişte „La Cot". Secţiunea nr. 4. Complexul nr. 1 după degajare: 1 - plan; 2 - profil; 3 - conturul complexului la adâncimea de 0,8 m de la nivelul actual de călcare.

Compoziţia solului extras din structura arheologică era neuniformă şi conţinea sol castaniu în stratul superior şi moloz în cel inferior. Din umplutura complexului au fost recuperate: un nasture/jeton din os (fig. 10/1), cinci fragmente mici de ceramică de culoare neagră, dintre care unul cu decor ştanţat, trei fragmente de oase de animale şi mai multe pietre de dimensiuni mici. Toate materialele arheologice au fost descoperite într-un spaţiu restrâns de cca 0,20×0,20 m, în preajma unor galerii de rozătoare, ceea ce nu exclude ajungerea lor în complex din stratul cultural adiacent.

Piese de inventar

Inventarul arheologic recuperat din secţiunea nr. 4 este constituit din diverse artefacte din os, piatră şi lut.

Piesele din os sunt reprezentate de un *nasture/jeton* (fig. 10/1) şi două *arşice* (fig. 10/2, 3). Primul obiect a fost descoperit în complexul nr. 1, la adâncimea de 82 cm de la suprafaţa actuală de călcare. Acesta a fost lucrat, probabil, dintr-o coastă de animal de talie mare şi are forma circulară în plan, cu diametrul de 2,8 cm, conţinând în partea centrală o perforaţie transversală cu diametrul de 0,5 cm. Piesa este uşor concavă şi aplatizată în secţiune, având grosimea de 0,2-0,3 cm. Arşicele provin din stratul cultural şi au fost lucrate din astragale de animale, dintre care unul este bine şlefuit pe ambele părţi, având urme de ardere (fig. 10/3).

Piesele din piatră sunt reprezentate de un fragment de *cute* (fig. 10/14), descoperit în stratul 2. Ea a fost confecţionată din gresie şi are o formă rectangulară, cu colţurile rotunjite, cu lungimea de 7,0 cm, lăţimea – de 5,5-6,0 cm şi grosimea – de 1,0 cm. În secţiune este aplatizată, iar pe partea funcţională se observă o uşoară alveolare.

Piese din lut. Această categorie este cea mai numeroasă şi diversă, aici fiind incluse câteva fise, dintre care una finisată (fig. 10/7) şi câteva semifabricate (fig. 10/8-10), trei fusaiole de diverse forme (fig. 10/4-6), o ştanţă (fig. 10/11) şi două văscioare miniaturale (fig. 10/12, 13).

Fisele[5] au forma aproximativ cilindrică-aplatizată, fiind confecţionate din pereţii unor vase

[5] În funcţie de publicaţii, mai poartă denumirea de rondele, jetoane sau tesere. În unele cazuri, au fost interpretate drept lustruitoare, folosite la prelucrarea suprafeţei ceramicii (Niculiţă et al. 2019, 301, 317, fig. 48/19).

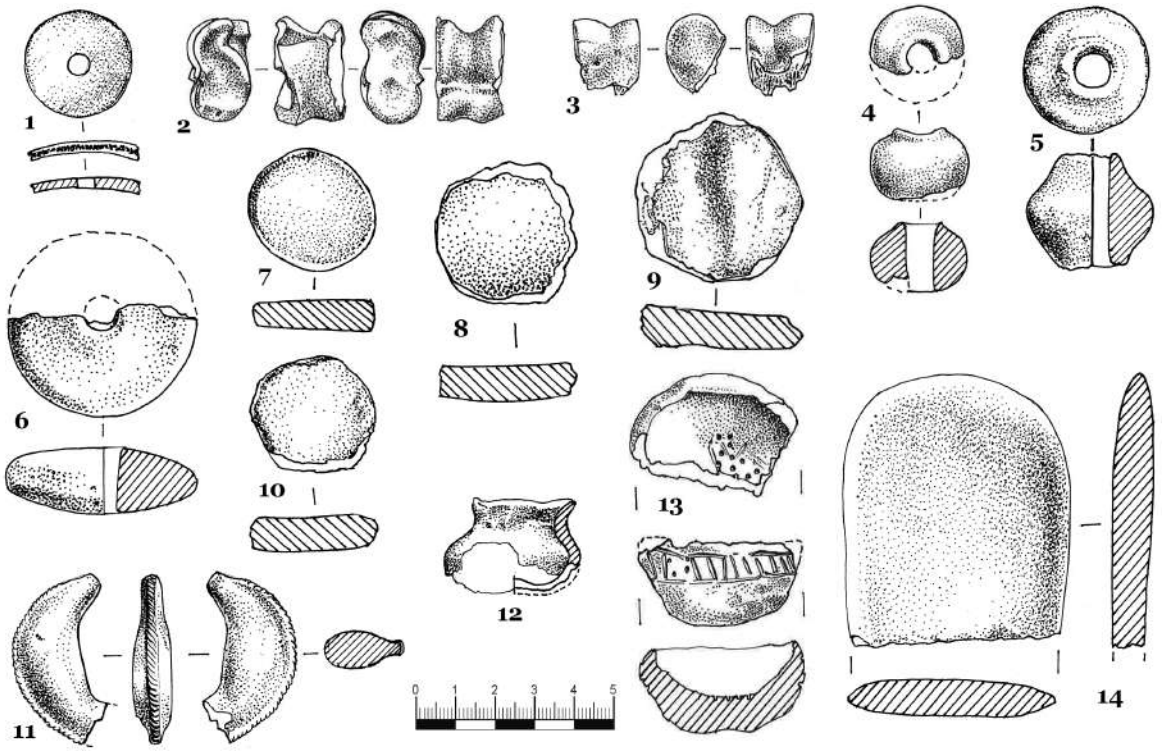


Fig. 10. Horodişte „La Cot”. Secţiunea nr. 4. Piese de inventar: 1-3 - os; 4-13 - lut/ceramică; 14 - piatră.

modelate cu mâna şi au diametrele cuprinse între 3,0 şi 4,2 cm, iar grosimile – între 0,7 şi 1,0 cm. Semifabricatele sunt cu marginile neprelucrate, având secţiunea uşor concavă (fig. 10/8-10), iar piesa finisată este bine şlefuită atât pe margini, cât şi pe cele două feţe ale sale (fig. 10/7). Fise întregi, precum şi semifabricate se întâlnesc în majoritatea siturilor atribuite culturii Saharna: Glinjeni „La Şanţ” (Гольцева, Кашуба 1995, таб. XLIII/4-5; XLV/6, 8, 9), Saharna „Rude” (Zanoci et al. 2022, fig. 17/5), Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă, Nicic 2007, fig. 3/5; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 53/6, 7) etc. De asemenea, astfel de piese sunt frecvent întâlnite şi în nivelele de locuire din alte perioade ale epocii fierului, cum ar fi în bordeiul datat în sec. VIII-VII a. Chr., într-o groapă încadrată în sec. VI-III a. Chr. şi în stratul cultural din aceeaşi perioadă de la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 94/4, 5; 126/22, 23; 148/23-28).

Fusaiole. Din această categorie fac parte o fusaiolă întreagă (fig. 10/5) şi două fragmentare (fig. 10/4, 6). Piesa întreagă, descoperită în stratul 1, la adâncimea de 0,18 m de la nivelul actual de călcare, a fost confecţionată dintr-o pastă de lut în amestec cu şamotă. Arderea este incompletă şi neuniformă, iar culoarea variază de la cărămiziu-deschis la cenuşiu-închis. Cu înălţimea de 3 cm, ea are forma bitronconică şi baza mare rotunjită. Orificiul transversal, al cărui diametru oscilează între 0,9 şi 1,0 cm, este asimetric în comparaţie cu diametrul maxim de 3,3 cm. Una dintre baze atinge un diametru de 1,5 cm, iar cea de-a doua – de 1,8 cm. Fusaiola aplatizată/elipsoidală (fig. 10/6), descoperită în stratul 3, a fost confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, având culoarea cărămizie. Piesa are înălţimea de 1,8 cm, iar orificiul, cu diametrul de 0,9-1,0 cm, se află centrat pe diametrul maxim de 5,0 cm. A treia fusaiolă (fig. 10/4), descoperită în stratul 2, la adâncimea de 35 cm, are forma globulară şi a fost confecţionată din pastă de lut în amestec cu şamotă, având culoarea cenuşie. Dimensiunile ei sunt reduse, atingând înălţimea de 1,9 cm, diametrul maxim de 2,5 cm şi diametrul orificiului de 0,7 cm.

Fusaiole aplatizate, globulare sau bitronconice, aproximativ de aceleaşi dimensiuni, sunt destul de răspândite în mediul cultural Saharna şi în cel

getic, fiind atestate la Glinjeni „La Şanţ”, Alcedar „La Cordon”, Mateuţi „La Başne”, Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” etc. (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. X/1, 6, 7; XXXIV/19; XL/6, 11, 18-20; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 66/1-10; 148/1-21).

Ştanţa (fig. 10/11) a fost realizată din pastă de lut fină, în a cărei compoziţie se observă degresanţi pisaţi foarte mărunt (şamotă?) şi mică. Arderea a fost uniformă, generând o culoare cărămizie, dovadă a arderii oxidante. Piesa are formă de semilună, cu partea concavă îngroşată, iar cea convexă – subţiată, pe ea fiind redate linii oblice prin intermediul inciziilor, care reprezintă negativul decorului ce se aplica pe suprafaţa vaselor. Unul dintre capete este modelat în formă de tub cu diametrul de 0,6×0,7 cm, celălalt fiind rupt. Ştanţa s-a păstrat pe o lungime de 4,4 cm, având lăţimea maximă de 1,9 cm în partea mediană şi grosimea maximă de 1,0 cm, iar grosimea părţii funcţionale, pe care sunt amplasate crestăturile, este de 0,3-0,4 cm. Ştanţele erau folosite pentru aplicarea decorului imprimat pe suprafaţa recipientelor nearse/umede. Conform formei în plan, piesa de la Horodişte se integrează în tipul I – ştanţe în formă de semilună, iar modelul şi elementele de decor imprimat (linii paralele dispuse oblic), aplicat cu această ştanţă, corespund tipului I B (după Ailincăi et al. 2005, 114, fig. 1/I B). Această piesă nu este unică în cadrul sitului Horodişte „La Cot”, o ştanţă similară fiind descoperită în secţiunea nr. 3/2021 (Zanoci, Scherf, Băţ 2023, 207, fig. 18/1; 19/1). Astfel de ustensile sunt frecvent întâlnite în siturile culturii Saharna din regiunea Nistrului de Mijloc, cum ar fi: Alcedar III (Кашуба 2000, рис. CXV/15), Saharna „Ţiglău” (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 2), Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Băţ, Zanoci 2021, fig. 8/21-25), Ţahnăuţi (Băţ 2017, fig. 7/2, 3), Mateuţi „La Başne” (Кашуба 2000, рис. XCV/21), Glinjeni „La Şanţ” (Гольцева, Кашуба 1995, табл. XLVIII/6, 7) etc. Ştanţe sunt cunoscute şi în mediul culturii Cozia, în situl fortificat de la Pocreaca „Cetăţuie” (Iconomu 1996, fig. 14/4, 6, 8). Acest tip de vestigii a apărut şi în siturile culturii Babadag, precum cele de la Babadag, Garvăn „Mlăjitul Florilor”, Niculiţel „Cornet” şi Ijdileni (Jugănaru 2005, 63, fig. 41/1-9). O ştanţă similară a fost descoperită şi în aşezarea hallstattiană de la Bucu-Pochină, din bazinul râului Ialomiţa (Renţa 2008, 105, fig. 147/5a). De asemenea, ele sunt atestate şi în arealul culturii Černoles (Гольцева, Кашуба 1995, 26).

Văscioare. Au fost descoperite două recipiente miniaturale, ambele modelate dintr-o pastă fină. Un văscior de culoare cenuşie, care s-a păstrat pe jumătate, repetă forma unui bol adâncit (fig. 10/13), cu înălţimea de 2,5 cm, diametrul maxim de 4,1 cm şi grosimea pereţilor de 0,2-0,9 cm. Pe partea interioară a fundului recipientului pot fi observate 11 împunsături cu diametrul de 0,1 cm, iar sub buza acestuia, în partea exterioară, a fost creat un decor prin incizie, compus din două linii circumferenţiale, spaţiul dintre ele fiind decorat cu linii oblice, între două dintre care se atestă patru împunsături. Al doilea recipient, de culoare cărămizie, repetă modelul cupelor/ceştilor în formă de „S”, cu fundul în formă de umbo (fig. 10/12). Acesta are înălţimea de 2,6 cm, diametrul gurii – 2,7 cm, diametrul gâtului – 2,4 cm, diametrul maxim al corpului – 3,1 cm şi diametrul fundului – cca 1,8 cm, iar grosimea pereţilor este de cca 0,3 cm. Văscioare asemănătoare au fost descoperite în nivelele de locuire din prima epocă a fierului a siturilor Glinjeni „La Şanţ” (Гольцева, Кашуба 1995, 24, таб. XLVIII/1, 3; LXXI/3), Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 80/28, 29) etc.

Ceramica

Lotul ceramic[6], atribuit epocii fierului şi descoperit în urma săpăturilor arheologice de salvare din situl Horodişte „La Cot”, înglobează 986 de fragmente de la diverse vase lucrate cu mâna (tabelul 1). Dintre acestea, 950 au fost atestate în secţiunea nr. 4 şi 36 au fost recuperate din solul excavat cu ocazia amenajării căsuţei şi a şanţului pentru instalarea reţelelor de apeduct şi canalizare.

De asemenea, lotul ceramic este reprezentat de câteva vase reîntregibile, precum un vas de tip borcan şi două cești.

Din punct de vedere tehnologic, ceramica din epoca fierului, descoperită în secţiunea nr. 4, poate fi împărţită în trei categorii principale: I – ceramică grosieră; II – ceramică semifină şi III – ceramică fină (diagrama 1). Conform statisticii, observăm că prevalează ceramica grosieră, urmată de cea semifină, iar pe ultimul loc se poziţionează ceramica fină.

[6] În urma cercetărilor arheologice, în secţiunea nr. 4 au fost descoperite fragmente ceramice din epocile eneolitică, a fierului şi perioada medievală. Numărul celor eneolitice şi medievale este nesemnificativ şi vor fi prezentate în raportul de săpătură.

Cultură	Strat	Oale				Străchini				Cești / cupe				Pixide				
		Buze	Pereți	Toarte	Funduri	Buze	Pereți	Toarte	Funduri	Buze	Pereți	Toarte	Funduri	Buze	Pereți	Toarte	Funduri	Capace
Cultura Saharna	P*	1	17			8				2	5	2	1					
	1	3	74		1	7				4	8							
	2	7	175	1	8	22				3	19	3	4					
	3	7	95		1	21				6	4	10	2					1
	4	3	28	1	1		1											
Cultura getică	1	10	80	1	3	2					1							
	2	23	162		16													
	3	12	113	1	6													
	4																	
Total		66	744	4	36	60	1	0	0	15	37	15	7	0	0	0	0	1
		986																

Tabelul 1. Numărul de fragmente de vase ceramice, descoperite în S4/2024, după cultură, strat şi tipul de fragment (P* - fragmente descoperite *passim* pe suprafaţa sitului arheologic, în pământul răvăşit de intervenţiile neautorizate din 2024).

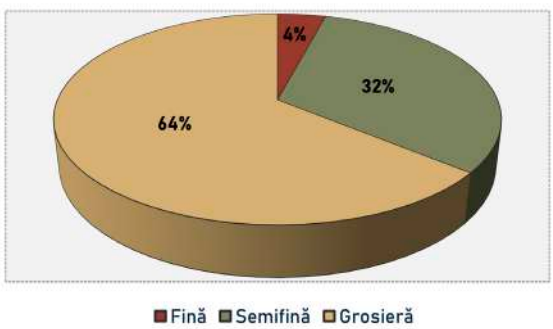


Diagrama 1. Procentajul total al ceramicii descoperite în S4/2024, conform grupelor tehnologice.

În secţiune, gama de culori variază de la monocromă la bicromă sau policromă, cu următoarele nuanţe: portocalie-deschisă, portocalie-închisă/cărămizie, brună, cenuşie-deschisă, cenuşie-închisă, neagră (fig. 11), în cazul unor cioburi semifine, când recipientele au ars secundar, ele au obţinut o culoare neagră sau cenuşie spre albăstrui-verzuie (fig. 11/39, 40), iar ceramica vitrificată posedă o culoare cenuşie, cenuşie-maronie, cu pori (fig. 11/16, 35). Culoarea în secţiune a ceramicii nu depinde de apartenenţa ei culturală, asemenea culori şi variaţii ale acestora se întâlnesc şi în alte medii culturale, cum ar fi, spre exemplu, ceramica culturii Noua-Sabatinovka-Coslogeni (Sîrbu 2023, 7). Culoarea ceramicii este tributară tipului de ardere: fie oxidant, fie reducător. Variaţiile coloristice ale cioburilor policrome în secţiune pot fi puse pe seama duratei de timp cât au fost menţinute la o anumită temperatură într-un mediu oxidant sau reducător.

Conform apartenenţei culturale, ceramica din epoca fierului, recuperată în secţiunea nr. 4 şi spaţiul adiacent, a fost divizată în ceramică din prima epocă a fierului (cultura Saharna) şi din a doua epocă a fierului (cultura getică).

Ceramica de tip Saharna

Ceramica culturii Saharna a fost descoperită în straturile 1-4 (diagrama 2), fiind cea mai numeroasă şi cea mai reprezentativă. Cantitativ, conform categoriilor tehnologice, se poziţionează astfel: grosieră – 59%, semifină – 35% şi fină – 6% (diagrama 3).

I – *Ceramica grosieră*. Vasele din această categorie au fost lucrate dintr-o pastă prost frământată, cu diverse ingrediente, precum: şamotă, calcar, scoică, pietricele sau materii vegetale (fig. 11/24, 25, 31, 34). Arderea este neuniformă şi incompletă, iar culoarea variază de la cărămiziu-închis la negru.

Această categorie este reprezentată de fragmente de vase-borcan cu buza dreaptă, puţin teşită, ce iese în exterior (fig. 12/1), precum şi cu buza puternic evazată (fig. 12/3). De asemenea, se întâlnesc oale care, pe lângă decorul în relief în

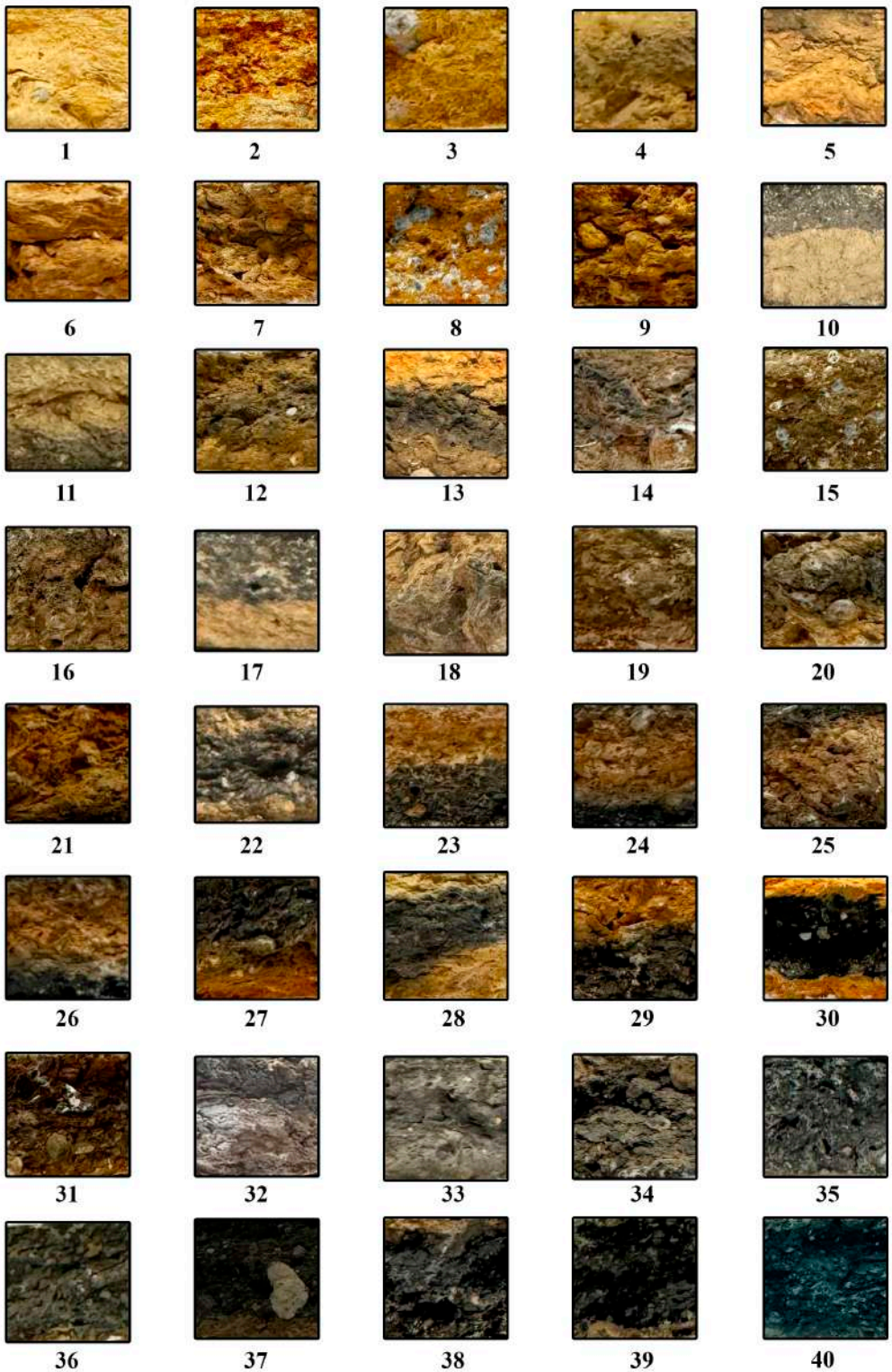


Fig. 11. Horodişte „La Cot”. Secţiunea nr. 4. Culoarea şi compoziţia pastei la diverse categorii de ceramică.

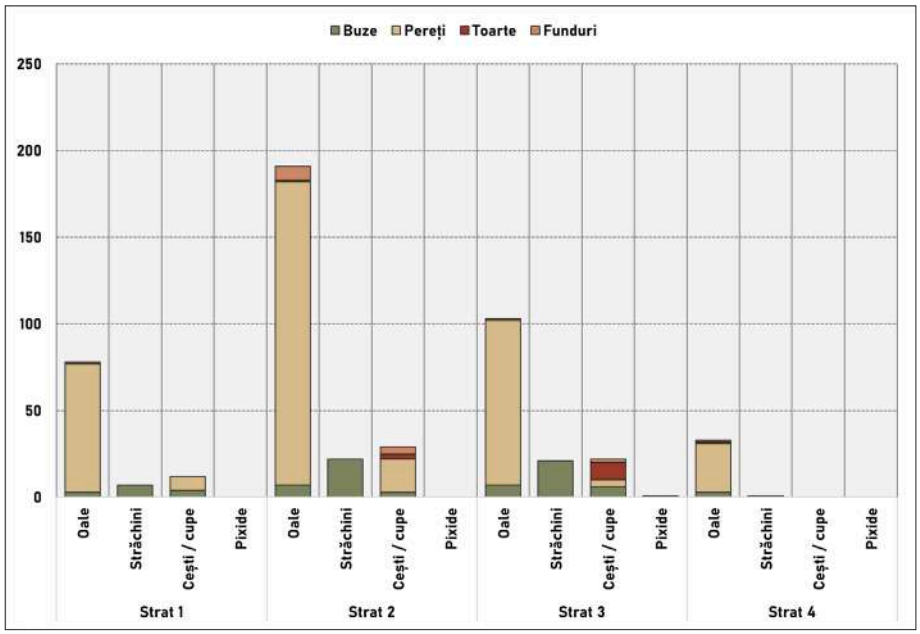


Diagrama 2. Numărul de fragmente de vase ceramice atribuite culturii Saharna, descoperite în S4/2024, după strat şi tipul de vas.

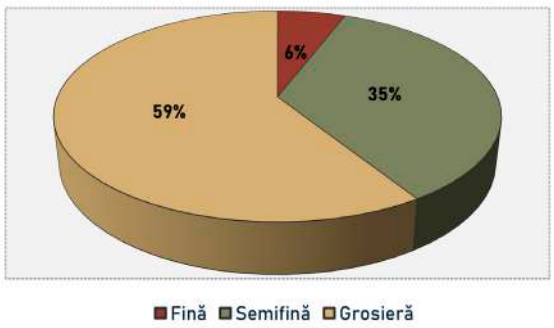


Diagrama 3. Procentajul ceramicii atribuite culturii Saharna, descoperite în S4/2024, conform grupelor tehnologice.

formă de brâu alveolat, au dispuse pe buză crestături oblice ce imită brâul răsucit (fig. 12/2).

Vasele-borcan, cu brâu alveolat în relief, au o largă răspândire în siturile din prima epocă a fierului, fiind documentate la Saharna Mică (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 9/4, 5; 11/13, 14), Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii" (Niculiță, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 40/4, 12; 43/14; 44/18; 45/10, 12; 49/10, 15; Niculiță, Zanoci, Băț 2016, fig. 40/8-11; 41/5; 45/11-13, 16; ș.a.), Saharna „Rude" (Zanoci et al. 2022, fig. 15/4, 12), Horodişte „La Şanţ"/„La Cot" (Niculiță, Zanoci, Băț 2014, fig. 8/5; 11/7; Zanoci, Scherf, Băț 2023, fig. 20/14) etc.

Mai rar sunt întâlnite vasele decorate prin excizarea oblică, la intervale regulate, a unei porțiuni din buză, înainte de ardere, astfel încât ea să capete un profil văluros şi să dea impresia unui brâu răsucit (fig. 12/2). În mediul cultural Saharna, fragmente de vase cu astfel de buză, însoțită de un brâu alveolat în relief la baza gâtului a fost atestat în aşezarea Glinjeni „La Şanţ" (Гольцева, Кашуба 1995, таб. LIV/2).

II – *Ceramică semifină*. Recipientele din această categorie au fost modelate dintr-o pastă bine frământată, în a cărei compoziție se atestă şamotă mărunță, nisip sau scoică, pisate mult mai mărunt decât în ceramica grosieră (fig. 11/12-14, 21-23, 26-30, 32, 36-40). De asemenea, în două cazuri, s-au atestat ca degresant mici cochilii de moluşte (fig. 11/8, 15). Un aspect distinctiv al acestei categorii este lustrul aplicat pe suprafața recipientelor – fie pe partea exterioară sau interioară, ori pe ambele părți. Culoarea pe suprafața interioară sau exterioară, în funcție de tipul de ardere, poate fi cărămizie, cenuşie sau neagră, ori pot crea combinații dintre aceste culori. Din categoria ceramicii semifine se evidențiază fragmente de la vase-chiup şi de la străchini.

Vasele-chiup sunt reprezentate de fragmente de la recipiente cu buza puternic evazată (fig. 12/4) sau cu buza uşor evazată, cu decor imprimat în zona gâtului (fig. 12/5).

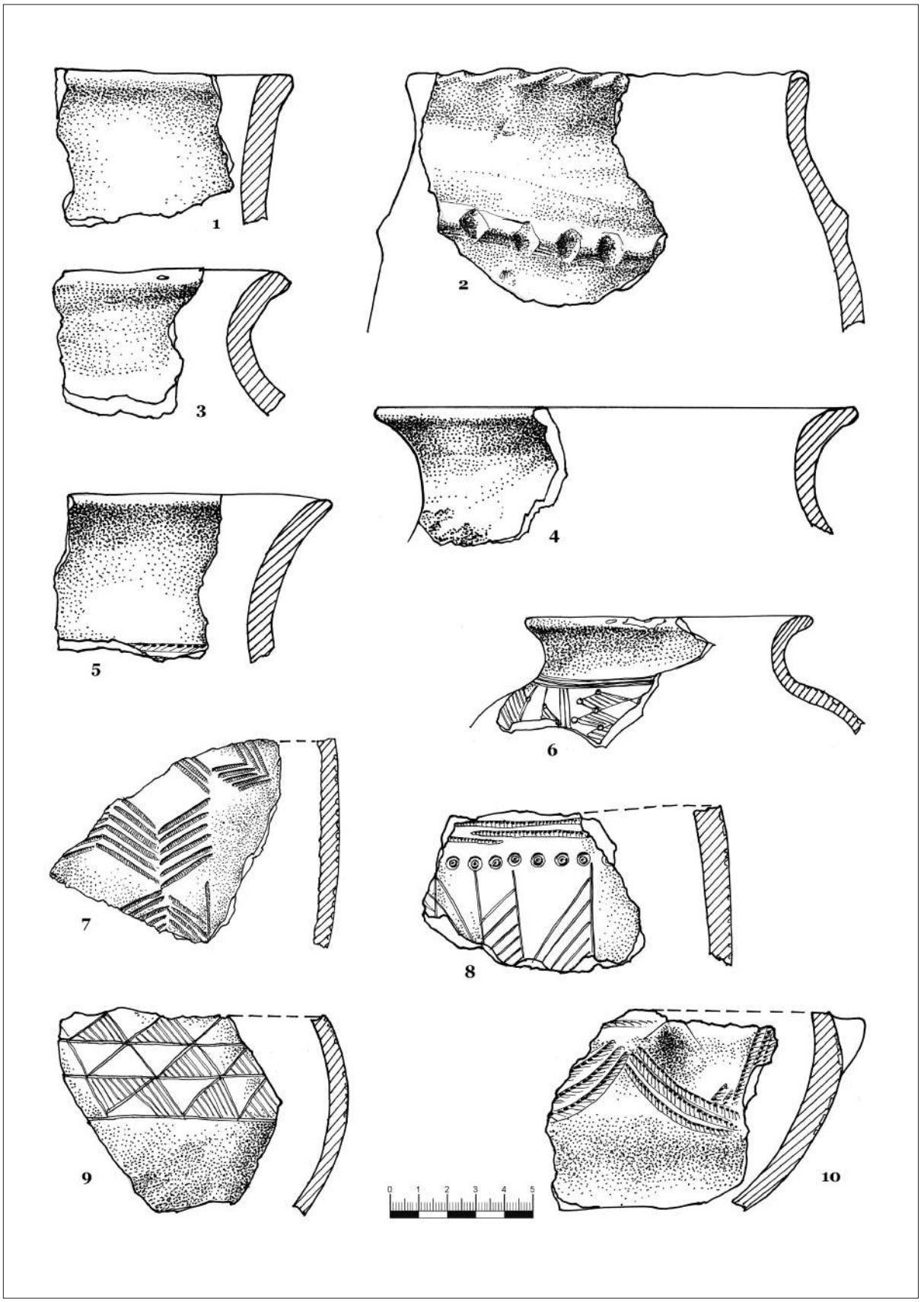


Fig. 12. Horodişte „La Cot". Secţiunea nr. 4. Profiluri şi pereţi de oale cu decor, atribuite culturii Saharna: 1-3 - ceramică grosieră; 4, 5, 7-10 - ceramică semifină; 6 - ceramică fină (desen S. Burciu).

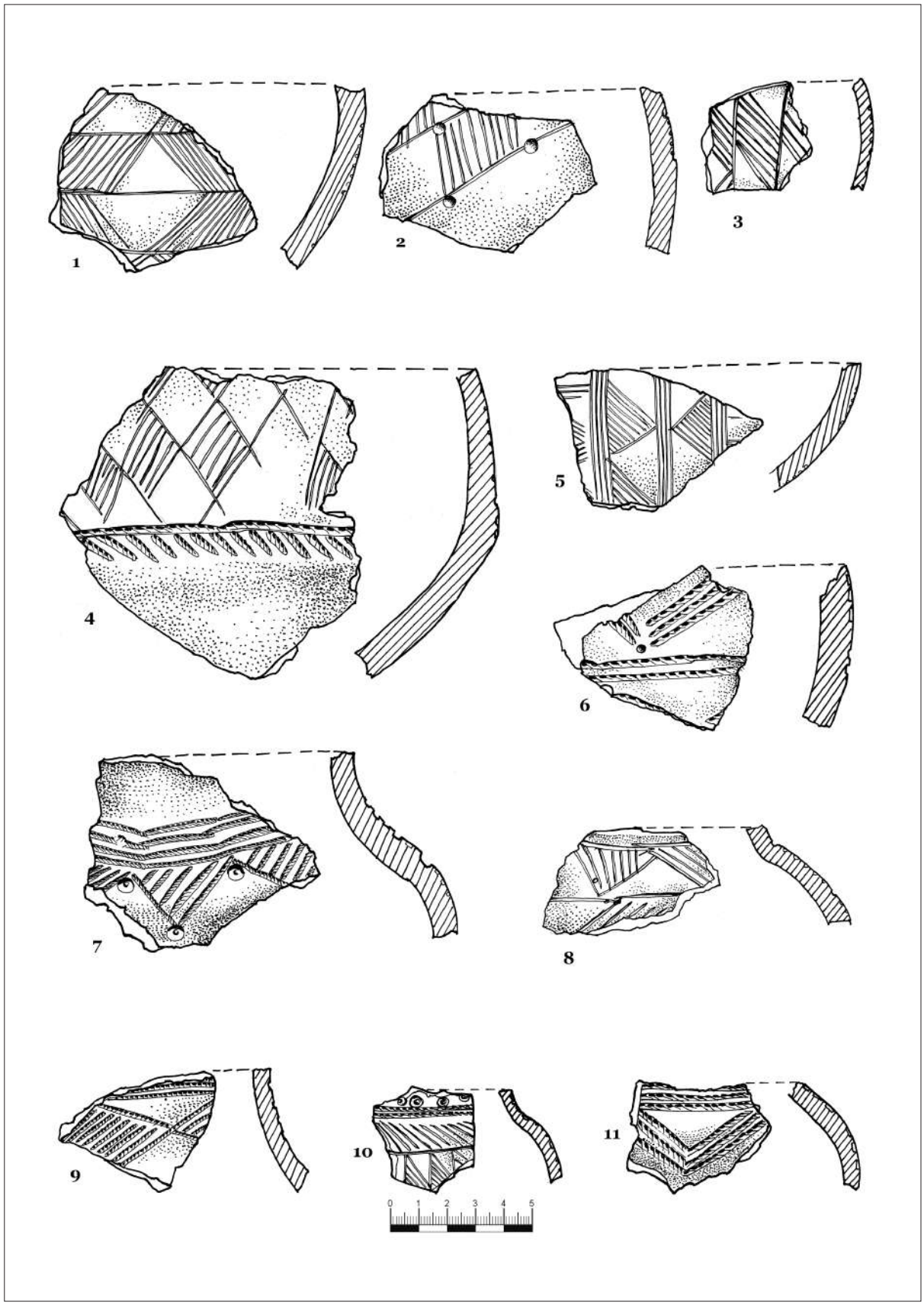


Fig. 13. Horodişte „La Cot”. Secţiunea nr. 4. Ceramică semifină.
Pereţi de la oale cu decor atribuite culturii Saharna (desen S. Burciu).

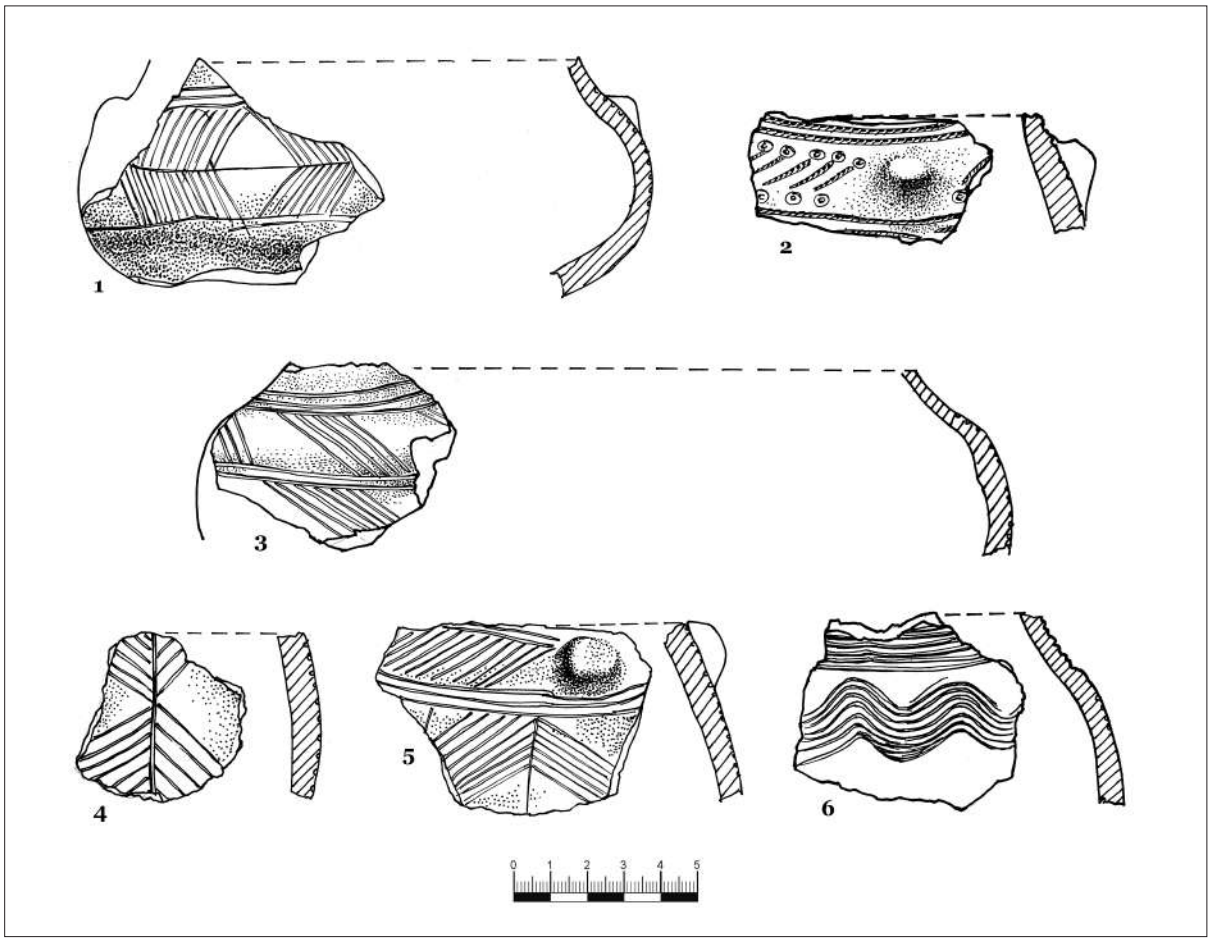


Fig. 14. Horodişte „La Cot”. Secţiunea nr. 4. Pereţi de la oale cu decor, atribuite culturii Saharna: 1, 3 - ceramică fină; 2, 4-6 - ceramică semifină (desen S. Burciu).

În general, vasele de acest tip au un decor mai complicat decât oalele din categoria ceramicii grosiere. De exemplu, unul dintre fragmentele de chiup scoase la suprafaţă (fig. 13/11) etalează un decor ştanţat din trei benzi orizontale la baza gâtului şi altele trei, în zigzag, sub ele. Un exemplar similar, dar cu zigzag format din doar două dungi şi cu profilul vasului mai drept a fost furnizat de cercetările arheologice de la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă et al. 2019, fig. 7/19).

Un alt fragment de chiup (fig. 13/4) dispune de un brâu în relief cu linii oblice ştanţate, amplasat în zona diametrului maxim al vasului. Deasupra brâului se găseşte un registru ornamental, compus dintr-o reţea de romburi incizate, fie haşurate, fie goale, mărginite în partea de jos de o bandă orizontală imprimată. Chiupuri cu formă şi decor similar au fost atestate la Saharna „Ţiglău” (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 39), cu mici diferenţe în elementele decorative.

De asemenea, prezintă interes un fragment ce are decorul alcătuit din striuri liniare, amplasate în două registre, unul fiind alcătuit din 6-7 rânduri paralele în regiunea unde se termină gâtul, urmat de un mic prag, după care începe trunchiul ornamentat cu linii ondulate (fig. 14/6). Astfel de decor se întâlneşte frecvent în mediul cultural Saharna, fiind documentat la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii” (Niculiţă, Nicic 2007, fig. 6/18; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 34/10, 11), Solonceni „Hlinaia” (Кашуба 2000, рис. LXXXIII/9) etc. De asemenea, acesta este atestat şi pe unele vase ale culturii Babadag (Jugănaru 2005, fig. 20/7), precum şi pe recipiente din prima epocă a fierului din aşezările din bazinul râului Ialomiţa – Platonești „Valea Babii” şi Vlădeni „La Vii” (Renţa 2008, fig. 77/5; 79/10; 83/7), fiind datate în sec. X-IX a. Chr. (Ailincăi 2013, 272).

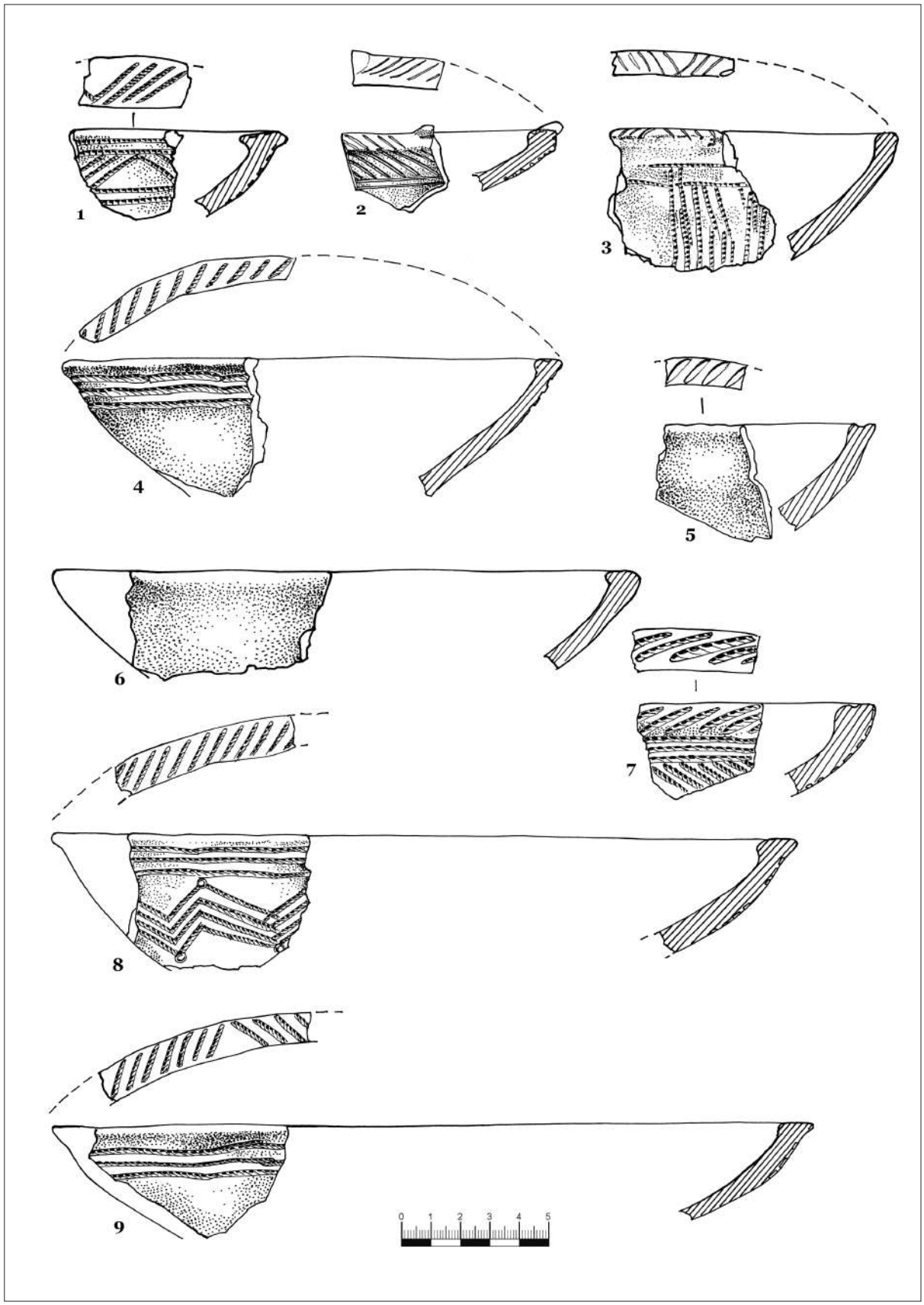


Fig. 15. Horodişte „La Cot”. Secţiunea nr. 4. Străchini cu decor incizat şi imprimat, atribuite culturii Saharna (desen S. Burciu).

Străchini. În mare parte, străchinile pot fi distinse după fragmentele de buze, datorită prezenţei decorului şi a profilului tipic, şi, mai rar, după fragmentele de pereţi sau funduri. În cadrul secţiunii nr. 4 din situl Horodişte „La Cot" au fost atestate 58 de fragmente de buze, ce provin de la mai multe străchini adâncite, de tip bol, sau tronconice.

După forma buzei, se atestă străchini cu marginea teşită, ce se răsfrânge în ambele părţi, mai pronunţat (fig. 15/1) sau mai lin (fig. 15/4, 8, 9; 16/4, 8); cu buza evazată (fig. 16/6, 7); cu buza invazată (fig. 15/6; 16/3); cu buza dreaptă, puţin îngroşată (fig. 15/7) sau subţiată (fig. 15/5); cu buza rotunjită (fig. 15/3; 16/2).

Majoritatea străchinilor sunt ornamentate cu decor imprimat, doar în două cazuri fiind atestat decorul incizat pe buză (fig. 15/3) sau pe buză şi pe corp (fig. 15/2). La unele exemplare se atestă decor în relief în formă de proeminenţe/tortiţe (fig. 15/2; 16/1, 5). Decorul imprimat este alcătuit din benzi dispuse oblic pe partea superioară a buzelor ori amplasate orizontal, sub buză. Pe pereţii străchinilor decorul imprimat poate fi dispus vertical ori poate alcătui zigzaguri şi triunghiuri, care, în unele cazuri, au imprimat câte un punct în vârf. De asemenea, se întâlnesc exemplare care au imprimate cerculeţe pe buză, sub buză şi pe pereţi (fig. 16/1).

Două fragmente de strachină au un registru ornamental lateral, format din trei benzi ştanţate sub buză, urmat de trei (fig. 16/7) sau patru (fig. 15/8) rânduri de zigzaguri, fiecare colţ exterior fiind marcat de cercuri imprimate. Buza acestora este decorată, la rândul ei, cu linii oblice imprimate.

Printre fragmente se numără şi o buză cu decor compus din linii oblice ştanţate, amplasate pe buză, iar pe trunchi se găseşte un registru ornamental, compus din două perechi de linii paralele orizontale ştanţate, între care au fost imprimate linii oblice cu dispoziţie alternantă, spre stânga sau dreapta, în zona de tranziţie formând un triunghi (fig. 15/1).

Străchini similare celor descoperite în secţiunea nr. 4 de la Horodişte „La Cot" sunt atestate în nivelele de locuire din prima epocă a fierului de la Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 45/7; 59/5; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 34/1), Saharna „Ţiglău" (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 56/7; 80/29; 116/1), Saharna „Rude" (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 257/2, 3), Solonceni „Hlinaia" (Кашуба 2000, рис. LXXXIV/15, 17), Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 76) etc.

III – *Ceramica fină* este realizată din lut, în amestec cu nisip şi, mai rar, cu scoică şi şamotă pisate foarte mărunt (fig. 11/1, 3, 5, 10, 11, 17, 33). Pe majoritatea recipientelor se observă un lustru îngrijit pe partea exterioară, interioară sau pe ambele părţi. În urma analizei ceramicii, acestei categorii i-au fost atribuite ceştile, cupele, pixidele şi unele vase cu corpul bombat.

Ceştile descoperite în situl Horodişte „La Cot" sunt reprezentate de două exemplare, practic, întregi, de la care lipsesc doar tortiţele supraînălţate, şi 73 de fragmente de buze, pereţi, funduri, tortiţe sau butoni de la ele. Acestea au fost lucrate dintr-o pastă de lut fină, în amestec cu nisip mărunt, fiind arse – fie oxidant, fie reducător – şi căpătând pe toată suprafaţa o culoare cărămizie, cenuşie, cu nuanţe de maroniu sau cenuşiu închis, atât în interior, cât şi în exterior. Ceştile întregi (fig. 17) au profilul S-oidal, cu un mic prag în zona diametrului maxim şi o proeminenţă aplatizată pe partea frontală. Fundurile vaselor sunt bombate, cvasicalotiforme, cu denivelare de tip umbo în mijloc. Suprafaţa ceştilor, de un cărămiziu-deschis spre bej, este bine lustruită între buză şi diametrul maxim (zona decorului), precum şi pe partea dintre fund şi decor. Înălţimea ceştii nr. 1 (fig. 17/1) atinge 7,0 cm în partea frontală şi 5,8 cm în zona toartei; diametrul maxim, în zona de mijloc, este de 9,3-9,6 cm, pe când diametrul gurii este de 8,5-8,6 cm. Înălţimea ceştii nr. 2 (fig. 17/2) atinge 7,5 cm în zona frontală şi 6,6 cm în zona toartei; diametrul maxim în zona de mijloc este de 9,8-10,0 cm, iar diametrul gurii – de 9,7 cm.

Decorul de pe corpul ceştilor este amplasat în partea mediană a acestora, pe suprafaţa diametrului maxim, fiind compus din două registre. Registrul principal este încadrat de două linii incizate, aplicate pe circumferinţă: una – în partea superioară a umărului şi cea de-a doua – sub diametrul maxim al vaselor. Aceste linii şi ornamentul dintre ele se întrerup în zona toartei ceştilor. Decorul din interiorul liniilor paralele este compus din segmente de linii incizate, dispuse în perechi, oblice una faţă de alta, formând, astfel, nişte brăduţi în poziţie orizontală. Ceaşca nr. 1 (fig. 17/1) are şapte brăduţi orizontali, dintre care patru – până la proeminenţa din centrul ceştii şi trei – după aceasta. Ceaşca nr. 2 (fig. 17/2) posedă şase brăduţi orizontali, dispuşi

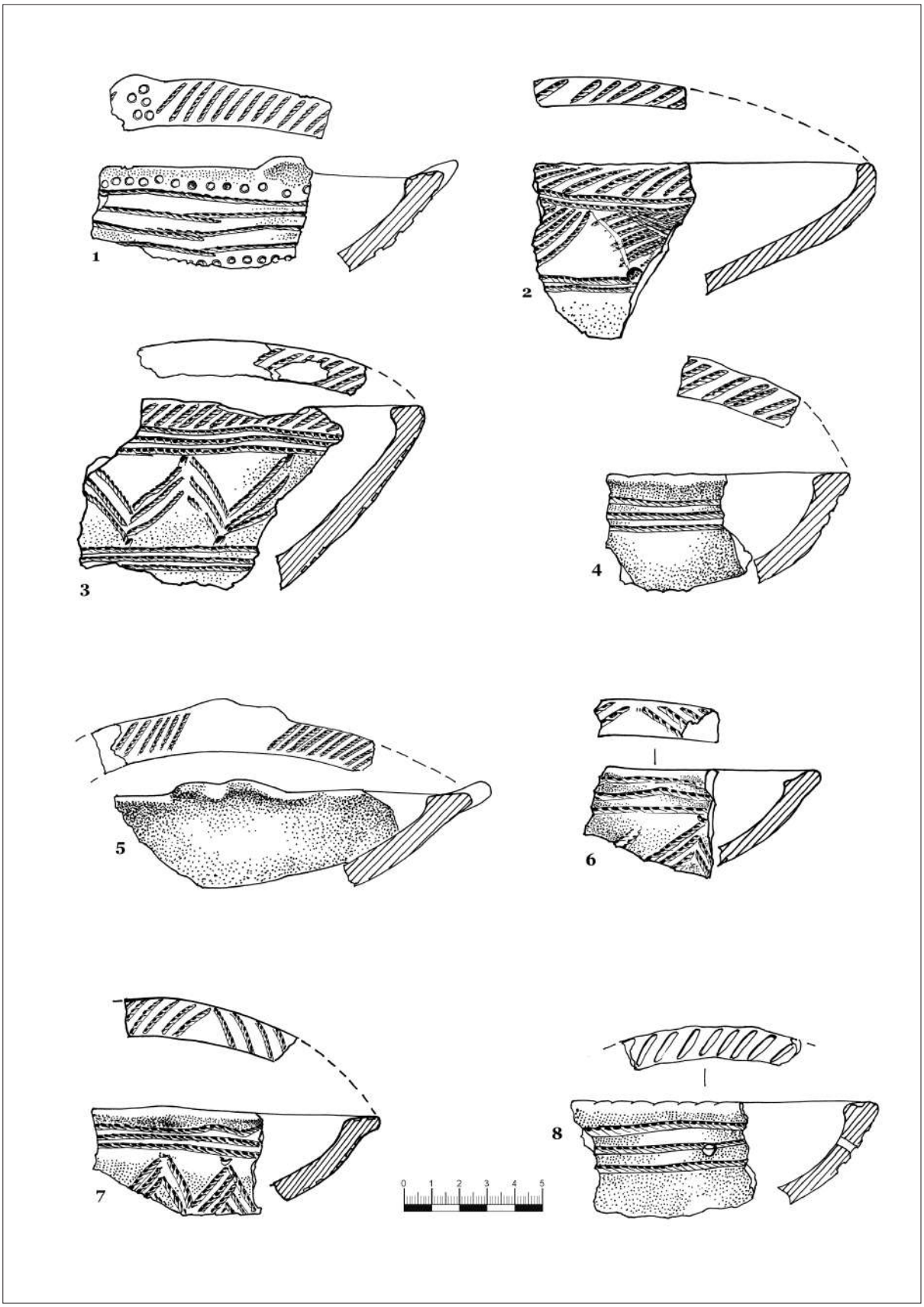


Fig. 16. Horodişte „La Cot”. Secţiunea nr. 4. Străchini cu decor imprimat, atribuite culturii Saharna (desen S. Burciu).

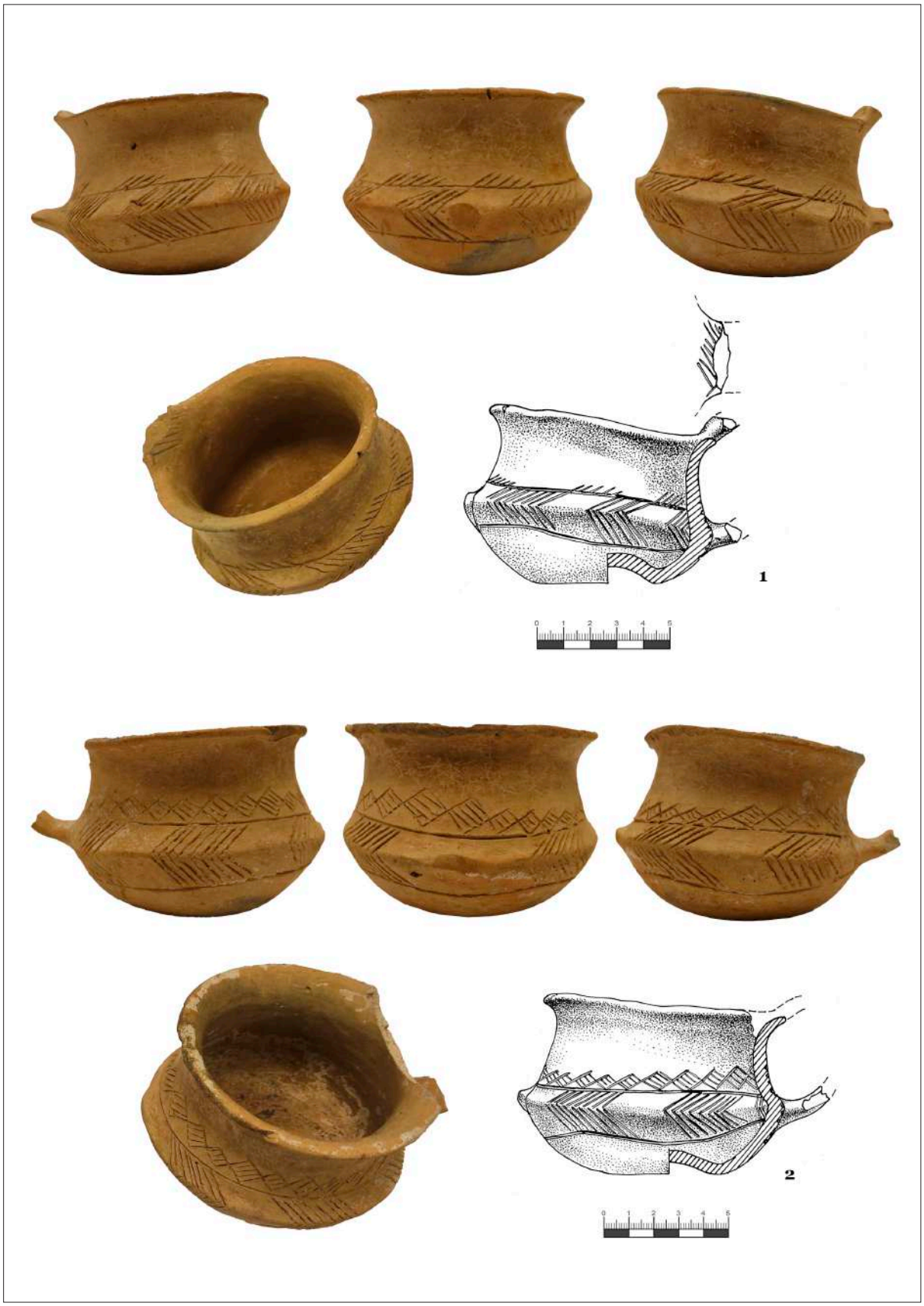


Fig. 17. Horodişte „La Cot”. Secţiunea nr. 4. Cești
(desen S. Burciu, foto V. Dulgher).

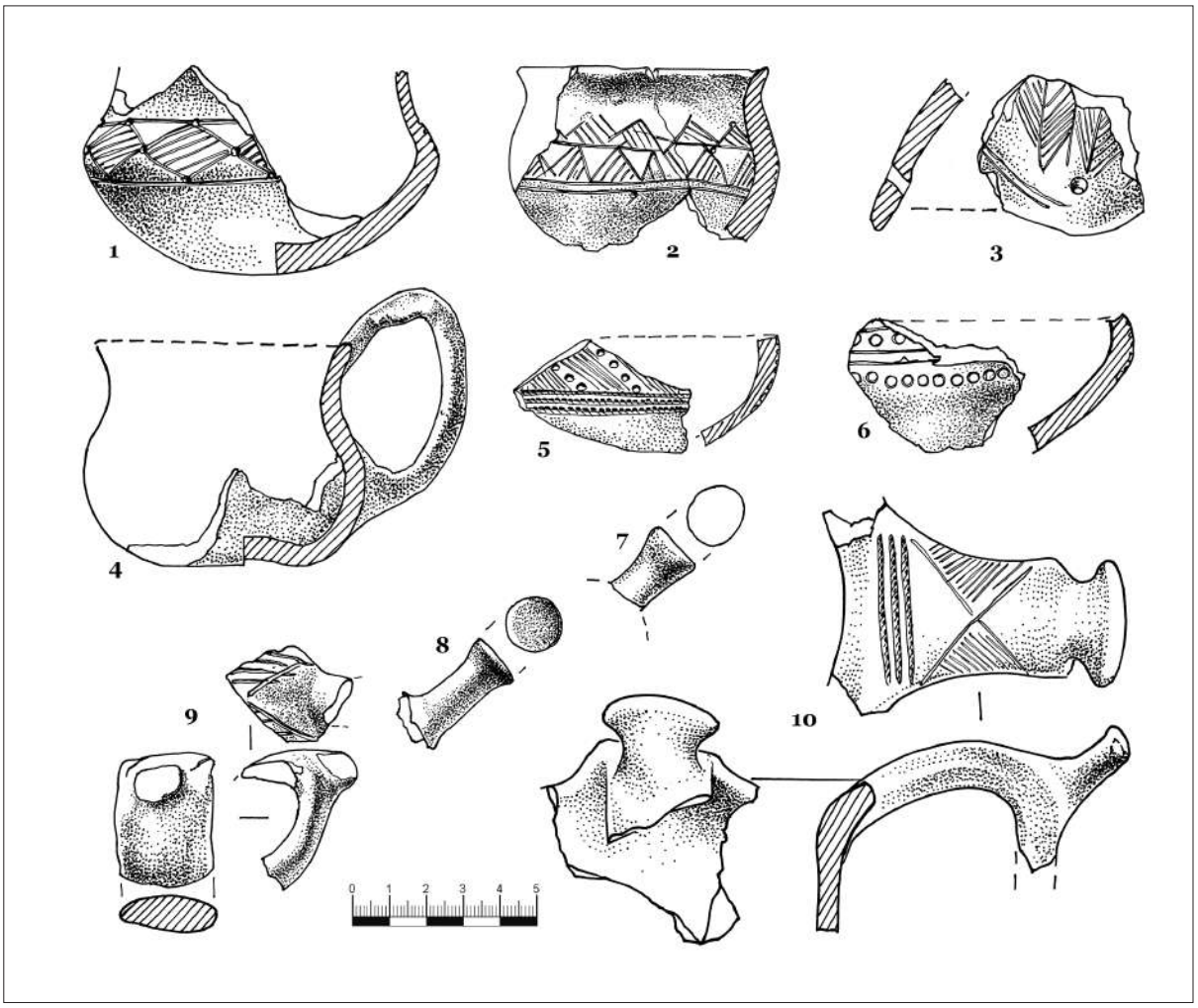


Fig. 18. Horodişte „La Cot”. Secţiunea nr. 4. Ceramica fină atribuită culturii Saharna: 1, 4-10 - profiluri şi fragmente de cupe/cești; 2 - cupă; 3 - fragment de capac pentru pixidă (desen S. Burciu).

câte trei de ambele părţi ale proeminenţei centrale. Al doilea registru de decor se prezintă diferit pentru fiecare dintre cele două cești. Astfel, ceaşca nr. 1 (fig. 17/1) dispune de opt segmente de decor liniar, incizat pe circumferinţa de deasupra umărului şi brăduţilor, liniile fiind înclinate oblic spre dreapta şi dispuse în spaţiile libere dintre brăduţii orizontali. Ceaşca nr. 2 (fig. 17/2) are registrul superior compus din 23 de romburi, creând astfel o ghirlandă. Acest brâu a fost aplicat, la fel, prin tehnica inciziei, fiecare romb având câte două, trei sau patru linii incizate în interiorul lor, poziţionate oblic spre stânga.

De asemenea, se evidenţiază şi un fragment de la o ceaşcă (fig. 18/1) cu profilul în formă de „S”, cu muchia rotunjită şi fundul plat. Decorul, amplasat pe linia diametrului maxim, constă dintr-un registru format din două linii paralele incizate, între care, tot prin incizare, sunt realizate romburi haşurate, ale căror vârfuri sunt decorate cu câte o mică împunsătură/imprimare circulară.

Decorul de pe tortiţele descoperite în secţiunea nr. 4 este incizat, imprimat sau combinat. De exemplu, în cazul tortiţei cu proeminenţă aplatizată (fig. 18/10), avem un decor complex, compus din trei linii orizontale, imprimate paralel, iar deasupra lor este plasat un decor incizat, format din două triunghiuri orizontale contrapuse (clepsidră orizontală), în interiorul lor fiind plasate linii oblice incizate. Spaţiile adiacente nedecorate creează impresia a două triunghiuri libere, contrapuse şi dispuse vertical (clepsidră verticală). Pe un alt fragment de la o tortiţă se observă un decor incizat, compus din două triunghiuri contrapuse, care încadrează butonul între ele. Aceste triunghiuri sunt compuse din câte patru linii oblice

înclinate spre stânga, iar capetele lor sunt întretăiate de o altă linie incizată orizontal (fig. 18/9).

Din cele prezentate mai sus se observă că decorul de pe ceştile de la Horodişte nu este unul standardizat, el fiind, în cele mai frecvente cazuri, unul individual pentru fiecare recipient. Însă, luate aparte, elementele decorative, precum şi forma ceştilor îşi găsesc numeroase analogii în arealul culturii Saharna, în siturile de la Saharna Mare /„Dealul Mănăstirii" (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 47/4; 79/7; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 74/2; Niculiţă et al. 2019, fig. 13/5), Saharna „Ţiglău" (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 83/2; 88/2; 105), Solonceni „Hlinaia" (Кашуба 2000, рис. LXXXIV/14), Mateuţi „La Başne" (Кашуба 2000, рис. XCIII/13), Alcedar III (Кашуба 2000, рис. CXI/4) etc.

De asemenea, cești asemănătoare se întâlnesc în această perioadă în mediile culturale Cozia (Iconomu 1996, fig. 11/2; 13/3), Babadag (Ailincăi 2013, fig. 25), Belozerka (Ванчугов 1990, рис. 28/5) etc.

Din secţiunea nr. 4 de la Horodişte „La Cot" provine şi un fragment de ceaşcă fără decor (fig. 18/4), cu toarta supraînălţată (fără buton). Recipiente similare au mai fost descoperite în acest sit şi anterior, în secţiunea 3/2021 (Zanoci, Scherf, Băţ 2023, fig. 18/2; 19/17). Astfel de vase sunt încadrate frecvent în orizontul cultural Holercani-Hansca, ele fiind descoperite în siturile de la Holercani (Levițki 1994, pl. 2/3-5), Hansca „La Matcă" (Levițki 1994, pl. 4/4-6), Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 32/1; Niculiţă et al. 2016, fig. 178/16; 183/6, 11), Coşniţa (Levițki 1994, pl. 8/4) etc.

Cupele sunt atestate printr-un exemplar cu profilul S-oidal, de culoare cenuşie-deschisă, cu decor compus din două şiruri de triunghiuri şi linii incizate (fig. 18/2). Ghirlandele de triunghiuri sunt suprapuse, iar rândul de jos este delimitat la bază de două linii paralele. Asemenea vase se întâlnesc frecvent în regiunea Nistrului Mijlociu, atât în nivelurile de locuire atribuite culturii Holercani-Hansca (Saharna Mică – Niculiţă et al. 2016, fig. 176/5; 183/1, 2, 4; Solonceni „Hlinaia" – Кашуба 2000, рис. LXXX/7, 9; Saharna „Ţiglău" – Zanoci, Băţ 2024, pl. 5/6), cât şi în cele ale culturii Saharna (Saharna Mare /„Dealul Mănăstirii" – Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 74/9, 11; Saharna „Ţiglău" – Niculiţă, Nicic 2014, fig. 68/6; Mateuţi „La Başne" – Кашуба 2000, рис. XCIII/10).

Pixidele sunt reprezentate de un fragment ce provine de la un capac de formă tronconică, înzestrat pe margine cu o perforaţie circulară pentru prindere/fixare. Pe fragmentul păstrat este prezent decorul incizat, în formă de creangă de brad, umplut cu pastă albă (fig. 18/3). Un fragment asemănător a fost descoperit în nivelul de locuire, atribuit culturii Saharna din aşezarea Saharna I (Кашуба 2000, рис. XXXII/31). Acest tip de capace este cunoscut şi în arealul culturii Babadag (Ailincăi 2013, fig. 26/A). În regiunea Nistrului de Mijloc, vasele de tip pixidă sunt întâlnite atât în necropolele din prima epocă a fierului de la Saharna „Ţiglău" (Кашуба 2000, рис. LVII/28; LVIII/19; LIX/9), Alcedar (Кашуба 2000, рис. XXXII/35) şi Saharna „Gura Hulboacei" (Кашуба 2000, рис. LXIII/8), cât şi în aşezările din această perioadă: Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii" (Кашуба 2000, рис. XXXII/37; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 74/21), Saharna „Ţiglău" (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 76/14), Ţahnăuţi (Băţ 2017, fig. 9/3, 6) etc.

Vase cu corp bombat. Tipul este reprezentat de fragmente de pereţi de la zona mediană (fig. 14/1, 3) a recipientelor. Ele sunt înzestrate cu decor incizat, umplut cu pastă albă[7], alcătuit din linii orizontale sau oblice, care creează romburi ori triunghiuri cu interiorul haşurat. Pe unul dintre recipiente (fig. 14/1), de rând cu ornamentul incizat, pe umărul vasului au fost aplicate mici proeminenţe. Vase de acest tip au fost atestate în mai multe aşezări atribuite culturii Saharna, precum Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 78/4), Saharna „Ţiglău" (Niculiţă, Nicic 2014, fig. 75/16; 76/5), Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii" (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 81/10, 15) etc.

[7] Pasta albă a fost sesizată pe mai multe fragmente de ceramică, ornamentate prin incizii sau imprimare, atribuite culturii Saharna şi descoperite în secţiunea nr. 4. Pasta albă, ca parte a decorului, de pe vase precum oale-chiup, străchini, cești, cupe sau pixide este frecvent utilizată în arealul culturii Saharna (Кашуба 2000, 308), fiind documentată pe ceramica din aşezările Saharna „Ţiglău" (Niculiţă, Nicic 2014, 33), Glinjeni „La Şanţ" (Гольцева, Кашуба 1995, 21), Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii" (Băţ, Zanoci 2021, 24-25), precum şi din necropolele Saharna „Ţiglău", Poiana (Кашуба 2000, 370, рис. LVII/28; 402, рис. LXVIII/5). Această practică a fost utilizată în regiunea Nistrului Mijlociu şi în perioada următoare, în mediul culturii Basarabi-Şoldăneşti (Гольцева, Кашуба 1995, 35, таб. LXXVI; Kulkova et al. 2020, tab. 1) şi în arealul culturii Zhabotin, din silvostepa nord-pontică (Кайзер и др. 2017, 149; Kulkova et al. 2020, tab. 1). Acest fenomen nu este caracteristic doar primei epoci a fierului, el fiind întâlnit în Europa din neolitic până în epoca fierului (Кайзер и др. 2017, 148-149; Kulkova et al. 2020).

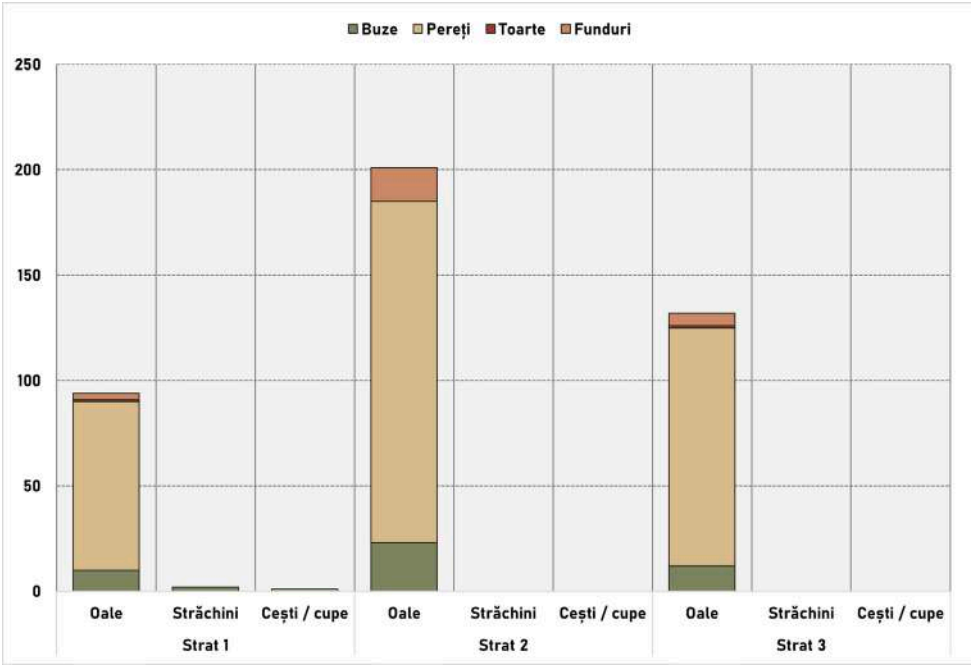


Diagrama 4. Numărul de fragmente de vase ceramice atribuite culturii getice, descoperite în S4/2024, după strat şi tipul de vas.

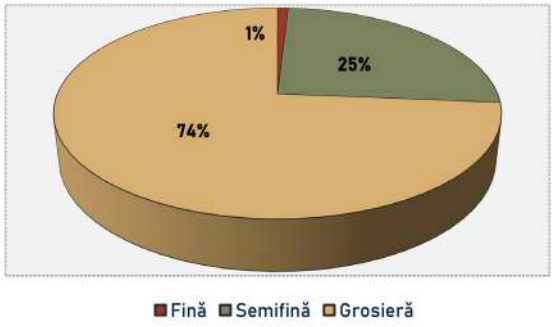


Diagrama 5. Procentajul ceramicii atribuite culturii getice, descoperite în S4/2024, conform grupelor tehnologice.

Ceramica culturii getice

Ceramica culturii getice a fost concentrată, preponderent, în stratul 2, fiind mai puţin numeroasă în straturile 1 şi 3 (diagrama 4). Ea, ca şi în cazul culturii Saharna, a fost împărţită în trei categorii tehnologice: grosieră – 74%, semifină – 25% şi fină – 1% (diagrama 5). În toate cele trei cazuri, vasele au fost arse în mediu oxidant, căpătând o culoare cărămizie deschisă, uneori pe suprafaţa lor se observă pete cenuşii, dovadă a arderii incomplete. În secţiune, cel mai frecvent, sunt de culoare cărămizie (fig. 11/6, 7, 9), dar se atestă şi culori îmbinate (fig. 11/2, 4, 18, 19, 20).

I – *Ceramica grosieră*, de regulă, a fost lucrată dintr-o pastă prost frământată cu diverse ingrediente, precum şamota măşcată, pietricele sau materii vegetale (fig. 11/7, 9). Suprafaţa exterioară a vaselor variază de la zgrunţuroasă la netezită.

Din această categorie se evidenţiază un vas (fig. 19), descoperit aproape întreg, la adâncimea de 0,20-0,30 m de la suprafaţa actuală de călcare. Recipientul a fost modelat dintr-o pastă de lut fărâmicioasă, în amestec cu şamotă şi pietricele mărunte. În urma unei arderi uniforme (oxidantă), a căpătat culoarea cărămizie-deschisă. Vasul are buza uşor evazată, gâtul scund, trunchiul puţin bombat, care, spre fund, capătă o formă tronconică şi fundul este puţin profilat. Înălţimea recipientului este de 19,0 cm, diametrul gurii – de 14,0 cm în interior şi de 16,0 cm la exterior, diametrul gâtului – de 15,5 cm, diametrul maxim – de cca 18,5 cm, iar diametrul fundului – de 10,0 cm. Grosimea buzei este de cca 0,9-1,0 cm, a pereţilor variază între 0,8 cm la gât şi 0,9 cm în partea diametrului maxim, iar a fundului – de cca 1,2 cm. Recipientul este înzestrat cu brâu alveolat având lăţimea de 0,8-1,0 cm, amplasat în partea superioară, la o distanţă de

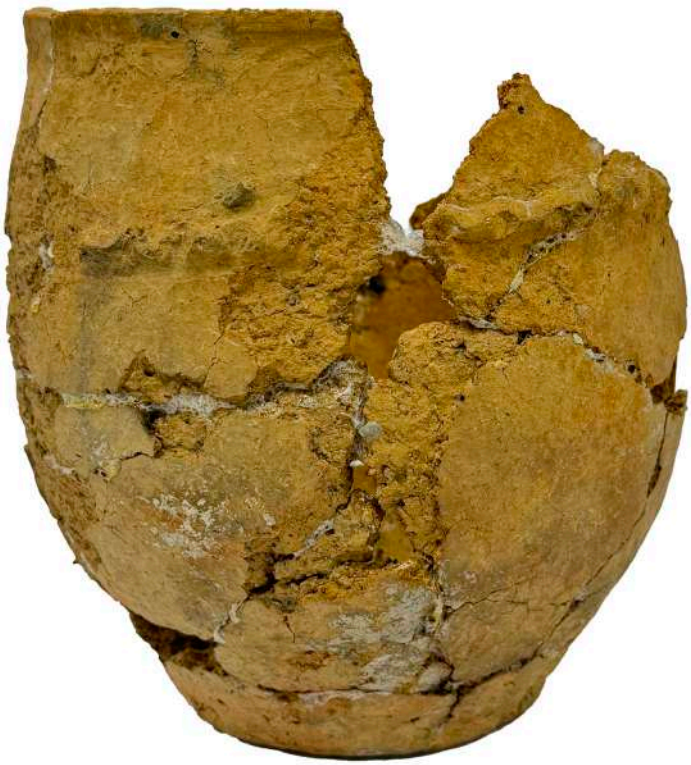


Fig. 19. Horodişte „La Cot”. Secţiunea nr. 4. Vas atribuit culturii getice.

cca 3,8-4,8 cm de la margine. Vase asemănătoare au fost documentate în nivelurile de locuire din a doua epocă a fierului de la Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 36/1), Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 105/2; 124/5), Saharna I (Zanoci, Băţ 2023, fig. 184) etc.

De asemenea, ceramica grosieră este reprezentată de mai multe fragmente de la oale cu buza evazată (fig. 20/1, 2), dreaptă (fig. 20/3) ori arcuită în interior (fig. 20/7, 10-12; 21/8). Decorul cel mai frecvent întâlnit pe această categorie de vase este reprezentat de brâie alveolate (fig. 21/1, 2, 5), brâie răsucite (fig. 21/3), sau brâie netede (fig. 20/6), iar la unele exemplare sunt atestate mici proeminenţe (fig. 20/10, 12; 21/4), uneori acestea întrerupând brâul (fig. 20/8).

Ornamentul în formă de brâie în relief este caracteristic pentru mai multe tipuri de vase atribuite culturii getice şi descoperite în siturile de la Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 89/1-3, 7, 8, 10, 11), Trebujeni „Potârca” (Niculiţă, Matveev, Nicic 2019, fig. 54/6, 7; 96/2, 3, 6, 8; 99/10; 131/1; 133/10), Maşcăuţi „Dealul cel Mare” (Zanoci 2004, fig. 17/8, 10-14, 19), Horodişte „La Şanţ” (Zanoci, Scherf, Băţ 2023, fig. 25/4; 28/4), Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 113/5; 122/13; 126/15, 16, 21; 127/2; 130/5, 6). Motivul brâielor alveolate, întrerupte de proeminenţe aplatizate sau conice, a fost atestat pe vasele din a doua epocă a fierului de la Ofatinţi (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XIX/3; XXII/2), Alcedar „La Cordon” (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XXVII/11), Trebujeni „Potârca” (Niculiţă, Matveev, Nicic 2019, fig. 97/2, 5), Maşcăuţi „Dealul cel Mare” (Zanoci 2004, fig. 17/1, 2, 5), Hârtopul Mare „Şanţul Turcului” (Cebotarenco 1997, pl. 6/4; 8/4), Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 24/6), Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 125/3; 127/3, 6; 138/5; 140/7, 8) ş.a. Oalele dotate cu apucători aplatizate sau conice în partea superioară a trunchiului, fără a fi însoţite de vreun brâu alveolat sau alt decor, reprezintă o altă categorie de recipiente, tipică pentru cultura getică.

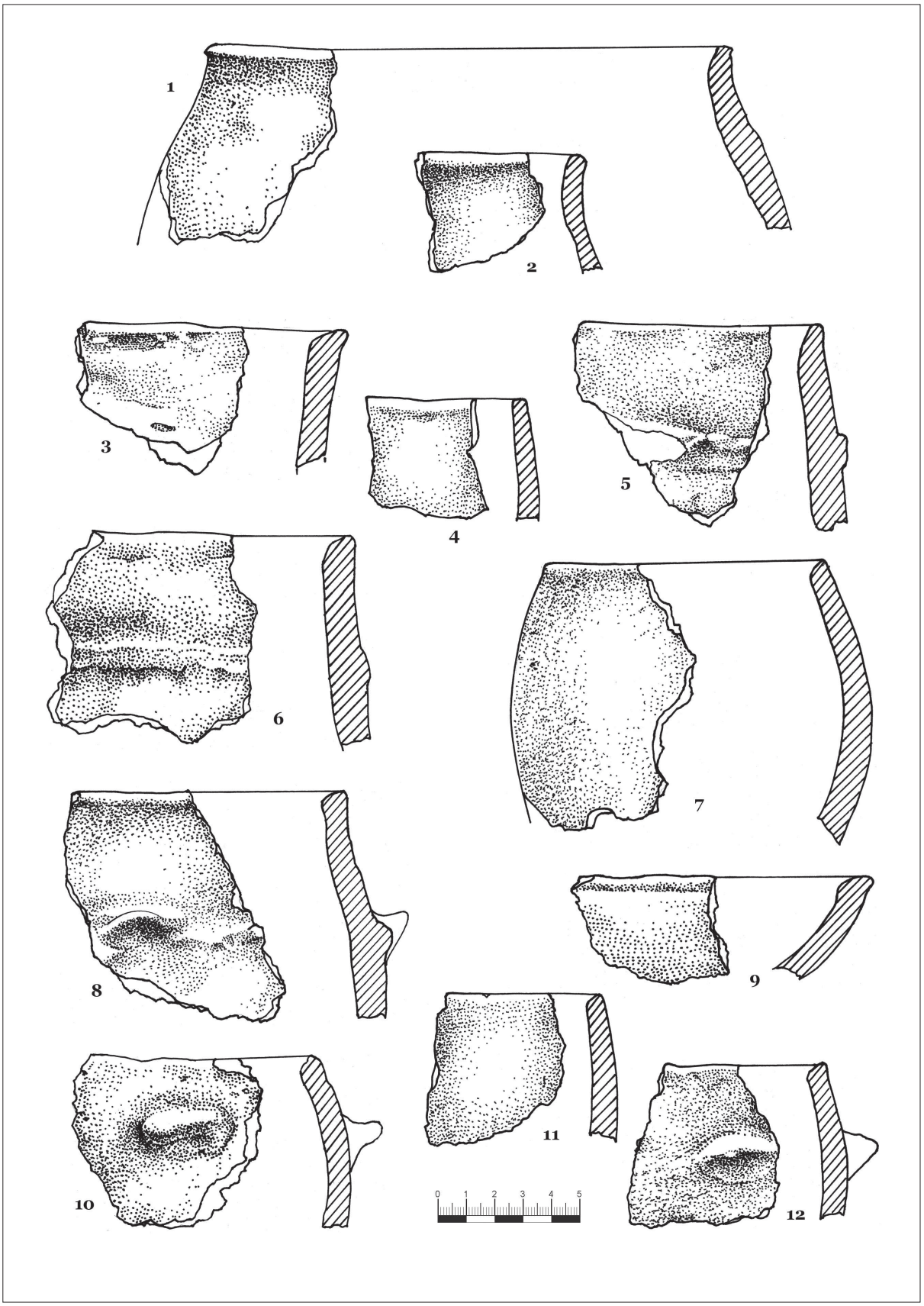


Fig. 20. Horodişte „La Cot”. Secţiunea nr. 4. Ceramică atribuită culturii getice:
1-8, 10-12 - ceramică grosieră; 9 - ceramică semifină (desen S. Burciu).

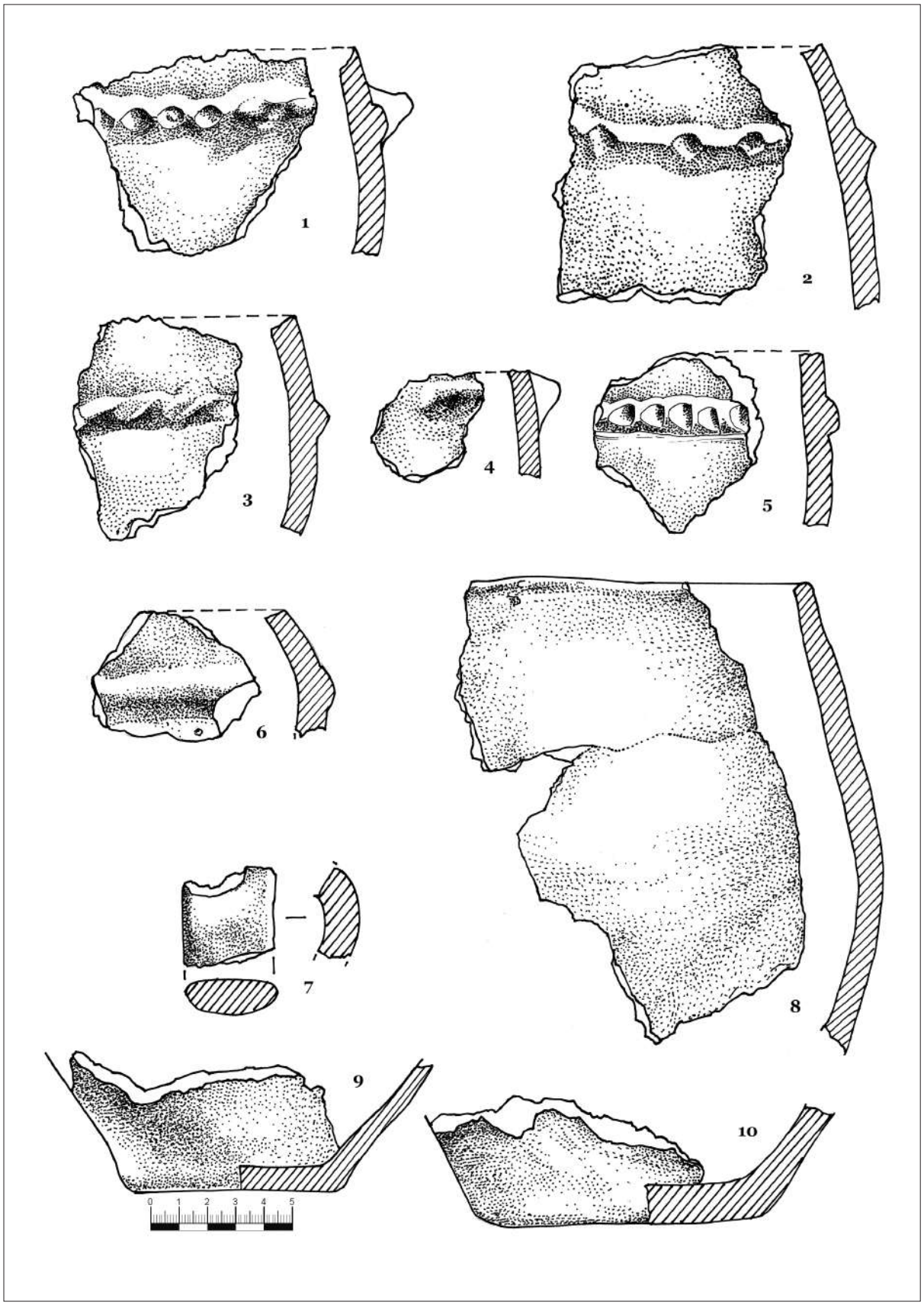


Fig. 21. Horodişte „La Cot”. Secţiunea nr. 4. Ceramică atribuită culturii getice:
1-5, 8, 10 - ceramică grosieră; 6, 7 - ceramică fină; 9 - ceramică semifină (desen S. Burciu).

Acestea au fost documentate la Maşcăuţi „Dealul cel Mare” (Zanoci 2004, fig. 18/2, 4-7; 20/1, 2), Glinjeni „La Şanţ” (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. V/4, 6), Solonceni „Hlinaia” (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XVIII/7), Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 87/3-5, 7-9), Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 128/6, 8; 157/2, 6; Niculiţă et al. 2019, fig. 36/7, 18; 39/7) ş.a. Decorul în formă de brâu neted/simplu (fig. 20/6) a fost atestat pe vasele atribuite culturii getice de la Trebujeni „Potârca” (Niculiţă, Matveev, Nicic 2019, fig. 90/5, 7; 96/10; 99/8), Mateuţi „La Şanţuri” (Златковская 1965, рис. 3/10; Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XLVI/17), Hârtopul Mare „Şanţul Turcului” (Cebotarenco 1997, pl. 8/1), Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 133/14; 140/12; 157/7; Niculiţă et al. 2019, fig. 36/3; 39/11), Orlivka „Cetatea Cartal” (Vančugov et al. 1999, fig. 33/8; 38/6), Horodişte „La Şanţ” (Zanoci, Scherf, Băţ 2023, fig. 26/8).

II – *Ceramica semifină*. Vasele din această categorie sunt lucrate dintr-o pastă mai calitativă, cu degresanţi de şamotă mărunţă, nisip sau, mai rar, pietricele mărunţite (fig. 11/18-20). De rând cu multiplele cioburi nereprezentative, sunt atestate câteva fragmente profilate: un fund de la o oală (fig. 21/9) şi o buză de la o strachină cu capătul teşit, puţin ieşit în exterior (fig. 20/9). Străchinile cu profil similar sunt răspândite pe larg în siturile culturii getice, fiind documentate la Butuceni (Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002, fig. 93/10), Saharna Mică (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 38/5), Saharna Mare (Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 131/5), Alcedar „La Cordon” (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XXXII/4) etc.

III – *Ceramica fină*. Din această categorie au fost atestate câteva fragmente nereprezentative de la pereţi de vase, la modelarea cărora, în calitate de degresanţi, au fost folosiţi nisipul şi şamotă foarte mărunţită (fig. 11/2, 4, 6). Aici se evidenţiază un fragment de toartă, provenit de la o oală (fig. 21/7), şi un perete cu brâu simplu, semicircular în secţiune (fig. 21/6).

Concluzii

Săpăturile de salvare desfăşurate la Horodişte „La Cot” în 2024 au evidenţiat bogăţia stratului cultural al sitului pe toată suprafaţa lui, deşi prospecţiunile magnetometrice din 2019 au indicat o densitate mai joasă a complexelor arheologice în partea de sud-est – zonă în care a fost trasată secţiunea nr. 4.

Cantitatea substanţială de fragmente ceramice descoperite (986) demonstrează o locuire intensă, cu precădere pe parcursul epocii fierului, celelalte perioade (eneolitic şi evul mediu) fiind slab reprezentate.

Fragmentul de ceaşcă fără decor (fig. 18/4), cu toarta supraînălţată, la care se adaugă şi exemplarele atestate anterior (secţiunea 3/2021) (Zanoci, Scherf, Băţ 2023, fig. 18/2; 19/17), toate cu similitudini în orizontul cultural Holercani-Hansca, permit presupunerea existenţei la Horodişte „La Cot” a unui nivel de locuire de la începutul epocii fierului, acesta fiind bine documentat, în regiunea Nistrului de Mijloc, atât prin materialele arheologice (Zanoci, Băţ 2024), cât şi prin datele C14 (Băţ, Zanoci 2022, 11, fig. 2; Băţ et al. 2023, 19-20, fig. 3).

Următorul nivel de locuire, atribuit culturii Saharna şi identificat anterior (Zanoci, Scherf, Băţ 2023, 200-211), a fost confirmat prin descoperirea unor piese de inventar, a ceştilor întregi, precum şi a numeroaselor fragmente de ceramică cu decor incizat şi ştanţat.

Nivelul de locuire atribuit culturii getice, care, în urma cercetărilor din 2013, era doar presupus pe promontoriul „La Cot” (Niculiţă, Zanoci, Băţ 2014, 237), a fost documentat graţie identificării mai multor fragmente ceramice, inclusiv a unui vas întregibil, caracteristice sec. IV-III a. Chr.

Astfel, cercetările din 2024 confirmă importanţa ştiinţifică şi culturală a sitului de la Horodişte, în a cărui protejare şi salvgardare este necesară o implicare mai eficientă a statului.

Bibliografie

Ailincăi et al. 2005: S.-C. Ailincăi, A. Nicic, G. Jugănaru, C. Dobrinescu, Consideraţii privind realizarea decorului imprimat pe ceramica din prima epocă a fierului în spaţiul nord-vest pontic. Pontica 37-38, 2005, 111-130.

Ailincăi 2013: S.-C. Ailincăi, Începuturile epocii fierului în Dobrogea. SCIVA 64/3-4, 2013, 223-292.

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la răsărit de Carpaţi (Chişinău 2003).

Băţ 2017: M. Băţ, Aşezarea din prima epocă a fierului de la Ţahnăuţi, raionul Rezina. Tyragetia s.n. XI/1, 2017, 137-163.

Băţ, Zanoci 2021: M. Băţ, A. Zanoci, Despre olăritul culturii Cozia-Saharna (în baza descoperirilor din bazinul Nistrului Mijlociu). In: (Eds. A. Zanoci, M. Băţ) Economie şi mediu în spaţiul tiso-nistrean în epoca fierului. Materialele colloquium-ului de vară de la Saharna (29 iulie - 1 august 2021) (Chişinău 2021), 7-24.

Băţ, Zanoci 2022: M. Băţ, A. Zanoci, Date radiocarbon din situl aparţinând primei epoci a fierului de la Saharna Mare–Dealul Mănăstirii (Republica Moldova). Peuce s.n. XX, 2022, 7-37.

Băţ et al. 2023: M. Băţ, A. Zanoci, O. Calancea, A. Petre, C. Mănăilescu, Meandrele timpului: date radiocarbon pentru situl Saharna–Ţiglău (Republica Moldova). Peuce s.n. XXI, 2023, 9-40.

Cebotarenco 1997: G. Cebotarenco, Cetatea halstattiană tîrzie de la Hîrtopul-Mare. In: Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997), 211-220.

Condrea 2023: D. Condrea, Qui quaerit reperit! De la primele menţiuni până în perioada interbelică. In: A. Zanoci, M. Băţ, Un mileniu de civilizaţie: epoca fierului în bazinul Nistrului de Mijloc. Periegesis Archaeologica 1 (Chişinău 2023), 29-53.

Dulgher et al. 2021: V. Dulgher, S. Serbinov, V. Chitic, A. Zanoci, Situri din prima epocă a fierului din preajma satului Cinişeuţi, raionul Rezina. Tyragetia s.n. XV/1, 2021, 133-141.

Haheu 2008: V. Haheu, Sisteme de fortificaţii traco-getice de la est de Carpaţi. Biblioteca de Arheologie III (Chişinău 2008).

Hîncu 1993: I. Hîncu, Cetăţi antice şi medievale timpurii din Republica Moldova (Chişinău 1993).

Iconomu 1996: C. Iconomu, Cercetările arheologice din cetatea hallstattiană de la Pocreaca – Iaşi. ArhMold XIX, 1996, 21-56.

Jugănaru 2005: G. Jugănaru, Cultura Babadag, vol. I. Biblioteca Istro-Pontica. Seria Arheologie 7 (Tulcea 2005).

Kaşuba 2003: M. Kaşuba, Periferia de est a complexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată şi imprimată (secolele X-VIII î.e.n. în interfluviul Nistru-Siret). In: (Red. E. Sava) Interferenţe cultural-cronologice în spaţiul nord-pontic (Chişinău 2003), 183-210.

Kašuba, Haheu, Leviţki 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Leviţki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu. Bibliotheca Thracologica XXXI (Bucureşti 2000).

Kulkova et al. 2020: M. Kulkova, M. Kashuba, N. Gavrylyuk, A. Kulkov, E. Kaiser, M. Vetrova, A. Zanoci, N. Platonova, K. Hellström, K. Winger, Composition of white paste inlay on the pottery from sites of 10th-8th centuries BC in the Northern Pontic Region. Archaeometry 62/5, 2020, 917-934.

László 1994: A. László, Începuturile epocii fierului la est de Carpaţi. Culturile Gáva-Holihrady şi Corlăteni-Chişinău pe teritoriul Moldovei. Bibliotheca Thracologica VI (Bucureşti 1994).

Leviţki 1994: O. Leviţki, Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistrean al complexului hallstattian timpuriu cu ceramică incizată. În: (Eds. P. Roman, M. Alexianu) Relations thraco-illyro-helléniques. Actes du XIVe Symposium National de Thracologie (à participation internationale). Băile Herculane (14 - 19 septembre 1992) (Bucarest 1994), 219-256.

Nicic 2008: A. Nicic, Interferenţe cultural-cronologice în nord-vestul Pontului Euxin la finele mil. II - începutul mil. I a. Chr. Biblioteca Tyragetia XV (Chişinău 2008).

Niculiţă, Nicic 2007: I. Niculiţă, A. Nicic, Cercetări arheologice la situl Saharna-Dealul Mănăstirii. Tyragetia s.n. I/1, 2007, 225-248.

Niculiţă, Nicic 2012: I. Niculiţă, A. Nicic, Cercetări arheologice la situl Saharna-Dealul Mănăstirii. Campania 2011. Tyragetia s.n. VI/1, 2012, 169-184.

Niculiţă, Nicic 2014: I. Niculiţă, A. Nicic, Aşezarea şi necropola din prima epocă a fierului Saharna-Ţiglău. Biblioteca Tyragetia XXV (Chişinău 2014).

Niculiţă, Matveev, Nicic 2019: I. Niculiţă, S. Matveev, A. Nicic, Cercetările sitului arheologic Potârca din Rezervaţia Cultural-Naturală Orheiul Vechi (Chişinău 2019).

Niculiţă, Teodor, Zanoci 2002: I. Niculiţă, S. Teodor, A. Zanoci, Butuceni. Monografie arheologică. Bibliotheca Thracologica XXXVI (Bucureşti 2002).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna). Biblioteca Tyragetia XVIII (Chişinău 2008).

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2014: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Cercetări geospaţiale şi arheologice în microzona Horodişte-Ţipova. Tyragetia s.n. VIII/1, 2014, 235-252.

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului. Biblioteca Tyragetia, XXVII (Chişinău 2016).

Niculiţă et al. 2016: I. Niculiţă, T. Arnăut, A. Nicic, A. Corobcean, Aşezări deschise şi situri fortificate pe promontoriul Saharna Mică. In: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului. Biblioteca Tyragetia, XXVII (Chişinău 2016), 249-304.

Niculiță et al. 2019: I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț, V. Dulgher, Investigaţiile arheologice la situl Saharna Mare / „Dealul Mănăstirii”, raionul Rezina (2017-2019). Tyragetia s.n. XIII/1, 2019, 253-322.

Puiu 1919: V. Puiu, Monăstirile din Basarabia. Revista Societăţii Istorico-Arheologice Bisericeşti din Chişinău, vol. XI (Chişinău 1919).

Renţa 2008: E. Renţa, Prima epocă a fierului pe cursul râului Ialomiţa (Târgovişte 2008).

Scherf et al. 2023: D. Scherf, A. Zanoci, M. Kohle, M. Băţ, M. Mewes, T. Nagacevschi, V. Sochircă, I. Hohle, M. Podgorelec, K. Rassmann, K. P. Hoffman, P. Ettel, The Iron Age settlements in the micro-region of Horodişte-Ţipova, distr. Rezina, Republic of Moldova. Magnetic prospection, UAV images and drillings. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 101/102, 2023, 5-48.

Sîrbu 2023: M. Sîrbu, Ceramica complexului cultural Noua-Sabatinovka-Coslogeni. Tipologie. Tyragetia s.n. XVII/1, 2023, 7-32.

Vančugov et al. 1999: V. Vančugov, V. Sîrbu, I. Niculiță, V. Bârcă, Cercetările arheologice de salvare de la Orlovka-Cartal (Ucraina) – campania 1998. In: Cercetări arheologice în aria nord-tracă, vol. III (Bucureşti 1999), 135-221.

Zanoci 1998: A. Zanoci, Fortificaţiile geto-dacice din spaţiul extracarpatic în secolele VI-III a. Chr. Bibliotheca Thracologica XXV (Bucureşti 1998).

Zanoci 2004: A. Zanoci, Traco-geţii din bazinul Răutului Inferior. Cetatea Măşcăuţi „Dealul cel Mare”. In: (Eds. I. Niculiță, A. Zanoci, M. Băț) Thracians and Circumpontic World. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 September 2004, vol. II (Chişinău 2004), 45-81.

Zanoci 2021: A. Zanoci, The fortified settlements of the Cozia-Saharna culture: new discoveries and considerations. In: (Ed. V. Diaconu) Fortifications and defensive systems east from the Carpathians. Strategies and social energies from prehistory to the Middle Ages (Brăila, Piatra Neamţ 2021), 93-122.

Zanoci, Băţ 2023: A. Zanoci, M. Băţ, Un mileniu de civilizaţie: epoca fierului în bazinul Nistrului de Mijloc. Periegesis Archaeologica 1 (Chişinău 2023).

Zanoci, Băţ 2024: A. Zanoci, M. Băţ, Transformări şi conexiuni la cumpăna erelor. Un model de evoluţie bazat pe descoperirile din bazinul Nistrului de Mijloc la sfârşitul mileniului II a. Chr. In: (Eds. V. Sava, Fl. Gogâltan) Epoca bronzului de-o parte şi de alta a Carpaţilor. Studii în onoarea lui Tudor Soroceanu la 80 de ani (Cluj-Napoca: Mega 2024), 367-386.

Zanoci, Niculiță, Băţ 2015: A. Zanoci, I. Niculiță, M. Băţ, Fortifications and open settlements of the 1st millennium BC in the micro-zone of Horodişte-Ţipova. In: (Eds. A. Zanoci, P. Ettel, M. Băţ) Fortified sites from the 1st millennium BC in central and south-eastern Europe. Materials from the Moldovan-Romanian-German Colloquium, Saharna, July 24th-26th, 2014 (Chişinău 2015), 81-100.

Zanoci, Scherf, Băţ 2023: A. Zanoci, D. Scherf, M. Băţ, Timpurile se schimbă. Noi date despre situl epocii fierului de la Horodişte din bazinul Nistrului de Mijloc. Tyragetia s.n. XVII/1, 2023, 195-227.

Zanoci et al. 2020: A. Zanoci, M. Kulkova, M. Băţ, A. Kulkov, Early Iron Age pottery from Saharna Mare – Dealul Mănăstirii: interdisciplinary approach. Peuce s.n. XVIII, 2020, 67-109.

Zanoci et al. 2022: A. Zanoci, A. Asăndulesei, M. Băţ, V. Sochircă, T. Nagacevschi, A.-F. Tencariu, V. Dulgher, Pas cu pas. Cercetări interdisciplinare la situl de epoca fierului de la Saharna „Rude” din bazinul Nistrului de Mijloc. Tyragetia s.n. XVI/1, 2022, 179-208.

Батюшков 1892: П. Батюшков, Объясненія къ гравюрамъ, помѣщеннымъ въ книге „Бессарабія”. В: П. Батюшков, Бессарабія. Историческое описаніе (С.-Петербургъ 1892), 19-89.

Ванчугов 1990: В. Ванчугов, Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формированья белозерской культуры (Киев 1990).

Гольцева, Кашуба 1995: Н. Гольцева, М. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднестровья (материалы раскопок 1978-79 гг. и 1989-90 гг.) (Тирасполь 1995).

Златковская 1965: Т. Златковская, Городище Матеуцы. В сб.: (Отв. ред. Е. Крупнов) Новое в советской археологии. Материалы и Исследования по Археологии СССР № 130 (Москва 1965), 220-225.

Златковская, Полевой 1969: Т. Златковская, Л. Полевой, Городища Прутско-Днестровского междуречья IV-III вв. до н. э. и вопросы политической истории гетов. В сб.: (Отв. ред. Т. Златковская, А. Мелюкова) Древние фракийцы в Северном Причерноморье. Материалы и исследования по археологии СССР № 150 (Москва 1969), 35-60.

Кайзер и др. 2017: Э. Кайзер, Н. Гаврилюк, М. Кашуба, М. Кулькова, Сосуды «фракийской группы» из степных предскифских погребений в Северном Причерноморье: Возможности изучения. Археологія і давня історія України 2, 2017, 137-151.

Кашуба 2000: М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.

Кодрянъ 1901: Г. Кодрянъ, Бессарабія. Историко-географическій очеркъ для желающихъ ознакомиться ближайшимъ образомъ съ мѣстнымъ краемъ (Кишиневъ 1901).

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974: В. Лапушнян, И. Никулицэ, М. Романовская, Памятники раннего железного века. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 4 (Кишинев 1974).

Потоцкій 1902: С. Потоцкій, Историко-географическій очеркъ Бессарабской губерніи. Опытъ родиновѣдѣния: Учебное пособіе для городских училищъ, среднихъ учебныхъ заведеній и для всѣх вообще начальныхъ народныхъ училищъ Бессарабской губерниіи (Ялта 1902).

Смирнов 1949: Г. Смирнов, Итоги археологических исследований в Молдавии в 1946 г. В сб.: Ученые записки Института истории, языка и литературы 2 (Кишинев 1949), 189-202.

Стамати 1850: К. Стамати, О Бессарабіи и ея древнихъ крѣпостяхъ. Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей II/2-3, 1850, 805-815.

Rescue archaeological research in the site of Horodişte "La Cot", Rezina district

Keywords: Middle Dniester region, rescue excavations, Iron Age, Saharna culture, Getic culture, pottery.

Abstract: The 2024 rescue excavations had the objective of recovering the archaeological information disturbed by unauthorized constructions in the archaeological site of Horodişte "La Cot", Rezina district. The research, carried out in a section measuring 4.8×4.8 m, determined that the unauthorized works destroyed a cultural layer that was rich in Iron Age vestiges. The investigations led to the discovery of a vast pottery collection comprising 986 fragments, two almost intact cups, a restorable jar-type vessel, as well as two miniature vessels. At the same time, several inventory items were also identified, among them a stamp for the application of ornaments on pottery, spindle whorls etc.

Following the analysis of the recovered artifacts it was established that they belong to the 10th-9th centuries BC (Saharna culture) and to the period of the 4th-3rd centuries BC (Getic culture).

As such, the research results from 2024 confirm an intense occupation of the "La Cot" promontory's southeastern part in the Iron Age, especially during the Saharna culture's development period.

List of illustrations:

Fig. 1. The location of the Horodişte site in the Eastern Carpathian area.

Fig. 2. The topographic map of the Horodişte-Ţipova microregion, showing the location of the Horodişte site, with the places "La Şanţ" and "La Cot" (after Zanoci, Scherf, Băţ 2023, fig. 2).

Fig. 3. Aerial view of the Horodişte "La Cot" site, as seen from the southeast (photo by M. Băţ).

Fig. 4. Horodişte "La Şanţ" and "La Cot". The results of the magnetometric research from the year 2019 (after Zanoci et al. 2020, fig. 1).

Fig. 5. The defensive lines and the location of the archaeological trenches on the "La Şanţ" and "La Cot" promontories (the defensive lines drawn after Scherf et al. 2023 and Zanoci, Scherf, Băţ 2023).

Fig. 6. Horodişte "La Cot". The area affected by constructions and unauthorized excavations.

Fig. 7. Horodişte "La Cot". The initial state of the place designated for the archaeological section.

Fig. 8. Horodişte "La Cot". Section no. 4: 1 - section plan; 2 - the southern wall profile; 3 - general view (depth 0.9 m).

Fig. 9. Horodişte "La Cot". Section no. 4. Complex no. 1 after excavation: 1 - plan; 2 - profile; 3 - the outline of the complex at the depth of 0.8 m from the current ground level.

Fig. 10. Horodişte "La Cot". Section no. 4. Inventory items: 1-3 - bone; 4-13 - clay/ceramics; 14 - stone (drawing S. Burciu).

Fig. 11. Horodişte "La Cot". Section no. 4. Paste color and composition for different categories of pottery.

Fig. 12. Horodişte "La Cot". Section no. 4. Profiles and body sherds of decorated pots attributed to the Saharna culture: 1-3 - coarse ware; 4, 5, 7-10 - semi-fine ware; 6 - fine ware (drawing S. Burciu).

Fig. 13. Horodişte "La Cot". Section no. 4. Semi-fine pottery. Body sherds of decorated pots attributed to the Saharna culture (drawing S. Burciu).

Fig. 14. Horodişte "La Cot". Section no. 4. Body sherds of decorated pots attributed to the Saharna culture: 1, 3 - fine ware; 2, 4-6 - semi-fine ware (drawing S. Burciu).

Fig. 15. Horodişte "La Cot". Section no. 4. Bowls with incised and stamped decoration, attributed to the Saharna culture (drawing S. Burciu).

Fig. 16. Horodişte "La Cot". Section no. 4. Bowls with stamped decoration, attributed to the Saharna culture (drawing S. Burciu).

Fig. 17. Horodişte "La Cot". Section no. 4. Cups (drawing S. Burciu, photo V. Dulgher).

Fig. 18. Horodişte “La Cot”. Section no. 4. Fine pottery attributed to the Saharna culture: 1, 4-10 -profiles and fragments of cups; 2 - cup; 3 - fragment of a pyxis lid (drawing S. Burciu).

Fig. 19. Horodişte “La Cot”. Section no. 4. Jar attributed to the Getic culture.

Fig. 20. Horodişte “La Cot”. Section no. 4. Pottery attributed to the Getic culture: 1-8, 10-12 - coarse ware; 9 - semi-fine ware (drawing S. Burciu).

Fig. 21. Horodişte “La Cot”. Section no. 4. Pottery attributed to the Getic culture: 1-5, 8, 10 - coarse ware; 6-7 - fine ware; 9 - semi-fine ware (drawing S. Burciu).

Table 1. Number of potsherds discovered in S4/2024 by culture, layer and fragment type (P* - sherds discovered *passim* on the archaeological site’s surface, in the earth scattered by the unauthorized interventions carried out in 2024).

Diagram 1. The total percentage of pottery discovered in S4/2024, by technological groups.

Diagram 2. The number of potsherds attributed to the Saharna culture discovered in S4/2024, by layer and vessel type.

Diagram 3. The percentage of pottery attributed to the Saharna culture discovered in S4/2024, by technological groups.

Diagram 4. The number of potsherds attributed to the Getic culture discovered in S4/2024, by layer and vessel type.

Diagram 5. The percentage of pottery attributed to the Getic culture discovered in S4/2024, by technological groups.

Спасательные археологические исследования на памятнике Хородиште «Ла-Кот» в Резинском районе

Ключевые слова: регион Среднего Днестра, спасательные раскопки, эпоха железа, культура Сахарна, гетская культура, керамика.

Резюме: Спасательные раскопки в 2024 году проводились с целью получения археологических данных с памятника Хородиште «Ла-Кот» в Резинском районе, пострадавшего в результате несанкционированных строительных работ. В ходе исследований, осуществленных посредством раскопа размером 4,8×4,8 м, было установлено, что при несанкционированном строительстве был разрушен богатый культурный слой железного века. Была обнаружена обширная коллекция предметов керамики, состоящая из 986 фрагментов, двух почти целых чашек, поддающегося восстановлению баночного сосуда, а также двух миниатюрных сосудов. Также выявлено несколько инвентарных предметов, среди которых можно отметить штамп для украшения керамики, пряслица и т.д.

В результате анализа обнаруженных артефактов установлено, что они, по аналогиям, относятся к X-IX векам до н.э. (культура Сахарна) и к IV-III векам до н.э. (гетская культура).

Таким образом, результаты исследований 2024 года подтверждают интенсивное заселение юго-восточной части мыса «Ла-Кот» в эпоху железа, особенно в период развития культуры Сахарна.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение памятника Хородиште на Восточно-Карпатском пространстве.

Рис. 2. Топографическая карта микрозоны Хородиште-Ципова с локализацией памятника Хородиште, точки «Ла-Шанц» и «Ла-Кот» (по Zanoci, Scherf, Băţ 2023, fig. 2).

Рис. 3. Аэрофотоснимок памятника Хородиште «Ла-Кот» с юго-востока (автор М. Бэц).

Рис. 4. Хородиште «Ла-Шанц» и «Ла-Кот». Результаты магнитометрических исследований в 2019 году (по Zanoci et al. 2020, fig. 1).

Рис. 5. Оборонительные линии и расположение археологических раскопов на мысах «Ла-Шанц» и «Ла-Кот» (оборонительные линии размечены по Scherf et al. 2023 и Zanoci, Scherf, Băţ 2023).

Рис. 6. Хородиште «Ла-Кот». Территория, затронутая несанкционированным строительством и раскопками.

Рис. 7. Хородиште «Ла-Кот». Исходное состояние участка, предназначенного для археологических исследований.

Рис. 8. Хородиште «Ла-Кот». Раскоп № 4: 1 - план раскопа; 2 - профиль южной стены; 3 - общий вид (глубина 0,9 м).

Рис. 9. Хородиште «Ла-Кот». Раскоп № 4. Комплекс № 1 после расчистки: 1 - план; 2 - профиль; 3 - контур комплекса на глубине 0,8 м от современной поверхности.

Рис. 10. Хородиште «Ла-Кот». Раскоп № 4. Инвентарные предметы: 1-3 - кость; 4-13 - глина/керамика; 14 - камень (рисунок С. Бурчиу).

Рис. 11. Хородиште «Ла-Кот». Раскоп № 4. Цвет и состав глины в различных категориях керамики.

Рис. 12. Хородиште «Ла-Кот». Раскоп № 4. Профили и стенки горшков с декором, относящихся к культуре Сахарна: 1-3 - кухонная керамика; 4-10 - столовая керамика (рисунок С. Бурчиу).

Рис. 13. Хородиште «Ла-Кот». Раскоп № 4. Столовая керамика. Стенки горшков с декором, относящихся к культуре Сахарна (рисунок С. Бурчиу).

Рис. 14. Хородиште «Ла-Кот». Раскоп № 4. Стенки горшков с декором, относящихся к культуре Сахарна: 1-6 - столовая керамика (рисунок С. Бурчиу).

Рис. 15. Хородиште «Ла-Кот». Раскоп № 4. Миски с врезным и штампованным орнаментом, относящиеся к культуре Сахарна (рисунок С. Бурчиу).

Рис. 16. Хородиште «Ла-Кот». Раскоп № 4. Миски с штампованным орнаментом, относящиеся к культуре Сахарна (рисунок С. Бурчиу).

Рис. 17. Хородиште «Ла-Кот». Раскоп № 4. Чашки (рисунок С. Бурчиу, фото В. Дулгер).

Рис. 18. Хородиште «Ла-Кот». Раскоп № 4. Столовая керамика, относящаяся к культуре Сахарна: 1, 4-10 - профили и фрагменты чашек/кубков; 2 - чашка; 3 - фрагмент крышки пиксиды (рисунок С. Бурчиу).

Рис. 19. Хородиште «Ла-Кот». Раскоп № 4. Сосуд, относящийся к гетской культуре.

Рис. 20. Хородиште «Ла-Кот». Раскоп № 4. Керамика, относящаяся к гетской культуре: 1-8, 10-12 - кухонная керамика; 9 - столовая керамика (рисунок С. Бурчиу).

Рис. 21. Хородиште «Ла-Кот». Раскоп № 4. Керамика, относящаяся к гетской культуре: 1-5, 8, 10 - кухонная керамика; 6, 7, 9 - столовая керамика (рисунок С. Бурчиу).

Таблица 1. Количество фрагментов керамических сосудов, обнаруженных в Раскопе № 4/2024 г., по культурам, слоям и типам фрагментов (P* - фрагменты, обнаруженные *passim* на поверхности археологического памятника, нарушенной несанкционированными работами в 2024 г.)

Диаграмма 1. Общий процент керамики, обнаруженной в Раскопе № 4/2024 г., по технологическим группам.

Диаграмма 2. Количество фрагментов керамических сосудов культуры Сахарна, обнаруженных в Раскопе № 4/2024 г., по слоям и типам сосудов.

Диаграмма 3. Процент керамики культуры Сахарна, обнаруженной в Раскопе № 4/2024 г., по технологическим группам.

Диаграмма 4. Количество фрагментов керамических сосудов гетской культуры, обнаруженных в Раскопе № 4/2024 г., по слоям и типам сосудов.

Диаграмма 5. Процент керамики гетской культуры, обнаруженной в Раскопе № 4/2024 г., по технологическим группам.

10.10.2024

Sergiu Serbinov, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-6163-1111, e-mail: sergoser888@gmail.com

Victor Dulgher, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-9024-4599, e-mail: dulghervictor@gmail.com

Vladimir Chitic, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0003-1950-2820, e-mail: vova.chitic1@gmail.com

Dumitru Condrea, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-9799-7756, e-mail: dumitru.condrea@outlook.com

Dr. Aurel Zanoci, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-3236-7582, e-mail: azanoci@gmail.com

PRE-SCYTHIAN HORSE HARNESS FROM MOLDOVA: NEW FIND FROM SOCOLA[1]

Denis Topal, Vlad Vornic

Keywords: Pre-Scythian period, Hallstatt, Cimmerians, horse harness, chariots, XRF.

The nomadic antiquities of the early Iron Age (Pre-Scythian, Cimmerian or Chernogorovka-Novocherkassk) are represented by a relatively small number of burial features (fig. 1) compared to Scythian burials, especially the Scythian Classical period of the late 5th - 4th centuries BC. However, there are significantly more of them than the summed up Early Scythian ones from the second half of the 7th - early 6th centuries BC and Middle Scythian of the second half of the 6th - first half of the 5th centuries BC combined. According to some data, in the Danube-Dniester region, there were at least 89 monuments (Махортых 2005a, 183; Махортых 2005b, 28-29), but if we take into account burials without grave goods, it turns out that on the banks of the Lower Dniester alone there are at least 60 of them, of which 44 are to the left bank (Фидельский 2006, 342). However, in addition to funerary monuments, mainly inlet burials under the burial mounds, the Pre-Scythian period is represented by a series of striking stray finds rarely deposited in burials. These, in particular, include bladed weapons such as daggers of the Karasuk and Kabardino-Pyatigorsk types and parts of horse harness. The earliest items of bladed weapons include bronze daggers of the Karasuk type from Herbyne (Черняков 1971, 137) and Zloţi (Nicic, Corobcean, Sprîncean 2019, fig. 4/2; 5/1); the blades from Beriozchi and Brăneşti (Топал 2021, рис. 17, 18) belong to the Kabardino-Pyatigorsk type and date back later. Elements of horse harnesses are known from stray finds from Orlivka-Kartal on the Lower Danube and Selişte on the Răut River, with the main concentration associated with the Middle Dniester, e.g., the finds from the Saharna Mare hillfort (Мелюкова 1972, рис. 5/14) (fig. 2/4), the Şoldăneşti burial ground (Лапушнян 1979, рис. 2/6) (fig. 2/3) and a recent find from Socola, which is the subject of this paper (fig. 2/1, 2).

In February 2020, a bronze object (fig. 2/1) was discovered in the north of the Republic of Moldova, near the Socola village, Soldanesti district, and transferred to the National Museum of the History of Moldova (NMHM)[2]. The item from Socola was cast from bronze and consists of two parts – a ring and a movable pendant with two external fastening elements (fig. 2/2). The outer diameter of the ring, round in cross-section, is 5 cm, thickness 0.75 cm. A 6.5 cm long movable pendant is attached to the ring using a rounded protrusion with a hole 1.3 cm in diameter and is equipped with two mushroom-shaped "shields". The lower oval-shaped shield (2.3×3.1 cm) was attached to the suspension plate (a round cross-section rod with a diameter of 0.7 cm and a height of 1.1 cm) and divided by longitudinal slots (about 0.2 cm wide and 0.1 cm deep) into five parts. The upper one, more prominent and attached to a ring (with a rod 0.7 cm in diameter and 0.3 cm in height), is not entirely preserved (reconstructed size 2.6×3.8 cm) and was divided into six parts. The central part of the body of the pendant is equipped with a semicircular relief with an indentation, shaped like a drawn bow and ends with a semicircular tip. The thickness of the plate in the lower part is 0.28 cm; in the upper part, closer to the ring – 0.63 cm, the weight is – 99 g (fig. 3).

Without a doubt, the object from Socola belongs to Pre-Scythian period and served to connect the belt parts of the draft harness of indigenous horses with a drawbar or yoke (Вальчак 2009a, 29). For the first time, this category of finds was noticed by A.N. Melentyev (Мелентьев 1967, 38), who examined objects from the so-called Aksay hoard

[1] The article was elaborated within the research subprogram 18.01.01 "Museum historical-archaeological heritage: systematization and scientific-cultural valorization" at the National Museum of History of Moldova.

[2] We sincerely thank Iurie Lungu for providing the possibility of a proper scientific study of the find. After examination, the piece was transferred to the National History Museum of Moldova.

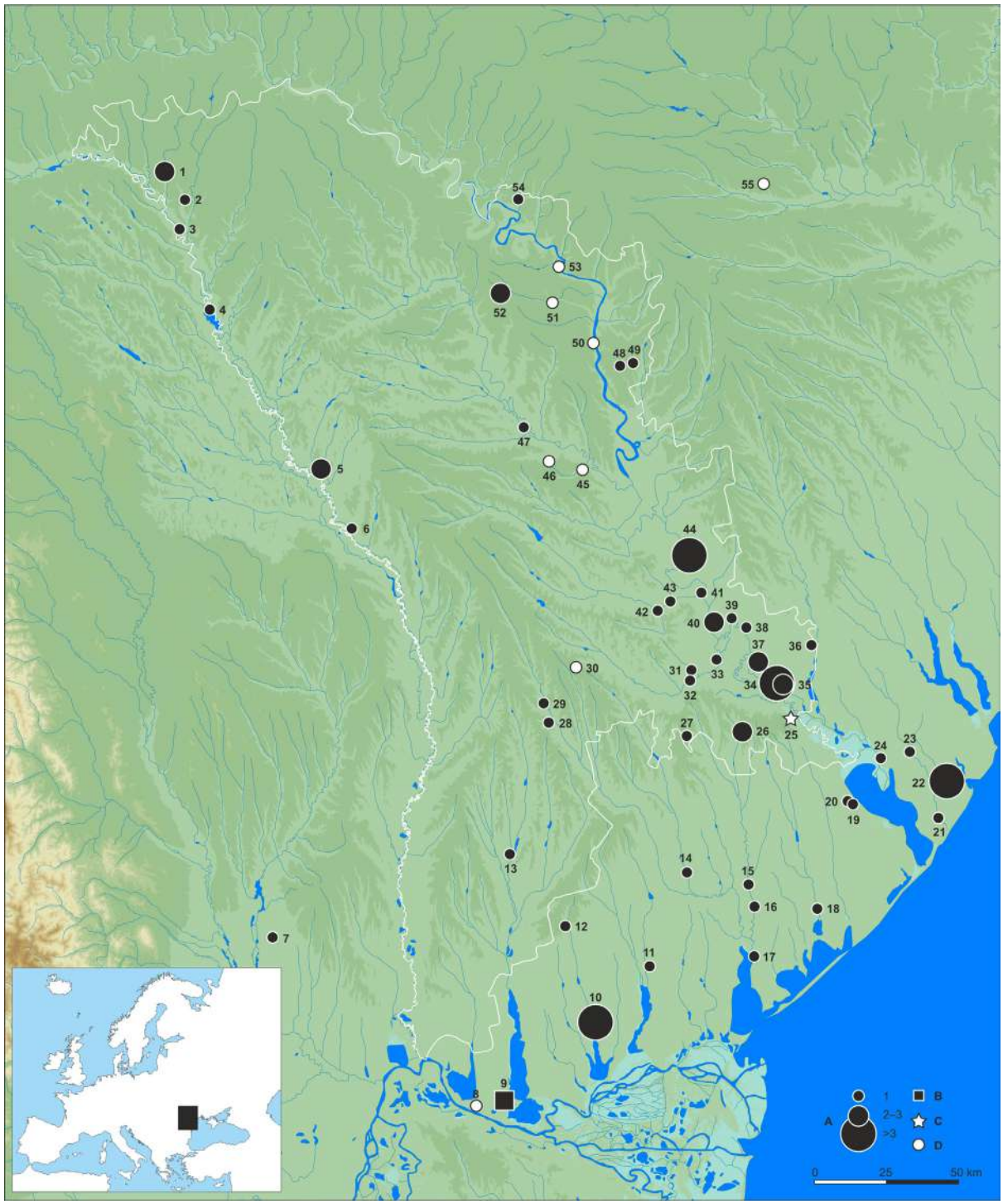


Fig. 1. Distribution of Pre-Scythian antiquities in the North-Western Pontic area (A – burial mounds, B – flat burials, C – hoard, D – stray finds): 1 - Corjeuţi; 2 - Burlăneşti; 3 - Bădragii Vechi; 4 - Branişte; 5 - Petreşti; 6 - Morenii Vechi; 7 - Matca; 8 - Orlivka; 9 - Novosilske; 10 - Suvorove; 11 - Kholmske; 12 - Horodne; 13 - Congaz; 14 - Fridensfeld (Myrnopillya); 15 - Sarata; 16 - Mykhailivka; 17 - Trapivka; 18 - Diviziya; 19 - Pivdenne; 20 - Semenivka; 21 - Dalnik; 22 - Velykodolynske; 23 - Petrodolynske; 24 - Mayaky; 25 - Purcari; 26 - Hagilar; 27 - Săiţi; 28 - Cimişlia; 29 - Ecaterinovca; 30 - Zloţi; 31 - Ursoaia; 32 - Căuşeni; 33 - Chircăieşti; 34 - Hlinaia (Glinoe); 35 - Crasnoe; 36 - Novokotovsk; 37 - Slobodzeya; 38 - Sucleia; 39 - Tiraspol; 40 - Parcani; 41 - Gura Bîcului; 42 - Beriozchi; 43 - Roşcani; 44 - Butor; 45 - Brăneşti; 46 - Selişte; 47 - Brăviceni; 48 - Vladimirovka; 49 - Mocra; 50 - Saharna; 51 - Şoldăneşti; 52 - Cotiujenii Mari; 53 - Socola; 54 - Ocniţa; 55 - Herbyne.

Fig. 2. Elements of Pre-Scythian horse harness from the collection of NMHM:
1, 2 - Socola; 3 - Șoldănești; 4 - Saharna.

in the Gireeva Mogila mound on the Lower Don. The assumption then received archaeological confirmation much later – in the form of publications by V.R. Erlikh (Эрлих 1990; Эрлих 1994a; Эрлих 1994b) of mound 1 of the Uashkhitu-I burial ground (ear Kabekhabl) with four horses[3] and a harness of this type. It turned out that similar artefacts were recorded in situ between horse skeletons in the area of the cervical and first *thoracic vertebrae* of indigenous horses, for example, in mound 1 of the Uashkhitu-I burial ground, mound 2 of the Khadzhokh-I burial ground and burial 105 of the Pshish-I burial ground (Эрлих 1994b, 36, 42; Эрлих 2007, 143, рис. 79; Сазонов 2000, рис. 2/3, 10). The presence of two shields on the suspension is explained by the fact that

[3] According to the observations of S.B. Valchak (Вальчак 2009, 36; Вальчак 2009c, 24), a *quadriga* composed of two leading horses and two trailing horses was the most popular in pre-Scythian times (18 of 33 cases).

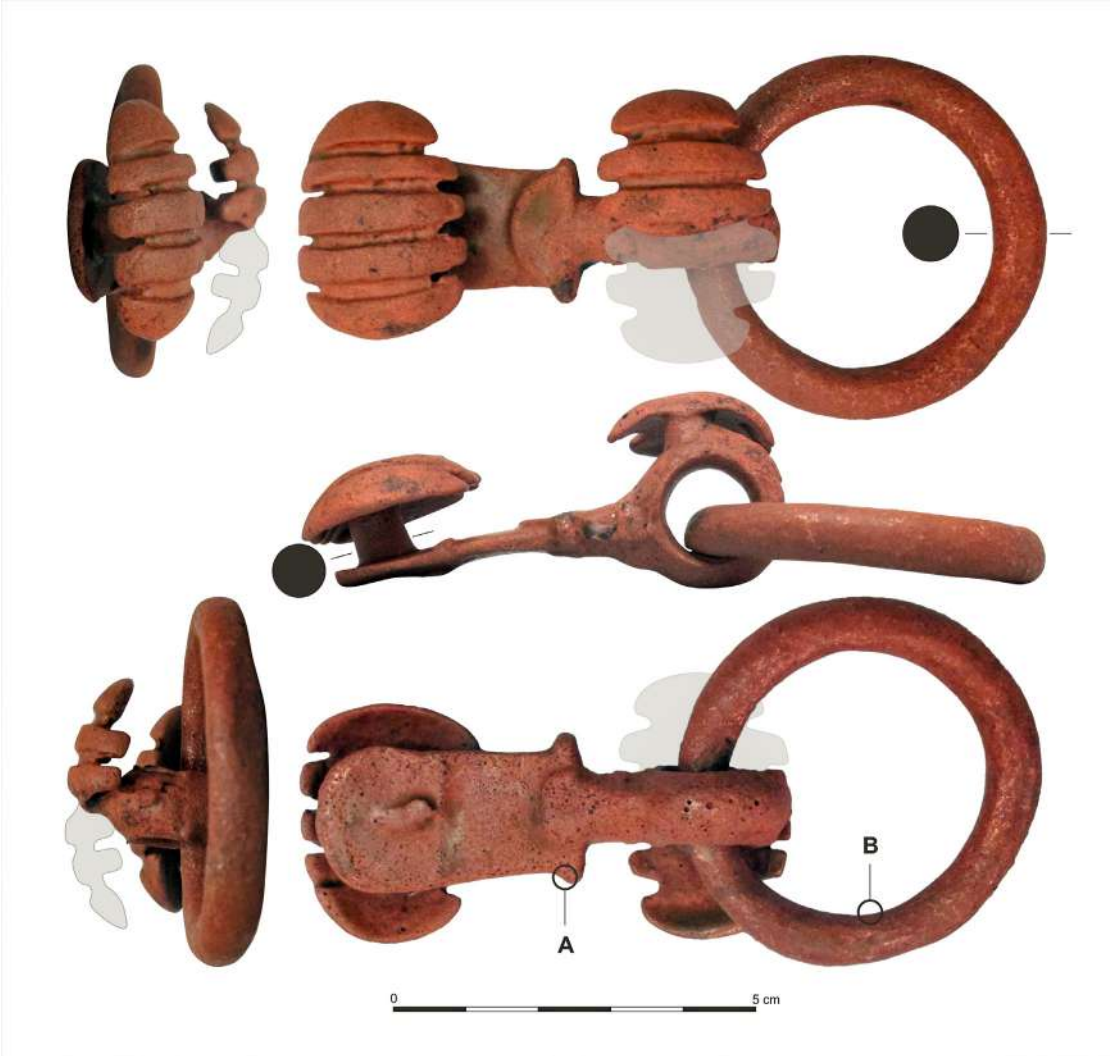


Fig. 3. Find from Socola after restoration and conservation (restorer V. Bubulici), A, B – samples for XRF analysis.

in addition to the belt connecting to the yoke or drawbar, another belt could be attached to the suspension. S.B. Valchak (Вальчак 2009a, 30) suggested that when harnessed to a yoke, the ring was attached to its arches, and one of the "shields" of the suspension, located vertically, was the belt of the native horse, while to the other was the harness. The thesis about the vertical fastening of this part is indirectly confirmed by traces of wear (Мелентьев 1967, 44).

V.R. Erlikh (Эрлих 1994b, 32) classified similar parts of the draft harness into the first category and S.B. Valchak (Вальчак 2009a, 30) into the first group. They are united by metal rings with movable pendants: the diameters of the rings are usually from 8 to 11 cm, sometimes smaller (as in the case of Socola): 4-5 cm (Вальчак 2008, 126). Pendants are typically attached to the ring using a cylindrical sleeve or ring that is cast along with the pendant. On the body of the pendant (about 4.5-12.0 cm long), there are one or two mushroom-shaped fastening elements. V.R. Erlikh (Эрлих 1994b, 45-46), based on the design of the suspension, identifies four "types" in the first category, while S.B. Valchak (Вальчак 2008, 126) considers the types he identified to be "variants" of the same type. The differences between types (according to V.R. Erlikh) or variants (according to S.B. Valchak) lie in the shape of the external

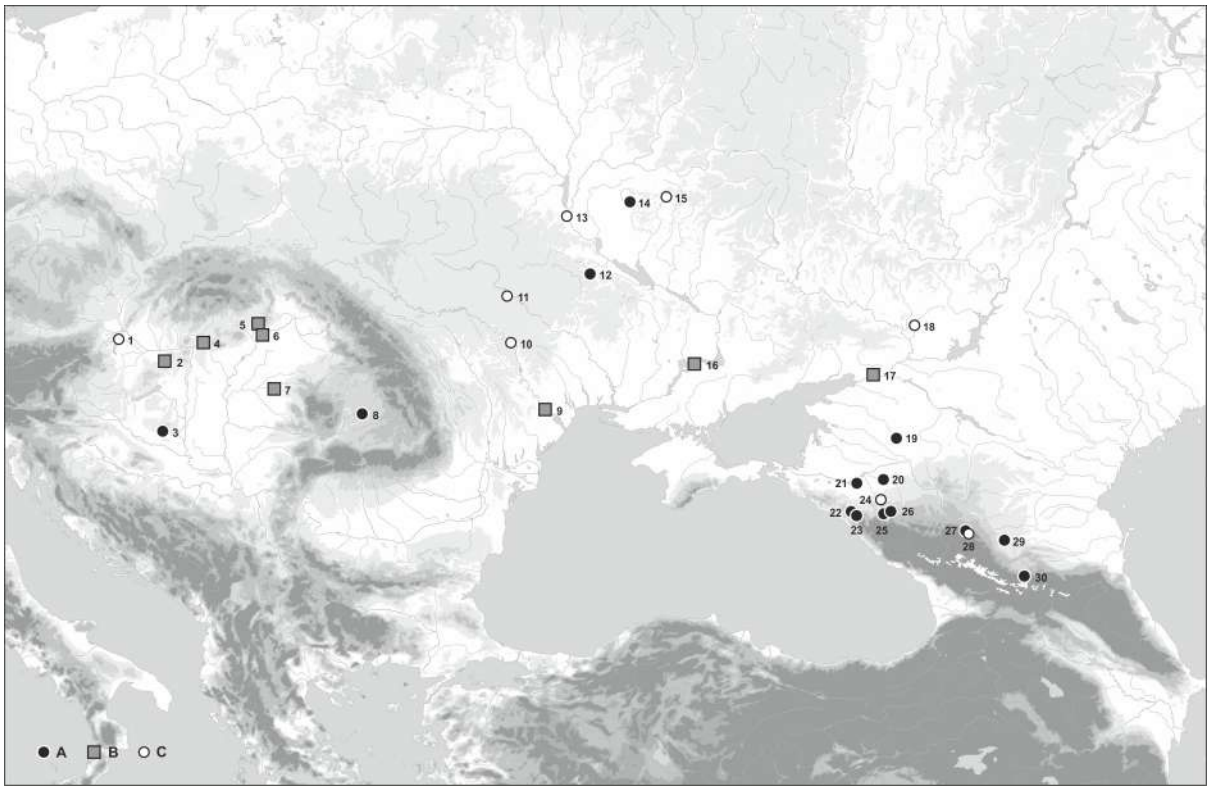


Fig. 4. Distribution of artefacts close to Socola items: 1 - Parndorf; 2 - Kömlőd; 3 - Pécs-Jakabhegy; 4 - Szanda; 5 - Fügöd; 6 - Prügy; 7 - Biharugra; 8 - Cipău; 9 - Purcari; 10 - Socola; 11 - Sokilets; 12 - Kvitky; 13 - Kyiv; 14 - Olshana; 15 - Basivka; 16 - Kamyanka-Dniprovska; 17 - Aksay; 18 - Obryvsky; 19 - Kubansky; 20 - Uashkhitu; 21 - Chishkho; 22 - Psekups; 23 - Pshish; 24 - Maykop; 25 - Khadzhokh; 26 - Fars; 27 - Klin-Yar; 28 - Kislovodsk; 29 - Altud; 30 - Koban.

fastening element – with one plaque, double plaques, and an elongated oval plaque. Based on the design of the product from Socola, it can be conditionally attributed to option 2 of type 2 of the first group (Эрлих 2007, 143) or category (Вальчак 2008, 127), the fundamental difference of which lies in the form of the suspension – in the form of a plate and attachment to the main ring with using a ring-shaped coupling.

An exact analogy to the item from Socola still needs to be discovered since the shape of the shields on the suspension for the draft harness part is unique. However, the items closest (fig. 4) to the artefact from Socola in design and size come from the hoards of Aksay (Мелентьев 1967, рис. 7/2, 5), Kamyanka-Dniprovska (Эрлих 1997, 22, рис. 3/6), "Hungary" (Metzner-Nebelsick 2002, Taf. 144/5-6), Kömlőd-*Dunaköm-lőd* (Gallus, Horvath 1939, 20, Tab. XXI/7; Metzner-Nebelsick 2002, Taf. 130/6), Prügy (Kemenczei 1981, 31), Fügöd (Kemenczei 1988, 65, Abb. 5/2; Metzner-Nebelsick 2002, Taf. 140/7), as well as mound 1 of the Khadzhokh-I burial ground (Сазонов 2000, 64, рис. 8/4), burial mound from Olshana (Ковпаненко, Скорый 2004, рис. 8/3, 5), burial 89 of the Pshish-I cemetery (Сазонов 2000, рис. 9/3) and destroyed burials of the Pshish burial ground (Вальчак 1997, 44, рис. 2/1-2), Psekups-I (Вальчак 1997, 44, рис. 2/4, 5), and stray finds from Parndorf (Adler 1986, 237, Abb. 188) and Klin-Yar (Дударев 1979, 274, рис. 1).

Probably one of the earliest assemblages with draft harnesses is the hoard from Prügy in north-eastern Hungary, in the Borsod-Abaúj-Zemplén county. Initially, it was attributed by T. Kemenczei (1981, 21) to the second half of the 9th - first half of the 8th centuries BC. Later, this dating was revised in the direction of "rejuvenation" of the chronology – the hoard from Prügy, like many other Hungarian assemblages of the "Thracian-Cimmerian horizon" (burial 169 of the Brno-Obřany burial ground, burial in Pécs-Jakabhegy, etc.) were synchronized with the Novocherkassk antiquities

(Kemenczei 1994, 591; Kemenczei 1996, 255). V.R. Erlikh (Эрлих 1994a, 62-63; Эрлих 2007, 146) also insists on a later date, although the composition of things instead points to the turn of HaB2/B3 or, rather, to the end of the 9th - beginning of the 8th centuries BC (Бруяко 2005, 84; Хохоровски 2020, 40-41). Another Hungarian hoard from Fügöd dates back to a later time since it combines HaC items and later items from the "Thracian-Cimmerian horizon" (Chochorowski 1993, 183; Бруяко 2005, 106). The most preferable date seems to be the last quarter of the 8th century BC (Pare 1999, 422) or the turn of the 8th - 7th centuries BC (Бруяко 2005, 86). The other assemblages with draft harnesses of the Pre-Scythian period are confidently located within the second half of the 8th century BC, although, for example, the burial of the Olshana barrow may also date back to the beginning of the 7th century BC based on the synchronization of the quiver set with the Gumarovo barrow (Ковпаненко, Скорый 2004, 285-286).

For the artefact from Socola, it was possible to obtain data on the chemical composition[4] (tab. 1). For several similar items, the results of spectral analysis are known, in particular, for items from the Aksay (Мелентьев 1967, таб. 1) and Pshish (Эрлих 2007, таб. III) hoards. The proportion of copper varies between 87-90%, much lower than that of the Socola item (97-98%). The percentage of alloying additives differs significantly, especially tin (Socola: 0.15-0.8%, Aksay: 7%; Pshish: 7.8%), arsenic (Socola: 0.65%, Aksay: 1-2%) to a lesser extent and lead (Socola: 0.4-0.75%, Aksay: 0.2%; Pshish: 0.3%) to an increase. Perhaps the high tin content (and, as a consequence, lower copper content) in Aksay products is because they were "covered with a thin, even layer of patina" (Мелентьев 1967, 40) and were probably not cleared of it before obtaining the spectrum. The object from Socola was wholly cleaned of oxides, chemically and mechanically[5]. Generally, the values of antimony (less than 1%) and nickel (0.01-0.06%) are similar. However, the fundamental difference between the two recipes is the presence of traces of cobalt and bismuth in the Aksay and Pshish harness parts. In contrast, in the Socola artefact, cobalt was recorded exclusively in only one sample: 0.7% in the ring (tab. 2/Socola-B).

It is noticeable that parts of draft harnesses of types similar to the item from Socola are found in very different contexts (hoards, burials, stray finds), and their distribution covers various regions – from Central Europe, the Black Sea region to the North Caucasus and Trans-Kuban area. V.R. Erlikh believes that until the end of the Pre-Scythian period (*i.e.* the classical Novocherkassk of the late 8th - first half of the 7th century BC), chariots were not known (Эрлих 2005, 180). Indeed, during this period, the massive appearance of metal parts of draft harnesses was noted[6]. Their complete absence in early Scythian monuments may indicate the sudden disappearance of the tradition of burying chariots and chariot sets from the middle of the 7th century BC (Вальчак 2009b, 30). Although most of the mentioned assemblages should be dated within the framework of the final 8th century BC, there are prerequisites for both "earlier" and "later" chronology.

Based on the spatial distribution of monuments of the Pre-Scythian period in the Dniester-Danube region, it is noticeable that stray finds are located far from the primary area of Pre-Scythian burials on the Lower Dniester, bordering them from the north and west. Interestingly, no Early Scythian burials have yet been discovered in the Lower Dniester region. A few assemblages of the second half of the 7th - early 6th centuries BC are known only on the Upper Prut (burial from Cuconeştii Vechi), Central Bessarabia (burial at Străşeni and stray finds of Early Scythian *akinakai*), the centre of the Budzhak steppe (burials from Horodne and Berezine) and the Lower Danube (Fricatsey). Considering the inlet nature of the majority of Pre-Scythian and Early Scythian burials, a completely legitimate question arises about the nature of these spatial differences.

[4] The article's authors are infinitely grateful to Lazar Dermenji, a researcher at the Laboratory of Materials for Photovoltaics and Photonics of the Institute of Applied Physics of Moldova, for his assistance in analyzing samples and interpreting the results. The studies used a Xenemetrix X-Calibur energy dissipation X-ray fluorescence spectrometer.

[5] The authors of the article are grateful to Valeriu Bubulici, the restorer of the NMHM, for the cleaning and conservation of the object from Socola.

[6] Despite numerous arguments favouring both the Western Asian and Eastern origins of the draft harness, the final formation of chariot parts occurs in the North Caucasus. This, according to S.B. Valchak (Вальчак 2009c, 35), is supported by the use of a fastening in the form of a mushroom cap on a peg.

Tab. 1.

Chemical composition of the alloy of the Socola find (A – pendant, B – ring) in comparison with the items from Aksay (Мелентьев 1967, таб. 1) and Pshish hoards (Эрлих 2007, таб. III), %

	Socola-A	Socola-B	Aksay 7, 2	Aksay 7, 5	Aksay 7, 7	Aksay 7, 11	Pshish
Cu	97,01	97,96	90	90	90	87	90,6
Sn	0,82	0,15	7	7	7	7	7,8
Pb	0,75	0,43	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3
Zn	-	-	+	+	+	+	-
Ag	0,01	0,02	+	+	+	+	0,04
Sb	0,39	0,25	0,7	0,7	0,7	3-4	0,4
As	0,64	0,65	1,5	1	2	1,5	0,45
Fe	0,28	0,37	-	-	-	-	0,23
Ni	0,06	0,01	0,06-0,08	0,01	0,06-0,08	0,01	0,16
Co	-	0,07	+	+	+	+	0,01
Bi	-	-	+	+	+	+	0,003
Mn	-	0,07	-	-	-	-	-
Au	0,04	0,03	+	+	+	+	-

Bibliography

Adler 1985-1986: H. Adler, Urnenfelderzeit: Burgenland: Parndorf. Fundberichte aus Österreich 24/25, 1985-1986, 237.

Chochorowski 1993: J. Chochorowski, Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy Środkowej (Kraków 1993).

Gallus, Horvath 1939: S. Gallus, T. Horvath, Un peuple cavalier prescythique en Hongrie. Trouvailles archeologiques du premier age du fer et leurs relations avec l'Eurasie (Budapest 1939).

Kemenczei 1981: T. Kemenczei, A prügyi koravaskori kincslelet. Communicationes Archaeologicae Hungariae 1, 1981, 29-41.

Kemenczei 1988: T. Kemenczei, Der Pferdegeschirrfund von Fügöd. Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae 40, 1988, 65-81.

Kemenczei 1994: T. Kemenczei, Hungarian Early Iron Age metal finds and their relations to the steppes. In: The archaeology of the steppes. Methods and Strategies (Napoli 1994), 591-618.

Kemenczei 1996: T. Kemenczei, Notes on the chronology of Late Bronze Age hoards in Hungary. In: Problemy epoki brązu i wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Księga jubileuszowa poświecona Markowi Gedlowi (Krakow 1996), 247-279.

Metzner-Nebelsick 2002: C. Metzner-Nebelsick, Der "Thrako-Kimmerische" Formenkreis aus der Sicht der Urnenfelder- und Hallstattzeit im südöstlichen Pannonien (Rhaden/Westf. 2002).

Nicic, Corobcean, Sprîncean 2019: A. Nicic, A. Corobcean, V. Sprîncean, Un pumnal de bronz inedit descoperit în preajma s. Cărbuna (raionul Ialoveni, Republica Moldova). In: (Eds. A. Zanoci, M. Băţ) Contribuţii la preistoria şi istoria antică a spaţiului Carpato-Danubiano-Pontic (Chişinău 2019), 151-162.

Pare 1999: C. Pare, Beiträge zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit in Mitteleuropa, I. Grundzuge der Chronologie im östlichen Mitteleuropa (11-8 Jahrhundert). Jahrbuch RGZM 45 (1), 1999, 293-433.

Бруяко 2005: И.В. Бруяко, Ранние кочевники в Европе (X-V вв. до Р. Х.) (Кишинев 2005).

Вальчак 1997: С.Б. Вальчак, Предскифские колесницы и «новочеркасские клады». В: Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии России 1 (Москва 1997), 40-34.

Вальчак 2008: С.Б. Вальчак, Классификация и состав предскифских комплексов с наборами тягловой упряжи. В: Проблемы современной археологии. МИАР 10 (Москва 2008), 125-139.

Вальчак 2009a: С.Б. Вальчак, Предскифские колесницы Восточной Европы: назначение деталей упряжи, виды запряжек, вооружение. Историко-археологический альманах 9, 2009, 28-41.

Вальчак 2009b: С. Б. Вальчак, Предскифские колесницы Восточной Европы: к вопросу о южном и восточном направлениях связей. Нижневолжский археологический вестник 10, 2009, 29-38.

Вальчак 2009c: С.Б. Вальчак, Опыт аналитического обзора предскифских комплексов с деталями тягловой упряжи (VIII-VII вв. до н.э.). В: Пятая Кубанская археологическая конференция (Краснодар 2009), 23-27.

Дударев 1979: С.Л. Дударев, Деталь конской сбруи из окрестностей Кисловодска. СА 4, 1979, 274-275.

Ковпаненко, Скорый 2004: Г.Т. Ковпаненко, С.А. Скорый, Ольшана: погребение предскифского времени в Днепровской Правобережной Лесостепи. Stratum plus 3, 2004, 265-288.

Лапушнян 1979: В.Л. Лапушнян, Ранние фракийцы X - начала IV в. до н.э. в лесостепной Молдавии (Кишинев 1979).

Махортых 2005a: С.В. Махортых, Черногоровские древности Северо-Восточного Причерноморья. В сб: Древности Евразии: от поздней бронзы до раннего средневековья (Москва 2005), 183-200.

Махортых 2005b: С.В. Махортых, Киммерийцы Северного Причерноморья (Киев 2005).

Мелентьев 1967: А.Н. Мелентьев, Некоторые детали конской упряжи киммерийского времени. Краткие сообщения Института археологии 112, 1967, 38-43.

Мелюкова 1972: А.И. Мелюкова, О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии. СА 1, 1972, 1, 57-72.

Сазонов 2000: А.А. Сазонов, Хаджохские курганы – некрополь древнемеотских вождей. Информационно-аналитический вестник 3, 2000, 42-67.

Топал 2021: Д. Топал, Акинак на западе скифского мира (Кишинэу 2021).

Фидельский 2006: С.А. Фидельский, О киммерийцах в Северо-Западном Причерноморье (по материалам нижнеднестровских погребений). В сб: Первая абхазская международная археологическая конференция (Сухуми 2006), 341-345.

Хохоровски 2020: Я. Хохоровски, «Птицеголовые» или «конноголовые» скипетры – реальная или фальшивая диллема? АДІУ 3 (36), 2020, 35-78.

Черняков 1971: И.Т. Черняков, Новые находки эпохи бронзы и раннего железа на Одесчине. В сб: Археологические исследования на Украине в 1968 г., 3 (Киев 1971), 136-138.

Эрлих 1990: В.Р. Эрлих, Курган Уашхиту и проблема интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада. В: XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Ставрополь 1990), 59-61.

Эрлих 1994a: В.Р. Эрлих, Об интерпретации некоторых комплексов типа Новочеркасского клада. Российская археология 2, 1994, 134-150.

Эрлих 1994b: В.Р. Эрлих, У истоков раннескифского комплекса (Москва 1994).

Эрлих 1997: В.Р. Эрлих, К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период. В: Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии России 1 (Москва 1997), 19-34.

Эрлих 2005: В.Р. Эрлих, К дискуссии о месте и времени появления предскифских колесниц. В: (Ред. В.И. Гуляев) Древности Евразии от ранней бронзы до раннего железа (Москва 2005), 167-182.

Эрлих 2007: В.Р. Эрлих, Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников (Москва 2007).

Piese de harnaşament prescitice din Moldova: o descoperire nouă de la Socola

Cuvinte cheie: perioada prescitică, Hallstatt, cimerieni, frâu pentru cal, care, XRF.

Rezumat: În 2020, la Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei a fost transmis un obiect de bronz, descoperit lângă satul Socola din raionul Şoldăneşti. Indubitabil, piesa de la Socola se datează în perioada prescitică şi a servit pentru prinderea curelelor hamului de tracţiune al cailor de bază, înhămaţi la un car cu bară de tracţiune sau jug. O analogie exactă pentru piesa de harnaşament de la Socola nu este, deocamdată, cunoscută, deoarece forma garniturilor de pe pandantiv este unică. Aşa cum arată în mod clar cercetările de până acum, piesele de harnaşament de tipul celei de la Socola se găsesc în contexte arheologice foarte diverse (depozite, înmormântări, descoperiri fortuite), iar răspândirea lor spaţială acoperă regiuni diferite – Europa Centrală, zona nord-pontică, Caucazul de Nord şi Kuban.

V.R. Erlih crede că până la sfârşitul perioadei prescitice (adică a clasicului Novocerkask, corespunzător sfârşitului sec. VIII - prima jumătate a sec. VII a. Chr.), carele nu erau cunoscute. Într-adevăr, anume în această perioadă s-a remarcat apariţia masivă a părţilor metalice de la harnaşamentul de tracţiune, iar absenţa lor în primele complexe scitice indică, probabil, dispariţia bruscă a tradiţiei îngropării carelor şi a harnaşamentelor de cai începând cu mijlocul sec. VII a. Chr. Majoritatea complexelor menţionate ar trebui datate la sfârşitul sec. VIII a. Chr., dar sunt şi descoperiri care ar putea fi atribuite unor intervale cronologice mai timpurii sau mai târzii.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Distribuţia antichităţilor prescitice în regiunea nord-vest pontică (A – necropole tumulare, B – necropole plane, C – depozite, D – descoperiri fortuite): 1 - Corjeuţi; 2 - Burlăneşti; 3 - Bădragii Vechi; 4 - Braniște; 5 - Petreşti; 6 - Morenii Vechi; 7 - Matca; 8 - Orlivka; 9 - Novosilske; 10 - Suvorove; 11 - Kholmske; 12 - Horodne; 13 - Congaz; 14 - Fridensfeld (Myrnopillya); 15 - Sarata; 16 - Mykhailivka; 17 - Trapivka; 18 - Diviziya; 19 - Pivdenne; 20 - Semenivka; 21 - Dalnik; 22 - Velykodolynske; 23 - Petrodolynske; 24 - Mayaky; 25 - Purcari; 26 - Hagilar; 27 - Săiţi; 28 - Cimişlia; 29 - Ecaterinovca; 30 - Zloţi; 31 - Ursoaia; 32 - Căuşeni; 33 - Chircăieşti; 34 - Hlinaia (Glinoe); 35 - Crasnoe; 36 - Novokotovsk; 37 - Slobodzeya; 38 - Sucleia; 39 - Tiraspol; 40 - Parcani; 41 - Gura Bîcului; 42 - Beriozchi; 43 - Roşcani; 44 - Butor; 45 - Brăneşti; 46 - Selişte; 47 - Brăviceni; 48 - Vladimirovka; 49 - Mocra; 50 - Saharna; 51 - Şoldăneşti; 52 - Cotiujenii Mari; 53 - Socola; 54 - Ocniţa; 55 - Herbyne.

Fig. 2. Piese de harnaşament prescitice din colecţia MNIM: 1, 2 - Socola; 3 - Şoldăneşti; 4 - Saharna.

Fig. 3. Piesa de la Socola după restaurare şi conservare (restaurator V. Bubulici), A, B – locuri de extragere a probelor pentru analiza XRF.

Fig. 4. Distribuţia artefactelor analogice piesei de la Socola: 1 - Parndorf; 2 - Kömlőd; 3 - Pécs-Jakabhegy; 4 - Szanda; 5 - Fügöd; 6 - Prügy; 7 - Biharugra; 8 - Cipău; 9 - Purcari; 10 - Socola; 11 - Sokilets; 12 - Kvitky; 13 - Kyiv; 14 - Olshana; 15 - Basivka; 16 - Kamyanka-Dniprovska; 17 - Aksay; 18 - Obryvsky; 19 - Kubansky; 20 - Uashkhitu; 21 - Chishkho; 22 - Psekups; 23 - Pshish; 24 - Maykop; 25 - Khadzhokh; 26 - Fars; 27 - Klin-Yar; 28 - Kislovodsk; 29 - Altud; 30 - Koban.

Предскифская упряжь из Молдовы: новая находка из Соколы

Ключевые слова: предскифский период, киммерийцы, гальштат, конская узда, колесницы, XRF.

Резюме: В 2020 г. в Национальный музей истории Молдовы был передан бронзовый предмет, обнаруженный на севере Республики Молдова, у с. Сокола Шолданештского района. Вне всякого сомнения, изделие из Соколы относится к предскифскому времени, а служил он для соединения ременных деталей тягловой упряжи коренных лошадей с дышлом или ярмом. Точной аналогии изделию из Соколы все же пока не известно, поскольку форма щитков на подвеске для детали тягловой упряжи уникальна. Детали тягловой упряжи близких к изделию из Соколы типов встречаются в самом разном контексте (клады, погребения, случайные находки), а их распространение охватывает различные регионы – от Центральной Европы, Причерноморья до Северного Кавказа и Закубанья. Считается, что до финала предскифского периода (т. е. классического новочеркасского конца VIII - первой половины VII в. до н.э.) колесницы не были известны. Действительно, именно в этот период отмечается массовое появление металлических деталей тягловой упряжи. А их полное отсутствие в раннескифских памятниках указывает на внезапное исчезновение традиции захоронения колесниц и колесничных наборов с середины VII в. до н. э. Хотя бóльшая часть упомянутых комплексов и следует датировать в рамках финала VIII в. до н.э., существуют предпосылки как для более «раннего», так и более «позднего» датирования.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Распространение предскифских древностей в Северо-Западном Причерноморье (A – курганные погребения, B – грунтовые погребения, C – клад, D – случайные находки): 1 - Коржеуць; 2 - Бурлэнешть; 3 - Бэдражий-Векь; 4 - Браниште; 5 - Петрешть; 6 - Морений-Векь; 7 - Матка; 8 - Орловка (Картал); 9 - Новосельское; 10 - Суворово; 11 - Холмское; 12 - Городнее; 13 - Конгаз; 14 - Фриденсфельд (Мирнополье); 15 - Сарата; 16 - Михайловка; 17 - Траповка; 18 - Дивизия; 19 - Пивденное; 20 - Семеновка; 21 - Дальник; 22 - Великодолинское; 23 - Петродолинское; 24 - Маяки; 25 - Пуркарь; 26 - Хаджилар; 27 - Сэиць; 28 - Чимишлия; 29 - Екатериновка; 30 - Злоць; 31 - Урсоая; 32 - Кэушень; 33 - Киркэешть; 34 - Хлиная (Глиное); 35 - Красное; 36 - Новокотовск; 37 - Слободзея; 38 - Суклея; 39 - Тирасполь; 40 - Паркань; 41 - Гура-Быкулуй; 42 - Березки; 43 - Рошкань; 44 - Бутор; 45 - Брэнешть; 46 - Селиште; 47 - Брэвичень; 48 - Владимировка; 49 - Мокра; 50 - Сахарна; 51 - Шолдэнешть; 52 - Котюжений-Марь; 53 - Сокола; 54 - Окница; 55 - Гербино.

Рис. 2. Детали предскифской упряжи из коллекции НМИМ: 1, 2 - Сокола; 3 - Шолэнешть; 4 - Сахарна.

Рис. 3. Находка из Соколы после реставрации и консервации (реставратор В. Бубулич), A, B – места изъятия проб для анализа по методу XRF.

Рис. 4. Распространение изделий близких к находке из Соколы: 1 - Парндорф; 2 - Кёмлёд; 3 - Печ-Якабхедь; 4 - Санда; 5 - Фюгед; 6 - Прюдь; 7 - Бихаругра; 8 - Чипэу; 9 - Пуркарь; 10 - Сокола; 11 - Сокилец; 12 - Квитки; 13 - Киев; 14 - Ольшана; 15 - Басовка; 16 - Каменка-Днепровская; 17 - Аксай; 18 - Обрывский; 19 - Кубанский; 20 - Уашхиту; 21 - Чишхо; 22 - Псекупс; 23 - Пшиш; 24 - Майкоп; 25 - Хаджох; 26 - Фарс; 27 - Клин-Яр; 28 - Кисловодск; 29 - Алтуд; 30 - Кобан.

25.06.2024

Dr. Denis Topal, National Museum of History of Moldova, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republic of Moldova, https://orcid.org/0000-0002-8586-4427, e-mail: denis.topal@gmail.com

Dr. Vlad Vornic, National Agency for Archaeology of Moldova, str. Mihai Eminescu, 50, Chişinău, Republic of Moldova, https://orcid.org/0000-0003-2796-7716, e-mail: vornic.vlad@yahoo.com

НОВАЯ НАХОДКА БРОНЗОВОГО ЛИТОГО ШЛЕМА ЭПОХИ СКИФСКОЙ АРХАИКИ НА КУБАНИ

Сергей Скорый

Ключевые слова: Северный Кавказ, бронзовый литой шлем, раннескифское время.

Описание артефакта

Шлем, которому посвящена настоящая публикация, уже фигурировал в моей статье по данному виду головного доспеха ранних кочевников Евразии. Однако в силу объективных обстоятельств я не имел тогда возможности для непосредственного изучения этого артефакта, обладая лишь несколькими качественными фото и лапидарной информацией об условиях его обнаружения (Скорый 2024, 34, 38, рис. 8).

И если уровень сведений об условиях находки шлема и ныне остался практически неизменным, то визуальное исследование доспеха, на мой взгляд, дало интересные результаты.

Итак, шлем был найден на Кубани ориентировочно в 2020 г. и приобретён для коллекции музея истории оружия Евгения Гредунова (Бровары, Киевская область, Украина). В связи со сказанным, предлагаю назвать его термином «Кубань-2020»[11]. К сожалению, никакой иной информации о конкретном пункте находки и условиях обнаружения более нет. Однако, учитывая достаточно хорошую сохранность доспеха, можно предположить его находку вне погребального комплекса. Шлемы, достоверно происходящие из захоронений, имеют, как правило, менее презентабельный внешний вид, нередко основательно коррозированы, иногда со значительными лакунами естественного происхождения.

По последним данным, в евразийском ареале (от Украины до Монголии), с учётом публикуемого головного доспеха, известно всего 24 бронзовых литых шлема эпохи ранних кочевников: 18 найдено в Восточной Европе, прежде всего, на Северном Кавказе, 6 – в Азии. Лишь 8 экземпляров достоверно происходят из погребальных памятников (северокавказские находки). Остальные 16 боевых литых оголовий – либо случайные находки, либо условия обнаружения их не ясны (4 экз.) (Скорый 2024, 41). В свете сказанного имеет прямой смысл вводить в науку любой артефакт этого рода, независимо от того, попал ли он в государственный музей или хранится в частной коллекции.

Значение этой категории защитного вооружения как исторического источника, несомненно, определяется тем обстоятельством, что бронзовые литые шлемы являются одним из ярких индикаторов культуры кочевников эпохи скифской архаики в евразийском пространстве.

Публикуемый шлем – почти правильной полусферической формы, весьма точно передающей очертания головы, с фигурно оформленной лицевой частью: двумя арковидными надбровными дугами, снабжёнными валиками, образующими выступающий наносник. Валик надбровных дуг выступает на 0,3 см с правой стороны и на 0,4 см – с левой. Боковые стороны и затылочная часть шлема – горизонтально ровные (рис. 1-2).

Эллипсовидное основание шлема имеет размеры 22,5×17,0 см (рис. 3). В лобной части доспеха – узкий вертикальный валик (максимальная ширина до 0,3 см), – несомненно, конструктивное ребро жёсткости, – идущий от центра наносника к полуовальной петле на макушке шлема (рис. 1/1; 3/1). Общая высота боевого оголовья (с петлёй) 16,4 см (рис. 1-2). Высота петли от основания шлема 1,1 см, ширина 1,9 см, сечение 0,6 см. Внутренние размеры петли 0,8×0,7-0,8 см. На петле просматриваются горизонтальные бороздки (рис. 4/2), в которых вряд ли стоит видеть недоработку этой детали шлема после отливки. Скорее всего, это следы потёртости металла

[1] Благодарю Евгения и Марию Гредуновых за предоставленную возможность исследовать шлем «Кубань-2020».

Рис. 1. Бронзовый шлем «Кубань - 2020»: 1 - лицевая сторона; 2 - затылочная сторона (фото Демида Скорого).

о металл. И здесь уместно вспомнить мнение Б.З. Рабиновича о том, что подобная петля на тулье шлема могла служить «для подвешивания шлема во время похода» (Рабинович 1941, 196-197). По-видимому, шлем подвешивался с использованием металлической проволоки или цепочки.

Лобная часть доспеха отличается большей толщиной (до 0,4 см), нежели затылочная (до 0,2 см), причем последняя сужается к почти заострённому краю (рис. 3/2; 5/2).

Нужно отметить некоторые особенности оформления лицевой части шлема, являющиеся результатом отливки в соответствующей литейной форме. Так, арковидные надбровные изгибы (общая ширина 13,5 см) не являются симметричными, имея разную ширину: правосторонний изгиб – 9,0, левосторонний – 8,2 см. Валик, идущий от наносника к петле, расположен на шлеме не идеально вертикально, а имеет изгиб (рис. 1/1).

В нижней части доспеха, от лицевой части, по периметру, расположено 21 круглое отверстие для крепления бармиц, которые, вероятно, были изготовлены из кожи или войлока. Отверстия просверлены на готовом изделии, с наружной стороны, и отстоят от нижнего края шлема на 0,4-0,9 см. Диаметр их строго не выдержан и колеблется от 0,2 до 0,4 см, как, впрочем, и расстояние между отверстиями – 1,5-3,0 см (рис. 1/2; 2; 3/2; 5/1, 2). Иными словами, эта деталь шлема выполнена без особой тщательности.

Столь большое число отверстий в нижней части шлема, по всему периметру, до лицевой части включительно, фиксируется весьма редко. Обычно таких отверстий 8-9, реже 10-13 (табл. 1/1-4, 6-9, 11-16), хотя в одном случае (шлем из колхоза «Прогресс» в Адыгее) количество их минимально – 6 отверстий (табл. 1/8). Публикуемому доспеху близки по числу отверстий 2 бронзовых литых шлема, найденные в Центральной Азии: в Тогуз-Тороуском районе Кыргызстана – не менее 22 отверстий (Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2001, 102, рис. 1), и на горе Хитруун в Монголии – 24 отверстия: с левой стороны 11 отверстий, с правой – 12, и одно – сзади (Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010, 56) (табл. 1/17, 18).

Похоже, что более 20 отверстий на шлеме «Кубань-2020», более-менее равномерно расположенные от лицевого выреза по всему пери-

1 2

Рис. 2. Бронзовый шлем «Кубань - 2020»: 1 - правая боковая сторона; 2 - левая боковая сторона (фото Евгения Гредунова).

метру нижней части, говорят в пользу того, что у него была лишь одна, *монолитная* бармица, защищающая голову по бокам и затылок.

Следует отметить, что сходная ситуация отнюдь не всегда присутствует у данного вида доспеха. Из известных мне шлемов (где число отверстий указано) она отмечена ещё у 8 (?) экз. (табл. 1/1-3, 6, 7, 9, 10, 13, 17). В 6 случаях у шлемов, похоже, были нащёчники – бармицы и назатыльник (табл. 1/4, 8, 11, 12, 14, 15). И лишь в одном случае (шлем из Кысмычи, Казахстан), судя по расположению 4 отверстий с каждой стороны (табл. 1/16), были бармицы – нащёчники.

Нельзя исключать, что на войлочной или кожаной бармице были закреплены металлические пластинки. Во всяком случае, обращают на себя внимание два небольших участка вблизи лицевой стороны шлема, слева от аркоподобного изгиба, покрытые коррозией железа. Возможно, это отпечатки металлических пластин бармицы, лежащей в отогнутом с одной стороны положении. Один из отпечатков – длиной до 3,5 см, при ширине 1,8 см, другой фиксируется в длину лишь на 1,5 см, при ширине до 10 см (рис. 2/2).

В связи со сказанным стоит вспомнить информацию В. Хойновского, раскопавшего Воронцовский курган у станицы Крымской на Кубани (1886), о якобы железных чешуйчатых частях бронзового шлема, покрывавших район щёк и затылок. Однако никаких документальных подтверждений этому факту нет, что в своё время позволило Б.З. Рабиновичу усомниться в достоверности данной информации (Рабинович 1941, 112). Однако упомянутые выше следы железных окислов в нижней части публикуемого шлема заставляют отнестись к названным сведениям В. Хойновского более внимательно.

Есть мнение, что крепление бармицы (или бармиц) к шлему осуществлялось с помощью кожаных ремешков (Алексеев 2019, 224). Возможно, в большинстве случаев так оно и было. Между тем нужно отметить, что на одном из упомянутых азиатских шлемов, найденном на городище Кысмычи, в нескольких отверстиях сохранились бронзовые («медные») заклёпки, использовавшиеся, по мнению публикатора шлема, для крепления нащёчников (Копылов 1957, 300).

Чрезвычайно интересно, что у данного шлема есть следы крепления мягкого матерчатого или кожаного подшлемника и на теменной

Рис. 3. Бронзовый шлем «Кубань - 2020»": 1 - вид сверху; 2 - внутренняя поверхность (фото Демида Скорого).

части – в виде четырёх аккуратно сделанных круглых отверстий диаметром 0,4 см. Два из них расположены по бокам теменной части, справа, на расстоянии 6,0 см от петли, и слева – до 7 см. Два других – по прямой линии, в обе стороны от петли. Одно на расстоянии 4,0 см от петли, по направлению к затылку. Другое – в сторону лицевой части, на таком же расстоянии (рис. 2; 3/1; 4/1; 6). Примечательно, что в нём, с внутренней стороны шлема, обнаружены остатки заклёпки, которые заполированы на внешней стороне доспеха (рис. 3/2; 5/3). Именно с их помощью крепился в верхней части подшлемник. И здесь можно вспомнить наличие заклёпок в нескольких отверстиях в нижней части шлема из Кысмычи (Копылов 1957, 300).

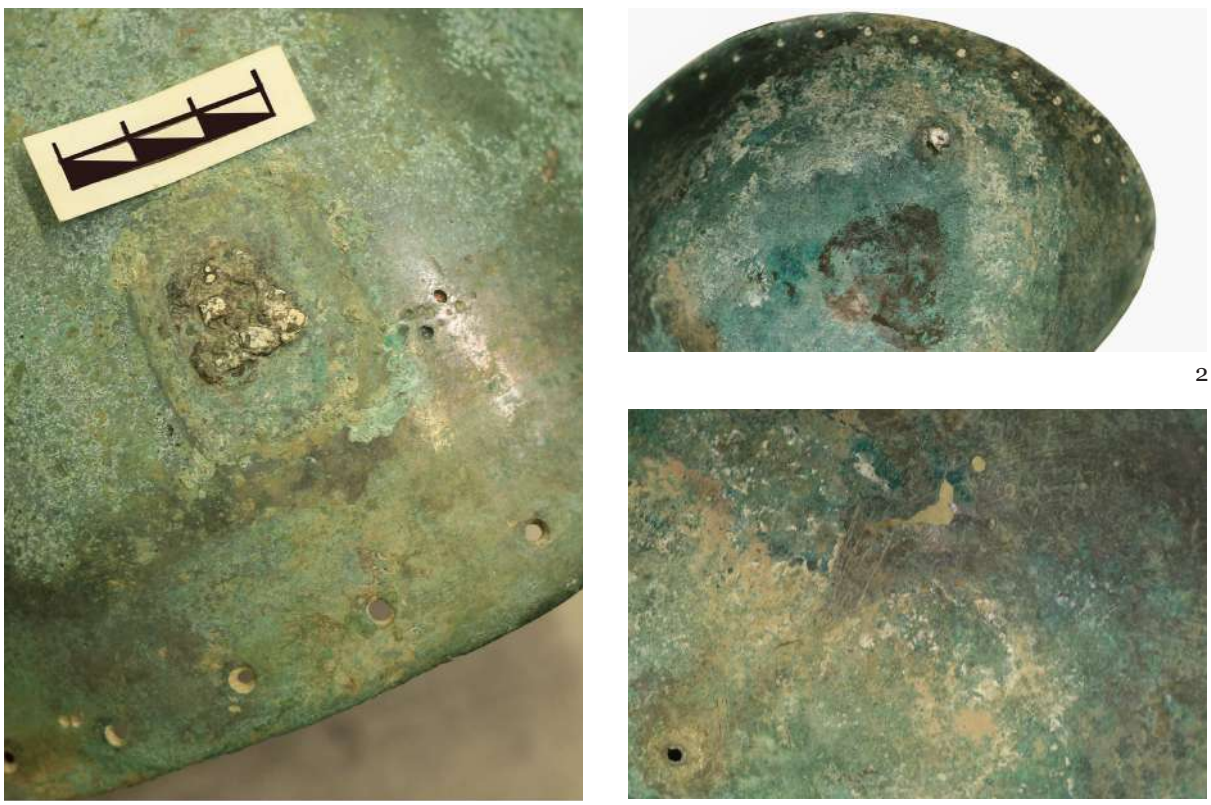
В нижней части подшлемник крепился к шлему посредством тех же отверстий, что и бармица. Мне пока известен лишь один сходный случай: на шлеме, случайно найденном у с. Гвардейское, в Чечне, в теменной части справа от петли расположено одно отверстие (Виноградов 1973, 275), несомненно, для крепления подшлемника.

Большая часть внешней поверхности шлема сохранила следы великолепной *полировки:* в своё время шлем, несомненно, имел весьма презентабельный вид с эффектом блеска (рис. 1; 2; 3/1; 4/1; 5/1; 6). Лишь с левой стороны имеется участок коррозии размерами 9,0×8,0 см ярко-зелёного цвета (рис. 1/1; 2/2). Несомненно, зеркальной полировке поверхности доспеха предшествовала *шлифовка*, выравнивание его поверхности после отливки. По-видимому, подобным операциям подвергалась внешняя сторона большинства, если не всех, литых бронзовых шлемов. Во всяком случае, она с разной степенью чёткости зафиксирована на целом ряде экземпляров. Из ранних находок – в келермесских курганах 2/В и 1/Ш (Рабинович 1941, 108, 110; Галанина 1997, табл. 14), боевых оголовьях из собрания ГИМ (Вальчак 2023, 43-44, рис. 1, 46-47, рис. 2). Из недавних – на шлемах: из с. Гвардейское в Чечне (Виноградов 1973, 276, рис. 1), погребения 3 кургана 15 Келермесского могильника в Адыгее (Алексеев 2019, 227, рис. 1), Старокорсунского городища 2 Краснодарского края (Марченко 1998, 24, рис. 1), колхоза «Прогресс» в Адыгее (Вальчак, Недомолкин 2022,го6, 38), фрагментированном шлеме из Мельников – Головковки в Украине (Полтавець, Білецька, Легоняк 2000, рис. 1).

Из числа восточноевропейских шлемов, пожалуй, наиболее эффектно сохранилась зеркальная полировка на боевом оголовье из Старого Пичеура в Ульяновской области (Рабинович 1941, 112, табл. VII).

1 2

Рис. 4. Бронзовый шлем «Кубань - 2020». Детали: 1 - лакуны, образовавшиеся в процессе коррозии; 2 - петля со следами потёртостей-бороздок (фото Демида Скорого).



1 2 3

Рис. 5. Бронзовый шлем «Кубань - 2020». Детали: 1 - следы пластины-латки на пробоину с внешней стороны затылочной части; 2 - пробоина с внутренней стороны шлема; 3 - следы-бороздки от проковки (?) шлема изнутри (фото Демида Скорого).

Следы полировки имеют и все немногочисленные азиатские литые бронзовые шлемы, особенно выразительно – шлемы из Афрасиаба (Узбекистан) и Тогус-Тороуского района (Кыргызстан) (Скорый 2024, 39, рис. 9).

Внутри шлема «Кубань-2020» никаких следов шлифовки не наблюдается. Более того, на поверхности, в отдельных местах, фиксируются разнообразные, бессистемно расположенные линии-бороздки (рис. 5/3). Подобные известны и на иных шлемах. Видимо, верно их трактуют в качестве следов, оставленных неким острым инструментом в результате дополнительной проковки доспеха после изъятия его из литейной формы (Рабинович 1941, 108; Вальчак 2023, 43). О том, что проковка шлемов осуществлялась, свидетельствует, например, и сужение края затылочной части у публикуемого боевого оголовья почти до острия (рис. 3/2).

Заслуживает внимания наличие небольшого грушевидного пятна коричневого цвета внутри шлема, в задней части, с правой стороны. Вокруг него располагается в той или иной степени зеленоватая коррозия металла. Пятно же, по-видимому, демонстрирует участок первоначальной внутренней поверхности доспеха (рис. 3/2; 5/2). Можно осторожно предположить, что в шлеме изначально находился какой-то предмет, по форме близкий пятну, предохранивший данный участок от процесса активного коррозирования.

Вес шлема – 1,382 кг (рис. 6).

Рис. 6. Бронзовый шлем «Кубань - 2020». Вес доспеха (фото Демида Скорого).

Следы деструкции: природное воздействие и результаты боевых действий

При общей весьма хорошей сохранности шлема, он всё же имеет некие повреждения.

Четыре из них – небольшие лакуны (три из которых – вытянутой формы), располагающиеся сверху, на тулье доспеха, которые образовались в результате воздействия внешней среди за период нахождения шлема в грунте. Две из них (наибольшая 1,0×0,3 см) расположены в левой части тульи, одна – справа (2,0×0,3 см), ещё одна (1,0×0,3 см) пролегает в сторону затылка (рис. 2; 3/1; 4/1).

Пятое нарушение доспеха заслуживает особого внимания. Речь идёт о следах ремонта в затылочной части шлема. Здесь, почти по центру, на расстоянии 3,8 см от нижнего края вверх, чётко фиксируется прямоугольный отпечаток металлической пластины (латки) размерами 4,0×3,0 см (рис. 1/2; 5/1), перекрывающей контур сквозного отверстия неправильной прямоугольной формы (1,8×1,5 см) (рис. 5/1, 2). Шлем, несомненно, был пробит ударным оружием ближнего боя с острым бойком – клевцом или чеканом.

Учитывая площадь пробоины, есть все основания предположить, что проникновение бойка было глубоким, а нанесённый в затылок удар – летальным. Имеет смысл вспомнить, что затылочная часть данного шлема не отличается такой степенью прочности, как лобовая. Есть основания думать, что воины раннескифской поры хорошо знали наиболее уязвимые места современных им головных доспехов.

В результате долгого пребывания в грунте пластина – латка отпала от поверхности шлема. Находчики шлема, скорее всего, на неё не обратили внимание.

Ремонт шлема после его повреждения (а таких случаев в кругу литых бронзовых шлемов известно несколько) говорит о несомненной ценности подобных металлических доспехов.

Место новой находки в кругу иных бронзовых литых шлемов евразийского ареала

По набору упомянутых морфологических признаков «Кубань-2020» принадлежит к шлемам так называемого кубанского типа, или «кубанским». Они получили такое название вследствие наибольшего числа находок подобных бронзовых литых шлемов в Восточной Европе именно на Северном Кавказе. Первая же находка была сделана именно на Кубани (Воронцовский курган у станицы Крымская, 1886).

Правда, в недавно изданной статье, учитывая находки бронзовых литых шлемов эпохи ранних кочевников в Евразии, я предлагаю отказаться от использования подобного термина по отношению к таким шлемам и использовать применительно к находкам на территории Восточной Европы и Северного Кавказа формулировку «скифские бронзовые литые шлемы эпохи архаики».

Основания для этого есть, и главное из них заключается в том, что данный защитный доспех с точки зрения происхождения не имеет кавказских корней и генетически связан с центральноазиатскими бронзовыми литыми шлемами, истоки которых восходят к боевым оголовьям Северного Китая эпохи Западного Чжоу. Эта точка зрения убедительно обоснована А.В. Варёновым и нашла поддержку ряда современных специалистов (см. библиографию: Скорый 2024, 51-52).

С.Б. Вальчак, анализируя бронзовые литые шлемы северокавказского региона, выделил в их кругу некое «морфологическое ядро», совокупность боевых оголовий, обладающих полным набором морфологических признаков, различающихся разве по весу, общим размерам и числу отверстий в нижней части шлемов для крепления бармиц. Его составляют, по сведениям автора, девять шлемов (Вальчак 2023, 49).

Публикуемый шлем, найденный на Кубани, в указанное «морфологическое ядро» не входит, поскольку у него отсутствует один из важных морфологических признаков, свойственных большинству литых бронзовых шлемов ранних кочевников, а именно – вырез на затылке. Ныне из 21 сохранивших внешний вид шлема достоверно известно лишь 4 доспеха без выреза, помимо публикуемого: шлем № 2 из кургана 2/В Келермесского могильника, шлем № 2 из ГИМ и 2 азиатские находки: в верховьях Иртыша в Западной Сибири и на горе Хитруун в Монголии (Скорый 2024, 32, рис. 2/2; 33, рис. 3/4; 39, рис. 9/4, 6) (табл. 1/2, 10, 13, 18).

Думаю, что вполне убедительно метрические различия шлемов (длина, ширина эллипсовидного основания, высота доспеха, его вес) (табл. 1) объясняются изготовлением их литейщиками под конкретного заказчика (Вальчак, Муравенко 2023, 144-145).

Шлем «Кубань-2020», исходя из метрических данных, и прежде всего, веса (1,382 кг), относится к числу наиболее малых форм из числа шлемов, указанные сведения о которых приводятся. Он уступает лишь по весу шлему «Краснодар-2020» – 1,255 кг. Наиболее тяжёлым головным доспехом из тех экземпляров, чей вес известен, является шлем, случайно найденный в колхозе «Прогресс» в Адыгее: 2,186 кг (табл. 1/8). Однако максимально металлоёмкими, исходя из размеров, по-видимому, являлись центральноазиатские шлемы (Афрасиаб, Узбекистан; Кысмычи, Казахстан; Тогус-Тороуский район, Кыргызстан) (табл. 1/15-18). Однако сведения об их весе, к сожалению, не приводятся.

По тем или иным типологическим признакам «новый» головной доспех с территории Кубани подобен большинству шлемов, найденных в Восточной Европе, особенно на Северном Кавказе. С учётом отсутствия выреза на затылке, «Кубань-2020» наиболее близок шлему №1 из кургана 2/В Келермесского могильника (Галанина 1997, табл. 14/221), время которого определяется в рамках середины – 3-й четверти VII в. до н.э. (Галанина 1997, 179). Но, пожалуй, ближайшая аналогия, принимая во внимание и число отверстий для крепления монолитной бармицы на шлеме (более 20), происходит с горы Хитруун в Монголии, являясь, к сожалению, случайной находкой (Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010, 56-57, рис. 4).

Ныне есть достаточно оснований ограничивать время бытования литых бронзовых шлемов ранних кочевников на территории всего евразийского ареала VII в. до н.э. (Скорый 2024, 41-50).

Интересен *состав металла*, из которого отлит публикуемый шлем.

Нужно отметить, что определение металла, из которого изготовлены шлемы эпохи ранних кочевников в Евразии, известно лишь для 11 из 24 экз., в основном находок с территории Северного Кавказа. В Центральной Азии есть определение только для одного из 6 шлемов – Кысмычи.

Однако в большинстве случаев называются лишь основные компоненты, составляющие сплавы, без полной процентной раскладки химического состава (табл. 2/1-3, 6-8). Исключение составляют лишь 5 шлемов (3 – северокавказские находки, 1 – центральноазиатская, 1 – с территории Украины) (табл. 2/4, 5, 9-11). При этом результаты анализов элементного состава металла двух шлемов вводятся в научный оборот в настоящей работе впервые (табл. 2/9, 10; табл. 3).

Шлем «Кубань-2020» изготовлен из качественной оловянистой бронзы с повышенным содержанием арсена (As), железа (Fe)и свинца (Pb) (табл. 2/9; табл. 3/1). В целом, по составу металла он близок шлемам, найденным на Северном Кавказе, анализы которых известны, отлитым, как правило, из оловянистой бронзы, в которой процент олова зачастую весьма высок (табл. 2/1-3). Среди северокавказских экземпляров исключение составляет разве что шлем «Краснодар-2022», изготовленный из меди, добытой из цинковых руд, с естественным высоким содержанием свинца (табл. 2/5).

Вместе с тем, помимо сходных основных показателей, у публикуемого шлема есть частные отличия, известные пока лишь у небольшого числа так называемых «кубанских» шлемов. Речь идёт о повышенном содержании в металле арсена (полуметаллического химического элемента, известного в просторечье как мышьяк). Эта особенность отмечена у шлемов: из кургана 15 (погребение 3) Келермесского могильника, одного из двух экземпляров, хранящихся в ГИМ и доспехе, найденном в Украине, вблизи сёл Мельники – Головковка (табл. 2/4, 6, 10).

Известные нам анализы химического состава металла, из которых отливались шлемы, связанные с Северным Кавказом (табл. 2), свидетельствуют в пользу того, что бронзолитейщики работали с разным сырьём, причём это могло иметь место как в одной конкретной мастерской, так и в разных мастерских указанного региона.

Заслуживают внимания результаты анализа металла на некоторых отдельных, наиболее интересных участках шлема «Кубань-2020». Так, выяснено, что заклёпки, которыми крепился подшлемник к доспеху, были изготовлены также из оловянистой бронзы (Sn – 6,0%) (табл. 3/5). На отпечатке коррозии от железных пластин бармицы (?) весьма высокий процент железа (Fe – 12,38%).

Пожалуй, наиболее интересны результаты анализа металла в районе ремонта шлема, в затылочной части. Пробоина была заделана сплавом, основу которого составляло *олово* (Sn – 92,1%) с добавкой незначительного количества меди (Cu – 4,40%) (табл. 3/3). Сверху закрытой пробоины, с внешней стороны шлема, была припаяна накладка-латка с помощью припоя, который состоял из меди (Cu – 59,0%) и олова (Sn – 29,61%) (табл. 3/4). К слову сказать, мне известен лишь один случай ремонта литого шлема – экземпляра найденного в Кысмычи (Казахстан). Однако там ремонт был осуществлён иным образом – двухсторонней заливной заплатой, состоящей из металла, весьма близкого по составу тому, из которого был отлит шлем (Копылов 1957, 300, табл. VIII/2, 5).

Публикуемый шлем «Кубань-2020», будучи близким по основным показателям шлемам «кубанского» типа или – как я их предлагаю называть – скифским бронзовым литым шлемам эпохи архаики, обладает рядом особенностей – типологического характера и элементного состава металла, из которого изготовлен данный доспех.

В этом его несомненное значение как важного исторического источника эпохи ранних кочевников в Евразийском регионе.

Таблица 1.

Некоторые метрические данные о бронзовых литых шлемах эпохи ранних кочевников в Евразии

№ п/п	Место обнаружения шлема	Размеры основания, высота (см)	Вес (кг)	Колличество отверстий для бармицы, их расположение	Наличие шейного выреза, следы ремонта	Публикация
1	ст. Келермесская, к. 2/В, Адыгея, шлем 1	23×18, высота 17,3	1,9	12 по периметру	Вырез	Галанина 1997, 238, табл. 14/220
2	ст. Келермесская, к. 2/В, Адыгея, шлем 2	28×17, высота 16	1,5	12 по периметру	*Выреза нет*	Галанина 1997, 238, табл. 14/221
3	ст. Келермесская, к. 1/Ш	28,0×19,5, высота 18,3	1,4	9 по периметру	Вырез	Галанина 1997, 243, табл. 14/10
4	ст. Келермесская, к. 15, п. 3	23,5×18,0, высота 18	?	10: по 3 по бокам, 4 сзади	Вырез	Алексеев 2019, 223-224, 227, рис. 1
5	ст. Крымская, к. Воронцовский, Краснодарский край	? ×17,2, высота 17,8	1,6	?	Вырез	Рабинович 1941, 111-112, табл. VII
6	селение Нартан, к. 20, Кабардино-Балкария	?	?	9 по периметру	Вырез	Батчаев 1985, 40-41, табл. 48/24
7	с. Гвардейское, Чечня, сл. находка	21×19, высота 16,9	1,87	8 по периметру + отверстие в теменной части	Вырез	Виноградов 1973, 275-276, рис. 1
8	К-з «Прогресс», Адыгея, сл. находка	23,9×14,4, высота 16,5	2,186	6: по 2 по бокам и 2 сзади	Вырез	Вальчак, Недомолкин 2022, 36-38, рис.1
9	«Краснодар - 2022», сл. находка	22,5×16,2, высота 14,1 (с петлёй)	1,255	10 по периметру	Вырез	Вальчак, Муравенко 2023, 145, 148, рис. 3
10	«Кубань - 2020», условия обнаружения не известны	22,5×17,0, высота 16,4	1,382	21 по периметру	Следы ремонта, *выреза нет*	Публикуемый шлем
11	Старокорсунское городище–2, Краснодарский край, сл. находка	23,7×15,7, высота 18,7	1,87	9: по 3 по бокам, 3 сзади	Вырез	Марченко 1998, 24, рис. 1
12	ГИМ, шлем 1, условия обнаружения не известны	24,0×17,1, высота 17 (без петли)	?	9: по 3 по бокам, 3 сзади	Вырез	Вальчак 2023, 43-46, рис. 1
13	ГИМ, шлем 2, условия обнаружения не известны	19,5×18,5, высота 21	?	13 по периметру	*Выреза нет*	Вальчак 2023, 46-49, рис.2
14	с. Старый Пичеур, Ульяновская область	22,5×18,5, высота 18	1,88	9: по 3 по бокам, 3 сзади	Вырез	Рабинович 1941, 112-113, табл. VII
15	Городище Афрасиаб, Узбекистан	? ×18 Высота шлема до вершины гребня 24,5	?	8: по 3 по бокам, 2 сзади	Вырез	Кузьмина 1958, 120, рис. 1
16	Городище Кысмычи, Казахстан	23×20, высота 20	?	8: по 4 по бокам	Ремонтирован с двух сторон наливной заплатой Вырез	Копылов 1957, 300-301, табл. VIII
17	Тогуз-Тороуский р-н, Кыргызстан.	23×18, высота 29	?	22 (?) по периметру	Вырез	Худяков, Табалдиев, Солтобаев 2001, 103-104, рис. 1-2
18	Гора Хитруун, Монголия	24,5×14,0, высота 14	?	24: 11 и 12 по бокам, 1 сзади	*Выреза нет*	Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010, 56-57, рис. 4

Таблица 2.

Элементный состав металла бронзовых литых шлемов эпохи ранних кочевников в Евразии

№ п/п	Место обнаружения шлема	Состав металла (в %)	Примечание	Публикация
1	ст. Келермесская к. 2/В, Адыгея, шлем 1	Cu – основа; Sn – 20-25	Шлем с валиками по бокам. Отлит из качественной *оловянистой бронзы*, с очень большим содержанием олова, Содержания железа в келермесских шлемах не превышает сотых – десятых долей процента, а кобальта – тысячных (до 0.006%)"	Алексеев 2019, 226, сноска 3
2	ст. Келермесская к. 2/В, Адыгея, шлем 2	Cu – основа; Sn – 10-12	Отлит из качественной *оловянистой бронзы* с большим содержанием олова	Алексеев 2019, 226, сноска 3
3	ст. Келермесская, Ш/1 Адыгея	Cu – основа; Sn – 12	Отлит из качественной *оловянистой бронзы* с большим содержанием олова	Алексеев 2019, 226, сноска 3
4	ст. Келермесская, к. 15, п. 3, Адыгея	Cu – основа; Sn, As – 0,4; Pb – 0,4; Fe < 0,4; Sb – следы	Изготовлен из хорошей *оловянистой бронзы*. По составу сплава этот шлем вполне соответствует шлемам из других келермесских могил	Алексеев 2019, 224
5	«Краснодар -2022»	Cu – 87,18-88,52; Sn – 0,61-0,72; Pb – 2,20-2,59; Zn – 6,20-6,34; Sb – 0,78-1,02; Ag – 0,13-0,19; Fe – 1,08-2,14; Ni – 0,09	Отлит из *меди*, добытой из цинковых руд, с естественным высоким содержанием свинца	Вальчак, Муравенко 2023, 153
6	ГИМ, шлем 2 (?)	Cu; Sn; As; Sb; Bi; Ni; Co	Отлит из сложного рецепта с добавками, свойственными металлу *восточных культур эпохи поздней бронзы*, помимо олова: арсен, сурьма, высока концентрация висмута, никеля, кобальта	Барцева 1985, 121-122
7	Красное Знамя, к. 6, Ставрополье	Cu – основа; Sn – ?; Fe – до 1,5; Co – до 0,01	Отлит из *оловянистой бронзы* с высоким содержанием железа и кобальта (до 0,01%)	Барцева 1989, 113
8	Селение Нартан, к. 20, Кабардино-Балкария	?	Отлит из *оловянистой бронзы*	Барцева 1985, 121
9	«Кубань – 2020», Краснодарский край	Cu – 79,07; Sn – 9,01; As – 1,19; Fe – 0,48; Pb – 0,212; Ag – 0,14; Sb – 0,11; Ni – 0,008; Zn – 0,002	Отлит из *оловянистой бронзы* с повышенным содержанием арсена (As), железа (Fe)и свинца (Pb)	Публикуется впервые[2]
10	Мельники-Головковка, Украина	Cu – 88,85; Sn – 8,666; Pb – 0,981; As – 0,869; Sb – 0,297; Ni – 0,117; Ag – 0,115; Co – 0,068; Fe – 0,035	Отлит из *оловянистой бронзы* с повышенным содержанием арсена (As) и свинца (Pb)	Публикуется впервые[3]
11	Кысмычи, Казахстан	Cu – 87,75; Sn – 5,0; Pb – 0,47; Bi – следы; Mo – примесь	Отлит из хорошей *оловянистой бронзы*, с повышенным содержанием свинца, *примесью молибдена*	Копылов 1957, 301

[2] Благодарю заведующего лабораторией фирмы «Elvatech Ltd» (Киев) Александра Дружерученко, исследовавшего элементный состав шлема «Кубань-2020» на спектометре «ElvaX ProSpector».

[3] Благодарю с.н.с. Института археологии НАН Украины Татьяну Гошко за исследование элементного состава металла шлема из Мельники-Головковка на рентгенофлуоресцентном спектометре СЕР-01 ААЕС.412131.001, модификации «ElvaX Light», а также за необходимые мне консультации.

Таблица 3.

Элементный состав металла бронзового литого шлема «Кубань-2020»

Место анализа	Cu	Sn	As	Fe	Pb	Ag	Sb	Ni	Zn
№ 1. Шлем	**79,07**	**9,01**	**1,19**	0,48	0,212	0,14	0,11	0,008	0,002
№ 2. Отпечаток пластины бармицы а шлеме	70,15	12,14	1,27	**12,38**	0,28	0,16	–	–	–
№ 3. Ремонт пробитого отверстия на затылке	4,40	**92,1**	0,017	0,85	–	–	–	–	0,07
№ 4. Припой в месте закрепления латки	59,0	**29,61**	0,87	0,49	0,20	0,10	0,09	–	0,05
№ 5. Заклёпка (для подшлемника)	**92,4**	6,0	0,75	0,4	–	–	–	–	0,4

Библиография

Алексеев 2019: А.Ю. Алексеев, Шлем «кубанского» типа из Келермесского могильника (раскопки 1993 г.). Нижневолжский археологический вестник 18/2, 2019, 221-229.

Барцева 1985: Т.Б. Барцева, Химический состав цветного металла из курганного могильника у селения Нартан (по данным спектрального анализа). В сб.: (Отв. ред. М.П. Абрамова, В.И. Козенкова) Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 гг. (Нальчик 1985), 116-134.

Барцева 1989: Т.Б. Барцева, Раннескифский цветной металл в Предкавказье (комплекс "Красное Знамя"). В сб.: (Отв. ред. Е.Н. Черных) Естественнонаучные методы в археологии (Москва 1989), 109-117.

Батчаев 1985: В.М. Батчаев, Древности предскифского и скифского периодов. Курган скифского времени у селения Нартан. В сб.: (Отв. ред. М.П. Абрамова, В.И. Козенкова) Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-1979 гг. (Нальчик 1985), 19-115.

Вальчак 2023: С.Б. Вальчак, Раннескифские шлемы из собрания Государственного исторического музея и вопросы формирования шлемов кубанского типа. Краткие сообщения Института археологии 272, 2023, 45-57.

Вальчак, Недомолкин 2022: С.Б. Вальчак, А.Г. Недомолкин, Раннескифский бронзовый шлем из Майкопского музея. Историко-археологический альманах 16, 2022, 36-46.

Вальчак, Муравенко 2023: С.Б. Вальчак, Е.В. Муравенко, Новая находка шлема кубанского типа с Северо-Западного Кавказа. Российская археология 4, 2023, 144-157.

Виноградов 1973: В.Б. Виноградов, Кубанский шлем из Чечено-Ингушетии. В сб.: (Отв. ред. А.И. Тереножкин) Скифские древности (Киев 1973), 275-276.

Галанина 1997: Л.К. Галанина, Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения). В сб.: (Отв. ред. Ю.В. Бромлей). Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения (Ленинград 1985), 169-182.

Копылов 1957: И.И. Копылов, Находка скифского шлема в Семиречье. Учёные записки Алма-Атинского государственного педагогического института им. Абая XIV, 1957, 300-302.

Кузьмина 1958: Е.Е. Кузьмина, Бронзовый шлем из Самарканда. Советская археология 4, 1958, 120-126.

Марченко 1998: И.И. Марченко. Шлем «кубанского» типа со Старокорсунского городища № 2. Историко-археологический альманах 4, 1998, 24-26.

Полтавець, Білецька, Легоняк 2000: В.І. Полтавець, О.В. Білецька, Б.В. Легоняк, Шолом кубанського типу в Правобережному Лісостепу. Археологіґя 1, 2000, 147-149.

Рабинович 1941: Б.В. Рабинович, Шлемы скифского периода. Труды отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа 1, 1941, 99-171.

Скорый 2024: С.А. Скорый, Некоторые размышления о восточноевропейских и центральноазиатских боевых оголовьях эпохи ранних кочевников. Археология Казахстана 1 (23), 2024, 27-59.

Худяков, Табалдиев, Солтабаев 2001: Ю.С Худяков, К.Ш Табалдиев, О.А. Солтобаев, Шлемы, найденные на территории Кыргыстана. Археология, этнография и антропология Евразии 1 (5), 2001, 101-106.

Худяков, Эрдэнэ-Очир 2010: Ю.С. Худяков, Н. Эрдэнэ-Очир, Бронзовый шлем – новая находка в Монголии. Археология, этнография и антропология Евразии 1 (41), 2010, 53-60.

O nouă descoperire a unui coif din bronz turnat din epoca scitică arhaică în Kuban

Cuvinte-cheie: Caucazul de Nord, coif din bronz turnat, perioada scitică timpurie.

Rezumat: Coifurile din bronz, turnate în perioada scitică timpurie, din Eurasia au fost reprezentate, până de curând, de doar 23 de descoperiri. Dintre acestea, 16 au fost găsite în Europa de Est, în principal, în Caucazul de Nord. Nu există informaţii despre locul descoperirii a trei coifuri. Şase armuri provin din Asia Centrală (Siberia de Vest, Uzbekistan, Kazahstan, Kârgâzstan, Mongolia), toate reprezentând descoperiri fortuite. Doar opt coifuri (Caucazul de Nord) au fost găsite în înmormântări. Conform artefactelor din complexe, acestea aparţin secolului al VII-lea a. Chr. Coifurile descoperite în Caucazul de Nord, având în vedere primele descoperiri şi concentraţia lor în această regiune, au fost numite de tip „Kuban". Coiful prezentat în această publicaţie, de asemenea, provine din regiunea Kuban, fiind descoperit în anul 2020. Din păcate, condiţiile atestării lui nu sunt cunoscute. Articolul oferă o descriere completă a armurii şi o analiză comparativă a acesteia pe fundalul tuturor coifurilor de bronz din perioada nomadă timpurie din Eurasia. Sunt remarcate trăsăturile specifice ale acestui artefact şi sunt prezentate rezultatele studiului compoziţiei elementare a metalului din care este turnată armura. Publicarea coifului „Kuban-2020" completează baza de date pentru această categorie restrânsă de armuri de protecţie ale primilor nomazi eurasiatici.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Coiful din bronz „Kuban - 2020": 1 - partea din faţă; 2 - partea occipitală (foto Demid Skoryi).

Fig. 2. Coiful din bronz „Kuban - 2020": 1 - partea laterală dreapta; 2 - partea laterală stânga (foto Evgeny Gredunov).

Fig. 3. Coiful din bronz „Kuban - 2020": 1 - imagine de sus; 2 - suprafaţa interioară (foto Demid Skoryi).

Fig. 4. Coiful din bronz „Kuban - 2020". Detalii: 1 - goluri formate în urma procesului de coroziune; 2 - buclă cu urme de abraziuni (foto Demid Skoryi).

Fig. 5. Coiful din bronz „Kuban - 2020". Detalii: 1 - urme ale unei plăci de plasture pe orificiul din exteriorul părţii occipitale; 2 - gaură din interiorul coifului; 3 – urme de la forjarea (?) coifului din interior (foto Demid Skoryi).

Fig. 6. Coiful din bronz „Kuban - 2020". Greutatea armurii (foto Demid Skoryi).

The new find of a bronze cast helmet of the Scythian Archaic period in Kuban

Keywords: North Caucasus, bronze cast helmet, Early Scythian period.

Abstract: Bronze cast helmets of the Early Scythian period in Eurasia were represented until recently by only 23 finds. Of these, 16 were found in Eastern Europe, mainly in the North Caucasus. There is no information about the place of discovery of 3 helmets. Six armors come from Central Asia (Western Siberia, Uzbekistan, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Mongolia) and all of them are accidental finds. Only 8 helmets (North Caucasus) were found in burials. According to the complex of finds they belong to the 7th century BC. The head armor found in the North Caucasus was named "Kuban" helmets, given the first finds and the concentration of this armor in this region. The published helmet was also found in Kuban in 2020. Unfortunately, the conditions of its discovery are not known. The article gives a full description of the armor and provides a comparative analysis of it against the background of all bronze helmets of the Early Nomadic period in Eurasia. The features peculiar to this artefact are noted, and the results of the study of the elemental composition of the metal from which the armor is cast are given. The published helmet "Kuban-2020" expands the source base for this very few categories of protective armor of early Eurasian nomads.

List of illustrations:

Fig. 1. Bronze helmet "Kuban-2020": 1 - front side; 2 - back side (photo by Demid Skoryi).

Fig. 2. Bronze helmet "Kuban-2020": 1 - right side; 2 - left side (photo by Evgeny Gredunov).

Fig. 3. Bronze helmet "Kuban-2020": 1 - top view; 2 - inner surface (photo by Demid Skoryi).

Fig. 4. Bronze helmet "Kuban-2020". Details: 1 - lacunae formed in the process of corrosion; 2 - hinge with traces of scuffs-beards (photo by Demid Skoryi).

Fig. 5. Bronze helmet "Kuban-2020". Details: 1 - traces of a patch on a hole on the outside of the occipital part; 2 - a hole on the inside of the helmet; 3 - traces of scuff marks from forging (?) of the helmet from inside (photo by Demid Skoryi).

Fig. 6. Bronze helmet "Kuban-2020". Weight of the armour (photo by Demid Skoryi).

02.05.2024

Др. проф. Сергей Скорый, Институт археологии НАН Украины, проспект Володимира Ивасюка, № 9-А, 04210 Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0002-7842-890X, e-mail: idanfirs@ukr.net

NOI DATE DESPRE CETATEA DIN EPOCA FIERULUI DE LA LIPNIC ,,LA ŞANŢURI"

Irina Rusu, Sorin Ignătescu

Cuvinte-cheie: Lipnic, Podişul Moldovei de Nord, a doua epocă a fierului, aşezare fortificată, fragmente ceramice.

Introducere

Aşezarea fortificată de la Lipnic ,,La Şanţuri" este cunoscută în literatura de specialitate, începând cu sfârşitul anilor '60 ai sec. XX (Златковская, Полевой 1969, 35), iar informaţia cu privire la amplasarea, forma şi particularităţile sistemului defensiv, precum şi încadrarea cronologică (sec. IV-III a. Chr.) s-a perindat în mai multe publicaţii apărute ulterior (Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 40; Никулицэ 1987, 86-87; Хынку 1987, 36-38; Hîncu 1993, 73-74; Arnăut, Ursu Naniu 1996, 35; Zanoci 1998, 138; Arnăut 2003, 231; Haheu 2008, 73; Zanoci 2011, 120-121).

Cu toate acestea, până în prezent, nu au fost publicate materiale arheologice provenite din sit, care să contribuie la validarea *versus* invalidarea încadrării cronologice propuse deja în literatură. Ţinând cont de acest aspect, în articolul de faţă dorim să includem în circuitul ştiinţific o serie de materiale arheologice, descoperite în incinta fortificată de la Lipnic şi să aducem o serie de informaţii noi şi precizări cu privire la fortificaţie şi amplasarea acesteia.

Istoricul cercetării

Istoricul cercetării acestui sit arheologic este unul destul de modest. În unele surse bibliografice este menţionat faptul că aşezarea fortificată a fost descoperită de arheologul Nicolae Chetraru (Златковская, Полевой 1969, 35, nota 2; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 40) în 1960 (Hîncu 1993, 73-74). Încercând să elucidăm contextul în care a fost descoperită staţiunea, am consultat raportul de cercetare al arheologului susmenţionat, întocmit în anul 1960 şi aflat în arhiva Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei (MNIM)[1].

Astfel, după cum se poate deduce din textul raportului, aşezarea de la Lipnic a fost, cel mai probabil, descoperită de Detaşamentul paleolitic al expediţiei arheologice moldoveneşti, condus de Nicolae Chetraru. Scopul primar al expediţiei era realizarea de săpături în grota de la Duruitoarea Veche, însă un alt obiectiv a fost şi identificarea altor aşezări din zona de nord a Moldovei, mai ales din bazinele râurilor Ciuhur, Racoveţ, Drăghişte şi Lopatnic (Кетрару 1960, 2). În acest raport nu există o menţiune directă despre aşezarea fortificată de la Lipnic, însă este specificat că detaşamentul a identificat peste 40 de situri ce se încadrează cronologic începând cu epoca paleolitică şi până în cea medievală (Кетрару 1960, 3).

Cel mai probabil, Nicolae Chetraru a comunicat verbal datele despre această descoperire specialiştilor interesaţi de siturile fortificate de la începutul celei de-a doua epoci a fierului, care, la rândul lor, au inclus-o în primele studii de sinteză dedicate acestui subiect (Златковская, Полевой 1969, 35, nota 2; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, 40). În lucrările autorilor sus-menţionaţi, pe lângă descrierea sumară a sistemului defensiv şi a dimensiunii incintei, este specificat faptul că aşezarea fortificată este amplasată pe malul unui râuleţ fără nume.

În anii '80 ai secolului trecut, aşezarea de la Lipnic a fost investigată de arheologul Ion Hîncu, care a realizat şi un plan al ei (fig. 2)[2]. În lucrările sale, descriind situl, autorul menţionează că acesta este amplasat pe malul pârâului Soloneţ, mai exact, în zona unde pe cursul pârâului a fost amenajat un lac (Хынку 1987, 36-38; Hîncu 1993, 73-74). Descrierea realizată de Ion Hîncu pentru staţiunea de la Lipnic a fost preluată, fără noi detalii, şi în lucrările ulterioare, dedicate monumentelor fortificate (Демченко и др. 1987, 512;

[1] Pentru punerea la dispoziţie a rapoartelor de cercetare ţinem să mulţumim domnului director general al MNIM, dr. hab. Eugen Sava şi doamnei dr. Mariana Sîrbu.

[2] Pentru informaţiile despre autorul planului aşezării fortificate de la Lipnic şi pentru permisiunea de a-l publica în varianta lui originală, îi mulţumim domnului conf. univ. dr. Aurel Zanoci.

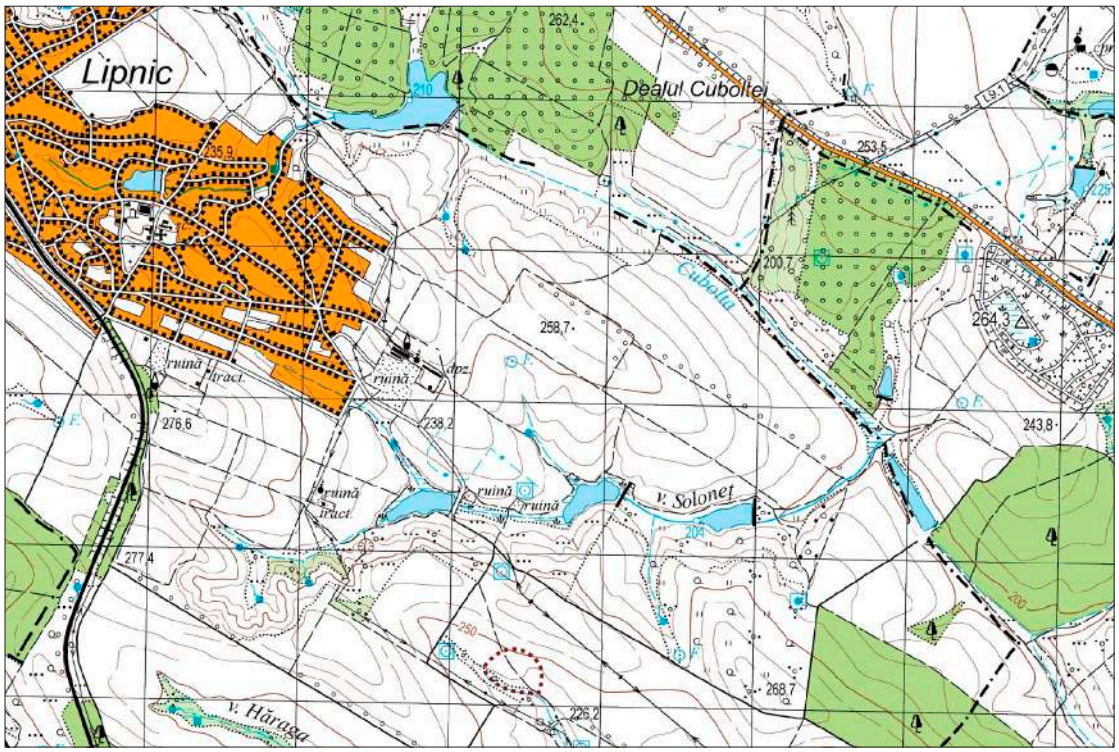


Fig. 1. Localizarea cetăţii Lipnic „La Şanţuri” pe harta topografică.

Arnăut, Ursu Naniu 1996, 35; Zanoci 1998, 138; Arnăut 2003, 231; Haheu 2008, 73).

Modalităţi de investigare a aşezării fortificate

Aşa cum rezultă din istoricul cercetărilor, datele despre amplasarea aşezării fortificate de la Lipnic sunt uşor confuze, tocmai pentru că au fost expuse două variante. Pentru elucidarea lucrurilor, într-o primă fază am recurs la analiza imaginilor satelitare oferite de programul *Google Earth Pro* în zona unde a fost localizat situl.

Astfel, aşezarea de la Lipnic poate fi uşor detectată datorită indicatorilor de tip *crop mark* şi *soil mark*. Atât în cazul imaginii realizate în septembrie 2017 (fig. 3), cât şi în cazul celei efectuate în aprilie 2021 (fig. 4), sistemul defensiv al aşezării se evidenţiază sub forma unor anomalii pozitive şi negative de formă semicirculară.

În primul caz, identificarea se bazează pe diferenţa de creştere a vegetaţiei, pe val aceasta având o culoare mai deschisă, comparativ cu cea crescută pe linia şanţului de culoare mai închisă, fapt vizibil, mai ales, în partea de nord a sitului. În cel de-al doilea caz, forma sistemului de fortificare se remarcă datorită diferenţelor de culoare a solului, valul având o nuanţă mai deschisă (galbenă), datorată lutului excavat din şanţul adiacent, de culoare mai închisă.

Coroborând datele furnizate de imaginile satelitare cu indicatorii hidronimici de pe hărţile topografice şi, desigur, cu cercetările perieghetice, putem spune că fortificaţia de la Lipnic nu este amplasată pe malul pârâului Soloneţ, chiar dacă această arteră acvatică este prezentă în zonă la doar 1,2 km spre est, ci este situată pe malul unui pârâu fără nume, aşa cum este indicat în sursele bibliografice editate până în 1980. Prin urmare, cel mai probabil, arheologul Ion Hîncu a confundat numele afluenţilor din zonă, întrucât atât planul, cât şi descrierea aşezării întocmită de el, corespund realităţilor din teren.

Nu putem să omitem faptul că pe imaginile satelitare, în apropiere de situl în discuţie, la doar câţiva zeci de metri spre nord-est, sunt vizibile urmele unei alte fortificaţii, de data aceasta, de formă poligonală. Menţionarea acesteia în contextul articolului de faţă este importantă pentru explicarea toponimului atribuit aşezării din secolele IV-III a. Chr., de la Lipnic, şi zonei înconjurătoare.

În unele surse bibliografice este specificat că la 3 km spre sud-vest de sat, într-o stare destul de precară, se mai vedeau, în anii ’50 ai secolului tre-

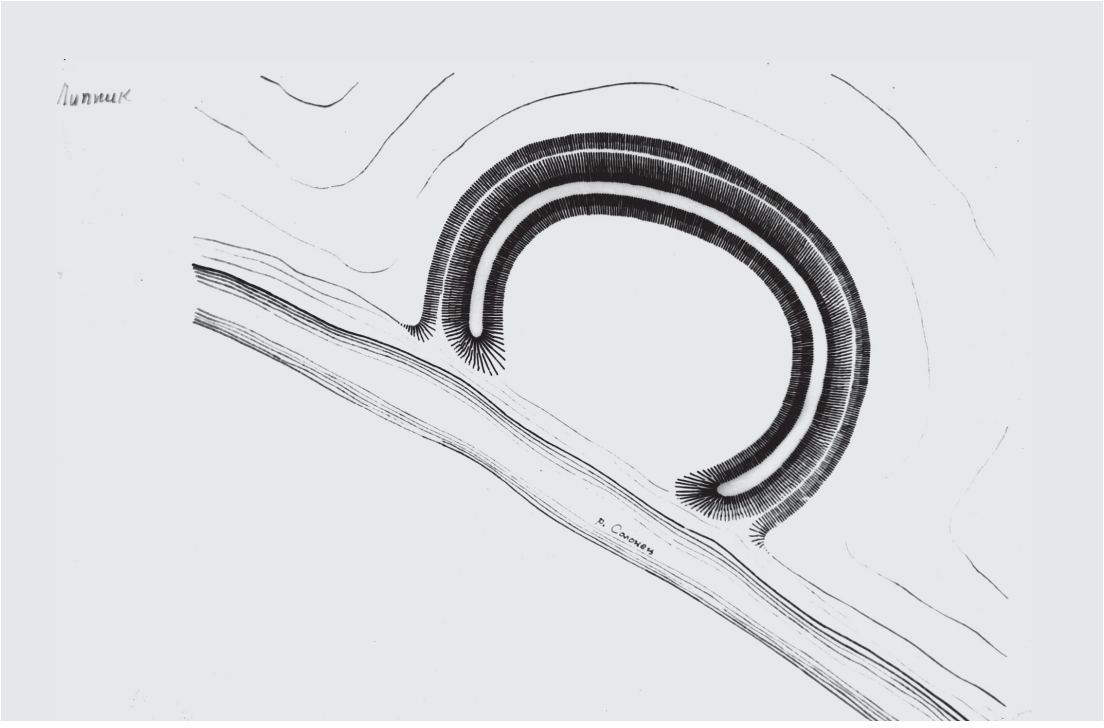


Fig. 2. Planul cetăţii Lipnic „La Şanţuri”, realizat de Ion Hîncu în 1980.

cut, urmele unor valuri ridicate în contextul bătăliei de la Lipnic, din 20 august 1470, între Ştefan cel Mare şi Hoarda de Aur (Демченко и др. 1987, 512), locul întipărindu-se în memoria colectivă sub denumirea „La Şanţuri”. Probabil, fortificaţia de formă poligonală poate fi pusă în legătură cu acest eveniment, cu toate că în cercetările noastre de teren nu am identificat niciun material arheologic relevant. Esenţial este faptul că toponimul „La Şanţuri” nu a fost atribuit neapărat aşezării getice, ci se referă la întreaga microzonă, exprimând două realităţi diferite socio-(pro)istorice.

Tipologia aşezării

Conform limitelor administrativ-teritoriale, aşezarea este amplasată în sud-vestul extravilanului satului Lipnic (com. Lipnic, r-nul Ocniţa) (fig. 1). Din punct de vedere geografic, situl de la Lipnic (lat. 48°22’00.38”N; long. 27°32’44.71”E) este situat în partea de sud-est a Podişului de silvostepă al Moldovei de Nord (Boboc 2009, 163-134). Microzonal, aşezarea este poziţionată într-o mică depresiune, cu altitudinea maximă de 238 m, formată de valea pârâului Hăraga[3], afluent de dreapta al râului Cubolta. Fortificaţia în sine a fost ridicată în zona izvoarelor unui afluent de stânga al pârâului amintit, altitudinea relativă faţă de sursa acvatică, ţinând cont de înclinaţia pantei dealului, variind între 1,0 şi 7,0 m. Merită însă menţionat faptul că această depresiune este înconjurată de dealuri cu altitudine şi vizibilitate mult mai mare, care permit supravegherea unei regiuni întinse, inclusiv a văii Nistrului, aflate la numai 10 km în linie dreaptă. Situaţia nu este unică, dar nici frecventă, din acest punct de vedere fortificaţia de la Lipnic încadrându-se în categoria a patra a clasificării realizate de Aurel Zanoci, aceea a siturilor situate pe platouri joase, înconjurate de înălţimi (Zanoci 1998, 23) şi găsindu-şi analogii, la răsărit de Carpaţi, la Bazga (com. Răducăneni, jud. Iaşi) (Chirica, Tanasachi 1985, 334; Zanoci 1998, 147; Arnăut 2003, 253; Berzovan 2022, 64-67), Buhalniţa (com. Cepleniţa, jud. Iaşi) (Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970, 173; Florescu 1971, 104; Chirica, Tanasachi 1984, 72; Zanoci 1998, 122; Teodor 1999, 129; Arnăut 2003, 193-194; Berzovan 2017, 66-67, Berzovan 2022, 72-75), Todireşti (com. Todireşti, jud. Iaşi) (Chirica, Tanasachi 1985, 401-402; Zanoci 1998, 156; Berzovan 2017, 67-68; Berzovan 2022, 161-164) sau Victoria (com. Stăuceni, jud. Botoşani)

[3] Menţionăm pe această cale că, în conformitate cu hărţile de pe (https://geoportal.md/), denumirea pârâului şi văii Hăraga apare doar pe harta topografică 1: 50000, întocmită în 2013; pe harta topografică din 1982 nu este indicat acest hidronim.

Fig. 3. Urme ale fortificației Lipnic „La Şanţuri” vizibile pe imagini satelitare (indicator de tip *crop mark*).

Fig. 4. Urme ale fortificației Lipnic „La Şanţuri” vizibile pe imagini satelitare (indicator de tip s*oil mark*).

Fig. 5. Imagine fotografică a vestigiilor cetăţii Lipnic „La Şanţuri” dinspre sud-vest.

(Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976, 56; Arnăut 2003, 276; Zanoci 1998, 160; Teodor 1999, 182; Şovan 2016, 388, Florescu 2022, 60; Berzovan 2022, 167-168).

Din cauza situării într-un loc fără apărare naturală semnificativă, aşezarea a fost fortificată pe trei laturi, a patra fiind marcată de cursul pârâului. Ea are o incintă de formă semicirculară, cu suprafaţa de cca 4,3 ha. Configuraţia sistemului defensiv nu respectă proprietăţile morfologice ale terenului, având forma unei potcoave orientate cu deschiderea spre pârâu. Din cauza lucrărilor agricole repetate, atât valul, cât şi şanţul aşezării sunt destul de aplatizate. Astfel, înălţimea valului, calculată faţă de adâncimea actuală a şanţului, variază în diferite sectoare între 0,7 şi 1,0 m. În ceea ce priveşte lăţimea ambelor elemente defensive (val-şanţ), aceasta este de aproximativ 11-13 m.

Pe imaginea satelitară din septembrie 2017 se mai observă o anomalie negativă liniară la nord de sistemul de fortificaţie. Credem că ea ar putea fi unul din drumurile care pătrundeau în aşezare, pământul fiind îndepărtat prin eroziune. Structura se observă sub forma unei benzi deschise la culoare şi pe imaginea satelitară din aprilie 2021, în acest caz intersectând sistemul de fortificaţie. Nu putem exclude posibilitatea ca în dreptul acestei anomalii să se afle o poartă.

În cazul acestei aşezări nu se observă alte elemente de construcţie, adiacente sistemului de fortificaţie, deşi cantitatea destul de însemnată de lut identificată pe val, mai exact, în sectorul de est, ar putea fi un indiciu despre existenţa unei palisade întărite cu lut, mai ales că în perimetrul sitului bucăţile de lut nu se regăsesc.

După configuraţia sistemului defensiv, aşezarea de la Lipnic se încadrează în aşa-numitele fortificaţii de tip „potcoavă” (Никулицэ 1977, 31-33, таб. 1; Zanoci 1998, 34; Haheu 2008, 23), asemănându-se cu cetăţile Cogâlniceni „Cetăţuie” (r-nul Rezina) (Hîncu 1993, 94-95; Zanoci et al. 2022), Curătura „La Izvor” (r-nul Şoldăneşti) (Златковская, Полевой 1969, рис. 2; Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1974, рис. 8; Zanoci, Băţ 2023, 180-181), Moşna „Cetăţuia” (jud. Iaşi) (Florescu, Melinte 1968, 129; Berzovan 2022, 125-128) ş.a.

Fig. 6. Materiale identificate în incinta cetăţii Lipnic „La Şanţuri”.

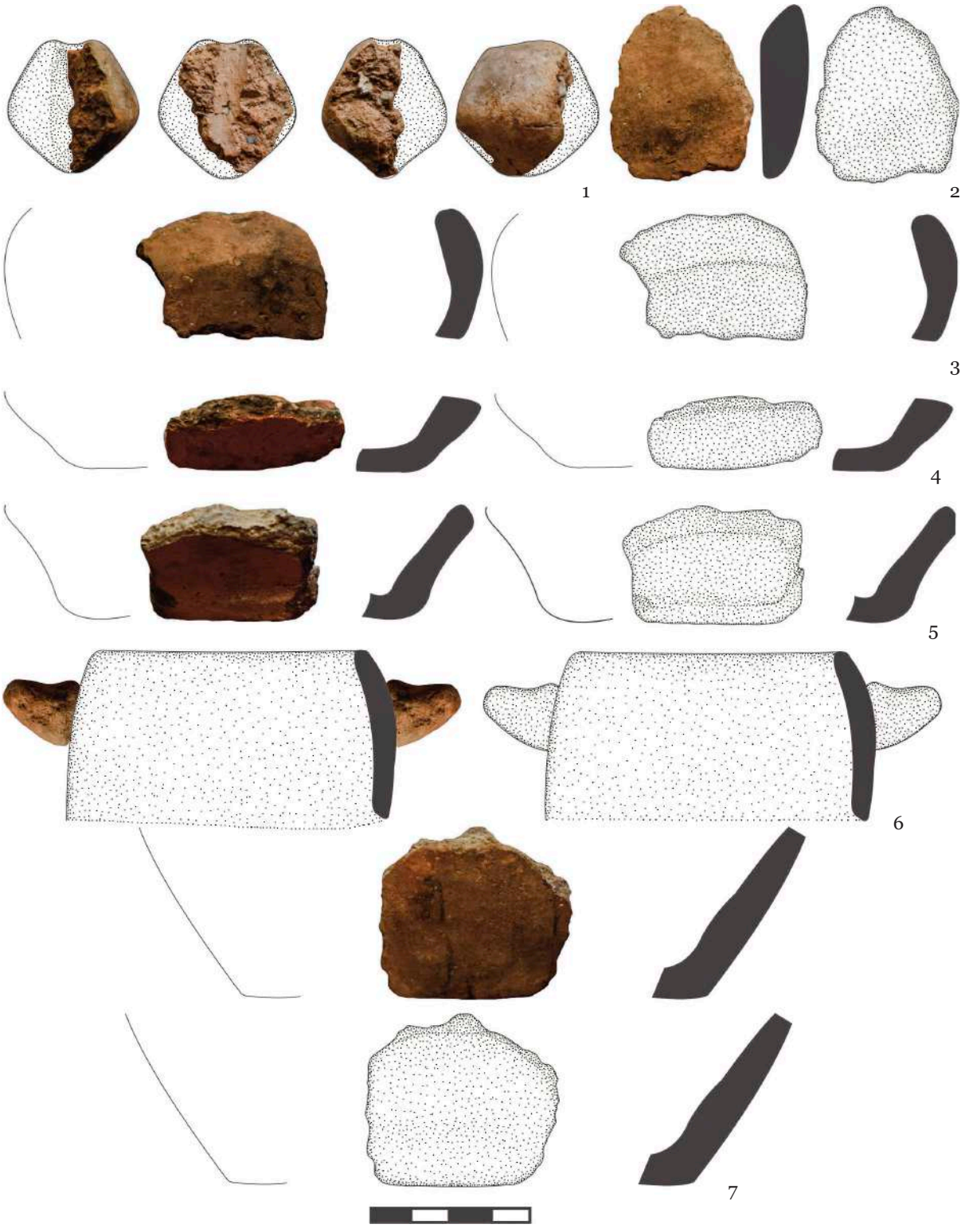


Fig. 7. Materiale identificate în incinta cetăţii Lipnic „La Şanţuri”.

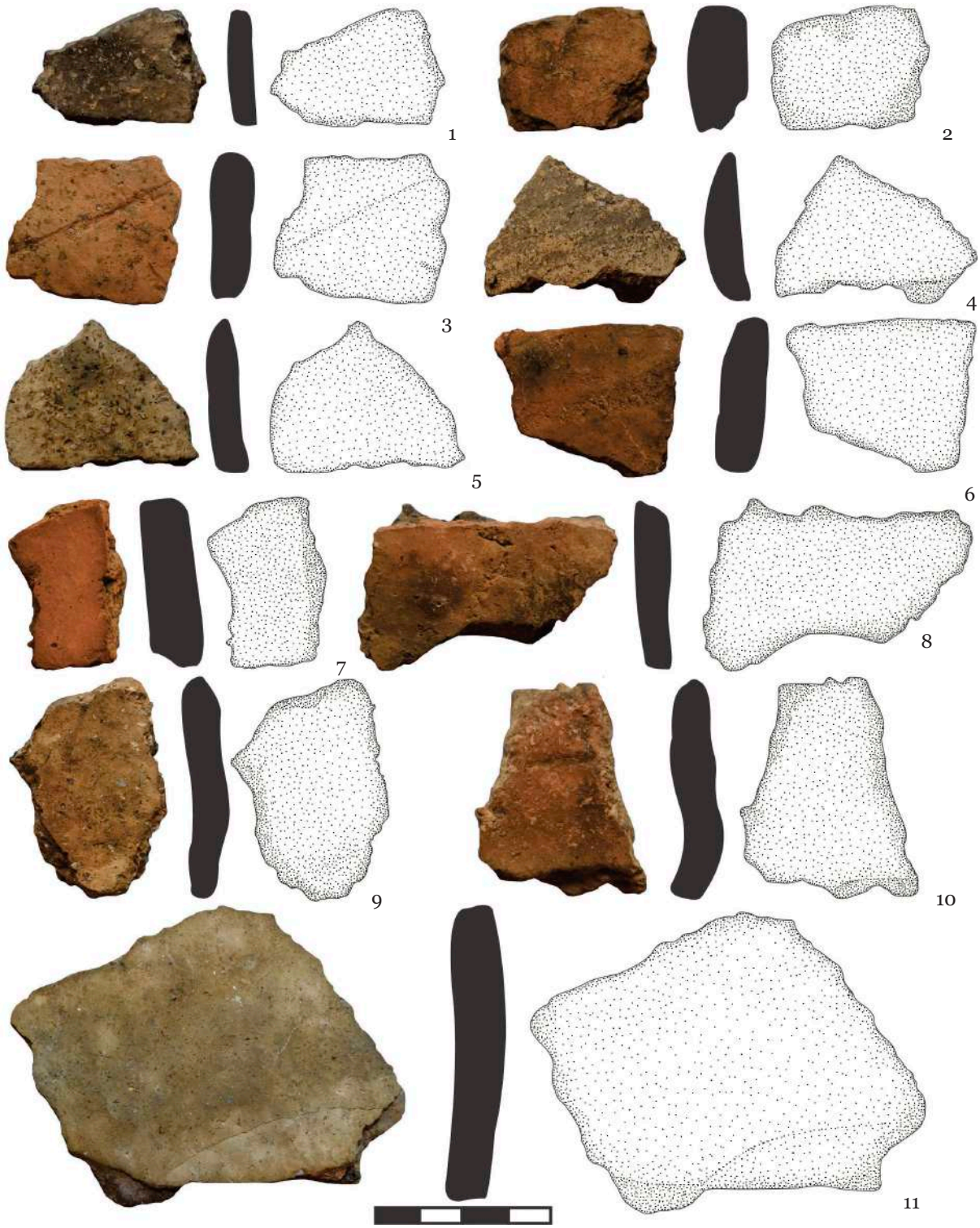


Fig. 8. Materiale identificate în incinta cetăţii Lipnic „La Şanţuri”.

Materiale descoperite

Materialul arheologic identificat în incinta aşezării este destul de modest şi fragmentat. Fragmentele recuperate provin exclusiv de la vase modelate cu mâna. În pasta vaselor au fost adăugate incluziuni ceramoclaste (fig. 6/1-4; 7/2-5, 7; 8/1, 3) şi, mai rar, litoclaste (fig. 6/5; 8/4, 5, 11), suprafeţele fiind bine netezite. Vasele au fost arse într-o atmosferă reducătoare, motiv pentru care şi culoarea rezultată pe suprafeţele acestora nu este una uniformă, în cele mai multe cazuri, pe aceleaşi fragmente, nuanţele alternând cu diferite intensităţi între roşu/galben-gri (fig. 6/1-3; 7/2-7; 8/6, 8-10) şi gri-negru (fig. 6/4; 8/1, 5).

Din punct de vedere tipologic, în aşezarea de la Lipnic, majoritare sunt vasele de tip sac, cu pereţii şi extremitatea superioară dreaptă (fig. 6/1-3, 4). Un singur exemplar provine de la un vas cu corpul bombat şi cu extremitatea superioară evazată (fig. 6/4). Din partea inferioară a acestui tip de vas sau a unor derivate ale lui par să provină şi exemplarele din fig. 7/4, 5, 7. Singular este şi fragmentul din zona diametrului maxim al unei străchini (fig. 7/3). În cazul celor mai multe fragmente ceramice (fig. 7/2; 8/1-11), nu am putut reconstitui forma grafică, însă, ţinând cont de compoziţia şi nuanţa lor, nu există urmă de îndoială că aparţin aceluiaşi strat cultural. Un indicator important îl constituie o apucătoare aplatizată de formă conică, care este specifică vaselor de tip sac şi celor globulare (fig. 7/6). Din inventarul aşezării mai face parte o fusaiolă bitronconică, modelată dintr-o pastă cu adaosuri litoclaste, păstrată fragmentar (fig. 7/1). Inventarul ceramic din acest sit, conform parametrilor tehnico-morfologici, îşi găseşte analogii atât în materialitatea aşezărilor fortificate, cât şi în cele deschise din interfluviul pruto-nistrean, încadrate cronologic în sec. IV-III a. Chr. Relevante în acest sens sunt asemănările cu vasele descoperite în siturile din regiunea Nistrului Mijlociu încadrate în aceleaşi secole (Kašuba, Haheu, Leviţki 2000, pl. XX/7; XXII/7; XXIII/3; XXXIX/2, 8; LV/2, 5; Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008, fig. 99/9; 108/8; 110/2; 114/ 12; 116/4-5; 117/4, 8; 127/1-5; 128/4-6; 132/1-5; Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016, fig. 157; 163/3, 4; Zanoci, Băţ 2023, fig. 317/5-8).

Concluzii

Identificarea unor materiale arheologice în aşezarea fortificată de la Lipnic „La Şanţuri”, relevante pentru secolele IV-III a. Chr., confirmă încadrarea cultural-cronologică propusă în literatura de specialitate, care a fost făcută, cel mai probabil, ţinând cont în principal de forma sistemului defensiv. Desigur că modalitatea noastră de cercetare a aşezării are un caracter limitativ şi nu ne permite să ne exprimăm suplimentar cu privire la rolul funcţional pe care l-a avut această fortificaţie.

În lumina noilor cercetări, aşezarea de la Lipnic este, în momentul de faţă, singura aşezare fortificată aparţinând începutului celei de-a doua epoci a fierului, din Podişul Moldovei de Nord. Precizăm că, în această unitate geografică, mai sunt semnalate încă două aşezări fortificate, încadrate pe baza formei sistemului de fortificaţie în secolele IV-III a. Chr.: Mereşeuca „La Cetăţuie” şi Naslavcea „La Cordon” (r-nul Ocniţa) (Hîncu 1993, 74-75). Însă săpăturile din incinta şi sistemul defensiv al aşezării de la Mereşeuca au infirmat încadrarea lui Ion Hâncu, cel din urmă fiind construit în epoca medievală (Власенко 2010, 237-240). În cazul aşezării de la Naslavcea, precizăm că, într-adevăr, în acest caz există un sistem de fortificaţii, dar pe suprafeţele arabile cercetate nu am identificat deocamdată materiale care să aparţină cu siguranţă secolelor IV-III a. Chr. Prin urmare, este prematur să ne exprimăm în ceea ce priveşte încadrarea cronologică a acestui monument.

Bibliografie

Arnăut 2003: T. Arnăut, Vestigii ale sec. VII-III a. Chr. în spaţiul de la Răsărit de Carpaţi (Chişinău: CEP USM 2003).

Arnăut, Ursu Naniu 1996: T. Arnăut, R. Ursu Naniu, Vestigii getice din cea de-a doua epocă a fierului în interfluviul pruto-nistrean (Iaşi: Helios 1996).

Berzovan 2017: Al. Berzovan, A Getic center of power in the area of Cotnari (Iaşi County, Romania). Acta Musei Tiberiopolitani 2, 2017, 62-70.

Berzovan 2022: Al. Berzovan, At the borders of the Great Steppe. Late Iron Age Hillforts between the Eastern Carpathians and Prut (5th - 3rd centuries BC) (Cluj-Napoca: Mega 2022).

Boboc 2009: N. Boboc, Probleme de regionalizare fizico-geografică a teritoriului Republicii Moldova. In: Buletinul Academiei de Ştiinţe a Moldovei. Ştiinţele vieţii, nr. 1 (307) (Chişinău 2009), 161-169.

Chirica, Tanasachi 1984: V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi, vol. I (Iaşi 1984).

Chirica, Tanasachi 1985: V. Chirica, M. Tanasachi, Repertoriul arheologic al judeţului Iaşi, vol. II (Iaşi 1985).

Florescu 1971: A.C. Florescu, Unele consideraţiuni asupra cetăţilor traco-getice (Hallstattiene) din mil. I. î.e.n de pe teritoriul Moldovei. Cercetări Istorice S.N. II, 1971, 104-118.

Florescu 2022: A.C. Florescu, Cetăţile traco-getice pe teritoriul Moldovei anterioare epocii Burebista-Decebal (Cluj-Napoca: Mega 2022).

Florescu, Melinte 1968: A.C. Florescu, Cetatea traco-getică din a doua jumătate a mil. I î.e.n. de la Moşna. SCIV 19/1, 1968, 129-134.

Haheu 2008: V. Haheu, Sisteme de fortificaţii traco-getice de la est de Carpaţi (Chişinău 2008).

Hîncu 1993: I. Hîncu, Cetăţi antice şi medievale timpurii din Republica Moldova (Chişinău: Universitas 1993).

Kašuba, Haheu, Leviţki 2000: M. Kašuba, V. Haheu, O. Leviţki, Vestigii traco-getice pe Nistrul Mijlociu (Bucureşti: Semne ’94 SRL 2000).

Niculiţă, Zanoci, Arnăut 2008: I. Niculiţă, A. Zanoci, T. Arnăut, Habitatul din mileniul I a. Chr. în regiunea Nistrului Mijlociu (siturile din zona Saharna) (Chişinău: Bons Offices 2008).

Niculiţă, Zanoci, Băţ 2016: I. Niculiţă, A. Zanoci, M. Băţ, Evoluţia habitatului din microzona Saharna în epoca fierului (Chişinău: Cartdidact 2016).

Păunescu, Şadurschi, Chirica 1976: Al. Păunescu, P. Şadurschi, V. Chirica, Repertoriul arheologic al judeţului Botoşani (Botoşani 1976).

Şovan 2016: O.L. Şovan, Repertoriul arheologic al judeţului Botoşani, ediţia a II-a (Botoşani 2016).

Teodor 1999: S. Teodor, Regiunile est-carpatice ale României în secolele V-II î. Hr. Consideraţii generale şi repertoriu arheologic (Bucureşti: Vavila Edinf SRL 1999).

Zaharia, Petrescu-Dîmboviţa, Zaharia 1970: N. Zaharia, M. Petrescu-Dîmboviţa, Em. Zaharia, Aşezări din Moldova de la Paleolitic pînă în secolul al XVIII-lea (Bucureşti 1970).

Zanoci 1998: A. Zanoci, Fortificaţiile geto-dacice din spaţiul extracarpatic în secolele VI-III a. Chr. (Bucureşti: Vavila Edinf SRL 1998).

Zanoci 2011: A. Zanoci, Tipologia şi evoluţia construcţiilor defensive din spaţiul est-carpatic în secolele XII/XI-III a. Chr. Tyrageţia s.n. V/1, 2011, 117-152.

Zanoci et al. 2022: A. Zanoci, M. Băţ, A. Asăndulesei, V. Sochircă, A.-F. Tencariu, T. Nagacevschi, Cercetări interdisciplinare în siturile arheologice din secolele IV-III a. Chr. din preajma localităţii Cogâlniceni (raionul Rezina, Republica Moldova). Cercetări Arheologice 29/1, 2022, 13-33.

Zanoci, Băţ 2023: A. Zanoci, M. Băţ, Un mileniu de civilizaţie. Epoca fierului în bazinul Nistrului de Mijloc (Chişinău: Bons Offices 2023).

Власенко 2010: И. Власенко, Укрепления городища Мерешеука-Четэцуе. Tyragetia s.n. IV/1, 2010, 235-248.

Демченко и др. 1987: Н. Демченко, С. Апостол, И. Бобейко, В. Меднек, П. Паскалъ, И. Хынку, Свод памятников истории и кулътуры Молдавской ССР (северная зона) (Кишинев 1987).

Златковская, Полевой 1969: Т. Златковская, Л. Полевой, Городища Прутско-Днестровского междуречъя IV-III вв. н.э. и вопросы политической истории гетов. В сб.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье (Москва: Наука 1969), 35-60.

Кетрару 1960: Н. Кетрару, Отчет о работе палеолитического отряда (Молдавская археологическая экспедиция) в 1960 г. (Кишинёв 1961). Arhiva MNIM, nr. inv. 400.

Лапушнян, Никулицэ, Романовская 1977: В. Лапушнян, И. Никулицэ, М. Романовская, Памятники раннего железного века. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 4 (Кишинев: Штиинца 1974).

Никулицэ 1977: И. Никулицэ, Геты IV-III вв. до н.э. в Днестровско-Карпатских землях (Кишинев: Штиинца 1977).

Никулицэ 1987: И. Никулицэ, Северные фракийцы в VI-I вв. до н.э. (Москва: Наука 1987).

Хынку 1987: И.Г. Хынку, Древнейшие памятники родного края (городища северной Молдавии) (Кишинев: Штиинца 1987).

New data on the Iron Age fortified settlement of Lipnic “La Şanţuri”

Keywords: Lipnic, Northern Moldavian Plateau, Late Iron Age, hillfort, ceramic fragments.

Abstract: The article presents the results of field research at the Late Iron Age settlement of Lipnik “La Şanţuri”. These studies are of particular importance, since pottery finds defining the cultural and chronological frames of this

settlement have not been published in the specialized literature to date. First of all, the article sheds light on some unclear aspects in the history of the settlement's research. Then the authors provide clarifications regarding its location. New data on the size of the settlement, its form and analogies are also provided, which are no less important for establishing the age and cultural attribution of the site.

List of illustrations:

Fig. 1. Location of the fortified settlement of Lipnic "La Şanţuri" on the topographical map.

Fig. 2. Plan of the fortified settlement of Lipnic "La Şanţuri" made by Ion Hîncu in 1980.

Fig. 3. Traces of the Lipnic "La Șanțuri" hillfort, visible on satellite images (crop mark indicator).

Fig. 4. Traces of the Lipnic "La Şanţuri" hillfort, visible on satellite images (soil mark indicator).

Fig. 5. Photographic image of the Lipnic "La Şanţuri" hillfort from the southwest side.

Fig. 6. Materials found at the Lipnic "La Şanţuri" settlement.

Fig. 7. Materials found at the Lipnic "La Şanţuri" settlement.

Fig. 8. Materials found at the Lipnic "La Şanţuri" settlement.

Новые данные о городище железного века Липник «Ла Шанцурь»

Ключевые слова: Липник, Северо-Молдавское плоскогорье, поздний железный век, городище, фрагменты керамики.

Резюме: В статье представлены результаты полевых исследований на городище позднего железного века Липник «Ла Шанцурь». Эти исследования представляют особую важность, поскольку в специальной литературе до настоящего времени не были опубликованы керамические материалы, определяющие культурно-хронологический контекст этого поселения. В первую очередь, статья проливает свет на некоторые неясности в истории исследования городища. Затем авторы делают уточнения относительно его местоположения. Также приводятся новые данные о размере поселения, его форме и аналогиях, которые не менее важны для установления возраста и культурной принадлежности памятника.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение городища Липник «Ла Шанцурь» на топографической карте.

Рис. 2. План городища Липник «Ла Шанцурь», составленный Ионом Хынку в 1980 году.

Рис. 3. Следы укреплений городища Липник «Ла Шанцурь», различимые на спутниковых снимках (растительные признаки).

Рис. 4. Следы укреплений городища Липник «Ла Шанцурь», различимые на спутниковых снимках (почвенные признаки).

Рис. 5. Фотоснимок остатков городища Липник «Ла Шанцурь» с юго-западной стороны.

Рис. 6. Материалы, выявленные на городище Липник «Ла Шанцурь».

Рис. 7. Материалы, выявленные на городище Липник «Ла Шанцурь».

Рис. 8. Материалы, выявленные на городище Липник «Ла Шанцурь».

08.07.2024

Irina Rusu, Universitatea „Ștefan cel Mare” din Suceava, str. Universităţii nr. 13, 720229 Suceava, România, https://orcid.org/0000-0003-3381-8514, e-mail: irinarusu.1998moon@gmail.com

Dr. Sorin Ignătescu, Universitatea „Ștefan cel Mare” din Suceava, str. Universităţii nr. 13, 720229 Suceava, România, https://orcid.org/ 0000-0002-6269-7718, e-mail: sorinig@atlas.usv.ro

UN NOU LOT DE ŞTAMPILE AMFORICE DESCOPERITE LA MANGALIA (STADIONUL MUNICIPAL)[1]

Natalia Mateevici, Nicolaie Alexandru, Mihai Ionescu

Cuvinte-cheie: ştampile, amfore, Callatis, producători, magistraţi, grupe cronologice.[1]

Cercetările de teren pe teritoriul Callatisului antic (fig. 1) nu o dată au oferit diverse şi multiple informaţii privind viaţa economică, socială şi politică a acestei colonii heracleote. Articolul prezintă un nou lot de ştampile, descoperite în perioada cercetărilor arheologice cu caracter de salvare, din zona **Stadionului municipal**, Mangalia, ce s-au desfăşurat în iulie 2022.

Pe suprafaţa terenului mic, conform proiectului tehnic de execuţie, la săpătura începută pe malul de pământ de aici, a fost descoperit un strat de cultură antic cu fragmente ceramice de epocă elenistică. Terenul, situat pe str. Şos. Constanţei, nr. 18A, zona stadion Mangalia, se află imediat la nord de zidul cetăţii, în necropola de epocă elenistică, la nord de oraşul Callatis, fiind cartată între zidul de incintă şi str. Rozelor (fig. 2; 3)[2]. Terenul afectat de viitorul vestiar este de 36,5×13,6 m. A fost trasată o secţiune de sondaj pe latura de sud de 2,5×37,0 m, orientată est – vest, S1. După îndepărtarea pământului vegetal de cca 30 cm, ca şi a porţiunii unei alei din bitum, a urmat un strat de umplutură modernă, de culoare brun-negru, de cca 40 cm. Sub aceste straturi au fost descoperite alte trei straturi de nisip, ultimele două – cu o lentilă de pământ între ele. La partea superioară se observă un nisip diferit, în grosime de 10 cm, poate, pentru drenajul gazonului fostei suprafeţe de joc. Cele două straturi de nisip care urmează sunt în grosime de 1 m. Ultimele două straturi de nisip sunt depuneri naturale şi au în compoziţie sărături. Cercetarea s-a oprit pe un nivel de mâl, datorat infiltraţiilor puternice de apă. În antichitate, terenul cercetat era situat la cca 50-60 m spre nord faţă de zidul de apărare antic. Terenul se află pe traseul unui şanţ de drenaj spre mare,

Fig. 1. Planul cetăţii Callatis.

folosit în prima jumătate a secolului XX şi, probabil, preluat din perioada otomană, şanţ a cărui amenajare se mai vede azi în curtea fostului muzeu de pipe de pe faleză – Casa Hurmuzescu.

În a doua jumătate a secolului XX, moment în care oraşul s-a extins spre nord, întreaga zonă a fost remodelată dramatic (construcţii de locuinţe, drumuri etc.), ca urmare a decapărilor şi amenajărilor succesive necesare, în acest punct, pentru obţinerea unei suprafeţe perfect plane şi orizontale – teren de fotbal.

A fost trasată secţiunea S1, de 1,5×15,5 m, pentru a surprinde panta valului şi pe latura de est a perimetrului cercetat, astfel că pe liniile carouri-

[1] Articolul a fost realizat în cadrul subprogramului 180101 „*Patrimoniul istorico-arheologic muzeal: sistematizare şi valorificare ştiinţifico-culturală*”.

[2] Mulţumiri colegului R. Constantin pentru ortofotoplan (fig. 2) şi poza cu drona (fig. 3).

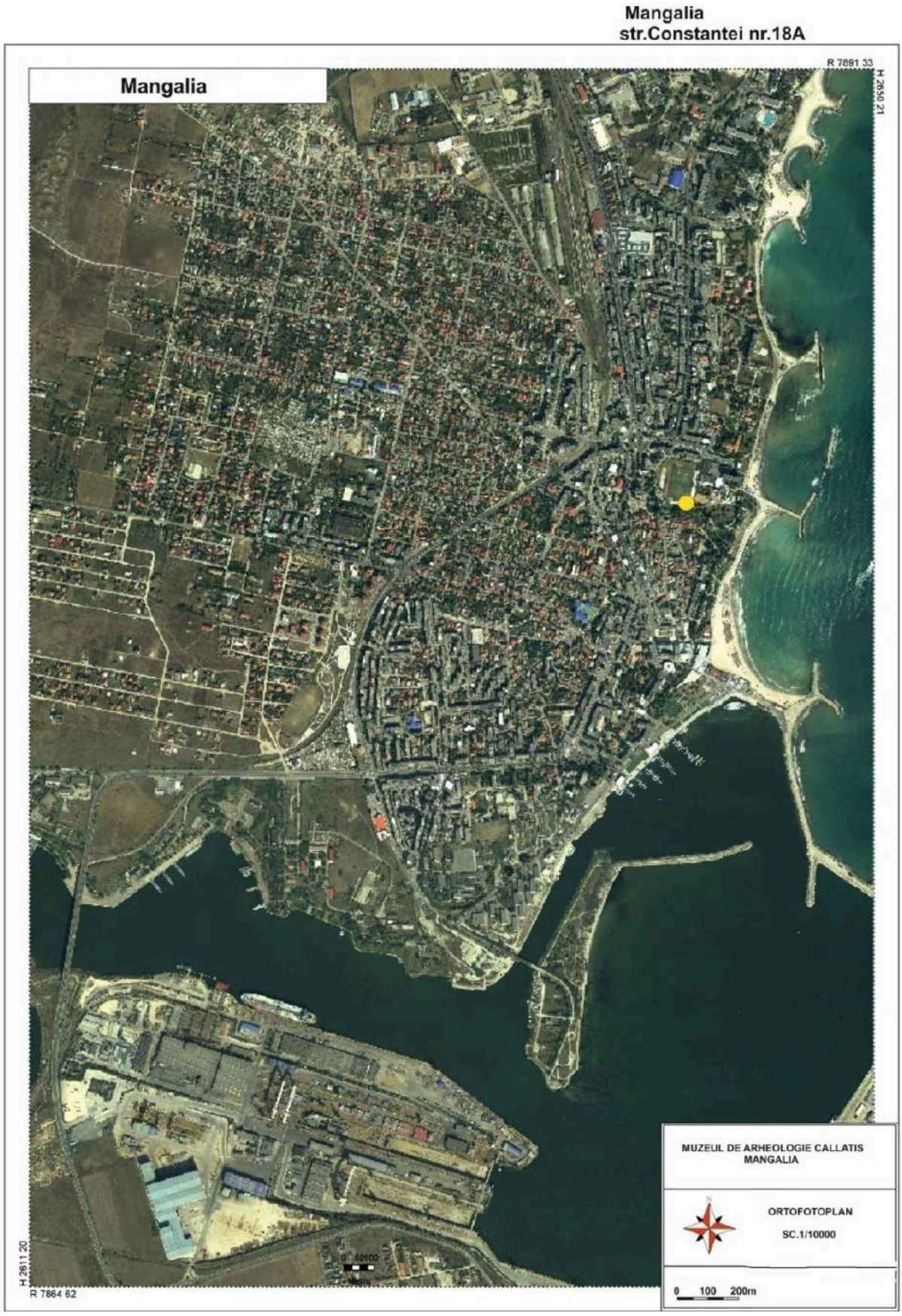


Fig. 2. Ortofotoplanul Callatis, str. Constanței 18A, Stadionul Municipal.

Fig. 3. Secvenţe de pe sectorul cercetat. Vedere cu drona.

lor I şi II a fost sesizat şanţul valului descoperit, şanţ care a fost umplut cu depuneri în secolele IV-III a. Chr. Lucrările de cercetare au continuat în trepte, de la vest la est (fig. 3), coborând în funcţie de construcţia valului, unde a fost descoperită o cantitate mare de materiale ceramice fragmentare de epocă elenistică, cel mai probabil, depuneri sparte ritual de la banchetele funerare, ţinând cont că terenul dat se află în imediata apropiere a unei zone importante a necropolei elenistice.

Cea mai mare parte din artefactele descoperite – 90% – constau din fragmente de amforă (fig. 4), printre care şi câteva ştampile amforice localizate pe toarte şi pe gât (fig. 6; 7). Pe lângă acestea, au mai fost descoperite fragmente de *kantharoi, kernoi, unguentaria*, opaiţe, platouri de tip *fish-plate* şi fragmente de statuete ceramice (fig. 5).

Lotul prezentat conţine 33 de ştampile, dintre care 15 exemplare aparţin amforelor sinopeene, două revin amforelor de Rhodos, şapte ştampile aparţin amforelor de Thasos, câte două ştampile revin Heracleei Pontice şi amforelor de Akanthos, o ştampilă aparţine unei amfore de Chersones şi, posibil, una – Cnidosului. Cea mai timpurie ştampilă sinopeeană datează în cca a.351 a. Chr., având ca emblemă simbolul oficial al oraşului – *vulturul pe delfin,* iar în legendă – numele magistratului Ἡφαίστιος 1 şi numele producătorului Μάνης 1. Cea mai târzie ştampilă sinopeeană, datată cu cca 264 a. Chr., aparţine magistratului Αἰσχίνης 5 (Ἴφιος) şi producătorului Ἀγάθων 1. Cele nouă ştampile de Thasos fac parte din categoria celor *recente,* datarea lor încadrându-se între începutul anilor ‘90 ai sec. III a. Chr. (magistratul Κριτίας),

Fig. 4. Fragmente de amfore.

iar cea mai târzie se datează în mijlocul anilor ‘60 ai sec. III a. Chr., aparţinând magistratului Βίων 1. Dintre cele două ştampile de Rhodos a putut fi citită doar una, aceasta fiind o ştampilă timpurie, care are plasate, într-un cadran circular, două nume proprii: unul precedat de prepoziţia παρά, urmat de numele Εὔφρονος (prepoziţia dată este un indicator că numele care urmează aparţine producătorului), celălalt nume propriu – Πολυάρατος 1, dispus în partea inferioară a cadranului, precedat de prepoziţia ἐπὶ, care indică apartenenţa acestuia clasei magistraţilor. Ştampila rhodeană, care a putut fi citită, este atribuită grupei Ib cronologice şi datată în cca 269 a. Chr.

Ambele ştampile de Heracleea sunt englifice şi conţin legenda gravată în două rânduri. Nu am putut citi legenda primei ştampile. Cea de-a doua ştampilă este bine păstrată, dispusă în două rânduri. şi conţine numele producătorului Δαμάτριος, care activează atât în perioada timpurie de ştampilare, când se aplicau doar ştampilele de producător, cât şi pe timpul primilor magistraţi, în anii ‘90-‘80 ai sec. IV a. Chr. În această ştampilă mai apare şi numele magistratului redat în formă prescurtată IA.

Două ştampile aparţin producţiei amforice a Akanthului. Prima reprezintă un cadran circular împărţit în patru sectoare, fiecare dintre care conţine câte o literă P/O/E/ΠΧ. Cea de-a doua este puternic ştearsă, păstrându-se doar o literă. În ultimele două decenii, au apărut mai multe publicaţii privind producerea şi răspândirea amforelor akantheene şi a ştampilelor amforice ale acestui centru, dar şi unele noi datări ale lor. Ştampilele de Akanthos, de cele mai multe ori, reprezintă un cadran circular, împărţit în patru sectoare (mai rar, în trei ori cinci sectoare), în fiecare dintre care este plasată o literă a alfabetului grecesc. Literele din partea superioară a cadranului circular sunt interpretate de către majoritatea cercetătorilor ca abrevierea numelui magistratului sau a producătorului. Literele din partea inferioară se referă la capacitatea vasului (Garlan 2006, 271; Filis 2012, 73; Filis 2013, 72; Монахов 2013, 263-264; Монахов 2015, 112).

Importul amforic chersonesian este reprezentat de o ştampilă de magistrat, aparţinând lui Διοσκουρίδας, activ în cadrul grupei 1Γ (G), mai exact, în cca 290 a. Chr. De remarcat că unele

Fig. 5. Fragmente de opaiţe şi vase cu firnis negru.

ştampile ale acestui magistrat (ca şi în cazul nostru), mai conţin, la capătul primului rând, în care este gravat numele magistratului, o monogramă compusă, de obicei, din două sau trei litere, care reprezintă numele abreviat al producătorului (Кац 1994, 53-54). Pe ştampila din lotul de la Stadion vedem monograma compusă din trei litere – HPA, iar interpretarea numelui producătorului poate avea un număr divers de variante. Ştampila de Cnidos prezintă câteva litere în ligatură, într-un cadran circular, care ar putea cuprinde numele producătorului. De obicei, astfel de ştampile revin grupului II cronologic (Jefremow 1995, 115).

Analiza lotului de ştampile descoperit în timpul săpăturilor din zona Stadionului Municipal, Mangalia, ne permite să facem unele concluzii de ordin cronologic şi social. Din multiplele colecţii de ştampile publicate, provenite din cercetările pe locul Callatisului antic, sunt sesizate, în special, ştampile sinopeene, (de obicei, majoritare din punct de vedere numeric), din toată perioada de pătrundere a amforelor respectivului polis sud-pontic în această regiune: de la mijlocul sec. IV a. Chr. până în a doua jumătate / sfârşitul sec. III a. Chr. (Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969; Conovici, Avram, Poenaru-Bordea 1989; Buzoianu, Cheluţă-Georgescu 1998, 49-98; Mateevici et al. 2022, 90-100). De data aceasta, în lotul de pe Stadionul Municipal din Mangalia, toate ştampilele, inclusiv cele sinopeene, nu depăşesc limita inferioară – prima jumătate a sec. III a. Chr. (chiar anii ‘60 ai acestui secol). Este ştiut că „o adevărată explozie” a importului amforic sinopeean pe litoralul nord-vest pontic revine anume acestei perioade (Коновичи, Аврам, Поенару-Бордя 1992, 229-253). Lipsa în lotul de ştampile de la Stadion a exemplarelor din a doua jumătate a sec. III a. Chr. ar putea fi un indiciu că, anume în această parte a cetăţii antice, vieţuirea s-a desfăşurat între începutul sec. IV şi mijlocul sec. III a. Chr., ca mai apoi, posibil, în virtutea anumitor condiţii şi evenimente, ce s-au perindat după anii ‘60 ai sec. III a. Chr., localnicii sa părăsească această parte a oraşului. Probabil, inclusiv necropola a fost „mutată” mai la nord, în zona curţii actualului spital şi a str. N. Iorga, unde au fost descoperite complexe elenistice funerare, datate cu sec III-II a. Chr.

Catalog

1. ἀστυνόμου
Αἰσχίνου. Strugure↓
Ἀγάθων
Ştampilă a magistratului Αἰσχίνης 5 (Ἴφιος) din grupa V-C, cca 264 a. Chr. Producătorul Ἀγάθων 1 (în epigrafia amforică sinopeeană sunt cunoscuţi trei producători cu acest nume, activând în grupele V-VI, Garan 2004, 66, F40), îşi desfăşoară activitatea pe parcursul grupelor V-B - V-C, adică, practic, cu toţi magistraţii grupei V-B şi cu o bună parte dintre cei ce au activat în grupa V-C (cca 272 a. Chr. - 262 a. Chr.). Придик 1917, 62, № 4; Canarache 1957, nr. 212; Baumann 1973-1975, 41-42, nr. 31; Conovici 1998, nr. 190-192 (aceeaşi matrice).

2. ἀστυνόμ[ου]
Ἀισχίνου. Măciucă↑
[Ἀρτε]μιδώρο[υ]
Ştampilă a magistratului Ἀισχίνης 4 şi a producătorului Ἀρτεμίδωρος 2, grupa V-A, cca 282-281 a. Chr. Activitatea producătorului Ἀρτεμίδωρος 2 este atestată pe timpul câtorva astynomi de la sfârşitul grupei IV (Μικρίας 1, Βόρυς 1, Πυθοκλῆς, Μνησικλῆς 1) (adică din 286, 285, 284, 283 a. Chr.) şi doar al unui singur magistrat, de la începutul grupei V-A, – Αἰσχίνης 4. Această informaţie ne permite să afirmăm că activitatea acestui producător a durat doar 5 ani. Ştampila cu aceleaşi nume – la Buzoianu 1981, 145, nr. 2; la Garlan 2004-2005, no. 205 (dar în acest exemplar numele magistratului este indicat pe primul rând).

3. [ἀ]στύνομος
Ἀριστίων. Satir cu burduf →
Ἀγάθων
Ştampila magistratului Ἀριστίων (Ἀριστίππου), din grupa V-B, cca 270-269 a. Chr. şi a producătorul Ἄγαθων 1. Toate ştampilele acestui magistrat sunt executate de acelaşi gravor, care foloseşte numele magistratului la nominativ, şi nu la genitiv Ἀριστίωνος (sic!). Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969, no. 396; Conovici 1998, no. 282-285 (aceeaşi matrice).

4. Ἀττάλου ἀστυν[ὸ]
μοῦντος. Ἡ[ρακ]λε[ί[δου]
Cap masculin fără barbă →
Ştampila magistratului Ἄτταλος, grupa V-A cca 281-280 a. Chr. Producătorul Ἡρακλείδης III.

5. [ἀστυνόμου]
Ἀττάλου. cap masculin fără barbă
[..]μηνο...???
Ştampila magistratului Ἄτταλος grupa V-A cca 281-280 a. Chr.

6. [.....].
[ἀστυνόμ]ου
[Διονυσίου] kantharos ↑
Ştampila magistratului Διονύσιος III Ἀπολλοδώρου , grupa V-A, cca 275-274 a. Chr. Emblema kantharos pe dreapta se întâlneşte la mai mulţi magistraţi, dar forma vasului redat este specifică anume lui Διονύσιος III. Mai cu seamă, că în toate ştampilele acestui magistrat funcţia la genitiv este indicată în cel de-al doilea rând, cum, credem, e şi în cazul nostru.

7. Ἡφαιστίο[υ]
ἀστυνο. ←Vultur pe delfin
Μάνεω
Ştampilă a magistratului Ἡφαίστιος 1, grupa I-C, cca 351 -350 a. Chr. Majoritatea ştampilelor lui Ἡφαίστιος 1 conţin emblema „vulturul pescar”. Producătorul Μάνης 1 (Ἐπικράτεος), descendent dintr-o familie de producători sinopeeni. Numele acestui producător apare pentru prima dată pe o ştampilă regravată, care conţinea numele tatălui său – Ἐπικράτης. Este una dintre cele mai timpurii ştampile sinopeene din colecţia noastră, care are drept simbol emblema oficială a Sinopei – vulturul pe delfin.

8. ἀ[στυνομοῦ]ν
τος Ἰστιαίου. Kantharos ↑
Πυθέω
Ştampilă a magistratului Ἑστιαῖος 1 (Ἰστιαῖος), grupa V-A, cca 280-279 a. Chr. Producătorul Πυθῆς I a activat în cadrul grupelor cronologice IV-V. Atelierul acestui producător a funcţionat aproape 30 de ani, din cca 296 a. Chr. până în cca 265 a. Chr. Garlan 2004-2005, no. 223 (aceeaşi matrice); Придик 1917, 72, № 216-217; Федосеев 1998, № 56-57; Федосеев 2001, 63.

9. [Μικρ]ίου ἀστυνομοῦν
[τος]. Ἀπολλω
[νίου τ]οῦ Μαν cal ←
(τιθέου)

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

Fig. 6. Ștampile de Sinope (1-10).

11

12

13

14

15

Fig. 7. Ştampile de Sinope (11-15).

Ştampila magistratului Μικρίας 1, grupa IV-C, cca 286-285 a. Chr. Numele producătorului Ἀπολλώνιος este redat cu patronimic, producătorul fiind fiul unui alt producător – Μαντίθεος I (acesta din urmă fiind şi el fiul unui alt producător Ἄττις 1). Deseori patronimicul lui Ἀπολλώνιος este redat în formă abreviată, cum, posibil, ar putea fi în cazul nostru. Întocmai – la Матееевич, Самойлова 2017, 60, № 89; 165, № 89, 89a.

10. ἀστυνόμου
Πυθοκλέου(ς). Capul de satir ←
Θύος
Ştampila magistratului Πυθοκλῆς, grupa IV-C, cca 284-283 a. Chr. Producătorul Θυς II, feciorul lui Γρων II (grupa IV-V). Asemănător – la Garlan 2004-2005, no. 192 (doar că, în cazul dat, numele producătorului este scris cu T, şi nu cu Θ, ca în cazul nostru.

11. [Φόρβα(ντος)] ἀστ[υ]
[νόμ]ου. Κα[λ] [kantharos]
[λισθέν]ου
Ştampilă retrogradă a magistratului Φόρβας II, activ în cadrul grupei cronologice IV-B, cca 290-289 a. Chr. De obicei, drept emblemă astynomică în ştampilele acestui magistrat figura kantharosul, uneori, alături de emblema astynomică, era folosită şi emblema producătorului. Producătorul Καλλισθένης II este activ pe parcursul grupelor cronologice III-IV şi face parte dintr-o dinastie de producători sinopeeni, tatăl lui fiind cunoscutul Θεύδωρος III, iar acesta din urmă, la rândul său, fiind fiul unui alt producător renumit Ποσειδώνιος II (Garlan 2004-2005, 64, 142).

12. [Ζ]ω[π]υρίων[ος]
ἀστυνόμο[υ]. Măciucă
Φιλοκράτου
Ştampila magistratului Ζωπυρίων (Πόσιος), grupa IV-A, cca 295-294 a. Chr. Activitatea producătorului Φιλοκράτης II revine perioadei grupei III-IV cronologice. Φιλοκράτης II este tatăl unui alt producător, Σωσίας 1. Primele ştampile ale lui Σωσίας apar pe cele regravate ale tatălui său (Цехмистренко 1958, 60; Цехмистренко 1964, 321-323; Garlan 2004-2005, 59, F24). Придик 1917, 89, № 566 (la Pridik „măciuca” este indicată la stânga de legendă); Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969, 322 (la dreapta de legendă este indicata ca emblemă „maciuca”); Conovici 1998, no. 45 (în ştampila de la Histria Conovici indică o emblemă „măciucă”, în partea stângă a legendei).

13. ΘΕΥ – monogramă
Ştampilă de producător, redată prin monogramă Θευδώρος. Numele lui Θεύδωρος I este folosit şi ca patronimic a doi producători – Ποσειδώνιος şi Καλλισθένεης (Garlan 2004, 253, no. 620). De obicei, această ştampilă se aplica pe cea de-a doua

toartă, pe timpul câtorva magistraţi din grupa IV-A (cca 298-292 a. Chr.): Garlan 2004-2005, no. 621, 624.

14.....????
.....
.....ω...
Ştampilă de Sinope

15.....????
.....
.....
Ştampilă de Sinope. Ilizibilă, fragmentară.

Rhodos

16. [Πα]ρά
Εὔφρωνος
[ἐπ]ὶ Πολυ
[αρά]του
Ştampilă de Rhodos, circulară, pe care sunt aplicate atât numele producătorului Εὔφρονος, cât şi numele magistratului Πολυάρατος 1, din grupa Ib cronologică, cca 269 a. Chr. Ştampilă asemănătoare – la Finkielsztejn 2001, 56, pl. III, 55. Este cea de-a doua ştampilă de acest fel, descoperită în Dobrogea[3]. Site-ul Amphoralex.org prezintă aceeaşi combinaţie – pe o ştampilă de Rhodos – de magistrat şi de producător, doar că într-o altă prezentare grafică (cadran rectangular): *Amphoralex*: RE-ΠΟΛΥΑΡΑΤΟΣ-01-RF-ΕΥΦΡΩΝ-001.

17. Θο.....
.....
Stampilă de Rhodos (posibil, de magistrat?). Datarea: sec. III a. Chr.?

Thasos

18. Θασίων
Proră →
Ἀριστοφῶν ←
Ştampilă a magistratului Ἀριστοφῶν II, activ în cadrul grupei VIII. Datat între 286-285 a. Chr. Garlan 2004-2005, 325.

19. Βιώνος ←
Torţă cu gardă →
[Θ]ασ[ίων]
Ştampila magistratului Βίων 1, gr. VII (Avram) cca 265 a. Chr. sau grupa X (Garlan), cca 271 a. Chr. În legendă este folosită scrierea cu sigma lunară. Numele magistratului este redat la genitiv[4].

20. Θασίων ←
Topor de luptă →
Β[ιώ]νος
Ştampila magistratului Βίων 1, grupa VII (Avram), cca 265 a. Chr. sau grupa X (Garlan), cca 271 a. Chr. În legendă este folosită scrierea cu sigma lunară. Numele magistratului este redat la genitiv. Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969, 157, no. 36.

21. [Ἡρο]φώντος←
Torţă ←
Θασίων
Ştampila magistratului Ἡροφῶν 2, grupa XV (Avram), cca 266-255 a. Chr. sau grupa X (Garlan), cca 270 a. Chr. Scrierea legendei cu sigma lunară. Numele magistratului este redat la genitiv. Asemănător – la Avram 1996, 459a, b; Bon, Bon 1957, no. 481; Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969, 159, no. 63.

22. Κριτίας ←
Stea cu opt colţuri
Θασίων ←
Ştampila magistratului Κριτίας, grupa III (Avram) începutul anilor ’90 ai sec. III a. Chr. sau grupa V (Garlan) cca 302 a. Chr. Bon, Bon 1957, n° 1664. Debidour datează activitatea lui Κριτίας în anul 300 a. Chr. (Debidour 1979, 311). Mai târziu, acelaşi M. Debidour ridică datarea activităţii acestui magistrat la sfârşitul anilor 300 a. Chr. (Debidour 2011, 38). Aproximativ aceeaşi datare ca şi Debidour o oferă şi Tzochev (Tzochev 2009, 65). Întocmai – la Dobosz 2013, 240, pl. 2/16. Legenda redată retrograd.

23. Θασίω[ν]
Creangă cu strugure →
Πρηξίπολ[ις] ←
Ştampila magistratului Πρηξίπολις, datat în 276 a. Chr. (gr. IX Garlan). Scrierea cu sigma lunară. Bon, Bon 1957, 355, no. 1425; Tzochev 2016, 152, no. 247 (aceeaşi matrice).
24. Θασίων
Delfin →
Πυθίων ←
Ştampilă de Thasos, a magistratului Πυθίων 5, cca 290 a. Chr. Gramatopol, Poenaru-Bordea

[3] Prima ştampilă descoperită la Callatis, publicată în: Mateevici et al. 2022, 90-100, fig. 4/8.

[4] Mulţumim şi pe această cale dlui M. Debidour pentru sugestie în citirea ştampilei.

16

17

18

19

20

21

22

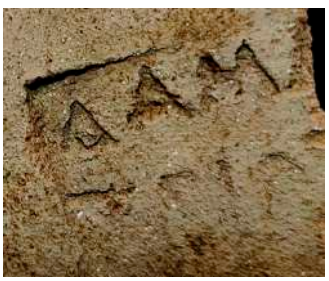
23

24

25

26

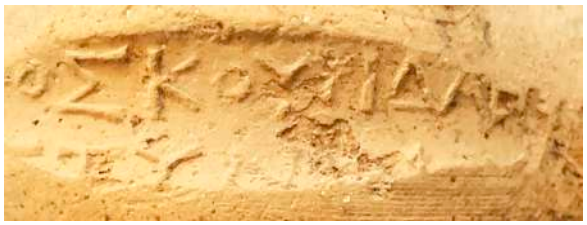
27


28

29

30

Fig. 8. Ştampile: 16, 17 - de Rhodos; 18-26 - de Thasos; 27, 28 - de Heracleea; 29, 30 - de Akanthos.



31

32

33

Fig. 9. Ştampile: 31 - de Chersones; 32 - de Cnidos; 33 - centru neidentificat.

1969, 167-170; Avram, Poenaru-Bordea 1988, pl. 2, nr. 19 (aceeaşi matrice); Avram 1996, no. 399 (aceeaşi matrice).

25. Θασίων
Alabastron ←
Σκύμνος ←
Ştampila magistratului Σκύμνος 1, grupa V (Avram) cca 279 a. Chr. sau grupa VII (Garlan), cca 288 a. Chr. Garlan menţionează ştampila cu emblema *alabastru* ca aparţinând lui Σκύμνος 2 (Garlan 2004-2005, 313), dar şi pe ştampila de la Stadion, şi pe cea publicată de soţii Bon, se vede clar sigma unghiulară. Bon, Bon 1957, no. 1578.

26. Θασίων
Kiathos → vas→
Χαιρέας
Magistratul Χαιρέας, grupa VI (Avram) sau grupa IX (Garlan), sfârşitul anilor ’70 ai sec. III a. Chr. Scrierea cu sigma lunară. Garlan menţionează că această ştampilă provine din atelierul Haghia Irini, cel mai nordic atelier de olărit de pe insula Thasos (Garlan 2004-2005, 282).

Heracleea Pontică
27. .....
.....φιχμ...?
Ştampilă de Heracleea Pontică. Ştampilă în două rânduri. Ar putea fi a doua jumătate a sec. IV a. Chr.

28. Δαμά
τριο Ι[α]
Ştampila conţine numele producătorului Δαμάτριος şi numele abreviat al magistratului ΙΑ. Producătorul Δαμάτριος activează atât în grupa timpurie a producătorilor, cât şi în grupa I a magistraţilor, atunci când este semnalată activitatea magistratului Ια (anii ’90-’80 ai sec. IV a. Chr.) Придик 1917, № 76; Брашинский 1980, № 252-254; Федосеев 2016, 138.

Akanthos
29. Ρ/Ο/Ε/ΠΧ
Ştampilă de Akanthos. Ultimele propuneri de datări ale ştampilelor de Akanthos se încadrează între sferturile doi şi trei ale sec. IV a. Chr. Întocmai – la Придик 1917, 108, № 141; Штаерман 1951,47, № 244; Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969, no. 974; Garlan 2006, fig. 7/m; Гетов 1995, 101, № 247.

30. Δ ?
Cadran circular, ilizibilă.
Chersones

31. [Δι]οσκουρίδα {ΗΡΑ}
[ἀ]στυν[ό]μ[ο]υ
Ştampila magistratului Διοσκουρίδας,, care a activat în cadrul grupei 1Γ de magistraţi (cca. 325-287 a. Chr.). Ştampila mai conţine la capătul numelui propriu o monogramă compusă din trei litere HPA, care, în opinia unor cercetători, indică numele producătorului (Кац 1994, 53- 54). Întocmai – la Кац 1994, табл. XVI/1-40,6; Asemănător – la Матеевич, Самойлова 2017, 68, № 12; 176, № 12; Кац 2007, приложение 10.

Cnidos
32. Nume abreviat prin ligatură, compus din literele ΑΩ/Υ (?). Este o ştampilă cu numele producătorului, aparţinând tipului II. Datarea: al doilea sfert – mijlocul sec. IV a. Chr.[5]

Centru neidentificat
33. ....ο..
...ιν
Ştampilă ilizibilă. Pasta pontică.

[5] Variantă propusă de colegul N. Jefremow, căruia îi mulţumim şi pe această cale.

Bibliografie

Avram 1996: A. Avram, Les timbres amphoriques. 1. Thasos. In: Histria, VIII/1 (Bucarest-Paris 1996).

Avram, Poenaru-Bordea 1988: A. Avram, Gh. Poenaru-Bordea, Nouveaux timbres amphorques thasiens de Callatis. Dacia N.S. XXXI/1-2, 1988, 27-35.

Bauman 1973-1975: V-H. Bauman, Consideraţii asupra importului amforelor greceşti în Nordul Dobrogei. Peuce IV, 1973-1975, 29-59.

Bon, Bon 1957: A.-M. Bon, A. Bon, Les timbres amphoriques de Thasos (Paris 1957).

Buzoianu 1981: L. Buzoianu, Consideraţii asupra ştampilelor sinopene de la edificiul roman cu mozaic. Pontica 14, 1981, 133-151.

Buzoinau, Cheluţă-Georgescu 1998: L. Buzoianu, N. Cheluţă-Georgescu, Noi ştampile amforice de la Callatis. Pontica 31, 1998, 49-98.

Canarache 1957: V. Canarache, Importul amforelor ştampilate la Istria (Bucureşti 1957).

Conovici 1998: N. Conovici, Les timbres amphoriques. 2. Sinope. In: Histria, VIII/2 (Bucarest-Paris 1998).

Conovici, Avram, Poenaru-Bordea 1989: N. Conovici, A. Avram, Gh. Poenaru-Bordea, Nouveaux timbres amphoriques sinopéens de Callatis. Dacia N.S. XXXIII/1-2, 1989, 111-124.

Dobosz 2013: A. Dobosz, Amphora Stamps from the Agora of Nea Paphos, Ciprus. Studies in Ancient Art and Civilization 17, 2013, 235-248.

Debidour 1979: M. Debidour, Reflexions sur timbres amphoriques thasiennes. In: Bulletin de correspondance hellénique, Suppl. V [Thasiaca], 1979, 269-314.

Debidour 2011: M. Debidour, Étudier le commerce des amphores thasiennes: quelques rémarques à propos de trouvailles autour de Pont Euxin (IV-e-II-e s. av. J.-C.). In : Patabs II. Production and Trade of Amphorae in the Black Sea. Acts of the International Round Table held in Kiten; Nessebar and Sredetz, September 26-30, 2007 (Sofia 2011), 35-53.

Finkielsztejn 2001: G. Finkielsztejn, Chronologie détaillée et revisée des éponymes amphoriques rhodiens, de 270-180 av. J.-C. Premier bilan. In: BAR. Intern. ser. (Oxford 2001).

Gramatopol, Poenaru-Bordea 1969: M. Gramatopol, Gh. Poenaru-Bordea, Amphora stamps from Callatis and South Dobrudja. Dacia N.S. XIII, 1969, 127-282.

Garlan 1986: Y. Garlan, Quelques nouveaux ateliers amphoriques à Thasos. In: Recherches sur amphores gréques. Bulletin de correspondance hellénique, Suppl. 13, 1986, 201-276.

Garlan 2004-2005: Y. Garlan, En visitant et revisitant les ateliers amphoriques de Thasos. In: Bulletin de correspondance hellénique, 128-129, livraison 1, 2004-2005, 269-329.

Garlan 2006: Y. Garlan, L' interprétation des timbres amphoriques «à la roue» d'Akanthos. In: Bullétin de correspondance hellénique, 130, 2006, 263-291.

Jefremow 1995: N. Jefremow, Die Amphorenstempel des hellenistischen Knidos (München 1995).

Filis 2012: K. Filis, Transport Amphorae Workshops in Macedonia and Thrace during the Late Classical and Hellenistic times. Topics on Hellenistic pottery in Ancient Macedonia (Athens 2012).

Filis 2013: K. Filis, Transport Amphoae from Akanthos. In: (Eds. L. Buzoianu, P. Dupont, V. Lungu) PATABS III - Production and Trade of Amphorae in the Black Sea, Constanţa, 6-10 October 2009 (Constanţa 2013), 67-88.

Mateevici et al. 2022: N. Mateevici, N. Alexandru, R. Constantin, M. Ionescu, Un nou lot de ştampile de amfore greceşti, descoperite la Callatis. Revista Arheologică s.n. 18/2, 2022, 90-100.

Tzochev 2009: Ch. Tzochev, Notes on the Thasian Amphora stamps chronology. Archaeologia Bulgarica 15, 2009, 55-72.

Tzochev 2016: Ch. Tzochev, Amphora stamps from Thasos. In: The Athenian Agora, vol. XXXVII (Princeton, New Jersey 2016).

Брашиский 1980: И.Б. Брашиский, Греческий керамический импорт на Нижнем Дону (Ленинград 1980).

Гетов 1995: Л. Гетов, Амфори и амфорни печати от Кабиле (IV-II в. пр. н.е.) (София 1995).

Кац 1994: В.И. Кац, Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог определитель (Саратов 1994).

Кац 2007: В.И. Кац, Керамическе клйма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). В сб.: Боспорские исследования, вып. XVIII (Симферополь-Керчь 2007).

Кац 2015: В.И. Кац, Керамические клейма Азиатского Боспора. Горгипия и ее хора. Семибратнее городище. Каталог (Саратов 2015).

Коновичи, Аврам, Поенару-Бордя 1992: Н. Коновичи, А. Аврам, Г. Поенару-Бордя, Количественный анализ синопских амфорных клейм из Каллатиса. В сб.: Греческие амфоры. Проблемы развития ремесла и торговли в античном мире (Саратов 1992), 229-253.

Матеевич, Самойлова 2017: Н. Матеевич, Т.Л. Самойлова, Амфорные клейма из Тиры (раскопки 1998-2008 гг.) (Киев 2017).

Монахов 2013: С.Ю. Монахов, Еще одна находка Аканфской амфоры и некоторые размышления о характере аканфского амфорного производства. В сб.: Древности Боспора, 17 (Москва 2013), 258-268.

Монахов 2015: С.Ю. Монахов, Новые находки аканфских амфор и коррективы к их типологии и хронологии. Проблемы истории филологии, культуры 3, 2015, 105-119.

Придик 1917: Е. Придик, Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажнаго собрания (Петроград 1917).

Федосеев 1998: Н. Федосеев, Керамические клейма из раскопок на поселении Бакланья скала. В сб.: Древности Боспора, 1 (Москва 1998), 253-270.

Федосеев 2001: Н. Федосеев, О коллекции керамических клейм в Национальном музее Варшавы. Боспорские исследования 1, 2001, 55-74.

Цехмистренко 1958: В.И. Цехмистренко, К вопросу периодизации синопских керамических клейм. СА 1, 1958, 56-70.

Цехмистренко 1968: В.И. Цехмистренко, О принадлежности вторых имен в синопских клемах. Нумзматика и Эпиграфика 7, 1968, 23-36.

Штаерман 1951: Е.М. Штаерман, Керамические клейма из Тиры. КСИИМК XXXVI, 1951, 31-49.

A new lot of amphora stamps discovered in Mangalia (in the area of the Municipal Stadium)

Keywords: stamps, amphorae, Callatis, manufacturers, magistrates, chronological groups.

Abstract: Archaeological investigations on the territory of the ancient city of Callatis have provided a wealth of information about the economic, social and political life of this Heraclean colony. The article presents new amphora stamps discovered during excavations in the area of the Mangalia Municipal Stadium.

We have distributed the stamps into 33 groups depending on the centers of amphorae production: Sinope, Thasos, Rhodes, Heraclea Pontica, Akanthos, Knidos, Chersonesus and unknown centers. Most of the amphora stamps belong to Sinopian amphorae from the mid-4th century BC - the 60s of the 3rd century BC. We also attributed amphora stamps from other Greek production centers to this chronological period, and one of the two Heraclean stamps is more ancient - the first quarter of the 4th century BC. The absence of amphora stamps from the second half of the 3rd century BC could indicate that during this period the inhabitants of the city changed the burial area, shifting it, according to archaeological data, to the north (2-300 m), where the courtyard of the Municipal Hospital and Nicolae Iorga Street are currently located, on the territory of which burial complexes of the 3rd-2nd centuries BC were discovered.

List of illustrations:

Fig. 1. Plan of the Callatis fortress.

Fig. 2. Orthophotoplan of Callatis, 18A Constanța Street, Municipal Stadium.

Fig. 3. Photos of the investigated sector, taken using a drone.

Fig. 4. Fragments of amphorae.

Fig. 5. Fragments of lamps and black-glazed vessels.

Fig. 6. Sinope stamps (1-10).

Fig. 7. Sinope stamps (11-15).

Fig. 8. Stamps: 16, 17 - Rhodes; 18-26 - Thasos; 27, 28 - Heraclea; 29, 30 - Akanthos.

Fig. 9. Stamps: 31 - Chersonesus; 32 - Knidos; 33 - unidentified center.

Новая партия амфорных клейм, обнаруженных в Мангалии (в зоне Муниципального стадиона)

Ключевые слова: клейма, амфоры, Каллатис, производители, магистраты, хронологические группы.

Резюме: Археологические исследования на территории древнего города Каллатис предоставили богатую информацию об экономической, социальной и политической жизни этой гераклейской колонии. В статье представлены новые амфорные клейма, обнаруженные в ходе раскопок в зоне Муниципального стадиона Мангалии.

Клейма распределены нами по 33 группам в зависимости от центров производства амфор: Синопа, Тасос, Родос, Гераклея Понтийская, Аканф, Книд, Херсонес и неизвестные центры. Большая часть амфорных

клейм принадлежит синопским амфорам середины IV в. до н. э. - 60-х гг. III в. до н. э. К этому хронологическому периоду мы отнесли и амфорные клейма других греческих производственных центров, причем одно из двух гераклейских клейм более древнее – первой четверти IV в. до н. э. Отсутствие здесь амфорных клейм второй половины III в. до н.э., возможно, свидетельствует о том, что в этот период жители города сменили зону погребений, сместив ее, по археологическим данным, на север (2-300 м), где в настоящее время находится двор Муниципальной больницы и улица Николае Йорги, на территории которых были обнаружены погребальные комплексы III-II вв. до н.э.

Список иллюстраций:

Рис. 1. План крепости Каллатис.

Рис. 2. Ортофотоплан Каллатиса, ул. Констанцы, 18А, Муниципальный стадион.

Рис. 3. Снимки исследуемого сектора, сделанные с дрона.

Рис. 4. Фрагменты амфор.

Рис. 5. Фрагменты светильников и чернолаковых сосудов.

Рис. 6. Синопские клейма (1-10).

Рис. 7. Синопские клейма (11-15).

Рис. 8. Клейма: 16, 17 - родосские; 18-26 - тасосские; 27, 28 - гераклейские; 29, 30 - аканфские.

Рис. 9. Клейма: 31 - херсонесские; 32 - книдские; 33 - неизвестного производственного центра.

21.03.2024

Dr. Natalia Mateevici, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-4660-9781, e-mail: amforaelada@yahoo.com

Dr. Nicolaie Alexandru, Muzeul de Arheologie „Callatis”, şos. Constanţei, nr. 23, Mangalia, România, https://orcid.org/0000-0003-1461-2254

Dr. Mihai Ionescu, Muzeul de Arheologie „Callatis”, şos. Constanţei, nr. 23, Mangalia, România, https://orcid.org/0000-0002-9053-289X, e-mail: ionescumihai2000@yahoo.it

FEMALE TERRACOTTA FIGURINES FROM THE YALTA SANCTUARY OF LATE ROMAN TIMES (excavations by A.L. Berthier-Delagarde in 1905)

Kateryna Savelieva

Keywords: sanctuary, terracotta figurines, barbarians, Tauric Chersonesus, late Roman times.

The Yalta sanctuary (or Autka sanctuary) is situated in southern Crimea, on the mountainside near the village of Verkhnyaya Autka, in the vicinity of Yalta. In 1905, workers plowing the land on private property discovered a large number of coins. Shortly afterwards, A.L. Berthier-Delagarde conducted excavations in the area. As a result of these excavations, he identified the site as a sanctuary belonging to some barbarian people, dedicated to a female deity. A research report was presented at a meeting of the Odessa Society of History and Antiquities and is documented in the minutes of the meeting published in 1907 (Бертье-Делагард 1907).

Among the various discoveries in the sanctuary, female terracotta figurines were found. The report provides a brief description of the archaeological context of these finds. An area of about 20 hectares was explored and no construction remains were found. Similarly, no settlement remains were discovered in the vicinity. The distribution area of the finds was approximately 70-90 m^2. Hundreds of coins were scattered on the surface at ground level at a depth of about 1.0 m. The coin clusters were arranged in several pits. Berthier-Delagarde examined over a thousand pieces and dated them from the late 1st century BC to the second quarter of the 4th century AD, with the vast majority dating to the late 2nd to 3rd century AD. The majority of coins (58%) belonged to the Roman Empire, 30% – Bosporan coins, 11% – Tauric Chersonesus coins, 1% – coins from other regions (Бертье-Делагард 1907, 21-23). In addition, various bronze items such as rings, bracelets, buckles, buttons, and a horse figurine were discovered, along with silver figural plates, beads, and fragments of glassware. Interestingly, there was no pottery in this area, except for a few fragments. At some distance from the coin discovery area, a spot measuring up to 5.0 m^2 square and about 0.2 m thick was excavated. This spot consisted solely of the jaws of domestic animals such as sheep, pigs, and dogs.

Away from the coin discovery area, a pit containing female terracotta figurines was excavated (Бертье-Делагард 1907, 20-21). The report does not specify the number of units found. In general, these terracotta figurines exhibit a gradual simplification from a realistic depiction of a standing goddess to anthropomorphic imitations. While they somewhat resemble female figurines in their shapes, the representation is highly schematic. The landowner kept most of the finds, but he donated nine figurines to the museum of the Odessa Society of History and Antiquities, which is now the Odessa Archaeological Museum. These terracotta figurines have never been published in their entirety. However, a table featuring photos of six pieces with poor print quality and without descriptions was published in a paper by N.V. Pyatysheva (Пятышева 1946, 181, рис. 6). A description of two of these terracotta figurines – one with a realistic depiction and one anthropomorphic figurine – was provided by I.B. Klejman in the corpus of terracotta figurines of the Northern Black Sea region (Клейман 1970, 78, табл. 19). Currently, eight figurines are kept in the funds of the Odessa Archaeological Museum. One figurine was lost before 1946, but it is visible in the photograph published by Pyatysheva, presumably taken shortly before the loss. From the photograph, we can conclude that this figurine is similar to two other realistic depictions of standing goddess; its height is slightly greater (fig. 1/3).

Description of terracotta figurines

1. Goddess standing on a high pedestal (fig. 1/1). H: 17.4 cm. The head is covered by the himation, as is the entire body. Her arms are crossed on her

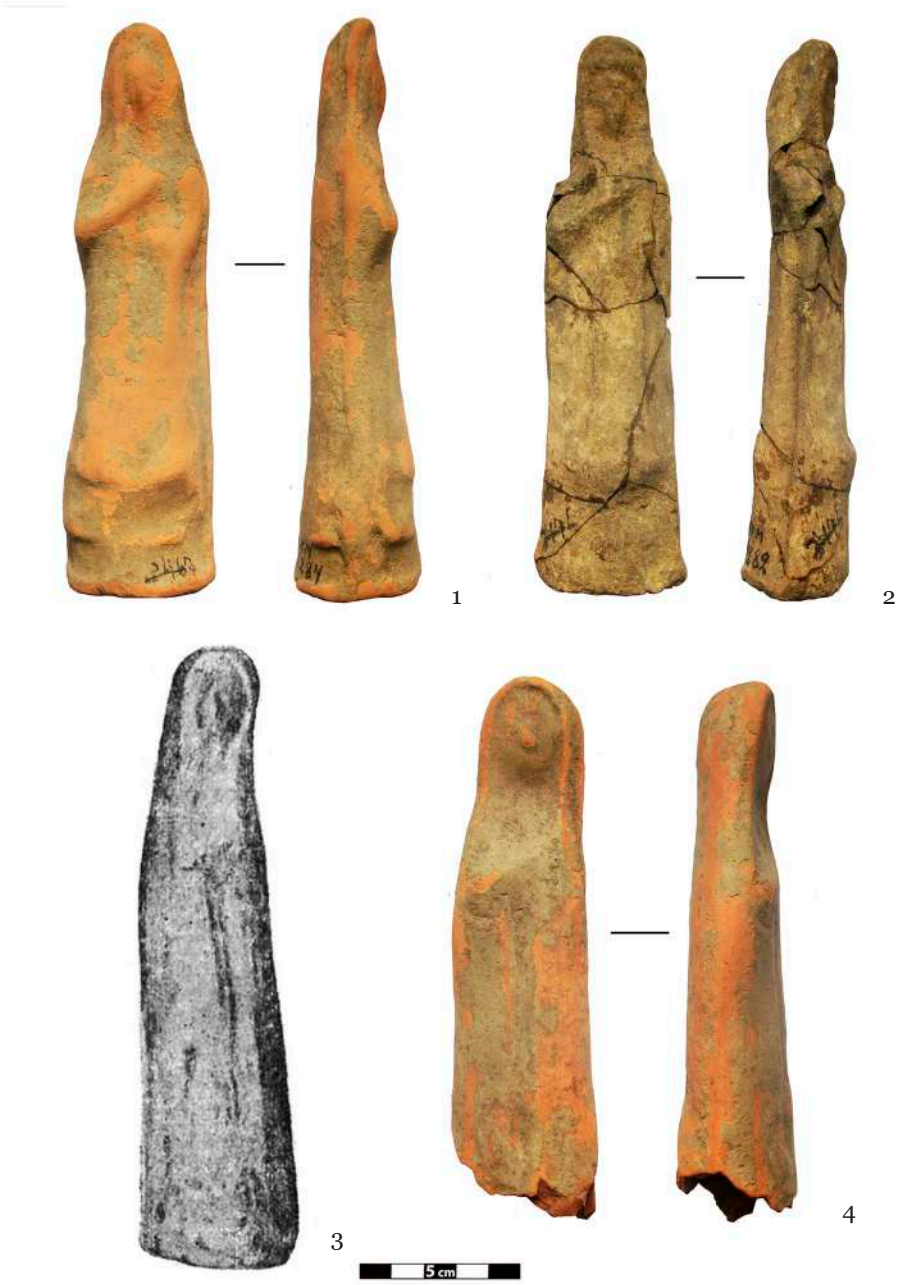


Fig. 1. Terracotta figurines from the Yalta sanctuary: depictions of standing goddess (3 - after Пятышева 1946).

chest under the himation. The left arm is positioned below the right arm, closer to the abdomen. The facial features are not marked. The statuette was produced using a bivalve mould. Fine, pale brown fabric; the firing is adequate. The surface is primed. Inv. no 26284. Published (Клейман 1970, 78, табл. 19).

2. The same type (fig. 1/2). H: 16.8 cm. Restored. The surface is dark grey, as a result of the effects of the re-firing. Inv. no 26282.

3. Similar image, but more schematic (fig. 1/4). H: 16.5 cm. It features a disproportionately large, round head. The right hand is positioned against the chest. Details of the face and clothing

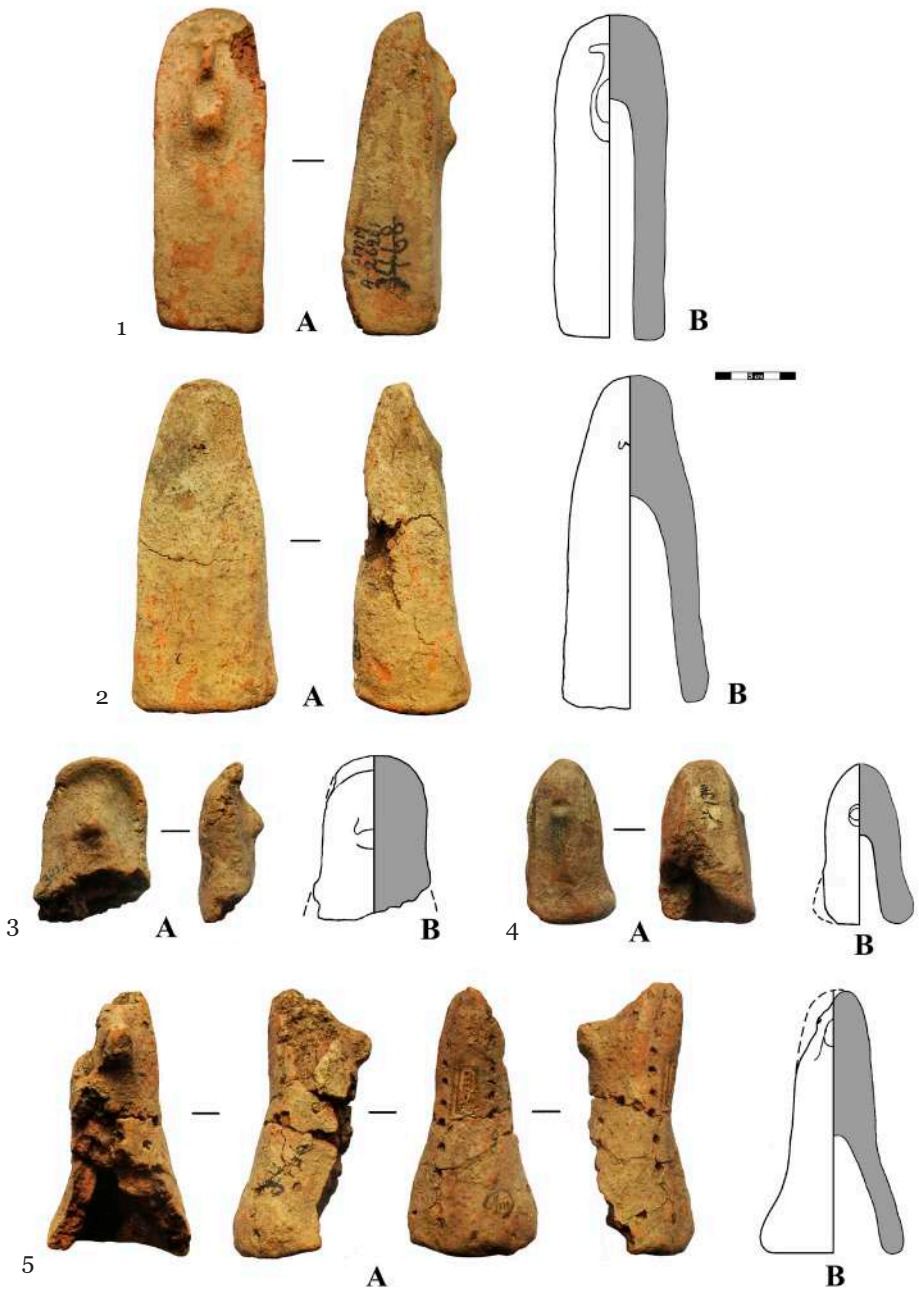


Fig. 2. Terracotta figurines from the Yalta sanctuary: anthropomorphic depictions.

are nearly indistinct, except for the nose and the fold of the himation. The statuette was produced using a bivalve mould. Fine, pale brown fabric; the firing is adequate. The bottom part (pedestal) is broken off. Inv. no 26352.

4. Anthropomorphic depiction (fig. 2/1). H: 12.2 cm. The statuette has an elongated shape tapering to the top, with a rectangular cross-section. Eyebrows, nose, and chin (or possibly an open mouth) are outlined. It was presumably produced in a mould, is hollow, with a wall thickness of 1 cm. The fabric is friable and red-brown; the firing is incomplete. There are a few damages on the body surface. Inv. no 26281. Published (Клейман 1970, 78, табл. 19/4).

5. Anthropomorphic depiction (fig. 2/2). H: 12 cm. The statuette is cone-shaped. Only the nose is marked with punctured nostrils. It was presumably produced in a mould, is hollow, with a wall thickness of 0.8-1.0 cm. The fabric is friable and pale brown; the firing is incomplete. The body surface is cracked and damaged. Inv. no 26283.

6. Anthropomorphic depiction, upper part (fig. 2/3). H: 7.1 cm. The nose is marked with a protrusion, and the mouth is indicated by a line drawn before firing. The fabric is friable and red-brown; the firing is incomplete. Inv. no 24226.

7. Anthropomorphic depiction (fig. 2/4). H: 6 cm. The statuette has an irregular pyramidal shape. A small indentation marks the mouth. It is presumably produced in a mould, hollow, with a wall thickness of 0.8-1.0 cm. The fabric is friable and red-brown; the firing is adequate. The part on the right is broken off. Inv. no 71473.

8. Anthropomorphic depiction (fig. 2/5). H: 9.8 cm. The corpus has a conical shape. The nose is indicated by a large projection, and the eyes are depicted with small indentations. The surface is covered with rows of small pre-firing dimples, including 4 vertical rows and 1 horizontal row in the waist area. The fabric is friable and pale brown, the firing is incomplete. The figurine is restored, with part of the head and most of the front side broken off, and there are cracks on the body surface. Inv. no 26261.

Cultural-ethnic belonging of the sanctuary

The Yalta sanctuary belongs to the group of monuments explored in the Southern Mountain Crimea, the cultural identity of which is controversial. Six cult complexes of Roman times have been excavated here, each exhibiting distinctive features. Their classification was conducted by A.V. Lysenko (Лысенко 2009). The region of the Mountain Crimea is associated by ancient authors with historical Taurica, inhabited by the Taurians (Scytho-Taurians, Tauro-Scythians). However, there is little reliable information about this people in Greco-Roman written and epigraphic sources (Ольховский 1981, 54; Ольховский 1990, 32; Пиоро 1990, 12-15; Пиоро 1998, 138-139; Khrapunov 2012, 76-78; Лысенко 2015, 79-80; Храпунов 2016, 119-121). Archaeological sources indicate the presence of representatives of various ethnic groups, including the Late Scythians, the Sarmatians, the Alans, and the Germanics in the region during Roman times. It is assumed that the Taurians were assimilated by the Late Scythians in the 1st century AD (Ольховский 1981, 56; Ольховський 1990, 33; Айбабин 1996, 290; Khrapunov 2012, 88). The opinion has also been expressed that the name "Taurians" in Roman times had a generalizing character for the peoples of the Mountain Crimea (Пиоро 1998, 139).

Some elements of cult practice similar to those documented in the Yalta sanctuary have also been found in the sanctuary near the Gurzuf Seddle pass (Новиченкова 2002; Новиченкова 2015). The ritual complex operated on this site for an extended period, but the phase of its activity that concerns us started in the 1st century and was disrupted in the first half of the 2nd century. The pits 0.2-0.6 m deep were discovered in which offerings such as coins, bronze and silver statuettes depicting gods were placed. Additionally, in the ritual, jaws of animals not exposed to fire were utilized. Probably, there was continuity in the existence of two sanctuaries because the same ritual that was interrupted in the sanctuary near the Gurzuf Saddle pass continued to evolve in the Yalta sanctuary (Новиченкова 2015, 140). N.G. Novichenkova associates this stage in the sanctuary's history with the Scytho-Taurians based on written sources but notes that the specific content of this term is not yet definitively established (Новиченкова 2002, 141). As for the Yalta sanctuary, it is difficult to assert anything specific about the cultural or ethnic affiliation of the population that left it. Some researchers associated the sanctuary with the Taurians (Репников 1927, 139-140; Дьяков 1930, 32; Тюменев 1949, 84-85; Шульц 1959, 254-255; Лесков 1965, 186-187, Зубарь 2005, 233-235). N.V. Pyatysheva believed that the figurines from the sanctuary depict a syncretic goddess Deva, known to both Greeks and barbarians, blending Greek and Tauro-Scythian elements (Пятышева 1946, 181; Пятышева 1947, 217). However, this interpretation cannot be confirmed on the basis of the artefacts found here.

The population of the Mountain Crimea, starting from the mid-1st century, was apparently under Roman influence, which was exerted through Tauric Chersonesus, the main military

base in the region. Tauric Chersonesus was also the closest ancient center of pottery production during Roman times, where the manufacturing of similar terracotta figurines has been documented. Two pottery kilns were unearthed at the site, within which fragments of moulds and figurines depicting standing goddess were discovered (Борисова 1966, 16-17, табл. 15/6, 7; Белов 1970, 77, табл. 19/1-2а; Шевченко 2016, 217-218, 326, табл. XXXV-XXXVI, CVII)[1]. One of them dates back to the 2nd-3rd centuries AD, while the other dates to the 3rd-4th centuries AD. Obviously, workshops produced these terracotta figurines to meet the demand of the city's residents, but they could also supply them to the barbarians. The figurines depicting a goddess were likely intended for use in public or domestic cults as an offering to the deity. According to A.V. Shevchenko, the figurines depict Demeter (Шевченко, Костромичева 1986, 85; Шевченко 2016, 217). However, the same images could be dedicated to different deities, acquiring various symbolic meanings depending on the recipient. So, the worshippers who dedicated the figurines to the Yalta sanctuary could have a different understanding of the depicted goddess compared to the Greek or Roman residents of Tauric Chersonesus. Exactly which goddess they associated the figurines with can only be speculated. We also cannot determine whether the sanctuary was visited by the residents of Tauric Chersonesus or the Roman fortress of Charax, located 7 km away.

Another issue relates to the fabrication of the anthropomorphic figurines. The prevailing belief is that they were handmade by the barbarians themselves. However, it is important to note some distinctive features of this group of figurines. They differ from the typical primitive figures hand-moulded from a lump of clay (see Маликов 1961, 65-66; Шургая 1986, 217)[2]. All of them have a hollow body, except for item 4, where only the head is preserved, but the body was likely also hollow. The symmetrical shape, clear edges, and uniform wall thickness of the figurines suggest the use of simplified moulds in their production. Additionally, the firing of the artifacts is largely adequate. Possibly, the same workshops produced figurines of both types – realistic and anthropomorphic. Fragments of anthropomorphic statuettes were also found in the kiln dating from the 3rd to 4th centuries, alongside other female figurines (Шевченко 2016, 218, табл. XXXVI). Anthropomorphic figurines were probably not specifically produced for the barbarians. They might have been crafted for the residents of Tauric Chersonesus, offering more affordable alternatives among the available merchandise.

According to the coin chronology, the sanctuary was established in the early 1st century AD, gaining significance from the late 2nd century. However, its importance began to decline in the first quarter of the 4th century, leading to its abandonment. The terracotta figurines were produced within this period, most likely from the late 2nd to the early 4th century. These chronological boundaries align with the dating of the terracotta kilns discovered in Tauric Chersonesus.

At present, there are still many unresolved questions related to the ethnic history and culture of the population of the Mountain Crimea during Roman times. We anticipate that the publication of these terracotta figurines will contribute insights into various aspects, including the relations between Antique civilization and barbarians of the Mountain Crimea and the production of terracotta figurines in late Roman times.

[1] As an analogy, it is worth noting multiple series of terracotta figurines depicting standing women discovered in Histria in 1963 (Suceveanu 1967, 252-264, fig. 7-14; Iliescu, Botiş 2018, 206-207, fig. 10). They are products of a local terracotta workshop and date back to the 2nd century AD. Perhaps this similarity points to close trade connections between Chersonesus and the cities of the Western Black Sea region, already confirmed by the exchange of other products (Кадеев, Сорочан 1989, 44).

[2] Some remote similarity can be observed in the figurines dating back to the 3rd century AD found in rural settlements of the Bosporus (Кругликова 1970, 102, табл. 50). Within the religious complex of Taraktash, located in the eastern part of mountainous Crimea, several anthropomorphic terracotta figurines were discovered in three cult buildings dating back to the 2nd - 3rd century (Шаров 2013, 313-315). They are not close analogies to the Yalta figurines, but are still of interest. O.V. Sharov discovered similarities with figurines from Central Asia; however, the population responsible for constructing the shrines has not been conclusively identified (Шаров 2013, 319).

Bibliography

Iliescu, Botiş 2018: J. Iliescu, F. Botiş, The pottery workshops from Histria. In: (Eds. V. Rusu-Bolindeţ, C. Roman, M. Gui) Atlas of Roman Pottery Workshops from the Provinces Dacia and Lower Moesia/Scythia Minor (1st - 7th centuries AD) (Cluj-Napoca 2018), 193-209.

Khrapunov 2012: I.N. Khrapunov, The Crimea in the Early Iron Age: an ethnic history (Simferopol 2012).

Suceveanu 1967: A. Suceveanu, Depozitul de statuete romane de teracotă de la Histria. SCIVA 18/2, 1967, 243-268.

Айбабин 1996: А.И. Айбабин, Население Крыма в середине III-IV вв. Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии V, 1996, 290-303.

Белов 1970: Г.Д. Белов, Терракоты из Херсонеса. В: (Ред. М.М. Кобылина) Терракоты Северного Причерноморья, т. II (Москва 1970), 70-75.

Бертье-Делагард 1907: А.Л. Бертье-Делагард, Случайная находка древностей близ Ялты. Записки Одесского общества истории и древностей XXVII, 1907, 19-27.

Борисова 1966: В.В. Борисова, Херсонес и Западный Крым. Гончарные печи. Формы. В: (Ред. И.Б. Зеест) Керамическое производство и античные керамические строительные материалы (Москва 1966), 13-17.

Дьяков 1930: В.Н. Дьяков, Древности Ай-Тодора. Збірник праць Алупкінського історико-побутового музею 1, 1930, 3-39.

Зубарь 2005: В.М. Зубарь, Херсонес и Северо-Западная Таврика во второй трети III - первой половине II вв. до н. э. В: (Ред. В.М. Зубарь, А.В. Буйских, Е.А. Кравченко, М.В. Русяева) Херсонес Таврический в третьей четверти VI - середине I вв. до н. э. Очерки истории и культуры (Киев 2005), 209-242.

Кадеев, Сорочан 1989: В.И. Кадеев, С.Б. Сорочан, Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. - V в. н.э. (на материалах Херсонеса) (Харьков 1989).

Клейман 1970: И.Б. Клейман, Статуэтки из святилища у г. Ялты. В: (Ред. М.М. Кобылина) Терракоты Северного Причерноморья, т. II (Москва 1970), 78.

Кругликова 1970: И.Т. Кругликова, Терракоты из сельских поселений европейской части Боспорского государства. В: (Ред. М.М. Кобылина) Терракоты Северного Причерноморья, т. II (Москва 1970), 100-111.

Лесков 1965: А.М. Лесков, Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры (Киев 1965).

Лысенко 2009: А.В. Лысенко, Святилища римского времени южной части горного Крыма (опыт систематизации). Stratum plus 4, 2009, 374-400.

Лысенко 2015: А.В. Лысенко, История исследования Южной части Горного Крыма римского времени. В: (Ред. И.Б. Тесленко) Древняя и средневековая Таврика. Сборник статей, посвященный юбилею Елены Александровны Паршиной (Київ 2015), 55-107.

Маликов 1961: В.М. Маликов, Жертвенник из пригородного здания Неаполя Скифского. КСИА 11, 161, 64-69.

Новиченкова 2002: Н.Г. Новиченкова, Устройство и обрядность святилища у перевала Гурзуфское Седло (Ялта 2002).

Новиченкова 2015: Н.Г. Новиченкова, Горный Крым: II в. до н.э. - II в. н.э. По материалам раскопок святилища у перевала Гурзуфское Седло (Симферополь 2015).

Ольховский 1981: В.С. Ольховский, Население Крыма по данным античных авторов. СА 3, 1981, 52-65.

Ольховський 1990: В.С. Ольховський, До етнічної історії давнього Криму. Археологія 1, 1990, 27-38.

Пиоро 1990: И.С. Пиоро, Крымская Готия. Очерк этнической истории Крыма в позднеримский период и раннее средневековье (Киев 1990).

Пиоро 1998: И.С. Пиоро, К вопросу об этнической атрибуции названия «тавры» в римское время. Херсонесский сборник 9, 1998, 138-140.

Пятышева 1946: Н.В. Пятышева, Античное влияние на культовую скульптуру Причерноморья. ВДИ 3 (17), 1946, 175-182.

Пятышева 1947: Н.В. Пятышева, Культ греко-тавро-скифского божества в Херсонесе. ВДИ 3, 1947, 213-218.

Репников 1927: Н.И. Репников, Предполагаемые древности тавров. Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии I, 1927, 137-140.

Тюменев 1949: А.И. Тюменев, Херсонесские этюды. III. Херсонес и местное население. Тавры. ВДИ 4, 1949, 75-86.

Храпунов 2016: И.Н. Храпунов, Население Горного Крыма в позднеримское время. ВДИ 76/1, 2016, 118-134.

Шаров 2013: О.В. Шаров, Антропоморфные глиняные статуэтки из раскопок культового комплекса Таракташ в восточном Крыму. В: (Ред. М.Ю. Вахтина, Е.В. Грицик, Н.К. Жижина, С.В. Кашаев, Н.А. Павличенко, О.Ю. Соколова, В.А. Хршановский) Боспорский феномен. Греки и варвары на Евразийском перекрёстке: Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург 2013), 313-319.

Шевченко 2016: А.В. Шевченко, Терракоты античного Херсонеса и его ближней сельской округи (Симферополь 2016).

Шевченко, Костромичева 1986: А.В. Шевченко, Т.И. Костромичева, Деметра и Кора-Персефона в коропластике Херсонеса. В: (Ред. В.А. Анохин) Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры (Киев 1986), 77-86.

Шульц 1959: П.Н. Шульц, О некоторых вопросах истории тавров (территория, хронология, взаимоотношения с античными городами и скифами). В: (Ред. А.П. Смирнов) Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху (Москва 1959), 235-272.

Шургая 1986: И.Г. Шургая, Аграрная магия в Илурате. В: (Ред. Г.А. Кошеленко) Проблемы античной культуры (Москва 1986), 217-222.

Statuetele de teracotă feminine din sanctuarul de la Yalta din perioada romană târzie (săpături realizate de A.L. Berthier-Delagarde în 1905)

Cuvinte-cheie: sanctuar, figurine de teracotă, barbari, Chersonesul Tauric, perioada romană târzie.

Rezumat: Articolul aduce în discuţie figurinele de teracotă, descoperite de A.L. Bertye-Delagard în timpul investigării sanctuarului Yalta (Autka) în 1905. În prezent, Muzeul Arheologic din Odesa adăposteşte opt figurine; una a fost pierdută, dar fotografia sa a fost publicată. Figurinele de teracotă pot fi împărţite convenţional în două grupuri: primul cuprinde patru reprezentări realiste ale unei zeiţe în picioare, iar al doilea constă din cinci figurine antropomorfe. Figurinele din prima grupă au fost, probabil, produse în Chersonesul Tauric, unde producţia unor articole similare este documentată în perioada secolului al II-lea până în secolul al IV-lea. Este evident că atelierele au fabricat aceste figurine pentru a satisface cererea locuitorilor oraşului, dar le-ar fi putut furniza şi localnicilor barbari. În ceea ce priveşte producţia de figurine antropomorfe, opinia dominantă este că acestea au fost realizate manual de către barbari. Cu toate acestea, este important să se remarce unele caracteristici distinctive ale acestor figurine: sunt goale, au o formă simetrică, margini clare şi grosime uniformă a pereţilor. Arderea este satisfăcătoare. Este probabil că au fost folosite unele forme simplificate în producţia lor. Posibil ca aceleaşi ateliere să fi produs figurine de teracotă de ambele tipuri. Figurinele antropomorfe, probabil, nu au fost făcute special pentru barbari; mai degrabă, erau destinate locuitorilor Chersonesului Tauric ca opţiuni mai accesibile în gama de produse.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Figurine de teracotă din sanctuarul de la Yalta: reprezentări ale zeiţei în picioare (3 - după Пятышева 1946).

Fig. 2. Figurine de teracotă din sanctuarul Yalta: reprezentări antropomorfe.

Женские терракотовые статуэтки из Ялтинского святилища позднеримского времени (раскопки А.Л. Бертье-Делагарда в 1905 г.)

Ключевые слова: святилище, терракотовые статуэтки, варвары, Херсонес Таврический, позднеримское время.

Резюме: В статье рассмотрены терракотовые статуэтки, найденные А. Л. Бертье-Делагардом при исследовании Ялтинского (Ауткинского) святилища в 1905 г. В фондах Одесского Археологического музея в настоящее время хранится восемь терракот; одна была утрачена, но ее фото опубликовано. Терракоты можно условно разделить на две группы: к первой относятся 4 реалистичные изображения стоящей богини, ко второй – 5 антропоморфных статуэток. Терракоты первой группы скорее всего были изготовлены в Херсонесе Таврическом, там задокументировано производство подобных статуэток во II-IV вв. Очевидно, что мастерские производили эти терракоты для удовлетворения спроса жителей города, но они также могли поставлять их местным варварам. Что касается производства антропоморфных статуэток, преобладает мнение, что они были сделаны вручную самими варварами. Однако эти статуэтки имеют некоторые отличительные особенности: они полые, имеют симметричную форму, четкие грани и равномерную толщину стенок. Обжиг удовлетворительный. Вероятно, при их изготовлении использовались какие-то упрощенные формы. Возможно, в одних и тех же мастерских изготавливались терракоты обоих типов. Антропоморфные статуэтки, вероятно, не производились специально для варваров. Скорее, они предназначались для жителей Херсонеса Таврического как более доступные варианты в ассортименте товаров.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Терракотовые статуэтки из Ялтинского святилища: изображения стоящей богини (3 - по Пятышева 1946).

Рис. 2. Терракотовые статуэтки из Ялтинского святилища: антропоморфные изображения.

11.03.2024

Dr. Kateryna Savelieva, Institute of Archaeology, the National Academy of Sciences of Ukraine, Volodymyra Ivasyuka ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine, https://orcid.org/0000-0002-1899-3923, e-mail: savelievakat6@gmail.net

ТРИ ВЕНГЕРСКИХ ПОГРЕБЕНИЯ С БОЕВЫМИ НОЖАМИ В СРЕДНЕМ ПОДНЕСТРОВЬЕ

Николай П. Тельнов, Сергей Н. Разумов, Елена Ф. Тащи, Сергей Д. Лысенко, Татьяна Д. Урсу, Виталий С. Синика

Ключевые слова: Среднее Поднестровье, средние века, венгры, погребения, боевые ножи, вторая треть - середина X в.

Введение

В последнее десятилетие повышенный интерес к изучению проблематики ранневенгерского присутствия в Северном Причерноморье (венгры Этелькёза) на этапе, предшествующем обретению родины (Комар 2018), закономерно привёл к пересмотру старых материалов из исследованных ещё начиная с рубежа XIX-XX вв. курганных и грунтовых погребений. В результате в Северо-Западном Причерноморье была выделена представительная группа ранневенгерских погребений (Синика, Тельнов, Квитницкий 2019; Kvitnyitckij et al. 2022), которая постепенно дополняется новыми комплексами (Квитницкий и др. 2019; 2020a; 2020b; 2020c; 2020d; 2021; Фокеев и др. 2019; Квитницкий, Тельнов, Тюрк 2021; Квитницкий, Тельнов, Тюрк 2022; Синика и др. 2022; Тельнов и др. 2024).

В настоящей работе публикуются и анализируются материалы, полученные в разное время в Среднем Поднестровье. При этом погребение, изученное у с. Маркулешты в 1986 г., на правобережье Днестра, а также два захоронения, исследованные у с. Окница Каменского района в 1988 г., на левобережье Днестра, имеют весьма длительную историю «обретения» своей культурной принадлежности. Отметим, что подобная ситуация характерна для многих подобных комплексов, которые были обнаружены в советское время, но интерпретированы либо ошибочно, либо как «позднекочевнические». Ниже приводятся описания каждого захоронения.

Погребение 3 кургана 1 у с. Маркулешты

Курган 1 у с. Маркулешты был исследован на правобережье Среднего Днестра в 1986 г. Флорештской новостроечной археологической экспедицией Отдела этнографии и искусствоведения Академии наук Молдавской ССР во главе с И.С. Тентюком. Памятник располагался на левом берегу Реута (правого притока Днестра), в 1,8 км к северу-северо-западу (344°) от северного угла западной оконечности г. Флорешты. Абсолютные географические координаты центра кургана: 47°54’14.75” с.ш., 28°15’28.19” в.д. В кургане были исследованы три захоронения (рис. 1). Два погребения относятся к ямной культурно-исторической общности раннего бронзового века, третье – венгерское (№ 3). В первичной публикации последнее было атрибутировано как «позднекочевническое» и датировано концом XI - началом XII в. (Левинский, Тентюк 1990, 93-96, рис. 1).

Погребение 3 (венгерское, впускное) обнаружено в юго-восточном секторе кургана, в 3,85 м к востоку от R_0. Совершено в яме (рис. 2/1, 2), контур которой был зафиксирован на глубине 0,56 м от R_0.

Яма подтрапециевидная с сильно скруглёнными углами, длиной 2 м, шириной 0,6 м (в изголовье) и 0,4 м (в ногах) и глубиной 0,17 м от уровня фиксации, была ориентирована длинной осью по линии запад-юго-запад – восток-северо-восток.

Мужчина 45-55 лет[1] лежал в вытянутом положении на спине ближе к южной стенке ямы, головой на запад-юго-запад. Руки были вытянуты вдоль тела и кистями прижаты к тазу (кости левой кисти перемещены землеройными животными к правому колену). Ноги прямые, сближены в коленях и стопах. В области середины диафиза левой большеберцовой кости – неправильно заживший перелом. Подстилка не зафиксирована.

[1] Определения пола и возраста, а также патологии др. А.М. Варзаря (г. Кишинёв).

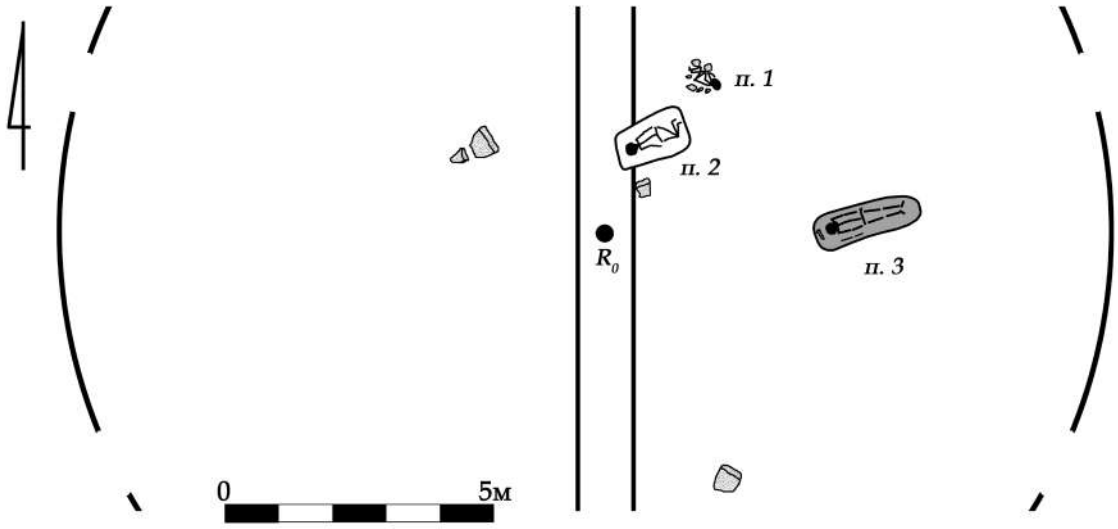


Рис. 1. План кургана 1 у с. Маркулешты на правобережье Среднего Днестра.

Состав и расположение инвентаря. За головой погребённого обнаружена левая плечевая кость молодой лошади (возрастом 13-18 месяцев)[2] от жертвенной пищи.

Справа от правого плеча лежал железный боевой нож, рукоять и ножны которого были покрыты золотой фольгой (1). На правом крыле таза найден бытовой нож, ножны которого также были покрыты фрагментами золотой фольги (2). Над правым крылом таза зафиксированы железное кресало (3) и кресальный кремень (4). Между правым локтем и ребрами лежали железный наконечник стрелы, черешок которого был обёрнут золотой фольгой (5), и железное шило (6). Между верхней частью левого бедра и левой кистью обнаружены три костяные срединные накладки на лук – две боковые (7) и одна тыльная (8).

Кроме того, в заполнении ямы были найдены фрагменты железного псалия (9).

Описание находок

1. Железный боевой нож со следами деревянной рукояти на черенке и в деревянных ножнах. Край черенка обломан. Длина сохранившейся части боевого ножа 167 мм (окончание черенка и остриё клинка обломаны), длина сохранившейся части черенка до 32 мм. Ширина лезвия до 11,5 мм, толщина – до 4 мм. Сечение клинка подтреугольное. Сечение черенка подпрямоугольное с закруглёнными углами. Размеры сечения у основания черенка 9×4 мм. Габариты деревянных ножен 14,5×8,0 мм, толщина стенки – до 2,5 мм (рис. 2/3). Деревянные рукоять и ножны были покрыты золотой фольгой, от которой сохранились мелкие фрагменты (рис. 2/5).

2. Железный бытовой нож со следами деревянной рукояти на черенке. Лезвие обломано. Длина сохранившейся части ножа до 36 мм. Сохранившаяся длина лезвия 6,4 мм, сечение подтреугольное, размерами 11,7×3,5 мм. Длина черенка 29,6 мм. Сечение овальное, размерами 6,5×2,5 мм (рис. 2/7). Деревянные рукоять и ножны были покрыты золотой фольгой, от которой сохранились мелкие фрагменты (рис. 2/5).

3. Железное кресало овальной формы с несомкнутыми прямыми окончаниями. Габариты изделия 59×27 мм. Изготовлено из прута, раскованного в центральной части до подпрямоугольного (слабовыпуклого в центре) сечения размерами до 7,5×4,5 мм, на окончаниях – до трапециевидного сечения размерами до 6×5 мм (рис. 2/9).

[2] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской (г. Одесса).

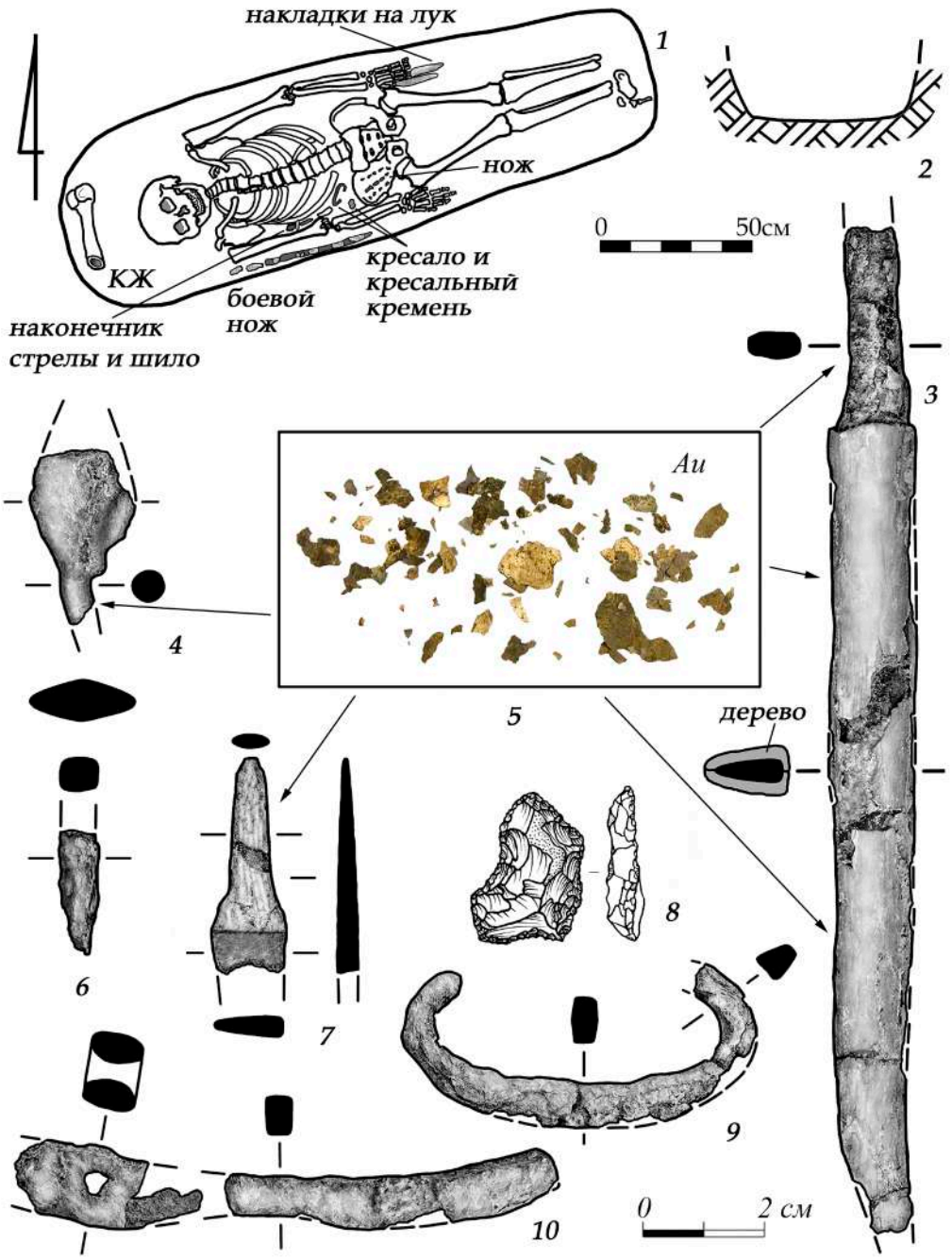


Рис. 2. Погребение Маркулешты 1/3 и его инвентарь.

4. Кресальный кремень на отщепе размерами 27×20×7 мм. По периметру забитость. Сырьё – серый днестровский кремень (рис. 2/8).

5. Железный наконечник стрелы с пером ромбической формы; верхняя часть пера утрачена, черешок изогнут и обломан. Длина сохранившейся части изделия 29 мм. Длина сохранившейся части пера 21 мм, ширина – 19 мм, сечение ромбическое 17×7 мм. Длина сохранившейся части черешка 8 мм, черешок круглый в сечении, диаметром до 5,5 мм (рис. 2/4). Черешок был обёрнут золотой фольгой, от которой сохранились мелкие фрагменты (рис. 2/5).

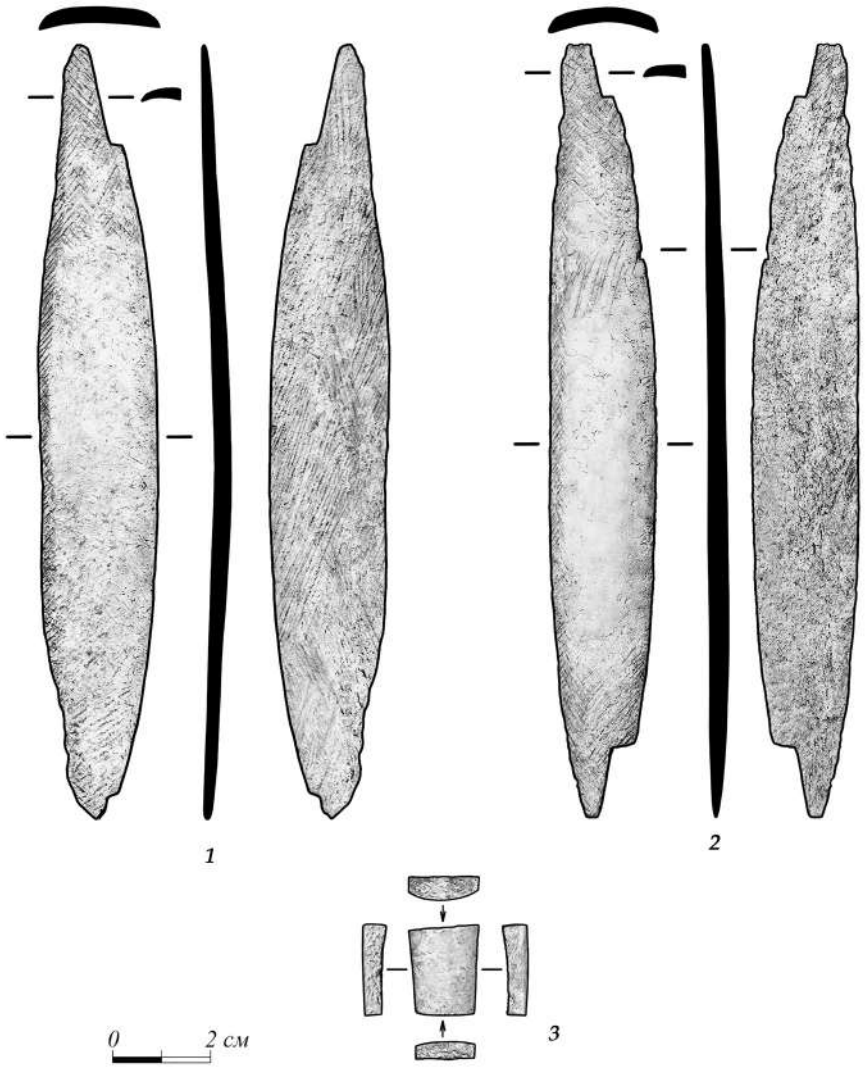


Рис. 3. Костяные накладки на лук из погребения Маркулешты 1/3.

6. От железного шила сохранилась часть стержня с остриём длиной до 21,5 мм. Сечение подквадратное, размерами 7×6 мм (рис. 2/6).

7. Пара костяных срединных боковых накладок на лук. Вдоль одного края нанесены наклонные глубокие насечки. На внешней поверхности окончаний расположены неглубокие, но заметные насечки. Пластины подовальной формы, сужающиеся к торцам. Вверху и внизу обеих накладок сделаны вырезы (различной длины у каждой пластины), за счёт которых их окончания выглядят треугольными. Сечение дуговидное. Размеры пластины № 1: длина 160 мм, ширина до 25 мм; толщина до 3,5 мм, на окончаниях – не более 2,5 мм; длина большего выреза 21 мм, меньшего – 6,5 мм (рис. 3/1). Размеры пластины № 2: длина 159 мм, ширина до 22 мм; толщина до 4 мм, на окончаниях не более 2,5 мм; длина большего выреза 15 мм, меньшего – 11 мм (рис. 3/2).

8. Костяная срединная тыльная фронтальная накладка на лук в виде прямоугольной пластины. Сечение подпрямоугольное, с одной длинной выпуклой стороной. Все боковые стороны накладки покрыты неглубокими насечками. Размеры пластины: длина 18,5 мм, ширина оснований 14,5 мм и 11,5 мм, толщина до 5 мм (рис. 3/3).

9. Железный псалий состоит из подпрямоугольного в сечении стержня, целого кольца, прилегавшего, очевидно, ещё к одному такому же кольцу. Сохранившаяся длина изделия не менее 89 мм, внутренний диаметр сохранившегося кольца не менее 3,5 мм. Размеры сечения стержня 6,5×4,5 мм (рис. 2/10).

В 2023 г. было проведено радиоуглеродное датирование захоронения в Познаньской радиоуглеродной лаборатории по кости человека и по кости лошади.

Погребение 11 кургана 3 у с. Окница

Курган 3 у с. Окница (Каменского р-на) был исследован на левобережье Среднего Днестра в 1988 г. Каменской новостроечной археологической экспедицией Отдела этнографии и искусствоведения Академии наук Молдавской ССР во главе с И.В. Манзурой. Памятник располагался на левом берегу Днестра, в 2,177 км к востоку-юго-востоку (117°) от южной оконечности с. Окница. Абсолютные географические координаты центра кургана: 48°6'14.68" с.ш., 28°40'7.07" в.д. В кургане были исследованы 17 захоронений (рис. 4). 12 погребений относятся к ямной культурно-исторической общности раннего бронзового века, одно – к манычской катакомбной культуре, два – позднего бронзового века, одно – венгерское (№ 11), и одно – неопределённое. В первичной публикации венгерская могила была атрибутирована как «позднекочевническая» и вместе с прочими средневековыми захоронениями датирована X-XIII вв. (Манзура, Клочко, Савва 1992, 25-26, 94, рис. 11).

Погребение 11 (венгерское, впускное) обнаружено в южной поле кургана, в 23,5 м к югу от R_0. Контур погребального сооружения проследить не удалось (рис. 5/1). Костяк лежал на глубине 3,05 м от R_0 и на глубине 1,2 м от поверхности кургана.

Погребённый (взрослый человек) лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад-юго-запад. Руки были вытянуты вдоль тела и кистями прижаты к тазу. Ноги прямые, сближены в стопах. Кости левого предплечья и левой кисти, большая часть левой бедренной и левых большеберцовой и малоберцовой кости, а также кости левой стопы не сохранились. Подстилка не зафиксирована.

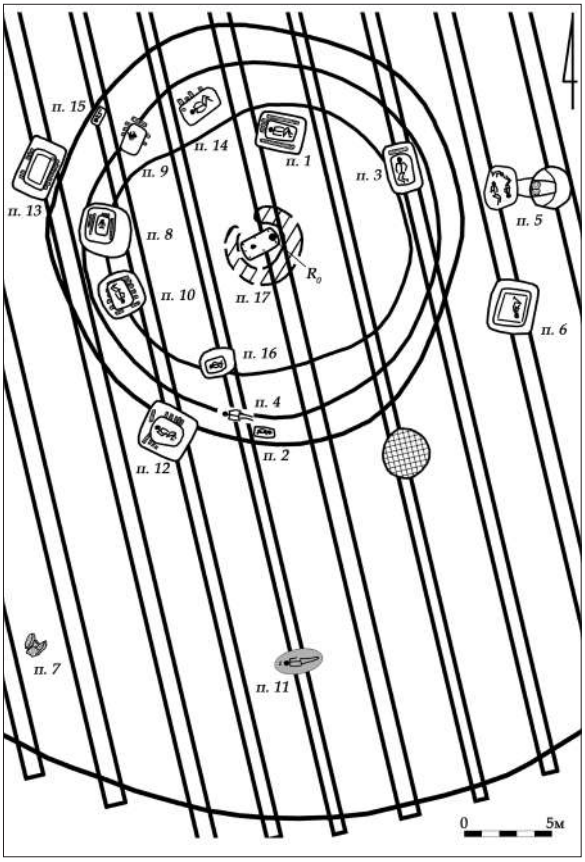


Рис. 4. План кургана 3 у с. Окница на левобережье Среднего Днестра.

Состав и расположение инвентаря. За головой погребённого обнаружена левая плечевая кость молодой лошади (возрастом 13-18 месяцев)[3] от жертвенной пищи.

Слева в грудной клетке найдены железный наконечник стрелы (1) и железное шило (2). Справа от правого локтя лежали железное кресало (3) и кресальный «кремень» (4). У левого бедра находился железный боевой нож, ножны которого были покрыты двумя пластинками серебряной фольги (5). Между правым локтем и грудной клеткой обнаружен железный бытовой нож (6).

В заполнении были найдены ещё два железных предмета – фрагмент стремени (7) и фрагмент пластины (8).

Описание находок

1. Железный наконечник стрелы с пером асимметрично-ромбической формы, с утолщённым основанием; остриё утрачено, поверх-

[3] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской (г. Одесса).

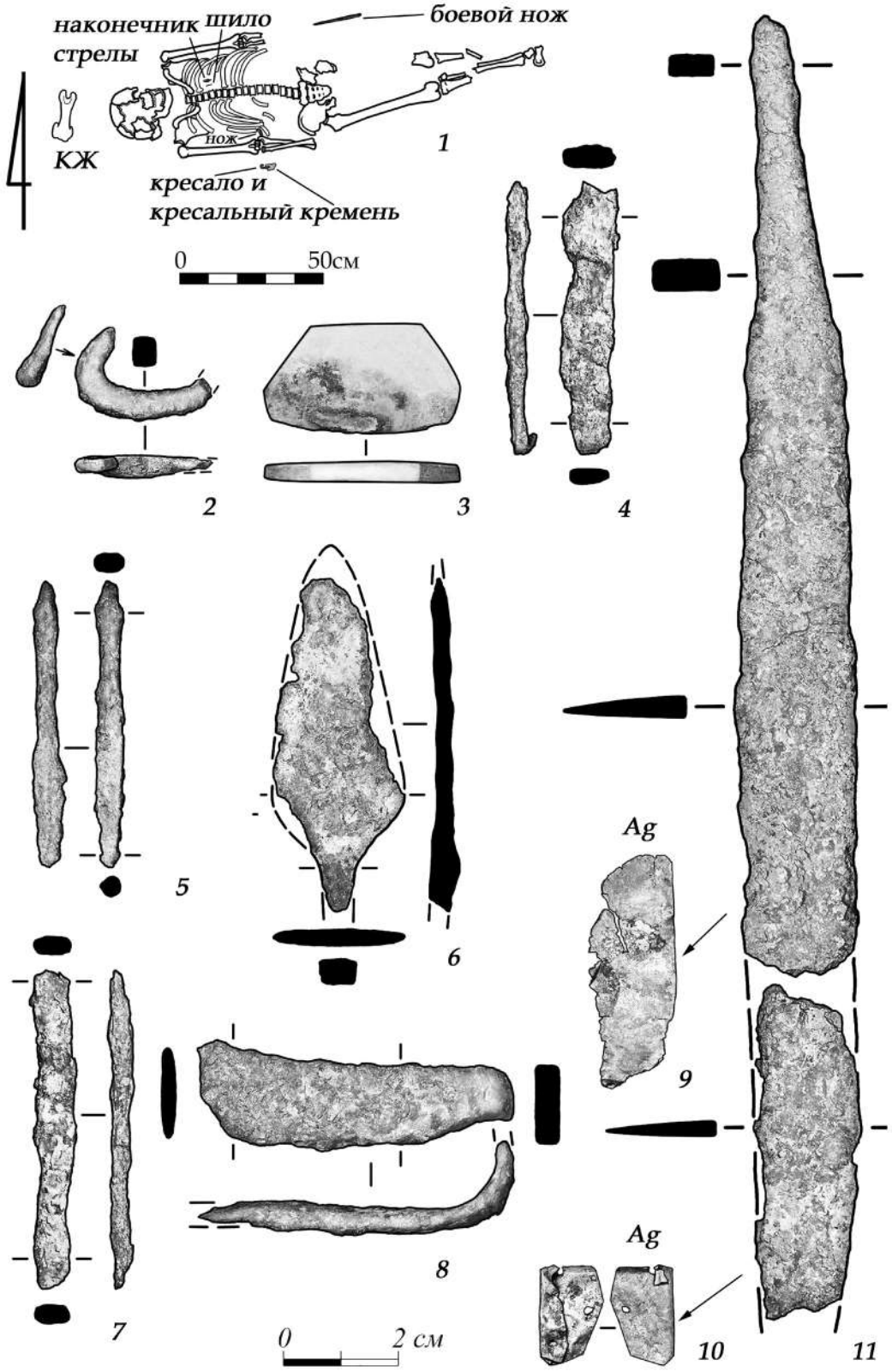


Рис. 5. Погребение Окница 3/11 и его инвентарь.

ности лезвий выщерблены. Сохранившаяся длина изделия 58 мм. Сохранившаяся длина пера около 49 мм; сечение линзовидное (размерами 23×3 мм), в основании – прямоугольное (размерами 7,0×4,5 мм) (рис. 5/6).

2. Железное шило фрагментировано (утрачена часть черенка). Рабочая часть округлая, с расширением посередине. Сохранившаяся длина шила 50,5 мм. Длина рабочей части около 42 мм. Диаметр рабочей части до 5 мм. Черенок пластинчатый, прямоугольный в сечении. Сохранившаяся длина черенка 8,5 мм, размеры сечения 5,5×3,5 мм (рис. 5/5).

3. Железное кресало овальной формы с несомкнутыми прямыми окончаниями, сохранилось частично. Реконструируемые габариты изделия 26×17 мм. Изготовлено из прута, раскованного в центральной части до прямоугольного сечения размерами до 5,5×4,3 мм (рис. 5/2).

4. Кресальный «кремень» в виде пластины правильной шестиугольной формы габаритами 34,5×19,0 мм и толщиной до 4 мм. Сырьё – песчаник с карбонатным цементом[4] (рис. 5/3).

5. Железный боевой нож. Длина сохранившейся части боевого ножа около 227 мм (остриё обломано), длина черенка около 55 мм. Ширина лезвия до 21 мм, толщина – до 4 мм. Сечение клинка подтреугольное. Сечение черенка подпрямоугольное с закруглёнными углами. Размеры сечения у основания черенка 12,0×5,5 мм (рис. 5/11). Ножны (кожаные / из ткани?) были покрыты серебряной фольгой, от которой сохранились два фрагмента, загибавшихся через спинку. Один из них, размерами 41×15 мм, мог крепиться на ножнах в любом месте (рис. 5/9). Второй фрагмент, габаритами 17,0×11,5 мм, судя по форме, крепился на окончании ножен, в районе острия (рис. 5/10).

6. От железного бытового ножа сохранилась только часть лезвия, подтреугольного в сечении. Длина сохранившейся части до 48 мм, сохранившаяся ширина – до 10 мм, толщина спинки 4 мм (рис. 5/4).

7. Фрагмент железного предмета в виде пластины подпрямоугольной формы, изогнутой у одного из окончаний. Изделие представляло собой стремя, от которого сохранились части нижней пластины и изгиб боковой дужки. Габариты сохранившейся части изделия 55,0×20,0×16,5 мм. Сечение нижней пластины линзовидное, размерами 16,0×2,5 мм, у изгиба – подпрямоугольное, размерами 14,0×4,5 мм (рис. 5/8).

8. Фрагмент железной пластины подпрямоугольной формы размерами 55,0×8,0×3,5 мм (рис. 5/7).

Радиоуглеродное датирование не проводилось, поскольку антропологические и археозоологические материалы не сохранились.

Погребение 3 кургана 5 у с. Окница

Курган 5 у с. Окница (Каменского р-на) был исследован на левобережье Среднего Днестра в 1988 г. Каменской новостроечной археологической экспедицией Отдела этнографии и искусствоведения Академии наук Молдавской ССР во главе с И.В. Манзурой. Памятник располагался на левом берегу Днестра, в 2,625 км к востоку-северо-востоку (82°) от южной оконечности с. Окница (в 1,635 км к северу от кургана 3 у с. Окница). Абсолютные географические координаты центра кургана: 48°7’7.72” с.ш., 28°40’8.65” в.д. В кургане были исследованы девять захоронений (рис. 6). Шесть погребений относятся к ямной культурно-исторической общности раннего бронзового века, два – к позднему бронзовому веку, одно – венгерское (№ 3). В первичной публикации венгерская могила была атрибутирована как «позднекочевническая» и вместе с прочими средневековыми захоронениями датирована X-XIII вв. (Манзура, Клочко, Савва 1992, 40, 94, рис. 17).

Погребение 3 (венгерское, впускное) обнаружено в южной поле кургана, в 8,2 м к югу от R_0. Контур погребального сооружения проследить не удалось (рис. 7/1). Костяк лежал на глубине 1,25 м от R_0.

Мужчина 30-35 лет[5] лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Руки были вытянуты вдоль тела, правая – кистью уложена на таз. Кости ног сдвинуты бульдозером при прокладке траншеи. Подстилка не зафиксирована.

[4] Определение канд. геол.-мин. наук А.О. Хотылёва (г. Москва).

[5] Определения пола и возраста др. А.М. Варзаря (г. Кишинёв).

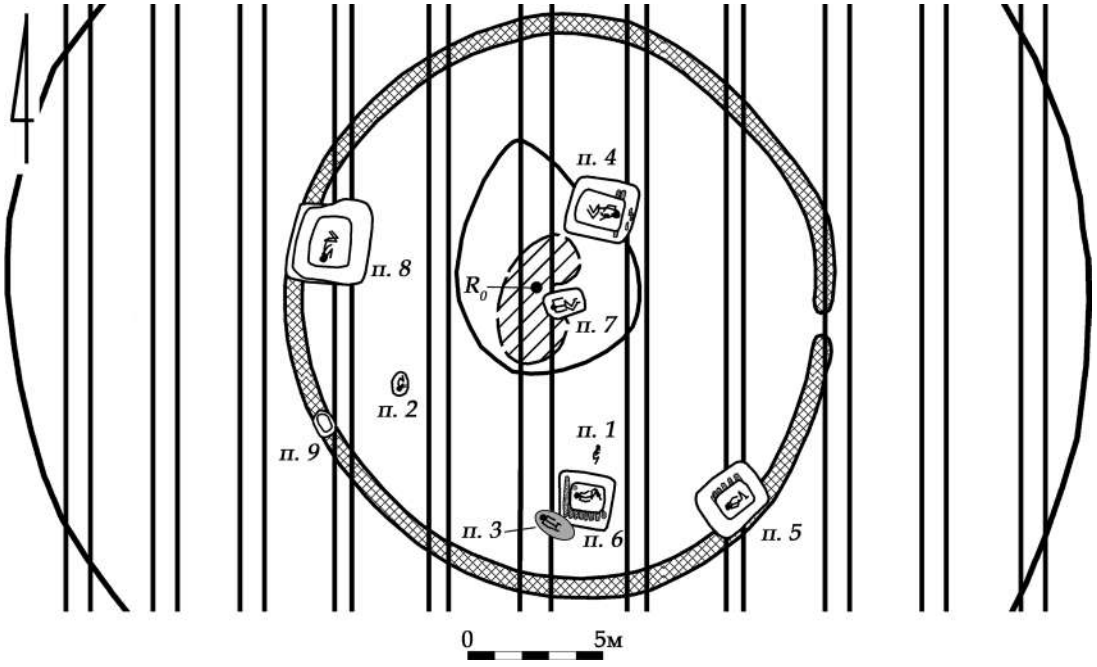


Рис. 6. План кургана 5 у с. Окница на левобережье Среднего Днестра.

Состав и расположение инвентаря. Справа от правого плеча зафиксирована верхняя пара костяных концевых накладок на лук (1). Между правым предплечьем и позвоночным столбом лежали четыре железных наконечника стрел (2)[6], под правым крылом таза – железный боевой нож (3).

Кроме того, среди сдвинутых бульдозером костей найдены фрагмент железного кресала (4) и кресальный кремень (5), пара срединных накладок на лук (6) и ещё одна пара концевых (7).

1. Верхняя пара костяных концевых накладок на лук. Пластины дуговидно изогнуты. Внешние торцы закруглены. Ближе к торцам утолщены внутрь дуги. Сечение дуговидное. Длина наиболее полно сохранившейся пластины 177 мм (рис. 8/1). Вторая накладка сохранилась на длину до 172 мм (рис. 8/2). Ширина первой пластины до 24 мм, второй – до 23 мм, толщина обеих пластин – до 2,3 мм. На расстоянии 40 мм от торцов расположен пропил для крепления тетивы диаметром до 4,5 мм. Внутренняя сторона пластин покрыта продольными и косыми насечками. Торцевая тыльная сторона пластин покрыта глубокими насечками.

2. Три железных наконечника стрел:

– наконечник стрелы с пером листовидной формы; нижняя часть пера и черешок утрачены. Сохранившаяся длина изделия (пера) 43 мм, ширина – 21 мм; сечение пера линзовидное (размерами 21×5 мм) (рис. 7/2);
– фрагмент наконечника стрелы; большая часть пера и окончание черешка утрачены. Длина сохранившейся части изделия 42,5 мм; размеры прямоугольного в сечении основания пера 13,0×6,5 мм (рис. 7/3);
– фрагмент наконечника стрелы; большая часть пера и окончание черешка утрачены. Длина сохранившейся части изделия 44,5 мм; сечение пера линзовидное; размеры прямоугольного в сечении основания пера 11×7 мм (рис. 7/4);

3. Железный боевой нож со следами деревянной рукояти на черенке и с отпечатками деревянных ножен на клинке. Длина боевого ножа около 300 мм (без несохранившейся деревянной рукояти), длина черенка 64 мм, клинка – 256 мм. Ширина лезвия до 19,5 мм у черенка (к острию сужается), толщина – до 5 мм.

[6] В коллекции сохранились фрагменты трёх наконечников.

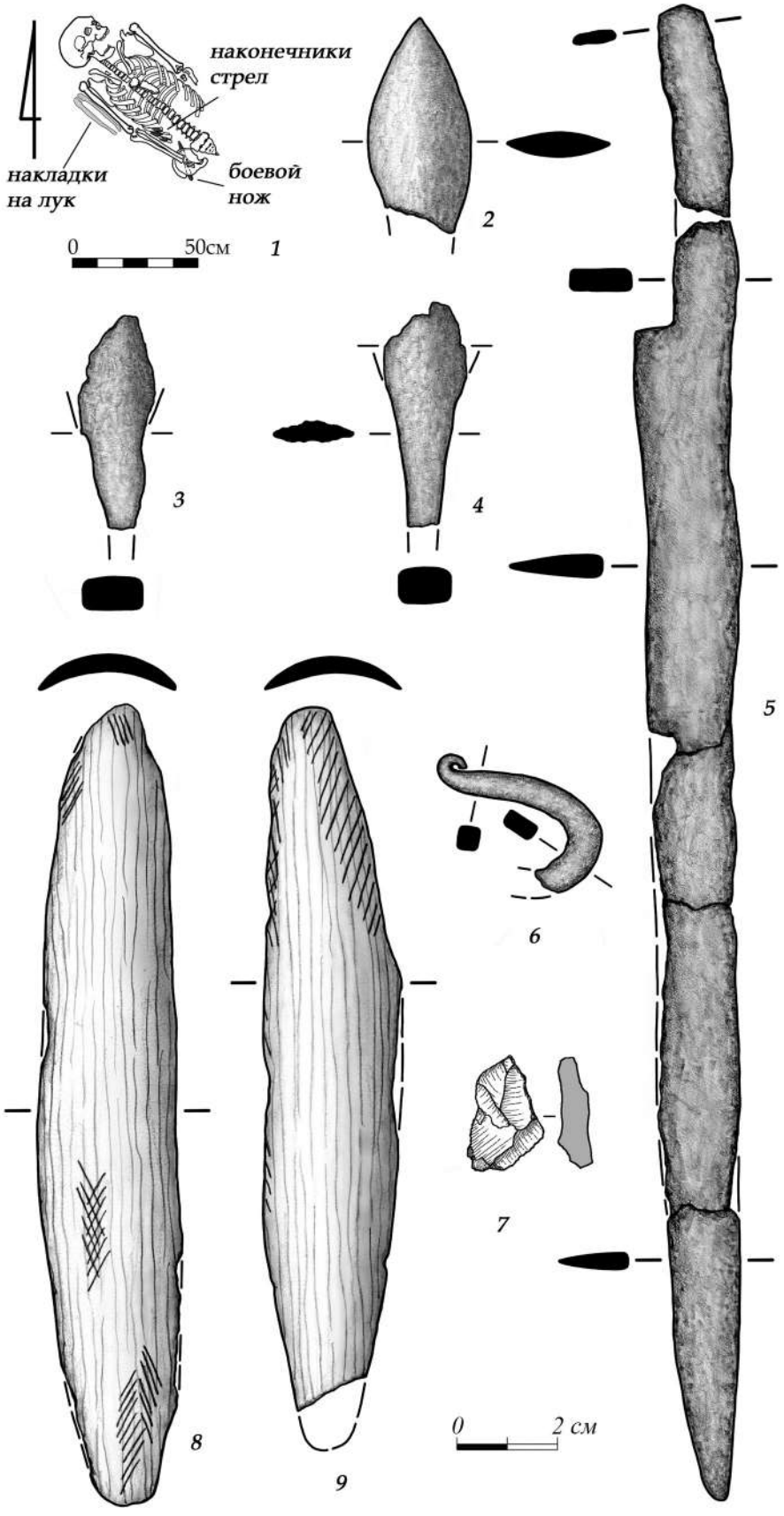


Рис. 7. Погребение Окница 5/3 и его инвентарь.

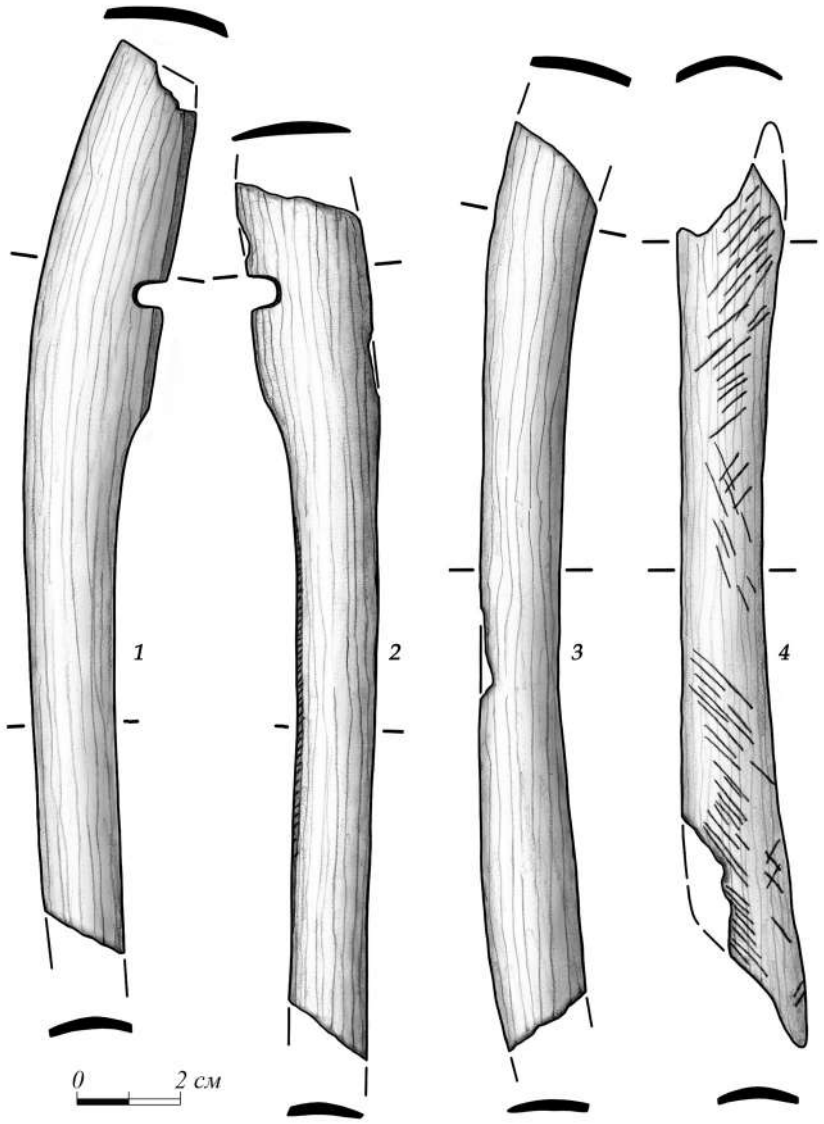


Рис. 8. Костяные накладки на лук из погребения Окница 5/3.

Сечение клинка подтреугольное, черенка – подпрямоугольное с закруглёнными углами. Размеры сечения у основания черенка 13,0×4,5 мм (рис. 7/5).

4. Фрагмент железного калачевидного кресала. Реконструируемые габариты 67×30 мм. Изделие изготовлено из прута, который в средней части лезвия раскован до прямоугольной в сечении пластины (размерами 6,5×3,5 мм), а на окончаниях – до подквадратной в сечении пластины (размерами 5,0×4,5 мм) (рис. 7/6).

5. Кресальный кремень на отщепе размерами 23×15×5 мм. По периметру забитость. Сырьё – серый днестровский кремень (рис. 7/7).

6. Пара костяных срединных боковых накладок на лук. На внешней поверхности местами расположены глубокие насечки. Пластины сужаются к торцам. Вверху и внизу обеих накладок сделаны срезы (различной длины у каждой пластины), за счёт которых в одном случае форма пластины выглядит подовальной (рис. 7/8), а в другом – подтрапециевидной (рис. 7/9). Сечение дуговидное. Размеры пластины № 1: длина 160 мм, ширина до 28 мм; толщина до 4 мм; длина большего среза 17,5 мм, меньшего – 11,5 мм (рис. 7/8). Размеры пластины № 2: реконструируемая длина 148 мм, сохранившаяся длина 140 мм (одно окончание утрачено), ширина до 28 мм; тол-

щина до 4 мм; длина большего среза 55,5 мм, меньшего (с противоположной стороны) – 40 мм (рис. 7/9).

7. Нижняя пара концевых костяных накладок на лук. Пластины дуговидно изогнуты. Торцы утрачены. Ближе к торцам пластины утолщены. Сечение дуговидное. Длина пластины с обоими утраченными окончаниями 179 мм (рис. 8/3). Длина второй пластины (с одним обломанным по всей ширине окончанием и частично сохранившимся вторым) 170 мм (рис. 8/4). Ширина пластин до 20 мм, толщина – до 2,2 мм. Внутренняя сторона пластин покрыта продольными и косыми насечками. Насечки также нанесены практически по всей внешней поверхности пластины с частично сохранившимся нижним окончанием (рис. 8/4).

В 2023 г. было проведено радиоуглеродное датирование захоронения в Познаньской радиоуглеродной лаборатории.

Анализ данных

Материалы из анализируемых трёх венгерских захоронений несколько разнородны в плане отмеченного погребального обряда и находок в могилах.

Погребения совершали к востоку (Маркулешты 1/3) и к югу (Окница 3/11, 5/3) от центра насыпи, однако во всех случаях были использованы полы курганов бронзового века.

В двух случаях контуры погребального сооружения не были зафиксированы (Окница 3/11, 5/3). Захоронение Маркулешты 1/3 было совершено в яме трапециевидной формы, ориентированной длинной осью по линии ЗЮЗ – ВСВ.

Остатки перекрытия ям и подстилок на дне не были зафиксированы ни в одном из анализируемых погребений.

Поза погребённых во всех непотревоженных могилах одинаковая – вытянутое положение на спине: руки вытянуты вдоль тела и прижаты кистями к тазу, ноги прямые и сближены в коленях и стопах (Маркулешты 1/3, Окница 3/11); руки вытянуты вдоль тела, правая – уложена кистью на таз, размещение левой кисти и ног не устанавливается (Окница 5/3). Ориентировки разнятся (ЗЮЗ – Маркулешты 1/3, Окница 3/11; СЗ – Окница 5/3), при этом все погребённые лежали головой в западный сектор.

Для определения культурной принадлежности двух могил наибольшее значение имеют *находки одиночной кости животных от жертвенной пищи*: Маркулешты 1/3 – левая плечевая кость лошади за головой погребённого; Окница 3/11 – левая плечевая кость лошади за головой погребённого.

Подобный обряд в Северном Причерноморье характерен для ранневенгерских захоронений (Квитницкий и др. 2019, 325; Синика, Тельнов, Квитницкий 2019, 8-9; Фокеев и др. 2019, 337; Квитницкий и др. 2020a, 223-224; Квитницкий и др. 2020b, 243-244; Квитницкий и др. 2020d, 335), достоверно задокументированных в Поднепровье, Побужье, Поднестровье, Подунавье и Попрутье (всего 40 случаев).

Достоверно известно 12 случаев помещения в могилу мяса овцы. В Нижнем Поднепровье левая плечевая кость овцы[7] зафиксирована (у левого плечевого сустава) в погребении Мамай-Гора 8/2 (Андрух, Тощев 1999, 58). В захоронении Верхнетарасовка 57/16 (под черепом) найдена «кость овцы» (Евдокимов 1977, 55, рис. 28/8). В бассейне Южного Буга бедренная кость барана была обнаружена (в изголовье) в захоронении № 3 Субботцевского могильника (Бокий, Плетнева 1988, 108). На левобережье Нижнего Днестра левая плечевая кость овцы[8] найдена в могиле Глиное/ДОТ 7/3 (у левого плеча), левая плечевая кость мелкого рогатого скота – в погребении Коротное/Кулак 5/4 (Тельнов и др. 2024, 171, рис. 7/3), правая плечевая кость овцы[9] – в погребении (в изголовье) Глиное 13/2 (Тельнов, Четвериков, Синика 2016, 126, рис. 52/1; Квитницкий, Тельнов, Тюрк 2022, 304, рис. 1/2), трубчатые (плечевая/бедренная) кости овцы выявлены в захоронениях 16 (у левого плеча) и 18 (справа в изголовье) Слободзейского могильника (Щербакова, Тащи, Тельнов 2008, 23-28, рис. 6/4, 7/1). Плечевая кость овцы/козы найдена (у левого плеча) на правобережье Нижнего Днестра в могиле Оланешты 13/1 (Яровой 1990, 193; Квитницкий и др. 2020d, 331-332)[10]. В Прутско-Днестровском междуречье пра-

[7] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской (г. Одесса).
[8] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской.
[9] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской.
[10] Определение др. хаб. А.И. Давида (Яровой 1990, 9).

вая плечевая кость овцы была обнаружена (на правом плечевом суставе) в погребении Чимишлия 5/14[11] (Popovici, Ciobanu 2021, 32, fig. 27/3)[12]. Известны два комплекса на левобережье Прута с костями овец: левая плечевая кость овцы[13] – в погребении Егоровка 3/1 под правым плечом (Popovici, Ciobanu 2019, 60, 61, fig. 6)[14]; левая плечевая кость барана[15] – в захоронении Бурланешты 5/1 под черепом (Демченко, Левицкий 2006, 321, рис. 17/1)[16].

Кости лошади отмечены в десяти случаях. Кость бедра жеребца со следами жарки на огне зафиксирована в комплексе Дмитровка 1/2 слева у черепа (Супруненко 2007, 20, рис. 20/2). Кость молодой лошади[17] (плечевая?) найдена в погребении Пуркары 2/11 (слева в изголовье) на правобережье Нижнего Днестра (Яровой 1990, 97, рис. 42/4). Левая плечевая кость лошади[18] находилась в захоронении Глиное/Водовод 14/2 (у левого плеча) на левобережье Нижнего Днестра (Квитницкий и др. 2019, 318, рис. 2/1)[19].

Левая плечевая кость лошади зафиксирована в комплексе Маркулешты 1/3 (в изголовье) на правобережье Среднего Днестра (рис. 2/1) и в могиле Окница 3/11 (в изголовье) на левобережье Среднего Днестра (рис. 5/1). В могиле Глиное/Север 7/1 (у правого плеча) обнаружена правая плечевая кость лошади (Тельнов и др. 2024, 169, рис. 5/3). Также на левобережье Нижнего Днестра плечевая кость молодой лошади найдена в погребении Буторы-I 14/7 (Тельнов и др. 2024, 162, рис. 2/2). Правая плечевая кость лошади[20] отмечена в могиле Мреснота Могила 1/10 (слева в изголовье) на левобережье Нижнего Дуная (Гудкова и др. 1985, 69-70, рис. 40/1). В комплексе Старые Бедражи 3/7, на левобережье Среднего Прута, под черепом погребённого находилась плечевая кость лошади[21] (Чирков 1990, 161, рис. 4/1). Правая плечевая кость жеребёнка[22] была в разрушенном погребении у с. Бучумены (Reabţeva, Vlasenco 2018, 108), также на левобережье Среднего Прута.

Кости коровы определены в пяти комплексах. В погребении № 2 Субботцевского могильника найдены лопатка, плечевая кость и рёбра слева в изголовье (Бокий, Плетнева 1988, 101, рис. 2). Бедренная кость взрослого быка зафиксирована в захоронении Дмитровка 1/14 под черепом (Супруненко 2007, 58, рис. 20/1). Фрагмент трубчатой кости быка находился в могиле Васильевка 15/6 (слева в изголовье) в Нижнем Поднепровье (Плешивенко 1991, 33, табл. 32/1). Правая плечевая кость быка найдена в погребении Чимишлия 5/13 (слева в изголовье) в Прутско-Днестровском междуречье (Popovici, Ciobanu 2021, 31-32, fig. 22/1,2). Бедренная кость крупного рогатого скота находилась в комплексе Плавни-II 1/2 (в изголовье) на левобережье Нижнего Дуная (Фокеев и др. 2019, 334, 337, рис. 1/2).

В остальных 13 случаях определения видов животных, кости которых были обнаружены в погребениях, не проводились. В публикациях они описываются в основном как крупные кости или кости крупных животных. По одной кости животного найдено в комплексах Мамай-Гора 161/9 (на правом плече) (Андрух, Тощев 2009, 80) и Скельки 42 (в изголовье) (Попандопуло 2011, 53-54, рис. 24/6)[23] в Нижнем Поднепровье. Кость быка (?) зафиксирована в погребении Снигирёвка 1/1 (в изголовье) на правобережье Нижнего Днепра (Никитин, Рубан 1974, 2, рис. 5). Кость ноги крупного животного находилась в захоронении Ровенки 3/22 (у правого плеча) в Северо-Восточном Крыму (Щепинский 1975, 30-31, рис. 39). Кость животного отмечена в могиле Яблоня 13/1 (справа в изголовье) в Буго-Днепровском междуречье (Шапошникова и др. 1975, 317-318, табл. 140). Трубчатая кость животного находилась в погребении Траповка 1/17 (слева в изголовье) в Дунай-Днестровском междуречье (Субботин, Островерхов, Дзиговский

[11] Определение *de visu* канд. ист. наук Е.П. Секерской.
[12] В публикации приведено определение др. Р. Кройтора: «целая левая плечевая кость крупного рогатого скота (Bos taurus)» (Popovici, Ciobanu 2021, 9, 32).
[13] Определение *de visu* канд. ист. наук Е.П. Секерской.
[14] В публикации приведено определение др. Р. Кройтора: «несколько костей животного, принадлежащие взрослой особи козы/овцы» (Popovici, Ciobanu 2019, 61).
[15] Определение *de visu* канд. ист. наук Е.П. Секерской.
[16] В публикации «небольшая кость животного» (Демченко, Левицкий 2006, 321).
[17] Определение др. хаб. А.И. Давида.
[18] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской.
[19] На момент первой публикации комплекса (2019 г.) авторы раскопок ошибочно определили кость животного как «кость крупного рогатого скота» (Квитницкий и др. 2019, 318).
[20] Определение канд. ист. наук Е.П. Секерской.
[21] Определение др. хаб. А.И. Давида (Чирков 1990, 168).
[22] Определение *de visu* канд. ист. наук Е.П. Секерской.
[23] В указанной монографии погребение Скельки 42 рассматривается автором безосновательно как скифское.

1995, 16, рис. 6/4). Обломок кости крупного животного найден в захоронении Белолесье 3/2 (справа у нижней части грудной клетки) в Дунай-Днестровском междуречье (Субботин, Дзиговский, Островерхов 1998, 67, рис. 24/1-9). Кость крупного животного отмечена на плане погребения Пробота 7 на правобережье Среднего Прута (Zaharia, Zaharia 1962, 603, fig. 6)[24]. Две трубчатые кости лежали в могиле Петрешты 2/1 (справа и слева от черепа) на левобережье Среднего Прута (Чирков 1990, 159, рис. 2/1). В комплексе Старые Бедражи 10/10 (за черепом) найдены несколько костей животного (Чирков 1990, 163, рис. 5/1). Две кости животного обнаружены в погребении Безеда 2/1 (за черепом) на левобережье Среднего Прута (Яровой 2010, 30, табл. 2 на стр. 72). Кости (трубчатые) крупного животного «компактной грудой» находились в захоронении 143 (справа от черепа) кургана Дракуля (с. Мирное Одесской обл.) на левобережье Нижнего Дуная (Гудкова и др. 1980, 91, табл. LXVIII/3; Добролюбский 1986, 118, табл. XII/3-7). Кость животного найдена в могиле Струмок 5/9 (справа от плеча) на левобережье Нижнего Дуная (Гудкова и др. 1979, 21-22, табл. XVII/1).

Представленные выше данные позволяют констатировать, что венгры в период своего пребывания в Северном Причерноморье использовали три вида жертвенных животных – овцу/козу (12 случаев), лошадь (10 случаев) и корову (5 случаев), но реальное соотношение видов установить практически невозможно ввиду отсутствия археозоологических определений для значительного числа погребений (13).

При этом многократно указывалось, что подобный обряд характерен для венгерских захоронений более восточных регионов – Подонья, Поволжья и Приуралья (Круглов 2021, 53-67; Мышкин и др. 2022, 215-216, рис. 3/1).

Кроме того, очень важно, что венгры сохранили этот погребальный обычай и в период после обретения родины. В Карпатской котловине нам известны всего четыре могилы, в которых от жертвенной пищи остались только одиночные кости лошади: Карош-Эперешсьёг II, погребение 52 (Vörös 1996; Révész 1996, 26-28); Гнадендорф (Lauermann 2006, Abb. 3); Дебрецен-Йожа, Клаштромпарт, погребение 22 (Nepper 2002, kép 22); Сегед-Ётхалом V, песчаный карьер, погребение 36 (Türk, Lőrinczy, Marcsik 2015, 25-26; Vörös 2015).[25] Кости крупного рогатого скота от жертвенной пищи встречаются чаще. Достоверно археозоологами определены кости из 13 захоронений: Карош-Эперешсьёг II, могильник 1, погребения 16, 27, 36, 37, 58, 66, 67; Тендёг-Хекут, погребение 4; Пшемысль (Лендьелорсаг), погребения 1 и 5; Ибрань-Эшбохалом, погребение 224; Артанд-Надьфар-кашдомб (1965), погребение 6; Дьёр-Пошдомб (1970), погребение 126 (Vörös 2000, 368). Наконец, кости мелкого рогатого скота достоверно известны в двух погребениях: Карош-Эперешсьёг II, погребение 11 (Révész 1996, kép 35); Сегед-Кишкундо-рожма-Хосухат, погребение 595 (Türk, Lőrinczy, Marcsik 2015, kép 29). Очевидно, что соотношение видов будет уточняться по мере увеличения числа костей животных, изученных специалистами-археозоологами.

Из орудий труда в захоронениях Маркулешты 1/3 и Окница 3/11 обнаружены только *бытовые ножи и шилья*. Находки из этих могил ничем не выделяются из ряда подобных изделий в венгерских погребениях Северо-Западного Причерноморья. При этом обратим внимание на тот факт, что ножны бытового ножа из захоронения Маркулешты 1/3 были покрыты золотой фольгой. Отметим, что ранее было достоверно зафиксировано использование золотой фольги для покрытия рукояти одного бытового ножа – из погребения Румянцево 1/14 на левобережье Нижнего Прута (Бубулич 1992, 16, рис. 14/3). Также

[24] В статье кость указана в легенде к рисунку № 6: «5. Кость животного», на соответствующем изображении отмеченная позиция отмечена ошибочно (№ 3) на левом локте. В тексте данная кость не упоминается.

[25] В двух могилах из указанных, помимо одиночной кости лошади в изголовье, в ногах погребённых были зафиксированы чучела лошадей (черепа и кости конечностей): Гнадендорф и Сегед-Ётхалом V, песчаный карьер, погр. 36. Во-первых, это отдельный обряд, который фиксируется к востоку от Карпатской котловины, например, на правобережье Прута – в погребении Пробота 7 (Zaharia, Zaharia 1962, 603, fig. 6), на левобережье Нижнего Прута – в могиле Румянцево 1/15 (Бубулич 1992, 17, рис. 15/1), на левобережье Нижнего Днестра – в захоронении Слободзея 18 (Щербакова, Тащи, Тельнов 2008, рис. 7/1). Во-вторых, кости животных в изголовье не принадлежали особям, лежавшим в виде чучела в ногах погребённых.

в погребении Плавни II 1/2 на левобережье Нижнего Дуная отмечены три фрагмента золотой фольги, покрывавшей рукоять шила (Фокеев и др. 2019, 334, рис. 1/3а, 3б). Таким образом, в настоящее время можно констатировать, что венгры изредка украшали орудия труда фольгой из драгоценных металлов.

Предметы быта найдены во всех трёх захоронениях (Маркулешты 1/3, Окница 3/11 и 5/3). Это *железные кресала* и *кресальные кремни*, которые, как упомянутые выше бытовые ножи и шилья, широко распространены в венгерских памятниках региона. Однако и здесь следует обратить внимание на одну не совсем ординарную находку. Речь идёт о кресальном «кремне» из могилы Окница 3/11. Это изделие на самом деле кремнем не является, поскольку изготовлено из песчаника с карбонатным цементом. В настоящее время это единственная подобная находка.

Два предмета являются предметами конского снаряжения. *Железный псалий* из погребения Маркулешты 1/3 в настоящее время не находит аналогий в венгерских захоронениях Причерноморья, однако подобное изделие авторам настоящей работы известно в Карпатской котловине – в погребении 36 Сегед-Ётхалом V (песчаный карьер) (Türk, Lőrinczy, Marcsik 2015, 25-26, kép 68; 69; 70/1).

Фрагмент железного стремени из могилы Окница 3/11 малоинформативен. По всей видимости, это часть подошвы. Здесь остаётся заметить, что географически ближайшие находки стремян известны в венгерских погребениях Слободзея 1/18 и 1/36 (Щербакова, Тащи, Тельнов 2008, 25-26, 39, рис. 7/9, 10; 13/6, 7).

Предметы вооружения представлены наконечниками стрел, накладками на лук и боевыми ножами. *Железные наконечники стрел* обнаружены во всех захоронениях: Маркулешты 1/3 (один наконечник с ромбическим пером), Окница 3/11 (один наконечник с асимметрично-ромбическим пером), Окница 5/3 (четыре наконечника; сохранились три, из которых один с листовидным пером). Подобные находки широко известны в венгерских могилах Северо-Западного Причерноморья, однако одна из них заслуживает особого внимания. Это *наконечник стрелы с обёрнутым золотой фольгой черешком* из погребения Маркулешты 1/3. Ранее такие наконечники были обнаружены в двух венгерских захоронениях Северо-Западного Причерноморья: Севирова 2/9 (четыре наконечника стрел, лежавших в колчане около левой большеберцовой кости; черешок одного наконечника обёрнут золотой фольгой) на правобережье Среднего Днестра[26] (Haheu, Gukin 1997, 196-197, fig. 7/4) и Олонешты 13/1 (один наконечник стрелы с обёрнутым золотой фольгой черешком во рту погребённого) на правобережье Нижнего Днестра (Квитницкий и др. 2020d, 331, рис. 2/3). В Карпатской котловине известен как минимум один наконечник стрелы с подобной обмоткой – в разрушенном комплексе № 2 в Тисаседеркене (Tiszaszederkény, совр. Тисауйварош / Tiszaújváros) (Ciprián 2020, kép 1/7; Квитницкий и др. 2020d, 331).

Костяные накладки на лук найдены в двух могилах – Маркулешты 1/3 (три срединные накладки, из которых две боковые) и Окница 5/3 (пара срединных боковых накладок, пара верхних и пара нижних концевых).

Срединные боковые накладки из погребения Маркулешты 1/3 отличаются от многочисленных подобных изделий из венгерских памятников региона за счёт наличия вырезов, образующих уступ на окончаниях пластин. Аналогичные уступы присутствуют и на срединных боковых накладках из погребения Севирова 2/9 (Haheu, Gukin 1997, 196-197, fig. 7/11, 12). По всей видимости, эти уступы предназначались для фиксации *фронтальной срединной накладки*, которая была зафиксирована в захоронениях Маркулешты 1/3 (рис. 3/3) и Слободзея (1992) 2/6 (Тельнов и др. 2024, 166, рис. 4/9).

Концевые боковые накладки на лук (пара верхних и пара нижних) зафиксированы в погребении Окница 5/3. Верхняя пара накладок представляет редкий тип изделий (с «головками») с аналогиями в материалах, датирующихся преимущественно IX-X вв. Ранее отмечалось, что подавляющее большинство подобных накладок связано с ранневенгерскими памятниками. Потому их можно называть «венгерскими» (Квитницкий и др. 2021, 356). Исследователи ранневенгерских луков выделяют

[26] Курган 2 у с. Севирова располагался в 7,338 км к северо-западу (297°) от кургана 1 у с. Маркулешты.

три типа подобных концевых накладок. Наши находки относятся к 2 типу (Demo 2005, 87, sl. 3). Пожалуй, одними из наиболее ранних таких накладок (с выделенными «головками») являются находки из ранневенгерского погребения второй половины VIII - начала IX в. Тамар-Уткуль 3/1 в Южном Приуралье (Круглов 2019, 210, 218, рис. 2/11а, 11б). Возможной переходной формой накладок с «головками» (близкой комплексу Тамар-Уткуль 3/1), сочетающей морфологию накладок на луки «салтовского» типа и накладок из Окницы 5/3, можно назвать пару накладок из погребения Костешты 1/10 на левобережье Прута (Дергачёв 1982, 8-10, рис. 2/7, 8). Помимо Костешт, в Северо-Западном Причерноморье такие же накладки найдены в захоронении Фрумушика на левобережье Среднего Днестра (Квитницкий и др. 2021, 348, рис. 2). Идентичные накладки обнаружены в венгерских погребениях «периода обретения родины» в Кунаготе, Карош-Еперьешсёге и Шарретудвари-Хизофольд (Биро, Ланго, Тюрк 2009, 414, 429, рис. 7/1-3). Прямая аналогия таким накладкам также происходит из венгерского захоронения 29 могильника X-XI вв. в Тёрёксентмиклош-Сенттамашпуста (Petkes 2011, 191, kép. 9/1, 2, 5, 6). Известны такие же накладки в погребении 124 могильника Сегед-Ётхалом (Türk, Lőrinczy, Marcsik 2015, 222, kép. 81/1-4a).

В основной массе этот тип концевых накладок на лук известен без специально выделенных «головок». Таковы находки из венгерского захоронения Чимишлия 5/13 (Popovici, Ciobanu 2021, 30, fig. 24/1; 25/4) в Прутско-Днестровском междуречье, из кургана 110 в Шестовице на левобережье Среднего Днепра (Медведев 1966, 125, табл. 5/7-9) и в венгерском погребении из кургана 2 в Усть-Каменке на правобережье Нижнего Днепра (Комар 2018, 92-93, 323, рис. 8/4-7). Встречены они во множестве захоронений в Карпатской котловине: № 145 в Хайдусобосло-Аркошалом (Биро, Ланго, Тюрк 2009, 431, рис. 9/1, 3); № 132 и 150 могильника X в. Сегед-Ётхалом (Türk, Lőrinczy, Marcsik 2015, 235, 240, kép. 94/3, 4; 99/1-4); № 357 и 385 могильника X-XI вв. Вёрш-Майори (Hegyi, Költő 2015, 195, 197, táb. 17/12; 19/1-4); № 23 (X в.) в Мадьярхоморог-Коньядомб; № 38 Сегед-Алдьё (Biro 2013, 10, 26, fig. 2/a; 12/1-4); № 2 могильника в Будьи-Фельшёвань (Füredi 2012,216, kép. 6/5). Кроме того, подобные изделия найдены в погребении X в. из Нови Бечей (Станојев 1989, 64, рис. А, Б, В, Г) в Сербии и в захоронении 92 в Вуковар-Лиева Бара в Хорватии (Demo 2005, 88, sl. 5).

Помимо наконечников стрел и накладок на лук все публикуемые погребения содержали ***железные боевые ножи***, которые, по нашему мнению, являются одним из наиболее характерных элементов материальной культуры венгров Северного Причерноморья «эпохи обретения родины»:

1. *Маркулешты 1/3* (мужчина 45-55 лет) – боевой нож, длина сохранившейся части 167 мм (рукоять истлела, окончание черенка и остриё обломаны), деревянные рукоять и ножны покрыты золотой фольгой;

2. *Окница 3/11* – боевой нож, 227 мм (рукоять истлела, остриё обломано), ножны покрыты полосками серебряной фольги;

3. *Окница 5/3* (мужчина 30-35 лет) – боевой нож, длина около 300 мм (рукоять истлела).

Большинство таких же изделий в Северо-Западном Причерноморье происходит из венгерских погребений:

4. *Пробота 7* на правобережье Среднего Прута – у левого предплечья, длина черенка и сохранившейся части лезвия 140 мм (Zaharia, Zaharia 1962, 603, fig. 8/6);

5. *Костешты 1/10* на левобережье Среднего Прута – лежал возле правой руки (Дергачёв 1982, 8, рис. 2/2)[27];

6. *Петрешты 2/1* на левобережье Среднего Прута – лежал на тазе, сохранившаяся длина 222,5 мм, покрытые золотой фольгой ножны боевого ножа (Чирков 1990, 161, рис. 3/7)[28];

[27] В публикации изделие описано как «плохо сохранившийся железный меч (сабля), ширина лезвия – 2 см, толщина 0,75 см» (Дергачёв 1982, 8).

[28] В публикации погребения Петрешты 2/1 боевой нож был описан следующим образом: «Железный предмет (кнутовище–?) лежал на тазе погребённого. На всей поверхности следы дерева и золотой фольги». При этом рисунок предмета (Чирков 1990, 161, рис. 3/7) не даёт реального представления о находке. После личного ознакомления с сохранившимися предметами мы можем констатировать, что в могиле не было никакого «кнутовища», зато был один боевой нож сохранившейся длиной (без острия) 222,5 мм, и один – бытовой.

7. *Старые Бедражи 3/7* на левобережье Среднего Прута – лежал справа у таза, длина 250 мм, ножны покрыты серебряной фольгой (Чирков 1990, 161, 163, рис. 4/17)[29];

8. *Румянцево 1/15* на левобережье Нижнего Прута – находился в перемещённом состоянии, длина сохранившейся части лезвия 110 мм (Бубулич 1992, 17, рис. 15/8);

9. *Плавни-II 1/2* на левобережье Нижнего Дуная – два боевых ножа: один лежал между правым крылом таза и правой лучевой костью, длина 311 мм, ножны покрывали фрагменты золотой фольги; второй найден в заполнении ямы, реконструируемая длина 325 мм (Фокеев и др. 2019, 334, 337, рис. 1/2; 2/1, 2; 3/1);

10. *Фрикацей 8/2* на левобережье Нижнего Дуная – справа у таза, ножны покрыты чередующимися полосками золотой и серебряной фольги (Гудкова и др. 1981, 54, табл. XLIV/2-8; Добролюбский 1986, 114, табл. VIII/1-9);

11. *Чимишлия 5/13* (мужчина 50-55 лет) в Прутско-Днестровском междуречье – справа у таза, ножны покрывали три прямоугольные пластинки из золотой фольги (Popovici, Ciobanu 2021, 31, fig. 22/2; 23/1, 5; 26)[30];

12. *Кодру-Ноу 2/2* на правобережье Среднего Днестра – у правого бедра, длина 350 мм (Яровой 1985, 14-15, рис. 9/4);

13. *Пуркары 2/11* на правобережье Нижнего Днестра – лежал у правого предплечья, сохранившаяся длина 210 мм (Яровой 1990, 98, рис. 42/4, 8);

14. *Слободзея (1992) 2/6* на левобережье Нижнего Днестра – лежал справа на тазе, длина сохранившейся части лезвия 92 мм (Тельнов и др. 2024, 166, рис. 4/5);

15. *Глиное/Водовод 14/2* на левобережье Нижнего Днестра – лежал справа у таза, длина лезвия 300 мм, ножны покрывали три фрагмента золотой фольги (Квитницкий и др. 2019, 318, 320, рис. 2/10).

За пределами Северо-Западного Причерноморья такие боевые ножи найдены в венгерских погребениях:

16. *Новокаиры 2/8* на правобережье Нижнего Днепра (Тощев, Самар 1990, 42-43, рис. 7/1-7);

17. *Коробчино* на правобережье Нижнего Днепра (Комар 2018, рис. 11/1);

18. *Тёртель* в Карпатской котловине (Комар 2018, рис. 98/20).

Датировки комплексов

На основании археологических данных время совершения всех описанных выше погребений было предварительно определено в пределах второй половины IX – первой половины X в. Однако эта датировка требовала верификации с помощью радиоуглеродного анализа. Ниже мы приводим его результаты для двух захоронений.

Маркулешты 1/3. В Познаньской радиоуглеродной лаборатории были получены две даты[31].

Дата по кости человека: Poz–166327; 1145±30 BP, калиброванные интервалы: 1σ – 778-975 гг., 2σ – 774-990 гг.[32] При этом, судя по калибровочному графику, наиболее вероятным интервалом совершения погребения являются 880-975 гг. (рис. 9/1).

По кости лошади была получена более молодая дата: Poz–166328; 1085±30 BP, калиброванные интервалы: 1σ – 897-1013 гг., 2σ – 892-1021 гг. При этом, судя по калибровочному графику, наиболее вероятным интервалом совершения погребения являются 897-995 гг. (рис. 9/2). Эта дата свидетельствует, что первая, полученная по кости человека, является, по всей видимости, более ранней (на 60 радиоуглеродных лет) за счёт резервуарного эффекта.

Комбинированная дата погребения Маркулешты 1/3 предполагает едва ли не идентич-

[29] В публикации боевой нож описан как два ножа, но проиллюстрировано одно целое изделие. Фольга описывается следующим образом: «На лучевых костях и нижней части берцовых костей отмечена серебряная фольга на матерчатой основе. Вероятно, она являлась украшением одежды погребённого» (Чирков 1990, 161, 163]. При этом боевой нож, судя по плану захоронения, лежал на правом предплечье, справа у таза, а фрагменты фольги отмечены у левого колена (Чирков 1990, рис. 4/1).

[30] Одна часть боевого ножа авторами описана как наконечник стрелы, а вторая как обычный нож. На рисунке 26 данной работы пластинки золотой фольги, покрывавшие ножны боевого ножа, изображены в верхнем ряду.

[31] Выражаем признательность директору Национального музея истории Молдовы др. хаб. Е.Н. Саве за разрешение предоставить образцы костей для датирования.

[32] Калибрование всех радиоуглеродных дат было произведено с использованием программы OxCal v4.4.4 и калибровочной кривой IntCal20 (Reimer et al. 2020).

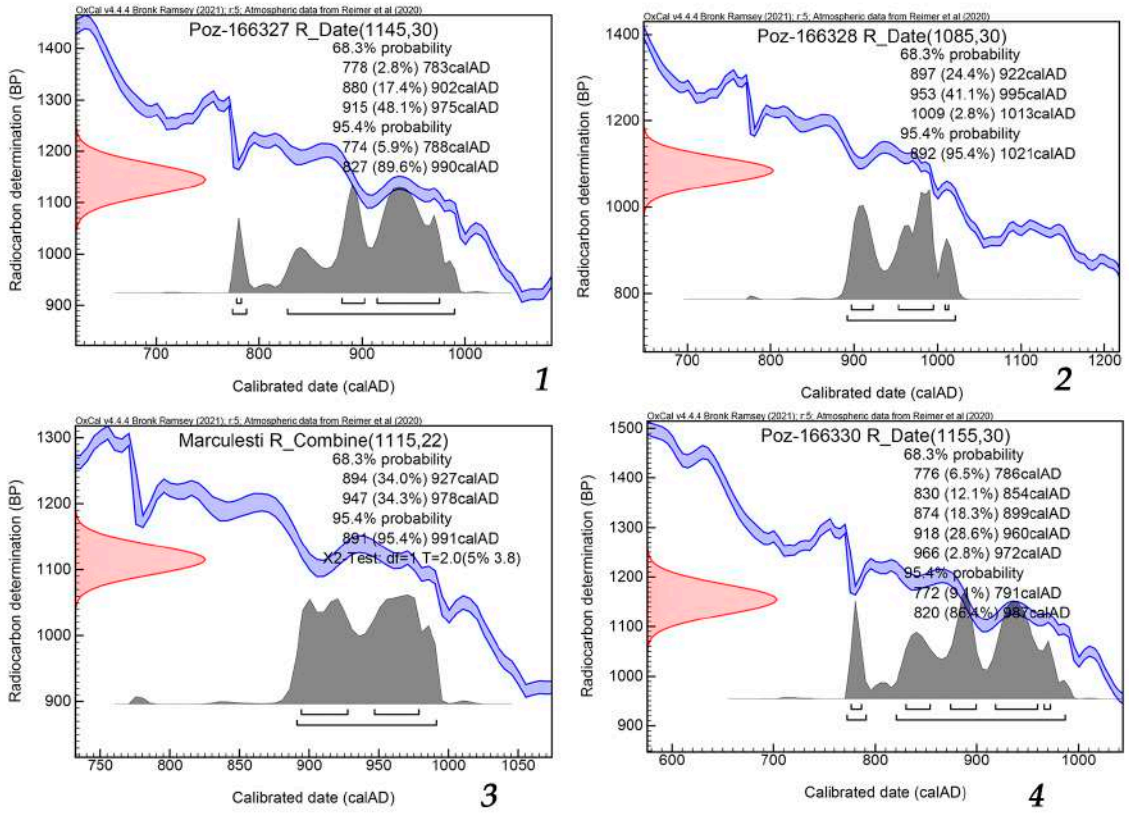


Рис. 9. Калиброванные радиоуглеродные даты погребений Маркулешты 1/3 (1-3) и Окница 5/3 (4).

ную вероятность, что погребение было совершено как в интервале 894-927 гг. (34,0%), так и в интервале 947-978 гг. (34,3%), в целом ограничивая дату захоронения 891-991 гг. (95,4%) (рис. 9/3).

Окница 5/3. В Познаньской радиоуглеродной лаборатории была получена дата по кости человека: Poz–166330; 1155±30 BP, калиброванные интервалы: 1σ – 776-972 гг., 2σ – 772-987 гг. При этом, судя по калибровочному графику, наиболее вероятным интервалом совершения погребения являются 918-960 гг. (рис. 9/4).

Не только не исключено, но и весьма вероятно, что эта дата, как и дата по кости человека из захоронения Маркулешты 1/3, отражает резервуарный эффект, величину которого в настоящее время оценить не представляется возможным.

В этой связи обратим внимание ещё на ряд археологических и радиоуглеродных дат для венгерских захоронений, которые содержали железные боевые ножи.

Так, погребение Плавни II 1/2 (с двумя боевыми ножами) в 2019 г. было датировано на основании археологических данных второй половиной IX - первыми десятилетиями X в., при этом было отмечено, что один из боевых ножей (сохранившийся полностью) относится ко второй половине IX - началу X в., а второй (сохранившийся частично) – ко второй половине IX - первой половине XI в. (Фокеев и др. 2019, 339). Погребение Чимишлия 5/13 было датировано радиоуглеродным методом (Popovici et al. 2023, 11-12, 62-64), что позволяет определять время захоронения второй третью или серединой X в. На основании археологических данных и с учётом первой радиоуглеродной даты по кости человека захоронение Глиное/Водовод 14/2 было датировано второй половиной IX - рубежом IX-X вв., при этом авторы публикации предположили удревнение радиоуглеродной даты за счёт эффекта резервуара (Квитницкий и др. 2019, 325-327, рис. 4). В настоящее время, с учётом новых радиоуглеродных дат, полученных в Дебреценской радиоуглеродной лаборато-

рии в 2023 г. по кости человека (DeA–42887; 1118±16) и по кости лошади (DeA–42888; 1104±15), есть все основания датировать комплекс второй третью – серединой X в.

Наконец, необходимо принять во внимание, что грунтовое погребение Фрумушика, в составе инвентаря которого находились концевые боковые (пара верхних и пара нижних) накладки на лук, аналогичные найденным в захоронении Окница 5/3, было датировано на основании археологических материалов концом IX - первой третью X в. (Квитницкий и др. 2021, 365).

Всё изложенное в совокупности позволяет датировать погребения Маркулешты 1/3, Окница 3/11 и Окница 5/3 второй третью X в. с акцентом на середину столетия.

Заключительные положения

В настоящей работе рассмотрены три венгерских погребения, исследованные на правобережье (Маркулешты 1/3) и на левобережье (Окница 3/11 и 5/3) Среднего Днестра в разное время. Их культурная принадлежность определяется в первую очередь на основании археологических данных – погребального обряда и инвентаря, а датировки – с учётом радиоуглеродных дат.

Наиболее важным результатом данной работы представляется введение в научный оборот средневековых погребальных комплексов, которые достоверно соотносятся с пребыванием венгров в Северо-Западном Причерноморье. Ранее были опубликованы захоронения, изученные на левобережье Нижнего Днестра: Буторы I 14/7 (Тельнов и др. 2024, 162-164, рис. 2), Глиное 13/2 (Квитницкий, Тельнов, Тюрк 2022), Глиное/Водовод 4/1 (Квитницкий, Тельнов, Тюрк 2021), Глиное/Водовод 14/2 (Квитницкий и др. 2019; 2020a), Глиное/ДОТ 2/9 (Разумов и др. 2019, 124-125, 131-132), Глиное/ДОТ 7/3 (Синика и др. 2022), Глиное/Север 7/1 (Тельнов и др. 2024, 168-170, рис. 5; 6], Коротное/Кулак 5/4 (Тельнов и др. 2024, 170-171, рис. 7), Слободзея (1992) 1/16 (Тельнов и др. 2024, 164-166, рис. 3) и Слободзея (1992) 2/6 (Тельнов и др. 2024, 166-168, рис. 4). Также на левобережье Нижнего Днестра был изучен венгерский могильник у г. Слободзея (Щербакова, Тащи, Тельнов 2008), возле которого была обнаружена матрица для наконечников ремней (Разумов и др. 2021). Кроме того, были введены в научный оборот отдельные погребения на левобережье Нижнего Дуная – Владычень-I 12/2 (Квитницкий и др. 2020c) и Плавни-II 1/2 (Фокеев и др. 2019), в Прутско-Днестровском междуречье – Балабаны II 6/4 (Квитницкий и др. 2020d, 331, рис. 2), на правобережье Среднего Днестра – Фрумушика (Квитницкий и др. 2021), и на правобережье Нижнего Днестра – Олонешты 13/1 (Квитницкий и др. 2020d, 331-334, рис. 3).

Перечисленные захоронения вместе со множеством других, упомянутых выше при указании аналогий обряду и инвентарю, являются археологическими памятниками, оставленными венграми к востоку от Карпат непосредственно перед обретением родины.

Благодарность. Авторы настоящей работы искренне признательны др. А.М. Варзарю за антропологические определения костяков из погребений Маркулешты 1/3 и Окница 5/3. Материалы хранятся в антропологическом фонде Национального музея истории Молдовы (г. Кишинёв).

Библиография

Андрух, Тощев 1999: С.И. Андрух, Г.Н. Тощев, Могильник Мамай-Гора, кн. I (Запорожье 1999).

Андрух, Тощев 2009: С.И. Андрух, Г.Н. Тощев, Могильник Мамай-Гора, кн. IV (Запорожье 2009).

Биро, Ланго, Тюрк 2009: А. Биро, П. Ланго, А. Тюрк, Роговые накладки лука Карпатской котловины X-XI вв. Степи Европы в эпоху средневековья 3, 2009, 407-440.

Бокий, Плетнёва 1988: Н.М. Бокий, С.А. Плетнева, Захоронение семьи воина-кочевника X в. в бассейне Ингула. СА 2, 1988, 99-115.

Бубулич 1992: В.Г. Бубулич, Отчёт о полевых исследованиях Прутской новостроечной археологической экспедиции у сс. Румянцево и Дойна Кантемирского района в 1991 г. (Кишинёв 1992). Архив Национального музея истории Молдовы, № 334.

Гудкова и др. 1979: А.В. Гудкова, А.О. Добролюбский, Г.Н. Тощев, М.М. Фокеев, Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР в 1979 г. (Киев 1979). Научный архив ИА НАН Украины, № 1979/5.

Гудкова и др. 1980: А.В. Гудкова, А.О. Добролюбский, Г.Н. Тощев, М.М. Фокеев, Отчет о работе Измаильской новостроечной экспедиции Института археологии АН УССР в 1980 г. (Киев 1980). Научный архив ИА НАН Украины, № 1980/7.

Гудкова и др. 1981: А.В. Гудкова, А.О. Добролюбский, Г.Н. Тощев, М.М. Фокеев, Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции ИА АН УССР в 1981 г. (Киев 1981). Научный архив ИА НАН Украины, № 1981/1.

Гудкова и др. 1985: А.В. Гудкова, Г.Н. Тощев, М.М. Фокеев, С.И. Андрух, Отчёт о работе Измаильской новостроечной экспедиции в 1984 г. (Киев 1985). Научный архив ИА НАН Украины, № 1984/158.

Демченко, Левицкий 2006: Т. Демченко, О. Левицкий, Курганы у села Бурлэнешть. Revista arheologică s.n. II/1-2, 2006, 293-327.

Дергачёв 1982: В.А. Дергачёв, Материалы раскопок археологической экспедиции на Среднем Пруте (1975-1976 гг.) (Кишинёв 1982).

Добролюбский 1986: А.О. Добролюбский, Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья (Киев 1986).

Евдокимов 1977: Г.Л. Евдокимов, Курганы эпохи бронзы Верхнетарасовского могильника. В сб.: (Отв. ред. Н.Н. Чередниченко) Курганы юга Днепропетровщины (Киев 1977), 5-55.

Квитницкий и др. 2019: М.В. Квитницкий, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Древневенгерское воинское погребение на левобережье Нижнего Днестра. Stratum plus 5, 2019, 317-331.

Квитницкий и др. 2020a: М.В. Квитницкий, Н.П. Тельнов, В.С. Синика, А. Тюрк, Древневенгерское воинское погребение на левобережье Нижнего Днестра. Первый молдо-венгерский круглый стол, посвященный вопросам раннего средневековья Восточной Европы. Кишинёв, 10-11 июня 2015 г. (Будапешт 2020), 205-232.

Квитницкий и др. 2020b: М.В. Квитницкий, Н.П. Тельнов, В.С. Синика, А. Тюрк, Кочевническое погребение на левобережье Нижнего Дуная в контексте изучения культуры древних венгров. Первый молдо-венгерский круглый стол, посвящённый вопросам раннего средневековья Восточной Европы. Кишинёв, 10-11 июня 2015 г. (Будапешт 2020), 233-251.

Квитницкий и др. 2020c: М.В. Квитницкий, Н.П. Тельнов, В.С. Синика, С.Д. Лысенко, А. Тюрк, Погребение из Владычень с украшением венгерского облика. В: (Отв. ред. Р.А. Рабинович, Н.П. Тельнов) «На одно крыло – серебряная, на другое – золотая …» (Кишинёв 2020), 415-423.

Квитницкий и др. 2020c: М.В. Квитницкий, А. Тюрк, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Два венгерских погребения IX века в Дунай-Днестровских степях. Stratum plus 5, 2020, 329-339.

Квитницкий и др. 2021: М.В. Квитницкий, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, А. Тюрк, Ранневенгерское погребение у с. Фрумушика в Среднем Поднестровье. Stratum plus 5, 2021, 345-369. DOI: https://doi.org/10.55086/sp215345369

Квитницкий, Тельнов, Тюрк 2021: М.В. Квитницкий, Н.П. Тельнов, А. Тюрк, Ранневенгерское воинское погребение с декоративными обувными накладками у с. Глиное. Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья 13, 2021, 603-618. DOI: https://doi.org/10.53737/2713-2021.2021.18.78.016

Квитницкий, Тельнов, Тюрк 2022: М.В. Квитницкий, Н.П. Тельнов, А. Тюрк, Древневенгерское погребение у с. Глиное на левобережье Нижнего Днестра. Stratum plus 5, 2022, 303-318. DOI: https://doi.org/10.55086/sp225303318

Комар 2018: А.В. Комар, История и археология древних мадьяр в эпоху миграции (Будапешт 2018).

Круглов 2019: Е.В. Круглов, Выбор в пользу Угро-Мадьяр: Тамар-Уткуль (курган №3) и Яман. Из истории культуры народов Северного Кавказа. Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии 11, 2019, 203-218.

Круглов 2021: Е.В. Круглов, Угро-мадьяры в степях между землей Дентумогер и областью Ателькузу. В сб.: Золотоордынское наследие. Сборник статей, посвященный 700-летию со дня рождения средневекового татарского поэта Сейфа Сараи, 4 (Казань 2021), 50-73.

Левинский, Тентюк 1990: А.Н. Левинский, И.С. Тентюк, Исследование курганов у с. Мэркулешть. В сб.: (Отв. ред. В. А. Дергачев) Археологические исследования молодых ученых Молдавии (Кишинев 1990), 93-100.

Манзура, Клочко, Савва 1992: И.В. Манзура, Е.О. Клочко, Е.Н. Савва, Каменские курганы (Кишинев 1992).

Медведев 1966: А. Ф. Медведев, Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв. САИ Е1-36 (Москва - Ленинград 1966).

Мышкин и др. 2022: В.Н. Мышкин, М.А. Турецкий, А.В. Богачев, А.А. Хохлов, Раннесредневековый погребальный комплекс курганного могильника Масленниково I в Самарском Заволжье. Самарский научный вестник 11/1, 2022, 213-219. DOI: https://doi.org/10.55355/snv2022111209

Никитин, Рубан 1974: В.И. Никитин, В.В. Рубан, Отчет о работе Ингулецкой степной экспедиции Николаевского краеведческого музея в 1973 г. (Киев 1974). Научный архив ИА НАН Украины, № 1973/63а.

Плешивенко 1991: А.Г. Плешивенко, Отчёт о раскопках курганов в Васильевском районе Запорожской области в 1990 году (Киев 1991). Научный архив ИА НАН Украины, № 1990/141.

Попандопуло 2011: З.Х. Попандопуло, Скифский грунтовый могильник Скельки (Запорожье 2011).

Разумов и др. 2019: С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Н.П. Тельнов, Курган бронзового века № 2 группы «ДОТ» у с. Глиное на Нижнем Днестре. Journal of archaeology, anthropology and interdisciplinary studies 1, 2019, 119-144.

Разумов и др. 2021: С.Н. Разумов, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, В.С. Синика, Раннесредневековая матрица для наконечников ремней из Нижнего Поднестровья. Вестник Пермского университета. История 1 (52), 2021, 61-69.

Синика, Тельнов, Квитницкий 2019: В.С. Синика, Н.П. Тельнов, М.В. Квитницкий, Венгерские памятники IX – первой половины X в. в Северо-Западном Причерноморье. In: (Szerk. B. Sudár, A. Türk) «Hadak útján». A népvándorláskor fiatalkutatóinak XXIX. Konferenciája (Budapest 2019), 7-10.

Синика и др. 2022: В.С. Синика, С.Н. Разумов, С.Д. Лысенко, Н.П. Тельнов, А. Тюрк, Ранневенгерское воинское погребение на Нижнем Днестре. Уфимский археологический вестник 22/2, 2022, 283-298. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2022.22.2.009

Станојев 1989: Н. Станојев, Некрополе X-XV века у Војводини. 712 каталошких јединица (Нови Сад 1989).

Субботин, Дзиговский, Островерхов 1998: Л.В. Субботин, А.Н. Дзиговский, А.С. Островерхов, Археологические древности Буджака. Курганы у сёл Вишнёвое и Белолесье (Одесса 1998).

Субботин, Островерхов, Дзиговский 1995: Л.В. Субботин, А.С. Островерхов, А.Н. Дзиговский, Археологические древности Буджака. Курганы восточного побережья озера Сасык (Одесса 1995).

Супруненко 2007: О.Б. Супруненко, Курган з угорським некрополем у пониззі Псла (Київ - Полтава 2007).

Тельнов и др. 2024: Н.П. Тельнов, А. Тюрк, С.Н. Разумов, В.С. Синика, «Старые» и новые венгерские погребения на левобережье Днестра. Уфимский археологический вестник 24/1, 2024, 161-180. DOI: https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.011

Тельнов, Четвериков, Синика 2016: Н.П. Тельнов, И.А. Четвериков, В.С. Синика, Скифский могильник III-II вв. до н.э. у с. Глиное (Археологические памятники Приднестровья, III) (Тирасполь 2016).

Тощев, Самар 1990: Г.Н. Тощев, В.А. Самар, Исследование могильника эпохи бронзы на Херсонщине. Древности степного Причерноморья и Крыма I, 1990, 30-66.

Фокеев и др. 2019: М.М. Фокеев, М.В. Квитницкий, Н.П. Тельнов, С.Д. Лысенко, С.Н. Разумов, В.С. Синика, Кочевническое погребение на левобережье Нижнего Дуная в контексте изучения культуры древних венгров. Stratum plus 5, 2019, 333-342.

Чирков 1990: А.Ю. Чирков, Новые данные о поздних кочевниках Среднего Попрутья. В сб.: (Отв. ред. В.А. Дергачёв) Археологические исследования молодых учёных Молдавии (Кишинев 1990), 158-168.

Шапошникова и др. 1975: О.Г. Шапошникова, В.Н. Фоменко, В.С. Бочкарёв, А.М. Балушкин, Ю.С. Гребенников, В.М. Клюшинцев, Г.П. Ребедайло, Н.А. Рычков, Отчет Ингульской экспедиции за 1974 г. (Киев 1975). Научный архив Института археологии НАН Украины, № 1974/12.

Щепинский 1975: А.А. Щепинский, Отчёт о работах Северо-Крымской археологической экспедиции в 1974 году (Киев 1975). Научный архив Института археологии НАН Украины, № 1974/18а.

Щербакова, Тащи, Тельнов 2008: Т.А. Щербакова, Е.Ф. Тащи, Н.П. Тельнов, Кочевнические древности Нижнего Поднестровья (по материалам раскопок кургана у г. Слободзея) (Кишинёв 2008).

Яровой 1985: Е.В. Яровой, Отчет о полевых исследованиях Нижнепрутской новостроечной археологической экспедиции в 1984 году (Кишинев 1985). Архив Национального музея истории Молдовы, № 215.

Яровой 1990: Е.В. Яровой, Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья (Кишинёв 1990).

Biro 2013: A. Biro, Methodological considerations on the archaeology of rigid, reflex, composite bows of Eurasia in the pre-Mongol period. Acta Militaria Mediaevalia IX, 2013, 7-38.

Ciprián 2020: H. Ciprián, Tiszaszederkény honfoglalás kori temetője. https://mki.gov.hu/hu/hirek-hu/mindenhir-hu/tiszaszederkeny-honfoglalas-kori-temetoje (accessed 13.05.2024).

Demo 2005: Ž. Demo, Refleksni luk s ranosrednjovjekovnog groblja Vukovar-Lijeva Bara (gr. 92). Starohrvatska prosvjeta III/32, 2005, 77-89.

Füredi 2012: Á. Füredi, Honfoglalás kori tarsolylemez Pest megyében a Bugyi-Felsőványi 2. sír. Archaeologiai Értesítő 137 (1), 2012, 207-234.

Haheu, Gukin 1997: V. Haheu, V. Gukin, Rezultatele investigaţiilor unor complexe tumulare din raionul Floreşti. In: (Red. resp. V. Dergaciov) Vestigii arheologice din Moldova (Chişinău 1997), 188-210.

Hegyi, Költő 2015: B. Hegyi, L. Költő, Vors-Majori dűlő. Regeszeti adatok Somogy megye 10-11. szazadi fegyveres sirjaihoz. In: (Szerk. C. Balogh, Z. Petkes, B. Sudár, Z. Zsidai): „... in nostra lingua Hringe nominant". Tanulmányok Szentpéteri József 60. Születésnapja tiszteletére (Budapest 2015), 167-200.

Kvitnyivckij et al. 2022: M.V. Kvitnyivckij, N.P. Tyelnov, V.Sz. Szinyika, A. Türk, Korai magyar leletek a Fekete-tenger északnyugati előteréből (9. század – 10. Század első fele). "Hadak útján" A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXIX. Konferenciája. Budapest, 2019. November 15-16 (Budapest 2022), 585-591.

Lauermann 2006: E. Lauermann, Fundort, Fundgeschichte, Befund. Im: (Hrsg. F. Daim, E. Lauermann) Das frühungarische Reitergrab von Gnadendorf (Niederösterreich) (Mainz 2006), 1-28.

Nepper 2002: I. M. Nepper, Hajdú-Bihar megye 10–11. századi sírleletei I–II. Magyarország honfoglalás kori és kora Árpád-kori sírleletei 3 (Budapest – Debrecen 2002).

Petkes 2011: Zs. Petkes, Törökszentmiklós-Szenttamáspuszta 10-11. századi temetője. Archaeologiai Értesítő, 136, 181-213.

Popovici, Ciobanu 2019: S. Popovici, I. Ciobanu, Cercetări arheologice preventive la Făleştii Noi şi Egorovca (r-nul Făleşti). Arheologia preventivă în Republica Moldova IV, 2019, 55-62.

Popovici, Ciobanu 2021: S. Popovici, I. Ciobanu, Cercetări arheologice la Cimişlia (1969, 2015, 2019) (Chişinău 2021).

Popovici et al. 2023: S. Popovici, A. Simalcsik, I. Ciobanu, S. Agulnikov, Turanicii în sudul Moldovei. O perspectivă arheologică şi antropologică asupra înmormântărilor medievale şi premoderne (Chişinău 2023).

Reabţeva, Vlasenco 2018: S. Reabţeva, I. Vlasenco, Materiale din mormântul nomad de la Buciumeni (raionul Ungheni, Republica Moldova) în contextul vestigiilor din secolele IX-X din regiunea carpato-nistreană. Revista arheologică s.n. XIV/2, 2018, 108-115.

Reimer et al. 2020: P. Reimer, W. Austin, E. Bard, A. Bayliss, P. Blackwell, C. Bronk Ramsey, M. Butzin, H. Cheng, R. Edwards, M. Friedrich, P. Grootes, T. Guilderson, I. Hajdas, T. Heaton, A. Hogg, K. Hughen, B. Kromer, S. Manning, R. Muscheler, J. Palmer, C. Pearson, J. van der Plicht, R. Reimer, D. Richards, E. Scott, J. Southon, C. Turney, L. Wacker, F. Adolphi, U. Büntgen, M. Capano, S. Fahrni, A. Fogtmann-Schulz, R. Friedrich, P. Köhler, S. Kudsk, F. Miyake, J. Olsen, F. Reinig, M. Sakamoto, A. Sookdeo, S. Talamo, The IntCal20 Northern Hemisphere radiocarbon age calibration curve (0–55 cal kBP) Radiocarbon, 2020, Is. 4. IntCal20: Calibration Issue, August 2020, 725-757. DOI: https://doi.org/10.1017/RDC.2020.41

Révész 1996: L. Révész, A karosi honfoglalás kori temetők. Adatok a Felső-Tisza-vidék X. századi történetéhez (=Die Gräberfelder von Karos aus der Landnahme Zeit. Archäologische Angaben zur Geschichte des Oberen Theiβgebietes im 10. Jahrhundert) (Miskolc 1996).

Türk, Lőrinczy, Marcsik 2015: A. Türk, G. Lőrinczy, A. Marcsik, Régészeti és természettudományi adatok a Maros-torkolat nyugati oldalának 10. századi történetéhez (=Archäologische Daten und naturwissenschaftliche Ergebnisse zur Geschichte des 10. Jahrhunderts des westlichen Ufers der Muresch-Mündung) (Budapest 2015).

Vörös 1996: I. Vörös, A karosi honfoglalás kori temetők állatcsontmaradványai. In: Révész L. A karosi honfoglalás kori temetők. Adatok a Felső-Tisza-vidék X. Századi történetéhez (Miskolc 1996), 461-493.

Vörös 2000: I. Vörös, Az algyői honfoglalás kori temető archaeozoologiai vizsgálata (=Die archäozoologische Untersuchungen des Landnahme zeitlichen Gräberfeldes von Algyő). Studia Archaeologica 6, 2000, 357-402.

Vörös 2015: I. Vörös, A Maros-torkolattal szembeni mikrorégió 10. századi sírjainak archaeozoológiai vizsgálata (=Archaeozoological examination of the 10th century graves from the microregion opposite of the Maros mouth). In: A. Türk, G. Lőrinczy, A. Marcsik, Régészeti és természettudományi adatok a Maros-torkolat nyugati oldalának 10. századi történetéhez (= Archäologische Daten und naturwissenschaftliche Ergebnisse zur Geschichte des 10. Jahrhunderts des westlichen Ufers der Muresch-Mündung) (Budapest 2015), 465-474.

Zaharia, Zaharia 1962: E. Zaharia, N. Zaharia, Sondajul de salvare din necropola de la Probota (r. şi reg. Iaşi). MCA VIII, 1962, 599-608.

Trei înmormântări maghiare cu cuţite de luptă în regiunea Nistrului Mijlociu

Cuvinte-cheie: Nistrul Mijlociu, evul mediu, unguri, morminte, cuţite de luptă, a doua treime - mijlocul sec. X.

Rezumat: În articol sunt publicate şi analizate materiale obţinute în timpul cercetărilor a trei înmormântări maghiare din regiunea Nistrului Mijlociu. Acestea conţineau câte un cuţit de luptă din fier, dintre care la două a fost înregistrată utilizarea foliei de aur şi argint pe teacă. În plus, în două morminte au fost descoperite, ca ofrandă, oase de umăr de cai, aşezate la capul defuncţilor, precum şi plăci de os pentru arcuri. Aceste trei înmormântări reprezintă situri arheologice, lăsate de maghiari la est de Carpaţi, nemijlocit înainte de a-şi dobândi patria.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Planul tumulului 1 de lângă s. Mărculeşti de pe malul drept al Nistrului Mijlociu.
Fig. 2. Mormântul Mărculeşti 1/3 şi inventarul lui.
Fig. 3. Plăci din os de la arc din mormântul Mărculeşti 1/3.
Fig. 4. Planul tumulului 3 de lângă s. Ocniţa de pe malul stâng al Nistrului Mijlociu.
Fig. 5. Mormântul Ocniţa 3/11 şi inventarul lui.
Fig. 6. Planul tumulului 5 de lângă s. Ocniţa de pe malul stâng al Nistrului Mijlociu.
Fig. 7. Mormântul Ocniţa 5/3 şi inventarul lui.
Fig. 8. Plăci din os de la arc din mormântul Ocniţa 5/3.
Fig. 9. Date radiocarbon calibrate ale mormintelor Mărculeşti 1/3 (1-3) şi Ocniţa 5/3 (4).

Three Hungarian graves with battle knives in the Middle Dniester Region

Keywords: Middle Dniester Region, Middle Ages, Hungarians, graves, battle knives, the second third – the middle of the 10th century.

Abstract: The article publishes and analyzes materials obtained during the investigation of three Hungarian burials in the Middle Dniester Region. Each of the graves contained one iron battle knife; in two cases, the use of gold and silver foil on the sheath was recorded. In addition, in two burials, shoulder bones of horses from sacrificial food placed at the head, as well as bone plates for bows were found. These graves are archaeological sites left by the Hungarians east of the Carpathians immediately before finding their homeland.

List of illustrations:

Fig. 1. Plan of barrow 1 near Mărculeşti village on the right bank of the Middle Dniester.
Fig. 2. Burial Mărculeşti 1/3 and its grave goods.
Fig. 3. Bone plates for bow from burial Mărculeşti 1/3.
Fig. 4. Plan of barrow 3 near the Ocniţa village on the left bank of the Middle Dniester.
Fig. 5. Burial Ocniţa 3/11 and its grave goods.
Fig. 6. Plan of barrow 5 near Ocniţa village on the left bank of the Middle Dniester.
Fig. 7. Burial Ocniţa 5/3 and its grave goods.
Fig. 8. Bone plates for bow from burial Ocniţa 5/3
Fig. 9. Calibrated radiocarbon dates for the burials of Mărculeşti 1/3 (1-3) and Ocniţa 5/3 (4).

25.05.2024

Др. Николай П. Тельнов, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. Покровская 128, 3300 Тирасполь, https://orcid.org/0000-0001-6878-0216, e-mail: telnov_nikolai@mail.ru

Др. Сергей Н. Разумов, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. Покровская 128, 3300 Тирасполь, https://orcid.org/0000-0001-6030-9390, e-mail: razum_22@rambler.ru

Елена Ф. Тащи Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. Покровская 128, 3300 Тирасполь, https://orcid.org/0009-0003-2594-8340, e-mail: elenata74@mail.ru

Др. Сергей Д. Лысенко, Институт археологии Национальной Академии наук Украины, пр-т Володимира Ивасюка 12, 04210 Киев, https://orcid.org/ 0000-0001-9624-0364, e-mail: suraganga@yandex.ru

Татьяна Д. Урсу, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. Покровская 128, 3300 Тирасполь, https://orcid.org/ 0009-0008-6835-7942, e-mail: tancic_di@mail.ru

Др. хаб. Виталий С. Синика, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, ул. Покровская 128, 3300 Тирасполь, https://orcid.org/0000-0002-1621-9205, e-mail: sinica80@mail.ru

REMAINS OF THE POTTERY KILN FROM THE CITY OF TREPOL

Mariia Videiko

Keywords: Rus', Dnieper, city of Trepol, Trypillia Culture, pottery kiln, pottery, craft.

Introduction

In the 11th century, the city of Trepol arose forty kilometers downstream from Kyiv on the banks of the Dnieper. It is located on a high mountain. One side of the hill extends to the Dnieper, and on the other is surrounded by the floodplain of the Krasna River (fig. 1). On the Dnieper side, the bank is heavily damaged by landslides (fig. 2). The mountain consists of yellow soil. In this soil, the darker soil associated with the cultural layer is clearly visible.

Archaeological findings confirm the existence of a large city here in the 11th century. As the mapping of finds of ceramic fragments showed, in the 11th-13th centuries the city occupied the mountain itself, its slopes and high places in the valley. The total area of the city reached up to 30-32 hectares (Маняка 2012; Буренко, Відейко 2012). This makes Trepol the third largest city in Russia on this stretch of the Dnieper trade route after Kyiv and Pereyaslav.

Archaeological studies of the city territory were carried out on a limited scale. These were collections of materials on the surface or during construction works (Маняка 2012). Part of these finds is in the archaeological museum in Trypilly. Fragments of ceramic dishes from the times of Rus can be dated to the 11th-13th centuries. There are fragments of ceramics from the 14th century (Буренко, Відейко 2012; Маняка 2012). This collection is replenished every year thanks to local residents who bring things found in the gardens. The modern village of Trypillia occupies the entire territory of the ancient city. However, at the central part of the mountain has preserved about 2 hectares that are not currently built on. It is possible to provide archaeological research here, which looks quite promising.

In 2018, it was possible to investigate several areas in the central part of the city. The remains of a dwelling with an oven and a cultural layer were found here. The finds are dated to the 11th-13th centuries. Metal products that can be dated to this time were also discovered (Відейко, Слєсарєв, Відейко 2018; Videiko 2022). In addition to finds from the 11th-13th and 14th centuries, there are a large number of fragments of ceramic items from the 16th-17th centuries from the territory of the city (Відейко 2007, 14-17).

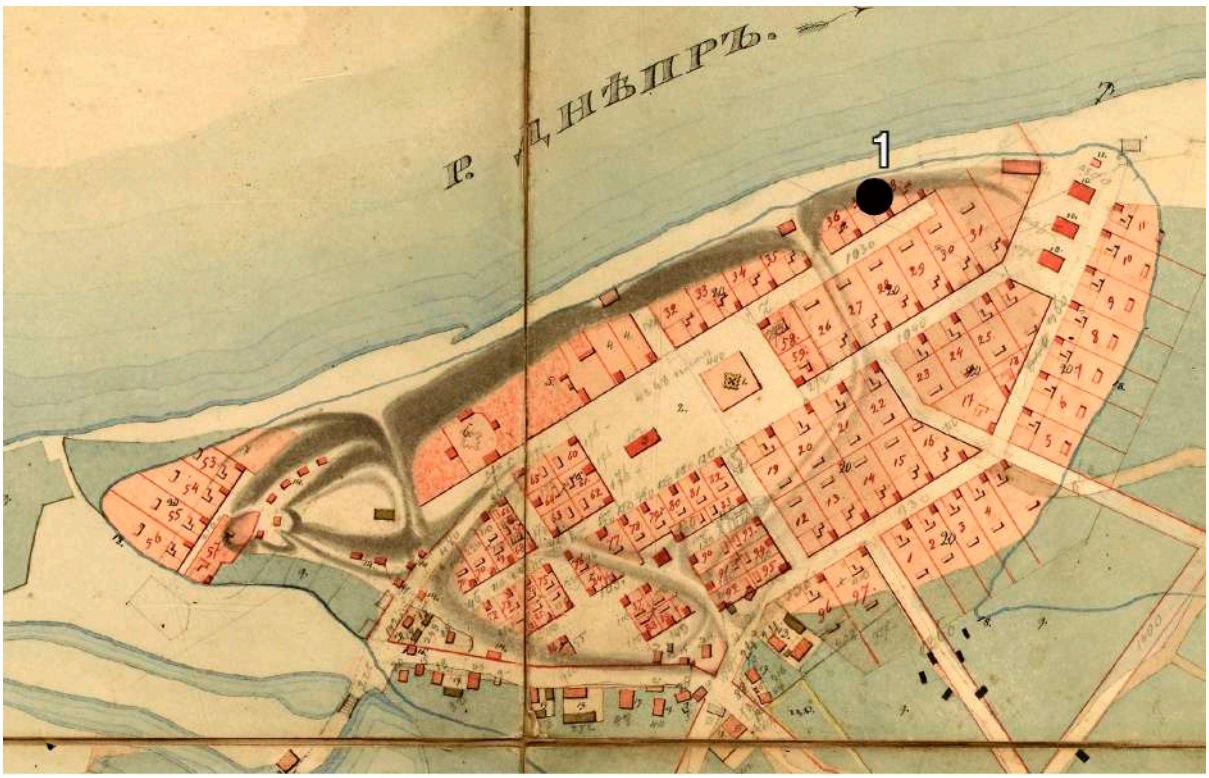
The remains of a pottery kiln

The place where the kiln was found is in the south-eastern part of the hill. This is the territory of the seat of the ancient city of Trepol, located outside the defensive structures of the upper city (fig. 1/2). Currently, the territory is used for vegetable gardens and livestock grazing. In past years, fragments of ceramic dishes were collected on this territory, which are in the archaeological museum located nearby (Відейко, Відейко 2022). Among these finds are ceramics from the Trypillia Culture, the Early Iron Age and the 11th-18th centuries.

This is the first discovery of a pottery kiln on the territory of this city. The remains of it were discovered due to a landslide caused by Russian missile attacks. The most part of furnace was located on the side of the Dnieper and was destroyed by previous landslides (fig. 2/1, 2). Most of the remains of the mine in the form of burnt clay fell from a height onto the river bank. Ceramics from the filling of the pit for which it was built were also collected there.

The remains of the kiln are represented by its lower part, in which the support of the firing chamber has been preserved. The diameter of the structure is about two meters. It was lowered into a pit 1.5 m depth from current surface (fig. 2/2). The kiln was built of clay with a wooden frame. Imprints of this wooden constructions were pre-

1



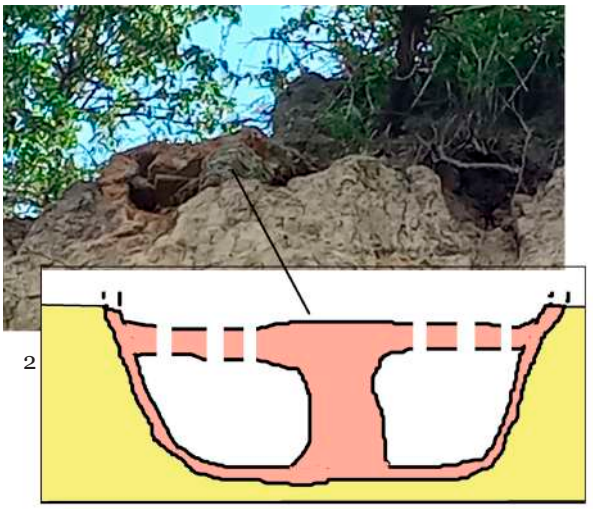
2

Fig. 1. The topography of the city of Trepol and the location of the pottery kiln: 1 - general view of the hill and valley where the city was located; 2 - plan of 1834 indicating the location of the discovery of (1) a pottery kiln.

served on clay. These prints indicate that the frame was made of chopped wood. The thickness of the clay walls was from 10 to 15 cm. In a clay base round holes with a diameter of about ten centimeters were made. Fragments of burnt clay with imprints of wood and the holes mentioned above were collected on the banks of the Dnieper, near the foot of the mountain.

Judging by the location of the remains, its fire-box should have been located on the side of the river. This means that the potter's workshop itself was probably located on the opposite side. The workshop complex, as shown by the excavations in Vyshgorod, was supposed to include a place for storing and processing clay ("potter's house"), a workshop and a master's dwelling (Бібіков,

1



2

3

Fig. 2. Trepol, the remains of a pottery kiln:
1, 2 - view from the Dnieper side; 3 - reconstruction of the lower part of the kiln.

Оленич 2017, 306). Thus, this part of the workshop may be explored in the future.

The kiln is typical for this time. This is a two-tier furnace with vertical movement of warm air (fig. 2/3). Such professional heat engineering devices are used by artisans who make large quantities of tableware for sale. Kilns of this type include a round firing chamber with holes in the floor and an attached firebox. Similar in design and size, pottery kilns in the Dnieper region were discovered during archaeological excavations in the city of Vyshhorod. More than 200 of them were found there, most of which were located within the lower city, outside the fortifications (Бібіков, Оленич 2017).

Finds from kiln area

Near 200 fragments of Rus time pottery were discovered among the remains of the kiln and next to it, and also down on the bank of the Dnieper. These are mostly fragments of different pots (fig. 3-4). Two fragments of Byzantine amphorae were also found (fig. 3/6). The color of ceramics is black, gray, red and white. There are traces of soot on the black fragments. Perhaps fragments of white pots were not in use and may have been used during the construction of the kiln (fig. 3/5). In the upper part, the pots were decorated with horizontal or wavy drawn lines. On some products, these types of decoration were applied together (fig. 3-4).

On three bottoms of the pots marks were found. This is a circle, inside of which there are probably a trident-like(?) marks (fig. 5). Similar signs on the bottoms of pots from the time of Rus have various explanations. It covers a wide range of versions. These images on the bottom of the vessels are considered “master’s marks”, “master’s marks” or ritual symbols (Гупало 1996a; Гупало 1996b).

According to the rims profiles, the materials from the kiln can be dated to the 12th-13th centuries (fig. 4). This dating is consistent with other finds previously made around this place previously (Відейко, Відейко 2022, 77-78).

In addition to this items, many fragments of Trypillia Culture pottery of the BI-II stage were discovered. This is a consequence of the fact that the was inserted into the cultural layer of the settlement of the Trypillian Culture, traces of which were also found in this area (Відейко, Відейко 2022, рис. 1). Further in the cliff you can see pits, part of which spilled material onto the banks of the Dnieper. This pottery can be dated to the 17th-18th centuries (fig. 3/7, 8). It is possible that pottery production in this part of the city continued even at this time.

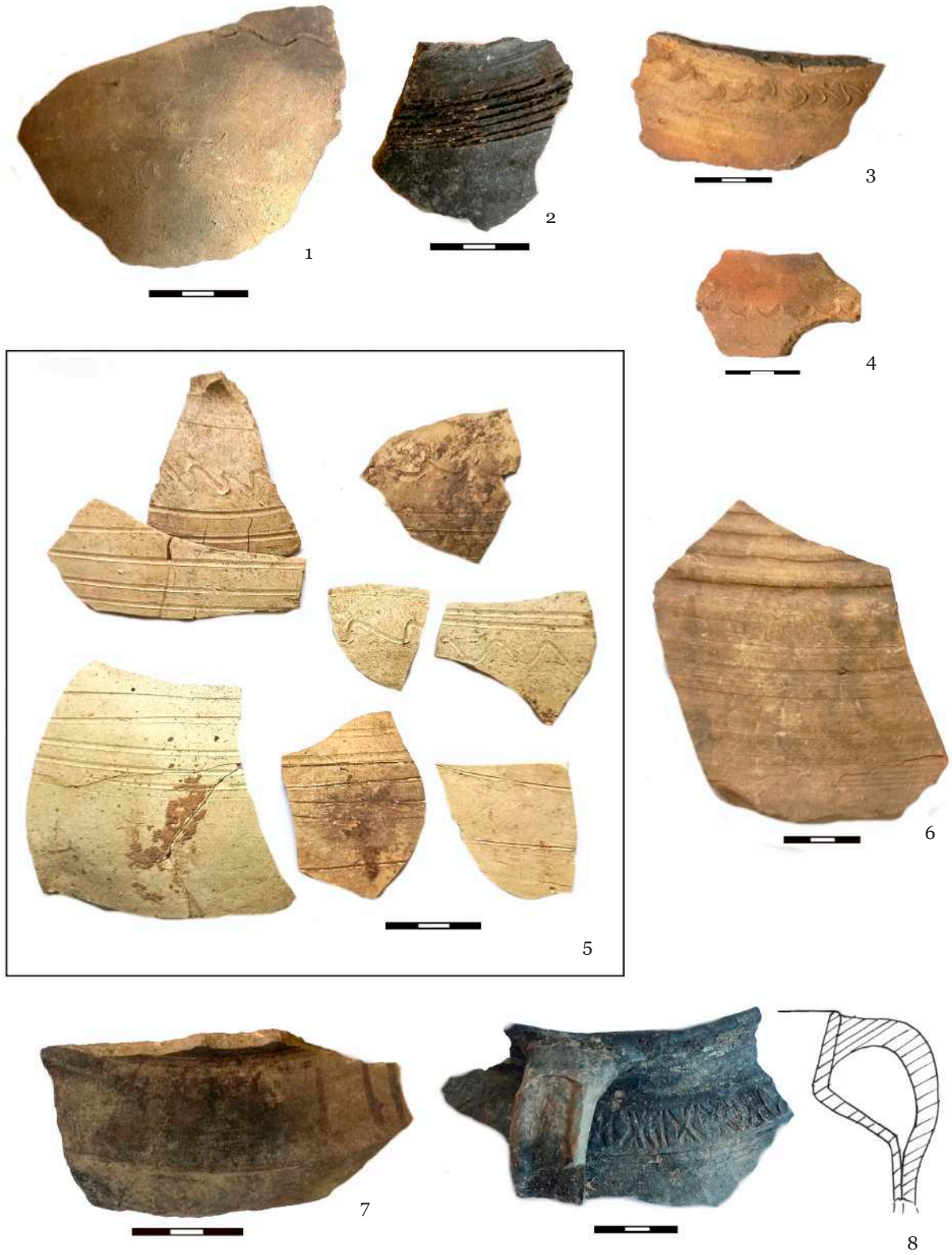


Fig. 3. Trepol, pottery from the kilns' pit (1-6) and the surrounding area (7, 8); 6 - fragment of Byzantine amphorae.

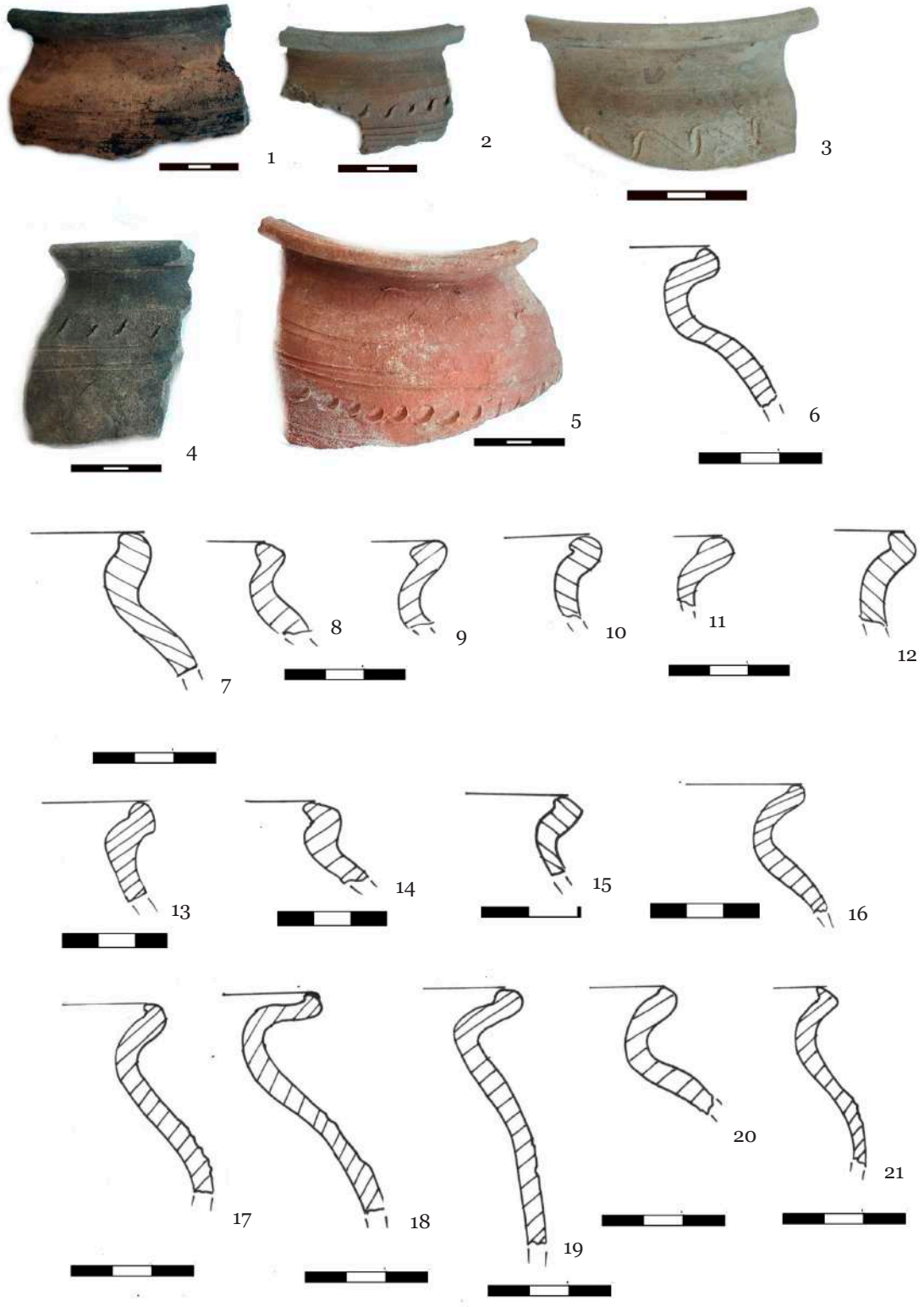


Fig. 4. Trepol, pottery from the kilns' pit and profiles of rims.

Fig. 5. Trepol, vessel bottoms with “trident” mark.

Conclusions

The presence of ceramics of the 12th and 13th centuries around the area of the find indicates that the kiln was built on the territory of the city. The discovery of a potter’s kiln on the territory of Trepol post allows us to conclude about the existence of a corresponding craft industry on the territory of the city. The location of the furnaces near the cliff provided good traction during firing. This place has prospects for further research. As the excavations in Vyshhorod showed, workshops and places for working with clay were located near the pottery kilns (Бібіков, Оленич 2017, 306-320).

It was previously suggested that the pottery production was moved outside the city of Trepol The basis was the discovery of the traces pottery workshop located at the Krasna river valley in 2 km from the city. This workshop was dated back to the 12th-13th centuries (Буренко, Відейко 2012). The new find shows that this craft also existed directly on the territory of Trepol. This discovery is a contribution to establishing its historical topography. Further research will allow establishing new details regarding the history of this part of Trepol-Trypyllia in the 11th-17th centuries.

Bibliography

Videiko 2021: M. Videiko, From site on trade route to key royal city 27th EAA Annual Meeting (Kiel Virtual, 2021) – Abstract Book, 1 (1), 231-232.

Videiko 2022: M. Videiko, The ancient city of Trepol: from archaeological excavations to museefication. In: Conferinţa ştiinţifică „Istorie - Arheologie - Muzeologie” a Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, 27-28 octombrie 2022 (Chişinău 2022), 197-198.

Videiko 2023: M. Videiko, Pottery kiln from the city of Trepol. In: Conferinţa ştiinţifică „Istorie - Arheologie - Muzeologie” a Muzeului Naţional de Istorie a Moldovei, 26-28 octombrie 2023 (Chişinău 2023), 83-84.

Бібіков, Оленич 2017: Д. Бібіков, В. Оленич, Гончарні горни давньруського Вишгорода та їх еволюція. В: Науковий вісник Національного музею історії України, 2 (Kyiv 2017), 304-328.

Буренко, Відейко 2012: К. Буренко, М. Відейко, Трипілля в течії віків (Київ 2012).

Відейко 2007: М.М. Відейко, Кераміка XVII-XVIII ст. з території с. Трипілля. В: Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 рр. (Київ-Запоріжжя 2007), 14-17.

Відейко, Відейко 2022: М.М. Відейко, М.Ю. Відейко, Знахідки керамічних виробів з території с. Трипілля 2022 року. В: Археологічні дослідження в Україні 2022 року (Київ 2022), 76-78.

Відейко, Слєсарєв, Відейко 2018: М.М. Відейко, Є. С. Слєсарєв, М.М. Відейко, Звіт про археологічні розвідки експедиції НДЛ археології на території Обухівського району Київської області 2018 року [Науково-дослідна експедиція]. https://elibrary.kubg.edu.ua/id/eprint/26114/

Гупало 1996a: В.Д. Гупало, До питання про функціональне призначення гончарних клейм. Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині 6, 1996, 333-238.

Гупало 1996b: В.Д. Гупало, До питання про призначення гончарних клейм. Наукові записки Львівського історичного музею 5(1), 1996, 102-115.

Маняка 2012: О. Маняка, Археологічні матеріали та історична топографія літописного міста Треполя. В кн.: Археологічні дослідження на Київщині (Трипілля 2012), 135-138.

Vestigii ale unui cuptor de olar din orașul Trepol

Cuvinte-cheie: Rus', Nipru, orașul Trepol, cultura Trypillia, cuptor de olar, olărit, meșteșug.

Rezumat: Pe malul Niprului, la patruzeci de kilometri mai jos de Kiev, sunt cunoscute vestigiile orașului Trepol, întemeiat în secolul al XI-lea. După cum arată cartografia descoperirilor de fragmente ceramice, în secolele XI-XIII, orașul a ocupat un platou, versanții acestuia și locurile mai înalte din luncă. Spre est platoul se extinde până la Nipru, iar pe restul laturilor este înconjurat de lunca inundabilă a râului Krasna. Aici, în urma unei alunecări de teren provocate de loviturile rachetelor ruseşti, au fost descoperite vestigiile unui cuptor pentru ars ceramica. Resturile cuptorului sunt reprezentate de partea inferioară a acestuia, în care s-a păstrat suportul camerei de ardere cu diametrul de aproximativ doi metri. Cuptorul a fost coborât într-o groapă cu adâncimea de 1,5 m de la suprafața actuală. Forja a fost construită din carcasă de lemn, unsă cu lut. Printre rămășițele cuptorului, în apropierea acestuia și pe malul Niprului, au fost descoperite aproximativ 200 de fragmente de ceramică de la diferite vase din perioada rusă, precum și două fragmente de amfore bizantine. Pe baza profilelor oalelor, materialele din cuptor pot fi datate în secolele XII-XIII.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Topografia orașului Trepol și locul amplasării cuptorului de olărit: 1 - vedere generală a locului pe care se afla orașul; 2 - plan din 1834, cu indicarea locului descoperirii (1) cuptorului de olărit.

Fig. 2. Trepol, resturile cuptorului de olărit: 1, 2 - vedere dinspre Nipru; 3 - reconstrucția părții inferioare a cuptorului.

Fig. 3. Trepol, ceramică din groapa cuptorului (1-6) și din împrejurimi (7, 8); 6 - fragment de amforă bizantină.

Fig. 4. Trepol, ceramică din groapa cuptorului și profile ale buzelor vaselor.

Fig. 5. Trepol, funduri de vase cu semn în formă de „trident".

Остатки гончарного горна из города Треполь

Ключевые слова: Русь, Днепр, город Треполь, культура Триполье, гончарная печь, гончарное дело, ремесло.

Резюме: В XI веке на берегу Днепра, в сорока километрах ниже Киева, возник город Треполь. Как показало картирование находок фрагментов керамики, в XI-XIII веках город занимал холм, его склоны и возвышенности в долине. Одна сторона холма простирается до Днепра, с другой он окружен поймой реки Красна. Со стороны Днепра берег сильно поврежден оползнями. В статье рассматривается первая гончарная печь, обнаруженная на территории города. Остатки ее обнажил оползень, вызванный российскими ракетными ударами. Это нижняя часть печи, в которой сохранилась опора обжиговой камеры. Диаметр конструкции составляет около двух метров. Горн углублен в яму на 1,5 м от нынешней поверхности. Сооружение состояло из деревянного каркаса и глины. На глине сохранились отпечатки деревянных конструкций. Среди остатков печи и рядом с ней, а также на берегу Днепра обнаружено около 200 фрагментов керамики русского времени. В основном это фрагменты разных горшков. Также были найдены два фрагмента византийских амфор. По профилям горшков материалы из печи можно датировать XII-XIII веками. Новая находка свидетельствует о том, что гончарная мастерская находилась на территории города.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Топография города Треполя и местонахождение гончарной печи: 1 - общий вид холма и долины, где располагался город; 2 - план 1834 года с указанием места обнаружения (1) гончарной печи.

Рис. 2. Треполь, остатки гончарной печи: 1, 2 - вид со стороны Днепра; 3 - реконструкция нижней части печи.

Рис. 3. Треполь, керамика из ямы горна (1-6) и с прилегающей территории (7, 8); 6 - фрагмент византийской амфоры.

Рис. 4. Треполь, керамика из ямы горна и профили венчиков сосудов.

Рис. 5. Треполь, днища сосудов со знаком трезубца.

28.02.2024

Mariia Videiko, Kyiv Metropolitan Borys Grinchenko University, Levka Lukianenka 13b str., Kyiv, Ukraine, https://orcid.org/0000-0001-9786-9738, e-mail: m.videiko@kubg.edu.ua

CRONICA DESCOPERIRILOR MONETARE (XV). NOI DESCOPERIRI MONETARE DE LA ORHEIUL VECHI (I)[1]

Ana Boldureanu, Vitalie Burlacu

Cuvinte-cheie: Orheiul Vechi, descoperiri monetare, Hoarda de Aur, Caffa, Serbia, Regatul Poloniei, Imperiul Otoman.

În ultimii doi ani, patrimoniul Muzeului de Arheologie şi Antropologie din cadrul Rezervaţiei Cultural-Naturale Orheiul Vechi a fost completat cu un număr important de emisiuni monetare. O parte dintre ele au fost descoperite de colaboratorii instituţiei muzeale pe teritoriul sitului arheologic, iar altele reprezintă donaţii oferite de persoane particulare. Conform celor relatate de donatori, monedele provin atât de pe teritoriul complexului muzeal, cât şi din împrejurimile acestuia.

Cu această ocazie, prezentăm un lot alcătuit din 73 de monede, intrat în colecţie în septembrie, anul 2020. Lotul este alcătuit din emisiuni medievale, datate în perioada secolelor XIV-începutul secolului al XIX-lea. Cele mai timpurii monede sunt cele emise sub autoritatea Hoardei de Aur, iar cele mai recente sunt reprezentate de parale otomane din secolul al XVIII-lea.

Catalog[2]

HOARDA DE AUR

Canibek (741-758 AH/1341-1357)
Dirhem
Saray al-cedid, 749 AH
1. AE 0,89 g; 15,1 mm; fragment.

Kutluğboğa
Pul
Şehr al-cedid (1365-1367)
2. AE 2,13 g; 16×17 mm.
3. AE 1,51 g; 16,5 mm. Nicolae 2003, 168-171, fig. I.

Emisiune tataro-genoveză
Aspru
1265-1475
Hagi Gheray (1454-1466)
Caffa, 1466?
4. AR 0,38 g; 14 mm. Lunardi 1980, 90, C40.

MOLDOVA

Alexandru cel Bun (1399/1400-1432)
Suceava
Un groş şi jumătate
Av. +MO ... N ... RI Cap de bour *en face,* cu stea între coarne; roza - dextra, semiluna - senestra; cerc perlat.
Rv. +WDM ... Scut despicat: I - trei fascii, II - şase flori de crin; cap de bour suprapus peste scut; la stânga scutului - litera **n** întoarsă. MBR, 61, cf. nr. 389-408, tip IV.
5. AR 0,50 g; 20 mm[3].

Ştefan cel Mare (1457-1504)
Suceava
Groşi
6. AR 0,53; 14,1 mm (fragment). MBR, 78, tip I.
7. AR 0,44 g; 18 mm (fragment). MBR, 80, tip II.

Ştefan IV (Ştefăniţă) (1517-1527)
8. AR 0,99 g; 18×19 mm. MBR, 86.

SERBIA

Ştefan Uroş IV Duşan (rege 1331-1345; ţar 1331-1355)
Dinar
Av. ... NI ... - REX S ... Coif ornamentat cu pene deasupra; cerc perlat.

[1] Articolul a fost realizat în cadrul subprogramului 180101 „*Patrimoniul istorico-arheologic muzeal: sistematizare şi valorificare ştiinţifico-culturală*”.

[2] Numărul pieselor din catalog coincide cu numărul din ilustraţie.

[3] Mulţumim şi pe această cale colegei noastre dr. Lilia Dergaciova pentru ajutor la identificarea acestei monede.

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

31

32

33

34

35

36

Rv. IC – XC Iisus Christos Pantocrator stând pe tron; cerc perlat.
Jovanovic 2002, 34, cf. nr. 5-6; Димитријевић 2001, 119-129, cf. nr. 111-153; Јовановић 2010, 44-45, cf. nr. 5.1-5.4.
9. AR 0,24 g; 16 mm; tip cu steag[4].

POLONIA

Alexandru I (1501-1506)
Lituania
Polgroş
10. AE 0,86 g; 20,5 mm. Gumowski 1960, 104, nr. 472.

Sigismund III (1587-1632)
Lobżenica
Ternarius, 1626
11. AR 0,43 g; 16,4 mm; sub vultur - stema lui Andrezeja Krotoskiego. Kopicki 2007, 315, nr. 1632.
Coroana
Solidus
1626
12. AR 0,75 g; 18 mm.
13. AR 0,73 g; 18 mm.
14. AR 0,60 g; 17,2 mm.

Imitaţie după un solid al Coroanei de la Sigismund III
15. Bi 1626, 0,40 g; 16,5 mm.

BRANDENBURG – PRUSIA

Georg Wilhelm (1619-1640)
Solidus
1624
16. AR 0,57 g; 15,5×16,5 mm.

SUEDIA

Şilingi
Gustav Adolf (1611-1632)
Riga
1624
17. AR 0,57 g; 15,5×16,5 mm.

Christina (1632-1654)
18. AE 0,53 g; 15,5 mm.

IMPERIUL OTOMAN

Aspri
Bayezid II (886-918 AH/1481-1512)
Novar
19. AR 0,66 g; 10 mm; tip neprecizat.
20. AR 0,58 g; 11 mm; oxidată. Srećković 2000, Ba.

Selim I (918-926 AH/1512-1520)
Bursa
21. AR 0,40 g; 10,5 mm; dublă frapă pe ambele feţe. Srećković 2000, tip. III; Nicolae 1988, 555, grupa III (1518-1520).

Süleyman I (926-966 AH/1520-1566)
Karatova
22. AR 0,41 g; 11,5 mm. Srećković 2003, gr. III, H.
Sidrekıpsı
23. AR 0,30 g; 11,5 mm; tip neprecizat.
24. AR 0,30 g; 11,5 mm. Srećković 2003, gr. III, I.

Mehmed III (1003-1012 AH/1595-1603)
25. AR 0,30 g; 11,0×11,8 mm; perforată. Srećković 2007, tip A.

Para
Mahmud I (1143-1168 AH/1730-1754)
Kostantiniye
26. AR 0,47; 15,9 mm; perforată. Pere 1968, 578.
27. AR 0,46; 15,5 mm; perforată. Pere 1968, 578.
28. AR 0,39; 15,8 mm; perforată. Pere 1968, 578.
29. AR 0,28; 14,1 mm; perforată, ruptă. Pere 1968, 578.
30. AR 0,27 g; 16,5 mm, perforată.

Osman III (1168-1171 AH/1754-1768)
Mısır
31. AR 0,35 g; 15 mm. Pere 1968, 604.

Mustafa III (1171-1187 AH/1768-1774)
Islâmbol
32. AR 0,25 g; 15 mm; perforată. Pere 1968, 639.
33. AR 0,13 g; 14,5 mm; perforată. Pere 1968, 639.
34. AR 0,25 g; 15 mm; perforată. Pere 1968, 639.
35. AR 0,21 g; 13 mm. Pere 1968, nr. 639.
Mısır
36. AR 0,25 g; 15,2 mm; perforată. Pere 1968, 643.
37. AR 0,20 g; 15,2 mm; perforată. Pere 1968, 643.
38. AR 0,13 g; 14 mm; perforată. Pere 1968, 643.
39. AR 0,33 g; 15 mm; perforată. Pere 1968, 643.
40. AR 0,35 g; 15 mm; perforată. Pere 1968, 643.
41. AR 0,19 g; 15 mm; perforată. Pere 1968, 643.

[4] Mulţumim şi pe această calei colegei noastre Lilia Dergaciova pentru identificarea acestei monede.

37

38

39

40

41

42

43

44

45

46

47

48

49

50

51

52

53

55

56

57

58

59

60

61

62

63

64

65

67

68

69

70

71

72

73

Abdülhamid I (1187-1203 AH/1774-1789)
Kostantiniye
42. AR 0,28 g; 15 mm; perforată. Pere 1968, 683.
43. AR 0,24 g; 15 mm; an I, perforată. Pere 1968, 683.
44. AR 0, 35 g; 15 mm; an 8. Pere 1968, 682.
45. AR 0, 35 g; 15 mm; an 14. Pere 1968, 682.
Mısır
46. AR 0,29 g; 15,5 mm. Pere 1968, 683.
47. AR 0,27 g; 15,5 mm. Pere 1968, 683.
48. AR 0,23 g; 15,5 mm. Pere 1968, 683.
49. AR 0,24 g; 15 mm; perforată. Pere 1968, 683.
50. AR 0,21 g; 15,1 mm; perforată. Pere 1968, 683.
51. AR 0,25 g; 15,1 mm; perforată. Pere 1968, 683.
52. AR 0,22 g; 15,5 mm; perforată. Pere 1968, 683.
53. AR 0,27 g; 16,2 mm; perforată. Pere 1968, 683.
54. AR 0,17 g; 16 mm; perforată, ruptă. Pere 1968, 683. Fără ilustraţie.
55. AR 0,25 g; 15,5 mm; perforată. Pere 1968, 683.
56. AR 0,17 g; 15,5 mm; perforată. Pere 1968, 683.
57. AR 0,21 g; 16,1 mm; an 7, perforată. Pere 1968, 683.
58. AR 0,25 g; 15,5 mm; perforată. Pere 1968, 683.
59. AR 0,24 g; 15,5 mm; perforată. Pere 1968, 683.
60. AR 0,16 g; 15,2 mm; perforată. Pere 1968, 683.

Selim III (1203-1222 AH/1789-1807)
Islâmbol
61. AR 0,35 g; 15,2 mm; 1203 AH; an 1. Pere 1968, 713.
62. AR 0,14 g; 14,9 mm; 1203 AH. Pere 1968, 717.
Mısır
63. AR 0,20 g; 15 mm; 1203 AH. Pere 1968, 717.
64. AR 0,16 g; 14,5 mm; 1203 AH. Pere 1968, 717.
65. AR 0,28 g; 13 mm; 1203 AH. Pere 1968, 717.
66. AR 0,13 g; 12,5 mm; an 1. Pere 1968, 713. Fără ilustraţie.
67. AR 0,19 g; 14×15 mm. Pere 1968, 717.
68. AR 0,25 g; 15,4 mm, incusă.

Mahmud II (1223-1255 AH/1808-1839)
Atelier neprecizat
69. AR 0,23 g; 17 mm; batere descentrată.

Emitent neprecizat
Para
70. AR 0,12 g; 12 mm; lipseşte reversul, incusă).

IMITAŢIE

Prototip Selim I
71. AR 0,24 g; 9,5 mm; legendă puternic barbarizată.

Prototip neprecizat
72. AR 0,40 g; 11,5 mm.

HANATUL CRIMEII

Menglı Giray I (880-920 AH/1478-1515)
Aspru
Atelier neprecizat
73. AR 0,48; 10,5 mm.

***

Prima monedă inclusă în Catalog este un fragment de dirhem emis de Canibek Han (1342-1357), la Saray al-cedid în anul hegirei 749 (fig. 1). Emisiunile de argint ale acestui han sunt bine reprezentate în descoperirile de la Costeşti, Orheiul Vechi şi Cetatea Albă, majoritatea dintre ele fiind bătute în atelierul capitalei imperiului. Următoarele două monede sunt emisiuni de cupru locale, bătute sub autoritatea Hoardei de Aur la Şehr al-cedid (Oraşul Nou), datate între 1365/66 şi 1366/67 şi atribuite lui Kutlubuga. Vedem că prima dintre acestea este bătută cu măiestrie, conţinând mai multe ornamente decorative vegetale, mai ales pe avers. Aceasta se explică, după cum a presupus Eugen Nicolae, prin folosirea unor bijutieri la confecţionarea tiparelor monedelor (Nicolae 2003, 168-171). În acelaşi timp, la baterea acestor monede de cupru au fost atraşi meşteri artizani mai puţin calificaţi, ceea ce explică faptul că multe piese de acest fel au fost bătute cu stângăcie, având legende degenerate sau erori. Menţionăm că piesele de cupru, spre deosebire de cele din argint, nu poartă pe ele anul Hegirei. Începutul baterii lor s-ar situa în anul 767 (1365-1366), când este eliminat numele hanului de pe piesele de argint (Nicolae 2003, 174). Activitatea atelierului monetar de la Sehr al-cedid se încheie cu emisiuni de argint purtând anul Hegirei 770 /1368-1369. Se presupune că în a doua jumătate a anului 1369 a avut loc risipirea comunităţilor oriental-islamice, instalate la Orheiul Vechi şi Costeşti.

Emisiunile Hoardei de Aur sunt urmate de un fragment de aspru tătaro-genovez de Caffa, bătut în timpul hanului Haci Giray, probabil, în anul 1466, conform datării lui Lunardi. Aspri din această perioadă au mai fost atestaţi printre descoperirile de la Orheiul Vechi. Astfel, au fost semnalate trei exemplare de la Haci Giray şi două exemplare de la un emitent neprecizat (Абызова, Бырня, Нудельман 1982, 64).

Lotul conţine şi patru emisiuni moldoveneşti. Acestea reprezintă un exemplar de un groş şi jumătate de la Alexandru cel Bun, bătut în cea de-a doua perioadă de emitere a acestui domnitor – 1408/1409-1425/1430 – şi caracterizat de prezenţa pe revers a capului de bour suprapus peste scut (MBR, 61, cf. nr. 389-408, tip IV). Următoarele două monede sunt groşi de la Ştefan cel Mare (1457-1504), unul de tipul I şi altul de tipul al II-lea. După cum se ştie, emisiunile de tip I au pe o faţă un scut despicat, în primul cartier aflându-se o roză surmontată de o cruce, şi trei fascii – în al doilea cartier, având legenda STEFANVS VOIEVODA. Pe cealaltă faţă apare capul de bour cu stea între coarne, însoţit de mobile heraldice şi legendă ce atesta că moneda aparţine principatului: MONETA MOLDAVIE. A doua monedă reprezintă tipul II: pe revers este o cruce patriarhală, pe avers – capul de bour, între coarnele căruia apare o roză, în loc de stea. Aceeaşi roză, în loc de cruce, o observam şi în calitate de *invocatio* la legendele circulare de pe ambele feţe ale monedei (Dergaciova 2015, 176-177). Lotul analizat conţine şi un groş emis în timpul domniei lui Ştefan al IV-lea (Ştefăniţă) (1517-1527), fiind bătută din metal inferior, şi starea de conservare a acesteia este proastă. Pe monedele acestui domnitor, ca şi pe cele ale tatălui sau Bogdan al III-lea, legendele sunt redate în limba slavonă, începând de pe avers şi continuând pe revers: IW STEFANA VOIVODA GOSPO şi DAR ZEMLI MOLDAVSKOI (MBR, 86).

Menţionăm prezenţa printre monedele aflate în discuţie a unui dinar emis de Ştefan Uroş IV Duşan, rege (1331-1345), ulterior ţar (1331-1355) al Serbiei (fig. 9). Exemplare emise în numele acestui emitent au mai fost semnalate ca fiind descoperite pe teritoriul Republicii Moldova, cum ar fi la Costeşti sau în raioanele Cantemir şi Cahul (Boldureanu, Dergaciova, Nicolae 2023, 21-22). Prezenţa lor sugerează existenţa unor relaţii comerciale între centrele din zona Dunării de Jos şi cele de la Nord de Dunăre, acestea ajungând până la Costeşti şi Orheiul Vechi.

Regatul Poloniei este reprezentat de şase exemplare. Cel mai vechi dintre ele este un polgroş lituanian de la Alexandru I Iagello (1501-1506). Descoperirile monetare demonstrează că pătrunderea acestui nominal pe piaţa monetară din Moldova a avut loc după jumătatea secolului al XVI-lea, intensificându-se în ultimul deceniu, în contextul implicării directe a Poloniei în teritoriul de la răsărit de Carpaţi (Butnariu 1998, 157-172). Polgroşii, în special cei lituanieni, au avut o poziţie dominantă, pentru câteva decenii, în circulaţia monetară a Ţării Moldovei. Următoarele piese din lot au fost emise de regele Sigismund al III-lea. Menţionăm printre ele o emisiune mai rar întâlnita în Moldova – un ternar bătut în anul 1626 în atelierul de la Lobżenica. Această monetărie privată a fost deschisă în anul 1612 şi a activat până pe la 1630, bătând emisiuni de denari şi ternari. Producerea acestora a fost atât de intensă, încât a compromis circulaţia altor nominaluri poloneze de bună calitate. Din aceste considerente, Seimul polonez a decis întreruperea activităţii monetare la Lobżenica, menţinând totuşi în circulaţie monedele aflate deja pe piaţa monetară. Lista este continuată de patru exemplare de şilingi, bătuţi la Riga. Aceste monede apar la răsărit de Carpaţi la începutul secolului al XVII-lea, pe fondul creşterii influenţei regatului vecin, cele mai vechi astfel de emisiuni devalorizate (în repetate rânduri) răspândindu-se la Răsărit de Carpaţi la începutul veacului al XVII-lea. Către mijlocul secolului, ele au prevalat în circulaţia monetară din acest areal. Cantităţi impresionante de şilingi, majoritatea originari din atelierele de la Riga, din vremea lui Sigismund al III-lea, au constituit componenta mai multor tezaure descoperite in Moldova, dar si izolat. În strânsă legătură cu spaţiul polonez se află şi emisiunile Regatului Suediei, reprezentate în lotul analizat prin două exemplare. După ocuparea oraşelor Riga şi Elbing, Gustav Adolf a folosit atelierele existente acolo pentru a bate monede mărunte, foarte asemănătoare cu cele poloneze. Cantităţi impresionante de şilingi (emişi în special la Riga) şi de poltoraci (mai ales de la Elbing) au invadat piaţa financiară din Polonia, beneficiind şi de politica monetară deficitară a acesteia. Aici îşi au originea, cel mai probabil, piesele suedeze din această perioadă, descoperite la răsărit de Carpaţi. Revenind la lotul nostru, acesta conţine un şiling de la Gustav Adolf, bătut la Riga şi altul de la Christina, căruia nu i-am determinat atelierul. Lista emisiunilor europene se încheie cu un şiling de Prusia, emis la 1624 de Georg Wilhelm (1619-1640).

Cele mai multe monede din lotul analizat aparţin Imperiului Otoman (42 ex.). Trei dintre acestea sunt aspri emişi în numele sultanilor Selim

I (1512-1529) şi Süleyman I (1520-1566). Asprul de la Selim I reprezintă grupa a III-a de astfel de emisiuni, datate la sfârşitul domniei (1517-1520), provenit din atelierul monetar de la Bursa. Cele de la Süleyman I sunt şi ele din ultima parte de domnie a acestuia, bătute la Karatova şi Sidrekipsi, fiind datate intre 1555-1566. Cel mai recent aspru a fost bătut de Mehmed al III-lea, dar pentru care nu a fost posibilă identificarea atelierului, toate fiind perforate în acelaşi mod, ceea ce permite presupunerea că provin din aceeaşi salbă. Acest nominal s-a impus definitiv pe piaţa Ţărilor Române după reforma monetară din Imperiul Otoman din anul 1687, atunci când valorile noilor emisiuni introduse în sistemul monetar otoman erau stabilite în parale. Paralele au fost bătute în mari cantităţi atât la Constantinopol, cât şi la Cairo (Vîlcu 2009, 210, 240). Descoperirile monetare demonstrează o prezenţă semnificativă a acestei monede şi pe piaţa Ţărilor Române. Spre deosebire de Ţara Românească, unde a fost descoperit un mare număr de tezaure conţinând parale, în Moldova paraua a fost rareori tezaurizată, fiind preferate pentru depozitare piesele mari din aur şi argint (Vîlcu, Boldureanu 2015, 268). În schimb, descoperirile izolate demonstrează o prezenţă semnificativă a paralelor pe piaţa Principatului la nivelul monedelor mărunte, confirmată şi de paralele găsite la Orheiul Vechi. Cele mai timpurii parale din lotul analizat sunt emise de sultanul Mahmud I la Konstantiniye (5 ex.). Menţionăm prezenţa unui exemplar mai rar printre descoperirile din Moldova, atribuit sultanului Osman al III-lea, provenit din Mısır/Cairo. Acesta este urmat de zece parale emise sub Mustafa al III-lea, 4 ex. bătute la Islâmbol şi 6 ex. - la Mısır. Cel mai numeros eşantion, alcătuit din 19 exemplare, aparţine paralelor bătute în timpul sultanului Abdülhamid I, dintre care patru au fost emise la Kostantiniye şi 15 - la Mısır (cat. nr. 42-60). Atelierul capitalei şi cel egiptean au bătut în acea perioadă o cantitate impresionantă de parale, fapt demonstrat şi de numeroasele descoperiri din Ţara Românească şi Moldova. Către sfârşitul secolului al XVIII-lea, Imperiul Otoman s-a ciocnit de o puternică criză financiară, ca urmare a războiului din anii 1787-1792, provocând deprecierea monedelor de aur şi de argint. Acest lucru este confirmat şi de cele opt monede de la Selim III din lotul aflat în discuţie, care au greutăţi cu mult mai reduse faţă de cele din domniile anterioare (2 ex. de la Islâmbol şi 6 ex. de la Mısır).

Ponderea paralei în circulaţia monetară din Moldova, în aceasta perioadă, este dificil de stabilit în acest moment, însă este de presupus ca, cel puţin, în rândul monedelor mărunte, destinate tranzacţiilor cotidiene, acest nominal a ocupat un loc important, aşa cum reiese din analiza pieselor descoperite şi în necropolele din Moldova.

Menţionăm prezenţa în lot şi a două imitaţii după monedele otomane, una reprezentând asprii de la Selim I şi un alt exemplar pentru care nu a fost stabilit prototipul. Lotul se încheie cu un aspru al Hanatului Crimeii, emis de hanul Menglı Giray.

Lotul de monede analizat cu această ocazie reflectă structura numeralului pe piaţa Moldovei în perioada secolelor XIV-XVIII, componenţă determinată şi de situaţia economică şi politică din regiune.

Bibliografie

Butnariu 1998: V.M. Butnariu, Moldova între „spaţii monetare” şi „raţiuni de stat”. Anii 1574-1612. SCN XII, 1997 (1998), 157-172.

Dergaciova 2015: L. Dergaciova, Monedele moldoveneşti. In: (Coord. A. Boldureanu, E. Nicolae) Moneda în Republica Moldova (Chişinău 2015), 176-181.

Gumowski 1960: M. Gumowski, Handbuch der polnischen Numismatik (Graz 1960).

Jovanovic 2002: M. Jovanovic, Serbian medieval coins (Belgrade 2002).

Jovanovic 2010: С. Јовановић, Српски средњовековни новац (Београд 2010).

Kopicki 2007: E. Kopicki, Monety Zygmunta III Wazy (Szczecin 2007).

Lunardi 1980: G. Lunardi, Le monete delle colonie Genovesi, Società ligure di storia patria (Genova 1980).

MBR: O. Buzdugan, G. Luchian, C. Oprescu, Monede şi bancnote româneşti (Bucureşti 1979).

Nicolae 1988: E. Nicolae, Recenzie la Slobodan Srećković, Osmanlijski novac kovan na tlu Jugoslavije, Beograd, 1987, 206 p. AIIA Iaşi XXV/2, 1988, 554-557.

Nicolae 2003: E. Nicolae, Monedele de cupru bătute în Oraşul Nou (Şehr al-cedid). In: Simpozion de numismatică dedicat împlinirii a 125 de ani de la proclamarea independenţei României. Chişinău, 24-26 septembrie 2002 (Bucureşti 2003), 167-179.

Pere 1968: N. Pere, Osmanlılarda madenî paralar. Yapı ve Kredi Bankasının Osmanlı madenî paraları koleksiyonu, Doğan Kardes Matbaacılık (Istanbul 1968).

Srećković 2000: S. Srećković, Akches (volume two). Mehmed II Fathih - Selim I Yavuz 848-926 AH (Beograd 2000).

Srećković 2003: S. Srećković, Akches (volume three). Süleyman I Kanunî 926-974 AH (Beograd 2003).

Srećković 2007: S. Srećković, Akches (volume five). Mehmed III-Mustafa I 1003-1032 AH (Beograd 2007).

Vîlcu 2009: A. Vîlcu, Moneda otomană în Ţările Române în perioada 1687-1807 (Brăila 2009).

Vîlcu, Boldureanu 2015: A. Vîlcu, A. Boldureanu, Epoca modernă. Perioada fanariotă: 1711-1812. Regimul fanariot. In: (Coord. A. Boldureanu, E. Nicolae) Moneda în Republica Moldova (Chişinău 2015), 261-276.

Абызова, Быpня, Нудельман 1982: Е. Абызова, П. Быpня, А. Нудельман, Древности Старого Орхея. Молавский период (Кишинев 1982).

Димитријевић 2001: С. Димитријевић, Каталог збирке српског средњовековног новца (Београд 2001).

Chronicle of coin finds (XV). New coin finds in Old Orhei (I)

Keywords: Old Orhei, coin finds, Golden Horde, Caffa, Serbia, Kingdom of Poland, Ottoman Empire.

Abstract: The authors introduce into scientific circulation a batch of 73 coins discovered in 2020 on the territory of the Old Orhei Natural and Cultural Reserve.

The batch consists of medieval coins dated between the 14th century and the beginning of the 19th century. The earliest of them were issued in the Golden Horde. These are a fragment of a dirham issued by Janibek Khan (1342-1357) in Sarai al-Jedid in 749 AH, and two locally minted copper coins issued during the Golden Horde period in Shehr al-Jedid. The Golden Horde coins are followed by a fragment of a Tatar-Genoese akçe from Caffa, minted during the time of Khan Haji Giray, probably in 1466. There is also a Serbian dinar of Stefan Uroš IV Dušan, king (1331-1345) and later tsar (1331-1355). The four Moldavian issues are represented by the one-and-a-half-groschen coin of Alexander the Good, two groschen of Stefan the Great (1457-1504), types I and II respectively, and a groschen issued during the reign of Stefan IV (Ştefăniţă) (1517-1527). The Kingdom of Poland is represented by six specimens, including the half-groschen of Alexander I Jagiellon (1501-1506), a ternar minted in 1626 in the Łobřenica mint during the reign of Sigismund III, shillings minted in Riga, and a Prussian shilling issued in 1624 by George Wilhelm (1619-1640). Most of the coins in the examined batch belong to the Ottoman Empire (54 pieces). Four of them were issued during the reigns of Sultans Selim I (1512-1529), Süleyman I (1520-1566) and Mehmed III. The largest group consists of coins minted during the reign of Sultans Mahmud I (1143-1168 AH/1730-1754), Osman III (1168-1171 AH/1754-1768), Mustafa III (1171-1187 AH/1768-1774), Abdülhamid I (1187-1203 AH/1774-1789), Selim III (1203-1222/1789-1807) and Mahmud II (1223-1255 AH/1808-1839). The batch ends with an akçe of the Crimean Khanate, issued by Khan Mengli Giray.

Хроника монетных находок (XV). Новые монетные находки в Старом Орхее (I)

Ключевые слова: Старый Орхей, монетные находки, Золотая Орда, Кафа, Сербия, Царство Польское, Османская империя.

Резюме: Авторы вводят в научный оборот партию из 73 монет, обнаруженных в 2020 году на территории Природно-культурного заповедника «Старый Орхей».

Партия состоит из средневековых монет, относящихся к периоду XIV - начала XIX века. Самые ранние из них были выпущены во времена Золотой Орды. Это фрагмент дирхема, выпущенного ханом Джанибеком (1342-1357) в Сарай аль-Джедид в 749 году хиджры, и две медные монеты местного выпуска, отчеканенные в золотоордынский период в Шехр аль-Джедид. За монетами Золотой Орды следует фрагмент татаро-генуэзского аспра из Кафы, отчеканенного во времена хана Хаджи-Гирея, вероятно, в 1466 году. Имеется также сербский динар Стефана Уроша IV Душана, короля (1331-1345 гг.), а позднее царя (1331-1355). Четыре молдавских выпуска представлены полуторагрошовой монетой Александра Доброго, двумя грошами Стефана Великого (1457-1504), I и II типа соответственно, и грошом, выпущенным во время правления Стефана

IV (Штефаницы) (1517-1527). Королевство Польское представлено шестью экземплярами, в том числе полугрошем Александра I Ягеллона (1501-1506), тернаром, отчеканенным в 1626 году в Лобженицкой мастерской в правление Сигизмунда III, шиллингами, отчеканенными в Риге, а также прусским шиллингом, выпущенным в 1624 году Георгом Вильгельмом (1619-1640). Большинство монет исследованной партии относятся к Османской империи (54 экземпляра). Четыре из них выпущены в правление султанов Селима I (1512-1529), Сулеймана I (1520-1566) и Мехмеда III. Самый большую группу составляют монеты, отчеканенные в период правления султанов Махмуда I (1143-1168 АН/1730-1754), Османа III (1168-1171 АН/1754-1768), Мустафы III (1171-1187 АН/1768-1774), Абдул-Хамида I (1187-1203 АН / 1774-1789), Селима III (1203-1222 АН / 1789-1807) и Махмуда II (1223-1255 АН / 1808-1839). Партию завершает аспр Крымского ханства, выпущенный ханом Менгли-Гиреем.

11.10.2024

Dr. Ana Boldureanu, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August, 121-A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0002-3686-1393, e-mail: anaboldureanu@yahoo.com

Vitalie Burlacu, Rezervaţia Cultural-Naturală Orheiul Vechi, https://orcid.org/0000-0003-0086-6675 e-mail: burlacu.vitale@gmail.com

RESEARCH OF OLBIA AND ITS SURROUNDINGS BY COUNT ALEXEY SERGEYEVICH UVAROV

Alexander Kuzmishchev, Igor Sapozhnykov

"*From the Bug estuary to the Danube,*
all along the shores of the Black Sea,
there are traces of Greek settlements.
Apart from the occasional finds,
or individual attempts to find anything
remarkable there's been no
systematic exploration, no regular research has
been undertaken in this whole area.
The archaeology of these promises us much,
but it's still a mystery.
Not with a book, not with an ancient writer
in hand, we must study these lands,
these countries, but by digging up sites that
have already been identified,
we will confirm or deny our assumptions".
(Уваров 1856, 139).

Keywords: history of archeology, Olbia, A.S. Uvarov, excavations of the XIX century, burial mounds.

The history of archaeological research is becoming more and more often the subject of scientific publications. This is reasonable and natural, because with the growth of academic knowledge, as well as increasingly wide access to written and cartographic sources, including via the Internet, it has become possible to revise the materials of previous studies at a new historiographical level. This is especially demanded and relevant to the excavations of the last third of the XVIII-XIX centuries, because since that time our knowledge has grown unimaginably. On the other hand, the practice of such studies has shown that not all the remaining sources of that period have been introduced into the scientific turnover, or are little known.

The excavations of ancient Olbia and its surroundings are not an exception, despite the fact that researchers have repeatedly addressed this problematic. Among such works of the last two-three decades, devoted to the history of excavations of this ancient city during the mentioned period, the most comprehensive and informative are the works of I.V. Tunkina (Тункина 1994, 7-18; Тункина 2001, 35-50; Тункина 2002), I.V. Sapozhnykov (Сапожников 2001-2002, 452-461; Сапожников 2021, 354-369), V.A. Papanova (Папанова 2006), Y.A. Vinogradov and A.E. Musin (Виноградов, Мусин 2019, 654-742), etc., and others.

Perhaps one of the most important figures for Eastern European archaeology in the mid-19th century was Count Alexei Sergeevich Uvarov (1824-1884). It is interesting that on his mother's side he was the great-grandson of the last hetman of the Cossack Hetmanate ("Hetmanshchina") Kirill Razumovsky (1728-1803).

The very versatile scientific biography of A.S. Uvarov has been considered by both archaeologists and historians, among the main ones it is enough to note the works of D.N. Anuchin (Анучин 1886, 3-20), G.S. Lebedev (Лебедев 1992, 94-101), A.A. Formozov (Формозов 1993, 228-245), A.I. Frolov (Фролов 2003), L.S. Klein (Клейн 2014, 297-326). At the same time, more attention was focused on the scientist's activity as an administrator and organizer of science, in particular, as one of the founders of the Moscow Archaeological Society.

As for his field research, outside Ukraine and the Republic of Moldova the most famous are the excavations of burial mounds in Vladimir province, which were carried out in 1851-1852 with an unprecedented scale. On the count of A.S. Uvarov 3075 uncovered burial mounds for 2 years. If we calculate with the continuation of the work carried out by P.S. Savelyev, then in 1851-1854, 7,622 complexes! (Лапшин 1991, 9). This, naturally, had a negative impact on the quality of research. During A.S. Uvarov's lifetime these excavations were, of course, exalted, after his death, especially in Stalin's times – on the contrary, they were criticized as much as possible. Now the atti-

tude to them is more or less objective (Формозов 1993, 228-229). Although not everything was recorded during the works, field diaries were kept (Лапшин 1991, 8-9), and the level of the works, in our opinion, was quite commensurate with the general technology of excavations carried out in the Russian Empire in the mid-19th century.

If the literature publications of previous excavations and their results are rather extensive, the descriptions of the area and excavations of A.S. Uvarov in Olbia, on the contrary, have a very limited historiography. For many years they were basically covered only in one publication by I.V. Tunkina (Тункина 1996, 163-181).

Most of the Uvarov family archive, including the papers of A.S. Uvarov, is kept in the Department of Written Sources of the State Historical Museum in Moscow (further DWS SHM), Fund 17. The archive was given to the museum by his widow P.S. Uvarova, one part in 1914, the other in 1917 (Стрижова 1998, 85). Some materials are in the Manuscript Department of the Scientific Archive of the Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (further IHMC RAS), including three letters of A.S. Uvarov in French, written during his archaeological journey to the south: from Odessa dated July 26, 1848, and Sevastopol dated September 13, 1848[1] (Тункина 2002, 249). Another part of A.S. Uvarov's written archive is in the State Archive of the Vladimir region of the Russian Federation. This fund contains 1462 cases and is considered the largest personal fund of this archive. In particular, there are epistolary materials, for example, letters of A.S. and P.S. Uvarov's children to their parents. At the same time, researchers have not yet worked with this collection (Дарьина 2019, 89).

But back to the collection of the Department of Written Sources of the State Historical Museum. The materials of A.S. Uvarov's expeditions for 1848 and 1853 are stored in the section "Scientific Activity of A.S. Uvarov" (Стрижова 1998, 88). The journey of 1848 is reflected in the documents "Travel notes of 1848. Southern provinces of Russia" in French[2]. Regarding the activities of A.S. Uvarov in Olbia in 1853 is important his report to the Minister of estates L.A. Perovsky (uncle of A.S. Uvarov) from 13.09.1853 "On excavations in Olbia and Simferopol, with a list of findings, descriptions of the destruction caused to ancient monuments"[3] (Стрижова 1998, 89).

The original version of the report on the excavations "On archaeological research in the Tauride province"[4] was written by a clerk, with edits by A.S. Uvarov, it was accompanied by images of the found things. In a modified version, this text was printed in the "All-Report on Archaeological Investigations in 1853"[5] (Стрижова 1998, 90).

There is also kept the "Report on archaeological research in 1853" by L.A. Perovsky to Emperor Nicholas I. It is a luxurious manuscript folio in a leather binding with gold embossing, where on the title page by the hand of L.A. Perovsky is written: "Reported to His Imperial Majesty on 15/IV/-1854". The report contains a list of names of the officials of the Ministry of the Estates who supervised the work of archaeologists, a list of the regions of the Russian Empire where the excavations were carried out, information about the finds, and drawings of them[6] (Стрижова 1998, 90). In 1855 this manuscript was partially published under the title: "Extracts from the All-Report on Archaeological Investigations in 1853" (Перовский 1855). Unfortunately, the publication lacks a description of the excavations in Olbia, although there is brief information about A.S. Uvarov's work on the ruins of Scythian Naples (Перовский 1855, 132-134) and more detailed information about the studies of Chersonesos Taurica (Перовский 1855, 135-173).

Without going into the details of the biography of A.S. Uvarov, we note that since his youth, probably under the influence of his father, he was interested in classical antiquities, then he also began collecting coins. In 1845 the young count graduated from the Faculty of History and Philology of St. Petersburg University (Тункина 1996, 164). As a coin collector, he joined the circle of St. Petersburg antique numismatists who gathered on Saturdays in the apartment of Yakov Yakovlevich Reichel (1780-1856), a medal artist and numismatist collector. Soon the idea to establish the St. Petersburg Archaeological and Numismatic Society arose, for which the political and especially

[1] RA IHMC, F. Z, op. 1, v. 30, fol. 13-16, 18-25.
[2] DWS SHM, F. 17, op. 1, ed. 191-193.
[3] DWS SHM, F. 17, op. 1, ed. 193.
[4] Actually, the ruins of Olbia were part of Kherson province (authors' note).
[5] DWS SHM, F. 17, op. 1, ed. 201.
[6] DWS SHM, F. 17, op. 1, ed. 203.

Fig. 1. Founders of the St. Petersburg Archaeological and Numismatic Society.
In the top row (left to right) Ivan Alekseevich Bartolomei (1813-1870), Boris Vasilyevich (Berngard Karl) Koehne (1817-1886), Alexei Sergeevich Uvarov (1824-1884) Sitting (left to right) Yakov Yakovlevich Reichel (1780-1856), Mirza Jafar Topchibashev (1790-1869). Copy from a daguerreotype of 1848 (after: Уваров 1887).

family connections of the young Count Uvarov were just right (Тункина 2002, 246). On June 17, 1846 the society was officially approved. Although A.S. Uvarov was not the initiator of its creation, he turned out to be a very active member (fig. 1). From its very foundation, the Archaeological and Numismatic Society (further down in the article ANS) was a closed elite aristocratic association, whose members were collectors-numismatists, dignitary antiquities lovers, some scientists of the St. Petersburg Academy of Sciences, employees of the Hermitage and the Public Library. They were mostly foreigners (more often Germans) in government service at the imperial court (Тункина 2002, 247).

At the end of 1847, at a meeting of the ANS, the question was raised: "how to supplement the information about the ancient sites preserved on the shores of the Black Sea and still so little explored?" (Тункина 1996, 165; Тункина 2002, 248). A commission was formed, which created a list of "archaeologically noteworthy" sites. It was decided to send a member of the society on such a scientific trip-expedition.

Since the ANS had no money for such an expedition, the unburdened 22-year-old A.S. Uvarov decided to make it at his own expense and informed the chairman of the society, Duke Maximilian of Leuchterberg (Тункина 2002, 248-249). On April 19, 1848 the Minister of Public Education, Alexei Sergeevich's father, S.S. Uvarov, notified the chairman that the permission of Nicholas I for an archaeological expedition with the right to excavate in the Northern Black Sea region had been received (Тункина 2002, 249). On May 4, 1848, A.S. Uvarov was given an 11-point instruction specifying the goals of the scientific expedition, according to which he was to make archaeological and topographical plans of the ruins of ancient cities and settlements (Тункина 2002, 249).

Together with A.S. Uvarov, the artist (in the future architect) Moritz Bogdanovich Webel (1821-1875) went on a trip. Among other sites they visited the ruins of Olbia. After A.S. Uvarov returned from the first trip to St. Petersburg on November 9, 1848, he decided to publish the collected materials in the form of a book and "a collection of maps

and drawings" to them, which required at least 5-6 thousand rubles. At the meeting of the St. Petersburg ANS on December 13, 1848, he proposed to publish this work at his own expense, which he eventually did, although not in full (Уваров 851; Уваров 1853; Уваров 1856; Uvarov 1855).

Based on the results of the trip in 1848, A.S. Uvarov prepared a two-volume monograph "Studies on the Antiquities of Southern Russia and the Black Sea Coast"; the third volume remained unpublished, as did the second part of the "Collection of Maps and Drawings..." (Тункина 2002, 249-250), but manuscripts of its chapters are also represented in the State Historical Museum (further GIM) archive[7] (Стрижова 1998, 90). Actually, the first volume of this work, as well as the plans of Olbia from the "Collection of Maps and Drawings" (Уваров 1853) are the main sources of this article.

Let us now turn to first visit to Olbia A.S. Uvarov in 1848. This trip was described in the most detail by the traveler himself in the first volume of the above mentioned work (Уваров 1851, 31-71), and since it was signed for printing by the censorship committee on January 12, 1851, it is clear that A.S. Uvarov's excavations in Olbia in 1853 could not yet be published in it.

Arriving in the village of Parutino, A.S. Uvarov stayed at the house of K.D. Stankevich, the chief estate manager of Count Kushelev-Bezborodko (Уваров 1951, 35; Сапожников 2021, 355). The young count was assisted in the inspection of the ruins by M. V. Rozen, an inquisitive young man living with the manager (Уваров 1851, 35). Here is how Alexander Sergeyevich described the beginning of the study of the ruins of Olbia: "*At the end of the last [18th] century the administrator of the village of Ilyinskoye* [current name – Parutino] *accidentally dug out an urn filled with coins. Then, gradually discovered inscriptions even more positively indicated the place where Olbia flourished, so that now there is no doubt about it*" (Уваров 1851, 36). Further A. S. Uvarov gives a description of the ruins of Olbia and its necropolis:

"*Olbia. This city lies two versts from Ilyinskoye* [2.13 km]. *The area on which it was built is covered with burial mounds; quadrangular ditches and pits overgrown with grass can be seen somewhere. These are all traces of its ancient existence. The stones and buildings that were found on the very surface of the ground have been dismantled. Almost all the surrounding villages and most of Ochakov are built of these stones and slabs. In the walls of peasant houses there are often pieces of colorful and expensive marbles, testifying to the beauty and splendor of ancient Olbia. <...> In addition to the burial mounds, the monotony of the steppe is broken by still quite significant elevations that make up an oblong semicircle, adjacent to the east to the bank of the estuary. In the middle of it lay the acropolis and the main square of Olbia.*

Acropolis and City Walls. Olbia acropolis was built on a steep rock, forming a cape; from the east washed by the Bug, from the north the acropolis adjoins the public square, and from the south and west to the ravine, separating it from the nearby hills. The acropolis had the form of a triangle and was walled on all sides, except for the eastern one. On the side of the estuary steep rock served him the best fortification. It had 560 sazhens in circumference [in perimeter, 1195 m]*; and traces of its walls are still visible"* (Уваров 1851, 36).

People's Square. The main square adjoins the acropolis itself <...>. This semi-oval square, extending along the very shore, is surrounded on three sides by hills. At 300 sazhens long [640 m]*, it has 50 sazhens wide* [106.6 m]. *The waves, unhindered now by the erosion of the shore, collapse it and gradually narrow the area <...>. In ancient times the area extended at least ten sazhens further into the estuary. The Olbians, wishing to prevent the collapse of the bank, and intending to make here a convenient wharf, strengthened the bank with a stone construction, traces of which have survived to us. Near the southern end of the square, adjacent to the acropolis, ten sazhens from the shore* [21.3 m]*, stretched a wharf 100 sazhens long* [213.36 m]*, a wharf made of large quadrangular slabs of rather hard limestone, connected with each other by iron brackets soldered with lead. These slabs are now covered with water and are only visible in a strong westerly wind. Since the stone embankment now starts at a distance of ten sazhens from the shore, it is undoubtedly proved that the people's square extended further into the estuary. In ancient times a stone staircase descended from the high shore (20 feet high)* [6.1 м] *and formed a convenient pier.*

[7] GIM OPI, F. 17, op. 1, ed. 194-197.

Fig. 2. M.B. Webel, "The southern part of the people's square in Olbia" (1848) (from: DWS SHM, https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6236376).

Along the square, on the shore, you can still see the ditches where the water pipes used to run <...> and recently they were covered with red thin tiles; each tile was almost an arshin long [71 cm]. The whole soil of the ground is filled with shards, fragments, sometimes coins. Below the square, on the shore of the estuary itself, sometimes a part of an amphora, sometimes a fragment of a vase are exposed from the ground: heavy rains wash out so many things in Olbia that after them peasants make searches on the surface of the ground, on the slopes of the square or other hills, and often find many remarkable antiquities. <...> The villagers, with a strong west wind, driving the water to the opposite side, find coins on the west bank; for this purpose they take sand from the bottom of the estuary with a sieve and, having filtered it, often find coins in large quantities. At first the finds were very numerous, but now they have diminished, though to a traveler who has not seen what was found before, this difference is imperceptible. For example, the peasants brought me (having searched only one day) more than a hundred copper coins, including two silver ones, many amphora ears [handles]*, vessels and other small things"* (Уваров 1851, 40).

Thanks to this description it becomes clear that A. S. Uvarov calls the "acropolis" the upper city of Olbia, and the "main square" (sometimes "people's square") – the lower city. This is confirmed by M.B. Webel's watercolors signed in Russian and French "The southern part of the people's square in Olbia" (fig. 2)[8] and "The northern part of the people's square" (fig. 3)[9], as well as by A.S. Uvarov's words: "*Figure IX* [(fig. 2)] *shows the southern part of the people's square with a cliff on which the acropolis rose*" (Уваров 1851, 36).

It is interesting that the drawing "The northern part of the people's square" shows the "Zeus Mound", which shows a fresh trench (fig. 3). A. S. Uvarov wrote about it: "*The drawing <...> shows the northern part of the people's square. The entire horizon of the square is bounded by uplands. Almost in the very middle of the square one can see a mound. In the drawing it is shown on the left side of the viewer, showing even how the excavators cut it into two parts. On this mound stood the temple of Zeus*" (Uvarov 1851, 59). Actually, with the count's easy hand it began to be called "Zeus". Thus, it is recorded that the

[8] GIM 105190/236.
[9] GIM 105190/237.

Fig. 3. M.B. Webel, "Northern part of the people's square in Olbia" (1848). On the rear plane - "Zeus" mound, cut by a trench (from: DWS SHM, https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6236387).

excavation of this mound had already been undertaken shortly before 1848.

These watercolors were transferred to engravings published in the "Collection of maps and drawings..." (Уваров 1853, таб. IX, X), by the French lithographer and printer Victor Darling (V. D'Harlingue), one of the top-class European masters working in St. Petersburg[10].

Two plans of Olbia were published in the "Collection of maps and drawings to the Studies on the Antiquities of Southern Russia and the Black Sea Coast", they are numbered as Table VIII-A (fig. 4) and VIII-B (fig. 8).

Table VIII-A. Plan of Olbia and its surroundings, including the necropolis with the distant mounds. A.S. Uvarov believed that the size of Olbia was much larger than it really was, and these mounds appeared to him as foundations of towers, between which he outlined a conventional line of walls (are marked in red line by the authors of this article in fig. 4). Here is how the author himself described it: "*It is easy to distinguish the mounds that served as foundations of towers (b, c, d, e, f) from the burial mounds* (fig. 4). *Their flat surface forms a rather extensive circular area. Their soil is mixed with fragments of building stone and with shards of clay vessels. In addition to the above features, mound f, known under the name of Voloshanskaya grave, serves us as a clear proof of this. After its excavation, we found in it, in addition to stone fragments, two well-preserved slabs, probably serving as the base of a tower. Many people still remember how these mounds were covered with huge stones, without any inscriptions or decorations; no graves were ever opened in them. It is seen that the mound served as the base of the tower; its steep sides, covered with smooth slabs, did not allow a direct attack. All the towers were round*" (Уваров 1851, 37-38). From this information it is clear that these burial mounds were surrounded by stone crepits, and also that at the time of writing these lines A.S. Uvarov did not know about the discovery of crypts in them.

[10] In the 1840s-1860s, V. Darleng had his own workshop in St. Petersburg. He created lithographs at a very high level, accordingly they were expensive, which once again confirms that A.S. Uvarov was not stingy with his money. Ironically, during the Crimean War the company of the frenchman V. Darleng was renamed into the Lithography of the Editorial Board of the Russian Military Chronicle. Its owner cooperated with the War Department and specialized in artistic chronicles from the battlefields of the war.

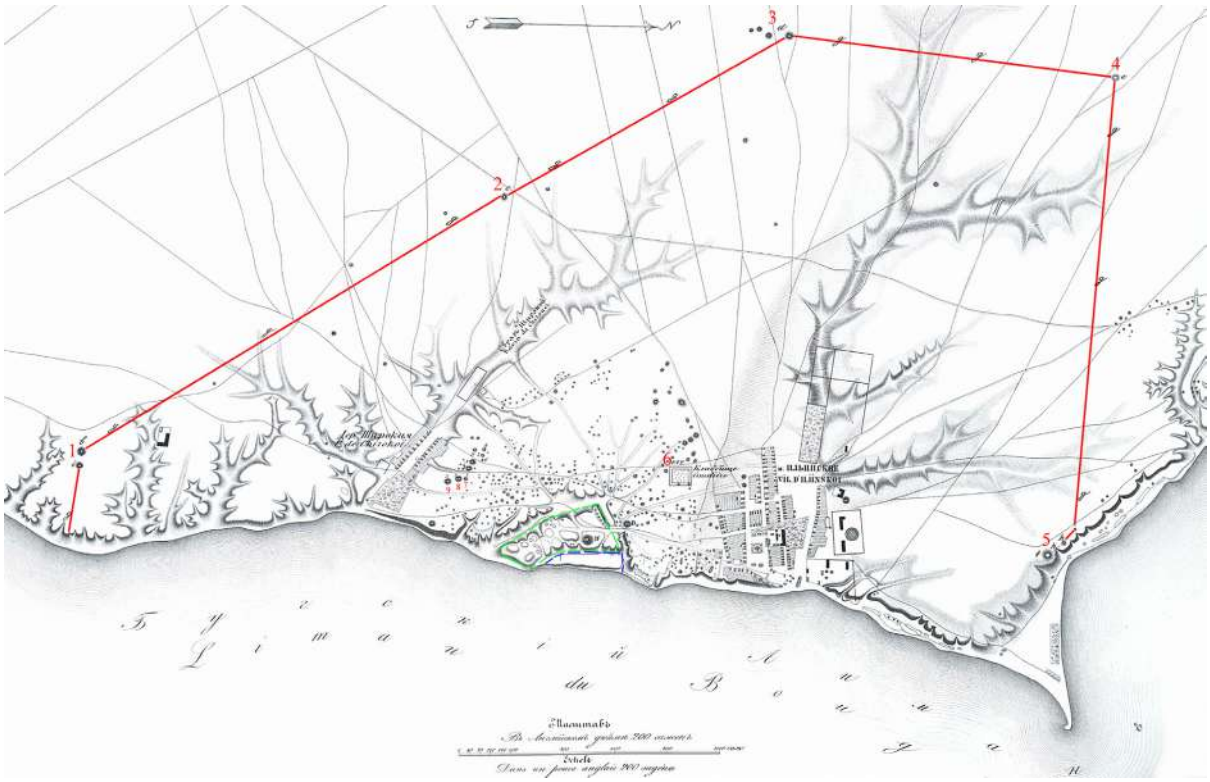


Fig. 4. Fragment of the "Plan of the city of Olbia" (after: Уваров 1853, таб. VIII-A).

Some idea about the naming of these mounds according to plan VIII-A is given by the legend to 22 objects of another, unknown to us, plan of Olbia, taken after 1848 (Тункина 2002, 450). There it was recorded: "*a. Acropolis; b. People's square; c. The wharf under the water; d. e. The mounds by Blaramberg: D, D; f. A mound in which 2 skeletons were found, excavated in 1832; g. A mound in which a gold mask and other things were found; h. Mound, excavated in 1844, No. 1 in your edition; i. Barrow, dug up by Murzakevich, in it tombs and nothing was found, but, it seems, not mentioned by you; k. Mound, dug up, measured tomb, you have the 2nd; l. Barrow, excavated, the tomb is not measured, you have the 3rd; m. Mound "Zakyusovskaya grave", you have b; n. Mound "Fat Grave", you have c; mounds "Four Graves", you have d; p. Mound "Sofronova's Grave", you have e; q. The mound "Voloshanskaya grave", you have f; r. Signs of the foundation of the former wall, you have s.; s. Chertov ravine; t. Ilyinsk village; u. Village cemetery; w. Village of Olvio; x. The alleged wall that enclosed Olviopol*" (Тункина 2002, 450).

Thanks to this description we localized on the plan (fig. 4) "Zakyusovskaya grave" (fig. 4/1); "Fat grave" (fig. 4/2); "Four graves" (fig. 4/3); "Sofronova grave" (fig. 4/4) and "Voloshanskaya grave" (fig. 4/5). The latter was described by A.S. Uvarov in the following lines: it *"...towered above all others <...>, Voloshanskaya grave is higher than all other mounds and visible from all sides. Sailors on the estuary direct their vessels along it"* (Уваров 1851, 39).

An important role for the localization of the burial mounds has a map (more precisely, a handwritten sheet-brulion XV-11), taken from July 5 to September 25, 1851 by surveyors of the 2nd class, non-commissioned officers Komornikov and Gaivarovsky during the "Military survey of Kherson province in 1850-1853" It already marked "Fat Grave", "Four Graves", "Sofronova Grave" and "Voloshanskaya Grave" (fig. 5). The fragment of the brulion was first published by the authors, who noticed that it could have been used by A. S. Uvarov to create the plan on Table VIII-A (Сапожников, Кузьміщев 2022, 55, рис. 12).

It is also important to describe where in the territory of the ancient settlement of Olbia most of the epigraphic monuments were found at that time: "*In Figure IX* [(fig. 2)]*, the irregular surface of the acropolis can be seen. Most of the inscrip-*

Fig. 5. The Olbia area on a fragment of the map "Military survey of Kherson province, made from 1850 to 1853" (sheet XVI-11. "Surveyed and drawn by a surveyor of the 2nd class, non-commissioned officer Komornikov from September 25 to October 14, 1851").

tions were found here on site "B" [(fig. 10)], *which shows more quadrangular pits. Here were probably the foundations of the temple of Apollo. In this chaos of pits and ditches it is not possible to find traces of buildings; each of those who dug in the ruins of Olbia acted at his own will and destroyed in this way the real traces of ancient dwellings*" (Уваров 1851, 40). Thus, we are talking about the northwestern part of the Roman citadel of Olbia. Probably, these fragments were in secondary use.

The description by A.S. Uvarov of the Olbian burial mounds excavated before him is also of great scientific interest, as there is very little other information about them. In total, the count gives descriptions of 5 mounds, which in this article are labeled by the year of excavation, for ease of use of information:

1. 1832. "*In 1832 a burial mound was dug near the village of Ilyinsky itself. The stone tomb in it is well preserved; it is 6 arshin and 4 vershkas long* [4.44 m], *1 arshin 15 vershkas wide* [1.38 m] *and 2 arshin and 14 vershkas high* [2.04 m]. *The villagers say that two human remains and several small things were found in it*" (Уваров 1851, 42).

2. 1842 (fig. 4/6). "*In 1842, a burial mound was dug half a turn from Ilyinskoe, on the left side of the road leading to the village of Adzhigol,*

Fig. 6. Gold items from a burial mound excavated in 1842 (after: Уваров 1853, таб. XIV; Соломоник 1959, 131).

212 paces from the western corner of the cemetery. In it they found a stone tomb now completely covered with earth. Judging by its present position, the burial mound was not very high at that time, or maybe the tomb found in it was built deep in the ground. In this tomb were found gold items which are now in the possession of the owner of this estate, Count Gr. Gr. Kushelev. To my request for permission to publish these antiquities, the Count agreed with pleasure and thus helped me to familiarize the lovers of archeology with the most important Olbian art objects. The things found in the tomb were as follows. A gold mask [weighing 157.57 grams] [(fig. 6/1)]. *Together with the mask, a laurel wreath made of gold leaf was also found <...>; Necklace* [(fig. 6/2)]. *The necklace is made of twisted gold wire, and at both ends it ends with a ball-shaped ornament. It was probably bent, but on opening it in the tomb an obliging hand straightened it. This necklace is now known as the golden sceptre. You can even see how it was bent. It was not fastened, but by its elasticity, when pressed, slightly expanded and thus covered the neck <...>. Besides, there were also earrings and a gold ring,* [(fig. 6/3)] [weight 24.13 grams] <...> *In this burial mound were found different things up to 64 1/2 gold pieces* [275.23 grams] *of gold*" (Уваров 1851, 42-43).

Let us focus in detail on the so-called "necklace". It is a neck mane (hoop), with a Sarmatian tamga [(fig. 6/2)] on its thickened end[11]. It was published by E.I. Solomonik with the following description: "A massive hoop, 19.4 cm in diameter, consists of two twisted wires, one of which is wide and smooth, and the other is narrow and scarred. At the ends there are conical shaped sleeves with spherical endings. The sleeves are decorated with S-shaped curls. And in the center of each ball are placed the same relief signs made of applied wire. According to the definition of A.P. Mantsevich, the mane is dated approximately to the 3rd century AD"[12] (Соломоник 1959, 130-131). The identical sign comes from a gold phial decorated with relief images of lions on the lid[13]. The brief annotation

[11] State Hermitage Museum (further SHM), inv. no. Ol. 17515.
[12] SHM, inv. no. Ol. 69.
[13] SHM, inv. no. Ol. 95.

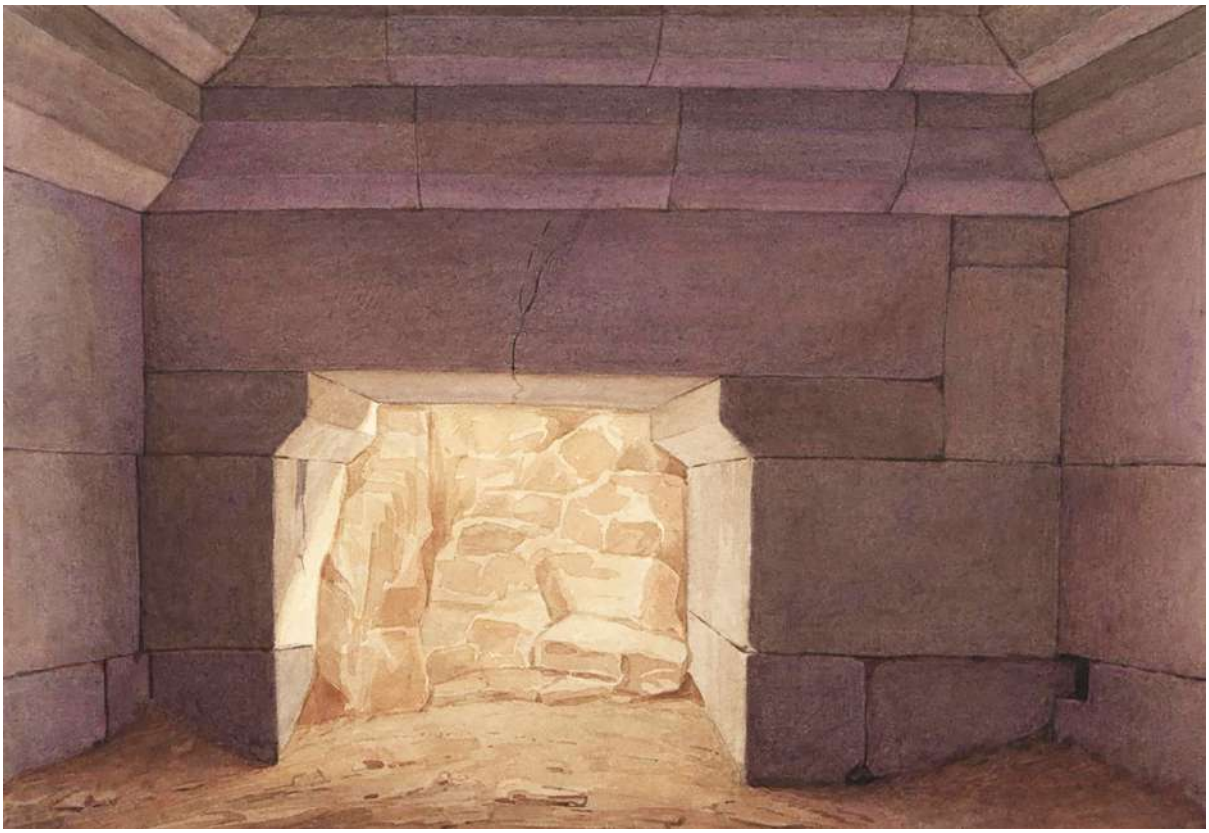


Fig.7. M.B. Webel, "View of the interior of a Greek tomb" (crypt in burial mound 1/1844") (from: DWS SHM, https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6236390 GIM 105190/238).

to the find states that it was discovered shortly before 1867 in Olbia (Соломоник 1959, 125). The same sign was on a gold bracelet also found in or near Olbia as "an accidental find on the shore of the Bug estuary"[14] (Соломоник 1959, 131).

Judging by the technique of production and their artistic features, it is likely that these items belong to the same circle, which was noted earlier (Соломоник 1959, 132). A tamga with a neck mane from a barrow excavated in 1842 is also mentioned by V.S. Drachuk (Драчук 1975, таб. 6, no. 410). It is possible to clarify the information on this sign thanks to the monograph by S.A. Yatsenko. He notes that: "this sign is the westernmost find of the Don tamga on a gold mane hryvnia of Germanic appearance of the turn of the AD (dated by O.V. Sharov)" (Яценко 2001, 29, рис. 4, no. 7).

Since the detailed attribution of the tamga is beyond the scope of our article, it seems to be a good topic for further discussion on both the dating of the burial in the burial mound uncovered in 1842 and the ethnicity of the buried person. If the dating proposed by O.V. Sharov is correct, we can assume that the buried person in the burial mound of 1842 belonged to the Sarmatian nobility that moved to Olbia soon after its restoration after the Getae sack (or took part in the restoration) and probably formed part of the population of Olbia in the first centuries AD, gradually assimilating into the Hellenic environment.

3. 1/1844 (fig. 4/7; 8/1). "*In the year 1844 were excavated: a burial mound (No. 1) with a stone tomb. The picture shows the inner part of the tomb* [(fig. 7)]. *The image is taken from the side opposite the entrance. The burial mound is located near the village of Olbia. The tomb is square and has a length and width of 4 arshin 2 vershkas* [2.93 m] *and a height of 5 arshin 2 vershkas* [3.64 m], *counting up to the top of the vault. The entrance is from the south, while in the Olbian burial mounds the entrance is mostly located from the southeast. A large slab covered it. The whole tomb was built without cement. The vault is made of four ledges, whose prominent ribs are hewn. Several Greek vases with*

[14] SHM, inv. no. Ol. 17759.

Fig. 8. Plan of Olbia on the fragment "Plan of the acropolis and people's square" (after: Уваров 1853, таб. VIII-В).

ashes inside are said to have been found here. On the right side, in the picture below, of the right wall, there is a quadrangular hollow, in which some stone rod trimmed in gold is said to have been found. This finding is rather improbable, but I had no opportunity to acquire more precise information about it" (Уваров 1851, 43-44).

4. 2/1844 (fig. 4/8; 8/2). *"The 2nd burial mound lies a little farther away from the 1st, closer to the estuary. It was so carelessly dug up that in finding the entrance to the tomb, one side of its outer structure was completely exposed, and only by breaking out one of the slabs of the vault itself could we enter the tomb. It is 5 arshin 5 vershkas in length* [3.76 m], *4 arshin 4 vershkas in width* [3.02 m] *and 4 arshin 15 vershkas* [3.51 m] *in height. There are eight ledges in the vault"* (Уваров 1851, 44).

5. 3/1844 (fig. 4/9; 8/3). *"In this burial mound is a long but very narrow tomb. In excavating it one of the slabs of the vault was also taken away to enter it; and now the curious enter through this opening, but it is so inconvenient that I could not measure this tomb. None of the natives know what was found in these last two burial mounds."* (Уваров 1851, 44). *"The men who tore it open, not knowing on which side to look for the entrance, removed almost all the earth that covered it and exposed the whole upper part of the tomb; not hoping at last to reach the entrance, they took out even one of the slabs of the vault itself"* (Уваров 1851, 42).

In historiography there is an erroneous opinion that in 1848 A.S. Uvarov conducted his own small excavations in Olbia (see: Карасев 1956, 20), but, most likely, this is not true, since he himself does not mention a word about his excavations, being content with the role of an observer and analyst of both the previous accumulated artifacts and ancient written sources. This fact was first pointed out by A.A. Formozov (Формозов 1993, 231) and I.V. Tunkina (Тункина 2002, 449), as far as the authors know.

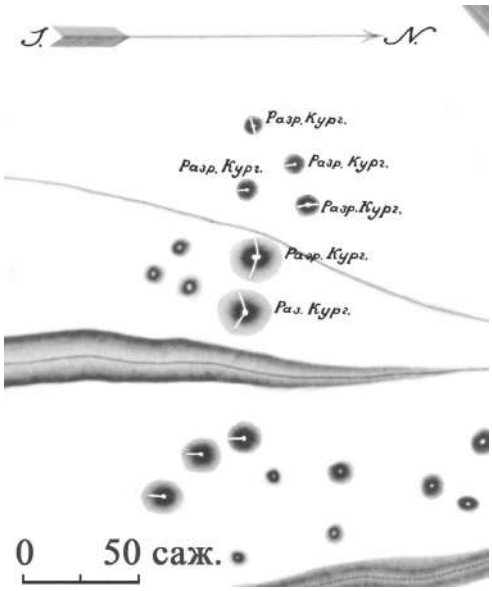


Fig. 9. A.S. Uvarov's excavations in 1853. Six burial mounds excavated in the southern part of the Olbian necropolis (after: Уваров 1853, таб. VIII-B; fragment).

The second plan – Table VIII-B in the "Collection of Maps..." (fig. 8) represents the Olbian town site, which, according to A. S. Uvarov, was "the Olbian acropolis" (the upper city of Olbia) and "people's square" (the lower city of Olbia). The markings of the second plan in the first volume of "Studies on the Antiquities of Southern Russia" (Уваров 1851) remained undeciphered. Since this plan records the lines of trenches excavated by A.S. Uvarov in 1853, when opening the burial mounds near Shirokaya Balka (fig. 9), and also marks the places of his excavations in the lower city of Olbia (fig. 10), then, most likely, the original of this plan was created during the Count's expedition to Olbia in 1853 and its author was not A. Alexeev. Accordingly, the absence of the conventional designations of this plan in the book is explained by the fact that it was created two years after the publication of the first volume of "Studies on the Antiquities of Southern Russia". The second volume, where Olvia is practically not mentioned anymore, also lacks this transcription (Уваров 1856). It can be assumed that the explication of these designations should have been present in A.S. Uvarov's report on the excavations in Olbia in 1853, which never saw publication.

It should be noted that both plans from the "Collection of Maps..." show the directions of excavated "dromos" or robber passages (trenches) to the burial chambers. On plan VIII-A (fig. 4), the direction of the passages of all Olbian burial mounds is turned to the south, except for one (judging by the location, it is a burial mound, known later under the name of "Eurysius and Aretas"), where the direction of the passage points to the north. On the plan VIII-B, created later, the direction of the passage from the chamber of the 'Zeus Mound' faces southwest" (fig. 8). This is the direction in which the trench on this mound seems to be fixed on the watercolor by M.B. Webel (fig. 3). At the same time, the real location of the dromos of the "Zeus Mound" faces exactly to the south, as indicated on plan VIII-A. As for the mound of "Eurysius and Arete", on plan VIII-B it is directed to the northeast. In reality, however, the dromos is oriented to the east, that is, both plans do not indicate its direction, but probably a robber's passage. At the same time, A.S. Uvarov himself for some reason claimed that "in the Olbian burial mounds the entrance is mostly located from the southeast" (Уваров 1851, 43), thus contradicting the described plans.

Therefore, we have evidence that these two burial mounds had already been excavated in the times preceding A.S. Uvarov's visit, but at least the "Zeus mound" shortly before him, given that the trench in the watercolor by M.B. Webel looks recently excavated (fig. 3).

On October 26, 1849, the "Archaeological and Numismatic Society" was renamed the "Imperial Archaeological Society". In 1853, when the excavation of burial mounds in Vladimir province was headed by orientalist and archaeologist P.S. Saveliev instead of A.S. Uvarov, the count returned to the study of the Northern Black Sea coast and then conducted small archaeological research in Olbia, Chersonesos and on the ruins of Naples Scythian (Тункина 2002, 255).

Unfortunately, there is very little published information about these excavations. One of the main sources is the plan of Olbia from the "Collection of maps..." A.S. Uvarov VIII-B, because, as noted above, there is every reason to believe that its original was created during, of after, the excavations of Olbia in 1853.

A.S. Uvarov conducted excavations in Olbia (in the ancient settlement and on the necropolis) for 2 weeks, from August 22 to September 5, 1853. Six burial mounds excavated in the southern part of the necropolis, near Shirokaya Balka (fig. 9),

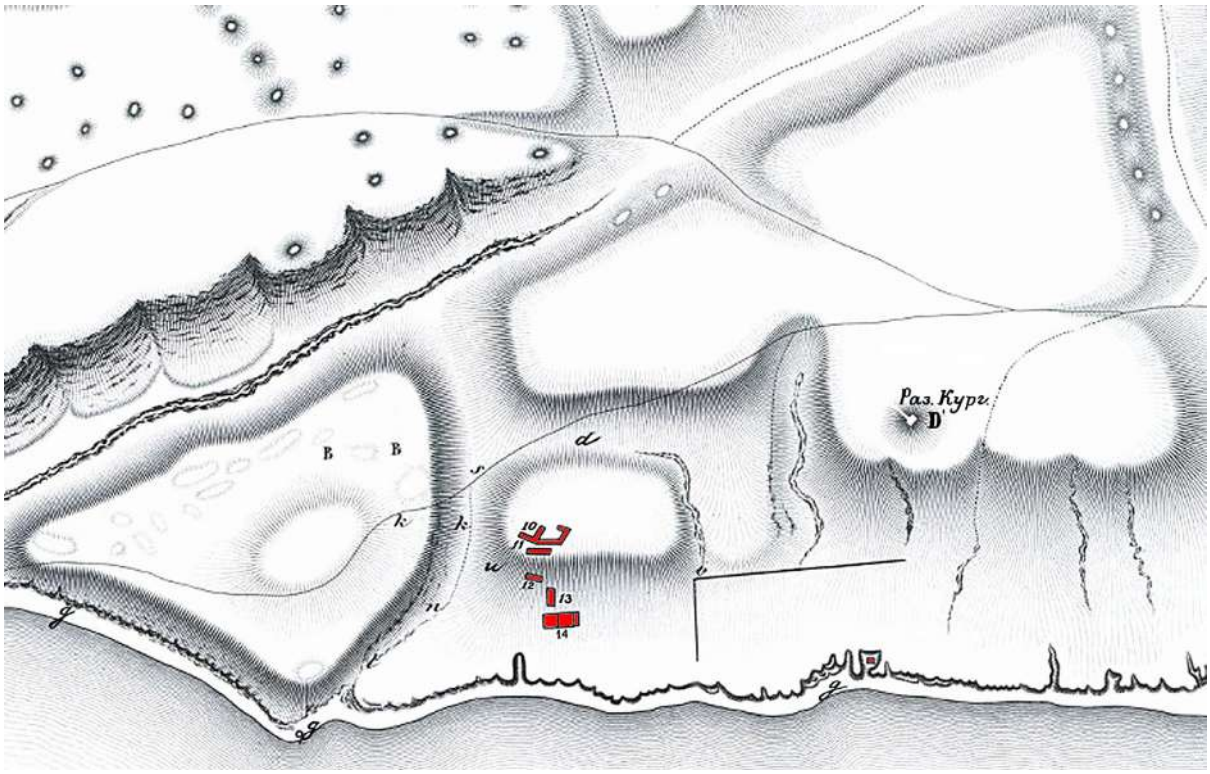


Fig. 10. A.S. Uvarov's excavations in 1853 in the lower city of Olbia (after: Уваров 1853, таб. VIII-B; fragment).

appeared to have been looted. Here is how the author of the excavations described it: "*From the outside it was imperceptible that these barrows were touched, but in the meantime long mines were laid directly to the tombs. The thieves reached the tombs themselves by using them and took out everything completely". Fragments of a painted vase depicting "Dionysus sitting near Ariadne, with the goddess of Victory hovering above them and priests standing around" were found in different parts of the mound of one of the burial mounds"* (Тункина 2002, 450).

A.S. Uvarov also laid five small excavations in the southern part of the lower town (fig. 10). Here is how he described the excavations, already after the work was completed, in a report to his uncle L.A. Perovsky on September 13, 1853: "*At first I dug up a part of the people's square, namely the place where there was a staircase leading to the building for the exhibition of goods, assuming that there were some works of Greek sculpture here. Indeed, we found a marble lion an arshin and a half* [1.06 m] *long and quite well preserved. The back part was broken off, but the broken off piece was also found*" (Тункина 2002, 450). Therefore, it is recorded that the sculpture of the above described marble lion was found in the southern part of the lower city of Olbia.

Then Uvarov switched to excavations to the west and north: "*Then I made an attempt to excavate the acropolis* [possibly № 10 and 11 on the plan], *and the place where the temple stood on the northern part of the square* [possibly an unmarked square on the bank], *but except for walls, bases of the building and small insignificant things, nothing was uncovered*" (Тункина 2002, 450).

In 1854 the Crimean War began, in 1855 Emperor Nicholas I died, the political situation changed, as did the people at court. Also, in September of the same year Alexei Sergeyevich's father S. S. Uvarov died, and the following year L.A. Perovsky. Therefore, A.S. Uvarov, on the one hand became the heir to a huge wealth, on the other – lost support in the power structures (Клейн 2014, 306). With rare exceptions, he did not conduct more individual field research. However, in 1864 he established the Moscow Archaeological Society, but that is another story....

Toward the end, we added to the article another episode directly related to the expedition of 1848,

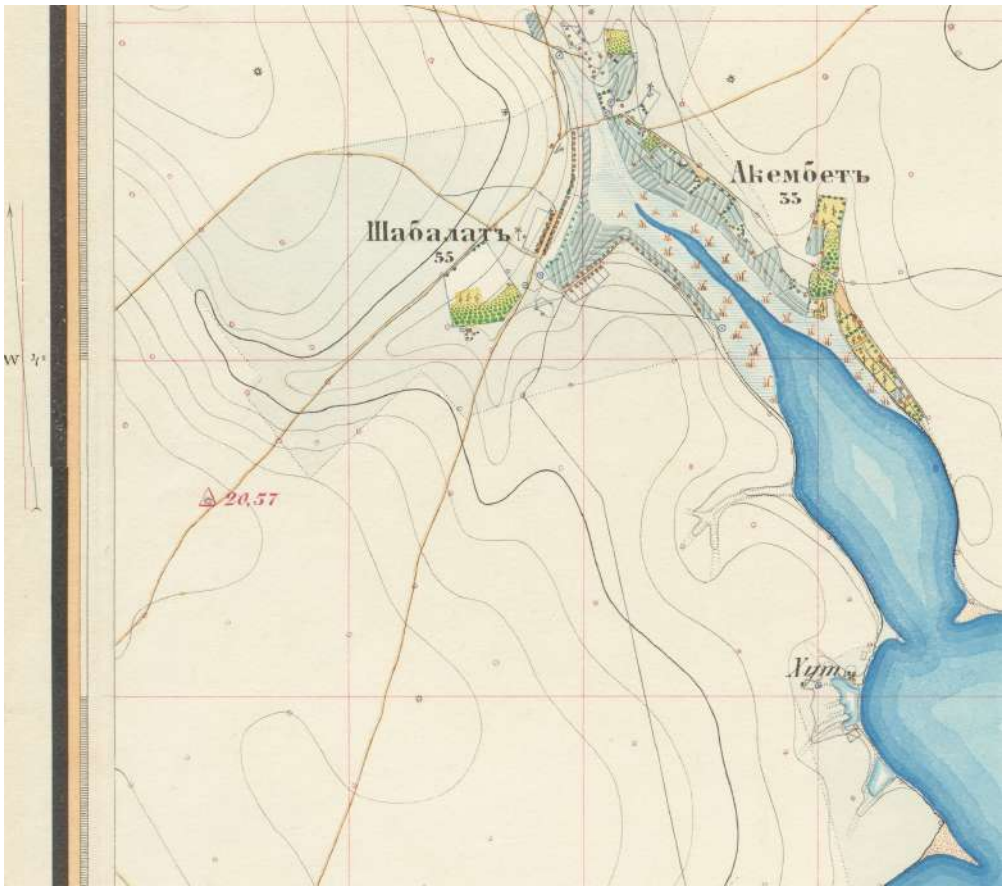


Fig. 11. The grave of Malaya Katarzha in 1877 (Brullion "Military Survey of Bessarabian Province"; sheet XXVII-36; M ½ verst a inch; fragment).

when A.S. Uvarov, impressed by the findings in the burial mounds of Olbia, conducted the first independent excavations on the shores of the Black Sea, about which he later tried not to remember.

Let us give a word to the main character: "*Shabalat. About 20 versts from Akkerman is the estate of Arsenyev Shabalat or Shahbalat, not far from the Budatsky estuary <...>. All the surroundings are covered with numerous burial mounds, about which the peasants tell many miracles: the appearance of lights on the very top, and the golden chain, as if connecting two of the highest mounds. Wishing to investigate what time this remnant might be, I dug up one of the highest mounds. Reaching from the eastern side to the mainland, neither in the center nor in the sides of the mound I found nothing – not even a trace of a tomb. Meanwhile, after my departure, rumors reached me, as if the peasants themselves then continued digging the rest of the mound, and found in it a stone crypt and a large slab. This rumor seems to me very doubtful, for, having reached the mainland, I did not meet a single fragment of stone – a common feature of burial mounds with crypts. It is much more likely to take this mound as a guard barrow, used, perhaps, to monitor the neighborhood in case of attack*" (Уваров 1856, 181).

This plot was discussed more than once, more often by burial mound archeologists, and E.V. Yarovoy devoted to it the section "Count A. S. Uvarov – an embarrassment at the beginning of his career" of a popular book, in which he saw the meaning of the embarrassment in the fact that the mound was obviously under-excavated due to the imperfection of the applied methodology (Яровой 2005[15]). Later, he repeated this thesis, adding that the peasants then revealed "a

[15] We do not quite agree with this assessment, as the essence of the technique applied by A.S. Uvarov on the Grave of Malaya Katarzha is not described and is not restored by the current state of the embankment, which is mostly preserved (author's note).

Fig. 12. The grave of Malaya Katarzha (Uvarova). View from the southwest (photo by I.V. Sapozhnykov, 2023).

stone structure and several large limestone slabs, probably from a stone box from the Bronze Age" (Яровой 2014, 353).

One of the authors of this article also touched upon this episode and first suggested that A.S. Uvarov conducted excavations in the area of the Mogila Kishla on the shore of the Budak estuary, which more often than other burial mounds of the area was associated with Herodotus' legend about the "grave of the Cimmerian kings" (Сарпожников 2018, 126-127). Later, having received a copy of the topographic map of 1877 and having studied archival materials, he came to the conclusion that A.S. Uvarov could not touch Kishla (Popova Mogila), which served as a gateway sign for ships entering the Dniester estuary, because he did not have permission to excavate on state land, so he conducted research on a private plot of land. The reason for his failure was that he tried to excavate the ancient burial mound Mogila Malaya Katarja (Katarga) in the same way as the antique one (with a tomb and a dromos) that he had seen in Olbia in the same year (Сапожников, Левчук 2022, 72-74, рис. 40).

In 2023, I.V. Sapozhnykov surveyed the mound, which is located on the top of a cape-shaped ledge of the plateau formed by the shore of the Budak estuary and Shabalat Bay, 2.5 km southwest of the village of Belenkoye (Shabalat) and 3.4 km northwest of the Black Sea (fig. 11). Unfortunately, it was not possible to examine the fully sodded embankment, which was approximately 6.5-7.0 m high, in detail due to tall grass and shrubs. Repeated digs at the top associated with the construction of a survey station, a large blurred pit measuring at least 8×6 m in the southern field and other digs were recorded (fig. 12), as well as another burial mound up to 1.5 m high 100 m southeast of Malaya Katarzhi. No traces of the excavations in the eastern field, about which the first researcher wrote, were found.

However, if we remember that on the Olbian burial mounds A.S. Uvarov assumed the location of the dromos to the south-east, and on the Olbian plans the trenches were mainly oriented to the south, we can cautiously assume that the eastern direction of the excavation site of this mound is erroneously indicated, and perhaps the large blurred pit on the southern field of the mound is the remains of A.S. Uvarov's excavation.

So, the mystery of A.S. Uvarov's research of the burial mound on the shore of the Black Sea has not been completely solved, but now we know exactly where not only the "pen test" of the famous archaeologist took place, but also the first attempt of scientific research of the burial mounds of the South of the whole Bessarabia, and more precisely Bujak.

Bibliography

Uvarov 1855: A.S. Uvarov, Recherches sur les antiquites de la Russie Méridionale et des côtes de la Mer Noire (Saint-Pétersbourg 1855).

Анучин 1886: Д.Н. Анучин, Граф Алексей Сергеевич Уваров. В: Труды VI Археологического съезда, т. 1 (Москва 1886), 3-20.

Драчук 1975: В.С. Драчук, Системы знаков Северного Причерноморья (Киев 1975).

Веселовский 1900: Н.И. Веселовский, История Императорскаго русскаго археологическаго общества за первое пятидесятилетие его существования, 1846-1896 (Санкт-Петербург 1900).

Виноградов, Мусин 2019: Ю.А. Виноградов, А.Е. Мусин, Императорская археологическая комиссия и исследование древней Ольвии и Березани. В: Императорская археологическая комиссия (1859-1917), т. 1, 2-е издание (Санкт-Петербург 2019), 654-742.

Карасев 1956: А.Н. Карасёв, Планы Ольвии XIX в. как источники для исторической топографии города. В сб.: Материалы и исследования по археологии СССР, 50 (Москва-Ленинград 1956), 9-34.

Клейн 2014: Л.С. Клейн, История российской археологии: учения, школы и личности. Том 1. Общий обзор и дореволюционное время (Санкт-Петербург 2014).

Лапшин 1991: В.А. Лапшин, О методике раскопок Владимирских курганов. В сб.: Уваровские чтения I, 1990. Тезисы докладов (Муром 1991), 7-9.

Лебедев 1992: Г.С. Лебедев, История отечественной археологии. 1700-1917 (Санкт- Петербург 1992).

Папанова 2006: В.А. Папанова, Урочище Сто Могил (некрополь Ольвии Понтийской) (Киев 2006).

Петровский 1855: Л.А. Петровский, Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических розысканиях в 1853 году (Санкт-Петербург 1855).

Сапожников 2001-2002: И.В. Сапожников, Очерки истории исследований Ольвии и Березани (до начала XIX ст. от Р. Х.). Stratum plus 3, 2001-2002, 452-461.

Сапожников 2018: И.В. Сапожников, Начала изучения курганов Буджака: историография и картография. Tyragetia s.n. XII/1, 2018, 121-139.

Сапожников 2021: І.В. Сапожников, Ольвія та її околиці у XVIII - на початку XX ст.: топографо-історіографічні нариси. Археологія і давня історія України 3/40, 2021, 354-369.

Сапожников, Левчук 2022: І.В. Сапожников, В.В. Левчук, Урочище, колонія і село Шабо: археолого-історіографічі нотатки (Одеса 2022).

Соломоник 1959: Э.И. Соломоник, Сарматские Знаки Северного Причерноморья (Киев 1959).

Стрижова 1998: Н.Б. Стрижова, Архив А.С. и П.С. Уваровых в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея. Очерки истории отечественной археологии, вып. 2 (Москва 1998), 85-103.

Дарьина 2019: Т.С. Дарьина, Письма детей Уваровых из собрания Государственного архива Владимирской области. В сб.: Уваровские чтения, XI (Муром, 17-19 апреля 2019 г.) (Муром 2019), 89-93.

Тункина 1994: И.В. Тункина, Начало изучения Ольвии. Археологія 2, 1994, 7-18.

Тункина 2001: И.В. Тункина, К истории изучения Ольвии в первой трети XIX в. Археологія 4, 2001, 35-50.

Тункина 2002: И.В. Тункина, Русская наука о классических древностях юга России (XVIII - середина XIX вв.) (Санкт-Петербург 2002).

Уваров 1851: А.С. Уваров, Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. 1 (Санкт-Петербург 1851).

Уваров 1853: А.С. Уваров, Собрание карт и рисунков к «Исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря» (Санкт-Петербург 1853).

Уваров 1856: А.С. Уваров, Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря, вып. 2 (Санкт-Петербург 1856).

Уварова 1887: П.С. Уварова, Каталог собрания древностей графа Алексея Сергеевича Уварова, вып. VII, 4 (Москва 1887).

Формозов 1993: А.А. Формозов, А.С. Уваров и его место в русской археологии. РА 3, 1993, 228-245.

Фролов 2003: А.И. Фролов, Хранители московской старины: Алексей и Прасковья Уваровы (Москва 2003).

Яровой 2005: Е.В. Яровой, Мистика древних курганов (Москва 2005).

Яровой 2014: Е. Яровой, Начало изучения курганов Бессарабии. В сб.: Kallatida (Mangalia 2014), 349-362.

Cercetarea Olbiei şi împrejurimilor de către contele Alexei Sergheevici Uvarov

Cuvinte-cheie: istoria arheologiei, Olbia, A.S. Uvarov, săpături din sec. XIX, tumuli.

Rezumat: În articol sunt descrise vizitele contelui Alexei Sergheevici Uvarov (1824-1884) în Olbia în aa. 1848 şi 1853. În timpul primei vizite, întreprinse în cadrul excursiei ştiinţifice în zona de nord-vest a regiunii Mării Negre, A.S. Uvarov a examinat ruinele Olbiei, a colectat informaţii despre tumulii descoperiţi lângă ea. Aceste date le-a publicat în primul volum al „Cercetărilor privind antichităţile Rusiei de Sud şi ţărmului Mării Negre" (1851). În afară de aceasta, datorită participării în excursia respectivă a pictorului profesionist Moritz Bogdanovich Webel (1821-1875), au fost pictate în acuarelă imagini ale Olbiei. De asemenea, la indicaţiile lui A.S. Uvarov, au fost realizate două planuri ale fortăreţei Olbia şi ale împrejurimilor ei, care prezintă un interes ştiinţific important. În anul 1853, A.S. Uvarov a întreprins săpături la şase tumuli, descoperiţi în partea de sud a necropolei olbiene, lângă Широкая Балка („Râpa Largă"), care s-au dovedit a fi jefuiţi. Pe lângă aceasta, au fost puse câteva sonde în oraşul inferior al Olbiei, în partea de sud a ei. Spre regret, informaţii despre aceste săpături sunt foarte puţine. Ca un subiect aparte este abordată cercetarea, întreprinsă de A.S.Uvarov în a. 1848, a tumulului „Mormântul Malaya Katarzha", aflat pe culmea platoului format de malul limanului Budak şi golful Şabalat, la 2,5 km spre sud-vest de s. Belenkoe (Şabalat) şi la 3,4 km spre nord-vest de Marea Neagră. Implicarea lui A.S. Uvarov în săpăturile anume ale acestui tumul, păstrat până în zilele noastre, este prezentată în premieră.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. Fondatorii Societăţii arheologico-numismatice din Sankt Peterburg. În rândul de sus (de la stânga spre dreapta): Ivan Alexeevici Bartolomei (1813-1870), Boris Vasilievici (Berngard Karl) Koehne (1817-1886), Alexey Sergheevici Uvarov (1824-1884). Aşezaţi (de la stânga spre dreapta): Iacov Iacovlevici Reichel (1780-1856), Mirza Djafar Topchibashev (1790-1869). Copie de pe un dagherotip din a. 1848 (după Уваров 1887).

Fig. 2. M.B. Webel, „Partea de sud a pieţei publice din Olbia" (1848) (după Secţia surselor scrise ale ISM. Disponibil: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6236376).

Fig. 3. M.B. Webel, „Partea de nord a pieţei publice din Olbia" (1848). Pe planul din spate: „Tumulul lui Zeus", întreţăiat de un şanţ (după Secţia surselor scrise ale ISM. Disponibil: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6236387).

Fig. 4. Fragment din „Planul oraşului Olbia" (după Уваров 1853, tab. VIII-A).

Fig. 5. Zonă a Olbiei pe un fragment din harta „Imaginii militare a guberniei Herson, realizate între aa. 1850-1853" (fila XVI-11. „A fotografiat şi a desenat topograful de clasa a 2-a, unter-ofiţerul Komornikov de la 25 septembrie până la 14 octombrie 1851").

Fig. 6. Piese din aur din tumulul săpat în anul 1842 (Уваров 1853, tab. XIV; Соломоник 1959, 131).

Fig. 7. M.B. Webel, „Aspect al părţii interioare a mormântului grecesc" (cavoul tumulului 1/1844) (Secţia surselor scrise a ISM, disponibil: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6236390 ГИМ 105190/238).

Fig. 8. Planul Olbiei pe un fragment al „Planului acropolei şi al pieţei publice" (Уваров 1853, tab. VIII-B).

Fig. 9. Săpăturile lui A.S. Uvarov în a. 1853. Şase tumuli, descoperiţi în partea de sud a necropolei olbiene (Уваров 1853, tab. VIII-B; fragment).

Fig. 10. Săpăturile lui A.S. Uvarov în a. 1853 în oraşul inferior al Olbiei (Уваров 1853, tab. VIII-B; fragment).

Fig. 11. Mormântul Malaya Katarzha în a. 1877 (Proiecţie a „Imaginii militare a guberniei Basarabia", fila XXVII-36; M ½ verste pe inch; fragment).

Fig. 12. Mormântul Malaya Katarzha (Uvarov). Perspectivă din sud-vest (foto I.V. Sapozhnykov, 2023).

Исследования Ольвии и ее окрестностей графом Алексеем Сергеевичем Уваровым

Ключевые слова: история археологии, Ольвия, А.С. Уваров, раскопки XIX века, курганы.

Резюме: Статья посвящена описанию визитов графа Алексея Сергеевича Уварова (1824-1884) в Ольвию в 1848 и 1853 годах. Во время первого визита, осуществлённого в рамках научной экскурсии по Северо-Западному Причерноморью, А.С. Уваров осмотрел руины Ольвии, собрал информацию о раскопанных возле нее курганах. Эти данные были опубликованы им в первом томе «Исследований о древностях Южной России и берегов Черного моря» (1851). Кроме того, благодаря участию в экскурсии профессионального художника – Морица Богдановича Вебеля (1821-1875), были нарисованы акварели видов Ольвии. Также, по поручению А.С. Уварова, были созданы два плана Ольвийского городища и его окрестностей, представляющие важный научный интерес. В 1853 году А.С. Уваров провел раскопки шести курганов, раскопанных в южной части ольвийского некрополя, возле Широкой Балки, и оказавшиеся разграбленными. Помимо этого, было заложено несколько шурфов в нижнем городе Ольвии, в основном в ее южной части. К сожалению, информации об этих раскопках известно крайне мало. Отдельным сюжетом рассматривается ис-

следование А.С. Уваровым в 1848 г кургана «Могила Малая Катаржа», расположенного на вершине плато, образованного берегом Будакского лимана и Шабалатским заливом, в 2,5 км к юго-западу от с. Беленькое (Шабалат) и в 3,4 км к северо-западу от Черного моря. Принадлежность А.С. Уварова к раскопкам именно этого, сохранившегося до наших дней кургана, показана впервые.

Список иллюстраций:

Рис. 1. Учредители Санкт-Петербурского археологическо-нумизматического общества. В верхнем ряду (слева-направо) Иван Алексеевич Бартоломей (1813-1870), Борис Васильевич (Бернгард Карл) Кёне (1817-1886), Алексей Сергеевич Уваров (1824-1884). Сидят (слева-направо) Яков Яковлевич Рейхель (1780-1856), Мирза Джафар Топчибашев (1790-1869). Копия с дагеротипа 1848 г. (по: Уваров 1887).

Рис. 2. М.Б. Вебель, «Южная часть народной площади в Ольвии» (1848)(по: Отдел письменных источников ГИМ, https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6236376).

Рис. 3. М.Б. Вебель, «Северная часть народной площади в Ольвии» (1848). На заднем плане – «Зевсов» курган, перерезанный траншеей (по: Отдел письменных источников ГИМ, https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6236387).

Рис. 4. Фрагмент «Плана города Ольвии» (по: Уваров 1853, табл. VIII-A).

Рис. 5. Район Ольвии на фрагменте карты «Военной съемки Херсонской губернии, произведенной с 1850 по 1853 годы» (лист XVI-11. «Снимал и чертил топограф 2-го класса, унтер-офицер Коморников с 25 сентября по 14 октября 1851 года»).

Рис. 6. Золотые изделия из кургана, раскопанного в 1842 г. (Уваров 1853, табл. XIV; Соломоник 1959, 131).

Рис. 7. М.Б. Вебель, «Вид внутренней части греческой гробницы» (склеп кургана 1/1844) (Отдел письменных источников ГИМ, https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/6236390 ГИМ 105190/238).

Рис. 8. План Ольвии на фрагменте «Плана акрополя и народной площади» (Уваров 1853, табл. VIII-B).

Рис. 9. Раскопки А.С. Уварова в 1853 г. Шесть курганов, раскопанных в южной части ольвийского некрополя (Уваров 1853, табл. VIII-B; фрагмент).

Рис. 10. Раскопки А.С. Уварова в 1853 г. в нижнем городе Ольвии (Уваров 1853, табл. VIII-B; фрагмент).

Рис. 11. Могила Малая Катаржа в 1877 г. (Брульон «Военной съемки Бессарабской губернии»; лист XXVII-36; М ½ версты а дюйме; фрагмент).

Рис. 12. Могила Малая Катаржа (Уварова). Вид с юго-запада (фотография И.В. Сапожникова, 2023).

30.07.2024

PhD. Alexander Kuzmishchev, Department of Classical Archaeology, Institute of Archaeology, the National Academy of Sciences of Ukraine, Volodymyra Ivasyuka ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine; https://orcid.org/0000-0003-2718-7111, e-mail: a.kuzm@ukr.net

Dr. hab. Igor Sapozhnykov, Department of Archaeology of the Crimea and North western Black Sea, Institute of Archaeology, the National Academy of Sciences of Ukraine, Volodymyra Ivasyuka ave. 12, Kyiv, 04210, Ukraine; https://orcid.org/0000-0003-3889-6714, e-mail: ssappog5@gmail.com

ДРЕВНИЙ ДНЕСТРО-БЫКСКИЙ ОБОРОНИТЕЛЬНЫЙ ВАЛ: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И КАРТОГРАФИЯ

Игорь Сапожников

В Бессарабии по сие время существуют памятники, напоминающие Траяна…
Вельтман 1828, 16

Устроив на удобном месте просторный лагерь близ берегов Данастия и вала гревтунгов (ac Greuthungorum vallem), он [Атанарих] <…> сам в это время без всякой помехи стал готовиться к бою.
Аммиан Марцеллин, История XXXI.3.1

Ключевые слова: правобережье Нижнего Днестра и низовья р. Бык, земляной оборонительный вал, картография и описания XIX-XX вв., археологические исследования района с 1959 г., планиграфия, интерпретации и датировка линейных земляных укреплений.

Введение

В последние годы, благодаря активной деятельности Национального археологического агентства Республики Молдова (Agenţia Naţională Arheologică) и местных краеведов, увеличилось число обнаруженных памятников и уникальных находок в той части правобережья Днестра, которая входит в состав Новоаненского района Республики Молдова (Postică, Vornic, Bubulici 2024). Из них особого внимания заслуживают открытия объектов древней фортификации, картографии и истории изучения которых и посвящена эта статья.

Начнем с того, что первой обобщающей работой об оборонительных валах Юга Молдовы и Юго-Запада Украины стала написанная два века тому назад глава «Опровержение преданий, что валы, видимые в Бессарабии, не путь Траяна и не им устроены» книги А. Вельтмана «Начертание древней истории Бессарабии». Представления ученого о их планиграфии наглядно продемонстрированы на приложенной к книге «Карте древней истории Бессарабии», где представлены Нижний и Верхний «Траяны», Прутский Траянов вал и два трезка «Змеевого вала»[1] (рис. 1). А. Вельтман дал им такую характеристику: «С первого взгляда валы сии, заключающие в себе весь нынешний Буджак, составляют как будто бы один необычайной величины редут, носящий имя Траяна; и целый народ обитает и защищает его; <…> Но это не редут, ибо верхний и нижний валы склоняются в одну сторону, следовательно, они были первой и второй оградой против оружия Траянова. Прутский вал составлял боковую защиту, а Днестровский, заметный только частями, кажется, не относился к прочим»[2] (Вельтман 1828, 21-22).

Из сказанного вытекает, что А. Вельтман был уверен в том, что оба Траяновых и Прутский валы соорудили при императоре Траяне в начале II в. от РХ, а их строители были определены таким образом: «Бастарны с давних времен почти до IV столетия обитали в самой Бессарабии. С этим вместе рождается новое заключение, что видимые в Бессарабии по сие время валы выстроены были сим народом для ограждения себя от завоеваний Траяновых» (Вельтман 1828, 25). Здесь не место и не время заводить разговор о бастарнах (с I в. до III в. от РХ представленных так называемой зубрецкой группой памятников), которые на протяжении основной части своей истории были связаны с более северными землями (Щукин 1999). Однако нельзя не заметить, что А. Вельтман, заслуга которого относительно Траяновых валов заключается, в первую очередь, в выводе о их разновременности, неверно определил ориентацию двух из них: Верхний и Нижний валы были построены для обороны не с юга,

[1] Масштаб в английском дюйме 40 верст (или 1 : 1 680 000).

[2] О них в другом месте книги сказано: части эти «называются нынешними жителями Змеевым валом, и кажется, не принадлежали к времени построения большого [Траянова] вала» (Вельтман 1828, 21). В более поздней статье автор заметил: «Днестровский вал назван на картах Змеевым, но что-нибудь, да не так – там некому было дать ему русское прозвание» (Вельтман 1837, 233).

Рис. 1. Древние валы на «Карте древней истории Бессарабии» 1827 г. (Вельтман 1828; фрагмент).

а с севера[3] (Прутский – с запада, а Нижнеднестровский – с востока) (Сапожников 2011).

Для нас важно то, что на карте А. Вельтмана обозначены два Траянова вала – Прутский и Нижнеднестровский (не полностью), хотя перечень линейных оборонительных сооружений Южной Бессарабии ими не исчерпывается. Один из пропущенных валов, более короткий, чем все названные, но тем не менее довольно значительный, стал известен под именем Траянова также в 1810-х – 1820-х гг. в ходе съемок Военно-топографической комиссии Бессарабии (ВТКБ). В ее составе в указанные годы служил и сам будущий историк и археолог, который почему-то не обратил на него внимания.

Данная статья посвящена этому уникальному, но, к сожалению, почти неизвестному памятнику, материалы исследования которого наверняка внесут существенные коррективы в археологию и историю региона. Он еще не имеет своего собственного имени, в связи с чем автор рискнул предложить название *Днестро-Быкский вал*[4].

Нижняя часть Днестро-Быкского вала

Насколько известно, вся нижняя или юго-восточная часть этого оборонительного комплекса впервые была показана на I листе «Топографической карты частей Молдавии, Бессарабии и Булгарии»[5], которая, как минимум для второго региона, была основана на материалах полевых работ Военно-топографической комиссии Бессарабии. Хотя на карте год выпуска не указан, судя по наполненности населенными пунктами (в основном колониями задунайских и немецких переселенцев), время ее создания можно более или менее уверенно отнести к 1819-1820 гг. (Сапожников, Думиника 2023, 12).

Интересующий нас район нанесен на нее частично, включая узкую полосу левого берега р. Бык с с. Рошканы, а также села Гура-Быкулуй и Давыдово на правом берегу Днестра. Участок вала, названный Траяновым, простирается от северо-восточной окраины села Варница до центра села Калфа (района церкви) на протяжении около 11,4-12,0 км. Он насыпан по краю материковой террасы правого берега рек

[3] Прутский – с запада, а Нижнеднестровский – с северо-востока (Сапожников 2010; и др.).

[4] Здесь и далее курсив автора.

[5] Печатная, раскрашенная от руки. М : 4 версты в дюйме (или 1 : 168 000).

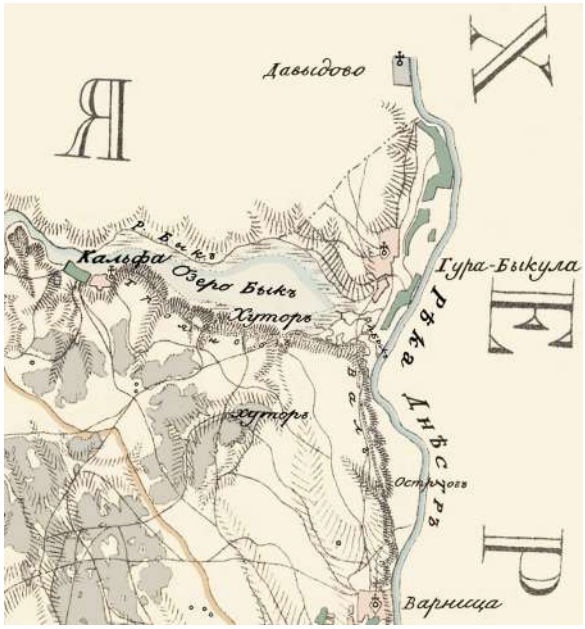


Рис. 2. Нижняя или юго-восточная часть Днестро-Быкского вала на «Топографической карте частей Молдавии, Бессарабии и Булгарии» 1819-1820-х гг. (фрагмент).

Днестр и Бык на абсолютных высотах +25-30 м. На стрелке мыса, образованной берегами долин, вал имел выступ в виде треугольника, а на правом берегу оз. Бык, примерно в 4,0 км к западу от церкви Калфы, к валу с юга примыкает овальное в плане укрепление размерами около 270×160-170 м (рис. 2; 8). Из других объектов отметим присутствие на карте «острога» (тюрьмы) к северу от с. Варница, а также значительную площадь открытой водной поверхности озера (лимана) Бык или *Салаш* (рис. 2), что свидетельствует о низкой степени его заселенности в указанное время.

В 1822-1828 гг. этот же участок вала был нанесен на «Карту Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака»[6] и ее менее детальные копии[7]. На первой вал не подписан и его контуры не столь рельефны, как на предыдущей карте из-за менее крупного масштаба и наличия цветной отмывки рельефа. Из других археологических объектов отметим наличие на обоих «селищ» (незаселенных старых поселений или городищ): *Тес-Базар* к западу от с. Рошканы и *Давыдов* к северу от с. Гура-Быкулуй (рис. 3). На небрежно выполненной копии карты вал читается местами, частично

Рис. 3. Нижняя часть Днестро-Быкского вала на «Карте Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака…» 1822-1828-х гг. (фрагмент оригинала).

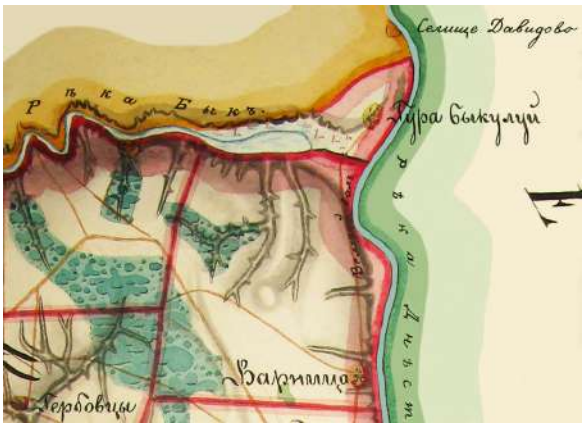


Рис. 4. Нижняя часть Днестро-Быкского вала на «Карте Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака…» 1822-1828-х гг. (фрагмент копии).

[6] Полное название: «Карта Бессарабии, собственно так называемой, или Буджака, представляющая 1-е: земли отмежеванные под выгон к городам и к соляным озерам, а также отведенные для казенных селений, немецких и задунайских колоний; 2-е: участки населенных земель, принадлежащих казне; 3-е: пустопорожние земли, всемилостивейшее пожалованные частным лицам; 4-е: владения, принадлежащие духовенству; 5-е: земли спорные с казною. Составлена при гражданской съемке Бессарабии, производившей по высочайшему повелению размежевание земель на участки с 1822 по 1828 г.» Рукоп. в цвете, М : 5 верст в дюйме или 1 : 210 000) (хранится в Рукописном отделении Российской национальной библиотеки, Ф. 342, д. 447; Сапожников, Думиника 2023, 17).

[7] «Карта Бессарабии собственно так называемой или Буджака <…>». Рукописная, в цвете. Масштаб 3 версты в дюйме (1 : 126 000). Размеры 130×164 см. Хранилась в ООИД (Бертье-Делагард 1888, 7). В настоящее время находится в Зале картографии Национальной библиотеки Украины им. Вернадского (ЗК НБУВ): № 17287. Известны и другие копии, находящиеся в архивах РФ (Сапожников 2011, 231).

сливаясь с линией дороги из Варницы в Гура-Быкулуй. Этот отрезок подписан как «*Великой вал*» (вероятнее всего, по ошибке копииста), что на оригинале могло звучать как «*Змеиной вал*» (рис. 4).

Еще раз небольшая часть нижнего участка мелькнула на «Карте Бессарабской области с показанием Трояновых валов»[8], которая представлена копией начала 1840-х гг. с неизвестного оригинала 1820-х гг. По сути, этот документ является схемой, с которой снята почти вся топогеографическая ситуация, а сам вал показан прямой линией от с. Варница до с. Гура-Быкулуй. Этот факт позволяет заключить, что насыпь могла проходить вдоль правого берега Днестра по пойменному участку гырла р. Бык, однако такой вывод будет противоречить приведенным выше данным (см. рис. 2 и 3).

Более того, если обратится к книге «Статистическое описание Бессарабии», приложением к которой является карта 1822-1828 гг. (рис. 3), то обозначенная на ней под литерой А «дача» (земельная делянка) в 1827 г. принадлежала наследникам генерала Катаржи[9] и в то время на ней не числилось «неудобной земли», на которой был зафиксирован оборонительный вал. Тогда же на даче с. Варница «земляной вал» занимал площадь в 17 дес. 800 кв. саж., а на землях с. Калфа «Траянов вал» – 2 дес. 1200 кв. саж. (Статистическое 1899, 519-521, 301, 309).

Чтобы ниже не возвращаться к этому вопросу, скажу, что 10 лет назад, во многом опираясь на мою статью (Сапожников 2013), историк С. Бакалов предложил смелую, но неаргументированную реконструкцию маршрута Нижнеднестровского (Днестровского, по А. Вельтману) вала, который названный автор именует *Трояном Днестровским* или *Валом Змиевым* (Troianul nistrean – Valul Zmăului). Так, он продлил этот вал до устья р. Бык, опираясь не на картографию, а на упомянутые статистические материалы о структуре отдельных земельных дач Буджака (Bacalov 2014, 67, рис. на с. 74). Связующее звено между «традиционным» и «добавленным» участком С. Бакалов нашел на даче г. Бендеры, в которой в 1827 г. числилось 1 дес. 2000 кв. саж. «неудобной земли», занятой «*земляным валом города*» (Статистическое 1899, 295).

На наш взгляд, для такой ревизии существующих представлений нет причин и фактов. Во-первых, вал, занимающий такую небольшую площадь, не смог бы пересечь с севера на юг Бендерскую дачу протяженностью 7,5-8,0 км (в нее входили также села Липканы, Борисово и вся крепость); во-вторых, в данном случае речь идет не о древнем сооружении, а о существующем в указанное время ограждении города Бендеры; в-третьих, если следовать логике историка, то продление Днестро-Быкского вала к югу приведет нас к левобережью устья р. Ботна, то есть к оконечности Верхнего Траянова вала, а никак не Нижнеднестровского, берущего начало на ее правом берегу, но не напротив с. Киркаешты (Сапожников 2020, рис. 21-22; 25). А вот по какой причине С. Бакалов не довел вал до Калфы, хотя статистика однозначно зафиксировала его на землях этого села, для меня загадка.

Верхняя часть Днестро-Быкского вала

Замечу, что ситуация с началом этого участка вала почти противоположна предыдущей, так как он отмечен, и то частично, лишь на одной карте, а именно на листе XXX-8 трехверстовки, снятой, вероятнее всего, в начале 1850-х гг. На ней мы видим отрезок вала, протянувшийся с северо-запада на юго-восток от правого берега Днестра до левого берега Быка на пространстве между селами Телица и Гура-Быкулуй. Важно подчеркнуть, что его визирная линия, проложенная через долину р. Бык, «стреляет» в район церкви Рождества Пресвятой Богородицы села Калфа (рис. 6), что позволяет напрямую связать его с валом на правом берегу той же реки.

В следующий раз Верхняя часть Днестро-Быкского вала была описана в 1910-х гг.: «От с.

[8] «Карта Бессарабской области с показанием Трояновых валов, уездов, городов, почтовых дорог и ближайших селений около означенных валов. Копировал дворянин Федор Банташ». Рукописная, в цвете. Масштаб 10 верст в дюйме (1 : 420 000). На 2 листах размерами 55×81 см. Поступила в ООИД от Н.Н. Мурзакевича (Бертье-Делагард 1888, 7). В настоящее время хранится в ЗК НБУВ: № 15828 (Сапожников 2011, 231).

[9] Катаржи Илья Филиппович (1747-1822), армии бригадир, впоследствии – генерал-майор, начальник пограничной службы, 25 апреля 1796 г. жалован дипломом на потомственное дворянское достоинство (по прошению от 6 октября 1793 г.).

Рис. 5. Участок вала на «Карте Бессарабской области с показанием Трояновых валов» в 1820-х гг. (фрагмент копии 1840-х гг.).

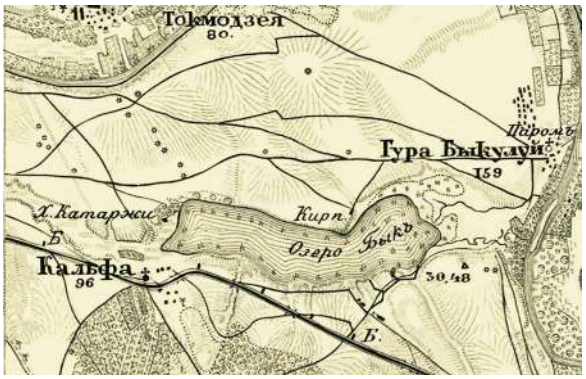


Рис. 6. Часть Днестро-Быкского вала в 1850-х гг. (Трехверстовая карта, лист XXX-8, фрагмент).

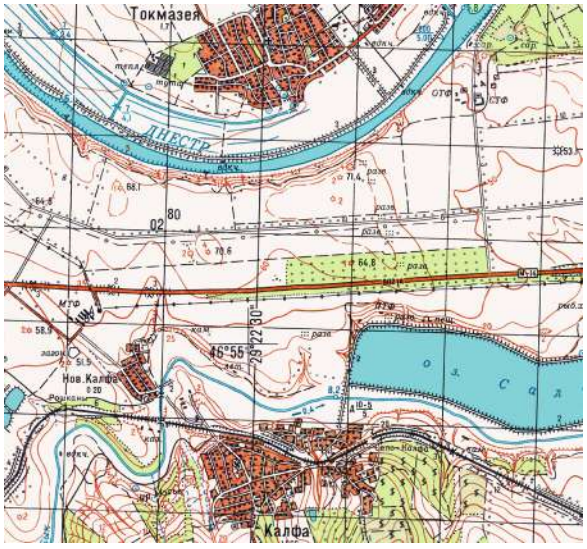


Рис. 7. Район расположения вала в Днестро-Быкском междуречье в 1988 г. (лист L350-47-Б; фрагмент).

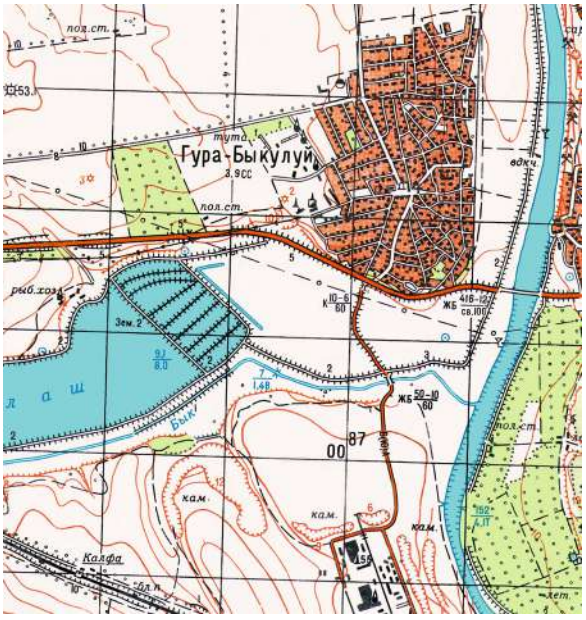


Рис. 8. Район расположения вала в районе гырла р. Бык в 1988 г. (лист L350-47-Б; фрагмент).

Пугачен через Шерпены и далее до с. Гура-Быкулуй Телицкой волости идет значительный и довольно хорошо сохранившийся вал» (Сапожников, Кашуба 2019, 134). Тут следует однозначно заявить, что информатор ошибся в определении крайних точек, так как объект не зафиксирован в статистическом описании дачи Гура-Быкулуй в 1827 г. (см. выше), а ниже будут приведены факты о его присутствии у с. Делакеу.

Скажу подробнее об отмеченном на трехверстовке участке вала. Он пересекает длинный мыс, образованный правым коренным берегом долины р. Днестр и таким же левым берегом долины р. Бык. На нем, на этой и более поздних картах, видно не менее двух цепочек курганов, вытянутых параллельно этой линии обороны, а также другие намогильные насыпи, расположенные как к востоку, так и к западу от нее (рис. 6-8).

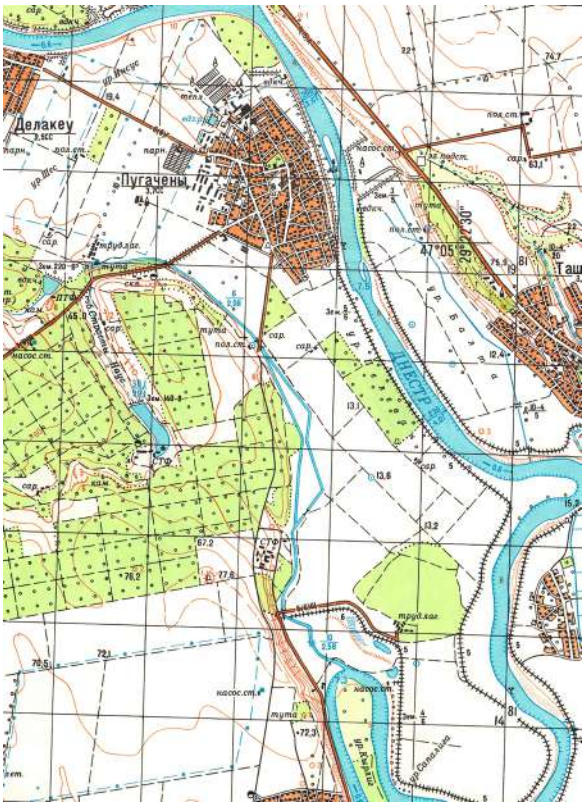


Рис. 9. Район расположения Днестро-Быкского вала у с. Пухэчень в 1988 г. (лист L350-35-Г; фрагмент).

Интересно и информативно описание данной местности анонимным краеведом: «Три кургана обнаружены в 6-7 км к западу от села [Гура-Быкулуй] и в 0,5 км к северу от шоссе Тирасполь – Черновцы, в урочище *Мовила луй Троян*. Центральный курган высотой 5-6 м и диаметром основания 50-60 м известен в селе под названием *Мовила луй Троян*. Поверхность насыпи задернована, но в верхней части и по бокам видны следы глубоких ям. Один из боковых курганов находится на расстоянии 0,4 км к северо-западу от центрального. Насыпь его почти полностью разровнена земляными работами. На ее поверхности встречаются человеческие кости, камни. Высота кургана, расположенного в 0,2 км к юго-востоку от центрального, составляет 1 м, диаметр – 35 м. Насыпь вспахивается и сильно разровнена. Этот курган был частично исследован В.А. Дергачевым в 1974 г.[10] <…> [Еще] два кургана обнаружены на расстоянии около 5 км к западу от села, в урочище *Ла Фортификаций*».[11] Итак, местные народные названия также, причем неоднократно, говорят о наличии здесь древних оборонительных сооружений, особенно учитывая то, что топоним «троян» в Молдове чаще означает не имя римского императора, а именно земляной вал.

Уместно привести общий план раскопок курганов В.А. Дергачева 1984 г., на котором отмечена и *Мовила луй Троян* (рис. 10/0)[12]. Этот курган четко совпадает с присутствующей на карте 1988 г. намогильной насыпью высотой более 4,0 м, имеющей абсолютную отметку вершины +70,6 м[13]. Примечательно, что к западу от него имелась выемка глубиной более 2,0 м (рис. 7). Заметим, что на аэрофотоснимке 2008 г. интернет-программы «Гугл-планета» (Google Earth) этой ямы искусственного происхождения уже не видно, зато в непосредственной близости и к северо-востоку от Могилы Траяна видны следы вала и рва, ориентированные по линии северо-запад – юго-восток (рис. 11-12), что в полной мере соответствует картине на трехверстовой карте (рис. 6).

Кстати говоря, в 2,3 км к востоку – юго-востоку от того же кургана, в каменистом обрыве левого берега озера Салаш на карте 1988 г. отмечена пещера (рис. 7). О ней в том же источнике 1910-х годов читаем: «В Бендерском уезде, к востоку от с. Телицы в скале находится пещера под названием «*Борта-Калугер*»[14]. Тут на камнях высечено много крестов» (Сапожников, Кашуба 2019, 138).

В сентябре 2023 г. сотрудники Национального археологического агентства выявили выше по течению Днестра соседний участок того (или иного) вала в ходе обследования городища, которое расположено примерно в 8,5 км к западу от северо-западной окраины села Гура-Быкулуй и в 1,5 км к юго-вос-

[10] См. полную публикацию этих раскопок (Дергачев 1984).

[11] Персональный сайт «Anenii-Noi – Новые Анены» / https://anenii-noi.ucoz.com/index/0-11

[12] На карте-схеме В.А. Дергачева показана старая дорога из Кишинева до строительства моста через Днестр у с. Гура-Быкулуй.

[13] В справочнике значится как курган №16 (G1.28) высотой 5-6, диаметром 50-60 м, расположенный в 6,7 км на запад от с. Гура-Быкулуй и в 500 м к северу от дороги Тирасполь – Черновцы (Ciobanu 1993, 24, 54).

[14] Калогер или калугер (с греч. – добрый старец) – в древности так называли старших монашествующих особ, впоследствии слово стало применяться ко всем монахам.

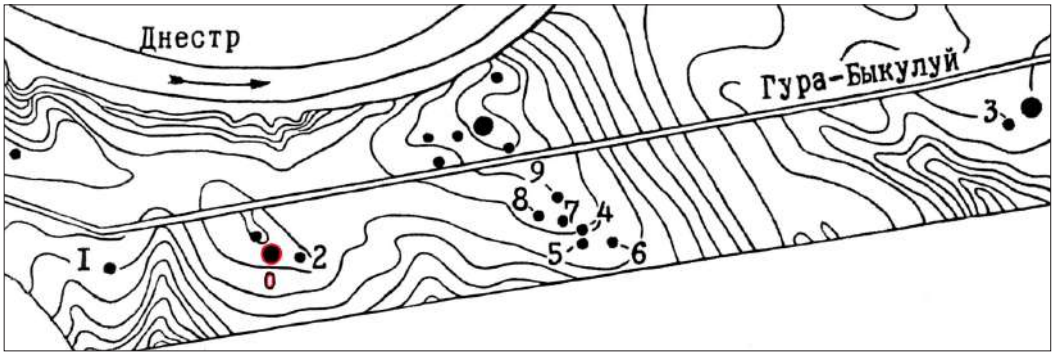


Рис. 10. План курганов Днестро-Быкского междуречья 1974 г.
(Дергачев 1984, рис. 1/0 - курган Мовила луй Троян).

току от села Телица. Здесь, на площади около 700×350 м были обнаружены фрагменты керамики, относящиеся «к раннему латену (V-III вв. до н.э.), римскому периоду (III в. от РХ) и раннему средневековью (X-XI вв. от РХ)». С юго-восточной стороны от городища был замечен «раздвоенный вал, разделяющий ограждение [вал или территорию городища (?)] на три сектора разного размера», а также «небольшой, сильно уплощенный курган». Исследователи нашли аналогии «этому укрепленному объекту» в 8 км в неназванной ими «цитадели»[15]. Определить, что именно они имели ввиду, не удалось, хотя можно предположить: упомянутое выше *селище Давыдово*[16], которое ранее располагалось к северу от с. Гура-Быкулуй (рис. 3-4), может оказаться этим памятником.

Сопоставление данной информации с современным аэрофотоснимком программы «Гугл-карты» подтвердило информацию о «сдвоенном вале», который тянется на некотором расстоянии от края правого коренного берега Днестра к юго-востоку от соответствующей окраины с. Телица на протяжении от 1,0 до 3,0 км от села, как бы ограничивая описанный молдавскими археологами объект с юго-запада (рис. 14). Помимо этого, на аэрофотоснимке программы «Гугл-планета» 2008 года видно схожее раздвоение (или ответвление) с изменением направления вала на левом берегу р. Бык (рис. 11).

Рис. 11. Участок Днестро-Быкского вала у Могилы Траяна (аэрофотоснимок Google Earth, 2008 г.).

Севернее, вплоть до с. Шерпены выразительные участки рва на аэрофотоснимках не прослеживаются, а крупное земляное сооружение, похожее на овальный в плане земляной форт, стоящее в 650 м к северу от мемориального комплекса на «Шерпенском плацдарме» (рис. 14), оказалось заброшенным водосборником оросительной системы постройки 1980-х гг. Об этом четко свидетельствует немецкий аэрофотоснимок апреля 1944, на котором ничего подобного не видно (рис. 15).

[15] https://ru.diez.md/2023/09/14/foto-v-rayone-aneniy-noy-obnaruzheny-novye-arheologicheskie-obaekty/

[16] Ныне в этом районе находится большой карьер по добыче камня.

Рис. 12. Могила Траяна и участок Днестро-Быкского вала у (аэрофотоснимок Google Earth, 2008 г.; увеличено).

Рис. 14. Водосборник (мнимый форт) к северу от с. Шерпень (аэрофотоснимок Google Earth, 2024 г.).

Рис. 13. Участок Днестро-Быкского вала к юго-востоку от с. Телица (аэрофотоснимок Google Earth, 2024 г.).

Рис. 15. Место мнимого форта в 1944 г. (немецкий аэрофотоснимок).

Переходя к описаниям северной оконечности Днестро-Быкского вала, отметим, что здесь сложилась ситуация, отличная от всех предыдущих участков: в распоряжении исследователей имеется ее подробное, причем опубликованное описание, но нет ни одного картографического изображения. Оказалось, что еще в 1959 г. Э. Рикман, не зная ни одного из приведенных выше фактов, охарактеризовал следы не одного вала, а довольно сложной фортификации: «*Система укреплений* находится у сел Пугачены и Делакеу. От Пугачен к западу по направлению к Делакеу наблюдаются два параллельных рва и примыкающие к ним с юга валы. Одна система рва и вала находится ближе к берегу р. Днестр и тянется по виноградникам вдоль берега, спрямляя его от с. Пугачены к с. Делекеу. Северо-западный конец этого укрепления в 1,5 км от с. Делакеу смыкается с берегом Днестра. Этот ров глубиной до 1,5 м, шириной около 10 м. В наиболее хорошо сохранившихся местах вал достигает высоты до 1 м, ширины – около 15 м. У северо-западного конца, у берега Днестра эти укрепления переходят в кругообразное сооружение высотой до 7 м, диаметром около 50 м. Вторая, южная по отношению к селам Пугачены и Делакеу линия укреплений ана-

Рис. 16. Участок вала к северо-западу от с. Пухэчень (аэрофотоснимок Google Earth, 2022 г.).

Рис. 17. Участок валов к югу от с. Пухэчень (аэрофотоснимок Google Earth, 2022 г.).

логична первой по направлению, но не смыкается с берегом Днестра. Последняя линия укреплений оканчивается у лесополосы между селами Пугачены и Делакеу. Народ называет эти места *Троянами*. Эти укрепления интересно сопоставить с сообщением Аммиана Марцеллина о сооружении готами укреплений на берегу Днестра для защиты от гуннов. Разведано Э. Рикманом и М. Хынку в 1959 г.» (Рикман 1975, 116-117). Заметим, что здесь, кроме валов и рвов, вероятнее всего говорится об овальном форте высотой до 7 м, диаметром около 50 м, возможно, аналогичном объекту, отмеченному к востоку от с. Калфа (см. выше).

Гораздо позже Л. Чобану привела эту цитату в «Своде памятников Новоаненского района 1993 г.», но не нанесла описанные объекты на приложенный к нему план-схему земель с. Пугачены, хотя в ходе подготовки издания провела там археологические разведки (Ciobanu 1993, 24, 54)[17].

По данным современной аэрофотосъемки в этом районе выделяются два участка с валами. Первый, менее выразительный, пролегает в виде прямой линии длиной около 1,15 км от северо-западной окраины с. Пугачены до правого берега Днестра (рис. 16), а второй в виде извилистой линии длиной 1,0 км – к югу от села. Последний можно предположительно интерпретировать как отвершек от другого вала (или рва), частично прослеживающегося вдоль берега Днестра и уходящего с юга под застройку села (рис. 17), что отчасти корреспондируется с информацией Э. Рикмана о валах, примыкающих ко рвам (см. выше). И напоследок приведу еще один современный аэрофотоснимок, на котором в 600 м к западу от северо-западной окраины с. Делакеу, на распаханном поле хорошо видно светлое пятно от какой-то прямоугольной земляной конструкции (рис. 18).

Рис. 18. Вероятный объект древней фортификации к западу от с. Делакэу (аэрофотоснимок Google Earth, 2024 г.).

[17] С отчетом Э. Рикмана и М. Хынку о полевых работах 1959 г. (если таковой существует), ознакомится пока не удалось.

Как видим, сказанного более чем достаточно, чтобы однозначно признать факт существования *Днестро-Быкского* земляного вала протяженностью около 40-41 км, разделенного на неравные участки поймой р. Бык. Он явно был сооружен для защиты правого берега Днестра от десантов с левого и от проникновения неприятельских войск в устье и выше по течению р. Бык. На правом берегу этой реки и далее по Днестру маршрут вала не вызывает сомнений, но выше, особенно на участке Телица – Шерпены, вал по имеющимся источникам не читается.

В итоге, если учесть замечания Э. Рикмана о двух разных участках вала у с. Пугачены (рис. 16; 17) и вспомнить два отличных друг от друга отрезка вала к востоку от с. Телица (рис. 11; 13), можно поставить вопрос о возможном наложении друг на друга (от с. Делакеу до с. Новая Калфа) как минимум двух оборонительных сооружений или о разных этапах строительства одного.

Проблемы интерпретации и датировки

Поскольку о нижней части Днестро-Быкского вала до нас никто не высказывался, сосредоточим свое внимание на идее Э. Рикмана, сопоставившего его северную оконечность (пугаченско-делакеуский) участок с сообщением Аммиана Марцеллина о сооружении готами укреплений на берегу Днестра для защиты от гуннов (см. выше). К сожалению, археолог не уточнил, что именно он имел ввиду, так как римский историк высказался на эту тему дважды.

О строительстве конкретно он сказал: «Пораженный этой новостью и еще большим страхом за будущее, он [Атанарих] стал возводить высокие стены от берегов реки Гераса (Gerasi) до Данубия, пересекая земли тайфалов; он полагал, что, устроив с быстрым старанием этот панцирь, он вполне обезопасит свою целость и невредимость. Но, пока сооружалась эта постройка, гуны теснили его быстрым наступлением и могли бы совсем раздавить его своим нашествием, если бы не отступили от этого дела, обремененные тяжестью добычи» (Аммиан Марцеллин, История XXXI.3.7-8).

На мой взгляд, время и контекст события близки исторической ситуации на Нижнем Днестре, сложившейся к 376 г. от РХ, но река Герас (Гиерас), кроме Днестра (Тираса), иногда ассоциируется также с Прутом и Сиретом, а Дунай находится на значительном удалении от нашего региона. Что до второго высказывания, приведенного в эпиграфе к статье, то в нем говорится об «устройстве на удобном месте просторного [большого] лагеря», а не о линии обороны. Место этого лагеря в разных переводах источника описано по-разному, и отличия весьма существенны: «близ берегов Данастия и вала гревтунгов (ac Greuthungorum vallem); «на удобном месте вблизи берега Днестра, на большом расстоянии от укрепленной линии гревтунгов»; «на берегах Данастрия в удобной местности поблизости от степей гревтунгов…»; «на берегу реки на достаточном удалении от долины гревтунгов» и т.д. (История XXXI.3.1; цит. по: Зиньковская 2018, 241).

Думается, что при таком состоянии одного из основных письменных источников по теме и полном отсутствии археологических материалов, а соответственно и датировок объектов, какая-либо дискуссия на тему их функциональной интерпретации и времени существования будет преждевременной и непрофессиональной.

Если же обратится к соседним, давно известным валам, о которых такая информация имеется, то недавно автор статьи сделал следующие выводы. Исходя из наличных данных и установленного факта что Нижнеднестровский и Верхний Траянов валы являются разными объектами (что заметил еще А. Вельтман), то сначала первый из них построили римляне против готов (в первой половине III в.), а второй возвели гревтунги (в конце III - начале IV вв.), создав в итоге мощную оборонительную линию с севера и с северо-востока. Накануне или незадолго до нашествия гуннов в 376 году северо-западную часть первого вала усилили тервинги Атанариха. Третий крупный и более ранний земляной вал Буджака (Нижний Траян) к тому времени был заброшен (Сапожников 2020, 232).

Таким образом, Э. Рикман может оказаться прав как минимум в датировке части (второй очереди) описанных укреплений, однако я бы не стал сбрасывать со счетов возможность первоначального сооружения Днестро-Быкского, как и Нижнеднестровского, вала римлянами. Напомню, что римский географ и

астроном К. Птолемей еще во II в. от РХ описал в районе правобережья Нижнего Днестра несколько поселений, входящих в провинцию Мезия, и еще один населенный пункт – Эракт «выше реки Тиры около Дакии» (Ptol. III. 5. 14-15). В. Зубарев локализовал последний на правом берегу этой реки, сравнительно недалеко (выше по течению) от Днестро-Быкского вала (Зубарев 1999, рис. на с. 74). Теперь археологам предстоит не только выявить в поле и исследовать данный весьма неординарный комплекс фортификационных сооружений, но и подтвердить или опровергнуть и эту идею.

Благодарности. Автор высказывает глубокую признательность И. Палярушу и А. Русанову за предоставленные карты и аэрофотоснимки, а С. Агульникову – за оперативные консультации и ценные советы.

Библиография

Бертье-Делагард 1888: А.Л. Бертье-Делагард, Каталог карт, планов, чертежей, рисунков, хранящихся в музее Императорского Одесского общества истории и древностей (Одесса 1888).

Вельтан 1828: А. Вельтман, Начертание древней истории Бессарабии с присовокуплением исторических выписок и карты (Москва 1828).

Вельтман 1837: [А.Ф. Вельтман], Воспоминание о Бессарабии. Современник VII, 1837, 226-249.

Дергачев 1984: В.А. Дергачев, Курганы у с. Гура-Быкулуй. В сб.: (Отв. ред. И.И. Артеменко) Курганы в зонах новостроек Молдавии (Кишинев 1984), 3-36.

Зиньковская 2018: И.В. Зиньковская, Готланд Эраманриха. Остроготы в Восточной Европе на рубеже Древности и Средневековья (Москва - Санкт-Петербург 2018).

Зубарев 1999: В.Г. Зубарев, Римские дороги в междуречье Истра (Дуная) и Тираса (Днестра) по данным Клавдия Птолемея. ВДИ 3, 1999, 67-76.

Рикман 1975: Р.Э. Рикман, Памятники сарматов и племен черняховской культуры. Археологическая карта Молдавской ССР, вып. 5 (Кишинев 1975).

Сапожников 2011: И.В. Сапожников, Древние валы Бессарабии или Буджака: из истории картографирования в XVIII-XIX вв. МАСП 12, 2011, 206-236.

Сапожников 2013: И. Сапожников, Новые картографические материалы о древних валах Бессарабии. Tyragetia s.n. VII/1, 2013, 345-354.

Сапожников 2020: И. Сапожников, Нижнеднестровский (Змеевый) вал – часть лимеса Римской империи: картографо-археологическое исследование. Tyragetia s.n. XIV/1, 2020, 215-236.

Сапожников, Думиника 2023: И.В. Сапожников, И.И. Думиника (ред.), Археолого-историко-этнографические описания Буджака: статьи 1884 года с комментариями и иллюстрациями (Одесса - Кишинев 2023).

Сапожников, Кашуба 2019: И. Сапожников, М. Кашуба, «Свод памятников старины и археологических находок в Бессарабии» Н. Могилянского и Я. Эбергарда. Tyragetia s.n. XIII/1, 2019, 121-148.

Статистическое 1899: Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой, или Буджака, с приложением генерального плана его края, составленного при гражданской съемке Бессарабии, производившей[ся] по Высочайшему повелению [с] размежевание[м] земель оной на участки с 1822 по 1828 год (Аккерман 1899).

Щукин 1999: М.Б. Щукин, Забытые бастарны. Stratum plus 5, 1999, 75-90.

Bacalov 2014: S. Bacalov, Consideraţii privind Troianul nistrean (Valul Zmăului). In: Conferinţa ştiinţifică internaţională: «Tineretul şi globalizarea. Probleme şi oportunităţi» Chişinău, 11-12 aprilie 2014 (Chişinău 2014), 66-74.

Ciobanu 1993: L. Ciobanu, Repertoriul monumentelor arheologice din raionul Anenii-Noi, Republica Moldova. Chişinău, 1993. Arhiva MNIM, inv. nr 1.

Postică, Vornic, Bubulici 2024: G. Postică, V. Vornic, V. Bubulici, Monoxila din râul Nistru, descoperită în preajma satului Puhăceni. In: (Ed. V. Vornic) Cercetări arheologice în Republica Moldova. Campania 2023. Program. Rezumatele comunicărilor (Chişinău 2024), 93-95.

Valul antic de apărare Nistru-Bâc: istoria studierii şi cartografie

Cuvinte-cheie: malul drept al Nistrului Inferior şi cursul inferior al Bâcului, val de apărare din pământ, cartografie şi descrieri din sec. XIX-XX, cercetări arheologice în regiune începând cu a. 1959, planigrafia, interpretarea şi datarea întăriturilor liniare din pământ.

Rezumat: Valurile de apărare liniare ale Basarabiei și Bugeacului au putut fi menționate încă în antichitatea târzie, dar cercetarea lor științifică a început odată cu fixarea lor de către cartografi în aa. 1810-1820. Primul studiu general despre ele și harta anexată au fost realizate și publicate de către A. Veltman în a. 1828. În ele figurau Valurile lui Traian Inferior și Superior, valurile de la Prut și, fragmentar, cel de la Nistru (Șerpeni). În articol sunt prezentate toate materialele existente despre încă un val din regiune – Nistru-Bâc, fixat (deocamdată cu întreruperi) pe malul drept al Nistrului, de la s. Varnița până la s. Delacău, pe o întindere de 40-41 km. Autorul nu contestă versiunea lui E. Rikman despre faptul că acest sistem de fortificații poate fi referit la epoca lui Atanarih și a incursiunii hunilor, dar, reieșind din unii indici planigrafici și de alt tip, o anumită parte a lui ar fi putut fi construită de către romani nu mai târziu de prima jumătate a sec. III p. Chr.

Lista ilustrațiilor:

Fig. 1. Valurile antice pe „Harta istoriei antice a Basarabiei". 1827 (Вельтман 1828; fragment).

Fig. 2. Partea inferioară sau de sud-est a valului Nistru-Bâc pe „Harta topografică a părților Moldovei, Basarabiei și Bulgariei". aa. 1819-1820 (fragment).

Fig. 3. Partea inferioară a valului Nistru-Bâc pe „Harta Basarabiei, așa-zisei, sau a Bugeacului...". aa. 1822-1828 (fragment din original).

Fig. 4. Partea inferioară a valului Nistru-Bâc pe „Harta Basarabiei, așa-zisei, sau a Bugeacului...". aa. 1822-1828 (fragment din copie).

Fig. 5. Sector al valului pe „Harta regiunii Basarabia cu indicarea valurilor lui Traian" în aa. 1820 (fragment al copiei din aa. 1840).

Fig. 6. Parte a valului Nistru-Bâc în aa. 1850 (Harta la scara de trei verste, fila XXX-8, fragment).

Fig. 7. Zona amplasării valului în interfluviul Nistru-Bâc în a. 1988 (fila L350-47-Б; fragment).

Fig. 8. Zona amplasării valului în apropiere de gârla r. Bâc în 1988 (fila L350-47-Б; fragment).

Fig. 9. Zona amplasării valului Nistru-Bâc lângă s. Puhăceni în a. 1988 (fila L350-35-Г; fragment).

Fig. 10. Planul tumulilor interfluviului Nistru-Bâc în a. 1974 (Дергачев 1984, fig. 1/0 – tumulul Movila lui Traian).

Fig. 11. Sector al valului Nistru-Bâc lângă Movila lui Traian (aerofotografie Google Earth, 2008).

Fig. 12. Movila lui Traian și un sector al valului Nistru-Bâc (aerofotografie Google Earth, 2008; mărit).

Fig. 13. Sector al valului Nistru-Bâc la sud-est de s. Telița (aerofotografie Google Earth, 2024).

Fig. 14. Colector de apă (fortul fictiv) la nord de s. Șerpeni (aerofotografie Google Earth, 2024).

Fig. 15. Locul fortului fictiv în a. 1944 (aerofotografie germană).

Fig. 16. Sector al valului la nord-vest de s. Puhăceni (aerofotografie Google Earth, 2022).

Fig. 17. Sector al valului la sud de s. Puhăceni (aerofotografie Google Earth, 2022).

Fig. 18. Un presupus obiect de fortificație antică la vest de s. Delacău (aerofotografie Google Earth, 2024).

Ancient Dniester-Bîc defensive rampart: history of study and cartography

Keywords: right bank of the Lower Dniester and the lower reaches of the Bîc River, earthen rampart, cartography and descriptions of the 19th-20th centuries, archaeological research of the area since 1959, planigraphy, interpretations and dating of the linear earthworks.

Abstract: The linear earthen ramparts in Bessarabia and Budzhak may have been noted in late antiquity, but their scientific study began simultaneously with their recording by cartographers in the 1810s and 1820s. The first general work about them and the map attached to it were created and published by A. Veltman in 1828. They featured the Lower and Upper Trajan's walls, Prut Wall and fragmentary Dniester (Șerpeni) Wall. The article publishes all available materials on another wall in the region – the Dniester-Bîc Wall, recorded (so far with interruptions) on the right bank of the Dniester from the village of Varnita to the village of Delacău over a distance of 40-41 km. The author does not refute E. Rickman's version that this system of fortifications may date back to the time of Athanaric and the invasion of the Huns, but based on a number of planigraphic and other indicators, he admits that some of them could have been built by the Romans no later than the first half of the 3rd century BC.

List of illustrations:

Fig. 1. Ancient ramparts on the "Map of the Ancient History of Bessarabia" 1827 (Вельтман 1828; fragment).

Fig. 2. The lower or southeastern part of the Dniester-Bîc Wall on the "Topographic map of parts of Moldavia, Bessarabia and Bulgaria" of the 1819-1820s (fragment).

Fig. 3. The lower part of the Dniester-Bîc Wall on the "Map of Bessarabia, actually so-called, or Budzhak..." of 1822-1828 (fragment of the original).

Fig. 4. The lower part of the Dniester-Bîc Wall on the "Map of Bessarabia, actually so-called, or Budzhak..." of 1822-1828 (fragment of a copy).

Fig. 5. Section of the rampart on the "Map of the Bessarabia region with indications of the Trajan's Ramparts" in the 1820s (detail of a copy from the 1840s).
Fig. 6. Part of the Dniester-Bîc Wall in the 1850s. (Three-verst map, sheet XXX-8, fragment).
Fig. 7. The area where the wall was located in the Dniester-Bîk interfluve in 1988 (sheet L350-47-B; fragment).
Fig. 8. The area where the wall is located, near the mouth of the Bîc River, 1988 (sheet L350-47-B; fragment).
Fig. 9. The location of the Dniester-Bîc Wall near the Puhăceni village in 1988 (sheet L350-35-G; fragment).
Fig. 10. Plan of the mounds in the Dniester-Bîc interfluve, 1974 (Дергачев 1984, рис. 1; 0 – Trajan's Tomb mound).
Fig. 11. Section of the Dniester-Bîc Wall at Trajan's Tomb (Google Earth aerial photo 2008).
Fig. 12. Trajan's Tomb and a section of the Dniester-Bîc Wall (Google Earth aerial photo 2008; enlarged).
Fig. 13. Section of the Dniester-Bîc Wall southeast of the Calfa village (Google Earth aerial photo 2024).
Fig. 14. Water reservoir (imaginary fort) north of the Șerpeni village (Google Earth aerial photo 2024).
Fig. 15. The site of the imaginary fort in 1944 (German aerial photograph).
Fig. 16. Section of the rampart northwest of the Puhăceni village (Google Earth aerial photo 2022).
Fig. 17. Section of ramparts south of the Puhăceni village (Google Earth aerial photo 2022).
Fig. 18. Probable object of ancient fortification to the west of the Delacău village (Google Earth aerial photo 2024).

28.02.2024

Др. хаб. Игорь Сапожников, Отдел Крыма и Северо-Западного Причерноморья Института археологии, Национальная Академия наук Украины, пр. Героев Сталинграда 12, 04210 Киев, Украина, https://orcid.org/0000-0003-3889-6714; e-mail: ssappog5@gmail.com

ПЕТРОАССКИЙ КЛАД, ВАЛАШСКОЕ КНЯЖЕСТВО И ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ в 1840-х гг.

Игорь Сапожников

Петроасское сокровище – памятник ювелирного дела, выделяющийся как среди всего, что оставила нам греко-римская цивилизация, так и из интересных и курьезных произведений средневековья.
А. Одобеско (Odobesco 1889-1900, VIII)

Ключевые слова: Петроасский клад, Одесское общество истории и древностей, зарубежный корреспондент общества И. Яковенко, неопубликованная работа «Взгляд на древности Дакии нынешней Молдавии и Валахии в 1842 г.» и ее содержание.

Так уж сложилось, что получение специалистами 12 предметов Петроасского клада (в 1838 г.) и основание в Одессе общества истории и древностей (в 1839 г.) почти совпали во времени. Еще через 4-5 лет в первом томе «Записок» общества появилась анонимная информация о находке клада, его составе, происхождении и датировке (Древности 1844), основанная на первой «отечественной» публикации этого уникального комплекса (Asaki 1841) и его описании директором Валахских училищ и Бухарестского музея П. Поэнаром (Древности 1844)[1]. Публикуя ее, редакторы издания явно рассчитывали на повышенный интерес читателей к этому беспрецедентному открытию[2], но, как ни странно, ни на просвещенную публику, ни на историков и археологов оно впечатления не произвело. Мне, к примеру, не удалось найти ни одной ссылки на эту статью, в отличие от трехтомной монографии А. Одобеско (Odobesco 1889-1900), которая, впрочем, больше известна в Европе, чем в Российской империи, СССР и странах бывшего СНГ, естественно, за исключением Республики Молдова. Исходя из сказанного, а также того факта, что и упомянутая книга увидела свет лишь 50 и 60 лет спустя после обретения клада, автор считает уместным републиковать некоторые выдержки из данного анонимного обзора, тем более, что в подробной книге А. Одобеско имеются некоторые расхождения с приведенными в нем фактами.

По информации П. Поэнара обстоятельства находки Петроасского сокровища такие: «В уезде Бузео, между городом этого имени и другим, называемым Плоешти, в расстоянии около 20 миль к северо-востоку от Бухареста и почти в таком же к югу от Браилова, находится деревня [село] Пьетросул, расположенная у подошвы горы, которая жителям этой деревни служит каменоломнею. Камень добывается под открытым небом и по свойству своему известково-раковинный. Двое из крестьян этой деревни, работая в 1836 году в каменоломне, на высоте более 1000 футов над деревней, и очищая глыбу камня, которую располагались [предполагали] потом отесывать, нашли однажды подле этого камня, на глубине 11 футов, несколько сосудов из цельного золота, поваленных один на другой. Бедные мужики приняли сначала драгоценный метал за желтую медь и хотели все найденные вещи выменять у медника на несколько кастрюль; но так как дела этого не могли они с ним уладить, вещи остались у них и года два лежали заброшенными и почти забытыми

[1] По данным издателей: «В апреле месяце 1840 года Общество получило от бывшего тогда генеральным консулом в Валахии и Молдавии, ныне уполномоченного нашего при Оттоманской Порте <...> В.П. Титова извещение о находке в уезде города Бузео древних золотых вещей и с тем вместе описание этих вещей и местности, где он в найдены, составленное г. Поэнаром, директором Валахских училищ и Бухарестского Музея, в который поступили означенные вещи» (Древности 1844, 620).

[2] Речь шла почти о почти 19 кг ювелирных изделий в золоте и драгоценных камнях (Odobesco 1889-1900, 13) – своеобразном «рекорде», который был побит только в 1922 г. Г. Картером после открытия гробницы фараона Тутанхамона.

на чердаке. Потом показали они их одному албанскому мостовщику [строителю мостов], который, признав ценность металла, купил их за 8000 пиастров [то есть почти за 800 серебряных руб.][3].

До сих пор все вещи оставались в том виде, в каком были найдены, но албанцу, по приобретении их, пришла несчастная мысль переломать их и передавить [с] помощью молотка и топора, чтобы потом отдать расплавить. В таком положении поступили они в руки правительства. Произведены были разыскания на месте и новые поиски около того камня, где, по показанию крестьян, найдены вещи, но тут не открыли никаких следов древних построек, и даже ни один из старожилов деревни не мог припомнить, чтобы видел в этом месте какие-нибудь следы человеческих работ; все уверяли, напротив, что недавно еще вся гора покрыта была непроходимым лесом. По внизу горы, середи деревни видны основания крепости из тесаного камня и кругом их валов и рва, в которые вода проведена была, кажется, из подле текущего ручья. Укрепление это стоит на возвышенной плоскости около 200 футов над уровнем равнины. С севера прикрывает его помянутая гора, составляющая последний уступ Карпатов в направлении к бассейну Дуная; на юге владычествует оно обширною равниной, стелющеюся до самых берегов этой реки» (Древности 1844, 620-621).

Далее в заметке имеется составленный П. Поэнаром перечень с описанием 12 предметов, с указанием размеров (в мм) и веса (в лейпцигских фунтах)[4], всего – 40 15/64 фунтов. Как говорилось выше, А. Одобеску опубликовал «таблицу веса каждого предмета, составленную при передаче клада в Национальный музей в Бухаресте в 1842 году», подписанную П. Поэнаром и М. Гикой, в которой размеры опущены (Odobesco 1889-1900, 13).

И под конец в статье приведена интерпретация находки из первой публикации Г. Асаки (см. выше), а точнее предположение, «что вещи, ее составляющие, работаны были в Константинополе около VI или VII вв. для того, чтобы послать их в дар какому-нибудь из предводителей тех варварских орд, которые с берегов Дуная простирали набеги свои почти до самых ворот Нового Рима. Предположение это основывается преимущественно на соображении ценности металла с несоответствующей ему грубостью стиля в изображении фигур и орнаментации, обличающей эпоху древнего искусства, предшествовавшую совершенному его падению. Вещи, назначавшиеся в дар таким врагам, должны были <…> удовлетворять прежде всего их жадности ценностью металла, и в то же время пленять глаза их множеством украшений; но благочестие цезарей византийских не позволяло им осквернять святыни, отдавая в руки неверных варваров какие-либо произведения искусства с христианскими изображениями, которые бы притом очень мало согласовались со сценами оргий, где, без сомнения, должны фигурировать золотые сосуды, посылавшиеся в дар какому-нибудь предводителю гуннов или аваров; потому-то на сосудах этих и изображали фигуры мифологические» (Древности 1844, 623).

Добавлю также, что гораздо позднее публикацией Г. Асаки воспользовался А. Одобеску. Он написал, что в номере за июль, август и сентябрь журнала «Le Glaneur moldo-valaque (Spicuitorul moldo-roman)» 1841 г. «на двух таблицах изображены в очень маленьких размерах крючок V, два кольца II и III, горжетка VI и восьмиугольная корзина XI[5]». Приведя их изображения в своей книге, автор заметил, что «на этих рисунках, которые в целом довольно точны, есть некоторые ошибки в деталях» (Odobesco 1889-1900, 30, fig. 10).

Но этим связь Одесского общества истории и древностей (далее ООИД) с Петроасским кладом не ограничивается. В делах общества, хранящихся в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины, имеется рукопись «Взгляд на древности Дакии[,] нынешней Молдавии и Валахии в 1842 году». На ней указано, что она отправлена «Одесскому обществу *любителей древностей*[6] заграничным

[3] По данным Е. Ковалевского, в 1843 г. в Валахии «1 пиастр почти равнялся 10 коп. серебром» (Ковалевский 1845, 114).

[4] Плюс в 13 пункте вес «разных обломков». 1 фунт = 468 грамм.

[5] Номера соответствуют нумерации предметов клада в монографии А. Одобеско.

[6] Так в оригинале.

корреспондентом оного общества [чиновником] 5-го класса [статским советником] Игнатием Яковенко из Букареста в Валахии 15 сентября 1842 г.»[7]. И. Яковенко стал членом общества незадолго до этого – 27.04.1842 г. (Мурзакевич, 1844, 570).

Познакомимся с этим весьма неординарным персонажем: *Яковенко Игнатий Павлович* (1786-1867 –?)[8]. На службе с 1795 г. На почтовой службе с 1806 г. Статский советник (с 1835 г.). Бухарестский заграничный почтмейстер (с 03.08.1812). Производил перлюстрацию (тайное вскрытие корреспонденции) для МИД (с 1825 г.). Жалованье в год (серебром): 1500 руб. + секретно 1000 руб. (с октября 1841 г.) + казенная квартира. С 1848 г. тяжело болел (потеря памяти). 5 мая 1849 г. уволен с пенсией 1500 руб. (обычно губерн. почтмейстер получал 343 руб.). В ряде справочников назван «писателем» и «географом». Награды: ордена Св. Владимира IV ст. (1812) и Св. Анны II ст. с короной (26.07.1834), перстень с брильянтами (1836), знаки отличия «XX лет…» (22.08.1829) и «XXXV лет беспорочной службы» (1843)[9]. В Бухаресте имел дом с фруктовым садом и виноградником (Список 1847, 93). Сын: Павел Игнатьевич (1803 - 05.05.1871) – генерал-майор (с 14.06.1855), кавалер ордена Св. Георгия IV ст. (04.12.1843).

Заметим, что ко времени вступления в состав ООИД И. Яковенко опубликовал две книги о Молдавии и Валахии – одну описательную (Яковенко 1828), а другую о событиях национально-освободительного движения (Яковенко 1834), и к началу 1840-х гг. был уже известным автором. При этом первая из них критиковалась в солидном журнале «Московский вестник» (Венелин 1828)[10], причем даже его редактором М. Погодиным. В целом он положительно оценил ее как познавательную с точки зрения изложенных фактов и их пояснения, но ее историческую составляющую назвал «воспоминанием, кроме списка господарей, маловажным и необработанным, да и форма его обветшалая. Автор вспоминает историю, пока чинили его коляску» (Барсуков 1888, 294-295)[11].

Кстати, будучи Бухаресте зимой 1830-1831 гг., Ю. Венелин бывал в доме у И. Яковенко, о чем писал М. Погодину (Венедиктов 2005, 137). Бухарестский почтмейстер не только шпионил для Российской империи, но и вел активную общественную жизнь. Так, он принял участие в создании книжного фонда Кишиневской публичной библиотеки, открытой 22.08.1832 г. Еще 13.03.1832 г. в письме к Бессарабскому гражданскому губернатору А. Сорокунскому он сообщил, что разыскал в разных местах 76 экземпляров *большей частью старых книг*, «…по неимению в книжных лавках новых. Малое только число не нашлось из показанных в реестре, но, чтобы заменить недостаток сей, я присовокупляю другие, которые для удовольствия кишиневской публики и распространения просвещения будут не излишни» (Ганенко 1966, 27-28).

Об И. Яковенко и его гостеприимном доме в Бухаресте, кроме Ю. Венелина, вспоминал ряд других визитеров, приезжавших из Российской империи. Зиму 1843-1844 гг. в Валахии провел дипломат, ученый-географ, путешественник, геолог, археолог и востоковед, а также писатель, драматург и почетный член Петербургской Академии наук Егор Ковалевский (1809-1868). Он бывал в гостях у почтмейстера и точно был знаком с его книгой 1828 г. В ту зиму часто устраивались литературные вечера, на которых бывали местные

[7] Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. Вернадского (Киев) (далее ИР НБУВ) (далее ИР НБУВ), Ф. V, дело 1038, 26 л. На том же листе есть дата получения документа – 25.09.1842 года и входящий №107. Правда, после этого данные о каких-либо контактах между И. Яковенко и ООИД отсутствуют, как и информация о его выходе из состава общества.

[8] Эти годы жизни, которые не корреспондируются с приведенным ниже и дополненным нами послужным списком, опубликованы без указания источника (Казнарський 2004, 124).

[9] Российский государственный исторический архив (далее РГИА), Ф. 1284, оп. 241, д. 240, л. 54-55 об.; д. 242. л. 88-90; Измозик 2015, прил. 5. Библиографический словарь ряда видных сотрудников «Черных кабинетов», №47.

[10] Ю. Венелин нашел, что И. Яковенко, причем не только в тексте, а соответственно на приложенной к книге «Карте Валахии, Молдавии и Бессарабии» (рис. 1) неверно перевел на русский язык многие названия, что необходимо исправить: Бузео (Бузеу) на Бузев, Тирлау на Тирлов, Бакеу на Баков и многие другие (Венелин 1828, XI, 160-173).

[11] Впрочем, во время пребывания в Бухаресте зимой 1830-1831 гг. Ю. Венелин не раз пользовался гостеприимством И. Яковенко, о чем писал М. Погодину (Венедиктов 2005, 137).

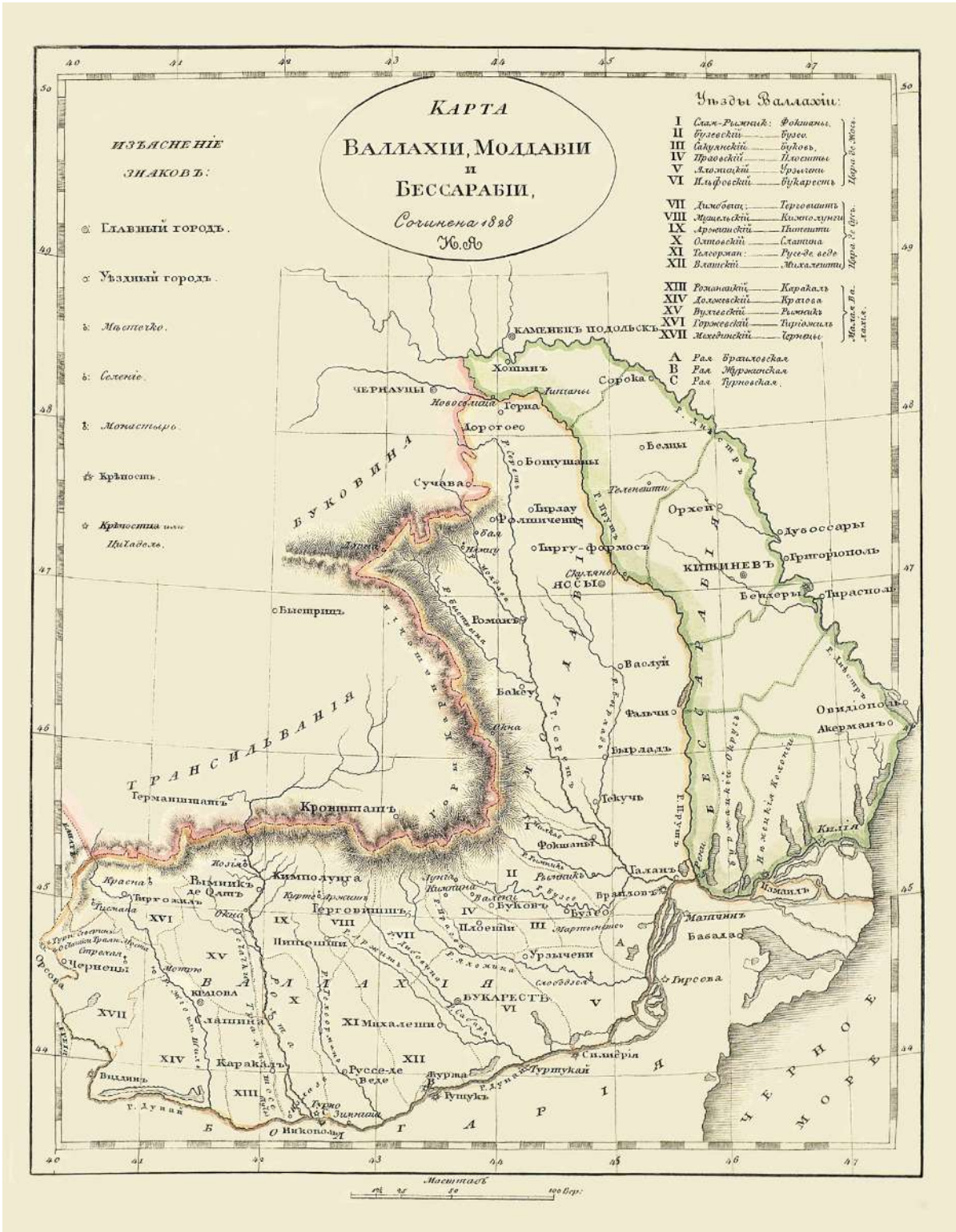


Рис. 1. «Карта Валахии, Молдавии и Бессарабии» (Яковенко 1828, вкладка).

литераторы и ученые (в частности, организаторы тайного общества «Справедливость и братство»), а также балы у виднейших бояр Валахии и в доме И. Яковенко. Очевидно, что Е. Ковалевский «не мог оставаться в стороне от этих событий» (Двойченко-Маркова 1968, 425 и др.)[12].

Что касается рукописи «Взгляд на древности Дакии…», то ее можно оценить как реферат об известных объектах региона (Траяновых валах и пр.), составленный по книге Д. Кантемира «Описание Молдавии» и целому ряду других, в том числе и современных источниках[13]. В ней также дано описание нескольких письменных памятников римского времени, найденных в Валахии, но есть и прямое обращение к Петроасскому кладу. На самом деле речь идет об одном предмете – кольце с надписью (рис. 2; 4/6). Автор привел его прорисовку и сообщил, что Г. Асаки в упомянутой выше публикации предложил перевод «Веселись и пей», то есть интерпретировал надпись как посвящение Бахусу на древнегреческом языке, но сам И. Яковенко этих слов не увидел (л. 8).

Далее он пространно рассуждает об античной и римской истории региона (л. 8об.-9об.) и, не приведя ни одного факта, приходит к выводу, что «кольцо было и есть уже не римское, а чи[с]тая[14] принадлежность древних славян, и оно служит более всего удостоверительнейшим доказательством, что даки нынешней Молдо-Валахии должны быть причисляемы более к семейству родных наших славян, нежели римлян…» (л. 10).

Общий вывод И. Яковенко такой: «В заключении сего я должен и еще повторить здесь, что Славянщина Даков подтверждается более всего надписью вышеупомянутого золотого кольца, сохранившегося через многие веки в недрах земли Валашской, как бы для нарочитого доказательства первобытного здесь

Рис. 2. Пропись надписи на золотом кольце (Яковенко 1842, док. А, л. 23).

Рис. 3. Фрагменты кольца с надписью из Петроасского клада (Odobesco 1889-1900, 362, fig. 136).

владычества славян…» (л. 10об.). Чуть выше, доказывая «валашскую славянщину», автор утверждает, что «митрополиты и князья Валахские писались [именовались] всегда и даже в позднейшие времена не Романами, а Унгро-Влахами, как можно видеть из прилагаемых при сем копиях под литерами В и Г» (л. 10), то есть в грамотах 1476 и 1471 гг. (рис. 5; 6).

В приложенном к рукописи «Листе» охарактеризованы все сохранившиеся предметы клада с указанием веса и размеров (приложение). В его пространном названии И. Яковенко изложил даже обстоятельства находки, и сообщил, что так называемый «Мастер» купил у одного «сельского обитателя» изделия «менее, чем за 200», но не указал, каких именно денежных единиц. В «Листе» еще раз изображена прорисовка надписи на кольце (рис. 2), а описание предметов клада проиллюстрировано таблицей рисунков, выполненных несколько небрежно и без указания масштаба (рис. 4/1-11)[15]. Остается сказать о том, что для характеристики предметов Петроасского клада (наверняка, кольца с надписью, блюда с фигуркой и

[12] Ход поездки, главной целью которой была разведка в «Валахии и на восточном склоне Карпатских гор» россыпей золота и других металлов, освещен в популярной книге. Она содержит массу интересных фактов и наблюдений, а автор не раз подчеркивает «славянскость» местного населения и использует термин «булгаро-славянский язык» (Ковалевский 1845, 202 и др.).

[13] На упомянутой карте И. Яковенко обозначил остатки Траянового моста и шоссе (рис. 1).

[14] Буква пропущена переписчиком.

[15] Два разных предмета пронумерованы одним номером – 11.

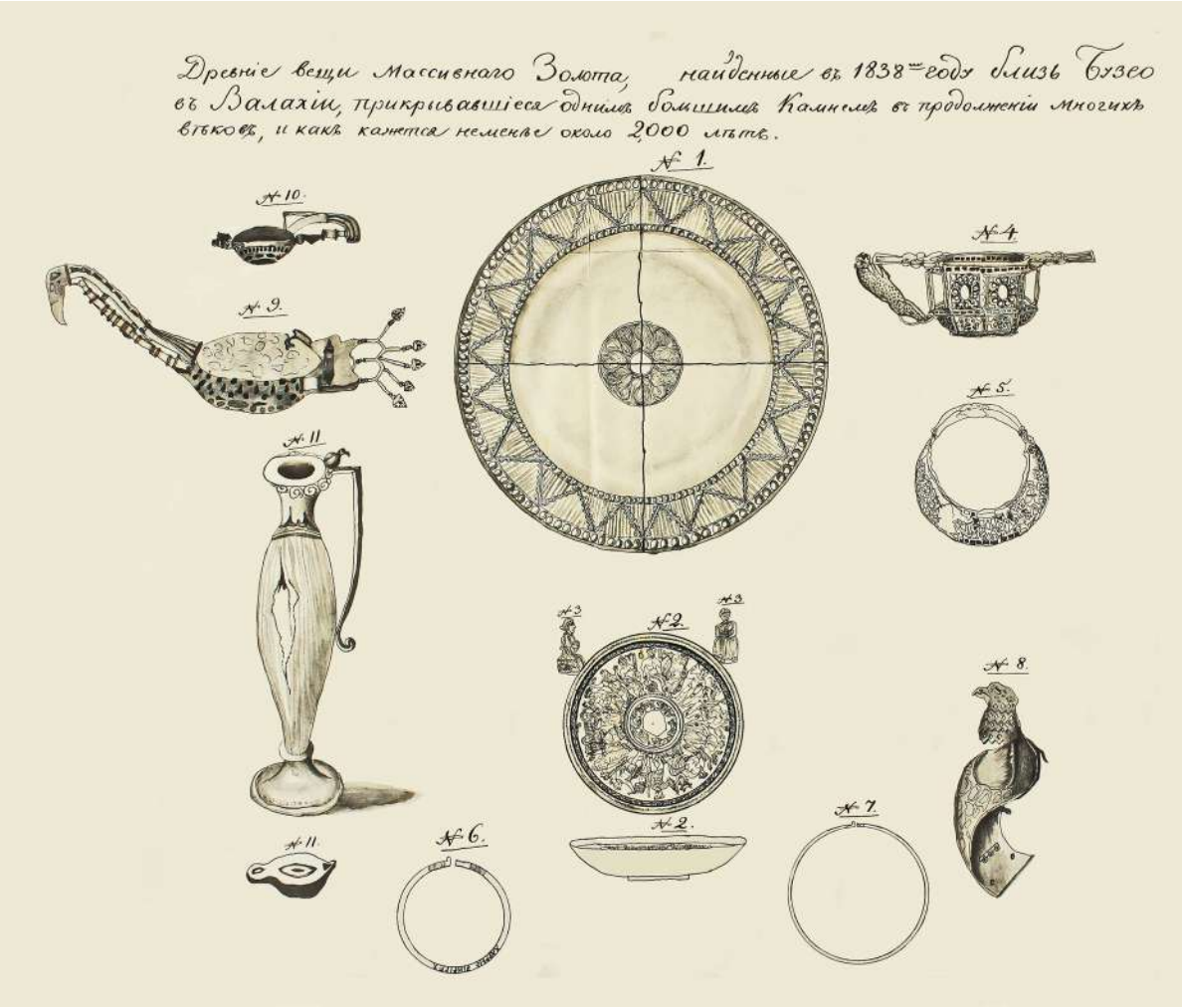


Рис. 4. Предметы Петроасского клада (Яковенко 1842, док. Б, л. 26).

корзинки с леопардами) И. Яковенко пользовался публикацией Г. Асаки и приведенными в ней рисунками, которые позже републиковал А. Одобеско (сравн. рис. 4 с: Odobesco 1889-1900, fig. 10)[16].

Итак, автор считает необходимым констатировать, что приведенные в настоящей статье факты навряд ли смогут добавить что-либо принципиально новое для интерпретации Петроасского клада. Однако они еще раз подчеркивают его важность для изучения истории не только Румынии и Республики Молдова, но и Украины, а также повествуют о несостоявшейся попытке использования их для пропагандирования балкано-славянских нарративов Российской империи. Правда, эта попытка, предпринятая агентом МИД Российской империи в Бухаресте И. Яковенко в опусе «Взгляд на древности Дакии, нынешней Молдавии и Валахии в 1842 году», оказалось настолько неуклюжей, что руководство ООИД, признавая научную ценность Петроасского клада, отказалось от ее публикации и от каких-либо иных услуг своего «иностранного корреспондента».

Не следует также забывать, что предметы клада с 1916 по 1956 гг. находились «на хранении» в Российской империи и СССР, попав в Москву через Одессу по очень сложному маршруту (Савченко, Сапожников, Поляруш 2023). А в наше время, по мнению обеих сторон, ряд проблем реституции «румынского золота» и других «репараций» остается открытым (Покивайлова 2021).

[16] Сравните также рис. 2 и 4/6 с рис. 3.

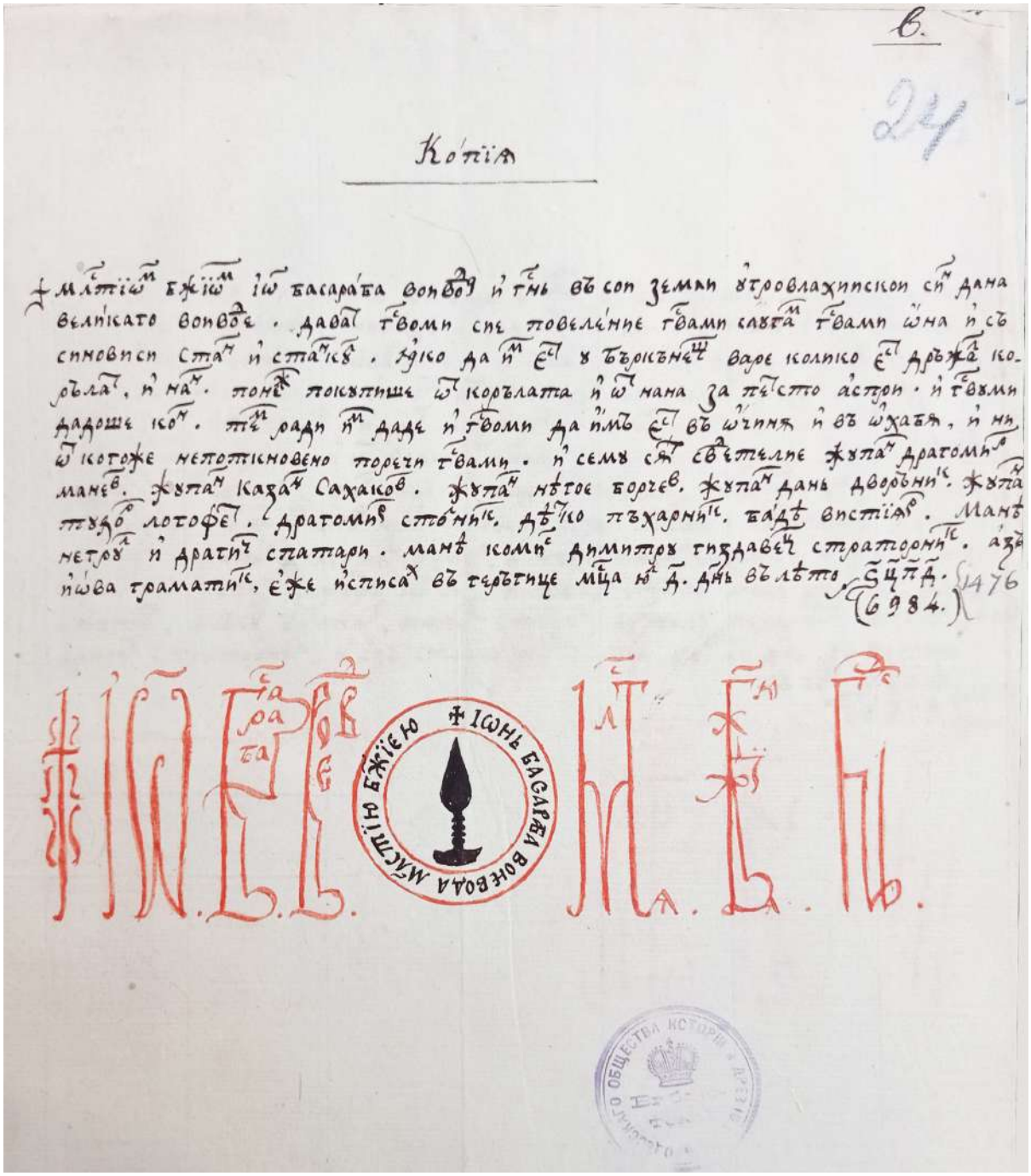


Рис. 5. Грамота 1467 г. (Яковенко 1842, док. В, л. 24).

Приложение

И. Яковенко

ЛИСТ

золотым вещам, отысканным в 1838 году верст за 10 или 15 от города Бузео, находящегося по дороге от Букуреста к Яссам при подошве юго-восточной стороны гор Карпатских, одним из сельских обитателей, который желая отодвинуть с места камень довольно огромной величины для употребления в предположенную работу, заметил под ним в глу-

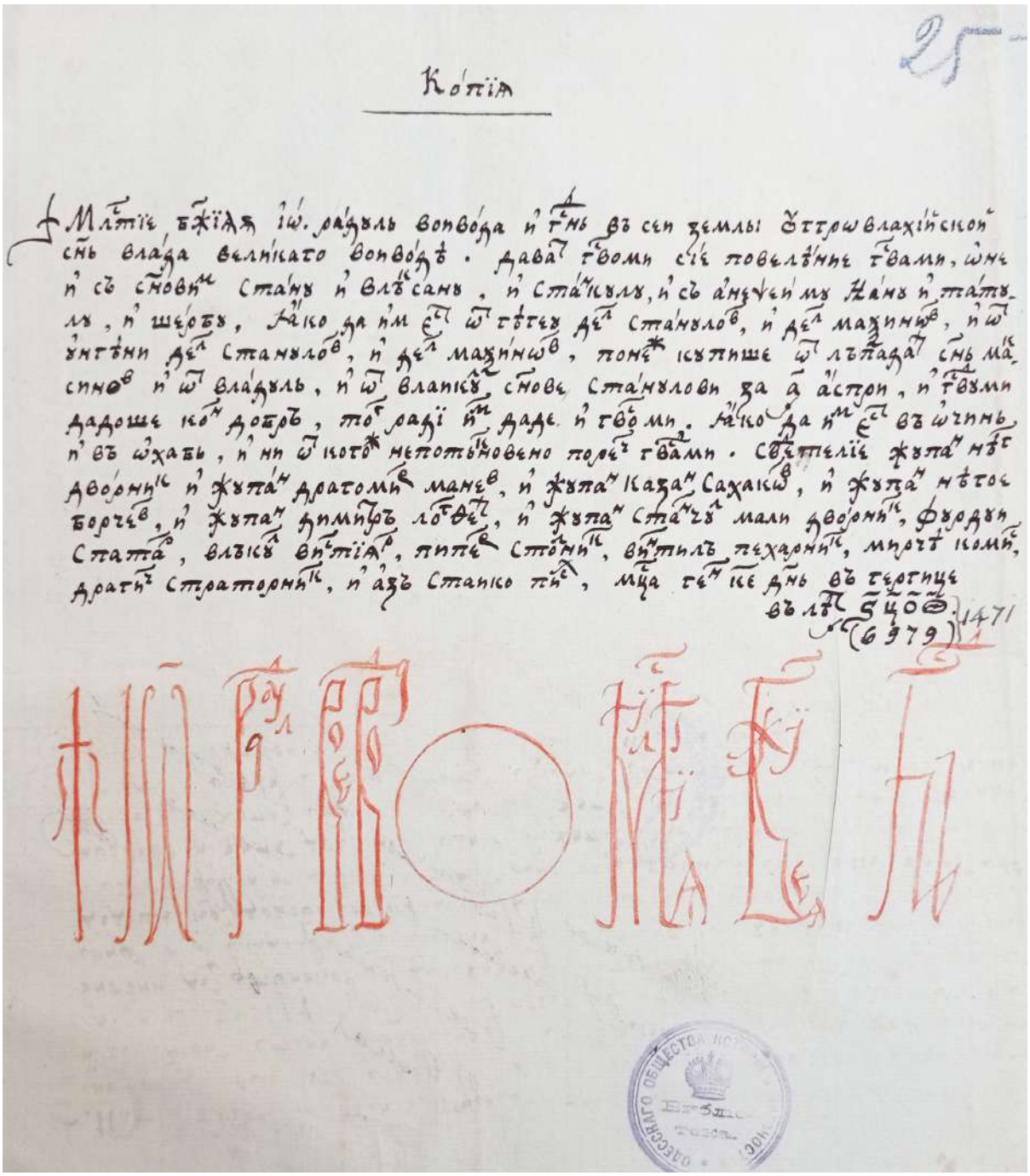

Копїя

Рис. 6. Грамота 1471 г. (Яковенко 1842, док. Г, л. 25).

блении блестящие вещи, сочтенные сначала им за медные; взявши их оттоль продал было некому Мастеру, строившему при реке мост, менее нежели за 200 //; а сей Мастер, распознавши с первого взгляда драгоценность вещей сих, для удобнейшего сокрытия золота в перекидных для верховой лошади полумешках, изрубил большое блюдо на четыре части, а другие изломал и сжал; теперь они несколько исправлены и находятся в таком виде как изображены на прилагаемой картине[17] [Б]

(ИР НБУВ, Ф. V, дело 1038, л. 22-23об. публикуется впервые)

[17] Вес «российский»: фунт [409,5124 г.], золотник [4,2657 г.]; размер тоже: вершок [44,45 мм].

литера А

/**22**/ 1) Круглое плоское блюдо или поднос массивного золота с украшениями грубой работы №1 весу 17 фунтов 77 зол.; мера в поперечнике – 12¾ верш.;

2) Другое блюдо под №2, несколько больше глубокой тарелки, с женской сидячей фигурою в центре на круглом табурете, подобном отрезу полбочонка, /**22об.**/ обвитому вокруг ветвями винограда;

3) Фигура сия отломлена и изображена под №3. Кажется, должно полагать, что в изображении сем представляется *Томона Богиня Плодов*, означенная в картинной галереи, изданной в С:петербурге 1839 года на таблице под №23м, фигура 52: весу в сем блюде – 5 фунтов; величина в поперечнике блюда – 6 ½ верш.; а фигура вышиною не более как 1½ верш.

4) Восьмиугольная продолговатая корзинка, украшенная разноцветными камушками или хрусталями, имеющая с двух сторон вместо рукояток Леопардов, из коих один отломлен. Весу 5 фунтов 84 зол.; длина вместе с рукоятками леопардами – 8 верш.; Одна вазочка сей корзины без леопардов в окружности – 11¾ верш.

Отломленный леопардик от той корзинки; для его – 3 верш. Нижний восьмиугольный кружок пьедестала от той же корзины. Весят вместе – 84 зол.

Оставшаяся часть от другой таковой же изломанной корзинки; 3 фунта 63 зол.

5) Нагрудник, или, лучше сказать, нашейник с кристальными разноцветными украшениями, который можно уподобить верхней части священнического Тетрахила, если обрезать оный ниже бороды. /**23**/ Одна часть оного отворяется посредством вынимаемой золотой булавки; весу золота – 49 зол.; мерою по наружной окружности – 14½ верш.

6) Золотое массивное кольцо, которое в одном конце имеет дыру, а в другом загнут зубок; оно разгибается с трудом так, что для вложения загнутого зубка в дыру надобно быть сильному мужчине и сделать нарочитое усилие. Толщина сего кольца в маленький мизинный камень, а округлость длины в 10½ верш.; весит оно – 1 фунт 60 зол.

Можно надевать его на руку под самое плечо.

Литеры на нем следующие: (рис. 3).

7) Другое кольцо без литер, гладкое, тоньше и гораздо шире, так что, если разогнуть его, то могло бы обходить вокруг шеи; концы: один с дырочкою, а другой с зубком; весу – 42 зол.; мера в окружности – 12 верш.

8) *Лампочка* [фибула] в фигуре Сокола, Голубя или Феникса, представляющая одно только подбрюшье с головою и хвостом; по-видимому, там ставился какой-нибудь сосуд с горючим веществом. Внутри есть припаянные из золотого дрота петляные дырочки, посредством которых лампа сия висела на особых цепочках; весу – 1 фунт 93 зол.; длина ее – 6 ½ верш.; а один хвостик в ширине около – 3 ½ верш.

/**23об.**/ 9) Две таковые же лампочки, изображающие Аиста или Ибиса, в древности в Египте боготворимого; в конце хвостиков висят цепочки, сплетенные шнурком из золота; одни четвероугольные, а другие круглые наподобие таких, какие попадаются часто у турков при часах и при других изделиях; на кончиках сих цепочек у одного Аиста висят маленькие жемчужины, а у другого золотые шишечки; весу в обеих – 2 фунта 69 зол.; длина каждой из них – 6 ½ верш.

10) лампочка маленькая продолговатая; весит – 47 зол.; мера – 2¾ верш.

11) Сосуд золотой выше бутылки, суженный внизу и вверху, с рукояткою; весу – 4 фунта 3 зол.; мера вышины – 8 верш.

А самая большая толщина или выпуклость, сжатая уже теперь от повреждения, в округлости – 6 ½ верш.

Всего, весу во всех массивного

чистого золота – **44 фунта 84 зол.**

Библиография

Барсуков 1888: Н. Барсуков, Жизнь и труды М.П. Погодина, кн. I (Санкт-Петербург 1888).

Венедиктов 2005: В.К. Венедиктов, Ученое путешествие Ю.И. Венелина в Болгарию (1830-1831 гг.) (Москва 2005).

Венелин 1828: Ю. Венелин, Замечания на сочинение г-на Яковенки о Молдавии, Валахии и пр. Московский вестник, ч. X, 1828, 256-278, 373-392, 160-175; ч. XI, 1828, 160-174.

Ганенко 1966: П.Т. Ганенко, История Кишиневской публичной библиотеки, 1830-1917 гг. (Кишинев 1966).

Двойченко-Маркова 1968: Е.М. Двойченко-Маркова, Румынская тематика в творчестве Е.П. Ковалевского: (к 100-летию со дня смерти). Известия АН СССР. Серия литературы и языка XXVII/5 (сентябрь-октябрь), 1968, 416-425.

Древности 1844: Древности, найденные в Валахии [без авт.]. ЗООИД I, 1844, 620-624.

Измозик 2015: Вл. Измозик, «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII - начало XX века (Москва 2015).

Казнарський 2004: Т. Казнарський, Ефемери та химери: про альманах «Эфемериди» та українські проекти 1830-х років. Відкритий архів I, 2004, 23-124.

Ковалевский 1845: [Е. Ковалевский], Странствователь по суше и морям, кн. III: Карпаты (Санкт-Петербург 1845).

Мурзакевич 1844: Н. Мурзакевич, Летопись общества. ЗООИД I, 1844, 565-59.

Покивайлова 2021: Т.А. Покивайлова, Судьба «румынского золота» в России 1916-2020: очерки истории (Санкт-Петрбург 2021).

Савченко, Сапожников, Поляруш 2023: В. Савченко, І. Сапожников, І. Поляруш, Мощі Кантемирів, золото Румунії та дипломати-аферісти: про «відлигу» 1930-х років у радянсько-румунських стосунках. Південний захід. Одесика 35, 2023, 119-141.

Список 1847: Список гражданским чинам пятого класса (Санкт-Петербург 1847).

Яковенко 1828: И.П. Яковенко, Нынешнее состояние турецких княжеств Молдавии и Валахии и Российской Бессарабской области с картой; изображенное в письмах, с историческим и статистическим описанием сих земель, нравов, обычаев и домашнего быта тамошних жителей с росписями всех бывших доныне в Молдавии и Валахии господарей, и с объяснением разных чинов и их должностей (Санкт-Петербург 1828).

Яковенко 1834: И. Яковенко, Молдавия и Валахия с 1820 по 1829 год в письмах (Санкт-Петербург 1834).

Яковенко 1842: Взгляд на древности Дакии[,] нынешней Молдавии и Валахии в 1842 году. ИР НБУВ, Ф. V, д. 1038, 26 л.

Asaki 1841: [G. Asaki: анонимная информация] Le Glaneur moldo-valaque (Spicuitorul moldo-roman) №3, 1841, 60-68.

Odobesco 1889-1900: A. Odobesco, Le trésor de Pétrossa: étude sur l'orfèvrerie antique (Paris 1889-1900).

Tezaurul de la Pietroasa, principatul Ţara Românească şi Societatea de Istorie şi Antichităţi din Odessa în anii 1840

Cuvinte-cheie: tezaurul de la Pietroasa, Societatea de Istorie şi Antichităţi din Odessa, corespondent străin al societăţii I. Yakovenko, lucrare inedită „O privire asupra antichităţilor Daciei din Moldova şi Ţara Românească de astăzi în 1842".

Rezumat: Articolul vizează legătura tezaurului-unicat de la Pietroasa, descoperit în anul 1837, cu activitatea Societăţii de Istorie şi Antichităţi din Odessa, constituite în a. 1839. Una din primele cercetări ştiinţifice ale tezaurului, realizate de savanţii locali, a fost publicată în volumul I al „Însemnărilor" Societăţii în a. 1844. Încă până la apariţia acestei lucrări, Societatea a primit manuscrisul membrului său, directorului de poştă bucureştean I. Yakovenko, în care se conţineau desenele obiectelor din tezaur, descrierea şi interpretarea lor drept comoară a dacilor, care, chipurile, ar fi fost slavi. Atunci materialele respective n-au fost publicate, dar acest lucru se face în prezentul articol, pentru că ele prezintă interes din punct de vedere al istoriografiei problemei şi al popularizării acestui monument al artei de bijuterie de nivel mondial, care, din 1916 până în 1956, s-a păstrat în Imperiul Rus şi în Uniunea Sovietică.

Lista ilustraţiilor:

Fig. 1. „Harta Valahiei, Moldovei şi Basarabiei" (Яковенко 1828, anexă).

Fig. 2. Reproducerea scrisă a inscripţiei de pe inelul de aur (Yakovenko 1828, anexă).

Fig. 3. Fragmente de inel cu inscripţie din tezaurul de la Pietroasa (Odobesco 1889-1900, 362, fig.136).

Fig. 4. Obiecte din Tezaurul de la Pietroasa (Яковенко 1842, doc.Б, f. 26).

Fig. 5. Hrisov din a.1467 (Яковенко 1842, doc. В, f. 24).

Fig. 6. Hrisov din a. 1471 (Яковенко 1842, doc. Г, f. 25).

Petroasa hoard, Principality of Wallachia and Odessa Society of History and Antiquities in 1840s

Keywords: Petroasa hoard, Odessa Society of History and Antiquities, foreign correspondent of the society I. Yakovenko, unpublished work «A look at the antiquities of Dacia of present-day Moldavia and Wallachia in 1842» and its content.

Abstract: The paper discusses the connection between the unique Petroasa hoard, discovered in 1837, and the activities of the Odessa Society of History and Antiquities, founded in 1839. The first study of the hoard, carried out by local scientists, was published in the first volume of the Transactions of the Society in 1844. However, even earlier, the Society received from its correspondent from Bucharest I. Yakovenko a manuscript containing drawings of the hoard items, their description and interpretation as a treasure of Dacia, presumably belonged to the Slavs. At that time, these materials were not published, but this is done in this article, since they are of interest from the point of view of the historiography of the study and popularization of this jewelry art monument of world significance, which was kept in the Russian Empire and the Soviet Union from 1916 to 1956.

List of illustrations:

Fig. 1. «Map of Wallachia, Moldavia and Bessarabia» (Яковенко 1828, inset).

Fig. 2. Copy of the inscription on the gold ring (Яковенко 1842, document A, p. 23).

Fig. 3. Fragments of the ring with an inscription from the Petroasa hoard (Odobesco 1889-1900, 362, fig. 136).

Fig. 4. Objects from the Petroasa hoard (Яковенко 1842, document B, p. 26).

Fig. 5. The deed of 1467 (Яковенко 1842, document B, p. 24).

Fig. 6. The deed of 1471 (Яковенко 1842, document G, p. 25).

10.02.2024

Др. хаб. Игорь Сапожников, Отдел Крыма и Северо-Западного Причерноморья Института археологии, Национальная Академия наук Украины, проспект Володимира Ивасюка, д. 12, 04210 Киев, Украина; https://orcid.org/0000-0003-3889-6714, e-mail: ssappog5@gmail.com

DEPARTMENT OF STATE SECURITY/SECURITATEA AND ARCHAEOLOGICAL RESEARCH IN ROMANIAN HISTORY MUSEUMS IN THE '80S OF THE LAST CENTURY

Marian Cosac

Keywords: DSS, communist regime, archaeological research.

Securitatea (Romanian word for "security"), the generally used name of the force organ (the secret police agency) of the communist regime in Romania, but with the official name of the Department of State Security (DSS), paid special attention to archaeological research in Romania, research carried out by archaeologists within history museums, mostly county museums, within the so-called "art – culture" problem[1].

The measure of the supervision of archaeologists and the intervention of the DSS in the interpretation of archaeological data is beginning to be known to us through recent studies (Cosac 2021; Cosac 2022; Cosac 2023; Stănciulescu 2023), by capitalizing on the document funds from the archive of the National Council for the Study of Security Archives[2]. It is true that archaeologists who were active in the last years of the communist regime frequently discussed the activity and presence of DSD officers in museum institutions, but in the absence of tangible documents, with a focus on sources from the guild and less on the objectives pursued by DSD officers in the interpretation and use of the results of archaeological excavations. In Romania, after the fall of the communist regime, there was no current of isolation/removal of archaeologists known as collaborators of the DSD, but we only note the disappearance from the concerns of the guild of the problem of continuity and persistence of the autochthonous factor, an obsessive theme present in the research activity of museums of history, as well as in the organization of exhibitions (Ilie 2013).

The archaeological research activity in Romania, the '80s of the last century, which was carried out within the history museums, is under the coordination and control of the Socialist Culture and Education Council, a body established in 1971, but which since 1977 received additional attributions, "it has become the body that leads, guides and controls in a unitary manner the entire cultural-educational activity carried out in the Socialist Republic of Romania" (Ilie 2013, 107). To this control is added the supervision of the officers from the County Inspectorates of the DSS, as stated in an internal document of this institution, "Security activities in museum units is the responsibility of the officers from the issue of art – culture"[3], through the vast information networks of the history museums, situation known at this moment through the documents located in the Archive of the National Council for the Study of Security Archives, Documentary Fund, from the notes of the report drawn up regarding the situation "informative-operative, in the field of museums – heritage"[4].

The responsibility for the supervision of history museums rested with Directorate I – Internal Information. This had the mission of organizing, controlling and directing the informative-operative activity for the prevention, discovery and dissolution of actions which undermine the state power, attack and propaganda against the socialist order. It contributed to the prevention, discovery and dissolution of any criminal acts, in which people were involved from the problems, objectives, places and environments given in the competence of the conspiratorial internal intelligence apparatus, to prevent, discover and liquidate any acts likely to harm the security of the state, to centralize, study and analyze the data obtained on the line of internal information, reporting to the lead-

[1] Arhiva Consiliului Național pentru Studierea Arhivelor Securității (Archive of the National Council for the Study of Security Archives)/ACNSAS, vol. 3, f. 260.

[2] We thank the staff of the institution in this way.

[3] ACNSAS, vol. 3, f. 260.

[4] ACNSAS, vol. 6, f. 399.

ership of the ministry, the conclusions regarding the evolution of the operative situation on the problems, the effectiveness of the measures and methods used to counteract hostile actions and propose measures to improve the work (Moldovan, Ţăranu 2016, 213-214).

The argument of the interest of Directorate I for the activity within museum institutions with a history profile "considering that in these institutions are active people with political or criminal antecedents [...] and their descendants [...], elements signaled with inappropriate political attitudes, unofficial relations with citizens foreigners, intentions to stay abroad illegally. At the same time, the museums have special archaeological, historical and artistic values and are frequently visited by heads of state, foreign government delegations, other people from abroad who come in groups or individually. Archaeologists and other specialists within these units carry out archaeological excavations, historical and artistic research, etc. whose results are presented in the exhibition circuit. In the publications edited by museums or in other specialized magazines, activities which, if done improperly, can bring serious damage to the national heritage, the politics of the party and our state"[5].

In 1982, "about 1,600 people, of which 1,230 with university education, were working in museums and art and history collections under their authority"[6]. We know that during this period, approximately 271 (Cosac 2021) sources collaborate with DSS, all used with the approval of the party organ, active in history museums, predominantly archaeologists and museographers, who gave information in conspiratorial houses to officers of the County Inspectorates of the DSS. It was these DSS collaborators who checked that colleagues' studies adhered to "historical truth", the ideologically "correct" interpretation of archaeological data, and the organization of exhibitions along official ideological lines. To these DSS sources were added "150 sources of other work departments or Miliţia"[7].

The information collected through the information networks of the history museums offered the necessary arguments in order to open informative follow-up files, in situations where it was "about capitalizing on non-compliance with archaeological discoveries"[8], "erroneous interpretations regarding the formation and continuity of the Romanian people"[9], "inconsistency with the historical truth that could have harmed the interests of our state"[10], or "prejudice the interests of our country"[11]. The decision to open the informative follow-up files belonged to Directorate I - Internal Information, but, unfortunately, the notification regarding the slippage of archaeologists from the official line of the exploitation of archaeological data was carried out by sources collected from among them, and the DSS became the arbiter of disputes that were initially scientific, but which turn into ones with an ideological substrate. The case of Florin Medeleț (1943-2005), well-known archaeologist from Banat, is relevant in this sense (Cosac 2021), and the situation of archaeological research, since the end of the '80s, in Caransebeș, respectively the direct intervention of the DSS in the interpretation in accordance with "the historical truth" of archaeological data, are only fragments of the reality of that period (Cosac 2023).

Examples of information with reference to archaeological research:

The Alba County Inspectorate accuses the archaeologist B.M. that he "practices the habit of bringing to the museum "Transylvania" from Cluj-Napoca - the identification laboratory, various objects found on the archaeological site on the "Platoul romanilor" in the municipality of Alba Iulia, without being accompanied by legal forms... he has the reports at home and the documentation of archaeological excavations... making claims that human rights are not respected in Romania"[12]. The non-conforming research method used by the mentioned archaeologist is also noted, "on some archaeological sites, work is done defectively, such as in the case of the Cloşca IV necropolis in Alba Iulia, where ... he used the bulldozer to strip some graves, working without an excavation project"[13], but also the fact that, under his coordination, "In the town of Berghin, Alba county, archaeological excavations were

[5] ACNSAS, vol. 3, f. 260.
[6] ACNSAS, vol. 3, f. 260.
[7] ACNSAS, vol. 3, f. 260.
[8] ACNSAS, vol. 6, f. 291.
[9] ACNSAS, vol. 6, f. 382.
[10] ACNSAS, vol. 6, f. 391.
[11] ACNSAS, vol. 6, f. 395.
[12] ACNSAS, vol. 6, f. 214.
[13] ACNSAS, vol. 6, f. 214.

started at a necropolis that were not scientifically valued even in the form of a report"[14].

The Arad County Inspectorate specified, during a meeting: "at the level of the security management – an analysis of the way in which archaeological research is carried out in the area of Arad County"[15]. The conclusion is that this "is oriented towards the establishment of data and documents that attest to the continuity and multi-millenary permanence of the Romanian people in these territories"[16]. As examples, the archaeological site from Cladova is given, "it attests to the fact that in this area there has always been a Romanian civilization, and it was delimited in time in the I-XV centuries AD"[17] , the Bulci archaeological site, where "traces of a Romanian civilization from the pre-feudal period (X-XII centuries) were discovered"[18], and the result of the research "was properly exploited... the idea promoted being that on this site there are traces of three distinct dwellings, respectively the Roman period (I-III centuries), which continues with the period of formation of the Romanian people (IV-XII centuries) and the third period, respectively of the Benedictine abbey"[19]. "The entire archaeological material collected from these construction sites is inventoried and kept in safe conditions at the Arad County Museum. It will continue to be the subject of studies and communications aimed at demonstrating the continuity and permanence of the Romanian people in these territories"[20]. It was intended that "through specific forms and methods of security, some archaeologists and historians from the Arad County Museum will be acted upon in order to stimulate and determine them to publish studies, articles, communications and scientific reports based on the archaeological material discovered, in the idea of demonstrating the continuity, permanence and Latinity of the Romanians"[21].

The Bistrita Năsăud County Inspectorate mentions the archaeological sites at Ciceu Corabia, the "Sub cetate" site, Archiud, the "Hînsuri" point, and Ilişua[22], where "the activity is carried out with the support of the citizens and especially of the students from the nearby localities, a fact for which -they took informative framing measures during the period in which they participate in the excavations. Until now, we have not been notified of cases of faulty archaeological excavations, likely to compromise the historical objectives, cases of filing, evasion, museum or scientific revalorization of the results of some excavations"[23].

The Botoşani County Inspectorate states that, as far as archaeological research is concerned, "we have always had in mind the way in which the archaeological excavations were carried out and the historical research carried out within the county by the specialists of the museum"[24]. It is proposed to "Know in advance the places where archaeological excavations are to be carried out and the employment of working personnel with sources from the respective communes or from their vicinity"[25].

The Braşov County Inspectorate notes: "along the lines of the archaeological research activity, irregularities are identified regarding the preservation, conservation and record of the discovered material, as well as the existence of archaeological sites not put into work or improperly exploited"[26].

The Cluj County Inspectorate specifies that: "In the framework of the informative supervision, knowledge of the way of scientific and museum exploitation, of the results of archaeological excavations and of historical and ethnographic research carried out by the scientific staff, was taken into account, resulting in their being used appropriately... during in 1981, a positive influence was exerted through the information network on the West German citizen Walter Maier Arend, director of the History Museum in Cologne, Bona Istvan, scientific researcher from the P.R.U., Takahaski Masao from Japan, Albert D'Haeneus from Belgium, Blocker Merri from the USA. Ratner Mitchel from USA, Sonu Hany from USA and others, as they expressed some opinions unfavorable to Romanian historiography"[27].

The Constanţa County Inspectorate drew attention to the Basarabi Cave Complex, "one of the

[14] ACNSAS, vol. 6, f. 214.
[15] ACNSAS, vol. 6, f. 246.
[16] ACNSAS, vol. 6, f. 246.
[17] ACNSAS, vol. 6, f. 246.
[18] ACNSAS, vol. 6, f. 246.
[19] ACNSAS, vol. 6, f. 246.
[20] ACNSAS, vol. 6, f. 246.
[21] ACNSAS, vol. 6, f. 260.
[22] ACNSAS, vol. 6, f. 272-273.
[23] ACNSAS, vol. 6, f. 273.
[24] ACNSAS, vol. 6, f. 278.
[25] ACNSAS, vol. 6, f. 279.
[26] ACNSAS, vol. 6, f. 285.
[27] ACNSAS, vol. 6, f. 333-335.

historical monuments of particular importance for the history of the Romanian people, which has been around since IX-XI centuries. This monument, unique in the whole of Europe, (which) presents a fundamental importance for knowing the end of the formation process of the Romanian people. Made entirely of chalk rock, the Basarabi Complex still carries a high risk of destruction following freeze-thaw cycles. Although restoration works have been undertaken since 1960, materialized through a number of four projects, they stopped in 1977 when 33% of the protective construction was completed, which favors the further degradation of the objective, a fact for which cannot be integrated into the tourist circuit"[28].

The Covasna County Inspectorate specifies that: "we also paid special attention to the supervision of the way of scientific and museum valorization of the results of archaeological excavations and historical research carried out in the area, a fact that did not facilitate the emergence of negative aspects with political repercussions"[29].

The Dolj County Inspectorate claims that the results of archaeological research, undertaken in the area of the county, "represent scientific, probative arguments of the permanence of native Dacians and Daco-Romanians in these places. In addition to the scientific exploitation, the results of the archaeological research were exploited in the museum's exhibition activity, as well as in the cultural-educational activity, using the media and radio. There were no cases of erroneous interpretations regarding the formation and continuity of the Romanian people in the researched area... From some data obtained, it appears that in the museum depository there would be material from excavations which, with the current possibilities, would require 15 years for research"[30].

The Gorj County Inspectorate mentioned that in 1982, in the area of the county, archaeological research was carried out in ten construction sites "led by researchers from Bucharest"[31], but "A minus in our activity was the fact that the researchers from some museums from Bucharest come to the county to lead the archaeological excavations"[32]. It is stated that "There have been no cases of non-use of objects resulting from these excavations"[33].

The Harghita County Inspectorate requests the "Constitution of a committee of specialists, which will inventory all the places in the county, where there are favorable indicators for starting archaeological research in accordance with the present historiography of Romania"[34].

The Hunedoara County Inspectorate notified the performance of "unauthorized archaeological excavations by the competent authorities. Thus, the main museographer Maris Tiberiu, responsible for the Corvineşti Castle in Hunedoara, carried out some excavations in the area of Zlaşti and around the castle in Hunedoara. We note that the aforementioned does not have any attestation for carrying out work of this kind. Our bodies took the measure of informing the competent bodies that ordered the suspension of the respective works, which will be continued later by specialists and archaeology researchers"[35].

Iaşi County Inspectorate: "no special aspects were found. One of the problems discussed among researchers in these fields is the reluctance shown by publishing houses in publishing works that present the results of archaeological excavations, preferring those of synthesis. It is appreciated in the environment of archaeologists and historians that the publication of some works, developed on the basis of archaeological excavations, are of particular importance to prove continuity, unity and Latinity of Romanian people, the decisive and convincing argument being the material resulting from the excavations and that without its full publication , the synthesis is not credible"[36]. In fact, "the results of archaeological excavations and historical research are not complete, both for objective reasons but mostly for subjective reasons, a fact that can bring serious damage in promoting the interests of our country and countering certain hostile actions initiated from outside"[37].

The Prahova County Inspectorate recalls the situation at the archaeological site in Budureasca, where "material evidence of historical value was discovered that attests to the antiquity and con-

[28] ACNSAS, vol. 6, f. 362.
[29] ACNSAS, vol. 6, f. 370.
[30] ACNSAS, vol. 6, f. 382.
[31] ACNSAS, vol. 7, f. 2.
[32] ACNSAS, vol. 7, f. 2.
[33] ACNSAS, vol. 7, f. 2.
[34] ACNSAS, vol. 7, f. 27.
[35] ACNSAS, vol. 7, f. 20.
[36] ACNSAS, vol. 7, f. 20.
[37] ACNSAS, vol. 7, f. 84-85.

tinuity of the Dacian element in the area, which were the basis of some specialized scientific communications. Due to the fact that no measures were taken to guard and conseve the preserved works, degradations occurred that negatively influence the continuation of the works"[38].

Satu Mare County Inspectorate: the information provided by the information network at the beginning of 1982, allowed obtaining "data with reference to some negative aspects of the archaeological site from Acîş, which could compromise the results of some archaeological excavations that highlighted traces that attest without denies the presence of free Dacians in this territory. By informing the party bodies, the leading factors in the Acîş commune, measures were taken to remove the causes that endangered the Dacian ovens, discovered in the Crasna riverbed, while appropriate conservation measures were also taken"[39]. Archaeologist T.B. "is included in the informational surveillance being followed in collaboration with the specialized service"[40] and is accused of having some "tendencies to carry out some specialized works in which the Celtic element is given to the detriment of the Dacian one, so implicitly it gives priority to the Celts as the first inhabitants of these territories"[41].

The Sălaj County Inspectorate states that the sources have not signaled "inappropriate approaches and tendentious interpretations regarding the process of formation of the Romanian language and people, Daco-Romanian and Romanian continuity, etc. from the supervised persons"[42]. A particular attention was paid to the foreign citizens participating in the "archaeological researches in the county (Marca, Zăuan, Porolissum) it turned out that they showed a correct attitude and were positively influenced both by the network and by local factors from the countryside, as well as through the director of the museum, to objectively and honestly present the history of the Romanian people in their works and positions"[43].

Timiş County Inspectorate: the sources in collaboration with the County Inspectorate allowed obtaining information "that documents, tendentious political positions of some museum staff, inappropriate moods, negative positions in historical and archaeological research, intentions of fraudulent border crossing, reminiscence some Röslerian ideas regarding the historical continuity of the Romanian people"[44].

Even briefly addressed in the present study, the information presented draws attention to the involvement of DSS in archaeological research from the period of the communist regime, a subject shyly present in the concerns of current historiography in Romania. The researchers' attention was directed to the interference of ideology in the interpretation of archaeological data (Anghelinu 2004; Dragoman, Oanţă-Mărghitu 2013) and to the repercussions suffered by archaeologists during the installation of the communist regime in Romania (Opriş 2006).

As we specified, from the point of view of the Department of State Security, the purpose of archaeological research is to bring "documentary evidence for the reconstruction of national history ... the only demonstrative arguments for supporting continuity and for including one territory or another in this process"[45]. At this stage of our documentation, we are not aware of any archaeologist who have been convicted, or expelled from the guild, as a result of accusations brought by DSS officers. We know that the practice of the system was to open "Informative Follow-up Files" (DUI) and to limit access to obtain the authorizations necessary to carry out archaeological research. An example is that of the archaeologist Radu Popa (1933-1993), involved in the archaeological research from Caransebeş, a subject we addressed in a recent study (Cosac 2023). In the spring of 1989, Radu Popa requested an archaeological research request in Peşteana, Hunedoara County, but he is accused by the DSS of having "adopted an inappropriate, pro-Hungarian position in the dating of the monument [the ecclesiastical monument from Caransebeş]"[46]. His request was rejected, considering it "unsuitable to entrust the archaeological site to the one in question"[47].

The aforementioned situation of the archaeologist Florin Medeleţ (1943-2005), from the Banat Museum in Timişoara, shows how a scientific

[38] ACNSAS, vol. 7, f. 119.
[39] ACNSAS, vol. 7, f. 125.
[40] ACNSAS, vol. 7, f. 125.
[41] ACNSAS, vol. 7, f. 125.
[42] ACNSAS, vol. 7, f. 136.
[43] ACNSAS, vol. 7, f. 136.
[44] ACNSAS, vol. 7, f. 188.
[45] ACNSAS, vol. 3, f. 34.
[46] ACNSAS, vol. 3, f. 220.
[47] ACNSAS, vol. 3, f. 220.

dispute with a DSD collaborator, the historian Ioan Dimitrie Suciu (1917-1982), was arbitrated and settled by the DSD. Medeleţ was accused of stopping the publication of "studies, unanimously appreciated by specialists, regarding the proof of continuity on the hearth of Timişoara, the writing and publication under the signature of some knowledgeable, polemical articles that denied the Roman traces and the origin of our city, thus being located on the position of some Hungarian irredentist historians, these public positions in the matter of history being hostilely exploited by irredentist historical circles from abroad"[48]. The starting point of the discussion was the accidental discovery of three Roman bricks during the excavation of a block foundation, considered by Medeleţ as intrusive and without an archaeological context. Consequently, Medeleţ was dismissed from the position of director of the Banat Museum, he was prevented from pursuing his doctoral studies, he was no longer allowed to publish scientific studies and coordinate archaeological excavations (Cosac 2022). The historian Mihai Fătu was appointed director, accused by a DSD source of being an "ardent follower of the trachoman current of the group from the Institute of History of the P.C.R. – Puţuri, Zaharia, Deac, Copoiu"[48] and that "he ordered changes to be made in the museum's exhibition to minimize everything related to Roman civilization, changing all the texts in the museum. Only what was left that illustrates the coexistence between the Dacians and the Romanians in the most restricted form"[50] . It remains as a future research direction to identify the extent to which followers of this current were appointed to the management of museum institutions and the impact on archaeological research and the way of organizing exhibitions.

Bibliography

ACNSAS, vol. 3: Arhiva Consiliului Naţional pentru Studierea Arhivelor Securităţii, Fond Documentar, Dosar nr. 13367, Referitor la patrimoniu – muzee.

ACNSAS, vol. 4: Arhiva Consiliului Naţional pentru Studierea Arhivelor Securităţii, Fond Documentar, Dosar nr. 13367, Referitor la patrimoniu – muzee.

ACNSAS, vol. 6: Arhiva Consiliului Naţional pentru Studierea Arhivelor Securităţii, Fond Documentar, Dosar nr. 13367, Referitor la Muzee, Corespondenţă judeţe.

ACNSAS, vol. 7: Arhiva Consiliului Naţional pentru Studierea Arhivelor Securităţii, Fond Documentar, Dosar nr. 13367, Referitor la Artă – Cultură, Muzee, Corespondenţă judeţe.

Anghelinu 2004: M. Anghelinu, Evoluţia gândirii teoretice în arheologia românească. Concepte şi modele aplicate în preistorie (Târgovişte: Editura Cetatea de Scaun 2014).

Cosac 2021: M. Cosac, O radiografie asupra prezenţei Securităţii în muzeele de istorie din România anilor '80 ai secolului trecut. Musaios XXIV, 2021, 173-193.

Cosac 2022: M. Cosac, Despre arheologi şi orientarea în cercetarea arheologică în cadrul Muzeului Banatului în anii '70 - '80 ai secolului trecut în documentele fostei Securităţi (Târgovişte: Editura Valahia University Press 2022).

Cosac 2023: M. Cosac, The medieval Church in Caransebes and the observance of the „historical truth" in the Departament of State Security. Plural XI/2, 2023, 8-101.

Dragoman, Oanţă-Marghitu 2013: R. Al. Dragoman, S. Oanţă-Marghitu, Arheologie şi politică în România. Bibliotheca Marmaţia, 4 (Baia Mare: Eurothip 2013).

Ilie 2013: C. Ilie, Regimul comunist şi muzeele de istorie din România (Constanţa: Editura Dobrogea 2013).

Moldovan, Ţăranu 2016: S. Moldovan, L. Ţăranu, Înfiinţarea Departamentului Securităţii Statului (aprilie 1978). In: (Coord. Fl. Banu, L. Ţăranu) Securitatea 1948-1989, vol. I, Monografie (Târgovişte: Editura Cetatea de Scaun 2016), 210-243.

Opriş 2006: I. Opriş, Istoricii şi Securitatea, vol. II (Bucureşti: Editura Enciclopedică 2006).

Stănciulescu 2023: O. Stănciulescu, Capcana unui compromis – Securitatea şi arheologia 1947-1967 (Bucureşti: Editura Vremea 2023).

[48] ACNSAS, vol. 4, f. 93.
[49] ACNSAS, vol. 4, f. 1.
[50] ACNSAS, vol. 4, f. 1.

Departamentul Securităţii Statului/Securitatea şi cercetarea arheologică din muzeele de istorie din România anilor ‘80 ai secolului trecut

Cuvinte-cheie: DSS, regim comunist, cercetare arheologică.

Rezumat: Anii ’80 ai secolului trecut sunt marcaţi de un fervent naţionalism în cercetarea istorică din România, fapt ce se reflectă direct în cercetarea arheologică. Măsura presiunilor Departamentul Securităţii Statului (DSS) asupra arheologilor, în modificarea datelor obţinute prin săpături, este la un început de drum în cercetarea documentelor din arhiva Consiliului Naţional pentru Studierea Arhivelor Securităţi. Un număr mare de arheologi români au ales să colaboreze cu DSS şi există o mare diversitate de note informative puse la dispoziţia DSS de către aceştia. Studiul de faţă sintetizează aceste informaţii şi aduce în discuţie o realitate abordată timid în istoriografia românească.

Департамент государственной безопасности и археологические исследования в исторических музеях Румынии в 80-х годах прошлого века

Ключевые слова: Департамент государственной безопасности, коммунистический режим, археологические исследования.

Резюме: Исторические исследования в Румынии 80-х годов прошлого столетия отличались ярым национализмом, что непосредственно отразилось и в археологических исследованиях. Изучение документов из архива Национального совета по изучению архивов госбезопасности позволяет оценить степень давления Департамента государственной безопасности (ДГБ) на археологов в целях изменения данных, полученных в ходе раскопок. Многие румынские археологи согласились сотрудничать с ДГБ, и имеется множество свидетельствующих об этом документов. В данной работе обобщаются эти сведения и выносятся на обсуждение вопросы, о которых румынская историография предпочитает скромно умалчивать.

21.02.2024

Dr. Marian Cosac, Valahia University of Târgovişte, România, https://orcid.org/0000-003-2753-3715, e-mail: cosac_marian@yahoo.com

„GEȚI", „DACI", „BASTARNI" ȘI „SCORDISCI": CÂTEVA OBSERVAȚII CU PRIVIRE LA ORIZONTUL DE EPOCĂ PREROMANĂ RECENTĂ A FIERULUI DE LA ROȘIORI-DULCEȘTI

Vasile Iarmulschi

...sine ira et studio
(Tacitus, Anale)

Cuvinte-cheie: așezarea de la Roșiori-Dulcești, epoca preromană recentă a fierului, atribuire etnică, geți, bastarni, daci.

Subiectul acestui articol este sensibil, despre el vorbim des, dar, în fond, numai prin culoare, fără să ajungem să-l aducem în prim-planul unor publicații sau foruri științifice[1]. Este vorba de câteva aspecte care vizează caracterul adecvat al receptării unor fenomene mai largi din cea de-a doua epocă a fierului. Așa cum se prezintă, problemele abordate sunt multiple, vizând chiar și segmente cronologice diferite, noi urmând să rămânem focusați acum doar la fenomenele caracteristice epocii preromane recente a fierului[2].

Axarea pe acest subiect a fost determinată de cercetarea și publicarea unui șir de materiale descoperite în situl de la Roșiori-Dulcești. În cadrul investigațiilor, au fost scoase la lumina zilei un număr important de descoperiri, raportate la epoca preromană recentă a fierului, ceea ce constituie, din punctul nostru de vedere, o mare realizare a colegului G.-D. Hânceanu. În principiu, domnia sa este unicul arheolog din România care, după S. Teodor (Teodor 1980; Teodor 1987; Teodor 1992; Teodor 1999) și M. Babeș (Babeș 1993; Babeș 2003; Babeș, Coman 2005; Babeș, Iarmulschi 2020), abordează consecvent problemele conectate la importantele mobilități umane ce au pornit din Europa central-nordică spre silvostepa est-carpatică pe parcursul epocii preromane recente a fierului. În cadrul unui șir de publicații, apărute în ultimii 15 ani, autorul cercetărilor arheologice de la Roșiori-Dulcești s-a expus diferit cu privire la orizontul de epocă La Tène târziu[3] din acest sit. Pentru că opinia exprimată de colegul nostru nu întotdeauna este în consonanță cu viziunile noastre privind evoluția comunităților din acest segment cronologic, am decis, în cadrul acestei publicații, să reluăm discuția privind descoperirile de epocă preromană recentă a fierului din această așezare, dar și unele aspecte de ordin metodologic.

Situl arheologic de la Roșiori-Dulcești este amplasat la marginea nordică a satului Roșiori, pe terasa superioară a râului Moldova. În perioada anilor 2004-2007, 2015-2019; 2021-2023, investigații arheologice în situl respectiv au fost efectuate de către G.-D. Hânceanu (fig. 1). În urma acestor cercetări, s-au identificat patru nivele de locuire, care, cronologic, s-ar eșalona în felul următor: sec. V/IV-III a. Chr.; sec. II-I a. Chr.; sec. II-III p. Chr. și sec. VI-VII p. Chr. (Hânceanu 2018, 271).

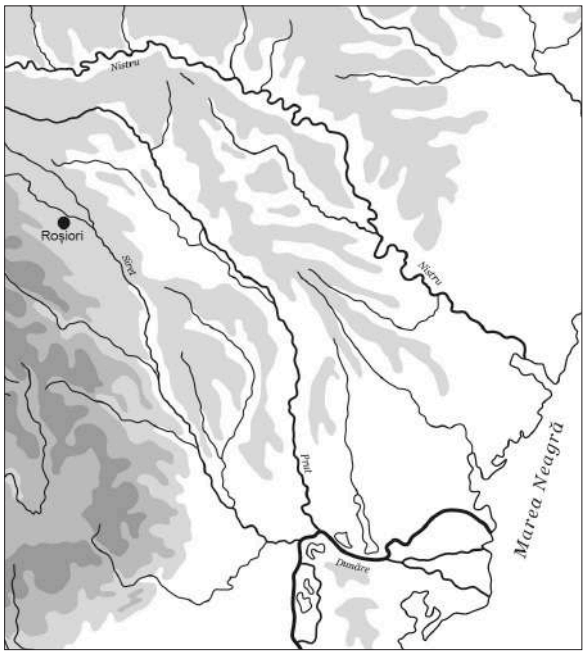
Considerăm că din multitudinea de aspecte ce se desprind din această problematică, două sunt importante în mod special: 1. Terminologia utilizată pentru atribuirea etnică a descoperirilor; 2. Problema enclavei și a conviețuirii „geto-dace-bastarne".

Înainte de a diseca cele două direcții, vom aminti că și culturile arheologice, în totalitatea lor, au fost „botezate" cu numele anumitor grupuri etnice. Cultura scitică (vezi, mai nou, Топал 2021), cultura getică (sau și mai nepotrivit – geto-dacică)

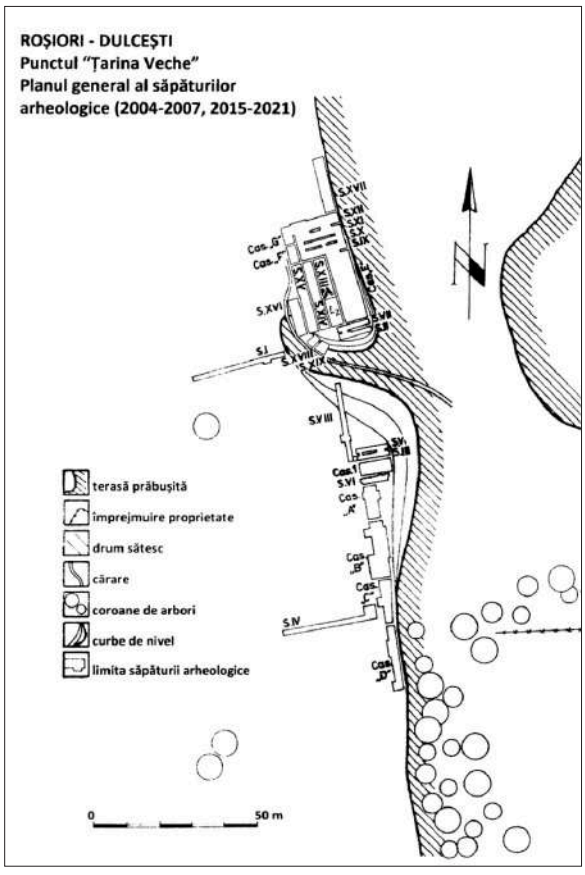
[1] Am hotărât să publicăm acest articol, pentru a-l invita pe colegul George-Dan Hânceanu la discuții. Discuție pe care, cu regret, a evitat s-o poarte la una din sesiunile științifice din anul curent.

[2] Pentru termenul de *epoca preromană recentă a fierului* vezi Hachmann 1960; Babeș 1993; Babeș, Iarmulschi 2020.

[3] Un alt aspect, care, din punctul nostru de vedere, trebuie discutat în literatura românească, se referă la cronologia epocii La Tène târziu/romană timpurie în spațiul intra- și extracarpatic, dar și la racordarea acesteia la sistemul cronologic din Europa Centrală (vezi Spânu 2019a; Rustoiu 2020).



1



2

Fig. 1. Localizarea sitului şi planul general al săpăturilor de la Roşiori-Dulceşti: 1 - localizarea sitului în spaţiul carpato-nistrean (după Hânceanu 2018); 2 - planul general al săpăturilor (după Hânceanu 2022b).

(Strobel 1998; Berzovan 2022; Zanoci, Băţ 2023), cultura sarmatică (Bârcă 2006; Popa 2015) – ca să le amintim doar pe câteva dintre cele care sunt conectate la spaţiile şi segmentele cronologice pe care le analizăm[4]. Evident, este un fenomen care necesită discuţii aparte, rezumându-ne acum doar să ne exprimăm dezacordul faţă de astfel de manifestări, dar, în acelaşi timp, şi rezerva noastră în ceea ce priveşte tentativele de a modifica subit situaţia. Ar fi extrem de dificil, fără să fim prinşi în mrejele unei totale încurcături, să „ajustăm" situaţia în contextul unei enorme bibliografii care utilizează din plin respectivele denumiri de culturi. Prin urmare, considerăm oportun să utilizăm în continuare sintagmele „încetăţenite", dar, numai în sens strict tehnic: denumire pentru un set de elemente ce definesc cultura arheologică[5].

Atribuirea etnică a descoperirilor

Să urmărim primul aspect şi consecinţele unei astfel de abordări pe baza observaţiilor din publicaţiile cu privire la aşezarea de la Roşiori-Dulceşti.

Vom începe cu atribuirea calificativului etnic pentru descoperirile ceramice. Astfel, deja a devenit uzual pentru autorul investigaţiilor sitului de la Roşiori-Dulceşti să utilizeze sintagma „ceramica bastarnă" pentru recipientele lustruite, cu marginea faţetată şi tortiţe în „X", din categoria vaselor fine sau a celor acoperite cu barbotină, din categoria ceramicii grosiere. În acelaşi timp, vasele lucrate din pastă grosieră, a căror suprafaţă nu conţine barbotină, au fost atribuite geţilor – ceramica getică (Hânceanu 2007; Hânceanu 2016). Doar câteva exemple: Astfel, titlul articolului din 2016 ne vorbeşte de la sine *Vestigii dacice şi bastarne dintr-o locuinţă a sitului de la Roşiori – Neamţ* (Hânceanu 2016). Compartimentarea textului vine doar să aprofundeze mesajul: 1. Ceramica geto-dacică; 2. Ceramica bastarnă; 3. Obiecte din lut geto-dacice; 4. Obiecte din piatră geto-dacice. La final, o piesă din bronz a rămas totuşi, ce-i drept, fără „paşaport" etnic.

Într-un alt articol ne spune că „cercetările arheologice efectuate în ultimii ani în situl pluristratificat de la Roşiori, comuna Dulceşti, judeţul Neamţ, au permis descoperirea unei cantităţi

[4] Cu privire la problema atribuirii etnice a descoperirilor de epocă romană vezi Popa 2015, 17-46; Spânu 2019b, 97-100; Matveev, Vornic, Corobcean 2023, 89-90.

[5] Cu privire la definirea conceptului de cultură arheologică vezi Brather 2014.

apreciabile de fragmente ale ceramicii bastarne. Potrivit elementelor caracteristice, ceramica bastarnă se împarte în două categorii: ceramică de culoare neagră și ceramică cu „barbotină” (Hânceanu 2022a, 129).

În același timp, autorul lasă să se înțeleagă clar că vorbește de fenomenele pe care, până la urmă, tot culturii Poienești-Lucașeuca i le atribuie: „Studierea ceramicii de la Roșiori ne-a permis să întreprindem și acest demers privind analiza formelor și a modului de prindere a toartelor vaselor culturii Poienești-Lucașeuca din așezarea menționată” (Hânceanu 2022a, 130). Tot aici, cercetătorul relevă că „până în momentul actual al cercetărilor, decorurile ceramicii bastarne de la Roșiori, ca tehnică de execuție, pot fi împărțite în patru grupe: a) decoruri incizate; b) decoruri canelate; c) decoruri aplicate și d) decoruri reliefate” (Hânceanu 2022a, 130).

Surprinzător este faptul că aceste sintagme apar chiar și în titlul altor articole. De exemplu: *Două strecurători bastarne* (Hânceanu 2006); *Ceramica bastarnă din așezarea de la Roșiori* (Hânceanu 2007); *Locuirea bastarnă de la Roșiori. Plăcuțe decorative de la cățeii de vatră* (Hânceanu 2019); *Așezarea getică de la Roșiori (jud. Neamț). Piese celtice din fier* (Hânceanu 2022b).

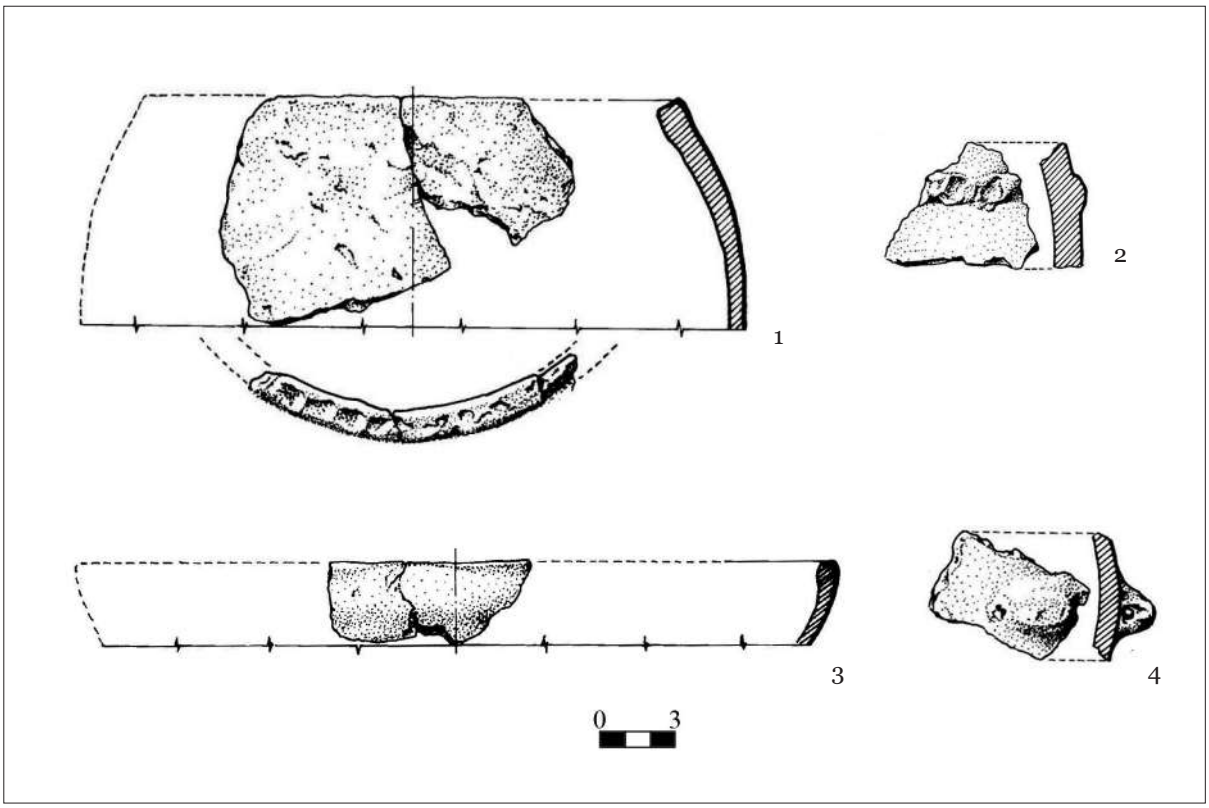
Dincolo de utilizările improprii ale sintagmelor menționate mai sus, apare totuși problema posibilității de a conecta anumite tradiții de producere și vehiculare ale unor sau altor artefacte la grupurile de populații ce pot fi întrezărite în spatele acestor tipuri de obiecte. Mai mult chiar, în cazul în care aceste mișcări pot fi făcute, ne întrebăm: oare care ar fi criteriile de delimitare a tradițiilor locale de producere a unor sau altor artefacte în raport cu tradițiile central-europene (implicit, ale ceramicii).

În această ordine de idei, atenționăm că și noi am sesizat faptul că anumite tradiții în producerea ceramicii, care s-au constituit în perioada culturii getice (sec. VI/V-III a. Chr.), pot fi observate în setul ceramicii descoperite în siturile Poienești-Lucașeuca (de exemplu, cele morfologice), dar modul simplist prin care acestea sunt „clasificate” de către G.-D. Hânceanu pare unul neglijent, cu un impact de denaturare a receptării fenomenelor analizate. Doar un exemplu: în cadrul setului de ceramică ce definește cultura Poienești-Lucașeuca avem suficiente exemplare de ceramică grosieră, care nu au barbotină, dar au analogii în mediul culturilor arheologice din Europa central-nordică ce-i sunt sincrone, dar și al culturilor care au anticipat constituirea acestora. Astfel, dacă ne vom uita la două vase din categoria celor grosiere, dar care nu au barbotină, respectiv fiind calificate ca vase „getice” de către G.-D. Hânceanu, vom avea mari rezerve în a-i da dreptate autorului (fig. 2/1, 3, 5). Aceeași nedumerire va fi determinată de mai multe motive ornamentale, care sunt atribuite fără temei doar tradiției getice, fără a se ține cont de anumite precedente în tradițiile lumii central-europene (butoni, brâuri, potcoave ș.a.) (fig. 2/2, 4).

Mai mult, studiul ceramologic realizat pe două perechi de situri ale culturii getice și Poienești-Lucașeuca – Orheiul Vechi-Butuceni (Daszkiewicz, Munteanu, Iarmulschi 2019) și Horodca Mică-Ulmu (Daszkiewicz et al. 2017) – a demonstrat că există, pe de o parte, într-un caz, anumite tendințe de perpetuare a tehnicii de lucru locale, inclusiv în cazul analizei unor vase ce sunt atribuite de autorul săpăturilor de la Roșiori-Dulcești tradițiilor central europene, iar pe de altă parte, – rupturile în tehnica locală de producere, chiar și în cazul unor vase ce, implicit, erau atribuite culturii locale.

Precizăm că atribuirea etnică este utilizată de către G.-D. Hânceanu nu doar în raport cu ceramica, dar și cu unele obiecte realizate din fier, bronz, lut sau piatră. Astfel, recent a fost publicat un studiu intitulat *Așezarea getică de la Roșiori (jud. Neamț). Piese celtice din fier* (Hânceanu 2022b). Este vorba despre trei obiecte din fier: un așa-numit Hiebmesser, un cuțitaș și o verigă.

Dincolo de faptul că artefactele au căpătat calificative etnice, autorul investigațiilor crede că piesele respective „au fost aduse la Roșiori prin intermediul unor grupuri celtice (posibil, scordisci), stabilite în preajmă” (Hânceanu 2022b). Tot el adaugă: „Este posibil ca elementele (îndeosebi cuțitul de luptă) să constituie dovada unui „statut social înalt” aparte în cadrul comunității getice, a căror prezență poate fi pusă pe seama schimburilor culturale, fiind rezultatul unui „dar” ori al unui troc. Asocierea cuțitului de luptă cu veriga-brățară poate indica prezența unui războinic de seamă pentru așezarea getică, poate, chiar șeful militar al acesteia. Ca argument, în acest sens, poate fi apropierea dintre piese, care poate sugera o legătură și apartenența lor aceluiași individ” (Hânceanu 2022b, 232).



5

Fig. 2. Fragmente de vase ceramice de tip Poienești-Lucașeuca de la Roșiori-Dulcești (după Hânceanu 2016).

Din punctul nostru de vedere, pentru aceste piese nici nu trebuie, dar nici nu poate fi utilizată vreo atribuire etnică. Asemenea obiecte au fost folosite pe parcursul celei de a doua epoci a fierului de diferite comunităţi umane ce au locuit pe teritoriul vechiului continent (Schönfelder 2010). Totodată, asemenea obiecte nicidecum nu reprezintă piese de prestigiu (Schönfelder 2010, 231), respectiv nu putem vorbi de un „statut social înalt" al persoanei ce a folosit aceste piese.

Rezumând, constatăm o situaţie clară când abordarea problemei este una simplistă şi lipsită de suport metodologic. Şi chiar dacă o astfel de abordare poate să pară nevinovată la prima vedere, totuşi, dacă examinăm foarte fugitiv consecinţele unei astfel de abordări, vom observa situaţii cu o denaturare a fenomenelor ce stau în spatele artefactelor examinate.

Vom continua imediat gândurile cu privire la acest aspect, nu înainte de a ne exprima laconic propriul punct de vedere asupra modalităţii de utilizare a termenilor atribuiţi descoperirilor pe care le discutăm. Astfel, considerăm că pentru vestigiile arheologice descoperite în nivelul de epocă preromană recentă a fierului de la Roşiori-Dulceşti ar fi binevenită utilizarea termenului *descoperiri de tip Poienești-Lucașeuca*.

Problema enclavei şi a convieţuirii „geto-dace-bastarne”

La final, considerăm oportun să nu lăsăm fără atenţie faza interpretativă din studiul colegului G.-D. Hânceanu. Din start remarcăm că, din punctul nostru de vedere, nici aici nu a fost oferită o construcţie închegată, inteligibilă şi consecventă, care ar avea la bază solide argumentări.

Autorul cercetărilor de la Roşiori-Dulceşti consideră că ceramica de tip Poieneşti-Lucaşeuca, denumită, impropriu, *bastarnă*, a fost adusă aici „cel mai probabil, de o enclavă a peucinilor” (Hânceanu 2018, 289). Trecând peste ambiguitatea termenului de *enclavă*, vom vedea că utilizarea acestuia are în spate mai multe percepţii, acestea variind de la o perioadă la alta a analizelor.

Astfel, într-o fază incipientă a studiilor, ambiguitatea este adusă la superlativ doar prin două propoziţii. „Importanţa prezenţei ceramicii bastarne în amestec cu cea geto-dacică din secolele IV-II a. Chr. permite ipoteza unei vecinătăţi dacobastarne în zonă, o posibilă convieţuire paşnică între două populaţii diferite din punct de vedere etnic. Cu timpul, a fost posibilă asimilarea alogenilor, fie ei au plecat” (Hânceanu 2007, 284). Ce ar însemna *vecinătate* în viziunea autorului? Este una în cadrul aceleiaşi aşezări sau este una microzonală?

Termenul de *convieţuire*, utilizat imediat după *vecinătate*, nu face decât să aprofundeze ambiguitatea, iar calificativul de *paşnic* provoacă un şir de întrebări retorice, ca să nu mai vorbim de scenariul propus pentru finalul dramatic al unei posibile asimilări, care nici ea nu este sigură, căci cei ce urmau să fie asimilaţi, ar fi putut să şi plece între timp. Bineînţeles, caracterul absolut declarativ nu duce spre rezolvarea problemei, ba, din contra, creează şi mai multe confuzii. Oricine este îndreptăţit să se întrebe: 1. În baza căror date/informaţii am putea afirma că au putut fi asimilaţi? 2. Şi dacă au fost asimilaţi, de fapt, cine dintre ei: nou-veniţii sau localnicii? 3. Dar dacă totuşi o fi plecat, atunci când? 4. Şi de unde materialul specific culturii Poieneşti-Lucaşeuca (sau în viziunea lui G.-D. Hânceanu – cel bastarnic) şi în secolul I a. Chr.?

Pista eronată a acestor „ipoteze”, după noi, tot de la o terminologie greşită porneşte şi de la interpretarea confuză a conţinuturilor ce stau în spatele acestor termeni. Vezi, spre exemplu, studiul din 2016, unde cercetătorul menţionează că, „dacă ar fi s-o categorisim, aşezarea este preponderent geto-dacică, ceramica autohtonă de până acum ocupând un procent de circa 70% din totalul descoperirilor. În această situaţie, stratul de locuire de la Roşiori poate să se alăture aşezărilor preponderent geto-dacice, precum cele de la Băiceni-*Mlada*, Dumbrava-*Căprărie* (jud. Iaşi) şi nivelului II de la Cucorăni-*Medeleni* (jud. Botoşani)” (Hânceanu 2016, 48).

***

Făcând bilanţul celor discutate, considerăm că colegul nostru al trebui să evite etnicizarea descoperirilor arheologice şi să folosească termenul de cultură arheologică. Totodată, suntem conştienţi de faptul că nu deţinem adevărul absolut şi de aceea îl invităm pe dl. G.-D. Hânceanu la dialog. Căci doar prin cercetare şi dialog are loc evoluţia ştiinţei. Vorba lui Tacitus: *sine ira et studio*. În final, nu ne rămâne decât să-i urăm dl. G.-D. Hânceanu mult succes!

Bibliografie

Babeş 1993: M. Babeş, Die Poieneşti-Lukaševka-Kultur. Ein Beitrag zur Kulturgeschichte in Raum östlich der Karpaten in den letzten Jahrhunderten vor Christi Geburt (Bonn 1993).

Babeş 2003: M. Babeş, Die Poieneşti-Lukaševka-Kultur. In: (Hrsg. R. Müller) RGA² 23 (Berlin-New-York 2003), 230-239.

Babeş, Coman 2005: M. Babeş, R. Coman, O nouă „fibulă pomeraniană” în România. ArhMold XXVIII, 2005, 139-147.

Babeş, Iarmulschi 2020: M. Babeş, V. Iarmulschi, Aşezarea şi necropola de tip Poieneşti-Lucaşeuca de la Boroseşti (Chişinău 2020).

Bârcă 2006: V. Bârcă, Nomazi ai stepelor. Sarmaţii timpurii în spaţiul nord-pontic (sec. II-I a. Chr.) (Cluj-Napoca 2006).

Berzovan 2022: Al. Berzovan, At the Borders of the Great Steppe. Late Iron Age Hillforts between the Eastern Carpathians and Prut (5th - 3rd centuries BC) (Cluj-Napoca 2022).

Brather 2014: S. Brather, Archäologische Kultur und historische Interpretation. Zwischen Raumklassifikation und Raumanalyse. In: (Hrsg. J. Brandt, B. Rauchfuß) Das Jastorf-Konzept und die vorrömische Eisenzeit im nördlichen Mitteleuropa (Hamburg 2014), 19-34.

Daszkiewicz et al. 2017: M. Daszkiewicz, M. Meyer, O. Munteanu, V. Iarmulschi, Pottery found at the Horodca Mică and Ulmu Iron Age settlements – results of the archaeoceramological analysis. Plural 5/2, 2017, 32-74.

Daszkiewicz, Munteanu, Iarmulschi 2019: M. Daszkiewicz, O. Munteanu, V. Iarmulschi, Arhaeoceramological analysis of the pottery form Orheiul Vechi and Butuceni-Vest settlements (Poieneşti-Lucaşeuca and Getic cultures). Plural 7/2, 2019, 190-225.

Hachmann 1960: R. Hachmann, Die Chronologie der jüngeren vorrömischen Eisenzeit. Studien zum Stand der Forschung in nördlich Mitteleuropa und in Skandinavien. BRGK 41, 1960, 1-276.

Hânceanu 2006: G.-D. Hânceanu, Două strecurători bastarne din aşezarea carpică de la Roşiori-Dulceşti (jud. Neamţ). Carpica XXXV, 2006, 61-64.

Hânceanu 2007: G.-D. Hânceanu, Ceramica bastarnă de la Roşiori-Dulceşti. ArhMold XXX, 2007, 277-286.

Hânceanu 2016: G.-D. Hânceanu, Vestigii dacice şi bastarne dintr-o locuinţă a sitului de la Roşiori-Dulceşti. Acta Musei Tutovensis XII/2. Historica et archaelogica in honorem Ion Ioniţă octogenarii, 2016, 40-71.

Hânceanu 2018: G.-D. Hânceanu, Bastarnii de la Roşiori. Rezultatele campaniei din anul 2016. Tyragetia s.n. VII/1, 2018, 271-292.

Hânceanu 2019: G.-D. Hânceanu, Locuirea bastarnă de la Roşiori. Plăcuţe decorative de la căţeii de vatră. ArhMold XLII, 2019, 273-279.

Hânceanu 2022a: G.-D. Hânceanu, Situl arheologic de la Roşiori-Dulceşti. Tipologie de toarte bastarne. Varia Archaeolgica II, 2022, 129-142.

Hânceanu 2022b: G.-D. Hânceanu, Aşezarea getică de la Roşiori (jud. Neamţ). Piese celtice din fier. Tyragetia s.n. IX/1, 2022, 227-235.

Matveev, Vornic, Corobcean 2023: S. Matveev, V. Vornic, A. Corobcean, Meandrele istoriei. Patrimoniul arheologic din epoca fierului şi perioada romană în bazinul râului Cogâlnic (Chişinău 2023).

Popa 2015: Al. Popa, Untersuchungen zu den römisch-barbarischen Kontakten östlich der römischen Provinz Dacia (Bonn 2015).

Rustoiu 2020: A. Rustoiu, Commentaria archaeologica et historica (III). Chronology of the Dacian silver hoards. Ephemeris Napocensis XXX, 2020, 11-38.

Schönfelder 2010: M. Schönfelder, Speisen mit Stil – zu einem latènezeitlichen Hiebmesser vom Typ Dürrnberg in der Sammlung des Römisch-Germanischen Zentralmuseums in Mainz. In: (Hrsg. L. Borhy) Studia Celtica classica et romana Nicolae Szabó septuagesimo dedicata (Budapest 2010), 223-233.

Spânu 2019a: D. Spânu, Core issues of Late La Tène Periodization in Romania. Peuce s.n. XVII, 2019, 167-206.

Spânu 2019b: D. Spânu, Poienești. Necropola din sec. II-III (Cluj-Napoca 2019).

Strobel 1998: K. Strobel, Dacii. Despre complexitatea mărimilor etnice, politice şi culturale ale istoriei spaţiului Dunării de Jos. SCIVA 49/1, 1998, 61-96.

Teodor 1980: S. Teodor, Aşezarea din epoca Latène de la Botoşana. SCIVA 31/2, 1980, 181-227.

Teodor 1987: S. Teodor, Cercetările arheologice de la Ciurea. ArhMold XI, 1987, 65-102.

Teodor 1992: S. Teodor, Cercetările arheologice de la Lozna-Hlibicioc, jud. Botoşani. ArhMold XV, 1992, 45-69.

Teodor 1999: S. Teodor, Regiunile est-carpatice ale României în secolele V-II a. Chr. Consideraţii generale şi repertoriul arheologic (Bucureşti 1999).

Zanoci, Băţ 2023: A. Zanoci, M. Băţ, Un mileniu de civilizaţie. Epoca fierului în bazinul Nistrului de Mijloc (Chişinău 2023).

Топал 2021: Д. Топал, Акинак на западе скифского мира (Кишинэу 2021).

„Geten“, „Daker“, „Bastarnen“ und „Skordisken“: einige Bemerkungen zur Siedlung der jüngeren vorrömischen Eisenzeit von Roşiori-Dulceşti

Schlagwörter: Siedlung von Roşiori-Dulceşti, jüngere vorrömische Eisenzeit, ethnische Zuordnung, Geten, Bastarnen, Daker.

Zusammenfassung: In diesem Artikel werden verschiedene methodische Fragen im Zusammenhang mit der ethnischen Kategorisierung von Funden und Artefakten aus der jüngeren vorrömischen eisenzeitlichen Siedlung von Roşiori-Dulceşti diskutiert. Nach Ansicht des Autors den Grabungen gehören diese Funde und Befunde den Geten und Daker. Einige Funde wurden jedoch den Bastarnen oder Skordisken zugeschrieben. Nach Ansicht des Verfassers dieses Beitrags sollte die Ethnisierung dieser Überreste vermieden und der Begriff „archäologische Kultur“ verwendet werden.

Abbilndungsliste:

Abb. 1. Lage und Ausgrabungsplan der Siedlung von Roşiori-Dulceşti: 1 - Lage des Fundplatzes im ostkarpatischen Raum (nach Hânceanu 2018); 2 - Ausgrabungsplan (nach Hânceanu 2022b).

Abb. 2. Keramikfragmente der Poieneşti-Lucaşeuca-Kultur von Roşiori-Dulceşti (nach Hânceanu 2016).

«Геты», «даки», «бастарны» и «скордиски»: некоторые замечания относительно поселения позднего доримского железного века Рошиорь-Дулчешть

Ключевые слова: поселение Рошиорь-Дулчешть, поздний предримский железный век, этническая принадлежность, геты, бастарны, даки.

Резюме: В статье рассматриваются различные методологические вопросы, связанные с этнической категоризацией находок с поселения позднего предримского железного века Рошиорь-Дулчешть. По мнению автора раскопок, эти артефакты принадлежали гетам и дакам. Однако некоторые находки были отнесены к бастарнам или скордискам. По мнению автора статьи, следует избегать этнической идентификации этих археологических останков и использовать термин «археологическая культура».

Список иллюстраций:

Рис. 1. Расположение поселения и общий план раскопок в Рошиорь-Дулчешть: 1 - расположение поселения в Карпато-Днестровском регионе (по Hânceanu 2018); 2 - общий план раскопок (по Hânceanu 2022b).

Рис. 2. Фрагменты керамических сосудов с поселения Рошиорь-Дулчешть (по Hânceanu 2016).

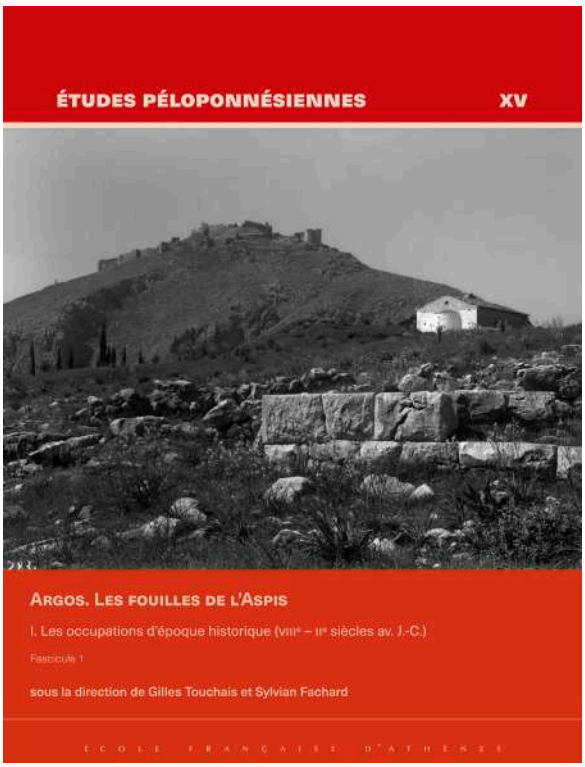
22.08.2024

Dr. Vasile Iarmulschi, Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, str. 31 August 1989, 121A, MD-2012 Chişinău, Republica Moldova / Universitatea Liberă din Berlin, Fabeckstr., 23-25, 14195 Berlin, Germania, https://orcid.org/0000-0002-9013-1973, e-mail: vasile.iarmulschi@gmail.com

Gilles Touchais, Sylvian Fachard (dir.), ARGOS. LES FOUILLES DE L'ASPIS. I. LES OCCUPATIONS D'ÉPOQUE HISTORIQUE (VIIIe – IIe SIÈCLES AV. J.-C.). Études Péloponnésiennes XV.

Athènes: École Française d'Athènes, 2022, 919 p. ISBN 978-2-86958-589-8

Lucrarea reprezintă o apariţie recentă din seria *Études Péloponnésiennes* a Şcolii Franceze din Atena, după o pauză de 11 ani, şi se concentrează pe vestigiile perioadei istorice de pe colina Aspis, conform planului, urmărindu-se publicarea în viitor a unui volum dedicat sitului în timpul Helladicului Mijlociu. Monografia este compusă din două fascicole separate, fiecare cuprinzând capitole scrise de autori diferiţi, specializaţi pe subiectul abordat. Volumul se împarte structural în *Introducere* (p. 1-2), 17 capitole (p. 5-861), *Concluzia generală* (p. 863-864), *Bibliografie* (p. 865-898) şi *Atribuirea ilustraţiilor* (p. 899-901). Fiecare capitol despre artefactele mobile dispune de un catalog însoţit de ilustraţii, amplasat la sfârşitul acestuia, în rest, imaginile fiind încadrate direct în text.


ÉTUDES PÉLOPONNÉSIENNES XV
ARGOS. LES FOUILLES DE L'ASPIS
I. Les occupations d'époque historique (VIIIe – IIe siècles av. J.-C.)
Fascicule 1
sous la direction de Gilles Touchais et Sylvian Fachard
ECOLE FRANÇAISE D'ATHENES

Introducerea (p. 1-2), redactată de Gilles Touchais, Anna Philippa-Touchais şi Sylvian Fachard, schiţează premisele organizării săpăturilor arheologice pe colina Aspis şi ale publicării acestui volum.

În primul capitol, *L'Aspis dans son environnement* („Aspis în mediul său") (p. 5-19), semnat de Antoine Chabrol, este descris mediul natural în care se află subiectul monografiei, Aspis, o colină amplasată la marginea vestică a câmpiei Argos, pe peninsula Pelopones, la poalele căreia se întinde oraşul antic şi contemporan Argos. Pantele acesteia coboară relativ lin în comparaţie cu mult mai impozantul masiv Larissa de alături. Chiar dacă în prezent s-a stabilit că specia de arbori predominantă până la altitudinea de 300 m este stejarul kermes, pinul de Calabria şi alte conifere preferând altitudinile mai mari, analizele palinologice şi speleotemice au permis reconstituirea unui trecut bioclimatic variabil. Astfel, răspândirea măslinului în zonă a început abia în jurul anului 800 a. Chr., iar stejarul şi pinul au alternat ca specie predominantă pe parcursul istoriei (p. 8-9). Principalele cursuri de apă care străbat câmpia sunt Inachos şi afluentul său Xerias. În partea occidentală, eroziunea cauzează mari depuneri sedimentare, pe când în cea orientală, cursurile de apă au debitul mic. Pentru a stăvili impactul revărsărilor violente, comunităţile din vestul câmpiei au efectuat lucrări de îndiguire a malului drept al râului Xerias încă din antichitate (sec. V-IV a. Chr.), dar aluviuni de aproximativ 8 m grosime, oricum, acoperă unele vestigii ale oraşului antic Argos (p. 18). Pe colina Aspis lipseşte orice sursă de apă curgătoare, ceea ce a determinat populaţia stabilită acolo în perioada istorică fie să construiască cisterne pentru colectarea apelor pluviale, fie să părăsească incinta şi s-o aducă din fântânile localizate la poalele colinei (p. 18-19).

Al doilea capitol, *L'«Aspis» dans la littérature archéologique* („Aspis în literatura arheologică") (p. 21-31), elaborat de Gilles Touchais, desfiră principalele etape de explorare a colinei în surse-

le scrise şi procesul în urma căruia a ajuns să fie identificată cu *Aspis*-ul antic, deoarece din epoca modernă poartă denumirea de colina Profetului Ilie. Plutarh a furnizat una dintre cele mai importante mărturii antice despre Aspis, ele, în general, fiind puţine la număr. Autorul antic menţionează locul în contextul asediului eşuat al oraşului Argos de către Pyrrhus în 272 a. Chr., în timpul căruia regele epirot şi-a găsit şi sfârşitul, urmat de momentul cuceririi oraşului de către regele Spartei Cleomene al III-lea, în 225 a. Chr., şi pierderea lui un an mai târziu, în timpul unei răscoale (p. 22-23). De fapt, Argos posedă două înălţimi alăturate, cu urme de fortificaţii antice: dealul Larissa şi colina Profetului Ilie. Aceasta din urmă era cunoscută – conform tradiţiei locale – drept colina lui Phoroneus, informaţie preluată şi diseminată de călătorii străini din sec. al XIX-lea. Din aceştia, E. Dodwell, J.A. Cramer, W.M. Leake ş.a. au identificat, în impresiile lor, Aspis-ul pe dealul Larissa, deasupra teatrului. William Gell, aflat în vizită în 1805, a fost primul explorator care a localizat acropola antică pe colina Profetului Ilie, opinie împărtăşită şi de primul arheolog care a efectuat săpături pe colină, W. Volgraff (p. 23-26). În acelaşi timp, nu au parvenit dovezi concludente, cum ar fi inscripţiile, în favoarea acestei ipoteze, identificarea cu locul dat fiind pusă la îndoială de repetate ori, inclusiv de două studii din anii 1970 (p. 27-28). Totuşi, autorul consideră că sursele scrise şi argumente de ordin militar sugerează colina Profetului Ilie drept locaţia cea mai probabilă a Aspis-ului din antichitate, premisă după care se ghidează întreaga monografie.

Capitolul al treilea, *L'exploration des niveaux historiques de l'Aspis: histoire des fouilles et présentation des contextes* („Explorarea nivelurilor istorice din Aspis: istoricul săpăturilor şi prezentarea contextelor") (p. 33-78), redactat de Gilles Touchais, Anna Philippa-Touchais şi Sylvian Fachard, trece în revistă toate campaniile de cercetări arheologice organizate pe colina Aspis şi furnizează o descriere generală a documentării contextelor. Wilhelm Vollgraff a efectuat primele săpături arheologice în sit, însumând două campanii a câte trei luni fiecare, în 1902 şi 1903. Atunci, a scos la lumină o serie de structuri atribuite perioadei istorice, inclusiv extensiunea triunghiulară a incintei şi o depunere votivă din epoca arhaică. Ulterior, s-au mai organizat trei campanii majore de cercetări (1974-1990, 2005-2009 şi 2009-2015), dintre care doar ultima a fost concentrată pe vestigiile perioadei istorice. Primele etape postbelice au vizat vestigiile din Helladicul Mijlociu. Plantarea copacilor pe colină şi resturile neastupate ale săpăturilor lui W. Volgraff au îngreunat procesul de cercetare. Dintre toate fazele de locuire atestate, celei elenistice îi aparţine clădirea MZ, gropi de extragere a pietrei din zidurile helladice, o altă depunere votivă, lucrări de reamenajare a sistemului defensiv, inclusiv extensiunea triunghiulară a incintei ş.a. Principalele obiective ale campaniilor din 2005-2009 au vizat întocmirea unui plan topografic conform rigorilor ştiinţifice şi executarea lucrărilor de curăţire, ceea ce a dus, printre altele, la descoperirea urmelor de instalaţii militare din al Doilea Război Mondial, de exemplu, tranşee şi cazemate (p. 65-72). Investigaţiile arheologice din 2009-2015 au abordat extensiunea triunghiulară, zidul de incintă elenistic şi cisternele (p. 72-78), expediţia beneficiind de expertiza unui specialist în prelucrarea pietrei. De asemenea, în acest capitol, autorii descriu modul de săpătură de-a lungul timpului, înregistrarea contextelor ca *loci* separate şi modul de clasificare a lor.

În capitolul al patrulea, *La céramique géométrique* („Ceramica geometrică") (p. 81-119), semnat de Camilla Diogo de Souza, se analizează recipientele de ceramică, datate în epoca geometrică. Spre deosebire de oraşul de la poalele colinei (Argos), în săpăturile de pe Aspis acestea constituie o raritate. Autoarea ia în considerare doar fragmentele cu decor pictat, în număr de aproximativ 100, din categoria ceramicii fine. Numărul fragmentelor de vase de uz comun este redus, ceea ce nu permite studierea lor corespunzătoare (p. 81). Toate piesele analizate reprezintă cioburi mici. Singurul fragment mai mare aparţine unui *skyphos* de forma unei grenade cu decor pictat, ce ilustrează un bărbat cu mâinile ridicate, un peşte şi un cal, pe lângă benzi geometrice (p. 96-102, 112, fig. 4.7/A45), toate fiind motive tipice epocii geometrice. Eşantionul studiat provine aproape în exclusivitate de la vase de dimensiuni mici, cum ar fi pixide, amforete, cupe, ceşti, căni, mici *oinochoai*. În baza decorului, autoarea a datat fragmentele fie în Protogeometric, fie în una dintre cele opt subdiviziuni de 10-20 de ani ale cronologiei ceramicii epocii geometrice din Argos (tab. 4.1). De exemplu, decorul pictat în formă de zigzag pe fragmentul de cupă A36 este atribuit, cu precădere, Protogeometricului, pe când ornamentul de romb sau triunghi cadrilat pe cratere este specific aproape întregului

Geometric, dar, în dependenţă de poziţia sa, poate fi atribuit etapei mijlocii sau târzii a acestuia (p. 96). Pe lângă caracteristicile decorului, la determinarea cronologică s-a mai folosit şi profilul vaselor. În ansamblu, majoritatea covârşitoare a fragmentelor de ceramică datează din Geometricul târziu (750-690 a. Chr.) (tab. 4.2).

Capitolul al cincilea, *The clay votive material (8th-4th centuries)* („Materialul votiv din lut (sec. VIII-IV a. Chr.)") (p. 121-363), întocmit de Anna Philippa-Touchais şi Alexandra Alexandridou, cu o anexă de Gilles Touchais despre figurinele miceniene (p. 357-363), reflectă prin dimensiunea sa considerabilă cantitatea substanţială de obiecte votive, descoperite pe colina Aspis, fapt utilizat drept argument la localizarea unui sanctuar acolo în această perioadă. Dovezi asupra existenţei unui sanctuar pe colina Aspis au ieşit la suprafaţă încă în timpul cercetărilor lui W. Volgraff, dar cel mai important depozit de piese votive a fost descoperit pe parcursul săpăturilor din 1979. Studiul dedicat acestuia ocupă prima parte din capitol (p. 121-178) şi numără 109 piese catalogate din totalul de 260, câte conţinea depozitul. 70,4% din obiectele acestuia reprezintă vase miniaturale, 12,3% - diverse obiecte de lut, 11% - vase de mărimi obişnuite, 4% - figurine din lut, 1,5% - obiecte din bronz. Componentele depozitului datează din perioade diferite, începând cu ultimul sfert al sec. VIII a. Chr. şi sfârşind cu primele decenii ale sec. VI a. Chr., dar majoritatea lor provin din sec. VII a. Chr. (p. 122-124), inclusiv un import din Corint în forma unui *kotyle* de la sfârşitul secolului dat. O prezenţă neobişnuită o constituie un picior de *kylix* micenian, asociat de autoare unui potenţial cult al strămoşilor, credinţă populară în sec. VIII a. Chr., practicată, mai ales, în interiorul mormintelor miceniene sau în temple (p. 125-127). Dintre vasele obişnuite predomină cele de mărimi mici: *kantharoi*, *skyphoi*, castroane, *kotylai*. Vasele de tip *kantharos* şi *skyphos* prezintă similarităţi, fiind pictate cu vopsea întunecată pe exterior şi interior. Vasele miniaturale au fost modelate cu mâna, mai rar – la roata olarului, în diferite forme, dintre care văscioarele calotiforme se evidenţiază drept cele mai numeroase (p. 128-131). Ele atingeau o înălţime maximă de 3 cm şi posedau un ornament pictat liniar şi una sau două găuri laterale de suspendare. Se presupune că acestea din urmă îi ajutau pe negustorii din preajma templelor să le agaţe la tarabe (p. 131). Printre celelalte obiecte miniaturale de lut se numără flori, coroniţe, plăcinţele, modele de casă ş.a. Mai ales în zona Argos, coroniţele se asociau cu templele dedicate divinităţilor feminine şi erau tipice cultului Herei, dar nu erau exclusiv ale acesteia (p. 136). O categorie aparte o reprezintă figurinele de lut, al căror număr în eşantion se ridică la opt feminine şi una de călăreţ (p. 140-144). Figurinele feminine aşezate nu dau dovadă de extravaganţa vizibilă la cele în picioare, ultimele reflectând, probabil, o clientelă avută (p. 143-144). Luată în ansamblu, depunerea propriu-zisă a acestei colecţii votive într-un singur loc ar putea fi asociată cu reamenajarea spaţiului cultic în sec. VI a. Chr., de exemplu, prin ridicarea unui nou templu, din piatră (p. 148), dar acest lucru rămâne, la moment, la stadiul de ipoteză.

A doua parte a capitolului (p. 179-356) abordează depunerile votive descoperite fără context pe Aspis. Numărul lor total atinge 261 de obiecte de lut, dintre care 224 catalogate în carte. Situaţia se inversează aici faţă de eşantionul precedent, majoritare devenind figurinele (54%) (tab. 5.4). În ceea ce priveşte vasele ceramice, aproximativ 2/3 intră în categoria celor miniaturale, restul fiind de dimensiuni obişnuite. Se observă, în acest domeniu, existenţa a trei principale centre sau stiluri de producţie: unul local din Argos, al doilea – din Corint şi ultimul – corintianizant (p. 188-189). De exemplu, din Argos provin o serie de vase de tip *crater*, *kalathos* sau *oinochoe*, pe când din Corint – de tip *kotyle* şi *oinochoe* conic. Ceramica corintianizantă, de obicei, nu a fost confecţionată în metropolă, dar emană stilul acesteia. Aceasta prezintă dificultăţi în localizarea centrelor ei de producţie, dar, cel mai probabil, atelierele din Argos şi Argolida stau în spatele ei. O paralelă asemănătoare o formează vasele miniaturale din depunerile votive, fiindcă Corintul s-a afirmat drept centru specializat pe acest segment al industriei ceramice, însă artizanii din Argos ofereau competiţie pe piaţa locală, în ciuda calităţii mai joase (p. 207). În catalogul întocmit intră 141 de figurine de lut, dintre care 123 antropomorfe şi 18 zoomorfe. Datarea figurinelor doar în baza stilisticii nu este facilă, ceea ce a determinat autoarele să introducă mai multe criterii de clasificare, folosite şi pentru a stabili cronologia lor, de exemplu, tehnica de confecţionare şi calitatea pastei (p. 227-238). Astfel, în baza tehnicii, figurinele modelate cu mâna şi cele mixte, cu capul mulat şi trunchiul modelat, au cunoscut cea mai mare popularitate în sec. VII - începutul sec. VI a. Chr. (tab. 5.14), iar tehnica cea mai târzie este cea a figurinelor mulate în între-

gime, de la sfârşitul sec. VI a. Chr. până la mijlocul sec. V a. Chr. (p. 266). Prevalenţa figurinelor feminine în toate perioadele întăreşte ideea că pe colina Aspis s-au practicat ritualuri specifice femeilor sau în onoarea unor zeiţe. Alte indicii în această direcţie au furnizat descoperirile de vase, aduse deseori ca ofrande divinităţilor feminine, precum *kalathoi* din ceramică (în cinstea Demetrei, Herei etc.) şi *hydriai* miniaturale (p. 194-195, 205). Figurinele zoomorfe (p. 277-287) înfăţişează diferite animale, mai exact, cai, bovine, câini ş.a. La început, în sec. VIII-VII a. Chr., cele de cai predomină, probabil, nu în mică măsură datorită faptului că în Argolida creşterea cailor a format o ocupaţie de bază a elitei bărbăteşti la începutul epocii fierului (p. 281). Piesele votive de lut fără context cunosc o varietate substanţială (p. 322-344), pe lângă menţiunile de mai sus, fiind întâlnite modele miniaturale de mobilă, de cuptor, pandantive în formă de floare, coroniţe, zaruri, jetoane, fructe ş.a. Capitolul oferă interpretări argumentate asupra schimbărilor sociale şi spirituale, reflectate în componenţa depozitelor votive, de exemplu, posibilitatea ca figurinele antropomorfe în picioare să facă parte din seturi de dansatoare, în condiţiile în care dansul reprezenta un procedeu de memorare şi recitare a evenimentelor importante *oikos*-ului sau evoluţia stilistică a figurinelor feminine ca reflecţie a stării sociale a credincioşilor (p. 274-277). Cu toate acestea, cea mai mare valoare o are clasificarea tehnologică a figurinelor şi exerciţiul de datare a lor în baza acesteia.

Capitolul al şaselea, *The metal objects from the Geometric and Archaic periods* („Obiectele de metal din epocile geometrică şi arhaică") (p. 365-402), întocmit de Gudrun Klebinder-Gauss, cuprinde un studiu al pieselor metalice, depistate în sit şi datate în perioadele enunţate. Din punct de vedere cronologic, piesele caracteristice Geometricului şi Arhaicului Timpuriu sunt acele de fixare, fibulele şi inelele, iar în sec. VII-V a. Chr. niciuna dintre categoriile de mai sus nu reapare, atestându-se, în schimb, *phialai*, oglinzi miniaturale, coroniţe de plumb (p. 382-384) ş.a. Centrul de producţie al celei mai mari porţiuni din setul analizat se găsea în zona Argos-ului, iar unicele obiecte de import sunt coroniţele de plumb, originare din Sparta, şi acele de tip Geometric XIII şi XVI, aduse din Laconia sau Arcadia (p. 370, 377-379). Exceptând exemplarele în formă de „T" şi cele timpurii, acele de bronz au un şir de noduri dispuse spre capăt. Opt aparţin tipului *Mehrkopfnadeln*, probabil, produse local, undeva în Argos sau în împrejurimile lui (p. 371). În final, în urma analizei pieselor din metal, autoarea ajunge la o concluzie diferită faţă de cea exprimată în capitolul anterior, că în sec. VII a. Chr. a scăzut intensitatea ocupării colinei Aspis, fenomen care ar fi reflectat, şi la nivel de microzonă, de numărul redus al mormintelor atestate pentru această perioadă (p. 385).

Capitolul al şaptelea, *Les terres cuites architecturales d'époque archaïque* („Ceramica arhitecturală a epocii arhaice") (p. 403-452), semnat de Marie-Françoise Billot, relevă descoperirile arheologice efectuate pe colină în materie de ceramică folosită în arhitectură. Colecţia cuprinde fragmente de streşini (*simae*), ţigle, coame, dolii şi antefixe, cu alte cuvinte, componente ale acoperişurilor. Pe lângă faptul că materialul recoltat este sărac numeric şi fragmentat, există posibilitatea ca multe piese să fie aduse din altă parte, de exemplu, de la sanctuarul lui Apollo Pythios din apropiere, fiindcă obişnuiau să fie reutilizate (p. 426). După originea lor, există două tipuri de ceramică arhitecturală, documentată în zonă: corintiană (sau de inspiraţie corintiană) şi laconiană. În Argos exista un centru de producere a materialului tegular de tipul întâi, chiar dacă nu s-a determinat încă locaţia lui exactă. Astfel, pentru sec. VI a. Chr., s-a confirmat existenţa producţiei argiene de *simae* cu profil drept, decorate cu frunze de apă şi *anthemia*. Cea de *simae* decorate doar cu *anthemia* a continuat până în epoca clasică (p. 406). În general, o piesă de ceramică arhitecturală se poate data în baza mai multor criterii, de exemplu, grosimea şi modul de aplicare a vernisului, culoarea acestuia, profilul, decorul, ştampilele şi inscripţiile. Astfel, în sec. VI-V a. Chr., ţiglele au fost acoperite complet cu vernis, dar, începând cu sec. IV a. Chr., din ce în ce mai des, acest lucru se făcea doar parţial sau chiar deloc, cu anumite excepţii (p. 421-423). În ciuda tuturor acestor informaţii, obţinute din contextele arheologice, nicio locuinţă atribuită epocii arhaice nu s-a identificat până acum pe Aspis, astfel încât felul în care ceramica arhitecturală se raporta faţă de construcţia pentru care a fost destinată rămâne sub semnul întrebării.

Capitolul al optulea, *The Archaic sanctuary on the Aspis hill: a tentative synthesis of the evidence* („Sanctuarul arhaic de pe colina Aspis: o sinteză provizorie a dovezilor") (p. 453-478), scris de Anna Philippa-Touchais, încheie prima fascicolă a monografiei cu o punere la punct a informaţiilor colectate despre nivelul de locuire arhaic. Principalele dovezi discutate sunt depunerile votive şi

ceramica arhitecturală, care sugerează existenţa unui sanctuar pe colină, în continuare nelocalizat. Obiectele votive se înmulţesc în mijlocul sec. VII - începutul sec. VI a. Chr., iar lipsa pieselor de prestigiu printre ele conduce la concluzia că sanctuarul avea un caracter local sau regional (p. 472). Ipotetic vorbind, conform autoarei, locul sacru se găsea la început în aer liber sau într-o clădire de lemn şi chirpici, ca mai apoi, în sec. VI a. Chr., să fie ridicat un templu veritabil din piatră. Felul în care ritualurile de venerare se petreceau a evoluat pe parcurs – de la organizarea banchetelor în onoarea strămoşilor, documentate prin recipientele utilizate în acestea, la cultul practicat la un nivel mai personal de către femei, reieşind din abundenţa figurinelor feminine. Din cauza reducerii drastice a numărului de obiecte votive după data presupusă a construcţiei templului, s-a înaintat ipoteza că activitatea cultică descreşte, ca urmare a acestui eveniment şi a unor schimbări social-politice generale (p. 463), la care putem adăuga eventualitatea că reorganizarea spaţiului sacru ar fi putut duce la un tratament diferit al depunerilor votive, care nu şi-a găsit reflectare în ceea ce se descoperă din punct de vedere arheologic în prezent. Conform autoarei, sanctuarul de pe Aspis a fost dedicat Herei Akraia, concluzie coroborată de materialele votive şi de relatarea lui Pausanias, care localizează un astfel de templu pe drumul dinspre Argos spre acropola dealului Larissa (p. 465). În felul dat, sanctuarul de pe colină ar fi unul din două dedicate zeiţei Hera de către oraşul antic Argos, celălalt fiind edificat la marginea nordică a câmpiei Argos – la Prosymna (*Heraion Argos*), un proiect de prestigiu, după cum se remarcă la sfârşitul capitolului (p. 475-478).

Cu capitolul al nouălea, *Les remparts* („Zidurile") (p. 481-603), redactat de Sylvian Fachard şi Jean-Claude Bessac, demarează cea de-a doua fascicolă a monografiei, descriind şi interpretând vestigiile fortificaţiei elenistice. Incinta de pe colina Aspis, amplasată pe vârf, are o formă ovală alungită, cu lungimea de 237 m şi lăţimea de 142 m, dinspre sud-vest având, probabil, o poartă spre dealul Deiras (p. 484). Sistemul defensiv al acesteia era conectat cu cel al oraşului de jos prin ziduri care se ridicau în pantă. Extragerea pietrei din ziduri, începând cu perioada paleocreştină, a deteriorat ireversibil rămăşiţele fortificaţiei (p. 485-486). Prin urmare, bazele zidurilor, vizibile în unele locuri, pot lipsi integral sau parţial pe anumite segmente. Situl reprezintă o raritate pentru arheologia Greciei antice, datorită prezenţei atât a unei faze de fortificare anterioare, din Helladicul Mijlociu, cât şi a alteia, datate în perioada istorică. Zidurile preistorice au jucat un rol important cu mult timp după abandonarea lor, fiindcă comunitatea locală le-a încorporat într-un nou sistem defensiv, începând din epoca clasică. Ruinele helladice au ajuns să fie utilizate fie ca material de construcţie în noi ziduri de apărare, fie ca soclu care susţinea un zid din chirpici sau ca unul dintre cele două paramente ale unui zid cu emplecton. Capitolul scoate în evidenţă zece tipuri diferite de ziduri atestate în sit (p. 487-515), printre ele numărându-se zidul ciclopic şi cel de susţinere din Helladicul Mijlociu, zidul de reînvelire, din casete, din blocuri de piatră şi moloz etc. Zidul de reînvelire se numeşte aşa, deoarece a funcţionat drept parament exterior pentru un zid existent (de susţinere) din Helladicul Mijlociu, care, astfel, constituia paramentul interior al noii structuri. În unele cazuri, nu s-a putut determina dacă un tip de zid a avut original doar un singur parament sau două (de exemplu, tipul cu moloz). Cu toate acestea, autorii au ajuns la concluzia că structurile de piatră studiate *in situ* au reprezentat, de obicei, în epoca elenistică, socluri cu înălţimea de aproximativ 1,5 m, care susţineau o elevaţie din chirpici cu înălţimea de 4-6 m, după modelul bine cunoscut în restul lumii antice greceşti (p. 590-592). O tehnologie similară a fost folosită la construcţia extensiunii triunghiulare a incintei, probabil, capul de afiş al fortificaţiei elenistice, unică după formă şi concept în Peloponezul antic (p. 597). Aceasta a fost construită în anii 325-290 a. Chr., cel puţin parţial, din bani împrumutaţi de la Rhodos, după cum confirmă o stelă datată din 304 sau 303 a. Chr. Autorii consideră că termenul de *bastion* este unul nepotrivit pentru această structură, deoarece cuvântul dat semnifică o îngroşare a zidului de incintă (p. 535), pe când în cazul de faţă, aceasta reprezintă o prelungire a incintei. Extensiunea (p. 535-548) posedă un turn semicircular, amplasat la colţul care iese în afară, două turnuri patrulatere şi patru portiţe de aproximativ 1,3-1,6 m lăţime, cu intrări şicanate. Zidurile au fost dotate cu acoperişuri din ţiglă, după cum certifică cele circa 500 kg de material tegular, recoltat din sondajul nr. 1. În total, cercetările arheologice au relevat existenţa a opt turnuri de apărare (p. 515-534), amplasate la fiecare 60-75 m ai zidului de rond. Acestea aveau forme diferite, inclusiv una hexagonală, şi erau de tipul celor umplute cu pământ, adică fără cameră

interioară, fiind amenajată însă o cameră de tragere la nivelul curtinei. Turnurile de acest fel, cât şi zidurile din două paramente şi emplecton, erijate direct pe roca sterilă, constituiau fortificaţii aproape imposibil de spart cu berbecul sau de dărâmat folosind minele (p. 590). În general, autorii relevă concordanţa în care se află sistemul defensiv de pe Aspis cu preceptele referitoare la fortificaţii, enunţate de Philon din Bizanţ. Fiind un specialist în prelucrarea pietrei, J.-C. Bessac a analizat materialul litic din structura zidurilor (p. 560-590). După urmele lăsate, distinge uneltele şi tehnicile folosite, însă pe piatra mai fragilă, cum ar fi calcarul cochilifer, acestea nu s-au păstrat. Astfel, la extragerea pietrei s-au folosit târnăcopul-săpăligă, ranga, morteza, penele, săpăliga, iar la tăierea acesteia – barosul, dalta grea, scobitorul, dalta dreaptă, dalta dinţată şi sfredelul. Studii de acest fel, făcute de specialişti pietrari, sunt de o valoare veritabilă pentru cercetările asupra fortificaţiilor preistorice sau istorice. Lipsa oricăror observaţii *in situ* asupra dărâmăturii elevaţiei din chirpici reprezintă o pierdere pentru reconstrucţia aspectului original al fortificaţiilor, dar acest lucru a fost determinat de motive obiective, legate de starea de conservare a sitului şi procesele tafonomice.

Capitolul al zecelea, *Les citernes* („Cisternele") (p. 605-641), elaborat de Romaric Bardet, analizează cele două bazine de decantare şi stocare a apei pluviale, descoperite în sit. Acestea, denumite „b" şi „d", au fost săpate direct în roca de la nivelul antic de călcare şi au o formă alungită în plan, cu un bazin cilindric de decantare. Preliminar, apa ajungea într-un puţ tronconic, cu fundul adâncit sau de forma unei calote, în care se acumula noroiul şi se curăţa efectiv apa, dar sarcina principală de decantare îi revenea bazinului cilindric menţionat mai sus, după un principiu similar. Apa de ploaie, scursă din diverse surse, se colecta prin intermediul unor canale placate cu ceramică sau dale. Pereţii interiori ai cisternelor au un finisaj hidraulic pe bază de pietriş aplicat în straturi (p. 618-619). Autorul a găsit analogii relevante în alte situri, precum la Atena, dar cele mai asemănătoare cisterne se găsesc în Argolida, inclusiv una pe dealul alăturat, Larissa (p. 625-638). În baza acestor paralele şi a contextului arheologic, cisternele de pe Aspis ar data de la răscrucea sec. IV-III a. Chr. şi ar trebui puse pe seama organizării unei garnizoane militare autonome, staţionate acolo (p. 640-641). Un plan interpretativ al cisternelor, cu ilustraţia cursului complet al apelor prin sistem, ar fi facilitat înţelegerea procesului, cel puţin, pentru persoanele neiniţiate.

Capitolul al unsprezecelea, *Les bâtiments* („Clădirile") (p. 643-673), redactat de Gilles Touchais, conţine rezultatele cercetărilor arheologice cu privire la clădirile din perioada istorică, descoperite în incintă. Numărul lor total se ridică la puţin peste zece. Dintre acestea, clădirea „e" şi MZ sunt cele mai importante, după structura lor şi materialele depistate acolo. După dimensiuni, doar două depăşesc suprafaţa de 100 m² (P şi MZ) (p. 672). W. Volgraff a datat casa „e" în epoca arhaică, însă analiza celor şase pietre rămase de la zidurile acesteia *in situ* semnalează similitudinea lor cu blocurile de piatră din zidurile epocii elenistice. Abundenţa materialului elenistic în împrejurimi, cum ar fi vase cu vernis negru, cratere cu apucători-coloane ş.a. confirmă apartenenţa clădirii la această perioadă (p. 645-648). Locuinţele de la răscrucea sec. IV-III a. Chr. au integrat, în multe cazuri, ruinele zidurilor din Helladicul Mijlociu, ceea ce explică dispoziţia lor atipică. Clădirea MZ reprezintă un asemenea exemplu (p. 657-660). Aceasta este compusă din, cel puţin, opt camere, atâtea câte s-au dezvelit în limitele săpăturii, dintre care nr. 1 ar fi putut avea două nivele. Camera dată a furnizat aproximativ jumătate din materialul ceramic descoperit în această casă, ceea ce sugerează utilizarea ei pe post de depozit de tacâmuri, veselă de bucătărie etc. Artefactele găsite în zona caselor „e" şi MZ dovedesc că acestea au îndeplinit diferite funcţii. În cuprinsul clădirii „e" s-au colectat multe fragmente de cratere, o particularitate a locurilor unde se organizau banchete, pe când clădirea MZ a generat multă ceramică de bucătărie, fiind, probabil, folosită de militari şi/sau de muncitorii care au construit fortificaţiile (p. 672-673).

În capitolul al doisprezecelea, *La céramique des époques classique et hellénistique* („Ceramica epocilor clasică şi elenistică") (p. 675-770), semnat de Guy Ackermann, se discută recipientele acestor două epoci, confecţionate din ceramică. Majoritatea lor (aprox. 65% în baza fig. 12.1) provin din regiunea clădirii MZ şi datează din anii 325-290/280 a. Chr. Mai puţine fragmente aparţin epocii clasice şi sec. II-I a. Chr. Producţia regională de ceramică nu a fost studiată şi publicată satisfăcător, astfel încât este imposibilă determinarea provenienţei acesteia din atelierele din Argos sau din alte părţi ale Argolidei (p. 681). Cele mai multe analogii la vase le oferă descoperirile din apropiere, de exemplu, din Epidauros, Helleniko din

Thyreatida, Micene, Lerna ş.a. Numeric vorbind, categoriile vaselor de tip *skyphos* (36 unităţi) şi ale bolurilor (23 unităţi) au întâietatea, dar există o varietate înaltă – după formă şi funcţie – de recipiente: cratere, cupe, ulcioare, străchini, solniţe, *aryballoi*, bazine, vase pentru gătit (*chytrai*, *lopades*) ş.a. Iese în evidenţă un *skyphos* decorat cu godroane pe corp, cu o linie văluroasă verticală sub apucători şi ove sub buză, aducând aminte de toreutica aplicată pe metale preţioase (p. 689, 719, fig. 12.6/46). Un aspect atrăgător demonstrează şi un vas-crater cu apucători-coloane, de asemenea dotat cu decor din godroane verticale pe trunchi şi câteva registre, amplasate pe buză, pe gât şi pe diametrul maxim, cu motive vegetale, palmete, benzi incizate sau alternante (p. 722, fig. 12.9/66). În Argos continuă folosirea în Elenistic a craterelor cu apucători-coloane pentru amestecarea vinului cu apă, chiar dacă în locul lor de origine, Corintul, acestea dispăruseră deja de un secol (p. 691-692, 704). În acelaşi timp, artizanii locali au preluat tehnica West Slope, undeva la sfârşitul sec. IV a. Chr., înainte de Atena (p. 686-687), dând dovadă, astfel, atât de tendinţe conservatoare, cât şi de altele schimbătoare. Băutul din *skyphos* reflectă tradiţiile din Peloponez şi Corint, în contrast cu Atena, unde se foloseau cu precădere *kantharoi* în acest scop. O altă influenţă corintiană o constituie atestarea de *aryballos* de tip *blister ware* (p. 702-706). Pe colina Aspis, vasele de transport şi importurile reprezintă o raritate, denotând importanţa redusă pe sit a comerţului. În pofida acestui fapt, autorul conchide că nu există motive să credem că aşezarea din epoca elenistică a avut un caracter exclusiv militar, fiindcă se întâlnesc şi forme de vase de toaletă şi bijuterii, precum *lekanidele* şi *pixidele*, asociate, de obicei, cu femeile (p. 706-708).

Capitolul al treisprezecelea, *Les terres cuites architecturales d'époques classique et hellénistique* („Ceramica arhitecturală din epocile clasică şi elenistică") (p. 771-807), elaborat de Marie-Françoise Billot, reprezintă un început de studiu asupra ceramicii arhitecturale datate în cele două epoci, a cărui definitivare însă a fost împiedicată de decesul subit al autoarei. Catalogul ataşat se găseşte în stare completă şi conţine o ţiglă din sistemul corintian, 14 ţigle timbrate din sistemul laconian (cu timbrele ΑΡΓΕΙΩΝ, ΔΑΜΟΙΟΙ sau derivate), 8 ţigle laconiene cu inscripţii cursive şi alte 36 de piese fără timbru sau gravură.

Capitolul al paisprezecelea, *Metal finds from the Classical and Hellenistic periods* („Descoperirile metalice din epocile clasică şi elenistică") (p. 809-825), întocmit de Gudrun Klebinder-Gauss, continuă desfăşurarea rezultatelor cercetărilor asupra artefactelor descoperite arheologic, de data aceasta, limitându-se la piesele metalice datate în epoca clasică şi elenistică. Ele se împart în arme, cuie folosite în construcţie şi o greutate. Greutatea, proiectilul pentru praştie, fragmentul de virolă sunt din plumb, un vârf de săgeată a fost executat din bronz, pe când restul obiectelor sunt din fier. Cuiele nu prezintă caracteristici care ar permite datarea lor exactă, dar urmele lăsate de unelte indică întrebuinţarea lor în construcţie şi nu pot fi considerate drept părţi ale unor depuneri votive (p. 816). Cele mai numeroase vârfuri de săgeată sunt din categoria cu peduncul şi secţiunea pătrată, formă cunoscută încă de la sfârşitul epocii bronzului, dar care începe să fie confecţionată din fier în Grecia, începând din sec. V a. Chr. (p. 813).

Capitolul al cincisprezecelea, *Les ustensiles en terre cuite* („Ustensilele din lut") (p. 827-841), semnat de Caterina Martini şi Guy Ackermann, abordează uneltele de lut din perioada istorică, cu doar două categorii (greutăţi pentru războiul de ţesut şi bobine), ambele asociate cu confecţionarea şi prelucrarea textilelor. Preliminar vorbind, lâna nu se prelucra pe Aspis, fiindcă până acum nu s-au depistat fusaiole sau epinetre (p. 833). Masa greutăţilor oscilează de la 35 g la 403 g şi au o formă numită „biconică" în carte, chiar dacă baza este una tronconică, cu fundul plat sau concav, în mod excepţional – convex. Bobinele afişează o formă similară celeia din zilele noastre, unele piese posedând ornamente florale, imprimate pe unul dintre cele două discuri, de exemplu, o rozetă etc. Analogii pentru bobinele de pe Aspis s-au găsit în mai multe locuri, cum ar fi cele aproximativ 200 de piese din locuinţele de la Olynthus (p. 829) ş.a.m.d.

Capitolul al şaisprezecelea, *Les monnaies* („Monedele") (p. 843-852), elaborat de Catherine Grandjean, prezintă cele 19 monede antice descoperite în sit, majoritatea din bronz. Cea mai veche dintre ele reprezintă un triobol de argint din Egina (525-500 a. Chr.), iar cea mai târzie – o monedă locală de bronz, datată în aa. 250-175 a. Chr. în baza altor contexte arheologice, săpate de Şcoala Franceză din Atena. După locul baterii, monedele macedonene sunt cele mai apropiate de spaţiul nostru (emise de Filip al II-lea şi Alexandru cel Mare), la care se adaugă o monedă de bronz din Alopeconnesos (peninsula Gallipolli de astăzi),

pe aversul căreia apare capul lui Dionysos cu coroană de iederă, dublat de un kantharos, însoţit de un strugure şi literele A/Λ (în jurul lui 300 a. Chr.) (p. 847, fig. 16.1/J12). Monedele bătute în monetăriile locale deţin o proporţie minoritară în Argos (40%) faţă de piesele străine, situaţie reflectată şi pe colina Aspis. Acest fapt contrastează cu imaginea pe care ne-o oferă agora atenian㠹 unde 87% din descoperirile numismatice sunt de factură locală şi de Thasos, unde numărul lor se ridică la 90%. Pe Aspis, monedele argiene apar începând cu sfârşitul sec. IV a. Chr., spre deosebire de oraşul propriu-zis, unde emisiunile anterioare sunt bine reprezentate (p. 851).

Capitolul al şaptesprezecelea, *Séquence chronologique et nature de l'occupation du Ve au IIe siècle av J.-C.: essai de synthèse* („Secvenţa cronologică şi caracterul ocupaţiei din sec. V până în sec. II a. Chr.: încercare de sinteză") (p. 853-861), redactat de Sylvian Fachard, Gilles Touchais şi Guy Ackermann, oferă o reconstituire a evenimentelor şi proceselor care au afectat aşezarea de pe colina Aspis în a doua jumătate a mileniului I a. Chr. După abandonarea fortificaţiei helladice, primele lucrări defensive noi s-au efectuat abia în epoca clasică, care au constat din ridicarea de noi ziduri pe fundaţiile celor vechi. În a doua fază a epocii clasice, localnicii au integrat colina în sistemul defensiv al oraşului de jos, Argos, construind ziduri de rond între cele două obiective, fortificaţia de pe Aspis jucând rolul de *diateichisma* şi loc de refugiu, începând de atunci (p. 855). În epoca elenistică au avut loc lucrări extensive de refacere şi extindere a fortificaţiilor, care, la un moment dat, s-au stopat brusc, probabil, din cauza unei crize de ordin militar sau financiar, dovadă servind turnurile dezafectate. O aşezare permanentă poate fi confirmată doar pentru perioada anilor 330/325-290 a. Chr., autorii punând-o pe seama instalării în zonă a muncitorilor care au construit zidurile incintei, lucrări care, posibil, s-au prelungit de câteva ori în intervalul dat. După aceasta, a urmat, ipotetic vorbind, instalarea unor garnizoane străine, cum ar fi cele ale lui Casandru, alungat din Argos de Demetrios Poliorcetul în 303 a. Chr., sau cele ale lui Antigona, alungat în 280-279 a. Chr. Autorii notează că la începutul locuirii elenistice lipsea intenţia de a ocupa permanent colina, având în vedere calitatea joasă a clădirilor din incintă. La un moment dat însă, abordarea s-a schimbat, fiind aduse îmbunătăţiri (de exemplu, la casa MZ) şi amenajate cele două cisterne (p. 856-857). Activitatea pe colină devine sporadică după primul sfert al sec. III a. Chr. şi ţine până în jurul anului 50 a. Chr. Autorii consideră că, probabil, situl a continuat să fie utilizat în scopuri defensive (p. 860), dar nu ating problema stării de conservare a fortificaţiilor, în condiţiile în care zidurile de chirpici s-ar fi prăbuşit fără lucrări de întreţinere.

Concluzia generală (p. 863-864), formulată de Gilles Touchais, Anna Philippa-Touchais şi Sylvian Fachard, ne conturează o imagine de ansamblu asupra rezultatelor studiilor cuprinse în monografie – de la reconstituirea vieţii spirituale de pe colina Aspis, în epoca geometrică, la cea a structurilor defensive, ridicate în epoca elenistică. Autorii recunosc că acest volum nu a oferit răspunsurile la toate întrebările existente despre acest sit arheologic remarcabil, sarcina de a completa cunoştinţele despre el căzând pe umerii generaţilor viitoare.

Primul volum dedicat cercetărilor arheologice de pe colina Aspis a îndeplinit toate obiectivele pe care şi le-a propus şi a devenit o lucrare de referinţă pentru cei care doresc să-şi lărgească cunoştinţele despre trecutul istoric al Argos-ului. În raport cu spaţiul pruto-nistrean, fortificaţiile sitului ar putea servi la înţelegerea concepţiilor poliorcetice din spatele sistemelor defensive din epoca fierului, extinse dincolo de aşezarea fortificată propriu-zisă, cu suprafeţe mari nelocuite între ziduri, cum ar fi cele de la Butuceni sau Horodişte „La Cot". Monografia a ajuns în mâinile cititorului într-o stare editorială impecabilă, lipsită aproape complet de orice fel de erori, bogată în ilustraţii color şi albnegru şi scrisă erudit de arheologi specializaţi în materialele analizate. Interpretările îşi respectă propriile fire logice, în acelaşi timp, lăsând spaţiu pentru concluzii viitoare alternative, în condiţiile în care s-a operat cu multe necunoscute. Faptul că studiul reprezintă rodul unui colectiv de autori îi dă un caracter eclectic, cu posibile contradicţii, dar, în general, s-a păstrat coerenţa viziunii centrale, necesare unui proiect reuşit. Cataloagele detaliate şi bine-structurate reprezintă un ultim punct din şirul de calităţi ale monografiei asupra cărora merită atrasă atenţia.

03.11.2024

Dumitru Condrea, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-9799-7756, e-mail: dumitru.condrea@outlook.com

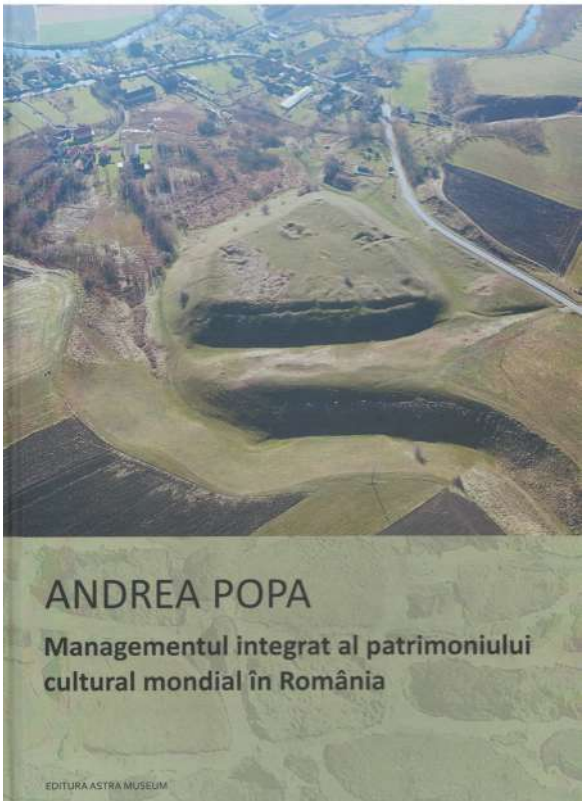
Andrea Popa,
MANAGEMENTUL INTEGRAT AL PATRIMONIULUI MONDIAL ÎN ROMÂNIA. Studiu de caz: Frontiera romană în Dacia. Siturile de epocă romană de la Brețcu, Comolău și Boroșneu Mare

Sibiu: Astra Museum, 2023, 279 p. ISBN 978-606-733-361-9

Volumul apărut cu sprijinul Ministerului Culturii din România, prin intermediul Programului Național „Limes", vizează o problemă actuală și complexă, cum este cea a managementului integrat al patrimoniului cultural. Eșantionul-model de valorificare a acestei probleme l-au constituit siturile de epocă romană de la Brețcu, Comolău și Boroșneul Mare, cercetate prin intermediul unei teze de doctorat, realizate și susținute de autoarea studiului la Universitatea „Valahia" din Târgoviște în anul 2023.

Ideea gestionării integrate a patrimoniului cultural se coagulează la autoarea volumului deja către anul 2013 în cadrul proiectului cultural „Managementul de proiect pentru patrimoniul imobil", finanțat de Administrația Fondului Cultural Național și coordonat de Muzeul Național al Carpaților Răsăriteni (Sf. Gheorghe, România), având în calitate de partener internațional Universitatea de Stat din Moldova. De acel proiect au beneficiat mai mulți studenți din Republica Moldova, o bună parte dintre care astăzi activează în instituții de învățământ sau de cultură. Sectoarele de interes științific ale autorului, la acel moment, erau constituite din subiecte legate de managementul comunicării și de marketingul patrimoniului imobil.

Pornind de la ideea susținută de P. Ionică în cadrul proiectului sus-numit că managementul patrimoniului cultural cuprinde identificarea, interpretarea, întreținerea și conservarea siturilor culturale și a bunurilor de patrimoniu, inclusiv a componentelor intangibile ale patrimoniului, cum sunt tehnicile și culturile tradiționale sau limbile, împreună cu cadrul natural sau antropic în care se află acestea[1], dr. Andrea Popa vine – peste 10 ani – cu propuneri de organizare a sistemului de management pentru întreg monumentul din lista



patrimoniului mondial UNESCO – Frontiera provinciei romane Dacia.

Volumul include un preambul, numit *Despre carte,* urmat de *Mulțumiri* celor care au contribuit prin resurse cognitive sau/și emotive la realizarea tezei de doctor și la apariția ulterioară a cărții. Textul propriu-zis cuprinde patru compartimente: *Introducere, Tipuri de situri romane componente ale limesului roman în Dacia din lista indicativă UNESCO, Studii de caz din arealul de cercetare propus, Managementul frontierelor romane din Europa, Stakeholderii patrimoniului mondial în România,* urmate de *Concluzii finale, Lista figurilor, Bibliografie, Abrevieri* și *Anexe*.

Partea introductivă demarează cu descrierea cadrului normativ internațional privind managementul patrimoniului, abordat prin reglementă-

[1] *Management integrat al patrimoniului imobil. Note de curs*. Sfântu Gheorghe, 2013, p. 3.

rile UNESCO şi agenda organizaţiei respective la începutul secolului XXI, iar la nivelul naţional al României – prin activitatea Comisiei Naţionale Limes (CNL). Lucrarea este concepută drept un ghid de bune practici pentru includerea Limesului roman din Dacia pe lista patrimoniului mondial UNESCO, obiectiv reflectat în studierea unor situri distincte ca tipologie şi administrare din jud. Covasna, segment reprezentativ al Limesului roman din Transilvania, şi anume: situl roman de la Breţcu, fortificaţia romană de la Comălău şi castrul roman de la Boroşneul Mare.

Conţinuturile compartimentului doi sunt argumentate prin necesitatea unei ilustraţii lărgite a componentelor limesului roman în Dacia şi reflecţia lor în limitele actualului judeţ Covasna, autoarea identificând în limitele entităţii administrative, cel puţin, un sit din fiecare categorie, chiar dacă subliniază că sistemul integrat al graniţelor Imperiului Roman a fost o noţiune foarte dinamică în timp. Părinte al teoriilor ştiinţifice de definire modernă a ceea ce a fost sistemul de graniţă a Imperiului Roman, pe bună dreptate, este considerat istoricul austriac Alfred von Domaszewski, ale cărui idei s-au perpetuat şi în cercetările unor savanţi români, precum C. Daicoviciu, Em. Panaitescu, D. Protase, Al. Suceveanu, N. Gudea ş.a. Structura analitică utilizată cuprinde sectoare bine formulate şi eşalonate, ancorate în recomandările UNESCO şi prevederile CNL. Autoarea ajunge la concluzia de reală valoare că elementele diferite ale siturilor pot aduce o plusvaloare în constituirea imaginii întregului monument, iar modalitatea optimă în elaborarea unui plan de management eficient este să se ia în considerare particularităţile tuturor părţilor componente ale sale. Urmează o descriere detaliată geografică, a istoricului cercetării, a stadiului cunoştinţelor actuale, justificarea înscrierii, zonele de protecţie, planul de management şi starea de conservare a celor trei situri arheologice care formează nucleul cercetării. Concluziile capitolului sunt definite prin trei determinative, şi anume: Accesibilitatea şi vizibilitatea, Infrastructura – drumuri şi legături şi Regimul de proprietate, care urmează să devină şi recomandări pentru CNL. Nu mai puţin valoroasă se dovedeşte a fi realizarea Planurilor de management al siturilor, care trebuie să se regăsească în analiza detaliată a fiecărei componente a Frontierei Imperiului Roman – Dacia. Accentul principal în aceste planuri urmează a fi pus pe asigurarea integrităţii siturilor, a modalităţilor de valorificare prin prisma gradului superior de protejare a sitului.

Compartimentul trei prezintă managementul frontierelor romane în ţările din Europa, realizat, la fel, prin abordări integrate, grupate în trei categorii, cu câte trei componente minimum necesare: trei elemente (cadrul legal, cadrul instituţional şi resurse), trei procese (planificare, implementare, monitorizare) şi trei tipuri de rezultate (outcomes, outputs şi îmbunătăţiri ale sistemului de management). Sunt prezentate *lecţiile învăţate* ale sistemelor de management din Marea Britanie şi Germania. În primul caz, ca obiect de analiză este managementul Zidului lui Hadrian, care a ajuns la un al şaselea plan de management pentru perioada 2020-2026, iar în cazul Germaniei, situl „Limesul provinciilor Germania Inferior şi Raetia”. Sunt prezentate realităţile, bunele practici şi lecţiile învăţate de colegii din cele două ţări europene, care pot servi ca modele de elaborare a planurilor de management şi de implementare a lor în practică. Pe bună dreptate, autoarea volumului menţionează despre existenţa unui element de ignorare din partea echipelor responsabile de proiecte realizate sub egida UNESCO faţă de comunităţile locale, atât faţă de administraţia locală, cât şi de populaţia de rând. Fenomenul nociv enunţat este valabil şi pentru realităţile din Republica Moldova.

Cazurile Marii Britanii şi al Germaniei au determinat-o pe autoarea lucrării să identifice *stakeholderii* patrimoniului mondial în România, prin *stakeholderi* înţelegându-se „părţile interesate”, autorul pledând pentru termenul în limba engleză ca fiind unul cu uz sporit în mediul persoanelor antrenate în management. Realităţile reglatorii apropiate ale României şi Republicii Moldova, pe de o parte, şi recomandările UNESCO, pe de altă parte, plasează partea metodologică a compartimentului respectiv pe postura unui manual sau a unei agende „nota bene” pentru responsabilii de politici în managementul monumentelor de cultură, în general, şi al siturilor arheologice, în particular. Textul analitic este completat cu instrumente vizuale grafice, care vin să-l accentueze, făcându-l mai comprehensiv. Comunicarea şi managementul, domenii în care autorul excelează, sunt puse în capul realizării activităţilor de promovare şi diseminare, de monitorizare şi evaluare a activităţilor care includ componente ale patrimoniului cultural.

Concluziile finale ale volumului vin să accentueze rolul planului de management ca parte integrantă obligatorie, definită prin Ghidurile operaţionale UNESCO pentru situri, care sunt văzute în listele acestei organizaţii – atât pentru cele care urmează să parcurgă evaluarea, cât şi pentru cele înscrise anterior. Planul de management este completat cu Fişe de analiză pentru fiecare sit, unde, pe lângă elementele comune, un aspect esenţial îl deţin şi cele ce formează diferenţe, fără a omite implicarea comunităţilor locale şi transparenţa în toate activităţile *stakeholderi*-lor.

Volumul se încheie cu o listă a celor 73 de figuri în limbile engleză şi română, o Bibliografie relativ modestă pentru problemele prezentate, aşezată pe 7 pagini, şi anexele care cuprind: Propunerea de fişă de sit pentru dosarul de înscriere a Limesului roman din Dacia pe lista monumentelor patrimoniului mondial UNESCO – *Situl roman de la Breţcu*; Propunerea de fişă de sit pentru dosarul de înscriere a Limesului roman din Dacia pe lista monumentelor patrimoniului mondial UNESCO – *Fortificaţia romană de la Comolău*; Propunerea de fişă de sit pentru dosarul de înscriere a Limesului roman din Dacia pe lista monumentelor patrimoniului mondial UNESCO – *Castrul roman de la Boroşneul Mare*. Rezumatul în limba engleză vine să reflecte principalele conţinuturi şi concluzii enunţate pe paginile volumului.

Lucrarea excelează în analize performante atât pe palierul managementului, cât şi pe cel tehnic cu caracter arheologic. Imaginile de calitate înaltă, realizate în culori, vin să completeze şi să accentueze afirmaţiile şi concluziile autorului. Conţinuturile, concluziile şi recomandările enunţate pe paginile volumului trebuie tratate cu deosebită atenţie, în special, de instituţiile responsabile din România, dar şi din Republica Moldova, în gestiunea celor din urmă aflându-se, pe lângă multe altele, şi cele două situri de o valoare deosebită, dar foarte puţin valorificate, – Valul lui Traian de Sus şi de Jos. Chiar dacă problema autoratului şi încadrării cronologice a Valurilor lui Traian încă provoacă discuţii în istoriografie, managementul integrat al siturilor din linia limesului roman din Dacia poate deveni un model viabil şi uşor de adaptat la realităţile privind gestiunea Valurilor lui Traian din Republica Moldova.

01.10.2024

Dr. Sergiu Matveev, Universitatea de Stat din Moldova, str. A. Mateevici, 60, MD-2009 Chişinău, Republica Moldova, https://orcid.org/0000-0001-8515-2852, e-mail: sssmatveev@yahoo.com

Lista abrevierilor

AARMSI	Analele Academiei Române. Memoriile Secţiunii Istorice. Academia Română, Bucureşti
ActaMM	Acta Moldaviae Meridionalis. Anuarul Muzeului Judeţean Vaslui, Vaslui
ActaMN	Acta Musei Napocensis. Muzeul Naţional de Istorie a Transilvaniei, Cluj-Napoca
AIIAX	Anuarul Institutului de Istorie şi Arheologie „A.D. Xenopol”, Iaşi
AIMSR	Arhiva Istorico-militară de Stat din Rusia, Sankt Petersburg
AISR	Arhiva Istorică de Stat din Rusia
AISRL	Arhiva Istorică de Stat a regiunii Leningrad
AMC	Arhiva Ministerului Culturii
ANRM	Arhiva Naţională a Republicii Moldova
AO	Arhivele Olteniei, Craiova
Apulum	Apulum. Buletinul Muzeului Regional Alba-Iulia, Alba-Iulia
ArhMold	Arheologia Moldovei. Institutul de Arheologie, Iaşi
ASRO	Arhiva de Stat din regiunea Odesa
AUB	Analele Universităţii Bucureşti, Bucureşti
Basarabia	Basarabia, Chişinău
BOR	Biserica Ortodoxă Română, nr. 8, 1903
BNRM	Biblioteca Naţională a Republicii Moldova
BBR	Buletinul Bibliotecii Române, Freiburg
BDA	Buletinul de Documentare Arhivistică, Bucureşti
BRM	Bibliografia Românească Modernă
Byzantinobulgarica	Byzantinobulgarica, Sofia
CA	Cercetări arheologice, Bucureşti
Candela Moldovei	Candela Moldovei. Institutul cultural-misionar „Trinitas”, Iaşi
Carpica	Carpica. Muzeul de Istorie şi Artă, Bacău
CI	Cercetări Istorice, Iaşi
Cugetul	Cugetul. Revistă de istorie şi cultură, Chişinău
Cumidava	Cumidava. Muzeul judeţean Braşov, Braşov
Datini	Datini. Revistă de cultură, Bucureşti
Destin Românesc	Destin Românesc. Revistă de istorie şi cultură, Chişinău-Bucureşti
Destin Românesc s.n.	Destin Românesc. Serie Nouă. Revistă de istorie şi cultură, Chişinău
FIASRO	Filiala din Ismail a Arhivei de Stat din regiunea Odesa
Magazin bibliologic	Magazin bibliologic, Biblioteca Naţională a Republicii Moldova, Chişinău
Marisia	Marisia. Studii şi materiale, Târgu Mureş
Mitropolia Olteniei	Mitropolia Olteniei, Craiova
MNAIM	Muzeul Naţional de Arheologie şi Istorie a Moldovei
MNIM	Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei
Ortodoxia	Ortodoxia. Revista Patriarhiei Române, Bucureşti
Peuce	Peuce. Institutul de Cercetări Eco-Muzeale, Tulcea
Pyretus	Pyretus, Ungheni
Revista arheologică	Revista arheologică. Institutul de Arheologie şi Istorie Veche, Chişinău

Revista arheologică S.N.	Revista arheologică S.N. Institutul Patrimoniului Cultural, Chişinău
Revista Arhivelor	Revista Arhivelor. Direcţia Generală a Arhivelor Statului, Bucureşti
Revista Bistriţei	Revista Bistriţei. Muzeul Judeţean Bistriţa-Năsăud
Revista de etnologie	Revista de etnologie, Chişinău
Revista de filosofie	Revista de filosofie, Bucureşti
Revista de istorie	Revista de Istorie, Bucureşti
Revista de istorie a Moldovei	Revista de istorie a Moldovei, Chişinău
Revista Muzeelor	Revista Muzeelor, Bucureşti
RRH	Revue Roumaine d'Histoire, Bucarest
SCIV(A)	Studii şi cercetări de istorie veche (şi arheologie), Bucureşti
Tibiscus	Tibiscus. Muzeul Banatului, Timişoara
Tyragetia	Tyragetia. Muzeul Naţional de Istorie a Moldovei, Chişinău
Viaţa Basarabiei	Viaţa Basarabiei, Chişinău
Ziridava	Ziridava. Muzeul judeţean Arad, Arad
Богословские Труды	Богословские Труды. Московская патриархия, Москва
ВИ	Вопросы истории, Москва
ЕАИВЕ	Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы
Етнография на България	Етнография на България, София
ЖМВД	Журнал Министерства Внутренних Дел (СПб.)
КЕВ	Кишиневские Епархиальные Ведомости, Кишинев
Киевская старина	Киевская старина, Киев
КСИЭ	Краткие сообщения Института Этнографии АН СССР, Москва
ПСЗРИ	Полное Собрание Законов Российской Империи
РА	Российская Археология, Москва
Русский Вестник	Русский Вестник, Москва
СЭ	Советская этнография, Москва
Труды ГИКМ	Труды Государственного Историко-Краеведческого Музея, Кишинев
УЗКГУ	Ученые Записки Кишиневского Государственного Университета (Кишинев)
Ученые записки	Ученые записки Института истории, языка и литературы Молдавского филиала АН СССР
ЗООИД	Записки Одесского Общества Истории и Древностей

Condiţiile de publicare în revista „Tyragetia”

Stimaţi colegi,

Revista prevede publicarea studiilor arheologice, istorice, muzeografice, rezultatele cercetărilor ştiinţelor interdisciplinare în domeniul arheologico-istoric, ocrotirea patrimoniului.

Articolele şi alte tipuri de lucrări ştiinţifico-muzeografice vor reflecta din punct de vedere geografic spaţiul balcanico-carpato-pontic şi teritoriile limitrofe.

Articolele pot fi prezentate în limbile română, rusă, engleză, germană, franceză.

Toate materialele prezentate spre publicare urmează a fi recenzate de membrii Colegiului de redacţie, precum şi de alţi specialişti în domeniu.

În cazul unui aviz negativ, Colegiul de redacţie nu este obligat să comenteze decizia sa.

Volumul manuscriselor nu va depăşi 100 mii caractere (aproximativ 2,5 c.a.), inclusiv bibliografia, rezumatele şi ilustraţiile. Textul lucrărilor trebuie prezentat în formă de manuscris şi în format electronic: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5.*

Articolele trebuie să fie însoţite de un rezumat în trei limbi: română; rusă; engleză (germană sau franceză).

Planşele (ilustraţiile), în format A4, se vor prezenta în formă grafică clară, cu numerotarea poziţiei fiecărui obiect. Materialul ilustrativ trebuie să fie însoţit de o lista a planşelor cu o legendă exhaustivă (tradusă şi în limbile rezumatului). Planşele (TIF, JPG – nu mai puţin de 300 dpi) şi lista lor (*Microsoft Word*) se vor prezenta şi în format electronic.

Notele bibliografice se prezintă în original în textul manuscrisului: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Explicaţiile, comentariile, precum şi referinţele la fonduri de arhivă, muzee etc. se vor face la subsolul paginii.

Bibliografia se prezintă în ordine alfabetică, la sfârşitul textului.

Modul de citare a monografiilor:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).
Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Modul de citare a articolelor publicate în culegeri de lucrări ştiinţifice:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.
Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Modul de citare a lucrărilor publicate în ediţii periodice (reviste, anuare etc):

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.
Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Modul de citare a materialelor publicate în volumele simpozioanelor şi conferinţelor ştiinţifice:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.
Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

În cazul utilizării unor prescurtări în text, precum şi în bibliografie, se anexează o listă de abrevieri.

La sfârşitul textului se anexează date despre autor: numele, prenumele; gradul ştiinţifico-didactic; funcţia; instituţia; adresa; telefon, fax, e-mail.

Anual, termenul de prezentare a materialelor este 1 martie

The following conditions for publishing in the „Tyragetia" journal will apply

Dear Colleagues,

The journal provides publications on various aspects of archaeology, history, museology, results of scientific researches in interdisciplinary sciences in the field of archeology and history, protection of cultural heritage.

Contributions and other types of scientific-museological works should reflect the Balkan-Carpathian-Pontic regions and the neighboring territories from the geographic point of view.

Contributions should be submitted in Romanian, Russian, English, German and French.

All material presented for publication will follow review by the Editorial Board members and other specialists.

The Board is not obliged to comment negative reviews.

The volume of the manuscripts shouldn't exceed 100,000 signs, (approximately 2,5 ens), including bibliography, summaries and illustrations. The texts of the contributions should be submitted in the form of manuscripts and in electronic format: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Articles should be accompanied by a summary in three languages: Romanian, Russian, English (German or French).

Illustrations should be provided in A-4 format with all the objects supplied by numbers. The tables themselves should be numbered; a complete list of the tables should be offered and accompanied by relevant information (translated in the language of the summary).Tables (TIF, JPG - not less than 300 dpi) and lists (*Microsoft Word)* of illustrations should be provided in electronic format.

Bibliographical notes in the text of the manuscript should be presented in the original: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Bibliography should be provided at the end of a contribution in the alphabetical order.

Monographs:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Кїив 1974).

Samples of articles published in scientific collections:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Articles published in journals:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Contributions to conference proceedings:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Кїив, 1968), Кїив 1972, 106-110.

If abbreviations are used, a list of them should be provided.

Personal data about the author should be provided at the end of the text: name, surname; academic degree; function; institution; address; phone and fax numbers and e-mail.

The deadline for contributions to be published: 1 March

Условия для публикации в журнале «Tyragetia»

Уважаемые коллеги,

В журнале будут опубликованы научные статьи по археологии, истории, музеологии, результаты междисциплинарных научных исследований в этих областях, а также работы по охране культурного наследия.

Статьи и другие типы научно-музееведческих работ должны отражать территорию балкано-карпато-понтийского региона и соседние территории.

Статьи могут быть представлены на румынском, русском, английском, немецком и французском языках.

Материалы представленные к публикации, рецензируются членами редакционной коллегии, а также другими специалистами.

Коллегия не обязана комментировать негативные рецензии.

Объем рукописи не должен превышать 100.000 знаков (примерно 2,5 авторских листа), включительно библиография, резюме и иллюстрации. Тексты статей должны быть представлены в виде рукописи и в электронном формате: *Microsoft Word*; *Times New Roman; Font size 12; Space 1,5*.

Статьи должны сопровождаться резюме на трех языках: румынском, русском, английском (немецком или французском).

Иллюстрации (таблицы) в формате А4 должны быть представлены в четкой графической форме с указанием номера каждого предмета. Иллюстрации должны сопровождаться списком таблиц с полной информацией (переведенным на языках резюме).

Таблицы (TIF, JPG- не менее 300 dpi) и списки (*Microsoft Word*) иллюстраций должны быть представлены в электроном формате.

Библиографические сноски представляются в тексте рукописи в оригинале согласно следующим критериям: (Teodor 2005, 172, fig. 7/4-6; Müller 1953, 123, Abb. 15/4-6; Петров 1999, 15, рис. 3/4-6).

Библиография должна быть дана в конце текста статьи, в алфавитном порядке.

Примеры для монографий:

Boardman 1988: J. Boardman, Grecii de peste mări. Colonizarea greacă şi comerţul timpuriu (Bucureşti 1988).

Козуб 1974: Ю.І. Козуб, Некрополь Ольвії V-IV ст. до н.е. (Київ 1974).

Примеры для работ, опубликованных в сборниках:

Behren 2005: Claudia von Behren, Sklaven und Freigelassene auf bosporanischen Grabreliefs. In: (Ed. V. Cojocaru) Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest (Iaşi 2005), 167-194.

Ванчугов 1981: В.П. Ванчугов, Поселение позднего бронзового века Ялпуг-IV в Нижнем Подунавье. В сб.: (Отв. ред. П.О. Карышковский) Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья (Киев 1981), 91-102.

Примеры для работ, опубликованных в периодических изданиях:

Postică 2005: Gh. Postică, Complexul monumental din piatră din secolul XV descoperit în citadela Orheiului Vechi. Revista Arheologică S.N. I, 2, 2005, 371-387.

Рехо 1973: М. Рехо, Атическа рисувана керамика в тракийския погребален контекст. Наблюдения върху съдовете, открити в България. Археология 31, 2, 1973, 11-19.

Примеры для работ, опубликованных в материалах конференций и семинаров:

Trohani 2004: G. Trohani, Aspects concernant des rituels de fondation chez les geto-daces. Tracians and circumpontics world. Proceedings of the Ninth International Congress of Thracology, Chişinău-Vadul lui Vodă, 6-11 september 2004, II, Chişinău 2004, 332-337.

Бибикова 1972: В.И. Бибикова, О доместикации лошади на Юго-Востоке Европы. Матеріали XIII конференції Інституту археології АН УРСС (Київ, 1968), Київ 1972, 106-110.

Если в статьи использованы сокращения, тогда список сокращений прилагается.

В конце текста статьи прилагается также краткая информация об авторе: фамилия, имя, ученая степень, должность и место работы, адрес, телефон, факс, e-mail.

Ежегодно последний срок представления рукописей 1 марта

BONS

Casa Editorial-Poligrafică Bons Offices SRL
Chişinău, str. Feredeului 4/6, MD-2005
Tel./fax: +37322 50 08 94
Tel.: +37322 50 08 95, +37322 27 66 44
E-mail: bons@bons.md